

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

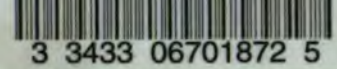
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 06701872 5

* QDM

Владиміръ Короленко.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

[Кн. I.]

1) Въ дурномъ обществѣ. — 2) Сонъ Макара. — 3) Лѣсъ шумитъ. — 4) Въ ночь подъ свѣтлымъ праздникомъ. — 5) Въ поделѣдственномъ отдѣленіи. — 6) Старый звонарь. — 7) Очеркъ сибирскаго туриста. — 8) Соколинецъ.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., собств. домъ.

1898.

10325

ВЪ ДУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятели.)

10325

ВЪ ДУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятели.)

I.

Развалины.

...Моя мать умерла, когда мнѣ было шесть лѣтъ. Отецъ, весь отдавшись своему горю, какъ будто совсѣмъ забылъ о моемъ существованіи. Порой онъ ласкалъ мою маленькую сестру и по-своему заботился о ней, потому что въ ней были черты матери. Я же росъ какъ дикое деревцо въ полѣ, — никто не окружалъ меня особенною заботливостью, но никто и не стѣснялъ моей свободы.

Мѣстечко, гдѣ мы жили, называлось Княжье-Вѣно или, проще, Княжь-Городокъ. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и представляло всѣ типическія черты любого изъ мелкихъ городовъ Юго-западнаго края, гдѣ, среди тихо струящейся жизни тяжелаго труда и мелко-суетливаго еврейскаго гешефта, доживаютъ свои печальные дни жалкіе остатки гордаго папскаго величія.

Если вы подѣзжаете къ мѣстечку съ востока, вамъ

прежде всего бросается въ глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшеніе города. Самый городокъ раскинулся внизу надъ сонными, заплѣсневѣвшими прудами, и къ нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиціонною «заставой». Сонный инвалидъ, поружѣлая на солнцѣ фигура, олицетвореніе безмятежной дремоты, лѣниво поднимаетъ шлагбаумъ и—вы въ городѣ, хотя быть-можетъ не замѣчаете этого сразу. Сѣрые заборы, пустыри съ кучами всякаго хлама понемногу перемежаются съ подслѣповатыми, ушедшими въ землю «хатками». Далѣе широкая площадь зяуетъ въ разныхъ мѣстахъ темными воротами еврейскихъ «заѣзжихъ домовъ»; казенныя учрежденія наводятъ уныніе своими бѣлыми стѣнами и казарменно-ровными линиями. Деревянный мостъ, перекинутый черезъ узкую рѣчушку, крихтитъ, вздрагивая подъ колесами, и шатается, точно дряхлый старикъ. За мостомъ потянулась еврейская улица съ магазинами, лавками, лавчонками, столами евреевъ-мѣняль, сидящихъ подъ зонтами на тротуарахъ, и съ навѣсами калачницъ. Вонь, грязь, кучи ребятъ, ползающихъ въ уличной пыли. Но вотъ еще минута и—вы уже за городомъ. Тихо шепчутся березы надъ могилами кладбища, да вѣтеръ волнуетъ хлѣба на нивахъ и звенитъ унылою, безконечною пѣсней въ проволокахъ придорожнаго телеграфа.

Рѣчка, черезъ которую перекинуть упомянутый мостъ, вытекала изъ пруда и впадала въ другой. Такимъ образомъ, съ сѣвера и юга городокъ ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды годъ отъ году ме-

лѣли, заростали зеленью, и высокіе густые камыши вѣновались, какъ море, на громаднѣхъ болотахъ. Посрединѣ одного изъ прудовъ находился островъ. На островѣ—старый, полуразрушенный замокъ.

Я помню, съ какимъ страхомъ я смотрѣлъ всегда на это величавое дряхлое зданіе. О немъ ходили преданія и рассказы одинъ другого страшнѣе. Говорили, что островъ насыпанъ искусственно, руками плѣнныхъ турокъ. «На костяхъ человѣческихъ стоитъ старое замчище», передавали старожилы, и мое дѣтское испуганное воображеніе рисовало подъ землей тысячи турецкихъ скелетовъ, поддерживающихъ костлявыми руками островъ съ его высокими пирамидальными тополями и старымъ замкомъ. Отъ этого, понятно, замокъ казался еще страшнѣе, и даже въ ясные дни, когда, бывало, ободренные свѣтомъ и громкими голосами птицъ, мы подходили къ нему поближе, онъ нерѣдко наводилъ на насъ припадки паническаго ужаса,—такъ страшно глядѣли на насъ черныя впадины давно выбитыхъ оконъ; въ пустыхъ залахъ ходилъ таинственный шорохъ: камешки и штукатурка, отрываясь, падали внизъ, будя гулкое эхо, и мы бѣжали безъ оглядки, а за нами долго еще стояли стукъ, и топоть, и гоготанье.

А въ бурныя осеннія ночи, когда гиганты-тополи качались и гудѣли отъ налетавшаго изъ-за прудовъ вѣтра, ужасъ разливался отъ стараго замка и царилъ надъ всѣмъ городомъ. «Ой вей-мир!» пугливо произносили евреи; богобоязненные старья мѣщанки крестились, и даже нашъ ближайшій сосѣдь, кузнецъ, отрицавшій са-

мое: существованіе бѣсовской силы, выходя въ эти часы на свой дворикъ, творилъ крестное знаменіе и шепталъ про себя молитву объ упокоеніи усопшихъ.

Старый, сѣдобородый Янушъ, за неимѣніемъ квартиры пріютившійся въ одномъ изъ подваловъ замка, рассказывалъ намъ неоднократно, что въ такія ночи онъ явственно слышалъ, какъ изъ-подъ земли послысь крики. Турки начинали возиться подъ островомъ, стучали косями и громко укоряли пановъ въ жестокости. Тогда въ залахъ стараго замка и вокругъ него на островѣ бряцало оружіе, и паны громкими криками сзывали гайдуковъ. Янушъ слышалъ совершенно явственно, подъ ревъ и завываніе бури, топотъ коней, звяканье сабель, слова команды. Однажды онъ слышалъ даже, какъ покойный прадедъ нынѣшнихъ графовъ, прославленный на вѣчныя вѣки своими кровавыми подвигами, выѣхалъ, стуча копытами своего аргамака, на середину острова и неистово ругался: «Молчите тамъ, лайдаки, пся вяря!»

Потомки этого графа давно уже оставили жилище предковъ. Бѣольшая часть дукатовъ и всякихъ сокровищъ, отъ которыхъ прежде ломились сундуки графовъ, перешла за мостъ, въ еврейскія лачуги, и послѣдніе представители славнаго рода выстроили себѣ провадическое бѣлое зданіе на горѣ, подальше отъ города. Тамъ протекало ихъ скучное, но все же торжественное существованіе въ презрительно-величавомъ уединеніи. Изрѣдка только старый графъ, такая же мрачная развалина, какъ и замокъ на островѣ, появлялся въ городѣ на своей старой англійской клячкѣ. Рядомъ съ нимъ, въ черной амазонкѣ,

величавая и сухая, проѣзжала по городскимъ улицамъ его дочь, а сзади почтительно слѣдовалъ шталмейстеръ. Величественной графинѣ суждено было навсегда остаться дѣвой. Равные ей по происхожденію женихи, въ погонѣ за деньгами купеческихъ дочекъ за границей, малодушно разсѣялись по свѣту, оставивъ родовые замки или продавъ ихъ на сломъ жидамъ, а въ городишкѣ, разстилавшемся у подножія ея дворца, не было юноши, который бы осмѣлился поднять свои взоры на красавицу-графиню. Завидѣвъ этихъ трехъ всадниковъ, мы, малые ребята, какъ стая птицъ, снимались съ мягкой уличной пыли и, быстро разсѣявшись по дворамъ, испуганно-любопытными глазами слѣдили за мрачными владѣльцами страшнаго замка.

Въ западной сторонѣ, на горѣ, среди истлѣвшихъ крестовъ и провалившихся могилъ, стояла давно заброшенная уніатская часовня. Это была родная дочь разстилавшагося въ долинѣ собственно обывательскаго города. Нѣкогда въ ней собирались, по звону колокола, горожане въ чистыхъ, хотя и не роскошныхъ «кунтупахъ», съ палками въ рукахъ, вмѣсто сабель, которыми гремѣла мелкая «шляхта», тоже являвшаяся на зовъ звонкаго уніатскаго колокола изъ окрестныхъ деревень и хуторовъ.

Отсюда былъ виденъ островъ и его темные громадныя тополи, но замокъ сердито и презрительно закрылся отъ часовни густою зеленью, и только въ тѣ минуты, когда юго-западный вѣтеръ вырывался изъ-за камышей и налеталъ на островъ, тополи гулко качались и

изъ-за нихъ проблескивали окна, и замокъ, казалось, кидаль на часовню угрюмые взгляды. Теперь и онъ, и она были трупы. У него глаза потухли и въ нихъ не сверкали отблески вечерняго солнца; у нея кое-гдѣ провалилась крыша, стѣны осыпались и, вмѣсто гужаго, съ высокимъ тономъ, мѣднаго колокола, совы заводили въ ней по ночамъ свои зловѣщія пѣсни.

Но старая, историческая рознь, раздѣлявшая нѣкогда гордый панскій замокъ и мѣщанскую униатскую часовню, продолжалась и послѣ ихъ смерти: ее поддерживали копошившіеся въ этихъ дряхлыхъ трупахъ черви, занимавшіе удѣлѣвшіе углы подземелья, подвалы. Этими могильными червями умершихъ зданій были люди.

Было время, когда старый замокъ служилъ даровымъ убѣжищемъ всякому бѣдняку безъ малѣйшихъ ограпиченій. Все, что не находило себѣ мѣста въ городѣ, всякое выскочившее изъ колеи существованіе, потерявшее, по той или другой причинѣ, возможность платить хотя бы и жалкіе гроши за кровъ и уголь на ночь и въ непогоду, — все это тянулось на островъ и тамъ, среди мрачныхъ, грозившихъ паденіемъ развалинъ, преклоняло свои побѣдныя головушки, платя за гостепрѣимство лишь рискомъ быть погребенными подъ грудями стараго мусора. «Живеть въ замкѣ» — эта фраза стала формулой для выраженія крайней степени нищеты и гражданскаго паденія. Старый замокъ радушно принималъ и покрывалъ и перекатную голь, и временно обнищавшаго писца, и сиротливыхъ старушекъ, и безродныхъ бродягъ. Всѣ эти существа терзали внутренности дряхлаго зданія, обламы-

вая потолки и полы, топили печи, что-то варили, чѣмъ-то питались, — вообще, отправляли неизвѣстнымъ образомъ свои жизненныя функціи.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившагося подъ кровомъ сѣдыхъ руинъ, возникло раздѣленіе, пошли раздоры. Тогда старый Янушъ, бывшій нѣкогда однимъ изъ мелкихъ графскихъ «оффиціалістовъ», выхлопоталъ себѣ нѣчто вродѣ владѣтельной хартіи и узурпировалъ бразды правленія. Онъ приступилъ къ преобразованіямъ, и нѣсколько дней на островѣ стоялъ такой шумъ, раздавались такіе вопли, что по временамъ казалось, ужъ не турки ли вырвались изъ подземныхъ темницъ, чтобъ отомстить угѣснителямъ-панамъ. Это Янушъ сортировалъ населеніе развалинъ, отдѣляя овецъ отъ козлищъ. Овцы, оставшіяся по-прежнему въ замкѣ, помогали Янушу изгонять несчастныхъ козлищъ, которые упирались, выказывая отчаянное, но бесполезное сопротивленіе. Когда, наконецъ, при молчаливомъ, но, тѣмъ не менѣе, довольно существенномъ содѣйствіи будочника, порядокъ вновь водворился на островѣ, то оказалось, что переворотъ имѣлъ рѣшительно аристократическій характеръ. Янушъ оставилъ въ замкѣ только «добрыхъ христіанъ», т. е. католиковъ, и, притомъ, преимущественно бывшихъ слугъ или потомковъ слугъ графскаго рода. Это были все какіе-то старики въ потертыхъ скуртукахъ и «чамаркахъ», съ громадными сяними носами и суковатыми палками, — старухи крикливыя и безобразныя, но сохранившія на послѣднихъ ступеняхъ обнищанія свои капоры и салоны.

Всѣ они составили однородный, тѣсно сплоченный аристократическій кружокъ, взявшій какъ бы монополію признаннаго нищенства. Въ будни эти старики и старухи ходили, съ молитвой на устахъ, по домамъ болѣе зажиточныхъ горожанъ и средняго мѣщанства, разнося сплетни, жалуясь на судьбу, проливая слезы и клянча, а по воскресеньямъ они же составляли почетнѣйшихъ лицъ изъ той публики, что длинными рядами выстраивалась около костеловъ и величественно принимала подачки во имя «папа Иисуса» и «панна Богоматери».

Привлеченные шумомъ и криками, которые во время этой революціи неслись съ острова, я и нѣсколько моихъ товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, какъ Янушъ, во главѣ цѣлой арміи красноносыхъ старцевъ и безобразныхъ мегеръ, гналъ изъ замка послѣднихъ, подлежащихъ изгнанію, жильцовъ. Наступилъ вечеръ. Туча, нависшая надъ высокими вершинами тополей, уже сыпала дождикомъ. Какія-то несчастныя темныя личности, запахиваясь изорванными до-пельзя лохмотьями, испуганныя, жалкія и сконфуженныя, совались по острову, точно кроты, выгнанные изъ норъ мальчишками, старался вновь незамѣтно шмыгнуть въ какое-нибудь изъ отверстій замка. Но Янушъ и мегеры съ крикомъ и ругательствами гоняли ихъ отовсюду, угрожая кочергами и палками, а въ сторонѣ стоялъ молчаливый будочникъ, тоже съ увѣсистю дубиной въ рукахъ, сохранявшій вооруженный нейтралитетъ, очевидно, дружественный торжествующей партіи. И несчастныя темныя личности

по-неволю, понурясь, скрывались за мостомъ. навсегда оставляя островъ, и одна за другой тонули въ слякотномъ сумракѣ быстро спускавшагося вечера.

Съ этого памятнаго вечера и Янушъ, и старый замокъ, отъ котораго прежде вѣяло на меня какимъ-то смутнымъ величіемъ, потеряли въ моихъ глазахъ всю свою привлекательность. Бывало я любилъ приходить на островъ и хотя издали любоваться его сѣрыми стѣнами и замшоною старою крышей. Когда на зарѣ изъ него выползали разнообразныя фигуры, зѣвавшія, каплявшія и крестившіяся на солнце, я и на нихъ смотрѣлъ съ какимъ-то уваженіемъ, какъ на существа облеченныя тою же таинственностью, которою былъ окутанъ весь замокъ. Они спятъ тамъ ночью, они слышатъ все, что тамъ происходитъ, когда въ огромныя залы сквозь выбитыя окна заглядываетъ луна или когда въ бурю въ нихъ врывается вѣтеръ. Я любилъ слушать, когда, бывало, Янушъ, усѣвшись подъ тополями, съ болтливостью 70-лѣтняго старика, начиналъ рассказывать о славномъ прошломъ умершаго зданія. Передъ дѣтскимъ воображеніемъ вставали, оживая, образы прошедшаго и въ душу вѣяло величавою грустью и смутнымъ сочувствіемъ къ тому, чѣмъ жили нѣкогда понурья стѣны, и романтическія тѣни чужой старины пробѣгали въ юной душѣ, какъ пробѣгаютъ въ вѣтряный день легкія тѣни облаковъ по свѣтлой зелени чистаго поля.

Но съ того вечера и замокъ, и его бардъ явились передо мной въ повомъ свѣтѣ. Встрѣтивъ меня на дру-

гой день вблизи острова, Янушъ сталъ зазывать меня къ себѣ, увѣряя съ довольнымъ видомъ, что теперь «сынъ такихъ почтенныхъ родителей» смѣло можетъ посѣтить замокъ, такъ какъ найдетъ въ немъ вполне порядочное общество. Онъ даже привелъ меня за руку къ самому замку, но тутъ я со слезами вырвалъ у него свою руку и пустился бѣжать. Замокъ сталъ мнѣ отвратителенъ. Окна въ верхнемъ этажѣ были заколочены, а низъ находился во владѣніи капоровъ и салоповъ. Старухи выползали оттуда въ такомъ непривлекательномъ видѣ, льстили мнѣ такъ приторно, ругались между собой такъ громко, что я искренно удивлялся, какъ это строгій покойникъ, усмиравшій турокъ въ бурныя ночи, могъ терпѣть этихъ старухъ въ своемъ сосѣдствѣ. Но главное — я не могъ забыть холодной жестокости, съ которою торжествующіе жильцы замка гнали своихъ несчастныхъ сожителей, а при воспоминаніи о темныхъ личностяхъ, оставшихся безъ крова, у меня сжималось сердце.

Какъ бы то ни было, на примѣрѣ стараго замка я узналъ впервые истину, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. Великое въ замкѣ поросло плутомъ и павиликой, а смѣшное казалось мнѣ отвратительнымъ, слишкомъ рѣзало дѣтскую воспримчивость, такъ какъ иронія этихъ контрастовъ была мнѣ еще недоступна.

II.

Проблематическія натуры.

Нѣсколько ночей послѣ описаннаго переворота на островѣ городъ провелъ очень безпокойно: лаяли собаки, скрипѣли двери домовъ, и обыватели, то и дѣло выходя на улицу, стучали палками по заборамъ, давая кому-то знать, что они бодрствуютъ. Городъ зналъ, что по его улицамъ въ ненастной тьмѣ дождливой ночи бродятъ люди, которымъ голодно и холодно, которые дрожать и мокнуть; понимая, что въ сердцахъ этихъ людей способны зародиться въ отношеніи къ нему лишь жестокія чувства, городъ насторожился и навстрѣчу этимъ чувствамъ высылалъ лишь угрозу. А ночь, какъ нарочно, спускалась на землю среди холоднаго ливня и уходила, оставляя надъ землею низко бѣгушія тучи. И вѣтеръ бушевалъ среди ненастья, качая верхушки деревьевъ, стуча ставнями и напѣвая мнѣ въ моей постели о десяткахъ людей, лишенныхъ тепла и крова.

Но вотъ весна окончательно восторжествовала надъ послѣдними порывами зимы, солнце высушило землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бездомные скитальцы куда-то схлынули. Собачій лай по ночамъ угомонился, обыватели перестали стучать по заборамъ, и жизнь города, сонная и однообразная, пошла своею колеей. Горячее іюньское солнце, выкатываясь на небо, жгло пыльные улицы, загоняя подъ навѣсы юркихъ сыновъ Израиля, торговавшихъ въ городскихъ лавкахъ: «факторы» лѣниво валялись на

солнопекѣ, зорко выглядывая проѣзжающихъ и «гешэфты»; скрипъ чиновничьихъ перьевъ слышался въ открытыя окна присутственныхъ мѣстъ; по утрамъ городскія дамы сновали съ корзинками по базару, а подѣ вечеръ важно выступали подѣ руку со своими благовѣрными, подымая уличную пыль пышными шлейфами. Старики и старухи изъ замка чинно ходили по домамъ своихъ покровителей, не нарушая общей гармоніи. Обыватель охотно призналъ ихъ право на существованіе, находя совершенно основательнымъ, чтобы кто-нибудь получалъ милостыню по субботамъ, а обитатели стараго замка получали ее вполнѣ респектабельно.

Только несчастные изгнанники не нашли и теперь въ городѣ своей колеи. Правда, они не слонялись по улицамъ ночью; говорили, что они нашли пріютъ гдѣ-то на горѣ, около уніатской часовни, но какъ они ухитрились пристроиться тамъ, никто не могъ сказать въ точности. Всѣ видѣли только, что съ той стороны, съ горъ и овраговъ, окружавшихъ часовню, спускались въ городъ по утрамъ самыя невѣроятныя и подозрительныя фигуры, которыя въ сумерки удалялись въ томъ же направленіи. Своимъ появленіемъ онѣ возмущали тихое и дремливое теченіе городской жизни, выдѣляясь на сѣренькомъ фонѣ мрачными пятнами. Обыватели косились на нихъ съ враждебною тревогой; онѣ, въ свою очередь, окидывали обывательское существованіе безпокойно-внимательными взглядами, отъ которыхъ многимъ становилось жутко. Эти фигуры нисколько не походили на ари-

стократических нищихъ изъ замка,—городъ ихъ не признавалъ, да онѣ и не просили признанія; ихъ отношенія къ городу имѣли чисто-боевой характеръ: онѣ предпочитали ругать обывателя, чѣмъ льстить ему, — брать самимъ, чѣмъ выпрашивать. Онѣ или жестоко страдали отъ преслѣдованій, если были слабы, или заставляли страдать обывателей, если обладали нужною для этого силой. Притомъ, какъ это случается нерѣдко, среди этой оборванной и темной толпы несчастливцевъ встрѣчались лица, которыя по уму и талантамъ могли бы сдѣлать честь избраннѣйшему обществу замка, но по ужились въ немъ и предпочли демократическое общество униатской часовни. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ были отмѣчены чертами глубокаго трагизма.

До сихъ поръ я помню очень живо, какъ весело грототала улица, когда по ней проходила согнутая, унылая фигура стараго «профессора». Это было тихое, угнетенное идиотизмомъ существо, въ старой фризовой шинели, въ шапкѣ съ огромнымъ козырькомъ и почернѣвшею кокардой. Ученое званіе, какъ кажется, было присвоено ему вслѣдствіе смутнаго преданія, будто гдѣ-то и когда-то онъ былъ гувернеромъ. Трудно себѣ представить существо болѣе безобидное и смирное. Обыкновенно онъ тихо бродилъ по улицамъ, повидимому, безъ всякой опредѣленной цѣли, съ тусклымъ взглядомъ и понуренною головой. Досужіе обыватели знали за нимъ два качества, которыми пользовались въ видахъ жестокаго развлечения. «Профессоръ» вѣчно бормоталъ что-то про себя, но ни одинъ человѣкъ не могъ разобрать въ этихъ рѣчахъ ни

слова. Онѣ лились точно журчаніе мутнаго ручейка, и при этомъ тусклые глаза глядѣли на слушателя, какъ бы стараясь вложить въ его душу неуловимый смыслъ длинной рѣчи. Его можно было завести какъ машину; для этого любому изъ долговязыхъ «факторовъ», дремавшихъ на улицахъ, стоило подозвать къ себѣ старика и предложить какой-либо вопросъ. Профессоръ покачивалъ головой, вдумчиво вперивъ въ слушателя свои выпвѣтшіе глаза, и начиналъ бормотать что-то до безконечности грустное. При этомъ слушатель могъ спокойно уйти или хотя бы заснуть, и все же, проспавшись, онъ увидѣлъ бы надъ собой печальную, темную фигуру, все такъ же тихо бормочущую непонятныя рѣчи. Но, само по себѣ, это обстоятельство не составляло еще ничего особенно интереснаго. Главный эффектъ уличныхъ верзилъ былъ основанъ на другой чертѣ профессорскаго характера: несчастный не могъ равнодушно слышать упоминанія о рѣжущихъ и колющихъ орудіяхъ. Поэтому, обыкновенно, въ самый разгаръ непонятной элоквенціи, слушатель, вдругъ поднявшись съ земли, вскрикивалъ рѣвкимъ голосомъ: «Ножи, ножницы, иголки, булавки!» Тогда бѣдный старикъ, такъ внезапно пробужденный отъ своихъ мечтаній, взмахивалъ руками, точно подстрѣленная птица, испуганно озирался и хватался за грудь. О, сколько страданій остаются непонятными долговязымъ факторамъ лишь потому, что страдающій не можетъ внушить представленія о нихъ посредствомъ здороваго удара кулакомъ! А бѣдняга-профессоръ только озирался съ глубокою тоской, и невыразимая мука слы-

шалась въ его голосѣ, когда, обращая къ мучителю свои тусклые глаза, онъ говорилъ, судорожно царапая пальцами по груди:

— За сердце... за сердце крючкомъ!... за самое сердце!...

Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что этими криками у него истерзано сердце, но, повидимому, это-то именно обстоятельство и способно было нѣсколько развлечь досужаго и скучающаго обывателя. И бѣдный профессоръ торопливо удалялся, еще ниже опуская голову, точно опасаясь удара; а за нимъ гремѣли раскаты довольнаго смѣха и досужіе обыватели выскакивали на улицу, а въ воздухѣ, точно удары кнута, хлестали все тѣ же крики: «Ножи, ножницы, иголки, булавки!»

Надо отдать справедливость изгнанникамъ изъ замка: они крѣпко стояли другъ за друга, и если на толпу, преслѣдовавшую профессора, налеталъ въ это время съ двумя-тремя оборванцами панъ Туркевичъ или въ особности отставной штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, то многихъ изъ этой толпы постигала жестокая кара. Штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, обладавшій громаднымъ ростомъ, сизо-багровымъ носомъ и свирѣпо выкаченными глазами, давно уже объявилъ открытую войну всему живущему, не признавая ни перемирій, ни нейтралитетовъ. Всякій разъ послѣ того, какъ онъ натыкался на преслѣдуемаго профессора, долго не смолкали его бранные крики; онъ носился тогда по улицамъ подобно Тамерлану, уничтожая все, попадавшееся на пути грознаго шествія; такимъ образомъ онъ практиковалъ еврейскіе погромы, задолго до ихъ возникновенія, въ широкихъ размѣрахъ;

попадавшихъ ему въ плѣнь евреевъ онъ всячески истязалъ, а надъ еврейскими дамами совершалъ гнусности, пока, наконецъ, экспедиція браваго штыкъ-юнкера не кончалась на сѣзжей, куда опъ неизмѣнно водворялся послѣ жестокихъ схватокъ съ бутарями, причѣмъ обѣ стороны проявляли не мало геройства.

Другую фигуру, доставлявшую обывателямъ развлеченіе зрѣлищемъ своего несчастія и падепія, представлялъ отставной и совершенно спившійся чиновникъ Лавровскій. Обыватели помнили еще недавнее время, когда Лавровскаго величали не иначе, какъ «пань-писарь», когда опъ ходилъ въ виць-мундирѣ съ мѣдными пуговицами, повязывая шею восхитительными цвѣтными платочками. Вѣроятно, это обстоятельство только придавало болѣе пикаптности зрѣлищу его настоящаго положенія. Переворотъ въ жизни папа Лавровскаго совершился быстро: для этого стоило только пріѣхать въ Княжьѣ-Вѣно блестящему драгунскому офицеру, который прожилъ въ городѣ всего двѣ недѣли, но въ это время успѣлъ побѣдить и увезти съ собою бѣлокурую панну, дочь богатаго трактирщика. Съ тѣхъ поръ обыватели ничего не слыхали о красавицѣ Аннѣ, такъ какъ она навсегда исчезла съ ихъ горизонта. А Лавровскій остался со всѣми своими цвѣтными платочками, но безъ надежды, которая скрашивала раньше жизнь мелкаго чиновника. Теперь онъ уже давно не служить. Гдѣ-то въ маденькомъ мѣстечкѣ осталась его семья, для которой опъ былъ нѣкогда надеждой и опорой; но теперь опъ ни о чемъ не заботился. Въ рѣдкія трезвыя минуты жизни онъ быстро проходилъ по

улицамъ, потупаясь и ни на кого не глядя, какъ бы подавляемый стыдомъ собственнаго существованія, ходилъ опъ оборванный, грязный, обросшій длинными, нечесанными волосами, выдѣляясь сразу изъ толпы и привлекая всеобщее вниманіе; но самъ онъ какъ будто не замѣчалъ никого и ничего не слышалъ. Изрѣдка только онъ кидалъ безумные взгляды, въ которыхъ отражалось недоумѣніе: чего хотятъ отъ него эти чужіе и незнакомые ему люди? Чтѣ онъ имъ сдѣлалъ и почему они такъ упорно преслѣдуютъ его своими насмѣшками? Порой, въ минуты этихъ проблѣсковъ сознанія, когда до слуха его долетало имя панны съ бѣлокурою косою, въ сердцѣ его поднималось бурное бѣшенство; глаза Лавровскаго загорались мрачнымъ пламенемъ на блѣдномъ лицѣ, и онъ со всѣхъ ногъ кидался навстрѣчу толпѣ, которая быстро разбѣгалась. Подобныя вспышки, хотя и очень рѣдкія, странно подзадоривали любопытство скучающаго бездѣлья; немудрено поэтому, что когда Лавровскій, потупаясь, проходилъ по улицамъ, слѣдовавшая за нимъ толпа, безуспѣшно старавшаяся вывести его изъ апатіи, начинала съ досады швырять въ него грязью и каменьями.

Когда же Лавровскій бывалъ пьянъ, то какъ-то упорно выбиралъ темные углы подъ заборами, никогда не просыхавшія лужи и тому подобныя экстраординарныя мѣста, гдѣ онъ могъ разсчитывать, что его не замѣтятъ. Тамъ онъ садился, вытянувъ длинныя ноги и свѣсивъ на грудь свою побѣдную головушку. Уединеніе и водка вызывали въ немъ приливъ откровенности, желаніе излить тяжелое горе, угнетающее душу, и онъ начиналъ безконеч-

ныя повѣствованія о своей молодой загубленной жизни. При этомъ онъ обращался къ сѣрымъ столбамъ стараго забора, къ березкѣ, снисходительно шептавшей что-то надъ его головой, къ сорокамъ, которыя съ бабьимъ любопытствомъ подскакивали къ этой мрачной, слегка только копошившейся фигурѣ.

Если кому-либо изъ насъ, малыхъ ребятъ, удавалось выслѣдить его въ этомъ положеніи, мы тихо окружали его и слушали съ замираніемъ сердечнымъ длинныя и ужасающіе рассказы. Волосы становились у насъ дыбомъ и мы со страхомъ смотрѣли на блѣднаго чловѣка, обвинявшаго себя во всевозможныхъ преступленіяхъ. Если вѣрить собственнымъ словамъ Лавровскаго, онъ убилъ родного отца, вогналъ въ могилу мать, заморилъ сестеръ и братьевъ. Мы не имѣли причинъ не вѣрить этимъ ужаснымъ признаніямъ; насъ только удивляло то обстоятельство, что у Лавровскаго было, повидому, нѣсколько отцовъ, такъ какъ одному онъ пронзалъ мечомъ сердце, другого изводилъ медленнымъ ядомъ, третьяго топилъ въ какой-то пучинѣ. Мы слушали, объятые ужасомъ и участіемъ, пока языкъ Лавровскаго, все болѣе заплетавшійся, не отказывался, наконецъ, произносить членсраздѣльные звуки и благодѣтельный сонъ прекращалъ покаянныя изліянія. Взрослые смѣялись надъ нами, говоря, что все это враки, что родители Лавровскаго умерли своею смертью, отъ голода и болѣзней. Но мы, чуткими ребячьими сердцами, слышали въ его стонахъ вопли искренней скорби и, принимая аллегоріи несчастнаго буквально, были, все-таки, бли-

же къ истинному пониманію этой трагически - свихнувшейся жизни.

Когда голова Лавровскаго опускалась еще ниже и из горла слышался храпъ, прерываемый нервными всхлипываніями, — маленькія дѣтскія головки наклонялись тогда надъ несчастнымъ. Мы внимательно вглядывались въ его лицо, слѣдили за тѣмъ, какъ тѣни преступныхъ дѣяній пробѣгали по немъ и во снѣ, какъ нервно сдвигались брови и губы сжимались въ жалостную, почти подѣтски плачущую гримасу.

— Убью! — вскрикивалъ онъ вдругъ, чувствуя во снѣ безпредметное безпокойство отъ нашего присутствія, и тогда мы кидались врозь испуганною стаей.

Случалось, что, въ такомъ положеніи соняго, его заливало дождемъ, засыпало пылью, а нѣсколько разъ, осенью, даже буквально заносило снѣгомъ; и если онъ не погибъ преждевременною смертію, то этимъ, безъ сомнѣнія, былъ обязанъ заботамъ о своей грустной особѣ другихъ, подобныхъ ему, несчастливцевъ, и, главнымъ образомъ, заботамъ веселаго пана Туркевича, который, сильно пошатываясь самъ, разыскивалъ его, тормозилъ, ставилъ на поги и уводилъ съ собою.

Панъ Туркевичъ принадлежалъ къ числу людей, которые, какъ самъ онъ выражался, не дадутъ себѣ плевать въ кашу, и въ то время, какъ профессоръ и Лавровскій пассивно страдали, Туркевичъ являлъ изъ себя особу веселую и благополучную во многихъ отношеніяхъ. Начать съ того, что, не справляясь ни у кого объ утвержденіи, онъ сразу произвелъ себя въ генералы и

требовалъ отъ обывателей соотвѣтствующихъ этому званію почестей. Такъ какъ никто не смѣлъ оспаривать его права на этотъ титулъ, то вскорѣ папъ Туркевичъ совершенно проникся и самъ вѣрой въ свое величіе. Выступалъ онъ всегда очень важно, грозно насунивъ брови и обнаруживая во всякое время полную готовность сокрушить кому-нибудь скулы, что, повидимому, считалъ необходимѣйшею прерогативой генеральскаго званія. Если же по временамъ его беззаботную голову посѣщали на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія, то, изловивъ на улицѣ перваго встрѣчнаго обывателя, онъ грозно спрашивалъ:

— Кто я по здѣшнему мѣсту, а?

— Генераль Турковичъ!— смиренно отвѣчалъ обыватель, чувствовавшій себя въ затруднительномъ положеніи, и тогда Туркевичъ немедленно отпускалъ его, величественно покручивая усы.

— То-то же!

А такъ какъ при этомъ онъ умѣлъ еще совершенно особеннымъ образомъ шевелить своими тараканьими усами и былъ неистощимъ въ прибауткахъ и островахъ, то не удивительно, что его постоянно окружала толпа досужихъ слушателей и ему были даже открыты двери лучшей «ресторациі», въ которой собирались за бильярдомъ пріѣзжіе помѣщики. Если сказать правду, бывали нерѣдко случаи, когда папъ Туркевичъ вылеталъ оттуда съ быстротой человѣка, котораго подталкиваютъ сзади не особенно церемонно; но случаи эти, объяснявшіеся неуваженіемъ помѣщиковъ къ остроумію, не ока-

звали вліянія на общее настроеніе Туркевича; поэтому веселая самоувѣренность составляла нормальное его состояніе, также какъ и постоянное опьянѣніе.

Послѣднее обстоятельство составляло второй источникъ его благополучія,—ему достаточно было одной рюмки, чтобы зарядиться на весь день. Объяснялось это огромнымъ количествомъ выпитой уже Туркевичемъ водки, которая превратила его кровь въ какое-то водочное сусло; генералу теперь достаточно было поддерживать это сусло на извѣстной степени концентраціи, чтобы оно играло и бурлило въ немъ, окрашивая для него міръ въ радужныя краски.

За то, если, по какой-либо причинѣ, дня три генералу не перепало ни одной рюмки, онъ испытывалъ тогда невыносимыя муки. Сначала онъ впадалъ въ меланхолію и малодушіе; всѣмъ было извѣстно, что въ такія минуты грозный генералъ становился безпомощнѣе ребенка, и тогда многіе спѣшили выместить на немъ свои обиды. Его били, оплевывали, закидывали грязью, а онъ даже не старался избѣгать поношеній; онъ только ревѣлъ во весь голосъ и слезы градомъ катились у него изъ глазъ по уныло обвисшимъ усамъ. Бѣдняга обращался ко всѣмъ съ просьбой убить его, мотивируя это желаніе тѣмъ обстоятельствомъ, что ему все равно придется помереть «собачьей смертью подъ заборомъ». Тогда всѣ отъ него отступались;—было что-то въ голосѣ и въ лицѣ генерала, что заставляло самыхъ лрыхъ изъ его ненавистниковъ поскорѣе удалиться, чтобы не видѣть этого лица, не слышать голоса человѣка, на ко-

роткое время приходившаго къ сознанию своего ужаснаго положенія. Тогда съ генераломъ опять происходила перемѣна; онъ становился ужасенъ: глаза лихорадочно загорались, щеки вваливались, короткіе волосы подымались на головѣ; онъ впадалъ въ изступленіе: быстро поднявшись на ноги, онъ ударялъ себя въ грудь и торжественно отправлялся по улицамъ, оповѣщая всѣхъ громкимъ голосомъ:

— Иду!... Какъ Іеремія, иду обличать нечестивыхъ!

Это было сигналомъ, обѣщавшимъ интересное зрѣлище съ обличительною подкладкой. Можно сказать съ увѣренностью, что панъ Туркевичъ въ такія минуты съ большимъ успѣхомъ выполнялъ всѣ функціи невѣдомой въ нашемъ городишкѣ гласности; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если самые солидные и занятые граждане бросали обыденныя дѣла и примыкали къ толпѣ, сопровождавшей новоявленнаго пророка, или хотя издали слѣдили за его похождениями. Обыкновенно онъ прежде всего направлялся къ дому секретаря уѣзднаго суда и открывалъ передъ его окнами нѣчто вродѣ судебного засѣданія; выбравъ изъ толпы подходящихъ актеровъ, изображающихъ истцовъ и отвѣтчиковъ, онъ самъ говорилъ за нихъ рѣчи и самъ же отвѣчалъ имъ, подражая съ большимъ искусствомъ голосу и манерѣ обличаемаго. Такъ какъ при этомъ онъ всегда умѣлъ придать своему спектаклю интересъ современности, намекая на какое-нибудь всѣмъ извѣстное дѣло, и такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ большой знатокъ судебной процедуры, то немудрено, что въ самомъ скоромъ времени изъ дома

секретаря выбѣгала кухарка, что-то совала Туркевичу въ руку и быстро скрывалась, отбиваясь отъ любезностей генеральской свиты. Генераль, получивъ даяніе, злобно хохоталъ и, съ торжествомъ размахивая ассигнаціей, отправлялся въ ближайшій кабакъ.

Оттуда, утоливъ нѣсколько жажду, онъ велъ своихъ слушателей къ домамъ «подсудковъ», видоизмѣняя репертуаръ соотвѣтственно обстоятельствамъ. А такъ какъ каждый разъ онъ получалъ перспективную плату, то натурально, что грозный тонъ постепенно смягчался, глаза изступленнаго пророка умасливались, усы закручивались кверху и представленіе отъ обличительной драмы переходило къ веселому водевилю. Кончалось оно обыкновенно передъ домомъ исправника Коца. Это былъ добродушнѣйшій изъ градоправителей, обладавшій двумя небольшими слабостями: во-первыхъ, онъ красилъ свои сѣдые волосы черною краской и, во-вторыхъ, питалъ пристрастіе къ толстымъ кухаркамъ, полагаясь во всемъ остальномъ на волю Божию и на добровольную обывательскую «благодарность». Подойдя къ исправницкому дому, выходявшему фасомъ на улицу, Туркевичъ весело подмигивалъ своимъ спутникамъ, кидалъ кверху картузъ и объявлялъ громогласно, что здѣсь живетъ не начальникъ, а родной его, Туркевича, отецъ и благодѣтель.

Затѣмъ онъ устремлялъ свои взоры на окна и ждалъ послѣдствій. Послѣдствія эти были двоякаго рода: или немедленно же изъ парадной двери выбѣгала толстая и румяная Матрена съ милостивымъ подаркомъ отъ отца и благодѣтеля, или же дверь оставалась закрытою, въ

окнѣ кабинета мелькала сердитая старческая фѣзіономія, обрамленная черными, какъ смоль, волосами, а Матрѣпа тихонько, задами, прокрадывалась на сѣзжую. На сѣзжей имѣлъ постоянное мѣстожителство бутарь Микита, замѣчательно набившій руку именно въ обращеніи съ Туркевичемъ. Опъ тотчасъ же флегматически откладывалъ въ сторону сапожную колодку и подымался со своего сидѣнья.

Между тѣмъ, Туркевичъ, не видя пользы отъ диорамбовъ, понемногу и осторожно начиналъ переходить къ сатирѣ. Обыкновенно онъ начиналъ сожалѣніемъ о томъ, что его благодѣтель считаетъ зачѣмъ-то нужнымъ красить свои почтенныя сѣдины сапожною ваксой. Затѣмъ, огорченный полнымъ невниманіемъ къ своему краснорѣчію, онъ возвышалъ голосъ, подымалъ тонъ и начиналъ громить благодѣтеля за плачевный примѣръ, подаваемый гражданамъ незаконнымъ сожитіемъ съ Матреной. Дойдя до этого щекотливаго предмета, генераль терялъ уже всякую надежду на примиреніе съ благодѣтелемъ и потому воодушевлялся истиннымъ краснорѣчіемъ негодованія. Къ сожалѣнію, обыкновенно, на этомъ именно мѣстѣ рѣчи происходило неожиданное постороннее вмѣшательство: въ окно высовывалось желтое и сердитое лицо Коца, а сзади Туркевича подхватывалъ съ замѣчательною ловкостью подкравшійся къ нему Микита. Никто изъ слушателей не пытался даже предупредить оратора объ угрожавшей ему опасности, ибо артистическіе приемы Микиты вызывали всеобщій восторгъ. Генераль, прерванный на полусловѣ, вдругъ какъ-

то странно мелькалъ въ воздухѣ, опрокидывался спиной на спину Микиты—и черезъ нѣсколько секундъ дюжій бутарь, слегка согнувшійся подъ своею ношею, среди оглушительныхъ криковъ толпы, спокойно направлялся къ кутузкѣ. Еще минута, черная дверь съѣзжей раскрылась, какъ мрачная пасть, и генераль, безпомощно болтавшій ногами, торжественно скрывался во мракѣ кутузки. Неблагодарная толпа кричала Микитѣ «ура» и медленно расходилась.

Кромѣ этихъ выдѣлявшихся изъ ряда личностей, около часовни ютилась еще теплая масса жалкихъ оборванцевъ, появленіе которыхъ на базарѣ производило всегда большую тревогу среди торговкоу, слѣшившихъ прикрыть свое добро руками, подобно тому, какъ прикрываютъ насѣдки своихъ птенцовъ, когда въ небѣ покажется коршунъ. Ходили слухи, что эти жалкія личности, окончательно лишеныя всякихъ ресурсовъ со времени изгнанія изъ замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочимъ, мелкимъ воровствомъ въ городѣ и окрестностяхъ. Основывались эти слухи, главнымъ образомъ, на той безспорной посылкѣ, что человекъ не можетъ существовать безъ пищи; а такъ какъ почти всѣ эти темныя личности, такъ или иначе, отбились отъ обычныхъ способовъ ея добыванія и были оттерты счастливыми изъ замка отъ благъ мѣстной филантропіи, то отсюда слѣдовало неизбѣжное заключеніе, что имъ было необходимо воровать или умереть. А такъ какъ онѣ не умерли, то... самый фактъ ихъ существованія обращался въ доказательство ихъ преступнаго образа дѣйствій.

Если только это была правда, то несомненнымъ являлось также и то, что организаторомъ и руководителемъ сообщества не могъ быть никто другой какъ панъ Тыбурцій Драбъ, самая замѣчательная личность изъ всѣхъ проблематическихъ натуръ, не ужившихся въ старомъ замкѣ.

Происхожденіе Драба было покрыто мракомъ самой таинственной неизвѣстности. Люди, одаренные сильнымъ воображеніемъ, приписывали ему аристократическое имя, которое онъ покрылъ позоромъ и потому принужденъ былъ скрыться, при чемъ участвовалъ будто бы въ подвигахъ знаменитаго Кармелюка. Но, во-первыхъ, для этого онъ былъ еще не достаточно старъ, а во-вторыхъ, наружность пана Тыбурція не имѣла въ себѣ ни одной аристократической черты. Роста онъ былъ высокаго; сильная сутуловатость какъ бы говорила о бремени вынесенныхъ Тыбурціемъ несчастій; крупныя черты лица были грубо-выразительны. Короткіе, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкій лобъ, нѣсколько выдававшая впередъ нижняя челюсть и сильная подвижность личныа мускуловъ придавали всей фізіономіи что-то обезьянье; но глаза, сверкавшіе изъ-подъ нависшихъ бровей, смотрѣли какъ-то упорно и мрачно и въ нихъ свѣтились, вмѣстѣ съ лукавствомъ, острая пронипательность, энергія и недюжинный умъ. Въ то время, какъ на его лицѣ смѣнялся цѣлый калейдоскопъ гримасъ, эти глаза сохраняли постоянно одно выраженіе, отчего мнѣ всегда бывало какъ-то безотчетно-жутко смотрѣть на гаерство этого страннаго человѣка.

Руки пана Тыбурція были грубы и покрыты мозолями,

большія ноги ступали по-мужичьи. Въ виду этого, общее мнѣніе обывателей не признавало за нимъ аристократическаго происхожденія, и самое большее, что соглашалось допустить, это—званіе двороваго человѣка какого-нибудь изъ знатныхъ пановъ. Но тогда опять встрѣчалось затрудненіе: какъ объяснить его феноменальную ученость, которую всѣ признавали единогласно? Да и трудно было не признать очевиднаго факта, такъ какъ не было кабака во всемъ городѣ, въ которомъ бы панъ Тыбурцій, въ назиданіе собиравшихся въ базарные дни хохловъ, не произносилъ, стоя на бочкѣ, цѣлыхъ рѣчей изъ Цицерона, цѣлыхъ главъ изъ Ксенофонта. Хохлы разѣвали рты и поталкивали другъ друга локтями, а панъ Тыбурцій, возвышаясь въ своихъ лохмотьяхъ надъ всею толпой, громилъ Катилину или описывалъ подвиги Цезаря, или коварство Митридата. Хохлы, вообще надѣленные отъ природы богатою фантазіей, умѣли какъ-то впадать свой собственный смыслъ въ эти одушевленные, хотя и непонятныя рѣчи, и когда, ударяя себя въ грудь и сверкая глазами, онъ обращался къ нимъ со словами: «*Patres conscripti!*»—они тоже хмурились и говорили другъ другу: .

— Ото-жь, вражій сынъ, якъ лается!

Когда же затѣмъ панъ Тыбурцій, поднявъ глаза къ потолку, начиналъ декламировать длиннѣйшіе латинскіе періоды,—усатые слушатели слѣдили за нимъ съ боязливымъ и жалостнымъ участіемъ. Имъ казалось тогда, что душа декламатора витаетъ гдѣ-то въ невѣдомой странѣ, гдѣ говорятъ не по-христіански, а по отчаянной жести-

куляціи оратора они заключали, что ее тамъ встрѣчаютъ какія-то горестныя приключенія. Но наибольшаго напряженія достигало это участливое вниманіе, когда панъ Тыбурцій, закативъ глаза и поводя одними бѣлками, принималъ аудиторію продолжительною скандовкой *Virgiliä* или Гомера. Его голосъ звучалъ тогда такими глухими, загробными раскатами, что сидѣвшіе по угламъ и наиболѣе подверженные вліянію жидовской горилки слушатели опускали головы, свѣшивали длинныя, подстриженныя спереди «чуприны» и начинали всхлипывать:

— О-охъ матиньки, та и жалобно-жь, хай ему бись!— и слезы капали у нихъ изъ глазъ и обильно стекали по длиннымъ усамъ.

Нѣтъ поэтому ничего уливительнаго, что, когда ораторъ внезапно соскакивалъ съ бочки и разражался веселымъ хохотомъ, омраченныя лица хохловъ вдругъ прояснялись и руки тянулись къ карманамъ широкихъ штановъ за мѣдяками. Обрадованные благополучнымъ окончаніемъ трагическихъ экскурсій пана Тыбурція, хохлы поили его водкой, обнимались съ нимъ и надѣляли его деньгами.

Въ виду такой учености, пришлось построить новую гипотезу о происхожденіи этого чудака, которая бы болѣе соответствовала изложеннымъ фактамъ. Помирились на томъ, что панъ Тыбурцій былъ нѣкогда дворовымъ мальчишкой какого-то графа, который послалъ его, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, въ школу отцовъ-іезуитовъ, собственно на предметъ чистки сапоговъ молодого папича. Оказалось, однако, что въ то время, какъ молодой графъ вос-

принималъ преимущественно удары трехвостной «дисциплины» святыхъ отцовъ, его лакей перехватилъ всю мудрость, которая назначалась для головы его барина.

Вслѣдствіе окружавшей Тыбурція тайны, въ числѣ другихъ профессій ему приписывали также отличныя свѣдѣнія по части колдовскаго искусства. Если на поляхъ, примыкавшихъ волнующимся моремъ къ послѣднимъ лачугамъ предмѣстья, появлялись вдругъ колдовскія «закруты», то никто не могъ вырвать ихъ съ большею безопасностью для себя и жнецовъ, какъ панъ Тыбурцій. Если зловѣщій «пугачъ» *) прилеталъ по вечерамъ на чью-нибудь крышу и громкими криками накликалъ туда смерть, то опять приглашали Тыбурція, и онъ съ большимъ успѣхомъ прогонялъ зловѣщую птицу поученіями изъ Тита Ливія.

Никто не могъ бы также сказать, откуда у пана Тыбурція явились дѣти, а между тѣмъ фактъ, хотя и никакъ не объясненный, стоялъ на-лицо... даже два факта: мальчикъ лѣтъ семи, но рослый и развитой не по лѣтамъ, и маленькая трехлѣтняя дѣвочка. Мальчика панъ Тыбурцій привелъ или, вѣрнѣе, принесъ съ собой съ первыхъ дней, какъ явился самъ на горизонтѣ нашего города. Что же касается дѣвочки, то, повидимому, онъ отлучался, чтобы приобрести ее, на нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенно неизвѣстныя страны.

Мальчикъ, по имени Валекъ, высокій, тонкій, черно-волосый, угрюмо шатался иногда по городу безъ особен-

---

*) Фининъ.

наго дѣла, заложивъ руки въ карманы и кидая по сторонамъ взгляды, смущавшіе сердца калачницъ. Дѣвочку видѣли только одинъ или два раза на рукахъ пана Тыбурція, а затѣмъ она куда-то исчезла и гдѣ находилась, никому не было извѣстно.

Поговаривали о какихъ-то подземельяхъ на уніатской горѣ, около часовни, и такъ какъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ такъ часто проходила съ огнемъ и мечомъ татарщина, гдѣ нѣкогда бушевала панская «сваволя» (своеволие) и правили кровавую расправу удалцы-гайдамаки, подобныя подземелья очень нерѣдки, то всѣ вѣрили этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь жила же гдѣ-нибудь вся эта толпа темныхъ несчастливцевъ. А они обыкновенно подъ вечеръ исчезали именно въ направленіи къ часовнѣ. Туда своею сонною походкой ковылялъ профессоръ, шагаль рѣшительно и быстро панъ Тыбурцій; туда же Туркевичъ, пошатываясь, провожалъ свирѣпаго и безпомощнаго Лавровскаго; туда уходили подъ вечеръ, утопая въ сумеркахъ, другія темныя личности, и не было храбраго человѣка, который бы рѣшился слѣдовать за ними по глинистымъ обрывамъ. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурною славою. На старомъ кладбищѣ, во мракѣ осеннихъ ночей, загорались синіе огни, а въ часовнѣ сычи кричали такъ пронзительно и звонко, что отъ криковъ проклятой птицы даже у безстрашнаго кузнеца сжималось сердце.

III.

Я и мой отецъ.

— Плохо, молодой человекъ, плохо! — говорилъ мнѣ перѣѣдо старый Янушъ изъ замка, встрѣчая меня на улицахъ города въ свѣтъ пана Туркевича или среди слушателей пана Драба.

И старикъ качалъ при этомъ своею сѣдою бородой.

— Плохо, молодой человекъ, — вы въ дурномъ обществѣ!... Жаль, очень жаль сына почтенныхъ родителей!

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя мать, а сумрачное лицо отца стало еще мрачнѣе, меня очень рѣдко видѣли дома. Въ поздніе лѣтніе вечера я прокрадывался по саду, какъ молодой волчонокъ, избѣгая встрѣчи съ отцомъ, отворялъ посредствомъ особыхъ приспособленій свое окно, полузакрытое густою зеленью сирени, и тихо ложился въ постель. Если маленькая сестренка еще не спала въ своей качалкѣ въ сосѣдней комнатѣ, я подходилъ къ ней, и мы тихо ласкали другъ друга и играли, стараясь не потревожить сонъ ворчливой старой няньки.

А утромъ, чуть свѣтъ, когда въ домѣ всѣ еще спали, я уже прокладывалъ росистый слѣдъ въ густой, высокой травѣ сада, перелѣзалъ черезъ заборъ и шелъ къ пруду, гдѣ меня ждали съ удочками такіе же сорванцы-товарищи, или къ мельницѣ, гдѣ сонный мельникъ только-что отодвинулъ шлюзы и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась въ «лотки» и бодро принималась за дневную работу.

Большія мельничныя колеса, разбуженныя шумливыми толчками воды, тоже вздрагивали, какъ-то нехотя подавались, точно лѣнясь проснуться, но чрезъ нѣсколько секундъ уже кружились, брызгая пѣной и купаясь въ холодныхъ струяхъ. За ними медленно и солидно трогались толстые валы, внутри мельницы начинали грохотать шестерни, шуршали жернова, и бѣлая мучная пыль тучами поднималась изъ щелей стараго-престараго мельничнаго зданія.

Тогда я шель далѣе. Мнѣ правилось встрѣчать пробужденіе природы; я бывалъ радъ, когда мнѣ удавалось вспугнуть заспавшагося жаворонка или выгнать изъ борозды трусливаго зайца. Капли росы падали съ верхушекъ трясушки, съ головокъ луговыхъ цвѣтовъ, когда я пробирался полями къ загородной рошѣ. Деревья встрѣчали меня шепотомъ лѣнивой дремоты. Изъ оконъ тюрьмы не глядѣли еще блѣдныя, угрюмыя лица арестантовъ и только карауль, громко звякая ружьями, обходилъ вокругъ стѣны, смѣняя усталыхъ ночныхъ часовыхъ.

Я успѣвалъ совершить дальній обходъ, и все же въ городѣ то и дѣло встрѣчались мнѣ заспанныя фигуры, отворявшія ставни домовъ. Но вотъ солнце поднялось уже надъ горой, изъ-за прудовъ слышится крикливый звонокъ, созывающій гимназистовъ, и голодъ заставляетъ меня отправиться домой къ утреннему чаю.

Вообще всѣ меня звали бродягой, негоднымъ мальчишкой, и такъ часто укоряли въ разныхъ дурныхъ наклонностяхъ, что я, наконецъ, и самъ проникся этимъ

убѣжденіемъ. Отецъ также повѣрилъ этому и дѣлалъ иногда попытки заняться моимъ воспитаніемъ, но попытки эти всегда кончались неудачей. При видѣ строгаго и угрюмаго лица, на которомъ лежала суровая печать неизлѣчимаго горя, я робѣлъ и замыкался въ себя. Я стоялъ передъ нимъ, переминаясь, теребя свои штанишки и озираясь. По временамъ что-то какъ будто подымалось у меня въ груди; мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ обнялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни и приласкалъ. Тогда я прильнулъ бы къ его груди, и, быть-можетъ, мы вмѣстѣ заплакали бы—ребенокъ и суровый мужчина—о нашей общей уtratѣ. Но онъ смотрѣлъ на меня своими отуманенными глазами, какъ будто устремленными поверхъ моей головы, и я весь сжимался подъ этимъ непонятнымъ для меня взлядомъ.

— Ты помнишь матушку?...

Помнилъ ли я ее? О, да, я помнилъ ее! Я помнилъ, какъ, бывало, просыпаясь ночью, я искалъ въ темнотѣ ея нѣжныя руки и крѣпко прижимался къ нимъ, покрывая ихъ поцѣлуями. Я помнилъ ее, когда она сидѣла больная передъ открытымъ окномъ и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь съ нею въ послѣдній годъ своей жизни.

О, да, я помнилъ ее!... Когда она, вся покрытая цвѣтами, молодая и прекрасная, лежала съ печатью смерти на блѣдномъ лицѣ, я, какъ звѣрекъ, забился въ уголъ и смотрѣлъ на нее горящими глазами, передъ которыми впервые открылся весь ужасъ загадки о жизни и смерти. А потомъ, когда ее унесли въ толпѣ незнакомыхъ лю-

дей, не мои ли рыданія звучали сдавленнымъ стопомъ въ сумракѣ первой ночи моего сиротства?

О, да, я ее помнилъ!... И теперь, часто, въ глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая тѣснилась въ груди, переполняя дѣтское сердце,—просыпался съ улыбкой счастья, въ блаженномъ невѣдѣніи, навѣяномъ розовыми снами дѣтства. И опять, какъ прежде, мнѣ казалось, что она со мною, что я сейчасъ встрѣчу ее любящую, милую ласку. Но мои руки протягивались въ пустую тьму и въ душу проникало сознание горькаго одиночества. Тогда я сжималъ руками свое такъ больно стучавшее сердце и слезы прожигали горячими струями мои щеки.

О, да, я помнилъ ее!... Но на вопросъ высокаго, угрюмаго человѣка, въ которомъ я желалъ, но не могъ почувствовать родную душу, я съеживался еще болѣе и тихо выдергивалъ изъ его руки свою ручонку.

И онъ отворачивался отъ меня съ досадою и болью. Онъ чувствовалъ, что не имѣетъ на меня ни малѣйшаго вліянія, что между нами стоитъ какая-то неодолимая преграда. Онъ слишкомъ любилъ ее, когда она была жива, не замѣчая меня изъ-за своего счастья. Теперь же меня закрывало отъ него тяжелое горе.

И мало-помалу пропасть, насъ раздѣлявшая, становилась все шире и глубже. Онъ все болѣе убѣждался, что я—дурной, испорченный мальчишка, съ черствымъ, эгоистическимъ сердцемъ, и сознание, что онъ *долженъ*, но *не можетъ* заняться мною, *долженъ* любить меня, но не находить для этой любви угла въ своемъ сердцѣ,

еще увеличивало его нерасположеніе. И я это чувствовалъ. Порой, спрятавшись въ кустахъ, я наблюдалъ за нимъ; я видѣлъ, какъ онъ шагаль по аллеямъ, все ускоряя походку, и глухо стоналъ отъ нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце сжималось жалостью и сочувствіемъ. Одинъ разъ, когда, сжавъ руками голову, онъ присѣлъ на скамейку и зарыдалъ, я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ кустовъ на дорожку, повинуюсь неопредѣленному побужденію, толкавшему меня къ этому человѣку. Но онъ, пробужденный отъ мрачнаго и безнадежнаго созерцанія, сурово взглянулъ на меня и осадилъ холоднымъ вопросомъ:

— Что нужно?

Мнѣ ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобъ отецъ не прочелъ его въ моемъ смущенномъ лицѣ. Убѣжавъ въ чащу сада, я упалъ лицомъ въ траву и горько заплакалъ отъ досады и боли.

Съ шести лѣтъ я испытывалъ уже весь ужасъ одиночества.

Сестрѣ Сонѣ было четыре года. Я любилъ ее страстно и она платила мнѣ такую же любовью; но общій установившійся взглядъ на меня, какъ на отпѣтаго маленькаго разбойника, успѣлъ воздвигнуть между нами высокую преграду. Всякій разъ, когда я начиналъ играть съ нею, по-своему шумно и рѣзко, старая нянька, вѣчно сонная и вѣчно дравшая, съ закрытыми глазами, куринья перья для подушекъ, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила къ себѣ, кидая на меня сер-

дитые взгляды; въ такихъ случаяхъ она всегда напоминала мнѣ всклоченную насѣдку, себя я сравнивалъ съ хищнымъ коршуномъ, а Соню—съ маленькимъ цыпленкомъ. Мнѣ становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратилъ всякія попытки занимать Соню моими преступными играми, а еще черезъ нѣкоторое время мнѣ стало тѣсно въ домѣ и въ садикѣ, гдѣ я не встрѣчалъ ни въ комъ привѣта и ласки. Я началъ бродяжить. Все мое существо трепетало тогда какимъ-то страннымъ предчувствіемъ, предвкушеніемъ жизни. Мнѣ все казалось, что гдѣ-то тамъ, въ этомъ большомъ и невѣдомомъ свѣтѣ, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то долженъ сдѣлать и могу что-то сдѣлать, но я только не зналъ, что именно; а между тѣмъ, на-встрѣчу этому невѣдомому и таинственному, во мнѣ изъ глубины моего сердца что-то подымалось, дразня и вызывая. Я все ждалъ разрѣшенія этихъ вопросовъ и инстинктивно бѣгалъ и отъ няньки съ ея перьями, и отъ знакомаго лѣниваго шепота яблоней въ нашемъ маленькомъ садикѣ, и отъ глупаго стука ножей, рубившихъ на кухнѣ котлеты. Съ тѣхъ поръ къ прочимъ нелестнымъ моимъ эпитетамъ прибавились названія уличнаго мальчишки и бродяги; но я не обращалъ на это вниманія, я притерпѣлся къ упрекамъ и выносилъ ихъ, какъ выносилъ внезапно раздражавшійся дождь или солнечный зной. Я хмуру выслушивалъ замѣчанія и поступалъ по-своему. Шатаясь по улицамъ, я всматривался дѣтски-любопытными глазами въ незатѣйливую жизнь городка съ его лачугами, вслушивался въ гулъ проволокъ

на шоссе, вдали отъ городского шума, стараясь уловить, какія вѣсти несутся по нимъ изъ далекихъ большихъ городовъ, или въ шелестъ колосьевъ, или въ шепотъ вѣтра на высокихъ гайдамацкихъ могилахъ. Не разъ мои глаза широко раскрывались, не разъ останавливался я съ болѣзненнымъ испугомъ передъ картинами жизненной панорамы: образъ за образомъ, впечатлѣніе за впечатлѣніемъ ложились въ душу яркими пятнами; я узналъ и увидалъ много такого, чего не видали дѣти значительно старше меня, а между тѣмъ то невѣдомое, что подымалось изъ глубины дѣтской души, по-прежнему звучало въ ней несмолкающимъ, таинственнымъ, подмывающимъ, вызывающимъ рокотомъ.

Когда мегеры стараго замка лишили его въ моихъ глазахъ уваженія и привлекательности, когда всѣ углы города стали мнѣ извѣстны до послѣднихъ грязныхъ закоулковъ, тогда я сталъ заглядываться на видѣвшуюся вдали, на униатской горѣ, часовню. Сначала я, какъ пугливый звѣрёкъ, подходилъ къ ней съ разныхъ сторонъ, все не рѣшаясь взобраться на гору, пользовавшуюся дурною славой. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ мѣстностью, передо мною выступали только тихія могилы и разрушенные кресты. Нигдѣ не было видно признаковъ какого-либо жилья и человѣческаго присутствія. Все было какъ-то смиренно, тихо, заброшено, пусто. Только самая часовня глядѣла насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть ее всю, заглянуть внутрь, чтобъ убѣдиться окончательно, что и тамъ нѣтъ ничего кромѣ пыли.

Но такъ какъ одному было бы и страшно, и неудобно предпринимать подобную экскурсію, то я навербоваль на улицахъ города небольшой отрядъ изъ трехъ сорванцовъ, привлеченныхъ къ предпріятію обѣщаніемъ булокъ и яблочковъ изъ нашего сада.

IV.

Я пріобрѣтаю новое знакомство.

Мы вышли въ экскурсію послѣ обѣда и, подойдя къ горѣ, стали подыматься по глинистымъ обваламъ, взрытымъ лопатами жителей и весенними потоками. Обвалы обнажали склоны горы, и кое-гдѣ изъ глины виднѣлись высунувшіяся наружу бѣлыя, истлѣвшія кости. Въ одномъ мѣстѣ деревянный гробъ выставлялся истлѣвшимъ угломъ, въ другомъ—скалилъ зубы человѣческой черепъ, уставясь на насъ черными впадинами глазъ.

Наконецъ, помогая другъ другу, мы торопливо взобрались на гору изъ послѣдняго обрыва. Солнце начинало склоняться къ закату. Косвенные лучи мягко золотили зеленую мураву стараго кладбища, играли на старыхъ покосившихся крестахъ, переливались въ уцѣлѣвшихъ окнахъ часовни. Было тихо, вѣяло спокойствіемъ и глубокимъ миромъ брошеннаго кладбища. Здѣсь уже мы не видѣли ни череповъ, ни голеней, ни гробовъ. Зеленая свѣжая трава ровнымъ, слегка склонившимся къ городу пологомъ любовно скрывала въ своихъ объятіяхъ ужась и безобразіе смерти.

Мы были одни; только воробьи весело возились кругомъ, да ласточки безшумно влетали и вылетали въ окна старой часовни, которая стояла, какъ-то грустно понурясь, среди поросшихъ травой могилъ, скромныхъ крестовъ, полуразвалившихся каменныхъ гробницъ, на развалинахъ которыхъ стлалась густая зелень, пестрѣли разноцвѣтныя головки лютиковъ, кашки, фіалокъ.

— Нѣтъ никого,—сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Солнце заходить,—замѣтилъ другой, глядя на солнце, которое не заходило еще, но стояло надъ горою.

Дверь часовни была крѣпко заколочена, окна—высоко надъ землею; однако, при помощи товарищей, я надѣялся взобраться на нихъ и взглянуть внутрь часовни.

— Не надо!—вскрикнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, вдругъ потерявшій всю свою храбрость, и схватилъ меня за руку.

— Пошелъ ко всѣмъ чертямъ, баба! — прикрикнулъ на него старшій изъ нашей маленькой арміи, съ готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на нее; потомъ онъ выпрямился и я сталъ ногами на его плечи. Въ такомъ положеніи я безъ труда досталъ рукой раму и, убѣдясь въ ея крѣпости, поднялся къ окну и сѣлъ на немъ.

— Ну, что же тамъ?—спрашивали меня снизу съ живымъ интересомъ.

Я молчалъ. Перегнувшись черезъ косякъ, я заглянулъ внутрь часовни и оттуда на меня пахло торжественною тишиной брошеннаго храма. Внутренность высокаго,

узкого зданія была лишена всякихъ украшеній. Лучи вечерняго солнца, свободно врываясь въ открытыя окна, зарисовывали яркимъ золотомъ старыя ободранныя стѣны. Я увидѣлъ внутреннюю сторону запертой двери, провалившіеся хоры, старыя истлѣвшія колонны, какъ бы покачнувшіяся подъ непосильною тяжестью. Углы были затканы паутиной и въ нихъ ютилась та особенная тьма, которая залегаетъ всѣ углы такихъ старыхъ зданій. Отъ окна до пола казалось гораздо дальше, чѣмъ до травы снаружи. Я смотрѣлъ точно въ глубокую яму и сначала не могъ разглядѣть какихъ-то странныхъ предметовъ, маячившихъ на полу причудливыми очертаніями.

Между тѣмъ, моимъ товарищамъ надоѣло стоять внизу, ожидая отъ меня извѣстій, и потому одинъ изъ нихъ, продѣлавъ ту же процедуру, какую продѣлалъ я раньше, повисъ рядомъ со мною, держась за оконную раму.

— Престоль, — сказалъ онъ, взглянувъ въ странный предметъ на полу.

— И паникадило.

— Столикъ для Евангелія.

— А вонъ тамъ что такое? — съ любопытствомъ указалъ онъ на темный предметъ, виднѣвшійся рядомъ съ престоломъ.

— Поповская шапка.

— Нѣтъ, ведро.

— Зачѣмъ же тутъ ведро?

— Можетъ-быть въ немъ когда-то были угли для кадила.

— Нѣтъ, это, дѣйствительно, шапка. Впрочемъ, можно

посмотрѣть. Давай привяжемъ къ рамѣ поясъ и ты по немъ спустишься.

— Да, какже, такъ и спущусь!.. Полѣзай самъ, если хочешь.

— Ну, что-жь! Думаешь, не полѣзу?

— И полѣзай!

Дѣйствуя по первому побужденію, я крѣпко связалъ два ремня, задѣлъ ихъ за раму и, отдавъ одинъ конецъ товарищу, самъ повисъ на другомъ. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнулъ; но взгляды на участливо склонившуюся ко мнѣ рожицу моего пріятеля возстановилъ мою бодрость, и я храбро ступилъ на полъ. Стукъ баблукъ зазвенѣлъ подѣ потолкомъ, отдался въ пустотѣ часовни, въ ея темныхъ углахъ. Нѣсколько воробьевъ вспорхнули съ насѣженныхъ мѣстъ на хорахъ и вылетѣли въ большую прорѣху въ крышѣ. Со стѣны, на окнахъ которой мы сидѣли, глянуло на меня вдругъ строгое лицо, съ бородой, въ терновомъ вѣнцѣ. Это склонялось изъ-подъ самага потолка гигантское распятіе.

Мнѣ было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающимъ духъ любопытствомъ и участіемъ.

— Ты подойдешь?—спросилъ онъ тихо.

— Подойду,—отвѣтилъ я такъ же, собираясь съ духомъ, но въ эту минуту случилось нѣчто до того неожиданное и ужасное, что кровь сразу застыла у меня въ жилахъ.

Сначала послышался стукъ и шумъ обвалившейся на хорахъ штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло въ воздухъ тучею пыли, и большая сѣрая масса, взмах-

нувъ крыльями, поднялась къ прорѣхѣ въ крышѣ. Часовня на мгновеніе какъ будто потемнѣла. Огромная старая сова, обезпокоенная нашею возней, вылетѣла изъ темнаго угла, мелькнула, распластавшись, на фонѣ голубого неба въ пролетѣ и шарахнулась вонъ.

Я почувствовалъ приливъ судорожнаго страха.

— Подымай!—крикнулъ я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся!—успокоивалъ онъ, приготовляясь поднять меня на свѣтъ дня и солнца.

Но вдругъ я увидѣлъ, что лицо его исказилось отъ ужаса; онъ вскрикнулъ и мгновенно исчезъ, спрыгнувъ съ окна. Я инстинктивно оглянулся и увидѣлъ странное явленіе, поразившее меня, впрочемъ, больше удивленіемъ, чѣмъ ужасомъ.

Темный предметъ нашего спора, шапка или ведро, оказавшійся, въ концѣ-концовъ, горшкомъ, мелькнулъ въ воздухѣ и на глазахъ моихъ скрылся подъ престоломъ. Я успѣлъ только разглядѣть смутныя очертанія небольшой, какъ будто дѣтской, руки, увлекавшей его въ это убѣжище.

Трудно передать мои ощущенія въ эту минуту. Я не страдалъ; чувство, которое я испытывалъ, нельзя даже назвать страхомъ. Я былъ на томъ свѣтѣ. Откуда-то, точно изъ другого міра, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ доносился до меня быстрою дробью тревожный топотъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ. Но вскорѣ затаихъ и онъ. Я былъ одинъ, точно въ мрачномъ гробу, въ виду какихъ-то странныхъ и необъяснимыхъ явленій.

Времени для меня не существовало, поэтому я не могъ сказать, скоро ли я услышалъ ~~ночь~~ престоломъ сдержанный шепоть.

— Почему же онъ не лѣзетъ себѣ назадъ?

— Видишь, испугался.

Первый голосъ показался мнѣ совсѣмъ дѣтскимъ; второй могъ принадлежать мальчику моего возраста. Мнѣ показалось также, что въ щели стараго престола сверкнула пара черныхъ глазъ.

— Что-жъ онъ теперь будетъ дѣлать?— послышался опять шепоть.

— А вотъ погоди,— отвѣтилъ голосъ постарше.

Подъ престоломъ что-то сильно завозилось, онъ даже какъ будто покачнулся, и въ то же мгновеніе изъ-подъ него вынырнула фигура.

Это былъ мальчикъ лѣтъ девяти, больше меня, худощавый и тонкій, какъ тростинка. Одѣтъ онъ былъ въ грязной рубашонкѣ, руки держалъ въ карманахъ узкихъ и короткихъ штанишекъ. Темные курчавые волосы лохматились надъ черными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомецъ, явившійся на сцену столь неожиданнымъ и страннымъ образомъ, подходилъ ко мнѣ съ тѣмъ безконечно-задорнымъ видомъ, съ какимъ всегда на нашемъ базарѣ подходили другъ къ другу мальчишки, готовившіеся вступить въ драку, но все же, увидѣвъ его, я сильно ободрился. Я ободрился еще болѣе, когда изъ-подъ того же престола или, вѣрнѣе, изъ люка въ полу часовни, который онъ покрывалъ, сзади мальчика показалось еще одно грязное личико, обрамленное бѣлоку-

рыми волосами и сверкавшее на меня дѣтски-любопытными голубыми глазами.

Я нѣсколько отодвинулся отъ стѣны и, согласно рыцарскимъ правиламъ нашего рынка, тоже положилъ руки въ карманы. Это было признакомъ, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на мое къ нему презрѣніе.

Мы стали другъ противъ друга и обмѣнялись взглядами. Оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, мальчишка спросилъ:

— Ты здѣсь зачѣмъ?

— Такъ,—отвѣтилъ я.—Тебѣ какое дѣло?

Мой противникъ повелъ плечомъ, какъ будто намѣреваясь вынуть руку изъ кармана и ударить меня.

Я не моргнулъ и глазомъ.

— Я вотъ тебѣ покажу!—погрозилъ онъ.

Я выпятился грудью впередъ.

— Ну, ударь... попробуй!..

Мгновеніе было критическое; отъ него зависѣлъ характеръ дальнѣйшихъ отношеній. Я ждалъ, но мой противникъ, окинувъ меня тѣмъ же испытующимъ взглядомъ, не шевелился.

— Я, братъ, и самъ... тоже...—сказалъ я, но уже болѣе миролюбиво.

Между тѣмъ дѣвочка, опершись маленькими ручонками въ полъ часовни, старалась тоже выкарабкаться изъ люка. Она падала, вновь приподнималась и, наконецъ, направилась нетвердыми шагами къ мальчишкѣ. Подойдя вплотъ, она крѣпко ухватилась за него и, прижавшись

къ нему, устремила на меня удивленный и отчасти испуганный взглядъ.

Это рѣшило исходъ дѣла; стало совершенно ясно, что въ такомъ положеніи мальчишка не могъ драться, а я, конечно, тоже былъ слишкомъ великодушнѣнъ, чтобы воспользоваться его неудобнымъ положеніемъ.

— Какъ твое имя? — спросилъ мальчикъ, глядя рукой бѣлокурую головку дѣвочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Валекъ... Я тебя знаю: ты живешь въ саду надъ прудомъ. У васъ большія яблоки.

— Да, это правда, яблоки у насъ хорошія... не хочешь ли?

Вынувъ изъ кармана два яблока, предназначавшіяся для расплаты съ моею постыдно бѣжавшей арміей, я подаль одно изъ нихъ Валеку, другое протянулъ дѣвочкѣ. Но она скрыла свое лицо, прижавшись къ Валеку.

— Бойтся, — сказалъ тотъ и самъ передалъ яблоко дѣвочкѣ.

— Зачѣмъ ты влѣзъ сюда? Развѣ я когда-нибудь лазилъ въ вашъ садъ? — спросилъ онъ затѣмъ.

— Что-жь, приходи! Я буду радъ, — отвѣтилъ я радушно. Отвѣтъ этотъ озадачилъ Валека; онъ призадумался.

— Я тебѣ не компанія, — сказалъ онъ грустно.

— Отчего же? — спросилъ я, искренно огорченный грустнымъ тономъ, какимъ были сказаны эти слова.

-- Твой отецъ — панъ судья.

-- Ну такъ что же? — изумился я совершенно чисто-

сердечно. — Вѣдь ты будешь играть со мной, не съ отцомъ.

Валекъ покачалъ головой.

— Тыбурцій не пустить,—сказалъ онъ, и какъ будто это имя напомнило ему что-то, онъ вдругъ спохватился:— Послушай, ты славный хлопецъ, но, все-таки, тебѣ лучше уйти. Если Тыбурцій тебя застанетъ, плохо будетъ.

Я согласился, что мнѣ, дѣйствительно, пора уходить. Послѣдніе лучи солнца уходили уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Какъ же мнѣ отсюда выйти?

— Я тебѣ укажу дорогу. Мы выйдемъ вмѣстѣ.

— А она? — ткнулъ я пальцемъ въ нашу маленькую даму.

— Маруся?—она тоже пойдетъ съ нами.

— Какъ, въ окно?

Валекъ задумался.

— Нѣтъ, вотъ что: я тебѣ помогу взобраться на окно, а сами мы выйдемъ другимъ ходомъ.

Съ помощью моего новаго пріятеля я поднялся къ окну. Отвязавъ ремень, я обвилъ его вокругъ рамы и, держась за оба конца, повисъ въ воздухѣ. Затѣмъ, отпустивъ одинъ конецъ, я спрыгнулъ на землю и выдернулъ ремень. Валекъ и Маруся ждали меня уже подъ стѣной снаружи.

Солнце недавно еще сѣло за гору. Городъ утонулъ въ лилово-туманной тѣни и только верхушки высокихъ тополей на островѣ рѣзко выдѣлялись червоннымъ золотомъ, разрисованныя послѣдними лучами заката. Мнѣ

казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менѣе сутокъ, что это было вчера.

— Какъ хорошо! — сказала я, охваченный свѣжестью наступающаго вечера и вдыхая полною грудью влажную прохладу.

— Скучно здѣсь...—съ грустью произнесъ Валекъ.

— Вы все здѣсь живете?—спросилъ я, когда мы втроемъ стали спускаться съ горы.

— Здѣсь.

— Гдѣ же вашъ домъ?

Я не могъ себѣ представить, чтобы подобныя мнѣ дѣти могли жить безъ «дома».

Валекъ усмѣхнулся съ обычнымъ ему грустнымъ видомъ и ничего не отвѣтилъ.

Мы миновали крутые обвалы, такъ какъ Валекъ зналъ болѣе удобную дорогу. Пройдя межъ камышей по высохшему болоту и переправившись черезъ ручеекъ по тонкимъ дощечкамъ, мы очутились у подножя горы, на равнинѣ.

Тутъ надо было разстаться. Пожавъ руку моему новому знакомому, я протянулъ ее также и дѣвочкѣ. Она ласково подала мнѣ свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверхъ голубыми глазами, спросила:

— Ты придешь къ намъ опять?

— Приду,—отвѣтилъ я,—непремѣнно!..

— Что-жь,—сказалъ въ раздумьи Валекъ, — приходи, пожалуй, только въ такое время, когда наши будутъ въ городѣ.

— Кто это «ваши»?

— Да наши... всѣ: Тыбурцій, Лавровскій, Туркевичъ. Профессоръ... тотъ, пожалуй, не помѣшаетъ.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будутъ въ городѣ, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка, — крикнулъ мнѣ Валець, когда я отошелъ нѣсколько шаговъ. — А ты болтать не будешь о томъ, что былъ у насъ?

— Никому не скажу, — отвѣтилъ я твердо.

— Ну, вотъ, это хорошо! А этимъ твоимъ дуракамъ, когда станутъ приставать, скажи, что видѣлъ чорта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Густыя сумерки залегли надъ Кляжымъ-Вѣномъ, когда я приблизился къ забору своего сада. Надъ замкомъ зарисовался тонкій серпъ луны, загорѣлись звѣзды. Я хотѣлъ уже подняться на заборъ, какъ кто-то схватилъ меня за руку.

— Вася, другъ! — заговорилъ взволнованнымъ шепотомъ мой бѣжавшій товарищъ. — Какъ же это ты?... Голубчикъ!...

— А вотъ, какъ видишь... А вы всѣ меня бросили!...

Онъ потушился, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ стыда, и онъ спросилъ опять:

— Чтò же тамъ было?

— Чтò, — отвѣтилъ я тономъ, не допускавшимъ сомнѣннйя, — разумѣется, черти... А вы — трусы.

И, отмахнувшись от сконфуженнаго товарища, я по-лѣзь на заборъ.

Черезъ четверть часа я спалъ уже глубокимъ сномъ и во снѣ мнѣ видѣлись дѣйствительные черти, весело выскакивавшіе изъ чернаго люка. Валець гонялъ ихъ ивовымъ прутикомъ, а Маруся, весело сверкая глазками, смѣялась и хлопала въ ладоши.

V.

Знакомство продолжается.

Съ этихъ поръ я весь былъ поглощенъ моимъ новымъ знакомствомъ. Вечеромъ, ложась въ постель, и утромъ, вставая, я только и думалъ о предстоящемъ визитѣ на гору. По улицамъ города я шатался теперь съ исключительною цѣлью — высмотрѣть, тутъ ли находится вся компанія, которую Янушъ характеризовалъ словами «дурное общество»; и если Лавровскій валялся въ лужѣ, если Туркевичъ и Тыбурцій разглагольствовали передъ своими слушателями, а темныя личности шныряли по базару, я тотчасъ же бѣгомъ отправлялся черезъ болото, на гору, къ часовнѣ, предварительно наполнивъ карманы яблоками, которыя я могъ рвать въ саду безъ запрету, и лакомствами, которыя я сберегалъ всегда для своихъ новыхъ друзей.

Валець, вообще очень солидный и внушавшій мнѣ уваженіе своими манерами взрослога челоувѣка, принималъ эти приношенія просто и по большей части отклады-

валь куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякій разъ всплескивала ручонками и глаза ея загорались огонькомъ неподдѣльнаго восторга; блѣдное лицо дѣвочки вспыхивало румянцемъ, она смѣялась, и этотъ смѣхъ нашей маленькой пріятельницы отдавался въ нашихъ сердцахъ, вознаграждая за конфеты, которыя мы жертвовали въ ея пользу.

Это было блѣдное, крошечное созданіе, напоминавшее цвѣтокъ, выросшій безъ живительныхъ лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, какъ былинка; руки ея были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шеѣ, какъ головка полевого колокольчика, но глаза смотрѣли порой такъ не подѣтски грустно и улыбка такъ напоминала мнѣ мою мать въ послѣдніе дни, когда она, бывало, сидѣла противъ открытаго окна и вѣтеръ шевелилъ ея бѣлокурые волосы, что мнѣ, при взглядѣ на это дѣтское личико, становилось самому грустно и слезы подступали къ глазамъ.

Я невольно сравнивалъ ее съ моей сестрой; онѣ были въ одномъ возрастѣ, но моя Соня была кругла, какъ пышка, и упруга, какъ мячикъ. Она такъ рѣзво бѣгала, когда, бывало, разыграется, такъ звонко смѣялась, на ней всегда были такія красивыя платья и въ темныя косы ей каждый день горничная влетала алую ленту.

А моя маленькая пріятельница почти никогда не бѣгала и смѣялась очень рѣдко; когда же смѣялась, то смѣхъ ея звучалъ какъ самый маленькій серебряный

колокольчикъ, котораго на десять шаговъ уже не слышно. Платье ея было грязно и старо, въ косѣ не было лентъ, но волосы у нея были гораздо больше и роскошнѣе, чѣмъ у Сони, и Валека, къ моему удивленію, очень искусно умѣлъ заплетать ихъ, что и исполнялъ каждое утро.

Я былъ большой сорванецъ. «У этого малаго,— говорили обо мнѣ старшіе,— руки и ноги налиты ртутью», чему я и самъ вѣрилъ, хотя не представлялъ себѣ ясно, кто и какимъ образомъ произвелъ надо мной эту операцію. Въ первые же дни я внесъ свое оживленіе и въ общество моихъ новыхъ знакомыхъ. Едва ли эхо старой «каплицы» повторяло когда-нибудь такіе громкіе возгласы, какъ въ это время, когда я старался расшевелить и завлечь въ свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валека серьезно смотрѣлъ на меня и на дѣвочку и разъ, когда я заставлялъ ее бѣгать со мной взапуски, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, она сейчасъ заплачетъ.

Дѣйствительно, когда я расторошилъ ее и заставилъ бѣжать, Маруся, слышавъ мои шаги за собой, вдругъ повернулась ко мнѣ, поднявъ ручонки надъ головой, точно для защиты, посмотрѣла на меня безпомощнымъ взглядомъ захлопнутой пташки и громко заплакала. Я совсѣмъ растерялся.

— Вотъ видишь,— сказалъ Валека,— она не любитъ играть.

Онъ усадилъ ее на траву, нарвалъ цвѣтовъ и кинулъ ей; она перестала плакать и тихо перебирала растенія,

что-то говорила, обращаясь къ золотистымъ лютикамъ, и подносила къ губамъ сивіе колокольчики. Я тоже при-
смирѣлъ и легъ рядомъ съ Валекомъ около дѣвочки.

— Отчего она такая?— спросилъ я, наконецъ, указы-
вая глазами на Марусю.

— Не веселая?— переспросилъ Валекъ и затѣмъ ска-
залъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка: — а это,
видишь ли, отъ сѣраго камня...

— Да-а,— повторила дѣвочка, точно слабое эхо,—это
отъ сѣраго камня.

— Отъ какого сѣраго камня? — переспросилъ я, не
понимая.

— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь,—пояснилъ
опять Валекъ, по-прежнему смотря на небо.— Такъ го-
ворить Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

— Да-а,— опять повторила тихимъ эхо дѣвочка,—
Тыбурцій все знаетъ.

Я ничего не понималъ въ этихъ загадочныхъ словахъ,
которыя Валекъ повторялъ за Тыбурціемъ, однако
аргументъ, что Тыбурцій все знаетъ, произвелъ и на
меня свое дѣйствіе. Я приподнялся на локтѣ и взгля-
нулъ на Марусю. Она сидѣла въ томъ же положеніи,
въ какомъ усадилъ ее Валекъ, и все такъ же перебира-
ла цвѣты; движенія ея тонкихъ рукъ были медленны;
глаза выдѣлялись глубокою синевою на блѣдномъ лицѣ;
длинные рѣсницы были опущены. При взглядѣ на эту
крохотную грустную фигурку мнѣ стало ясно, что въ сло-
вахъ Тыбурція,—хотя я и не понималъ ихъ значенія,—
заключается горькая правда. Несомнѣнно, кто-то выса-

сываетъ жизнь изъ этой странной дѣвочки, которая плачетъ тогда, когда другіе на ея мѣстѣ смѣются. Но какъ же можетъ сдѣлать это сѣрый камень?

Это было для меня загадкой, страшнѣе всѣхъ призраковъ стараго замка. Какъ ни ужасны были турки, томившіеся подѣ землю, какъ ни грозенъ старый графъ, усмирявшій ихъ въ бурныя ночи, но всѣ они отзывались фантастическими ужасами старой сказки. А здѣсь что-то невѣдомо-страшное было во-очію. Что-то безформенное, неумолимое, твердое и жесткое, какъ камень, склонялось надъ маленькою головкой, высасывая изъ нея румянецъ, блескъ глазъ и живость движеній. «Должно-быть это бываетъ по ночамъ», думалъ я, и чувство щемащаго до боли сожалѣнія сжимало мнѣ сердце.

Подѣ влияніемъ этого чувства я тоже умѣрилъ свою рѣзвость. Примѣняясь къ тихой солидности нашей дамы, оба мы съ Валекомъ, посадивъ ее гдѣ-нибудь на травѣ, собирали для нея цвѣты, разноцвѣтные камешки, ловили бабочекъ, иногда дѣлали изъ кирпичей ловушки для воробьевъ. Иногда же, растянувшись около нея на травѣ, смотрѣли въ небо, какъ плывутъ облака высоко надъ лохматою крышей старой «каплицы», рассказывали Марусѣ сказки или бесѣдовали другъ съ другомъ.

Эти бесѣды съ каждымъ днемъ все больше закрѣпляли нашу дружбу съ Валекомъ, которая росла, несмотря на рѣзкую противоположность нашихъ характеровъ. Моей порывистой рѣзвости онъ противопоставлялъ грустную солидность и внушалъ мнѣ почтеніе своею авторитетностью и независимымъ тономъ, съ какимъ отзывался о

старшихъ. Кромѣ того, онъ часто сообщалъ мнѣ много новаго, о чемъ я раньше и не думалъ. Слыша, какъ онъ отзывается о Тыбурціи, точно о товарищѣ, я спросилъ:

— Тыбурцій тебѣ отецъ?

— Должно-быть отецъ,—отвѣтилъ онъ задумчиво, какъ будто этотъ вопросъ не приходилъ ему въ голову.

— Онъ тебя любитъ?

— Да, любитъ,—сказалъ онъ уже гораздо увѣреннѣе.— Онъ постоянно обо мнѣ заботится и, знаешь, иногда онъ цѣлуетъ меня и плачетъ...

— И меня любить и тоже плачетъ, — прибавила Маруся съ выраженіемъ дѣтской гордости.

— А меня отецъ не любитъ, — сказалъ я грустно. — Онъ никогда не цѣловалъ меня... Онъ нехорошій.

— Неправда, неправда! — возразилъ Валекъ, — ты не понимаешь. Тыбурцій лучше знаетъ. Онъ говоритъ, что судья—самый лучший человѣкъ въ городѣ и что городу давно бы уже надо провалиться, еслибы не твой отецъ, да еще попъ, котораго недавно посадили въ монастырь, да еврейскій раввинъ. Вотъ изъ-за нихъ троехъ...

— Что изъ-за нихъ?

— Городъ изъ-за нихъ еще не провалился,—такъ говорить Тыбурцій,—потому что они еще за бѣдныхъ людей заступаются... А твой отецъ, знаешь... онъ засудилъ даже одного графа...

— Да, это правда... Графъ очень сердился, я слышалъ.

— Ну, вотъ видишь! А вѣдь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему?—переспросилъ Валекъ, нѣсколько озадаченный. — Потому что графъ — не простой человекъ... Графъ дѣлаетъ что́ хочетъ, и ѣздитъ въ каретѣ, и потомъ... у графа деньги; онъ далъ бы другому судья денегъ, и тотъ бы его не засудилъ, а засудилъ бы бѣднаго.

— Да, это правда. Я слышалъ, какъ графъ кричалъ у насъ въ квартирѣ: «я васъ всѣхъ могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отецъ говорить ему: «подите отъ меня вонъ!»

— Ну, вотъ, вотъ! И Тыбурцій говорить, что онъ не побойтся прогнать богатаго, а когда къ нему пришла старая Иваниха съ костылемъ, онъ велѣлъ принести ей стулъ. Вотъ онъ какой! Даже и Туркевичъ не дѣлаетъ никогда подъ его окнами скандаловъ.

Это была правда: Туркевичъ, во время своихъ обязательныхъ экскурсій, всегда молча проходилъ мимо нашихъ оконъ, иногда даже снимая шапку.

Все это заставило меня глубоко задуматься. Валекъ указалъ мнѣ моего отца съ такой стороны, съ какой тѣмъ никогда не приходило въ голову взглянуть на него; слова Валека задѣли въ моемъ сердцѣ струну сыновней гордости; мнѣ было пріятно слушать похвалы моему отцу, высказываемыя отъ имени Тыбурція, который «все знаетъ»; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дрогнула въ моемъ сердцѣ и нота щемящей любви, смѣшанной съ горькимъ сознаниемъ, что никогда этотъ человекъ не любилъ и не полюбить меня такъ, какъ Тыбурцій любитъ своихъ дѣтей.

VI.

Среди «сѣрыхъ камней».

Прошло еще нѣсколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться въ городъ, и я напрасно шатался, скучая, по улицамъ, ожидая ихъ появленія, чтобы бѣжать на гору. Одинъ только «профессоръ» прошелъ раза два своею сонною походкой, но ни Туркевича, ни Тыбурція не было видно. Я совсѣмъ соскучился, такъ какъ не видѣть Валека и Марусю стало уже для меня большимъ лишеніемъ. Но вотъ, когда я, однажды, шель съ опущенною головою по пыльной улицѣ, Валекъ вдругъ положилъ мнѣ на плечо руку.

— Отчего ты пересталъ къ намъ ходить? — спросилъ онъ.

— Я боялся... Вашихъ не видно въ городѣ.

— А-а... Я и не догадался сказать тебѣ: нашихъ нѣтъ, приходи... А я было думалъ совсѣмъ другое.

— А что?

— Я думалъ, что тебѣ ужъ наскучило.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я, братъ, сейчасъ побѣгу, — заторопился я, — даже и яблоки со мной.

При упоминаніи о яблокахъ Валекъ быстро повернулся ко мнѣ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего, а только посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ.

— Ничего, ничего, — отмахнулся онъ, видя, что я смотрю на него съ ожиданіемъ. — Ступай прямо на гору,

а я тутъ зайду кое-куда, — дѣло есть. Я тебя догоню на дорогѣ.

Я пошелъ тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валекъ меня догонитъ; однако я успѣлъ взойти на гору и подошелъ къ часовнѣ, а его все не было. Я остановился въ недоумѣніи: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое, безъ малѣйшихъ признаковъ обитаемости, — только воробьи чирикали на свободѣ, да густые кусты черемухи, жимолости и сирени, прижимаюсь къ южной стѣнѣ часовни, о чемъ-то тихо шептались густо-разросшеюся темною листвою.

Я оглянулся кругомъ. Куда же мнѣ теперь итти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я сталъ ходить между могилами, присматриваясь къ нимъ отъ нечего дѣлать и стараясь разобрать стертые надписи на обросшихъ мхомъ надгробныхъ камняхъ. Шатаюсь такимъ образомъ отъ могилы къ могилѣ, я наткнулся на полуразрушенный просторный склепъ. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тутъ же. Дверь была заколочена. Изъ любопытства, я приставилъ къ стѣнѣ старый крестъ и, взобравшись по немъ, заглянулъ внутрь. Гробница была пуста, только въ серединѣ пола была вдѣлана оконная рама со стеклами и сквозь эти стекла зіяла темная пустота подземелья.

Пока я рассматривалъ гробницу, удивляясь странному назначенію окна, на гору вбѣжалъ запыхавшійся и усталый Валекъ. Въ рукахъ у него была большая еврейская булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнулъ онъ, замѣтивъ меня, — ты вотъ гдѣ. Еслибы Тыбурцій тебя здѣсь увидѣлъ, то-то бы разсердился! Ну, да теперь ужь дѣлать нечего... Я знаю, ты хлопецъ хорошій и никому не расскажешь, какъ мы живемъ. Пойдемъ къ намъ!

— Гдѣ же это, далеко? — спросилъ я.

— А вотъ увидишь. Ступай за мной.

Онъ раздвинулъ кусты жимолости и сирени и скрылся въ зелени подъ стѣной часовни; я послѣдовалъ туда за нимъ и очутился на небольшой, плотно утоптанной площадкѣ, которая совершенно скрывалась въ зелени. Между стволами черемухи я увидѣлъ въ землѣ довольно большое отверстіе съ земляными ступенями, ведущими внизъ. Валекъ спустился туда, приглашая меня за собой, и черезъ нѣсколько секундъ мы оба очутились въ темнотѣ, подъ зеленью. Взявъ мою руку, Валекъ повелъ меня по какому-то узкому, сырому корридору и, круто повернувъ вправо, мы вдругъ вошли въ просторное подземелье.

Я остановился у входа, пораженный невиданнымъ зрѣлищемъ. Двѣ струи свѣта рѣзко лились сверху, выдѣляясь полосами на темномъ фонѣ подземелья; свѣтъ этотъ проходилъ въ два окна, одно изъ которыхъ я видѣлъ въ полу склепа, другое, подальше, очевидно, было пристроено такимъ же образомъ; лучи солнца проникали сюда не прямо, а прежде отражались отъ стѣнъ старыхъ гробницъ; они разливались въ сыромъ воздухѣ подземелья, падали на каменные плиты пола, отражались и наполняли все подземелье тусклыми отблесками; стѣны

тоже были сложены изъ камня; большія широкія колонны массивно вздымались снизу и, раскинувъ во всѣ стороны свои каменные дуги, крѣпко смыкались кверху сводчатымъ потолкомъ. На полу, въ освѣщенныхъ пространствахъ, сидѣли двѣ фигуры. Старый «профессоръ», склонивъ голову и что-то бормоча про себя, ковырялъ иголкой въ своихъ лохмотьяхъ. Онъ не поднялъ даже головы, когда мы вошли въ подземелье, и еслибы не легкія движенія руки, то эту сѣрую фигуру можно было бы принять за фантастическое каменное изваяніе.

Подъ другимъ окномъ сидѣла съ кучкой цвѣтовъ, перебирая ихъ по своему обыкновенію, Маруся. Струя свѣта падала на ея бѣлокурую головку, заливала ее всю, но, несмотря на это, она какъ-то слабо выдѣлялась на фонѣ сѣраго камня страннымъ и маленькимъ туманнымъ пятнышкомъ, которое, казалось, вотъ-вотъ расплывется и исчезнетъ. Когда тамъ, вверху, надъ землей, пробѣгали тучи, затѣняя солнечный свѣтъ, стѣны подземелья тонули совсѣмъ во мракъ, какъ будто раздвигались, уходили куда-то, а потомъ опять выдѣлялись жесткими и холодными камнями, крѣпко смыкаясь нерасторжимыми объятіями надъ крохотною фигуркой дѣвочки. Я поневолѣ вспомнилъ слова Валека о «сѣромъ камнѣ», высывавшемъ изъ Маруси ея веселье, и чувство суевѣрнаго страха закралось въ мое сердце; мнѣ казалось, что я ощущаю на ней и на себѣ какой-то невидимый, но ужасный каменный взглядъ, пристальный и жадный. Мнѣ казалось, что это — подземелье чутко сторожить свою жертву.

— Валекъ! — тихо обрадовалась Маруся, увидѣвъ брата.

Когда же она замѣтила меня, въ ея глазахъ блеснула слабая искорка.

Я отдалъ ей принесенныя съ собой яблоки, а Валекъ, разломивъ булку, часть подалъ ей, а другую снесъ «профессору». Несчастный ученый равнодушно взялъ это приношеніе и началъ жевать, не отрываясь отъ своего занятія. Я переминался и ежился, чувствуя себя какъ будто связаннымъ подъ гнетущими «взглядами» сѣраго камня.

— Уйдемъ... уйдемъ отсюда, — дернулъ я Валека. — Уведи ее...

— Пойдемъ, Маруся, наверхъ, — позвалъ Валекъ сестру.

И мы втроемъ поднялись изъ подземелья, но и здѣсь, наверху, меня не оставляло ощущеніе какой-то напряженной неловкости. Валекъ былъ грустнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго.

— Ты въ городѣ остался затѣмъ, чтобы купить булокъ? — спросилъ я у него.

— Купить? — усмѣхнулся Валекъ. — Откуда же у меня деньги?

— Такъ какъ же?... Ты выпросилъ?

— Да, выпросишь!.. Кто же мнѣ дастъ?... Нѣтъ, братъ, я станулъ ихъ съ лотка еврейки Суры на базарѣ! Она не замѣтила.

Онъ сказалъ это обыкновеннымъ тономъ, лежа въ-рас-тяжку съ заложенными подъ голову руками. Я приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ на него.

— Ты, значитъ, украль?...

— Ну, да!

Я опять откинулся на траву и съ минуту мы пролежали молча.

— Воровать нехорошо, — проговорилъ я затѣмъ въ грустномъ раздумьи.

— Наши всѣ ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — съ жалобнымъ простодушіемъ повторила дѣвочка.

Я не зналъ еще, что такое голодь, но при послѣднихъ словахъ дѣвочки у меня что-то повернулось въ груди, и я посмотрѣлъ на своихъ друзей, точно увидалъ ихъ впервые. Валець по-прежнему лежалъ на травѣ и задумчиво слѣдилъ за парившимъ въ небѣ ястребомъ; теперь онъ не казался уже мнѣ такимъ авторитетнымъ, а при взглядѣ на Марусю, державшую обѣими руками кусокъ булки, у меня заняло сердце.

— Почему же, — спросилъ я съ усиліемъ, — почему ты не сказалъ объ этомъ мнѣ?

— Я и хотѣлъ сказать, а потомъ раздумалъ; вѣдь у тебя своихъ денегъ нѣтъ.

— Ну, такъ что же? Я взялъ бы булокъ изъ дому.

— Какъ, потихоньку?...

— Д-да.

— Значить, и ты бы тоже украль.

— Я... у своего отца.

— Это еще хуже! — съ увѣренностью сказалъ Валець. — Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, такъ я попросилъ бы... Мнѣ бы дали.

— Ну, можетъ-быть и дали бы одинъ разъ,—гдѣ же напасть на всѣхъ нищихъ?

— А вы развѣ... нищіе?—спросилъ я упавшимъ голосомъ.

— Нищіе!—угрюмо отрѣзалъ Валекъ.

Я замолчалъ и черезъ нѣсколько минутъ сталъ процаться.

— Ты ужь уходишь?—спросилъ Валекъ.

— Да, ухожу.

Я уходилъ потому, что не могъ уже въ этотъ день играть съ моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Чистая дѣтская привязанность моя какъ-то замутилась; хотя любовь моя къ Валеку и Марусѣ не стала слабѣе, но къ ней примѣшалась острая струя сожалѣнія, доходившая до жгучей сердечной боли. Дома я рано легъ въ свою постель, потому что не зналъ, куда уложить новое болѣзненное чувство, переполнявшее душу. Уткнувшись въ подушку, я горько плакалъ, пока благодѣтельный сонъ не заглушилъ своимъ вѣяніемъ моего глубокаго горя.

VII.

На сцену является панъ Тыбурцій.

— Здравствуй! А ужь я думалъ, ты не придешь болѣе,—такъ встрѣтилъ меня Валекъ, когда я на слѣдующій день опять явился на гору.

Я понялъ, почему онъ сказалъ это.

— Нѣтъ, я... я всегда буду ходить къ вамъ,—отвѣтилъ я рѣшительно, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ.

Валекъ замѣтно повеселѣлъ при этомъ, и оба мы почувствовали себя свободнѣе.

— Ну, что? Гдѣ же ваши?—спросилъ я.—Все еще не вернулись?

— Нѣтъ еще. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ они пропадаютъ!

И мы весело принялись за сооруженіе хитроумной ловушки для воробьевъ, для которой я принесъ съ собой нитокъ. Нитку мы дали въ руку Марусѣ, и когда неосторожный воробей, привлеченный зерномъ, безопасно заскакивалъ въ западню, Маруся дергала нитку и крышка захлопывала птичку, которую мы затѣмъ отпускали.

Между тѣмъ около полудня небо насупилось, надвинулась темная туча и подъ веселые раскаты грома зашумѣлъ ливень. Сначала мнѣ очень не хотѣлось спуститься въ подземелье, но потомъ, подумавъ, что вѣдь Валекъ и Маруся живутъ тамъ постоянно, я побѣдилъ неприятное ощущеніе и пошелъ туда вмѣстѣ съ ними. Въ подземельи было темно и тихо, но сверху слышно было, какъ перекатывался гулкій грохотъ грозы, точно кто ѣдилъ тамъ въ громадной телѣгѣ по гигантски-сложенной мостовой. Черезъ нѣсколько минутъ я освоился съ подземельемъ, и мы весело прислушивались, какъ земля принимала широкіе потоки ливня; гуль, всплески и частые раскаты настраивали наши нервы, вызывали оживленіе, требовавшее исхода.

— Давайте играть въ жмурки,—предложилъ я.

Миѣ завязали глаза; Маруся звенѣла слабыми пере-
ливами своего жалкаго смѣха и шлепала по каменному
полу непроторными ножонками, а я дѣлалъ видѣ, что
не могу поймать ее, какъ вдругъ я наткнулся на чью-
то мокрую фигуру и въ ту же минуту почувствовалъ,
что кто-то схватилъ меня за ногу. Сильная рука при-
подняла меня съ полу, и я повисъ въ воздухѣ внизъ го-
ловой. Повязка съ глазъ моихъ спала.

Тыбурцій, мокрый и сердитый, страшнѣе еще оттого,
что я глядѣлъ на него снизу, держалъ меня за ноги и
дико вращалъ зрачками.

— Это что еще, а?—строго спрашивалъ онъ, глядя
на Валека.—Вы тутъ, я вижу, весело проводите время...
Завели пріятную компанію.

— Пустите меня!—сказалъ я, удивляясь, что и въ та-
комъ необычномъ положеніи я все-таки могу говорить,
но рука пана Тыбурція только еще сильнѣе сжала мою
ногу.

— Responde, отвѣтствуй!—грозно обратился онъ опять
къ Валеку, который въ этомъ затруднительномъ случаѣ
стоялъ зажавъ въ ротъ два пальца, какъ бы въ дока-
зательство того, что ему отвѣчать рѣшительно нечего.

Я замѣтилъ только, что онъ сочувственнымъ окомъ и
съ большимъ участіемъ слѣдилъ за моею несчастною фи-
гурой, качавшеюся, подобно маятнику, въ пространствѣ.

Папъ Тыбурцій приподнялъ меня и взглянулъ въ
лицо.

— Эге-ге! Панъ судья, если меня не обманываютъ
глаза... Зачѣмъ это изволили пожаловать?

— Пусти!—проговорилъ я упрямо. — Сейчасъ отпусти!—и при этомъ я сдѣлалъ инстинктивное движеніе, какъ бы собираясь топнуть ногой, но отъ этого моя фигура только забилась въ воздухѣ.

Тыбурцій захохоталъ.

— Ого-го! Панъ судья изволить сердиться.. Ну, да ты меня еще не знаешь. Его—Тыбурцій sum. Я, вотъ, по-вѣшу тебя надъ огонькомъ и жарю, какъ поросенка.

Я начиналъ думать, что дѣйствительно такова моя неизбѣжная участь, тѣмъ болѣе, что отчаянная фигура Валека какъ бы подтверждала мысль о возможности такого печальнаго исхода. Къ счастью, на выручку подошла Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся!—ободрила она меня, подойдя къ самымъ ногамъ Тыбурція.—Онъ никогда не жарить мальчиковъ на огнѣ... Это неправда!

Тыбурцій быстрымъ движеніемъ повернулъ меня и поставилъ на ноги; при этомъ я чуть не упалъ, такъ какъ у меня закружилась голова, но онъ поддержалъ меня рукой и затѣмъ, сѣвъ на деревянный обрубокъ, поставилъ меня между колѣнъ.

— И какъ это ты сюда попалъ?—продолжалъ онъ допрашивать.—Давно ли?...—Говори ты!—обратился онъ къ Валеку, такъ какъ я ничего не отвѣтилъ.

— Давно,—отвѣтилъ тотъ.

— А какъ давно?

— Дней шесть.

Казалось, этотъ отвѣтъ доставилъ пану Тыбурцію нѣкоторое удовольствіе.

— Ого, шесть дней!—заговорил онъ, поворачивая меня лицомъ къ себѣ.—Шесть дней много времени. И ты до сихъ поръ никому еще не разболталъ, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому,—повторилъ я.

— Вепе, похвально!... Можно рассчитывать, что не разболтаешь и впередъ. Впрочемъ, я и всегда считалъ тебя порядочнымъ малымъ, встрѣчая на улицахъ. Настоящій «уличникъ», хоть и судья... А насъ судить будешь, скажи-ка?

Онъ говорилъ довольно добродушно, но я все-таки чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и потому отвѣтилъ довольно сердито:

— Я вовсе не судья. Я—Вася.

— Одно другому не мѣшаетъ, и Вася тоже можетъ быть судьей,—не теперь, такъ послѣ... Это ужъ, братъ, такъ ведется изстари. Вотъ видишь ли: я—Тыбурцій, а онъ—Валекъ. Я—нищій, и онъ—нищій. Я, если ужъ говорить откровенно, краду, и онъ будетъ красть. А твой отецъ меня судить,—пу, и ты когда-нибудь будешь судить... вотъ его!

— Не буду судить Валека,—возразилъ я угрюмо.—Неправда!

— Онъ не будетъ,—вступилась и Маруся, съ полнымъ убѣжденіемъ отстраняя отъ меня столь ужасное подозрѣніе.

Дѣвочка довѣрчиво прижалась къ ногамъ этого урода,

а онъ ласково гладилъ жилистою рукой ея бѣлокурые волосы.

— Ну, этого ты впередъ не говори,—сказаль странный человѣкъ задумчиво, обращаясь ко мнѣ такимъ тономъ, точно онъ говорилъ со взрослымъ.—Не говори, апісе!... Эта исторія ведется изстари, всякому свое, *visum suique*; каждый идетъ своей дорожкой, и кто знаетъ... можетъ-быть это и хорошо, что твоя дорога пролегла черезъ нашу. Для тебя хорошо, апісе, потому что имѣть въ груди кусочекъ человѣческаго сердца, вмѣсто холоднаго камня,—понимаешь?..

Я не понималъ ничего, но все же впился глазами въ лицо страннаго человѣка: глаза пана Тыбурція пристально смотрѣли въ мои, и въ нихъ смутно мерцало что то, какъ будто проникавшее въ мою душу.

— Не понимаешь, конечно, потому что ты еще малецъ... Поэтому скажу тебѣ кратко, а ты когда-нибудь и вспомнишь слова философа Тыбурція: если когда-нибудь придется тебѣ судить вотъ его, то вспомни, что еще въ то время, когда вы оба были дураками и играли вмѣстѣ,—что уже тогда ты шелъ по дорогѣ, по которой ходятъ въ штанахъ и съ хорошимъ запасомъ провизіи, а онъ бѣжалъ по своей оборванцемъ-безштаникомъ и съ пустымъ брюхомъ... Впрочемъ, пока еще это случится,—заговорилъ онъ, рѣзко измѣнивъ тонъ,—запомни еще хорошенько вотъ что: если ты проболтаешься своему судѣ или хоть птицѣ, которая пролетитъ мимо тебя въ полѣ, о томъ, что ты здѣсь видѣлъ, то не будь я Тыбурцій Драбъ, если я тебя не повѣшу вотъ въ этомъ камни-

нѣ за ноги и не сдѣлаю изъ тебя копченаго окорока. Это ты, надѣюсь, понялъ?

— Я не скажу никому... я... Можно мнѣ опять придти?

— Приходи, разрѣшаю... *sub conditionem*... Впрочемъ, ты еще глупъ и латыни не понимаешь. Я уже сказала тебѣ насчетъ окорока. Помни!...

Онъ отпустилъ меня и самъ растянулся съ усталымъ видомъ на длинной лавкѣ, стоявшей около стѣнки.

— Возьми вонъ тамъ, — указалъ онъ Валеку на большую корзинку, которую, войдя, оставилъ у порога, — да разведи огонь. Мы будемъ сегодня варить обѣдъ.

Теперь это уже былъ не тотъ человѣкъ, что за минуту пугалъ меня, вращая зрачками, и не гаеръ, потѣшавшій публику изъ-за подачекъ. Онъ распоряжался какъ хозяинъ и глава семейства, вернувшійся съ работы и отдающій приказанія домочадцамъ.

Онъ казался сильно уставшимъ. Платье его было мокро отъ дождя, лицо тоже; волосы слиплись на лбу, во всей фигурѣ виднѣлось тяжелое утомленіе. Я въ первый разъ видѣлъ это выраженіе на лицѣ веселаго оратора городскихъ кабаковъ, и опять этотъ взглядъ за кулисы, на актера, изнеможенно отдохавшаго послѣ тяжелой роли, которую онъ былъ вынужденъ разыгрывать на житейской сценѣ, какъ будто влилъ что-то жуткое въ мое сердце. Это было еще одно изъ тѣхъ откровеній, какими такъ щедро надѣляла меня старая уніатская «каплица».

Мы съ Валекомъ живо принялись за работу. Валеку зажегъ лучину и мы отправились съ нимъ въ темный

корридоръ, примыкавшій къ подземелью. Тамъ, въ углу, были свалены куски полуистлѣвшаго дерева, обломки крестовъ, старыя доски; изъ этого запаса мы взяли нѣсколько кусковъ и, поставивъ ихъ въ каминъ, развели огонекъ. Затѣмъ мнѣ пришлось отступить и Валеку одинъ умѣлыми руками принялся за стряпню. Черезъ полчаса на каминѣ закипало уже въ горшкѣ какое-то варево, а въ ожиданіи, пока оно поспѣетъ, Валеку поставилъ на трехногій, кое-какъ сколоченный, столикъ сковороду, на которой дымились куски жаренаго мяса.

Тыбурцій поднялся.

— Готово?—сказалъ онъ.—Ну, и отлично. Садись, малый, съ нами,—ты заработалъ свой обѣдъ... Domine!—крикнулъ онъ затѣмъ, обращаясь къ «профессору»,—брось иголку, садись къ столу.

— Сейчасъ,—сказалъ тихимъ голосомъ «профессоръ», удививъ меня этимъ сознательнымъ отвѣтомъ.

Впрочемъ, искра сознанія, вызванная голосомъ Тыбурціи, не проявлялась ничѣмъ больше. Старикъ воткнулъ иголку въ лохмотья и равнодушно, съ тусклымъ взглядомъ, усѣлся на одинъ изъ деревянныхъ обрубковъ, замѣнявшихъ въ подземельи стулья.

Марусю Тыбурцій держалъ на рукахъ. Она и Валеку ѣли съ жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для нихъ невиданною роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурцій ѣлъ съ разстановкой и, повинуюсь, повидимому, неодолимой потребности говорить, то и дѣло обращался къ «профессору» со своей бесѣдой. Бѣдный ученый проявлялъ при

этомъ удивительное вниманіе и, наклонивъ голову, выслушивалъ все съ такимъ разумнымъ видомъ, какъ будто онъ понималъ каждое слово. Иногда даже онъ выражалъ свое согласіе кивками головы и тихимъ мычаніемъ.

— Вотъ, domine, какъ немного нужно человѣку,—говорилъ Тыбурцій.—Не правда ли? Вотъ мы и сыты, и теперь намъ остается только поблагодарить Бога и клеванскаго капеллана...

— Ага, ага!—поддакивалъ «профессоръ».

— Ты это, domine, поддакиваешь, а самъ не понимаешь, при чемъ тутъ клеванскій капелланъ,—я вѣдь тебя знаю... А между тѣмъ не будь клеванскаго капеллана, у насъ не было бы жаркого и еще кое-чего...

— Это онъ вамъ далъ?—спросилъ я.

— У этого малаго, domine, любознательный умъ,—продолжалъ Тыбурцій, по-прежнему обращаясь къ «профессору».—Дѣйствительно, его священство далъ намъ все это, хотя мы у него и не просили и даже, быть-можетъ, не только его лѣвая рука не знала, что даетъ правая, но и обѣ руки не имѣли объ этомъ ни малѣйшаго понятія... Кушай, domine, кушай!

Изъ этой странной и запутанной рѣчи я понималъ только, что способъ приобрѣтенія былъ не совсѣмъ обыкновенный, и не удержался, чтобъ еще разъ не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишень проницательности,—продолжалъ опять Тыбурцій по-прежнему,—жалъ только, что онъ не

видѣлъ капеллана; у капеллана брюхо какъ настоящая сороковая бочка, и стало-быть объяденіе ему очень вредно. Между тѣмъ мы всѣ, здѣсь находящіеся, страдаемъ скорѣе излишнею худобой, а потому нѣкоторое количество провизіи не можемъ считать для себя лишнимъ... Такъ ли я говорю, domine?

— Ага, ага!—задумчиво промычалъ опять «профессоръ».

— Ну, вотъ! На этотъ разъ вы выразили свое мнѣніе очень удачно, а то я начиналъ уже думать, что у этого малаго умъ бойчѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ ученыхъ... Возвращаясь, однако, къ капеллану, я думаю, что добрый урокъ стоить платы, и въ такомъ случаѣ мы можемъ сказать, что купили у него провизію: если онъ послѣ этого сдѣлаетъ въ амбарѣ двери покрѣпче, то вотъ мы и квиты... Впрочемъ,—повернулся онъ вдругъ ко мнѣ,—ты все-таки еще глупъ и многого не понимаешь. А вотъ она понимаетъ: скажи, моя Маруся, хорошо ли я сдѣлалъ, что принесъ тебѣ жаркое?

— Хорошо!—отвѣтила дѣвочка, слегка сверкнувъ бирюзовыми глазами.—Маня была голодна.

Подъ вечеръ этого дня я съ отуманенною головою задумчиво возвращался къ себѣ. Странныя рѣчи Тыбурціи ни на одну минуту не поколебали во мнѣ убѣжденія, что «воровать нехорошо». Напротивъ, болѣзненное ощущеніе, которое я испытывалъ раньше, еще усилилось. Нищія... воры... у нихъ нѣтъ дома!... Отъ окружающихъ я давно уже зналъ, что со всѣмъ этимъ соединяется презрѣніе. Я даже чувствовалъ, какъ изъ глубины души

во мнѣ подымается вся горечь презрѣнія, но я инстинктивно защищалъ мою привязанность отъ этой горькой примѣси, не давая имъ слиться. Въ результатѣ смутнаго душевнаго процесса—сожалѣніе къ Валеку и Марусѣ усилилось и обострилось, но привязанность не исчезла. Формула «нехорошо воровать» осталась неприкосновенною, но когда воображеніе рисовало мнѣ оживленное личико моей пріятельницы, облизывавшей свои засаленные пальцы, я радовался ея радостью и радостью Валека.

Въ темной аллеѣ сада я нечаянно наткнулся на отца. Онъ, по обыкновенію, угрюмо ходилъ взадъ и впередъ съ обычнымъ страннымъ, какъ будто отуманеннымъ взглядомъ. Когда я очутился подлѣ него, онъ взялъ меня за плечо.

— Откуда это?

— Я... гулялъ...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ взглядъ его опять затуманился и, махнувъ рукой, онъ зашагалъ по аллеѣ. Мнѣ кажется, что я и тогда понималъ смыслъ этого жеста:

— А, все равно... *Ея* ужъ нѣтъ!..

Я солгалъ чуть ли не первый разъ въ жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тѣмъ болѣе. Теперь я носилъ въ себѣ цѣлый міръ смутныхъ вопросовъ и ощущеній. Могъ ли онъ понять меня? Могъ ли я въ чемъ-либо признаться ему, не измѣняя своимъ друзьямъ? Я дрожалъ при мысли, что онъ узнаетъ когда-либо о моемъ знакомствѣ съ «дурнымъ обществомъ», но измѣнить этому обществу, измѣнить Валеку и Марусѣ—я былъ не въ состояніи. Къ тому же здѣсь было тоже нѣ-

что вродѣ «принципа»: еслибъ я измѣнилъ ямъ, нарушивъ данное слово, то, безъ сомнѣнія, не могъ бы при встрѣчѣ поднять на нихъ глазъ отъ стыда.

VIII.

О с е н ь ю.

Близилась осень. Въ полѣ шла жатва, листья на деревьяхъ начали желтѣть. Виѣстѣ съ тѣмъ наша Маруся начала что-то прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только все худѣла; лицо ея все больше и больше блѣднѣло, глаза потемнѣли, стали больше, вѣки приподымались съ трудомъ.

Теперь я могъ приходиться на гору, не стѣсняясь тѣмъ, что члены «дурного общества» бывали дома. Я совершенно свыкъся съ ними и сталъ на горѣ своимъ человѣкомъ.

— Ты славный хлопецъ и когда-нибудь тоже будешь генераломъ,—говаривалъ Туркевичъ.

Темныя молодыя личности дѣлали мнѣ изъ вяза луки и самострѣлы; высокій штыкъ-юнкеръ съ краснымъ носомъ вертѣлъ меня на воздухъ какъ щепку, приучая къ гимнастикѣ. Только «профессоръ» да Лавровскій какъ будто совершенно не замѣчали моего присутствія. «Профессоръ», по-всегдашнему, былъ погруженъ въ какія-то глубокия соображенія, а Лавровскій въ трезвомъ состояніи вообще избѣгалъ людского общества и жался по угламъ.

Всѣ эти люди помѣщались отдѣльно отъ Тыбурція,

который занималъ «съ семействомъ» описанное выше подземелье. Остальные члены «дурного общества» жили въ такомъ же подземельи, побольше, которое отдѣлялось отъ перваго двумя узкими корридорами. Свѣту здѣсь было меньше, больше сырости и мрака. Вдоль стѣнъ кое-гдѣ стояли деревянныя лавки и обрубки, замѣнявшіе стулья. Скамейки были завалены какими-то лохмотьями, замѣнявшими постели. Въ серединѣ, въ освѣщенномъ мѣстѣ, стоялъ верстакъ, на которомъ по временамъ панъ Тыбурцій или кто-либо изъ темныхъ личностей работали столярныя подѣлки; былъ среди «дурного общества» и сапожникъ, и корзинщикъ, но, кромѣ Тыбурція, всѣ остальные ремесленники были или дилетанты, или же какіе-нибудь заморыши, или люди, у которыхъ, какъ я замѣчалъ, слишкомъ сильно тряслись руки, чтобы работа могла идти успѣшно. Полъ этого подземелья былъ закиданъ стружками и всякими обрѣзками; всюду видѣлись грязь и беспорядокъ, хотя по временамъ Тыбурцій за это сильно ругался и заставлялъ кого-нибудь изъ жильцовъ подмести и хотя сколько-нибудь убрать это мрачное жилие. Я не часто заходилъ сюда, такъ какъ не могъ привыкнуть къ затхлому воздуху, и, кромѣ того, въ трезвья минуты здѣсь имѣлъ пребываніе мрачный Лавровскій. Онъ обыкновенно или сидѣлъ на лавочкѣ, спрятавъ лицо въ ладони и раскидавъ свои длинные волосы, или ходилъ изъ угла въ уголъ быстрыми шагами. Отъ этой фигуры вѣяло чѣмъ-то тяжелымъ и мрачнымъ, чего не выносили мои нервы. Но остальные сожители-бѣдняги давно уже свыклись съ его стран-

ностями. «Генераль» Туркевичъ заставлялъ его иногда переписывать на-бѣло сочиняемыя самимъ Туркевичемъ прошенія и кляузы для обывателей или же шуточные пасквили, которые потомъ развѣшивалъ на фонарныхъ столбахъ. Лавровскій покорно садился за столикъ въ комнатѣ Тыбурціи и по цѣлымъ часамъ выводилъ прекраснымъ почеркомъ ровныя строки. Раза два мнѣ довелось видѣть, какъ его, безчувственно-пьянаго, тащили сверху въ подземелье. Голова несчастнаго, свѣсившись, болталась изъ стороны въ сторону, ноги бессильно тащились и стучали по каменнымъ ступенькамъ, на лицѣ виднѣлось выраженіе страданія, по щекамъ текли слезы. Мы съ Марусей, крѣпко прижавшись другъ къ другу, смотрѣли на эту сцену изъ дальняго угла; но Валекъ совершенно свободно шнырялъ между большими, поддерживая то руку, то ногу, то голову безпомощнаго Лавровскаго.

Все, что меня забавляло и интересовало въ этихъ людяхъ, какъ балаганное представленіе, на улицахъ,—здѣсь, за кулисами, являлось въ своемъ настоящемъ не прикрашенномъ видѣ и тяжело угнетало дѣтское сердце.

Тыбурціей пользовался здѣсь непререкаемымъ авторитетомъ. Онъ открылъ эти подземелья; онъ здѣсь распоряжался, и всѣ его приказанія исполнялись. Вѣроятно, поэтому именно я не припомню ни одного случая, когда бы кто-либо изъ этихъ людей, несомнѣнно потерявшихъ чело-вѣческой обликъ, обратился ко мнѣ съ какимъ-нибудь дурнымъ предложеніемъ. Теперь, умудренный прозаическимъ опытомъ жизни, я знаю, конечно, что тамъ былъ

мелкій развратъ, грошевые пороки и гниль. Но когда эти люди и эти картины встають въ моей памяти, затаяутые дымкой прошедшаго, я вижу только черты тяжелаго трагизма, глубокаго горя и бѣдствій.

Дѣтство, юность—это великіе источники идеализма!

Осень все больше вступала въ свои права. Небо все чаще заволакивалось тучами, окрестности тонули въ туманномъ сумракѣ; потоки дождя шумно лились на землю, отдаваясь однообразнымъ и грустнымъ гуломъ въ подземельяхъ.

Мнѣ стоило много труда урываться изъ дому въ такую погоду; впрочемъ, я только старался уйти незаметнымъ; когда же возвращался домой весь вымокшій, то самъ развѣшивалъ платье противъ камина и смиренно ложился въ постель, философски отмалчиваясь подъ цѣлымъ градомъ упрековъ, которые лились изъ устъ нянекъ и служанокъ.

Каждый разъ, придя къ своимъ друзьямъ, я замѣчалъ, что Маруся все больше хирѣетъ. Теперь она совсѣмъ уже не выходила на воздухъ, и сѣрый камень—темное, молчаливое чудовище подземелья—продолжалъ безъ перерывовъ свою ужасную работу, высасывая жизнь изъ маленькаго тѣльца. Дѣвочка теперь бѣольшую часть времени проводила въ постели, и мы съ Валекомъ истощали всѣ усилія, чтобы развлечь ее и позабавить, чтобы вызвать тихіе переливы ея слабаго смѣха.

Теперь, когда я окончательно сжился съ «дурнымъ обществомъ», грустная улыбка Маруси стала мнѣ почти такъ же дорога, какъ улыбка сестры; но тутъ никто не

ставилъ мнѣ вѣчно на видѣ мою испорченность, тутъ не было ворчливой няньки, тутъ я былъ нуженъ,—я чувствовалъ, что каждый разъ мое появленіе вызываетъ румянецъ оживленія на щекахъ дѣвочки. Валекъ обнималъ меня какъ брата, и даже Тыбурцій по временамъ смотрѣлъ на насъ троихъ какими-то странными глазами, въ которыхъ что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; съ него сбѣжали послѣднія тучи, и надъ просыхающею землей, въ послѣдній разъ передъ наступленіемъ зимы, засіяли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверхъ, и здѣсь она какъ будто оживала; дѣвочка смотрѣла вокругъ широко раскрытыми глазами, на щекахъ ея загорался румянецъ; казалось, что вѣтеръ, обдававшій ее своими свѣжими, живительными взмахами, возвращалъ ей частицы жизни, похищенные сѣрыми камнями подземелья. Но это продолжалось такъ не долго...

Между тѣмъ надъ моею головой тоже стали собираться тучи.

Однажды, когда я, по обыкновенію, утромъ проходилъ по аллеямъ сада, я увидѣлъ въ одной изъ нихъ отца, а рядомъ стараго Януша изъ замка. Старикъ подобострастно кланялся и что-то говорилъ, а отецъ стоялъ съ угрюмымъ видомъ и на лбу его рѣзко обозначалась складка нетерпѣливаго гнѣва. Наконецъ, онъ протянулъ руку, какъ бы отстраняя Януша съ своей дороги, и сказалъ:

— Уходите! Вы просто старый сплетникъ!

Старикъ какъ-то заморгалъ и, держа шапку въ рукахъ, опять забѣжалъ впередъ и загородилъ отцу дорогу.

Глаза отца сверкнули гнѣвомъ. Янушъ говорилъ тихо и словъ его мнѣ не было слышно, за то отрывистыя фразы отца доносились совершенно явственно, падая точно удары хлыста.

— Не вѣрю ни одному слову... Что вамъ надо отъ этихъ людей? Гдѣ же доказательства?... Словесныхъ допосовъ я не слушаю, а письменный вы обязаны доказать... Молчать! это ужь мое дѣло... Не желаю и слушать.

Наконецъ, онъ такъ рѣшительно отстранилъ Януша, что тотъ не посмѣлъ болѣе надоѣдать ему; отецъ повернулъ въ боковую аллею, а я побѣжалъ къ калиткѣ.

Я сильно недолюбливалъ стараго филина изъ замка и теперь сердце мое дрогнуло предчувствіемъ. Я понялъ, что подслушанный мною разговоръ относился къ моимъ друзьямъ и, быть-можетъ, также ко мнѣ.

Тыбурцій, которому я рассказалъ объ этомъ случаѣ, скорчилъ ужасную гримасу:

— У-уфъ, малый, какая это неприятная новость!... О, проклятая старая лисица!

— Отецъ его прогналъ,—замѣтилъ я, въ видѣ утѣшенія.

— Твой отецъ, малый, самый лучший изъ всѣхъ судей, начиная отъ Соломона... Однако, знаешь ли ты, что такое *curriculum vitae*? Не знаешь, конечно. Ну, а формулярный списокъ знаешь? Ну, вотъ видишь ли: *curriculum vitae* это есть формулярный списокъ человѣка, не служившаго въ уѣздномъ судѣ, и если только старый сычъ кое-что пронюхалъ и сможетъ доставить твоему отцу

мой списокъ, то... ахъ, клянусь Богородицей, не желалъ бы я попасть къ судѣ въ лапы!...

— Развѣ онъ злой?—спросилъ я, вспомнивъ отзвѣы Валека.

— Нѣтъ, нѣтъ, малый! Храни тебя Богъ подумать это объ отцѣ. У твоего отца есть сердце; быть-можетъ онъ уже и теперь знаетъ все, чтѣ можетъ сказать ему Янушъ, но онъ молчитъ: онъ не считаетъ нужнымъ травить стараго беззубаго звѣря въ его послѣдней берлогѣ... Но, малый, какъ бы тебѣ объяснить это?... Твой отецъ служить господину, котораго имя—законъ. У него есть глаза и сердце только до тѣхъ поръ, пока законъ спитъ себѣ на полкахъ; когда же этотъ господинъ сойдетъ оттуда и скажетъ твоему отцу: «а ну-ка, судья, не взятыся ли намъ за Тыбурція Драба или какъ тамъ его зовутъ?»—съ этого момента судья тотчасъ запираетъ свое сердце на ключъ, и тогда у судьи такія твердыя лапы, что скорѣе міръ повернется въ другую сторону, чѣмъ панъ Тыбурцій вывернется изъ его рукъ... Пони-маешь ты, малый?... И за это я и всѣ еще больше уважаемъ твоего отца, потому что онъ вѣрный слуга своего господина, а такіе люди рѣдки. Будь у закона все такіе слуги, онъ могъ бы спать себѣ спокойно на своихъ полкахъ и никогда не просыпаться... Вся бѣда моя въ томъ, что у меня съ закономъ вышла когда-то, давно уже, ссора... ахъ, малый, очень крупная ссора!

Съ этими словами Тыбурцій всталъ, взявъ на руки Марусю и, отойдя съ нею въ дальній уголь, сталъ цѣловать ее, прижимаясь своею безобразною головой къ ея

маленькой груди. А я остался на мѣстѣ и долго стоялъ въ одномъ положеніи, подѣ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей страннаго человѣка. Несмотря на причудливые и непонятные обороты, я отлично схватилъ сущность того, что говорилъ объ отцѣ Тыбурцій, и фигура отца въ моемъ представленіи еще выросла, облеклась ореоломъ грозной, но симпатичной силы и даже какого-то величія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и другое, горькое чувство... «Вотъ онъ какой,—думалось мнѣ,—но все же онъ меня не любить».

IX.

К у к л а.

Ясные дни миновали и Марусѣ опять стало хуже. На всѣ наши ухищренія, съ цѣлью занять ее, она смотрѣла равнодушно своими большими, потемнѣвшими и неподвижными глазами и мы давно уже не слышали ея смѣха. Я сталъ носить въ подземелье свои игрушки, но и онѣ развлекали дѣвочку только на короткое время. Тогда я рѣшился обратиться къ своей сестрѣ Сонѣ.

У Сони была большая кукла, съ ярко раскрашеннымъ лицомъ и роскошными льняными волосами, подарокъ покойной матери. На эту куклу я возлагалъ большія надежды и потому, отозвавъ сестру въ боковую аллею сада, попросилъ дать мнѣ ее на время. Я такъ убѣдительно просилъ ее объ этомъ, такъ живо описалъ ей бѣдную больную дѣвочку, у которой никогда не было

своихъ игрушекъ, что Соня, которая сначала только прижимала куклу къ себѣ, отдала мнѣ ее и обѣщала въ теченіе двухъ-трехъ дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о куклѣ.

Дѣйствіе этой нарядной фаянсовой барышни на нашу большую превзошло всѣ мои ожиданія. Маруся, которая увядала какъ цвѣтокъ осенью, казалось, вдругъ опять ожила. Она такъ крѣпко меня обнимала, такъ звонко смѣялась, разговаривая со своею новою знакомой... Маленькая кукла сдѣлала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая съ постели, стала ходить, воя за собой свою бѣлокурую дочку, и по временамъ бѣгала даже, по-прежнему шлепая по полу слабыми ногами.

За то мнѣ эта кукла доставила очень много тревожныхъ минутъ. Прежде всего, когда я несъ ее за пазухой, направляясь съ нею на гору, въ дорогѣ мнѣ попался старый Янушъ, который долго провожалъ меня глазами и качалъ головой. Потомъ, дня черезъ два, старушка-няня замѣтила пропажу и стала соваться по угламъ, вездѣ разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, во своими наивными увѣреніями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только вызывала недоумѣніе служанокъ и возбуждала подозрѣніе, что тутъ не простая пропажа. Отецъ ничего еще не зналъ, но къ нему опять приходилъ Янушъ и былъ прогнанъ на этотъ разъ съ еще большимъ гнѣвомъ; однако въ тотъ же день отецъ остановилъ меня на пути къ садовой калиткѣ и велѣлъ остаться дома. На слѣдующій день повторилось то же, и только черезъ четыре

дня я всталъ рано утромъ и махнулъ черезъ заборъ, пока отецъ еще спалъ.

На горѣ дѣла опять были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало еще хуже: лицо ея горѣло страннымъ румянцемъ, бѣлокурые волосы раскинулись по подушкѣ: она никого не узнавала. Рядомъ съ ней лежала злополучная кукла, съ розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщилъ Валеку свои опасенія, и мы рѣшили, что куклу необходимо унести обратно, тѣмъ болѣе, что Маруся этого и не замѣтитъ. Но мы ошиблись: какъ только я вынулъ куклу изъ рукъ лежащей въ забытьи дѣвочки, она открыла глаза, посмотрѣла передъ собой смутнымъ взглядомъ, какъ будто не видя меня, не сознавая, что съ ней происходитъ, и вдругъ заплакала тихо, тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жалобно, и въ исхудаломъ лицѣ, подъ покровомъ бреда, мелькнуло выраженіе такого глубокаго горя, что я тотчасъ же съ испугомъ положилъ куклу на прежнее мѣсто. Дѣвочка улыбнулась, прижала куклу къ себѣ и успокоилась. Я понялъ, что хотѣлъ лишить моего маленькаго друга первой и послѣдней радости ея недолгой жизни.

Валекъ робко посмотрѣлъ на меня.

— Какъ же теперь будетъ?—спросилъ онъ грустно.

Тыбурцій, сидя на лавочкѣ съ печально понуренною головой, также смотрѣлъ на меня вопросительнымъ взглядомъ. Поэтому я постарался придать себѣ видъ по возможности безпечный и сказалъ:

— Ничего! Нянька, навѣрное, ужъ забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этотъ разъ возвращался домой, у калитки мнѣ опять попался Янушъ; Соню я засталъ съ заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющій взглядъ и что-то ворчала беззубымъ, шамкающимъ ртомъ.

Отецъ спросилъ у меня, куда я ходилъ, и, выслушавъ внимательно обычный отвѣтъ, ограничился тѣмъ, что повторилъ мнѣ приказъ ни подъ какимъ видомъ не отлучаться изъ дому безъ его позволенія. Приказъ былъ категориченъ и очень рѣшителенъ; послушаться его я не посмѣлъ, но не рѣшался также и обратиться къ отцу съ позволеніемъ.

Прошло четыре томительныхъ дня. Я грустно ходилъ по саду и съ тоской смотрѣлъ по направленію къ горѣ, ожидая, кромѣ того, грозы, которая собиралась надъ моею головой. Чтò будетъ, я не зналъ, но на сердцѣ у меня было тяжело. Меня въ жизнь никто еще не наказывалъ; отецъ не только не трогалъ меня пальцемъ, но я отъ него не слышалъ никогда ни одного рѣзкаго слова. Теперь меня томило тяжелое предчувствіе.

Наконецъ, меня позвали къ отцу, въ его кабинетъ. Я вошелъ и робко остановился у притолки. Въ окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отецъ нѣкоторое время сидѣлъ въ своемъ креслѣ, передъ портретомъ матери, и не поворачивался ко мнѣ. Я слышалъ тревожный стукъ собственнаго сердца.

Наконецъ, онъ повернулся. Я поднялъ на него глаза и тотчасъ же ихъ опустилъ въ землю. Лицо отца показалось мнѣ страшнымъ. Прошло около полминуты и въ

теченіе этого времени я чувствовалъ на себѣ тяжелый и неподвижный, подавляющій взглядъ.

— Ты взялъ у сестры куклу?

Эти слова упали вдругъ на меня такъ отчетливо и рѣзко, что я вздрогнулъ.

— Да,—отвѣтилъ я тихо.

— А знаешь ты, что это подарокъ матери, которымъ ты долженъ бы дорожить какъ святыней?... Ты укралъ ее?

— Нѣтъ,—сказалъ я, подымая голову.

— Какъ нѣтъ?—вскрикнулъ вдругъ отецъ, отталкивая кресло.—Ты укралъ ее и снесъ... Кому ты снесъ ее?... Говори!

Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ на плечо тяжелую руку. Я съ усиліемъ поднялъ голову и взглянулъ вверхъ. Лицо отца было блѣдно. Складка боли, которая со смерти матери залегла у него между бровями, не разгладилась и теперь, но глаза горѣли мрачнымъ гнѣвомъ. Я весь съежился. Изъ этихъ глазъ, глазъ отца, глянуло на меня, какъ мнѣ показалось, безуміе или... ненависть.

— Ну, что-жь ты?... Говори!—и рука, державшая мое плечо, сжала его сильнѣе.

— Н-не скажу,—отвѣтилъ я тихо.

— Нѣтъ, скажешь! — отчеканилъ отецъ и въ голосѣ его зазвучала угроза.

— Не скажу,—прошепталъ я еще тише.

— Скажешь, скажешь!...

Онъ повторилъ это слово сдавленнымъ голосомъ, точно

оно вырвалось у него съ болью и усилиемъ. Я чувствовалъ, какъ дрожала его рука, и, казалось, слышалъ даже клокотавшее въ груди его бѣшенство. И я все ниже опускалъ голову, и слезы одна за другой капали изъ моихъ глазъ на полъ, но я все повторялъ едва слышно:

— Нѣтъ, не скажу... никогда, никогда не скажу...

Въ эту минуту во мнѣ сказался сынъ моего отца. Онъ не добился бы отъ меня иного отвѣта самыми страшными муками. Въ моей груди, на-встрѣчу его угрозамъ, подымалось едва сознанное оскорбленное чувство покинутаго ребенка и какая-то жгучая любовь къ тѣмъ, чьей выдачи онъ у меня требовалъ.

Отецъ тяжело перевелъ духъ. Я съезжился еще болѣе, горькія слезы жгли мои щеки. Я ждалъ.

Изобразить чувство, которое я испытывалъ въ то время, очень трудно. Я зналъ, что въ его груди кипитъ бѣшенство, что можетъ-быть черезъ секунду мое тѣло забьется безпомощно въ его сильныхъ и изступленныхъ рукахъ. Что онъ со мной сдѣлаетъ? — швырнетъ... изломаетъ; но мнѣ теперь кажется, что я боялся не этого... Даже въ эту страшную минуту я любилъ этого человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинно чувствовалъ, что вотъ сейчасъ онъ бѣшенымъ насиліемъ разобьетъ мою любовь въ дребезги, что затѣмъ, пока я буду жить, въ его рукахъ и послѣ, навсегда, навсегда въ моемъ сердцѣ вспыхнетъ та же пламенная ненависть, которая мелькнула для меня въ его мрачныхъ глазахъ.

Теперь я совсѣмъ пересталъ бояться; въ моей груди

зашекотало что-то вродѣ задорнаго, дерзкаго вызова... Кажется, я ждалъ и желалъ, чтобы катастрофа, наконецъ, разразилась. Если такъ... пусть... тѣмъ лучше, — да, тѣмъ лучше... тѣмъ лучше...

Отецъ опять тяжело вздохнулъ. Я уже не смотрѣлъ на него, только слышалъ этотъ вздохъ, — тяжелый, прерывистый, долгій... Справился ли онъ самъ съ овладѣвшимъ имъ изступленіемъ, или это чувство не получило исхода благодаря послѣдующему неожиданному обстоятельству, я и до сихъ поръ не знаю. Знаю только, что въ эту критическую минуту раздался вдругъ за открытомъ окномъ рѣзкій голосъ Тыбурція:

— Эге-ге!... Мой бѣдный маленькій другъ...

«Тыбурцій пришелъ!» — промелькнуло у меня въ головѣ, но этотъ приходъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Я весь превратился въ ожиданіе, и даже чувствуя, какъ дрогнула рука отца, лежавшая на моемъ плечѣ, я не представлялъ себѣ, чтобы появленіе Тыбурція или какое бы то ни было другое внѣшнее обстоятельство могло стать между мною и отцомъ, могло отклонить то, что я считалъ неизбѣжнымъ и чего ждалъ съ приливомъ задорнаго и отвѣтнаго гнѣва.

Между тѣмъ Тыбурцій быстро отперъ входную дверь и, остановившись на порогѣ, въ одну секунду оглядѣлъ насъ обоихъ своими острыми, рысьими глазами. Я до сихъ поръ помню малѣйшую черту этой сцены. На мгновеніе въ зеленоватыхъ глазахъ, въ широкомъ некрасивомъ лицѣ уличнаго оратора мелькнула холодная и злорадная насмѣшка, но это было только на мгновеніе. За-

тѣмъ онъ покачалъ головой, и въ его голосѣ зазвучала скорѣе грусть, чѣмъ обычная иронія.

— Эге-ге!... Я вижу моего молодого друга въ затруднительномъ положеніи...

Отецъ встрѣтилъ его мрачнымъ, угрожающимъ взглядомъ, но Тыбурцій выдержалъ этотъ взглядъ спокойно. Теперь онъ былъ серьёзенъ, не кривлялся и глаза его глядѣли какъ-то особенно грустно.

— Панъ судья!—заговорилъ онъ мягко,—вы человекъ справедливый... отпустите ребенка. Малый былъ въ «дурломъ обществѣ», но, видитъ Богъ, онъ не сдѣлалъ дурного дѣла, и если его сердце лежитъ къ моимъ оборваннымъ бѣднягамъ, то, клянусь Богородицей, лучше велите меня повѣсить, но я не допущу, чтобы мальчикъ пострадалъ изъ-за этого. Вотъ твоя кукла, малый!...

Онъ развязалъ узелокъ и вынулъ оттуда куклу.

Рука отца, державшая мое плечо, разжалась. Въ лицѣ виднѣлось изумленіе.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Отпустите мальчика, — повторилъ Тыбурцій, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову.—Вы ничего не добьетесь отъ него угрозами, а между тѣмъ я охотно расскажу вамъ все, что вы желаете знать... Выйдемъ, панъ судья, въ другую комнату.

Отецъ, все время смотрѣвшій на Тыбурціа удивленными глазами, повиновался. Оба они вышли, а я остался на мѣстѣ, подавленный ощущеніями, переполнившими мое сердце. Въ эту минуту я ни въ чемъ не отдавалъ себѣ отчета, и если теперь я помню всѣ детали этой

сцены, если я помню даже, какъ за окномъ возились воробьи, а съ рѣчки доносился мѣрный плескъ весель, — то это просто механическое дѣйствіе памяти. Ничего этого тогда для меня не существовало; былъ только маленькій мальчикъ, въ сердцѣ котораго встряхнули два разнородныя чувства: гнѣвъ и любовь, — такъ сильно, что это сердце замутилось, какъ мутятся отъ толчка въ стаканѣ двѣ отстоявшіяся разнородныя жидкости. Былъ такой мальчикъ, и этотъ мальчикъ былъ я, и мнѣ самому себя было какъ будто жалко. Да еще были два голоса, смутнымъ, хотя и оживленнымъ говоромъ звучавшіе за дверью...

Я все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ дверь кабинета отворилась и оба собесѣдника вошли. Я опять почувствовалъ на своей головѣ чью-то руку и вздрогнулъ. То была рука отца, нѣжно гладившая мои волосы.

Тыбурцій взялъ меня на руки и посадилъ, въ присутствіи отца, къ себѣ на колѣни.

— Приходи къ намъ, — сказалъ онъ, — отецъ тебя отпустить попросится съ моей дѣвочкой. Она... она умерла.

Голосъ Тыбурція дрогнулъ, онъ странно заморгалъ глазами, но тотчасъ же всталъ, поставилъ меня на полъ, выпрямился и быстро ушелъ изъ комнаты.

Я вопросительно поднялъ глаза на отца. Теперь передо мной стоялъ другой человѣкъ, но въ этомъ именно человѣкѣ я нашелъ что-то родное, чего тщетно искалъ въ немъ прежде. Онъ смотрѣлъ на меня обычнымъ сво-

имъ задумчивымъ взглядомъ, но теперь въ этомъ взглядѣ виднѣлся оттѣнокъ удивленія и какъ будто вопросъ. Кажется, буря, которая только-что пронеслась надъ нами обоими, разсѣяла тяжелый туманъ, нависшій надъ душой отца, застывшій его добрый и любящій взглядъ... и отецъ только теперь сталъ узнавать во мнѣ знакомыя черты своего родного сына.

Я довѣрчиво взялъ руку и сказалъ:

— Я вѣдь не украдь... Соня сама дала мнѣ, на время...

— Д-да,—отвѣтилъ онъ задумчиво,—я знаю.. Я виновать передъ тобою, мальчикъ, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я съ живостью схватилъ его руку и сталъ ее цѣловать. Я зналъ, что теперь никогда уже онъ не будетъ смотрѣть на меня тѣми страшными глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и долго сдерживаемая любовь невозбранно хлынула цѣлымъ потокомъ. Теперь я уже его не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору?—спросилъ я, вспомнивъ вдругъ приглашеніе Тыбурція.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчикъ, попрощайся...— ласково проговорилъ онъ все еще съ тѣмъ же оттѣнкомъ недоумѣнія въ голосѣ.—Да, впрочемъ, стой... пожалуй-ста, мальчикъ, погоди немного.

Онъ ушелъ въ свою спальню и, черезъ минуту выйдя оттуда, сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько бумажекъ.

— Передай это... Тыбурцію... Скажи, что я покорнѣйше прошу его,—понимаешь?... покорнѣйше прошу—

взять эти деньги... отъ тебя... Ты понялъ?... Да еще скажи, — добавилъ отецъ, какъ будто колеблясь, — скажи, что если онъ знаетъ одного тутъ... Федоровича, то пусть скажетъ, что этому Федоровичу лучше уйти изъ нашего города... Теперь ступай, мальчикъ, ступай скорѣе.

Я догналъ Тыбурція уже на горѣ и, запыхавшись, нескладно исполнилъ порученіе отца.

— Покорнѣйше просить... отецъ...—и я сталъ совать ему въ руку данныя отцомъ деньги.

Я не глядѣлъ ему въ лицо. Деньги онъ взялъ и мрачно выслушалъ дальнѣйшее порученіе относительно Федоровича.

Въ подземельи, въ темномъ углу, на лавочкѣ, лежала Маруся. Слово смерть не имѣетъ еще полного значенія для дѣтскаго слуха, и горькія слезы только теперь, при видѣ этого безжизненнаго тѣла, сдавили мнѣ горло. Моя маленькая пріятельница лежала серьезная и грустная, съ печально вытянутымъ личикомъ. Закрытые глаза слегка ввалились и еще рѣзче отгѣнились синевою. Ротикъ немного раскрылся, съ выраженіемъ дѣтской печали. Маруся какъ будто отвѣчала этуо гримаской на наши слезы.

«Профессоръ» стоялъ у изголовья и безучастно качалъ головой. Штыкъ-юнкеръ стучалъ въ углу топоромъ, готовя, съ помощью нѣсколькихъ темныхъ личностей, гробикъ изъ старыхъ досокъ, сорванныхъ съ крыши часовни. Лавровскій, трезвый и съ выраженіемъ полного сознанія, убиралъ Марусю собранными имъ самимъ осеп-

ними цвѣтами. Валекъ спалъ въ углу, вздрагивая сквозь сонъ всѣмъ тѣломъ, и по временамъ нервно всхлипывалъ.

З а к л ю ч е н і е .

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій члены «дурного общества» разсѣялись въ разныя стороны. Остались только «профессоръ», по-прежнему, до самой смерти слонявшійся по улицамъ города, да Туркевичъ, которому отецъ давалъ по временамъ кое-какую письменную работу: Я, съ своей стороны, пролилъ не мало крови въ битвахъ съ еврейскими мальчишками, терзавшими «профессора» напоминаніемъ о рѣжущихъ и колющихъ орудіяхъ.

Штыкъ-юнкеръ и темныя личности отправились куда-то искать счастья. Тыбурцій и Валекъ совершенно неожиданно исчезли и никто не могъ сказать, куда они направились теперь, какъ никто не зналъ, откуда они пришли въ нашъ городъ.

Старая часовня сильно пострадала отъ времени. Сначала у нея провалилась крыша, продавивъ потолокъ подземелья. Потомъ вокругъ часовни стали образовываться обвалы, и она стала еще мрачнѣе; еще громче завываютъ въ ней филины, а огни на могилахъ темными осенними ночами вспыхиваютъ синимъ, зловѣщимъ свѣтомъ.

Только одна могила, огороженная частоколомъ, каждую весну зеленѣла свѣжимъ дерномъ, пестрѣла цвѣтами.

Мы съ Соней, а иногда даже съ отцомъ, посѣщали эту могилу; мы любили сидѣть на ней въ тѣни смутно лепечущей березы, въ виду тихо сверкавшаго въ туманѣ города. Тутъ мы съ сестрой вмѣстѣ читали, думали, дѣлились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и намъ оставить тихій родной городъ, здѣсь же, въ послѣдній день, мы оба, полные жизни и надежды, произносили надъ маленькою могилкой свои обѣты.

1885 г.

СОНЪ МАКАРА.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗКАЗЪ).

СОНЪ МАКАРА.

(Святочный рассказ).

Этотъ сонъ видѣлъ бѣдный Макарь, который загналъ своихъ телятъ въ далекія, угрюмыя страны,—тотъ самый Макарь, на котораго, какъ извѣстно, валятся всѣ шишки.

Его родина—глухая слободка Чалганъ—затерялась въ далекой якутской тайгѣ. Отцы и дѣды Макара воевали у тайги кусокъ промерзшей землицы, и хотя угрюмая ~~чаща~~ все еще стояла вокругъ враждебною стѣной, они не унывали. По расчищенному мѣсту побѣжали изгороди, стали скирды и стога, разрастались маленькія дымныя куртки; наконецъ, точно побѣдное знамя, на холмикѣ изъ середины поселка выстрѣлила къ небу колокольня. Сталъ Чалганъ большою слободой.

Но пока отцы и дѣды Макара воевали съ тайгой, жгли ее огнемъ, рубили желѣзомъ, сами они незамѣтно дичали. Женись на якуткахъ, они перенимали якутскій языкъ и якутскіе нравы. Характеристическія черты великаго русскаго племени стирались и исчезали.

Какъ бы то ни было, все же мой Макаръ твердо понималъ, что онъ коренной чалганскій крестьянинъ. Онъ здѣсь родился, здѣсь жилъ, здѣсь же предполагалъ умереть. Онъ очень гордился своимъ званіемъ и иногда ругалъ другихъ «погаными якутами», хотя, правду сказать, самъ не отличался отъ якутовъ ни привычками, ни образомъ жизни. По-русски онъ говорилъ мало и довольно плохо; одѣвался въ звѣриныя шкуры, носилъ на ногахъ «тарбаса», питался въ обычное время одною лепешкой съ настоємъ кирпичнаго чая, а въ праздники и въ другихъ экстренныхъ случаяхъ съѣдалъ топленаго масла именно столько, сколько стояло передъ нимъ на столѣ. Онъ ѣздилъ очень искусно верхомъ на быкахъ, а въ случаѣ болѣзни призывалъ шамана, который, бѣснуясь, со скрежетомъ кидался на него, стараясь испугать и выгнать изъ Макара засѣвшую хворь.

Работалъ онъ страшно, жилъ бѣдно, терпѣлъ голодъ и холодъ. Были ли у него какія-нибудь мысли, кромѣ непрерывныхъ заботъ о лепешкѣ и чаѣ?— Да, были.

Когда онъ бывалъ пьянъ, онъ плакалъ. «Какая наша жизнь, — говорилъ онъ, — Господи Боже!» Кромѣ того, онъ говорилъ иногда, что желалъ бы все бросить и уйти на «гору». Тамъ онъ не будетъ ни пахать, ни сѣять, не будетъ рубить и возить дрова, не будетъ даже молоть зерно на ручномъ жерновѣ. Онъ будетъ только спасаться. Какая это гора, гдѣ она, онъ точно не зналъ; зналъ только, что гора эта есть, во-первыхъ, а во-вторыхъ, что она гдѣ-то далеко,—такъ далеко, что оттуда его нельзя будетъ добыть самому тойону-исправ-

нику... Податей платить, понятно, онъ также не будетъ...

Трезвый онъ оставлялъ эти мысли, быть-можетъ сознавая невозможность найти такую чудную гору; но пьяный становился отважнѣе. Онъ допускалъ, что можетъ не найти настоящую гору и попасть на другую. «Тогда пропадать буду», говорилъ онъ, но все-таки собирался; если же не приводилъ этого намѣренія въ исполненіе, то, вѣроятно, потому, что поселенцы-татары продавали ему всегда скверную водку, настоянную, для крѣпости, на махоркѣ, отъ которой онъ вскорѣ впадалъ въ безсиліе и становился боленъ.

Дѣло было въ канунъ Рождества и Макаръ было извѣстно, что завтра большой праздникъ. По этому случаю его томило желаніе выпить, но выпить было не на что: хлѣбъ былъ въ исходѣ; Макаръ уже задолжалъ у мѣстныхъ купцовъ и у татаръ. Между тѣмъ завтра большой праздникъ, работать нельзя,—что же онъ будетъ дѣлать, если не напьется? Эта мысль дѣлала его несчастнымъ. Какая его жизнь! Даже въ большой зимній праздникъ онъ не выпьетъ одну бутылку водки!

Ему пришла въ голову счастливая мысль. Онъ всталъ и надѣлъ свою рваную *сону* (шубу). Его жена, крѣпкая, жилистая, замѣчательно сильная и столь же замѣчательно безобразная женщина, знавшая насквозь всѣ его нехитрыя помышленія, угадала и на этотъ разъ его намѣреніе.

— Куда, дьяволь? Опять одинъ водку кушать хочешь?

— Молчи! Куплю одну бутылку. Завтра вмѣстѣ выпьемъ.

Онъ хлопнулъ ее по плечу такъ сильно, что она покачнулась, и лукаво подмигнулъ. Таково женское сердце! Она знала, что Макаръ непременно ее надуетъ, но поддалась обаянію супружеской ласки.

Онъ вышелъ, поймалъ въ *алась* стараго лысанку, привелъ его за гриву къ саямъ и сталъ запрягать. Вскорѣ лысанка вынесъ своего хозяина за ворота. Тутъ онъ остановился и, повернувъ голову, вопросительно поглядѣлъ на погруженнаго въ задумчивость Макара. Тогда Макаръ дернулъ лѣвою вожжей и направилъ коня на край слободы.

На самомъ краю слободы стояла небольшая юртѣнка. Изъ нея, какъ и изъ другихъ юртъ, поднимался высоко, высоко дымъ камелька, застилая бѣлою, волнующеюся массою холодныя звѣзды и яркій мѣсяць. Огонь весело переливался, отсвѣчивая сквозь матовыя льдины. На дворе было тихо.

Здѣсь жили чужіе, дальніе люди. Какъ попали они сюда, какая непогода кинула ихъ въ далекія дебри, Макаръ не зналъ и не интересовался, но онъ любилъ вести съ ними дѣла, такъ какъ они его не прижимали и не очень стояли за плату.

Войдя въ юрту, Макаръ тотчасъ же подошелъ къ камельку и протянулъ къ огню свои иззябшія руки.

— Ча! — сказалъ онъ, выражая тѣмъ ощущеніе холода.

Чужіе люди были дома. На столѣ горѣла свѣча, хотя они ничего не работали. Одинъ лежалъ на постели и,

пуская кольца дыма, задумчиво слѣдилъ за его завитками, видимо связывая съ ними длинныя нити собственныхъ думъ. Другой сидѣлъ противъ камелька и тоже вдумчиво слѣдилъ, какъ перебѣгали огни по нагорѣвшему дереву.

— Здорѣво,—сказалъ Макаръ, чтобы прервать тяготившее его молчаніе.

Конечно, онъ не зналъ, какое горе лежало на сердцѣ чужихъ людей, какія воспоминанія тѣснились въ ихъ головахъ въ этотъ вечеръ, какіе образы чудились имъ въ фантастическихъ переливахъ огня и дыма. Къ тому же у него была своя забота.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій у камелька, поднялъ голову и посмотрѣлъ на Макара смутнымъ взглядомъ, какъ будто не узнавая его. Потомъ онъ тряхнулъ головой и быстро поднялся со стула.

— А, здорѣво, здорѣво, Макаръ! Вотъ и отлично. Напьемся съ нами чаю?

Макару предложеніе понравилось.

— Чаю? — переспросилъ онъ. — Это хорошо!... Вотъ, братъ, хорошо, отлично!

Онъ сталъ живо разоблачаться. Снявъ шубу и шапку, онъ почувствовалъ себя развязнѣе, а увидавъ, что въ самоварѣ запылали уже горячіе угли, обратился къ молодому человѣку съ изліяніемъ:

— Я васъ люблю, вѣрно!... Такъ люблю, такъ люблю! Ночи не сплю...

Чужой человѣкъ повернулся и на лицѣ его появилась горькая улыбка.

— А, любишь?—сказалъ онъ. — Что же тебѣ надо? Макарь замылся.

— Есть дѣло,—отвѣтилъ онъ.—Да ты почему узналъ? Ладно. Уждь, чай выпью, скажу.

Такъ какъ чай былъ предложенъ Макару самими хозяевами, то онъ счелъ умѣстнымъ пойти далѣе.

— Нѣтъ ли жаренаго? Я люблю,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, ничего,—сказалъ Макарь успокоительнымъ тономъ, — съѣмъ въ другой разъ... Вѣрно?—переспросилъ онъ,—въ другой разъ?

— Ладно.

Теперь Макарь считалъ за чужими людьми въ долгу кусокъ жаренаго мяса, а у него подобные долги никогда не пропадали.

Черезъ часъ онъ опять сѣлъ въ свои дровни. Онъ добылъ цѣлый рубль, продавъ впередъ пять возовъ дровъ на сходныхъ сравнительно условіяхъ. Правда, онъ клялся и божился, что не пропьетъ этихъ денегъ сегодня, а самъ намѣревался сдѣлать это немедленно. Но что за дѣло? Предстоящее удовольствіе заглушало укору совѣсти. Онъ не думалъ даже о томъ, что пьяному ему предстоитъ жестокая трепка отъ обманутой вѣрной супруги.

— Куда же ты, Макарь, — крикнулъ, смѣясь, чужой человекъ, видя, что лошадь Макара, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо, свернула влѣво, по направленію къ татарамъ.

— Тпру-у!... Тпру-у!... Видишь, конь проклятый ка-

кой... куда ѣдетъ! — оправдывался Макаръ, все - таки крѣпко натягивая лѣвую вожжу и незамѣтно подхлестывая лысанку правой.

Умный конекъ, помахивая укоризненно хвостомъ, тихо поковылялъ въ требуемомъ направленіи, и вскорѣ скрипъ полозьевъ затихъ у татарскихъ воротъ.

У татарскихъ воротъ стояли на привязи нѣсколько коней съ высокими якутскими сѣдлами.

Въ тѣсной избѣ было душно. Рѣзкій дымъ махорки стоялъ цѣлою тучей, медленно втягиваемый камелькомъ. За столами и на скамейкахъ сидѣли пріѣзжіе якуты; на столахъ стояли чашки съ водкой; кое-гдѣ помѣщались лучки играющихъ въ карты. Лица были потны и красны. Глаза игроковъ дежо слѣдили за картами. Деньги вынимались и тотчасъ же прятались по карманамъ. Въ углу, на соломѣ, пьяный якутъ покачивался, сидя, и тянулъ безконечную пѣсню. Онъ выводилъ горломъ дикіе, скрипучіе звуки, повторяя на разные лады, что завтра большой праздникъ, а сегодня онъ пьянъ.

Макаръ отдалъ деньги и ему дали бутылку. Онъ сунулъ ее за пазуху и незамѣтно для другихъ отошелъ въ темный уголь. Тамъ онъ наливалъ чашку за чашкой и тянулъ ихъ одна за другою. Водка была горькая, разведенная, по случаю праздника, водой болѣе чѣмъ на три четверти. За то махорки, видимо, не жалѣли. У Макара каждый разъ захватывало на минуту дыханіе и въ глазахъ ходили какіе-то багровые круги.

Вскорѣ онъ опьянѣлъ. Онъ тоже опустился на солому и, обхвативъ руками колѣни, положилъ на нихъ отяжелѣвшую голову. Изъ его горла сами собой полились тѣ же нелѣпые скрипучіе звуки. Онъ пѣлъ, что завтра праздникъ и что онъ выпилъ пять возовъ дровъ.

Между тѣмъ въ избѣ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Входили новые посѣтители якуты, пріѣхавшіе молиться и пить татарскую водку. Хозяинъ увидѣлъ, что скоро не хватить всѣмъ мѣста. Онъ всталъ изъ-за стола и окинулъ взглядомъ собраніе. Взглядъ этотъ проникъ въ темный уголъ и увидѣлъ тамъ якута и Макара.

Онъ подошелъ къ якуту и, взявъ его за шиворотъ, вышвырнулъ вонъ изъ избы. Потомъ подошелъ къ Макару. Ему, какъ мѣстному жителю, татаринъ оказалъ больше почета. Широко отворивъ двери, онъ поддалъ бѣднягѣ сзади ногою такого леща, что Макаръ вылетѣлъ изъ избы и ткнулся носомъ прямо въ сугробъ снѣга.

Трудно сказать, былъ ли онъ оскорбленъ подобнымъ обращеніемъ. Онъ чувствовалъ, что въ рукавахъ у него снѣгъ, снѣгъ на лицѣ. Кое-какъ выбравшись изъ сугроба, онъ поплелся къ своему лысанкѣ.

Луна поднялась уже высоко. Большая Медвѣдица стала опускать хвостъ книзу. Морозъ крѣпчалъ. По временамъ, на сѣверѣ, изъ-за темнаго полукруглаго облака, вставали, слабо играя, огненные столбы начинавшагося сѣвернаго сіянія.

Лысанка, видимо понимавшій положеніе хозяина, осторожно и разумно поплелся къ дому. Макаръ си-

дѣлъ на дровняхъ, покачиваясь, и продолжалъ свою пѣсню. Онъ пѣлъ, что выпилъ пять возовъ дровъ и что старуха будетъ его колотить. Звуки, вырывавшіеся изъ его горла, скрипѣли и стонали въ вечернемъ воздухѣ такъ уныло и жалобно, что у чужого человѣка, который въ это время взобрался на юрту, чтобы закрыть трубу камелька, стало отъ Макаровой пѣсни еще тяжелѣе на сердцѣ. Между тѣмъ лысанка вынесъ дровни на холмикъ, откуда видны были окрестности. Снѣга ярко блестя, облитые луннымъ сіяніемъ. Временами свѣтъ луны какъ будто таялъ, снѣга темнѣли и тотчасъ же на нихъ переливался отблескъ сѣвернаго сіянія. Тогда казалось, что снѣжные холмы и тайга на нихъ то приближались, то опять удалялись. Макару ясно виднѣлась подъ самою тайгой снѣжная плѣшь Ямалахскаго холмика, за которымъ въ тайгѣ у него поставлены были ловушки для всякаго лѣснаго звѣря и птицы.

Это измѣнило ходъ его мыслей. Онъ запѣлъ, что въ ловушку его попала лисица. Онъ продастъ завтра шкуру и старуха не станетъ его колотить.

Въ морозномъ воздухѣ раздался первый ударъ колокола, когда Макаръ вошелъ въ избу. Онъ первымъ словомъ сообщилъ старухѣ, что у нихъ въ плашку попала лисица. Онъ совсѣмъ забылъ, что старуха не пила вмѣстѣ съ нимъ водки, былъ сильно удивленъ, когда, невзирая на радостное извѣстіе, она немедленно нанесла ему ногою жестокий ударъ. Затѣмъ, пока онъ повалился на постель, она еще успѣла толкнуть его кулакомъ въ спину.

Надъ Чалганомъ, между тѣмъ, неся, разливаясь далеко, далеко, торжественный праздничный звонъ...

Онъ лежалъ на постели. Голова у него горѣла. Внутри жгло точно огнемъ. По жиламъ разливалась крѣпкая смѣсь водки и табачнаго настоя. По лицу текли холодныя струйки талаго снѣга; такія же струйки стекали и по спинѣ.

Старуха думала, что онъ спитъ. Но онъ не спалъ. Изъ головы у него не шла лисица. Онъ успѣлъ вполнѣ убѣдиться, что она попала въ ловушку; онъ даже зналъ, въ которую именно. Онъ ее видѣлъ, — видѣлъ, какъ она, прищепленная тяжелою плахой, роетъ снѣгъ когтями и старается вырваться. Лучи луны, продираясь сквозь чащу, играли на золотой шерсти. Глаза звѣря сверкали ему на-встрѣчу.

Онъ не выдержалъ и, вставъ съ постели, направился къ своему вѣрному лысанкѣ, чтобы ѣхать въ тайгу.

Что это? Неужели сильныя руки старухи схватили за воротникъ его *соны* и онъ опять брошенъ въ постель?

Нѣтъ, вотъ онъ уже за слободю. Половья ровно поскрипываютъ по крѣпкому снѣгу. Чалганъ остался сзади. Сзади несется торжественный гулъ церковнаго колокола, а надъ темною чертой горизонта, на свѣтломъ небѣ мелькають цѣлыя вереницы черныхъ силуэтовъ якутскихъ всадниковъ, въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ. Якуты спѣшатъ въ церковь.

Между тѣмъ луна опустила, а вверху, въ самомъ зе-

нить, стало блѣсватое облачко и засіяло переливчатымъ фосфорическимъ блескомъ. Потомъ оно какъ будто разорвалось, растянулось, прыснуло и отъ него быстро потянулись въ разныя стороны полосы разноцвѣтныхъ огней, между тѣмъ какъ полукруглое темное облачко на сѣверѣ еще болѣе потемнѣло. Оно стало черно, чернѣе тайги, къ которой приближался Макаръ.

Дорога вилась между мелко, частою порослью. Направо подымались холмы, налево также. Чѣмъ далѣе, тѣмъ выше становились деревья. Тайга густѣла. Она стояла безмолвная и полная тайны. Голыя вѣтви лиственницъ были опушены серебрянымъ инеемъ. Мягкій свѣтъ сплота, прорываясь сквозь ихъ вершины, ходилъ по ней, кое-гдѣ открывая то снѣжную полянку, то лежащія трупы разбитыхъ лѣсныхъ гигантовъ, запушенныхъ снѣгомъ... Мгновеніе—и все опять тонуло во мракѣ полномъ молчанія и тайны.

Макаръ остановился. Въ этомъ мѣстѣ, почти на самую дорогу, выдвигалось начало цѣлой системы ловушекъ. При фосфорическомъ свѣтѣ ему была явственно видна невысокая городьба изъ валежника; онъ видѣлъ даже первую плаху—три тяжелыхъ длинныхъ бревна, упертыя на отвѣсномъ колу и поддерживаемыя довольно хитрою системой рычаговъ съ волосяными веревочками.

Правда, это были чужія ловушки; но вѣдь лисица могла попасть и въ чужія. Макаръ торопливо сошелъ съ дровней, оставилъ умнаго лысанку на дорогѣ и чутко прислушался.

Въ тайгѣ ни звука. Только изъ далекой, невидной теперь слободы неся по - прежнему торжественный звонъ.

Можно было не опасаться. Владѣлецъ ловушекъ, Алешка чалганецъ, сосѣдь и кровный врагъ Макара, навѣрное, былъ теперь въ церкви. Не было видно ни одного слѣда на ровной поверхности недавно выпавшаго снѣга.

Онъ пустился въ чашу, —ничего. Подъ ногами хруститъ снѣгъ. Плахи стоятъ рядами, точно ряды пушекъ съ открытыми жерлами, въ безмолвномъ ожиданіи.

Онъ прошелъ взадъ и впередъ, — напрасно. Онъ направился опять на дорогу.

Но, чу!... Легкій шорохъ... Въ тайгѣ мелькнула красноватая шерсть, на этотъ разъ въ освѣщенномъ мѣстѣ, такъ близко. Макаръ ясно видѣлъ острия уши лисицы; ея пушистый хвостъ вилялъ изъ стѣроны въ сторону; какъ будто заманивая Макара въ чашу. Она исчезла между стволами, въ направленіи Макаровыхъ ловушекъ, и вскорѣ по лѣсу пронесся глухой, но сильный ударъ. Онъ прозвучалъ сначала отрывисто, глухо, потомъ какъ будто отдался подъ навѣсомъ тайги и тихо замеръ въ далекомъ оврагѣ.

Сердце Макара забилося. Это упала плаха.

Онъ бросился, пробираясь сквозь чашу. Холодные вѣтви били его по глазамъ, сыпали въ лицо снѣгомъ. Онъ спотыкался; у него захватывало дыханіе.

Вотъ онъ выбѣжалъ на просѣку, которую нѣкогда

самъ прорубилъ. Деревья, бѣлыя отъ инея, стояли по обѣимъ сторонамъ, а внизу, съуживаясь, маячила дорожка и въ концѣ ея насторожилось жерло большой плахи... Недалеко...

Но вотъ на дорожкѣ, около плахи, мелькнула фигура,— мелькнула и скрылась. Макарь узналъ Алешку чалганца: ему ясно была видна его небольшая, коренастая фигура, согнутая впередъ, съ походкой медвѣдя. Мавару казалось, что темное лицо Алешки стало еще темнѣе, а большіе зубы оскалились еще болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Макарь чувствовалъ искреннее негодование. «Вотъ подлець!... Онъ ходитъ по моимъ ловушкамъ». Правда, Макарь и самъ сейчасъ только прошелъ по плахамъ Алешки, но тутъ была разница... Разница состояла именно въ томъ, что когда онъ самъ ходилъ по чужимъ ловушкамъ, онъ чувствовалъ страхъ быть застигнутымъ; когда же по его плахамъ ходили другіе, онъ чувствовалъ негодование и желаніе самому настигнуть нарушителя его правъ.

Онъ бросился наперерѣвъ къ упавшей плахѣ. Тамъ была лисица. Алешка своею развалистою, медвѣжьей походкой направлялся туда же. Надо было поспѣвать ранѣе.

Вотъ и лежащая плаха. Подъ нею краснѣетъ шерсть прихлопнутаго звѣря. Лисица рылась въ снѣгу когтями именно такъ, какъ она ему видѣлась прежде, и такъ же смотрѣла ему на-встрѣчу своими острыми, горящими глазами.

— *Тытымà* (не тронь)!... Это мое!—крикнулъ Макаръ Алешкѣ.

— *Тытымà!*—отдался, точно эхо, голосъ Алешки.—
Мое!

Они оба побѣжали въ одно время и торопливо, на перебой, стали подымать плаху, освобождая изъ-подъ нея звѣря. Когда плаха была приподнята, лисица поднялась также. Она сдѣлала прыжокъ, потомъ остановилась, посмотрѣла на обоихъ чалганцевъ какъ-то насмѣшливымъ взглядомъ, потомъ, загнувъ морду, лизнула прищемленное бревномъ мѣсто и весело побѣжала впередъ, привѣтливо виляя хвостомъ.

Алешка бросился было за нею, но Макаръ схватилъ его сзади за полу *соны*.

— *Тытымà!*—крикнулъ онъ.— Это мое! — и самъ побѣжалъ вслѣдъ за лисицей.

— *Тытымà!*—опять эхомъ отдался голосъ Алешки, и Макаръ почувствовалъ, что тотъ схватилъ его, въ свою очередь, за *сону* и въ одну секунду выбѣжалъ вновь впередъ.

Макаръ обоалился. Онъ забылъ про лисицу и стремился за Алешкой, который обратился въ бѣгство.

Они бѣжали все быстрѣе. Вѣтка лиственицы сдержнула шапку съ головы Алешки, но тому некогда было подымать ее: Макаръ уже настигалъ его съ яростнымъ воплемъ. Но Алешка всегда былъ хитрѣе бѣднаго Макара. Онъ вдругъ остановился, повернулся и нагнулъ голову. Макаръ ударился въ нее животомъ и кувыркнулся въ снѣгъ. Пока онъ падалъ, проклятый Алешка

схватилъ съ головы Макара шапку и скрылся въ тайгѣ.

Макаръ медленно поднялся. Онъ чувствовалъ себя окончательно побитымъ и несчастнымъ. Нравственное состояніе было отвратительно. Лисица была въ рукахъ, а теперь... Ему казалось, что въ потемнѣвшей чащѣ она насмѣшливо вильнула еще разъ хвостомъ и окончательно скрылась.

Потемнѣло. Бѣлесоватое облачко чуть-чуть виднѣлось въ зенитѣ. Оно какъ будто тихо таяло и отъ него, какъ-то устало и томно, лились еще замиравшіе лучи сіянія.

По разгоряченному тѣлу Макара бѣжали цѣлые потоки острыхъ струекъ талого снѣга. Снѣгъ попалъ ему въ рукава, за воротникъ *соны*, стекалъ по спинѣ, лился за торбасá. Проклятый Алешка унесъ съ собой его шапку. Рукавицы онъ потерялъ гдѣ-то на-бѣгу. Дѣло было плохо. Макаръ зналъ, что лютый морозъ не шутитъ съ людьми, которые уходятъ въ тайгу безъ рукавицъ и безъ шапки.

Онъ шелъ уже долго. По его расчетамъ, онъ давно долженъ бы уже выйти изъ Ямалаха и увидѣть колокольню, но онъ все не выходилъ изъ тайги. Чаща, точно заколдованная, держала его въ своихъ объятіяхъ. Издали доносился все тотъ же торжественный звонъ. Макару казалось, что онъ идетъ на него, но звонъ все удалялся и, по мѣрѣ того, какъ его переливы доносились все тише и тише, въ сердце Макара вступало тупое отчаяніе.

Онъ усталъ. Онъ былъ подавленъ. Ноги подкашивались. Его избитое тѣло ныло тупою болью. Дыханіе въ груди захватывало. Руки и ноги коченѣли. Обнаженную голову стягивало точно раскаленными обручами.

«Пропадать буду, однако!»—все чаще и чаще мелькало у него въ головѣ. Но онъ все шелъ.

Тайга молчала. Она только смыкалась за нимъ съ какимъ-то враждебнымъ упорствомъ и нигдѣ не давала ни просвѣта, ни надежды.

«Пропадать буду, однако!»—все думалъ Макаръ.

Онъ совсѣмъ ослабъ. Теперь молодыя деревья прямо, безъ всякихъ стѣсненій, били его по лицу, издѣваясь надъ его беспомощнымъ положеніемъ. Въ одномъ мѣстѣ на прогалину выбѣжалъ бѣлый ушканъ (заяцъ), сѣлъ на заднія лапки, повелъ длинными ушами съ черными отмѣтинками на концахъ и сталъ умываться, дѣлая Макару самыя дерзкія рожи. Онъ давалъ ему понять, что онъ отлично знаетъ его, Макара,—знаетъ, что онъ и есть тотъ самый Макаръ, который настроилъ въ тайгѣ хитрыя машины для его, зайца, гибели. Но теперь онъ надъ нимъ издѣвался.

Макару стало горько. Между тѣмъ тайга все оживлялась, но оживлялась враждебно. Теперь даже дальнія деревья протягивали длинныя вѣтви на его дорожку и хватили его за волосы, били по глазамъ, по лицу. Теререва выходили изъ тайныхъ логовищъ и уставлялись въ него любопытными круглыми глазами, а косачи бѣгали между ними, съ распущенными хвостами и сердито оттопыренными крыльями, и громко рассказывали

самкамъ про него, Макара, и про его козни. Наконецъ въ дальнихъ чащахъ замелькали тысячи лисьихъ мордь. Онѣ тянули воздухъ и насмѣшливо смотрѣли на Макара, поводя острыми ушами. А зайцы становились передъ ними на заднія лапки и хохотали, докладывая о Макаровыхъ злоключеніяхъ.

Это было уже слишкомъ.

«Пропадать буду!»—подумалъ Макаръ и рѣшилъ сдѣлать это немедленно.

Онъ легъ въ снѣгъ.

Морозъ крѣпчалъ. Послѣдніе переливы сіянія слабо мерцали и тянулись по небу, заглядывая къ Макару сквозь вершины тайги. Послѣдніе отголоски колокола доносились съ далекаго Чалгана.

Сіяніе полыхнуло и погасло. Звонъ стихъ.

И Макаръ умеръ...

Какъ это случилось, онъ не замѣтилъ. Онъ зналъ, что изъ него должно что-то выйти, и ждалъ, что вотъ-вотъ оно выйдеть... Но ничего не выходило.

Между тѣмъ онъ сознавалъ, что уже умеръ, и потому лежалъ смирно, безъ движенія. Лежалъ онъ долго,—такъ долго, что ему надоѣло.

Было совершенно темно, когда Макаръ почувствовалъ, что его кто-то толкнулъ ногою. Онъ повернулъ голову и открылъ сомкнутые глаза.

Теперь листовницы стояли надъ нимъ смиренныя, тихія, точно стыдясь прежнихъ проказъ. Мохнатяя ели

вытягивали свои широкія, снѣгомъ покрытыя, лапы и тихо, тихо качались. Въ воздухѣ такъ же тихо садились лучистыя снѣжинки.

Яркія добрыя звѣзды заглядывали съ синяго неба сквозь частыя вѣтви и какъ будто говорили: «вотъ, видите, бѣдный человѣкъ умеръ».

Надъ самымъ тѣломъ Макара, толкая его ногою, стоялъ старшій попикъ Иванъ. Его длинная ряса была покрыта снѣгомъ; снѣгъ виднѣлся на мѣховомъ *бергесѣ* (шапкѣ), на плечахъ, въ длинной бородѣ попа Ивана. Всего удивительнѣе было то обстоятельство, что это былъ тотъ самый попикъ Иванъ, который умеръ назадъ тому четыре года.

Это былъ добрый попикъ. Онъ никогда не притѣснялъ Макара насчетъ руги; никогда не требовалъ даже денегъ за требы. Макаръ самъ назначалъ ему плату за крестины и за молебны и теперь со стыдомъ вспомнилъ, что иногда платилъ маловато, а порой не платилъ вовсе. Попъ Иванъ не обижался; ему требовалось одно: всякій разъ надо было поставить бутылку водки. Если у Макара не было денегъ, попъ Иванъ самъ посылалъ за бутылкой, и они пили вмѣстѣ. Попикъ напивался непременно до положенія ризъ, но при этомъ дрался очень рѣдко и не сильно. Макаръ доставлялъ его, безпомощнаго и беззащитнаго, домой на попеченіе матушки-попадья.

Да, это былъ добрый попикъ, но умеръ онъ нехорошею смертью. Однажды, когда всѣ вышли изъ дому и пьяный попикъ остался одинъ лежать на постели, ему

вздумалось покурить. Онъ всталъ и, шатаясь, подошелъ къ огромному, жарко натопленному камельку, чтобы закурить у огня трубку. Онъ былъ слишкомъ ужь пьянъ, покачнулся и упалъ въ огонь. Когда пришли домочадцы, отъ попа оставались лишь ноги.

Всѣ жалѣли добраго попа Ивана; но такъ какъ отъ него остались однѣ только ноги, то вылѣчить его не могъ уже ни одинъ докторъ въ мірѣ. Ноги похоронили, а на мѣсто попа Ивана назначили другого.

Теперь этотъ попикъ, въ цѣломъ видѣ, стоялъ надъ Макаромъ и потакивалъ его ногою.

— Вставай, Макарушко, — говорилъ онъ. — Пойдемъ-ка.

— Куда я пойду?—спросилъ Макаръ съ неудовольствіемъ.

Онъ полагалъ, что разъ онъ «пропалъ», его обязанность—лежать спокойно и ему нѣтъ надобности идти опять по тайгѣ, бродя безъ дороги. Иначе зачѣмъ было ему пропадать?

— Пойдемъ къ *большому Тойону* *).

— Зачѣмъ я пойду къ нему?—спросилъ Макаръ.

— Онъ будетъ тебя судить,—сказалъ попикъ скорбнымъ и нѣсколько умиленнымъ голосомъ.

Макаръ вспомнилъ, что дѣйствительно послѣ смерти надо предстать куда-то на судъ. Онъ это слышалъ когда-то въ церкви. Значить, попикъ былъ правъ. Приходилось подвяться.

---

*) *Тойонъ*—господинъ, хозяинъ, начальникъ.

И Макаръ поднялся, ворча про себя, что даже послѣ смерти не даютъ человѣку покоя.

Попикъ шелъ впереди, Макаръ за нимъ. Шли они все прямо: Лиственицы смиренно сторонились, давая дорогу. Шли на востокъ.

Макаръ съ удивленіемъ замѣтилъ, что послѣ попа Ивана не остается слѣдовъ на снѣгу. Взглянувъ себѣ подъ ноги, онъ также не увидѣлъ слѣдовъ: снѣгъ былъ чистъ и гладокъ, какъ скатерть.

Онъ подумалъ, что теперь ему очень удобно ходить по чужимъ ловушкамъ, такъ какъ никто объ этомъ не можетъ узнать; но попикъ, угадавшій, очевидно, его сокровенную мысль, повернулся къ нему и сказалъ:

— *Кабысь* (брось, оставь)! Ты не знаешь, что тебѣ достанется за каждую подобную мысль.

— Ну, ну!—отвѣтилъ недовольно Макаръ.—Ужь нельзя и подумать! Что ты нынче такой сталъ строгій? Молчи ужѣ!...

Попикъ покачалъ головой и пошелъ дальше.

— Далеко ли идти?—спросилъ Макаръ.

— Далеко,—отвѣтилъ попикъ сокрушенно.

— А чего будемъ ѣсть?—спросилъ опять Макаръ съ беспокойствомъ.

— Ты забылъ,—отвѣтилъ попикъ, повернувшись къ нему,—что ты умеръ и что теперь тебѣ не надо ни ѣсть, ни пить.

Макару это не очень понравилось. Конечно, это хорошо въ томъ случаѣ, когда нечего ѣсть, но тогда ужь надо бы лежать такъ, какъ онъ лежалъ тотчасъ

послѣ своей смерти. А идти, да еще идти далеко, и не ѣсть ничего, это казалось ему ни съ чѣмъ не сообразнымъ. Онъ опять заворчалъ.

— Не ропщи!—сказалъ попикъ.

— Ладно!—отвѣтилъ онъ обиженнымъ тономъ, но самъ продолжалъ жаловаться про себя и ворчать на дурные порядки: «Человѣка заставляють ходить, а ѣсть ему не падо! Гдѣ это слыхано?»

Онъ былъ весьма недоволенъ все время, слѣдуя за попомъ. А шли они, повидимому, долго. Правда, Макаръ не видѣлъ еще разсвѣта, но, судя по пространству, ему казалось, что они шли уже цѣлую недѣлю: такъ много они оставили за собой падей и сопокъ *), рѣкъ и озеръ, такъ много прошли они лѣсовъ и равнинъ. Когда Макаръ оглядывался, ему казалось, что темная тайга сама убѣгаетъ отъ нихъ назадъ, а высокія снѣжныя горы точно таяли въ сумракѣ ночи и быстро скрывались за горизонтомъ.

Они какъ будто подымались все выше. Звѣзды становились все больше и ярче. Потомъ изъ-за гребня возвышенности, на которую они поднялись, показался краешекъ закатившейся луны. Она какъ будто торопилась уйти, но Макаръ съ попикомъ ее нагоняли. Наконецъ, она вновь стала подыматься надъ горизонтомъ. Они пошли по ровному, сильно приподнятому мѣсту.

Теперь стало свѣтло,—гораздо свѣтлѣе, чѣмъ при началѣ ночи. Это происходило, конечно, отъ того, что они

*) *Падь*—ущелье, оврагъ между горами; *сопка*—остроконечная гора.

были гораздо ближе къ звѣздамъ. Звѣзды, величиною каждая съ яблоко, такъ и сверкали, а луна, точно дно большой золотой бочки, сіяла какъ солнце, освѣщая равнину отъ края и до края.

На равнинѣ совершенно явственно виднѣлась каждая снѣжинка. По ней пролегалo множество дорогъ и всѣ онѣ сходились къ одному мѣсту на востокъ. По дорогамъ шли и ѣхали люди въ разныхъ одѣяніяхъ и разнаго вида.

Вдругъ Макаръ, внимательно всматривавшійся въ одного всадника, свернулъ съ дороги и побѣжалъ за нимъ.

— Постой, постой!—кричалъ попикъ, но Макаръ даже не слышалъ. Онъ узналъ знакомаго татарина, который шесть лѣтъ назадъ увелъ у него пѣгаго коня, а пять лѣтъ назадъ скончался. Теперь татаринъ ѣхалъ на томъ же пѣгомъ конѣ. Конь такъ и взвивался. Изъ-подъ копыть его летѣли цѣлыя тучи снѣжной пыли, сверкавшей разноцвѣтными переливами звѣздныхъ лучей. Макаръ удивлялся, при видѣ этой бѣшеной скачки, какъ могъ онъ, пѣшій, такъ легко догнать татарина. Впрочемъ, завидѣвъ Макара въ нѣсколькихъ шагахъ, татаринъ съ большою готовностью остановился. Макаръ запальчиво напалъ на него.

— Пойдемъ къ старостѣ!—кричалъ онъ.— Это мой конь! Правое ухо у него разрѣзано... Смотри, какой ловкій!... Ёдетъ на чужомъ конѣ, а хозяинъ идетъ пѣшкомъ, точно нищій!

— Постой!—сказалъ на это татаринъ.— Не надо къ старостѣ. Твой конь, говоришь?... Ну, и бери его! Про-

клятая животи́на! Пятый годъ ѣду на ней, и все какъ будто ни съ мѣста... Пѣшіе люди то и дѣло обгоняютъ меня; хорошему татарину даже стыдно.

И онъ занесъ ногу, чтобы сойти съ сѣдла, но въ это время запыхавшійся попикъ подбѣжалъ къ нимъ и схватилъ Макара за руку.

— Несчастный!—вскрикнулъ онъ,—что ты дѣлаешь? Развѣ не видишь, что татаринъ хочетъ тебя обмануть?

— Конечно, обманываетъ, — кричалъ Макаръ, размахивая руками: — конь былъ хорошій, настоящая хозяйская лошадь... Мнѣ давали за нее сорокъ рублей еще по третьей травѣ... Нѣ-ѣтъ, братъ! Если ты испортилъ коня, я его зарѣжу на мясо, а ты заплатишь мнѣ чистыми деньгами. Думаешь, что татаринъ, такъ и пѣтъ на тебя управы?

Макаръ горячился и кричалъ нарочно, чтобы собрать вокругъ себя побольше народу, такъ какъ онъ привыкъ бояться татаръ. Но попикъ остановилъ его порывы.

— Тише, тише, Макаръ! Ты все забываешь, что ты уже умеръ... Зачѣмъ тебѣ конь? Да, притомъ, развѣ ты не видишь, что пѣшкомъ ты подвигаешься гораздо быстрее татарина? Хочешь, чтобы тебѣ пришлось ѣхать цѣлыхъ тысячу лѣтъ?

Макаръ смекнулъ, почему татаринъ такъ охотно уступалъ ему лошадь.

«Хитрый народъ!»—подумалъ онъ и обратился къ татарину.

— Ладно ужъ! Поѣзжай на конѣ, а я, братъ, сдѣлаю на тебя прошеніе.

Татаринъ сердито нахлобучилъ шапку и хлеснулъ коня. Конь взвился, клубы снѣга посыпались изъ-подъ копытъ, но пока Макаръ съ попомъ не тронулись, татаринъ не уѣхалъ отъ нихъ и пяди.

Онъ сердито плюнулъ и обратился къ Макару:

— Послушай, *дагѣръ* (пріятель), нѣтъ ли у тебя листочка махорки? Страшно хочется курить, а свой табакъ я выкурилъ уже четыре года назадъ.

— Собака тебѣ пріятель, а не я!—сердито отвѣтилъ Макаръ. — Видишь ты: укралъ коня и просить табаку! Пропадай ты совсѣмъ, мнѣ и то не будетъ жалко.

И съ этими словами Макаръ тронулся далѣе.

— А вѣдь напрасно ты не далъ ему листокъ махорки,—сказалъ ему попъ Иванъ.—За это на судѣ Тойонъ простилъ бы тебѣ не менѣе сотни грѣховъ.

— Такъ что-жь ты не сказалъ мнѣ этого ранѣе? — огрызнулся Макаръ.

— Да ужъ теперъ поздно учить тебя. Ты дожжепъ былъ узнать объ этомъ отъ своихъ поповъ при жизни.

Макаръ осердился. Отъ поповъ онъ не видалъ никакого толку: получаютъ рѣгу, а не научили даже когда надо дать татарину листокъ табаку, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Шутка ли: сто грѣховъ... и всего за одинъ листочекъ!... Это вѣдь чего-нибудь стѣбитъ!

— Постой, — сказалъ онъ. — Будетъ съ насъ одного листочка, а остальные четыре я отдамъ сейчасъ татарину. Это будетъ четыре сотни грѣховъ.

— Оглянись,—сказалъ попикъ.

Макаръ оглянулся. Сзади разстилалась только бѣлая

пустынная равнина. Татаринъ мелькнулъ на одну секунду далекою точкой. Макару казалось, что онъ уви-дѣлъ, какъ бѣлая пыль летить изъ-подъ копытъ его пѣ-гашки, но черезъ секунду и эта точка исчезла.

— Ну, ну! — сказалъ Макаръ. — Будеть татарину и безъ табаку ладно. Вишь ты: испортилъ коня, прокля-тый!

— Нѣтъ, — сказалъ попикъ, — онъ не испортилъ тво-его коня, но конь этотъ краденый. Развѣ ты не слы-халъ отъ стариковъ, что на краденомъ конѣ далеко не уѣдешь?

Макаръ дѣйствительно слышалъ это отъ стариковъ, но такъ какъ во время своей жизни видѣлъ нерѣдко, что татары уѣзжали на краденыхъ коняхъ до самаго города, то, понятно, онъ старикамъ не давалъ вѣры. Теперь же онъ пришелъ къ убѣжденію, что и старики говорятъ иногда правду.

И онъ сталъ обгонять на равнинѣ множество всадни-ковъ. Всѣ они мчались такъ же быстро, какъ и первый. Коня летѣли какъ птицы, всадники были въ поту, а между тѣмъ Макаръ то и дѣло обгонялъ ихъ и остав-лялъ за собою.

Большею частью это были татары, но попадались и коренные чалганцы; нѣкоторые изъ послѣднихъ сидѣли на краденыхъ быкахъ и подгоняли ихъ талинками.

Макаръ смотрѣлъ на татаръ враждебно и каждый разъ ворчалъ, что этого имъ еще мало. Когда же онъ встрѣчался съ чалганцами, то останавливался и благо-душно бесѣдовалъ съ ними: все-таки это были пріатели,

хоть и воры. Порой онъ даже выражалъ свое участіе тѣмъ, что, поднявъ на дорогѣ талинку, усердно подгонялъ сзади быковъ и коней; но лишь только самъ онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ уже всадники оставались сзади чуть замѣтными точками.

Равнина казалась безконечною. Они то и дѣло обгоняли всадниковъ и пѣшихъ людей, а между тѣмъ вокругъ все казалось пусто. Между каждыми двумя путниками лежали какъ будто цѣлыя сотни или даже тысячи верстъ.

Между другими фигурами Макару попался незнакомый старикъ; онъ былъ, очевидно, чалганецъ; это было видно по лицу, по одеждѣ, даже по походкѣ, но Макаръ не могъ припомнить, чтобъ онъ когда-либо прежде его видѣлъ. На старикѣ была рваная *сома*, большой ухастый *бертесъ*, тоже рваный, кожаные старые штаны и рваные телячьи торбасъ. Но что хуже всего,—несмотря на свою старость,—онъ тащилъ на плечахъ еще болѣе древнюю старуху, ноги которой волочились по землѣ. Старикъ трудно дышалъ, заплетался и тяжело налегалъ на палку. Макару стало его жалко. Онъ остановился. Старикъ остановился тоже.

— *Kancé* (говори)!—сказалъ Макаръ привѣтливо.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Что слышалъ?

— Ничего не слыхалъ.

— Что видѣлъ?

— Ничего не видалъ.

Макаръ помолчалъ немного и тогда уже счелъ воз-

можнымъ распросить старика, кто онъ и откуда плетется.

Старикъ назвался. Давно уже, — самъ онъ не знаетъ сколько лѣтъ назадъ, — онъ оставилъ Чалганъ и ушелъ на «гору» спасаться. Тамъ онъ ничего не дѣлалъ, ѣлъ только морошку и корни, не пахалъ, не сѣялъ, не молотъ на жерновѣ хлѣба и не платилъ податей. Когда онъ умеръ, то пришелъ къ Тойону на судъ. Тойонъ спросилъ, кто онъ и что дѣлалъ. Онъ разсказалъ, что ушелъ на «гору» и спасался. «Хорошо, — сказали Тойонъ, — а гдѣ же твоя старуха? Поди, приведи сюда твою старуху». И онъ пошелъ за старухой, а старуха передъ смертью побиралась, и ее некому было кормить, и у нея не было ни дома, ни коровы, ни хлѣба. Она ослабѣла и не можетъ волочить ногъ. И онъ теперь долженъ тащить къ Тойону старуху на себѣ.

Старикъ заплакалъ, а старуха ударила его ногою, точно быка, и сказала слабымъ, но сердитымъ голосомъ:

— Неси!

Макару стало еще болѣе жаль старика и онъ порадовался отъ души, что ему не удалось уйти на «гору». Его старуха была громадная, рослая старуха, и ему нести ее было бы еще труднѣе. А еслибы, вдобавокъ, она стала пинать его ногою, какъ быка, то, навѣрное, скоро заѣздила бы до второй смерти.

Изъ сожалѣнія, онъ взялъ было старуху за ноги, чтобы помочь догору, но едва сдѣлалъ два-три шага, какъ долженъ былъ быстро выпустить старухины ноги, чтобы

онѣ не остались у него въ рукахъ. Въ одну минуту старикъ съ своею ношей исчезли изъ виду.

Въ дальнѣйшемъ пути не встрѣчалось болѣе лицъ, которыхъ Макаръ удостоилъ бы своимъ особеннымъ вниманіемъ. Тутъ были воры, нагруженные, какъ вычуженая скотина, краденымъ добромъ и подвигавшіеся шагъ за шагомъ; толстые якутскіе тойоны тряслись, сидя на высокихъ сѣдлахъ, точно башни, задѣвая за облака высокими шапками. Тутъ же, рядомъ, въ припрыжку бѣжали бѣдные *комночиты* (работники), поджарые и легкіе, какъ зайцы. Шелъ мрачный убійца, весь въ крови, съ дико-блуждающимъ взоромъ. Напрасно кидался онъ въ чистый снѣгъ, чтобы смыть кровавые пятна. Снѣгъ мгновенно обагрался кругомъ, какъ кипень, а пятна на убійцѣ выступали яснѣе, и въ его взорѣ виднѣлись дикое отчаяніе и ужасъ. И онъ все шелъ, избѣгая чужихъ, испуганныхъ взоровъ.

А маленькія дѣтскія души то и дѣло *мелькали* въ воздухѣ, точно птички. Онѣ летали большими стаями, и Макара это не удивляло. Дурная, грубая пища, грязь, огонь камельковъ и холодные сквозняки юртъ выживали ихъ изъ одного Чалгана чуть не сотнями. Поровнявшись съ убійцей, онѣ испуганною стайей кидались далеко въ сторону, и долго еще послѣ того слышался въ воздухѣ быстрый, тревожный звонъ ихъ маленькихъ крыльевъ.

Макаръ не могъ не замѣтить, что онъ подвигается сравнительно съ другими довольно быстро, и поспѣшилъ приписать это своей добродѣтели.

— Слушай, *агабытъ* (отецъ), — сказалъ онъ, — какъ ты думаешь? Я хоть и любилъ при жизни выпить, а чело-вѣкъ былъ хорошій. Богъ меня любить...

Онъ пытливо взглянулъ на попа Ивана. У него была задняя мысль: вывѣдать кое-что отъ стараго попика. Но тотъ сказалъ кратко:

— Не гордись! Уже близко. Скоро узнаешь самъ.

Макаръ и не замѣтилъ раньше, что на равнинѣ какъ будто стало свѣтатъ. Прежде всего, точно первые удары могучаго оркестра, изъ-за горизонта выбѣжали нѣсколько свѣтлыхъ лучей. Они быстро пробѣжали по небу и потушили яркія звѣзды. И звѣзды погасли, а луна закатилась. И снѣжная равнина потемнѣла.

Тогда надъ нею поднялись туманы и стали кругомъ равнины, какъ почетная стража.

И въ одномъ мѣстѣ, на востокъ, туманы стали свѣтлѣе, точно войны, одѣтые въ золото.

И потомъ туманы заколыхались, и золотые войны наклонились долу.

И изъ-за нихъ вышло солнце и стало на ихъ золотистыхъ хребтахъ и оглянуло равнину.

И равнина вся засіяла невиданнымъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ.

И туманы торжественно поднялись огромнымъ хоромомъ, разорвались на западъ и, колеблясь, понеслись къверху.

И Макару казалось, что онъ слышитъ чудную пѣсню. Это была какъ будто та самая, давно знакомая пѣсня, которою земля каждый разъ привѣтствуетъ солнце. Но

Макаръ никогда еще не обращалъ на нее должнаго вниманія и только въ первый разъ понялъ, какая это чудная пѣсня.

Онъ стоялъ и слушалъ и не хотѣлъ идти далѣе, а хотѣлъ вѣчно стоять здѣсь и слушать . . . . .

Но попъ Иванъ тронулъ его за рукавъ.

— Войдемъ,—сказалъ онъ.—Мы пришли.

Тогда Макаръ увидѣлъ, что они стоятъ у большой двери, которую раньше скрывали туманы.

Ему очень не хотѣлось идти, но, тѣмъ не менѣе, онъ повиновался.

Они вошли въ хорошую, просторную избу, и, только войдя сюда, Макаръ замѣтилъ, что на дворѣ былъ сильный морозъ. Посрединѣ избы стоялъ камелекъ чудной рѣзной работы, изъ чистаго серебра, и въ немъ пылали золотыя полѣнья, давая ровное тепло, сразу проникавшее все тѣло. Огонь этого чуднаго камелька не рѣзалъ глазъ, не жегъ, а только грѣлъ, и Макару опять захотѣлось вѣчно стоять здѣсь и грѣться. Попъ Иванъ также подошелъ къ камельку и протянулъ къ нему иззябшія руки.

Въ избѣ было четверо дверей, изъ которыхъ только одна вела наружу, а въ другія то и дѣло входили и выходили какіе-то молодые люди въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. Макаръ подумалъ, что это должно-быть работники здѣшняго Тойона. Ему казалось, что онъ гдѣ-

то ихъ уже видѣлъ, но не могъ вспомнить, гдѣ именно. Не мало удивляло его то обстоятельство, что у каждаго работника на спинѣ болтались большія бѣлыя крылья, и онъ подумалъ, что, вѣроятно, у Тойона есть еще другіе работники, такъ какъ эти, навѣрное, не могли бы съ своими крыльями пробираться сквозь чащу тайги для рубки дровъ или жердей.

Одинъ изъ работниковъ подошелъ тоже къ камельку и, повернувшись къ нему спиною, заговорилъ съ попомъ Иваномъ:

— Говори!

— Нечего,—отвѣчалъ попикъ.

— Что ты слышалъ на свѣтѣ?

— Ничего не слыхалъ.

— Что видѣлъ?

— Ничего не видалъ.

Оба помолчали, и тогда попъ сказалъ:

— Привелъ, вотъ, одного.

— Это чалганецъ?—спросилъ работникъ.

— Да, чалганецъ.

— Ну, значитъ, надо приготовить большіе вѣсы.

И онъ ушелъ въ одну изъ дверей, чтобы распорядиться, а Макарь спросилъ у попа, зачѣмъ нужны вѣсы и почему именно большіе?

— Видишь,—отвѣтилъ попъ нѣсколько смущенно, — вѣсы нужны, чтобы взвѣсить добро и зло, какое ты сдѣлалъ при жизни. У всѣхъ остальныхъ людей зло и добро приблизительно уравниваютъ чашки; у однихъ чалганцевъ грѣховъ такъ много, что для нихъ Тойонъ ве-

лѣлъ сдѣлать особыя вѣсы съ громадною чашкой грѣховъ.

Отъ этихъ словъ у Макара какъ будто скребнуло по сердцу. Онъ ощутилъ робость.

Работники внесли и поставили большіе вѣсы. Одна чашка была золотая и маленькая, другая — деревянная, громадныхъ размѣровъ. Подъ послѣдней вдругъ открылось глубокое черное отверстіе.

Макаръ подошелъ и тщательно осмотрѣлъ вѣсы, чтобы не было фальши. Но фальши не было. Чашки стояли ровно, не колеблясь.

Впрочемъ, онъ не вполне понималъ ихъ устройство и предпочелъ бы имѣть дѣло съ безменомъ, на которомъ въ теченіе долгой жизни онъ отлично выучился и продавать, и покупать съ большою выгодой для себя.

— Тойонъ идетъ, — сказалъ вдругъ полъ Иванъ и сталъ быстро обдергивать свою рясу.

Средняя дверь отворилась и вошелъ старѣйшій-престарѣйшій Тойонъ, съ большою серебристою бородой, спускавшеюся ниже пояса. Онъ былъ одѣтъ въ богатые, неизвѣстные Макару мѣха и ткани, а на ногахъ у него были теплые сапоги, обшитые плюсомъ, какіе Макаръ видѣлъ на старомъ иконописцѣ.

И при первомъ же взглядѣ на стараго Тойона Макаръ узналъ, что это тотъ самый старикъ, котораго онъ видѣлъ нарисованнымъ въ церкви. Только тутъ съ нимъ не было сына; Макаръ подумалъ, что, вѣроятно, послѣдній ушелъ по дѣламъ. За то голубъ влетѣлъ въ комнату и, покружившись у старика надъ головой, сѣлъ къ нему

на колѣни. И старый Тойонъ гладилъ голубя рукою, сидя на особо приготовленномъ для него стулѣ.

Лицо стараго Тойона было доброе, и когда у Макара становилось слишкомъ ужъ тяжело на сердцѣ, онъ смотрѣлъ на это лицо и ему становилось легче.

А на сердцѣ у него становилось тяжело потому, что онъ вспомнилъ вдругъ всю свою жизнь до послѣднихъ подробностей, вспомнилъ каждый свой шагъ и каждый ударъ топора, и каждое срубленное дерево, и каждый обманъ, и каждую рюмку выпитой водки.

И ему стало стыдно и страшно. Но, взглянувъ въ лицо стараго Тойона, онъ ободрился.

А ободрившись, подумалъ, что, быть-можетъ, кое-что удастся и скрыть.

Старый Тойонъ посмотрѣлъ на него и спросилъ, кто онъ и откуда, и какъ зовутъ, и сколько ему лѣтъ отъ роду.

Когда Макарь отвѣтилъ, старый Тойонъ спросилъ:

— Что сдѣлалъ ты въ своей жизни?

— Самъ знаешь, — отвѣтилъ Макарь. — У тебя должно-быть записано.

Макарь испытывалъ стараго Тойона, желая узнать, дѣйствительно ли у него записано все.

— Говори самъ, — сказалъ старый Тойонъ.

И Макарь ободрился.

Онъ сталъ перечислять свои работы, и хотя онъ помнилъ каждый ударъ топора и каждую срубленную жердь, и каждую борозду, проведенную сохою, но онъ прибавлялъ цѣлыя тысячи жердей, и сотни возовъ дровъ, и сотни бревенъ, и сотни пудовъ посѣва.

Когда онъ все перечислилъ, старый Тойонъ обратился къ попу Ивану:

— Принеси-ка сюда книгу.

Тогда Макарь увидѣлъ, что попъ Иванъ служить у Тойона *суруксутомъ* (писаремъ), и очень осердился, что тотъ по-пріятельски не сказалъ ему объ этомъ раньше.

Попъ Иванъ принесъ большую книгу, развернулъ ее и сталъ читать.

— Загляни-ка, — сказалъ старый Тойонъ, — сколько жердей?

Попъ Иванъ посмотрѣлъ и сказалъ съ горестью:

— Онъ прибавилъ цѣлыхъ три тысячи.

— Вреть онъ! — крикнулъ Макарь запальчиво. — Онъ, вѣрно, ошибся, потому что онъ пьяница и умеръ нехорошею смертью!

— Замолчи ты! — сказалъ старый Тойонъ. — Бралъ ли онъ съ тебя лишнее за крестины или за свадьбу? Вымогалъ ли онъ ругу?

— Что говорить напрасно! — отвѣтилъ Макарь.

— Вотъ видишь, — сказалъ Тойонъ, — я знаю и самъ, что онъ любилъ выпить...

И старый Тойонъ осердился.

— Читай теперь его прегрѣшенія по книгѣ, потому что онъ обманщикъ и я ему не вѣрю, — сказалъ онъ попу Ивану.

А между тѣмъ работники кинули на золотую чашку и Макаровы жерди, и его дрова, и его пахоту, и всю его работу. И всего оказалось такъ много, что золотая

чашка вѣсовъ опустилась, а деревянная поднялась высоко, высоко, и ее нельзя было достать руками, и молодые божи работники взлетѣли на своихъ крыльяхъ, и цѣлая сотня тянула ее веревками внизъ.

Тяжела была работа чалганца!

А попъ Иванъ сталъ вычитывать обманы, и оказалось, что обмановъ было — двадцать одна тысяча девятьсотъ тридцать три обмана; и попъ сталъ вычитывать, сколько Макаръ выпилъ бутылокъ водки, и оказалось четыреста бутылокъ,—и попъ читалъ далѣе, а Макаръ видѣлъ, что деревянная чашка вѣсовъ перетягиваетъ золотую и что она опускается уже въ яму, и пока попъ читалъ, она все опускалась.

Тогда Макаръ подумалъ про себя, что его дѣло плохо, и, подойдя къ вѣсамъ, попытался незамѣтно поддержать чашку ногою. Но одинъ изъ работниковъ увидѣлъ это, и у нихъ вышелъ шумъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ старый Тойонъ.

— Да вотъ онъ хотѣлъ поддержать вѣсы ногою,— отвѣтилъ работникъ.

Тогда Тойонъ гнѣвно обратился къ Макару и сказалъ:

— Вижу, что ты обманщикъ, лѣнивонецъ и пьяница!... И за тобой осталась недоимка, и попъ за тобой считаетъ ругу, и исправникъ грѣшитъ изъ-за тебя, ругая тебя каждый разъ скверными словами!...

И, обратясь къ попу Ивану, старый Тойонъ спросилъ:

— Кто въ Чалганѣ кладетъ на лошадей болѣе всѣхъ глади и кто гоняетъ ихъ всѣхъ больше?

Попъ Иванъ отвѣтилъ:

— Церковный трапезникъ. Онъ гоняетъ почту и возить исправника.

Тогда старый Тойонъ сказалъ:

— Отдать этого лѣнивца трапезнику въ мерины, и пусть онъ возить на немъ исправника, пока не заѣдитъ... А тамъ мы посмотримъ...

И только-что старый Тойонъ сказалъ это слово, какъ дверь отворилась и въ избу вошелъ сынъ стараго Тойона и сѣлъ отъ него по правую руку.

И сынъ сказалъ:

— Я слышалъ твой приговоръ... Я долго жилъ на свѣтѣ и знаю тамошнія дѣла: тяжело будетъ бѣдному человѣку возить исправника! Но... да будетъ!... Только, можетъ-быть, онъ еще что-нибудь скажетъ. Говори, *бархсанъ* (бѣдняга)!

Тогда случилось что-то странное. Макарь, тотъ самый Макарь, который никогда въ жизни не произносилъ болѣе десяти словъ кряду, вдругъ ощутилъ въ себѣ даръ слова. Онъ заговорилъ и самъ изумился. Стало какъ бы два Макара: одинъ говорилъ, другой слушалъ и удивлялся. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Рѣчь у него лилась плавно и страстно, слова гнались одно за другимъ въ-перегонку и потомъ становились длинными, стройными рядами. Онъ не робѣлъ. Если ему и случалось запнуться, то тотчасъ же онъ оправлялся и кричалъ вдвое громче. А главное—онъ чувствовалъ самъ, что говорилъ убѣдительно.

Старый Тойонъ, немного осердившійся сначала за его дерзость, сталъ потомъ слушать съ большимъ вниманіемъ.

емъ, какъ бы убѣдившись, что Макаръ не такой ужь дуракъ, какимъ казался сначала. Попъ Иванъ въ первую минуту даже испугался и сталъ дергать Макара за полу *соны*, но Макаръ отмахнулся и продолжалъ по-прежнему. Потомъ и попикъ пересталъ пугаться и даже разцвѣлъ улыбкой, видя, что его прихожанинъ рѣжетъ правду и что эта правда приходится по сердцу старому Тойону. Даже молодые люди въ длинныхъ рубахахъ и съ бѣлыми крыльями, жившіе у стараго Тойона въ работникахъ, приходили изъ своей половины къ дверямъ и съ удивленіемъ слушали рѣчь Макара, поталкивая другъ друга локтями.

Онъ началъ съ того, что не желаетъ идти къ трапезнику въ мерины. И не потому не желаетъ, что боится тяжелой работы, а потому, что это рѣшеніе неправильно. А такъ какъ это рѣшеніе неправильно, то онъ ему не подчинится и не поведетъ даже ухомъ, не двигаться ногою. Пусть съ нимъ дѣлаютъ чтò хотятъ! Пусть даже отдадутъ чертямъ въ вѣчные *комночиты*, — онъ не будетъ возить исправника, потому что это неправильно. И пусть не думаютъ, что ему страшно положеніе мерина: трапезникъ гоняетъ мерина, но кормить его овсомъ, а его гоняли всю жизнь, но овсомъ никогда не кормили.

— Кто тебя гонялъ? — спросилъ старый Тойонъ съ сердцемъ.

Да, его гоняли всю жизнь! Гоняли старосты и старшины, засѣдатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голодъ; гоняли морозы и

жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!... Скотина идетъ впередъ и смотритъ въ землю, не зная куда ее гонять... И онъ также... Развѣ онъ зналъ, что попъ читаетъ въ церкви и за что идетъ ему руга? Развѣ онъ зналъ, зачѣмъ и куда увели его старшаго сына, котораго взяли въ солдаты, и гдѣ онъ умеръ, и гдѣ теперь лежатъ его бѣдныя кости?

Говорять, онъ пилъ много водки? Конечно, это правда: его сердце просило водки...

— Сколько, говоришь ты, бутылокъ?

— Четыреста, — отвѣтилъ попъ Иванъ, заглянувъ въ книгу.

Хорошо! Но развѣ это была водка? Три четверти было воды и только одна четверть настоящей водки, да еще настой табаку. Стало-быть триста бутылокъ надо скинуть со счета.

— Правду ли онъ говорить все это? — спросилъ старый Тойонъ у попа Ивана, и видно было, что онъ еще сердится.

— Чистую правду, — торопливо отвѣтилъ попъ, а Маркаръ продолжалъ.

Онъ прибавилъ три тысячи жердей? Пусть такъ! Пусть онъ нарубилъ только шестнадцать тысячъ! А развѣ этого мало? И, притомъ, двѣ тысячи онъ рубилъ, когда у него была больная первая его жена... И у него было тяжело на сердцѣ, и онъ хотѣлъ сидѣть у своей старухи, а нужда гнала его въ тайгу... И въ тайгѣ онъ плакалъ, и слезы мерзли у него на рѣсницахъ, и отъ горя холодъ проникалъ до самаго сердца... А онъ рубилъ!

А послѣ старуха умерла. Ее надо было хоронить, а у него не было денегъ. И онъ нанялся рубить дрова, чтобы заплатить за старухинъ домъ на томъ свѣтѣ... А купецъ увидѣлъ, что ему нужда, и далъ только по десяти копѣекъ... И старуха лежала одна въ нетопленной мерзлой избѣ, а онъ опять рубилъ и плакалъ. Онъ полагаетъ, что эти возы надо считать впятеро и даже болѣе.

У стараго Тойова показались на глазахъ слезы, и Макаръ увидѣлъ, что чашки вѣсовъ колыхнулись, и деревянная приподнялась, а золотая опустилась.

А Макаръ продолжалъ: у нихъ все записано въ книгѣ... Пусть же они поищутъ: когда онъ испыталъ отъ кого-нибудь ласку, привѣтъ или радость? Гдѣ его дѣти? Когда они умирали, ему было горько и тяжело, а когда вырастали, то уходили отъ него, чтобы въ-одиночку биться съ тяжелою нуждой. И онъ состарился одинъ со своей второю старухой и видѣлъ, какъ его оставляютъ силы и подходитъ злая, безпріютная дряхлость. Они стояли одинокіе, какъ стоятъ въ степи двѣ сиротливыя елки, которыхъ бьютъ отовсюду жестокія метели.

— Правда ли?—спросилъ опять старый Тойонъ.

И попъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Чистая правда!

И тогда вѣсы опять дрогнули... Но старый Тойонъ задумался.

— Что же это,—сказалъ онъ:—вѣдь есть же у меня на землѣ настоящіе праведники... Глаза ихъ ясны, и лица свѣтлы, и ризы безъ пятенъ... Сердца ихъ мягки, какъ

добрая почва; принимаютъ доброе сѣмя и возвращаютъ кринь сельный и благовонные всходы, запахъ которыхъ угоденъ передо мною. А ты посмотри на себя...

И всѣ взгляды устремились на Макара, и онъ устыдился. Онъ почувствовалъ, что глаза его мутны и лицо темно, волосы и борода всклокочены, одежда изорвана. И хотя задолго до смерти онъ все собирался купить сапоги, чтобы предстать на судъ, какъ подобаетъ настоящему крестьянину, но все пропивалъ деньги, и теперь стоялъ передъ Тойномъ, какъ послѣдній якутъ, въ дрянныхъ торбасишкахъ... И онъ пожелалъ провалиться сквозь землю.

— Лицо твое темно,—продолжалъ старый Тойонъ,— глаза мутны и одежда изорвана. А сердце твое поросло бурьяномъ и терниемъ, и горькою полынью. Вотъ почему я люблю моихъ праведныхъ и отвращаю лицо отъ подобныхъ тебѣ нечестивцевъ...

Сердце Макара сжалось. Онъ чувствовалъ стыдъ собственнаго существованія. Онъ было понурилъ голову, но вдругъ поднялъ ее и заговорилъ опять:

О какихъ это праведникахъ говорить Тойонъ? Если о тѣхъ, что жили на землѣ въ одно время съ Макаромъ въ богатыхъ хоромахъ, то Макаръ ихъ знаетъ... Глаза ихъ ясны, потому что не проливали слезъ столько, сколько ихъ пролилъ Макаръ, и лица ихъ свѣтлы, потому что обмыты духами, а чистыя ризы сотканы чужими руками.

Макаръ опять понурилъ голову, но тотчасъ же опять поднялъ ее.

А между тѣмъ развѣ онъ не видитъ, что и онъ родился какъ другіе,—съ ясными, открытыми очами, въ которыхъ отражались земля и небо, и съ чистымъ сердцемъ, готовымъ раскрыться на все прекрасное въ мірѣ? И если теперь онъ желаетъ скрыть подъ землю свою мрачную и поворную фигуру, то въ этомъ вина не его... А чья же?—Этого онъ не знаетъ... Но онъ знаетъ одно, что въ сердцѣ его истощилось терпѣніе.

Конечно, еслибы Макаръ могъ видѣть, какое дѣйствіе производила его рѣчь на стараго Тойона, еслибы онъ видѣлъ, что каждое его гнѣвное слово падало на золотую чашку какъ свинцовая гиря, онъ усмирилъ бы свое сердце. Но онъ всего этого не видѣлъ, потому что въ его сердце вливалось слѣпое отчаяніе.

Вотъ онъ оглядѣлъ всю свою горькую жизнь. Какъ могъ онъ до сихъ поръ выносить это ужасное бремя? Онъ несъ его потому, что впереди все еще маячила—звѣздочкой въ туманѣ—надежда. Онъ живъ, стало-быть можетъ, долженъ еще испытать лучшую долю... Теперь онъ стоялъ у конца, и надежда угасла...

Тогда въ его душѣ стало темно, и въ ней забушевала ярость, какъ буря въ пустой степи глухою ночью. Онъ забылъ, гдѣ онъ, предъ чьимъ лицомъ предстоитъ,—забылъ все, кромѣ своего гнѣва...

Но старый Тойонъ сказалъ ему:

— Погоди, *барахсанъ*! Ты не на землѣ... Здѣсь и для тебя найдется правда...

И Макаръ дрогнулъ. На сердце его пало сознание, что его жалѣютъ, и оно смягчилось; а такъ какъ передъ его глазами все стояла его бѣдная жизнь, отъ перваго дня до послѣдняго, то и ему стало самого себя невыносимо жалко. И онъ заплакалъ...

И старый Тойонъ тоже плакалъ... И плакалъ старый поникъ Иванъ, и молодые божьи работники лили слезы, утирая ихъ широкими бѣлыми рукавами.

А вѣсы все колыхались и деревянная чашка подымалась все выше и выше! . . . . .

1883 г.

„ЛѢСЪ ШУМИТЪ“.

(ПѢССКАЯ ЛЕГЕНДА.)

„ЛѢСЪ ШУМИТЪ“.

(Полѣсская легенда.)

Было и бывшемъ поросло.

I.

Лѣсъ шумѣлъ...

Въ этомъ лѣсу всегда стоялъ шумъ—ровный, протяжный, какъ отголосокъ дальняго звона, спокойный и смутный, какъ тихая пѣсня безъ словъ, какъ неясное воспоминаніе о прошедшемъ. Въ немъ всегда стоялъ шумъ, потому что это былъ старый, дремучій боръ, котораго не касались еще пила и топоръ лѣсного барышника. Высокія столѣтнія сосны съ красными могучими стволами стояли хмурою ратью, плотно сомкнувшись вверху зелеными вершинами. Внизу было тихо, пахло смолой; сквозь пологъ сосновыхъ иголъ, которыми была усыпана почва, пробились яркіе папоротники, пышно раскинувшіеся причудливою бахромой и стоявшіе недвижимо, не шелохнувъ листомъ. Въ сырыхъ уголкахъ тянулись высокими стеблями зеленыя травы; бѣлая кашка склонялась отяжелѣвшими головками, какъ будто въ тихой

истомѣ. А вверху, безъ конца и перерыва, тянуль лѣсной шумъ, точно смутные вздохи стараго бора.

Но теперъ эти вздохи становились все глубже, сильнѣе. Я ѣхалъ лѣсною тропой, и хотя неба мнѣ не было видно, но по тому, какъ хмурился лѣсъ, я чувствовалъ, что надъ нимъ тихо подымается тяжелая туча. Время было не раннее. Между стволовъ кое-гдѣ пробивался еще косою лучъ заката, но въ чашахъ расплзались уже мгнущія сумерки. Къ вечеру собиралась гроза.

На сегодня нужно было уже отложить всякую мысль объ охотѣ; въ пору было только добраться передъ грозой до ночлега. Мой конь постукивалъ копытомъ въ обнажившіеся корни, храпѣлъ и настораживалъ уши, прислушиваясь къ гулко щелкающему лѣсному эхо. Онъ самъ прибавлялъ шагу къ знакомой лѣсной сторожкѣ.

Залаяла собака. Между порѣдѣвшими стволами медькаютъ мазанья стѣны. Синяя струйка дыма вьется подъ нависшею зеленью; покосившаяся изба съ лохматою крышей приютилась подъ стѣной красныхъ стволовъ; она какъ будто вростаетъ въ землю, между тѣмъ какъ стройныя и гордыя сосны высоко покачиваютъ надъ ней своими головами. Посрединѣ поляпы, плотно примкнувшись другъ къ другу, стоятъ кучка молодыхъ дубовъ.

Здѣсь живутъ обыкновенно спутники моихъ охотничьихъ экскурсій—лѣсники Захаръ и Максимъ. Но теперъ, повидимому, обоихъ нѣтъ дома, такъ какъ никто не выходитъ на лай громадной овчарки. Только старшій дѣдъ, съ лысою головою и сѣдыми усами, сидитъ на заваленкѣ и ковыряетъ лапоть. Усы у дѣда болтаются

чуть не до пояса, глаза глядят тускло, точно дѣдъ все вспоминаеть что-то и не можетъ припомнить.

— Здравствуй дѣдъ! Есть кто-нибудь дома?

— Эге!—мотаеть дѣдъ головой.—Нѣтъ ни Захара, ни Максима, да и Мотря побрела въ лѣсъ за короной... Корова куда-то ушла,—пожалуй, медвѣди задрали... Вотъ оно какъ... нѣтъ никого!

— Ну, ничего. Я съ тобой посижу, обожду.

— Обожди, обожди,—киваетъ дѣдъ, и пока я подвязываю лошадь къ вѣтви дуба, онъ всматривается въ меня слабыми и мутными глазами. Плохъ ужъ старый дѣдъ: глаза не видять и руки трясутся.

— А кто-жь ты такой, хлопче?—спрашиваетъ онъ, когда я подсаживаюсь на заваленкѣ.

Этотъ вопросъ я слышу въ каждое свое посѣщеніе.

— Эге, знаю теперь, знаю,—говорить старикъ, принимаясь опять за лапотъ.—Вотъ старая голова, какъ рѣшето, ничего не держитъ. Тѣхъ, что давно умерли, помню,—ой, хорошо помню! А новыхъ людей все забываю... Зажилая на свѣтѣ.

— А давно ли ты, дѣдъ, живешь въ этомъ лѣсу?

— Эге, давненько! Французъ приходилъ въ царскую землю, я уже былъ.

— Много же ты на своемъ вѣку видѣлъ. Чай, есть чего рассказать.

Дѣдъ смотритъ на меня съ удивленіемъ.

— А что же мнѣ видѣть, хлопче? Лѣсъ видѣлъ... Шумить лѣсъ, шумить и днемъ и ночью, зимою шумить и лѣтомъ... И я, какъ та деревина, вѣкъ прожилъ

въ лѣсу и не замѣтлѣ... Вотъ и въ могилу пора, а на-
думаю иной разъ, хлопче, то и самъ смекнуть не могу:
жилъ я на свѣтѣ или нѣтъ... Эге, вотъ какъ! Можетъ
и вовсе не жилъ...

Край темной тучи выдвинулся изъ-за густыхъ вершинъ
надъ лѣсною поляною; вѣтви замыкавшихъ поляну сосенъ
закачались подъ дуновениемъ вѣтра, и лѣсной шумъ про-
несся глубокимъ, усилившимся аккордомъ. Дѣдъ поднялъ
голову и прислушался.

— Буря идетъ,—сказалъ онъ черезъ минуту.—Это вотъ
я знаю. Ой-ой, зареветъ ночью буря, сосны будетъ ломать,
съ корнемъ выворачивать станеть!.. Заиграетъ лѣсной
хозяйинъ...—добавилъ онъ тише.

— Почему же ты знаешь, дѣдъ?

— Эге, это я знаю! Хорошо знаю, какъ дерево говоритъ...
Дерево, хлопче, тоже боится... Вотъ осина, проклятое де-
рево, все что-то лопочеть,—и вѣтру нѣтъ, а она трасет-
ся. Сосна на бору въ ясный день играетъ-звенить, а чуть
подыметъ вѣтеръ, она загудитъ и застонетъ. Это еще
ничего... А ты вотъ слушай теперь... Я хоть глазами плохо
вижу, а ухомъ слышу: дубъ зашумѣлъ, дуба уже трогаетъ
на полянѣ... Это къ бурѣ.

Дѣйствительно, кучка невысокихъ коряжистыхъ дубовъ,
стоявшихъ посрединѣ поляны и защищенныхъ высокою
стѣной бора, помахивала крѣпкими вѣтвями, и отъ нихъ
несся глухой шумъ, легко отличаемый отъ гулкого звона
сосенъ.

— Эге! слышишь ли, хлопче?—говоритъ дѣдъ съ дѣт-
ски-лукавою улыбкой.—Я уже знаю: тронуло этакъ вотъ

дуба, значить *хозяйинъ* ночью пойдетъ, ломать будетъ... Да нѣтъ, не сломаешь! Дубъ—дерево крѣпкое, не подъ силу даже хозяину... вотъ какъ!

— Какой же хозяйинъ, дѣду? Самъ же ты говоришь: буря ломаетъ.

Дѣдъ закивалъ головой съ лукавымъ видомъ.

— Эге, я-жъ это знаю!... Нынче, говорятъ, такіе люди пошли, что ужъ ничему и не вѣрятъ. Вотъ оно какъ! А я же его видѣлъ, вотъ какъ тебя теперь, а то еще лучше, потому что теперь у меня глаза старыя, а тогда были молодыя. Ой-ой, какъ еще видѣли мои глаза смолу!...

— Какъ же ты его видѣлъ, дѣду, скажи-ка?

— А вотъ, все равно, какъ и теперь: сначала сосна застонетъ на бору... То звенить, а то стонать начнетъ: о-охъ-хо-о... о-хо-о! — и затихнетъ, а потомъ опять, потомъ опять, да чаще, да жалостнѣе. Эге, потому что много ея повалить хозяйинъ ночью. А потомъ дубъ заговорить. А къ вечеру все больше, а ночью и пойдетъ крутить: бѣгаетъ по лѣсу, смѣется и плачетъ, вертится, пляшетъ и все на дуба налетаетъ, все хочется вырвать... А я разъ осенью и посмотрѣлъ въ оконце; вотъ *ему* это и не по сердцу: подбѣжалъ къ окну, тар-рахъ въ него сосновою корягой; чуть мнѣ все лицо не искалѣчилъ, чтобъ ему было пусто; да я не дуракъ — отскочилъ. Эге, хлопче, вотъ онъ какой сердитый!...

— А каковъ же онъ съ виду?

— А съ виду онъ все равно какъ старая верба, что стоитъ на болотѣ. Очень похожъ!... И волосы—какъ су-

хая ошела, что вырастает на деревьях, и борода тоже, а, носъ—как здоровенный сукъ, и морда корявая, точно поросла лишаями... Тыфу, какой некрасивый! Не дай же Богъ ни одному крещёному на него походить... Ей-Богу! Я-таки въ другой разъ на болотѣ его видѣлъ, близко... А хочешь, приходи зимой, такъ и самъ увидишь ея. Взойди туда, на гору,—лѣсомъ та гора поросла,—и полѣзай на самое высокое дерево, на верхушку. Вотъ оттуда иной день и можно его увидеть: идетъ онъ бѣлымъ столбомъ поверхъ лѣсу, такъ и вертится самъ, съ горы въ долину спускается... Побѣжить, побѣжить, а потомъ въ лѣсу и пропадетъ. Эге!... А гдѣ пройдетъ, тамъ слѣдъ бѣлымъ снѣгомъ устилаетъ... Не вѣришь старому человѣку, такъ когда-нибудь самъ посмотри.

Разболтался старикъ. Казалось, оживленный и тревожный говоръ лѣса и нависшая въ воздухѣ гроза возбуждали старую кровь. Дѣдъ киваль головой, усмѣхался, моргалъ выцвѣтшими глазами.

Но вдругъ будто какая-то тѣнь пробѣжала по высокому, изборожденному морщинами лбу. Онъ толкнулъ меня локтемъ и сказалъ съ таинственнымъ видомъ:

— А знаешь, хлопче, что я тебѣ скажу?... Оно, конечно, лѣсной хозяинъ—мерзённая тварюка, это правда. Крещёному человѣку обидно увидеть такую некрасивую харю... Ну, только надо о немъ правду сказать: онъ зла не дѣлаетъ... Пошутить съ человѣкомъ—пошутить, а чтобы лихо дѣлать, этого не бываетъ.

— Да какъ же, дѣдъ, ты самъ говорилъ, что онъ тебя хотѣлъ ударить корягой?

— Эге, хотѣль-таки! Такъ то-жь онъ разсердился, зачѣмъ я въ окно па него смотрю, вотъ оно что! А если въ его дѣла носа не совать, такъ и онъ тому человѣку никакой пакости не сдѣлаеть. Вотъ онъ какой, лѣсовикъ!... А знаешь, въ лѣсу отъ людей страшнѣе дѣла бывали... Эге, ей-Богу!

Дѣдъ наклонилъ голову и съ минуту сидѣлъ въ молчаніи. Потомъ, когда онъ посмотрѣлъ на меня, въ его глазахъ, сквозь застлавшую ихъ тусклую оболочку, блеснула какъ будто искорка проснувшейся памяти.

— Вотъ я тебѣ расскажу, хлопче, лѣсную нашу бивальщину... Было тутъ разъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, давно... Помню я... ровно сонъ, а какъ зашумитъ лѣсъ погромче, то и все вспоминаю... Хочешь, расскажу тебѣ, а?

— Хочу, хочу, дѣду! Рассказывай!

— Такъ и расскажу же, эге! Слушай вотъ!

II.

У меня, знаешь, батько съ матерью давно померли, я еще малымъ хлопчикомъ былъ... Покинули они меня на свѣтѣ одного. Вотъ оно какъ со мною было, эге! Вотъ громада и думаетъ: «что же намъ теперь съ этимъ хлопчикомъ дѣлать?» Ну, и панъ тоже себѣ думаетъ... И пришелъ на тотъ разъ изъ лѣсу лѣсникъ Романъ, да и говоритъ громадѣ: «Дайте мнѣ этого хлопца въ сторожку, я его буду кормить... Мнѣ въ лѣсу веселѣе, и ему хлѣбъ»... Вотъ онъ какъ говорить, а громада ему отвѣ-

часть: «бери!» Онъ и взялъ. Такъ я съ тѣхъ самыхъ поръ въ лѣсу и остался.

Тутъ меня Романъ и выкормилъ. Ото-жь человѣкъ былъ какой страшный, не дай Господи!... Росту большого, глаза черные, и волосы черные, и душа у него темная изъ глазъ глядѣла, потому что всю жизнь этотъ человѣкъ въ лѣсу одинъ жилъ: медвѣдь ему, люди говорили, все равно, что братъ, а волкъ—племянникъ. Всякаго звѣря онъ зналъ и не боялся, а отъ людей сторонился и не глядѣлъ даже на нихъ... Вотъ онъ какой былъ,—ей-Богу, правда! Бывало, какъ онъ на меня глянетъ, такъ у меня по спинѣ будто кошка хвостомъ поведетъ... Ну, а человѣкъ былъ, все-таки, добрый, кормилъ меня, нечего сказать, хорошо: каша, бывало, гречневая всегда у него съ саломъ, а когда утку убьютъ, такъ и утка. Чтò правда, то ужь правда, кормилъ-таки...

Такъ мы и жили вдвоемъ. Романъ въ лѣсъ уйдетъ, а меня въ сторожкѣ запретъ, чтобы звѣрюка не съѣла. А послѣ дали ему «жинку» Оксану.

Панъ ему жинку далъ. Призвалъ его на село, да и говорить: «Вотъ что, говорить, Ромасю, женись!» Говорилъ пану Романъ сначала: «А на какого же мнѣ бѣса жинка? Что мнѣ въ лѣсу дѣлать съ бабой, когда у меня ужь и безъ того хлопецъ есть? Не хочу я, говорить, жениться!» Не привыкъ онъ съ дѣвками возиться, вотъ что! Ну, да и панъ тоже хитрый былъ... Какъ вспомню про этого пана, хлопче, то и подумаю себѣ, что теперь ужь такихъ нѣту,—нѣту такихъ пановъ боль-

ше,—вывелись... Вотъ хоть бы и тебя взять: тоже, говорятъ, и ты панскóго роду... Можетъ оно и правда а таки нѣтъ въ тебѣ этого... настоящаго... Такъ себѣ, мизерный хлопчина, больше ничего.

Ну, а тотъ настоящій былъ, изъ прежнихъ... Вотъ, скажу тебѣ, такое на свѣтѣ водится, что сотни людей одного человѣка боятся, да еще какъ!... Посмотри ты, хлопче, на ястреба и на цыпленка: оба изъ яйца вылупились, да ястребъ сейчасъ вверхъ наровить, эге! Какъ крикнетъ въ небѣ, такъ сейчасъ не то что цыплята — и старые пѣтухи забѣгаютъ... Вотъ же ястребъ — панскáя птица, а курица — простая мужичка...

Вотъ, помню, я малымъ хлопчикомъ былъ: везутъ мужики изъ лѣсу толстыя бревна, человѣкъ можетъ-быть тридцать. А панъ одинъ на своемъ коникѣ ѣдетъ, да усы крутить. Конекъ подъ нимъ играетъ, а онъ кругомъ смотреть. Ой-ой! завидятъ мужики пана, то-то забѣгаютъ, лошадей въ снѣгъ сворачиваютъ, сами шапки снимаютъ. Послѣ сколько бьются, изъ снѣга бревна вывозятъ, а панъ себѣ скачетъ,—вотъ ему, видишь ты, и одному на дорогѣ тѣсно! Поведетъ панъ бровью — уже мужики боятся, засмѣется — и всѣмъ весело, а нахмурится — всѣ запечалются. А чтобы кто пану могъ перечить, того, почитай, и не бывало.

Ну, а Романъ, извѣстно, въ лѣсу выросъ, обращенія не зналъ и панъ на него не очень сердился.

— Хочу,—говоритъ панъ,—чтобъ ты женился, а зачѣмъ, про то я самъ знаю. Бери Оксану.

— Не хочу я,—отвѣчалъ Романъ,—не надо мнѣ еѣ.

хотя бы и Оксану! Пускай на ней чортъ женится; а не я... Вотъ какъ!

Велѣлъ панъ привести каньчукъ, растянули Романа, панъ его опять спрашиваетъ:

— Будешь, Романъ, жениться?

— Нѣтъ,—говорить,—не буду.

— Сыпьте-жь ему,—говорить панъ,—въ мотню ^{*)}, сколько влѣзетъ.

Засыпали ему-таки не мало; Романъ на что ужъ здоровъ былъ, а все-жь и ему надоѣло:

— Бросьте ужъ,—говорить,—будетъ-таки! Пускай же ее лучше всѣ черти возьмутъ, чѣмъ мнѣ за бабу столько муки принимать. Давайте ее сюда, буду жениться!

Жилъ на дворѣ у пана доѣзжачій Опанасъ Швидкій. Приѣхалъ онъ на ту пору съ поля, какъ Романа къ женитьбѣ заохочивали. Услышалъ онъ про Романову бѣду—бухъ пану въ ноги. Таки упалъ въ ноги, цѣлуетъ...

— Чѣмъ,—говорить,—вамъ, милостивый панъ, чело-вѣка мордовать, лучше я на Оксанѣ охотой женюсь, слова не скажу...

Эге, самъ-таки захотѣлъ жениться на ней. Вотъ какой человекъ былъ, ей-Богу!

Вотъ Романъ было обрадовался, повеселѣлъ. Всталъ на ноги, завязалъ мотню и говоритъ:

— Вотъ,—говорить,—хорошо. Только что бы тебѣ, человекъ, пораньше немного приѣхать? Да и панъ то—

---

^{*)} Хохлы носятъ холщевые штаны, вродѣ мѣшка, раздвоеннаго только вяжу. Этотъ-то мѣшокъ и называется „мотню“.

же—всегда вотъ такъ!... Не распросить же было толкомъ, можетъ, кто охотой женится. Сейчасъ схватили челоуѣка и давай ему сыпать! Развѣ, говорить, это похристіански такъ дѣлать? Тьфу!...

Эге, онъ порой и пану спуску не давалъ. Вотъ какой былъ Романъ! Когда ужъ осердится, то къ нему, бывало, не подступайся, хотя бы и панъ. Ну, а панъ былъ хитрый! У него, видишь, другое на умѣ было. Велѣлъ опять Романа растянуть на травѣ.

— Я,—говорить,—тебѣ, дураку, счастья хочу, а ты воешь воротнишь. Теперь ты одинъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и заѣхать къ тебѣ не весело... Сыпьте-жъ ему, дураку, пока не скажетъ: довольно!... А ты, Опанась, ступай себѣ къ чортовой матери. Тебя, говорить, къ обѣду не звали, такъ самъ за столъ не садись, а то видишь, какое Роману угощенье? Тебѣ какъ бы того же не было.

А Романъ ужъ и не на шутку осердился, эге! Его дуютъ-таки хорошо, потому что прежніе люди, знаешь, умѣли славно каньчукáми шкуру спускать, а онъ лежитъ себѣ и не говорить: довольно! Долго терпѣлъ, а все-таки послѣ плюнулъ:

— Не дождетъ ея батько, чтобъ изъ-за бабы христіанину вотъ такъ сыпали, да еще и не считали. Довольно! Чтобъ вамъ руки поотсыхали, бисова дворня! Научилъ же васъ чортъ каньчукáми работать! Да я-жъ вамъ не спонъ на току, чтобъ меня вотъ такъ молотили. Коли такъ, такъ вотъ же и женюсь!...

А панъ себѣ смѣется.

— Вотъ,—говорить,—и хорошо! Теперь на свадьбѣ хоть сидѣть тебѣ и нельзя, за то плясать будешь больше...

Веселый былъ панъ, ей-Богу, веселый, эге! Да только послѣ скверное съ нимъ случилось, не дай Богъ ни одному крещѣному. Право, никому такого не пожелаю. Пожалуй, даже и жиду не слѣдуетъ такого желать. Вотъ я что думаю...

Вотъ такъ-то Романа и женили. Привезъ оцъ молодую жинку въ сторожку; сначала все ругалъ, да попрекалъ своими каньчуками.

— И сама ты,—говорить,—того не стоишь, сколько изъ-за тебя человѣка мордовали.

Придетъ, бывало, изъ лѣсу и сейчасъ станетъ ее изъ избы гнать:

— Ступай себѣ! Не надо мнѣ бабы въ сторожкѣ! Чтобъ и духу твоего не было! Не люблю,—говорить,—когда у меня баба въ избѣ спитъ. Духъ,—говорить,—не-хорошій.

Эге!

Ну, а послѣ ничего, притерпѣлся. Оксана, бывало, избу вымететь и вымажетъ чистенько, посуду разставить; блеститъ все, даже сердцу весело. Романъ видитъ: хорошая баба,—помаленьку и привыкъ. Да и не только привыкъ, хлопче, а сталъ ее любить, ей-Богу, не лгу! Вотъ какое дѣло съ Романомъ вышло. Какъ пригля-дѣлся хорошо къ бабѣ, потомъ и говорить:

— Вотъ спасибо пану, добру меня научилъ. Да и я-жъ таки не умный былъ человѣкъ: сколько каньчуковъ при-

няль, а оно, какъ теперъ вижу, ничего и дурного нѣтъ. Еще даже хорошо. Вотъ оно что!

Вотъ прошло сколько-то времени, я и не знаю сколько. Слегла Оксана на лавку, стала стонать. Къ вечеру занедужила, а на утро проснулся я, слышу: кто-то тонкимъ голосомъ «квилить» *). Эге! — думаю я себѣ,— это-жь, видно, «дитына» родилась. А оно вправду такъ и было.

Не долго прожила дитына на бѣломъ свѣтѣ. Только и жила, что отъ утра до вечера. Вечеромъ и пищать перестала... Заплакала Оксана, а Романъ и говоритъ:

— Вотъ и нѣту дитыны, а когда ея нѣту, то незачѣмъ теперъ и попа звать. Похоронимъ подъ сосною.

Вотъ какъ говоритъ Романъ, да не то что говорить, а такъ какъ разъ и сдѣлалъ: вырылъ могилку и похоронилъ. Вонъ тамъ старый пенъ стоитъ, громомъ его спалило... Такъ то-жь и есть та самая сосна, гдѣ Романъ дитыну зарылъ. Знаешь, хлопче, вотъ же я тебѣ скажу: и до сихъ поръ, какъ солнце сядетъ и звѣзда-зорька надъ лѣсомъ станеть, летаетъ какая-то пташка, да и кричить. Охъ, и жалобно квилить пташина, ажъ сердцу больно! Такъ это и есть некрещѣная душа,— креста себѣ просить. Кто знающій человекъ, по книгамъ учился, то, говорятъ, можетъ ей крестъ дать и не станеть она больше летать... Да мы вотъ тутъ въ лѣсу живемъ, ничего не знаемъ. Она летаетъ, она просить, а мы только и говоримъ: «геть-геть, бѣдная душа, ничего мы не можемъ сдѣлать!» Вотъ заплачетъ и улетитъ,

*) Квилить — плачетъ, жалобно пищить.

а потомъ и опять прилетаетъ. Эхъ, хлопче, жалко бѣдную душу!

Вотъ выздоровѣла Оксана, все на могилку ходила. Сядетъ на могилкѣ и плачетъ, да такъ громко, что по всему лѣсу, бывало, голосъ ея ходить. Это она такъ свою дитѣну жалѣла, а Романъ не жалѣлъ дитѣну, а Оксану жалѣлъ. Придетъ, бывало, изъ лѣсу, станеть около Оксаны и говорить:

— Молчи ужь, глупая ты баба! Вотъ было бы о чемъ плакать! Померла одна дитѣна, то, можетъ, другая будетъ. Да еще, пожалуй, и лучшая, эге! Потому что та еще, можетъ, и не моя была, я же такъ и не знаю. А это будетъ моя.

Вотъ уже Оксана и не любила, когда онъ такъ говорилъ. Перестанеть, бывало, плакать и начнеть его нехорошими словами «лаять». Ну, Романъ на нее не сердился.

— Да и что же ты,—спрашиваетъ,—лаешься? Я же ничего такого не сказалъ, а только сказалъ, что не знаю. Потому и не знаю, что прежде ты не моя была и жила не въ лѣсу, а на свѣтѣ, промежду людей. Такъ какъ же мнѣ знать? Теперь вотъ ты въ лѣсу живешь, вотъ и хорошо. А такъ говорила мнѣ баба Федосья, когда я за нею на село ходилъ: «Что то у тебя, Романъ, скоро дитѣна поспѣла!» А я говорю бабѣ: «Какъ же мнѣ-такъ знать, скоро ли, или не скоро?»... Ну, а ты все же брось голосить, а то я осержусь, то еще, пожалуй, какъ бы тебя и не побилъ.

Вотъ Оксана полаетъ, полаетъ его, да и перестанеть.

Она его, бывало, и поругаетъ, и по спинѣ ударить, а какъ станетъ Романъ самъ сердиться, она и притихнетъ,—боялась. Приласкаетъ его, обойметъ, поцѣлуетъ и въ очи заглянетъ... Вотъ мой Романъ и угомонится. Потому... видишь ли, хлопче... Ты, должно-быть, не знаешь, а я, старикъ, хотя самъ не женивался, а все-таки видалъ на своемъ вѣку: молодая баба дюже сладко цѣлуется, какого хочешь сердитаго мужика можетъ она обойти. Ой-ой!... Я же-таки знаю, каковы эти бабы. А Оксана была гладкая такая молодлица; что теперь я уже что-то такихъ больше и не вижу. Теперь, хлопче, скажу тебѣ, и бабы не такія, какъ прежде

Вотъ разъ въ лѣсу рожокъ затрубилъ: тра-та, таратара-та-та-та!... Такъ и разливается по лѣсу, весело да звонко. Я тогда малый хлопчикъ былъ и не зналъ, что это такое; вижу: птицы съ гнѣздъ поднимаются, крыломъ машутъ, кричатъ, а гдѣ и заяцъ пригнулъ уши на спину и бѣжитъ, что есть духу. Вотъ я и думаю: можетъ, это звѣрь какой невиданный такъ хорошо кричитъ. А то же не звѣрь, а панъ себѣ на коникѣ лѣсомъ ѣдетъ, да въ рожокъ трубить; за паномъ доѣзжачіе верхомъ и собаки на сворахъ ведутъ. А всѣхъ доѣзжачіихъ красивѣе Опанасъ Швѣдкій, за паномъ въ синемъ козакинѣ гарцуетъ; шапка на Опанасѣ съ золотнымъ верхомъ, конь подъ нимъ играетъ, рушница за плечами блеститъ и бандура на ремнѣ черезъ плечо повѣшена. Любилъ панъ Опанаса, потому что Опанасъ хорошо на бандурѣ игралъ и пѣсни былъ мастеръ пѣть. Ухъ, и красивый же былъ парубокъ этотъ Опанасъ, страхъ красивый! Куда

было пану съ Опанасомъ равняться: панъ уже и лысый былъ, и носъ у пана красный, и глаза хоть веселые, а все не такіе, какъ у Опанаса. Опанась, бывало, какъ глянетъ на меня,—мнѣ, малому хлопчику, и то смѣяться хочется, а я же не дѣвка. Говорили, что у Опанаса отцы и дѣды запорожскіе козаки были, въ Сѣчи козаковали, а тамъ народъ былъ все гладкій, да красивый, да проворный. Да ты и самъ, хлопче, подумай: на конѣ ли со «списой» *) по полю птицей летать, или топоромъ дерево рубить, это-жь не одно дѣло...

Вотъ я выбѣжалъ изъ хаты, смотрю: подѣхалъ панъ, остановился и доѣзжачіе стали; Романъ изъ избы вышелъ, подержалъ пану стремя; ступилъ панъ на землю. Романъ ему поклонился.

— Здорово!—говорить панъ Роману.

— Эге! — отвѣчаетъ Романъ, — да я-жь, спасибо, здоровъ, чего мнѣ дѣлается? А вы какъ?

Не умѣлъ, видишь ты, Романъ пану какъ слѣдуетъ отвѣтить. Дворня вся отъ его словъ засмѣялась и панъ тоже.

— Ну, и слава Богу, что ты здоровъ,—говорить панъ.— А гдѣ-жь твоя жинка?

— Да гдѣ-жь жинкѣ быть? Жинка, извѣстно, въ хатѣ...

— Ну, и мы въ хату войдемъ, — говоритъ панъ, — а вы, хлопцы, пока на травѣ коверъ постелите, да приготовьте намъ все, чтобы было чѣмъ молодыхъ на первый разъ поздравить.

---

*) „Спися“—ноше.

Вотъ и пошли они въ хату: панъ и Опанась, и Романъ безъ шапки за ними, да еще Богданъ — старшій доѣзжачій, вѣрный панскій слуга. Вотъ ужъ и слугъ такихъ теперь тоже на свѣтѣ нѣту: старый былъ человекъ, съ дворней строгій, а передъ паномъ какъ та собака. Никого у Богдана на свѣтѣ не было, кромѣ пана. Говорять, какъ померли у Богдана батько съ матерью, попросился онъ у стараго пана на тягло и захотѣлъ жениться. А старый панъ не позволилъ, приставилъ его къ своему паничу: тутъ тебѣ, говорить, и батько, и мать, и жинка. Вотъ и выносилъ Богданъ панича и выходилъ, и на коня выучилъ садиться, и изъ ружья стрѣлять. А выросъ паничъ, самъ сталъ пановать, старый Богданъ все за нимъ слѣдомъ ходилъ, какъ собака. Охъ, скажу тебѣ правду: много того Богдана люди проклинали, много на него людскихъ слезъ пало... все изъ-за пана. По одному панскому слову этотъ Богданъ могъ бы, пожалуй, родного отца въ клочки разорвать.

А я, малый хлопчикъ, тоже за ними въ избу побѣжалъ: извѣстное дѣло, любопытно. Куда панъ повернется, туда и я за нимъ.

Гляжу, стоитъ панъ посередѣ избы, усы гладить, смѣется. *Романъ тутъ же топчется, шапку въ рукахъ мнетъ, а Опанась плечомъ объ стѣнку уперся, стоитъ себѣ, бѣдняга, какъ тотъ молодой дубокъ въ непогоду. Нахмурился, невесель...

И вотъ они трое повернулись къ Оксанѣ. Одинъ старый Богданъ сѣлъ въ углу на лавкѣ, свѣсилъ чупрѣну, сидитъ, пока панъ чего не прикажетъ. А Оксана въ

углу у печки стала, глаза опустила, сама раскраснѣлась вся, какъ тотъ макъ середь ячменю. Охъ, видно, чуала небѣга, что изъ-за нея лихо будетъ. Вотъ тоже скажу тебѣ, хлонче: если ужъ три человѣка на одну бабу смотреть, то отъ этого никогда добра не бываетъ, — непременно до чуба дѣло дойдетъ, коли не хуже. Я-жь это знаю, потому что самъ видѣлъ.

— Ну, что, Ромасю, — смѣется панъ, — хорошую ли я тебѣ жинку высваталъ?

— А что-жь? — Романъ отвѣчаетъ. — Баба, какъ баба, ничего!

Повелъ тутъ плечомъ Опанась, поднялъ глаза на Оксану и говорить про себя:

— Да,—говорить,—баба! Хоть бы и не такому дурню досталась.

Романъ услыхаль это слово, повернулся къ Опанасу и говорить ему:

— А чѣмъ бы это я, панъ Опанась, вамъ за дурня показался? Эге, скажите-ка!

— А тѣмъ, — говорить Опанась, — что не съумѣешь жинку свою уберечь, тѣмъ и дурень...

Вотъ какое слово сказалъ ему Опанась! Панъ даже ногою топнулъ, Богданъ покачалъ головой, а Романъ подумаль съ минуту, потомъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на пана.

— А что-жь мнѣ ее беречь? — говорить Опанасу, а самъ все на пана смотреть. — Здѣсь, кромѣ звѣря, никакого чорта и нѣту, вотъ развѣ милостивый панъ когда завернетъ. Отъ кого же мнѣ жинку беречь? Смотри ты,

вразій козаче, ты меня не дразни, а то я, пожалуй, и за чуприну схвачу.

Пожалуй-таки и дошло бы у нихъ дѣло до потасовки, да панъ вмѣшался: топнулъ ногой,—они и замолчали.

— Тише вы,—говорить,—бісовы дѣти! Мы же сюда не для драки прѣѣхали. Надо молодыхъ поздравить, а потомъ, къ вечеру, на болото охотиться. Айда за мной!

Повернулся панъ и пошелъ изъ избы; а подъ деревомъ доѣзжачіе ужъ и закуску сготовили. Пошелъ за паномъ Богданъ, а Опанасъ остановилъ Романа въ сѣняхъ.

— Не сердись ты на меня, братъку,—говорить козакъ.—Послушай, что тебѣ Опанасъ скажетъ: видѣлъ ты, какъ я у пана въ ногахъ валялся, сапоги у него цѣловалъ, чтобы онъ Оксану за меня отдалъ? Ну, Богъ съ тобой, человѣче... Тебя попъ окрутилъ, такая, видно, судьба! Такъ не стерпеть же мое сердце, чтобы лютый ворогъ опять теперь и надъ ней, и надъ тобой потѣшался. Гей-гей! никто того не знаетъ, что у меня на душѣ... Лучше же я и его, и ее изъ рушницы вмѣсто постели уложу въ сырую землю...

Посмотрѣлъ Романъ на козака и спрашиваетъ:

— А ты, козаче, часомъ «съ глузду не сѣхалъ» *)?

Не слыхалъ я, что Опанасъ на это сталъ Роману тихо въ сѣняхъ говорить, только слышалъ, какъ Романъ его по плечу хлопнулъ.

---

*) „Съ глузду сѣхать“—сойти съ ума.

— Охъ, Опанась, Опанась! Вотъ какой на свѣтѣ народъ злой да хитрый! А я же ничего того, живучи въ лѣсу, и не зналъ. Эге, пане, пане, лихо ты на свою голову затѣялъ!...

— Ну,—говорить ему Опанась,—ступай теперь и не показывай виду, пуще всего передъ Богданомъ. Не умный ты человекъ, а эта панская собака хитра. Смотри же: панской горѣлки много не пей, а если отправить тебя съ доѣзжачими на болото, а самъ захочетъ остаться, веди доѣзжачихъ до стараго дуба и покажи имъ обѣздную дорогу, а самъ, скажи, напрямкомъ пойдешь по лѣсу... Да поскорѣе сюда возвращайся.

— Добре,—говорить Романъ.—Соберусь на охоту, а рушницю не дробью заряджу и не «лѣткой» на птицу, а доброю пулей на медвѣдя...

Вотъ и они вышли. А ужъ панъ сидитъ на коврѣ, велѣлъ подать фляжку и чарку, наливаетъ въ чарку горѣлку и подбиваетъ Романа. Эге, хороша была у пана и фляжка, и чарка, а горѣлка еще лучше! Чарочку выпьешь—душа радуется, другую выпьешь—сердце скачетъ въ груди, а если человекъ непривычный, то съ третьей чарки и подъ лавкой валяется, коли баба на лавку не уложить.

Эге, говорю тебѣ, хитрый былъ панъ! Хотѣлъ Романа напоить своею горѣлкой до-пьяна, а еще такой и горѣлки не бывало, чтобы Романа свалила. Пьетъ онъ изъ панскихъ рукъ чарку, пьетъ и другую, и третью выпилъ, а у самого только глаза, какъ у волка, загораются, да усомъ чернымъ поводить. Панъ даже осердился.

— Вотъ же вражій сынъ какъ здорово горѣлку хлещетъ, а самъ и не моргнуть глазомъ! Другой бы ужъ давно заплакалъ, а онъ, глядите, добрые люди, еще усмѣхается...

Зналъ же вражій панъ хорошо, что если ужъ чловѣкъ отъ горѣлки заплакалъ, то скоро и совсѣмъ чуприну на столъ свѣситъ. Да на тотъ разъ не на такого напалъ.

— А съ чего-жъ мнѣ,—Романъ ему отвѣчаетъ,—плакать? Даже, пожалуй, это нехорошо бы было. Пріѣхалъ ко мнѣ милостивый панъ поздравлять, а я бы-таки и началъ ревѣть, какъ баба. Слава Богу, не отъ чего мнѣ еще плакать, пускай лучше мои вѣроги плачуть...

— Значить,—спрашиваетъ панъ,—ты доволенъ?

— Эге! А чѣмъ мнѣ быть недовольнымъ?

— А помнишь, какъ мы тебя каньчукáми сватали?

— Какъ-таки не помнѣть! Ото-жъ и говорю, что не умный чловѣкъ былъ, не зналъ, чтò горько, чтò сладко. Каньчукъ горекъ, а я его лучше бабы любилъ. Вотъ спасибо вамъ, милостивый пане, что научили меня, дурня, медъ ѣсть.

— Ладно, ладно,—панъ ему говорить.—За то и ты мнѣ послужи: вотъ пойдешь съ доѣзжачими на болото, настрѣляй побольше птицъ, да непременно глухого тетерева достань.

— А когда-жъ это панъ насъ на болото посылаетъ?—спрашиваетъ Романъ.

— Да вотъ выпьемъ еще, Опанасъ намъ пѣсню споеть, да и съ Богомъ.

Посмотрѣлъ Романъ на него и говорить пану:

— Вотъ ужъ это и трудно: пора не ранняя, до бѣлоты далеко, а еще, вдобавокъ, и вѣтеръ по лѣсу шумить, къ ночи будетъ буря. Какъ же теперь такую сторожевую птицу убить?

А ужъ панъ захмѣлѣлъ, да во хмѣлю былъ крѣпко сердитый. Услышалъ, какъ дворян промежь себя шептаться стала, говорить, что, молъ, «Романова правда, загудѣтъ скоро буря»,—и осердился. Стукнулъ чаркой, повелъ глазами,—всѣ и стихли.

Одинъ Опанасъ не испугался; вышелъ онъ, по панскому слову, съ бандурой пѣсни пѣть, сталъ бандуру настраивать, самъ посмотрѣлъ сбоку на пана и говорить ему:

— Опомнись, милостивый пане! Гдѣ-жь это видно, чтобы къ ночи, да еще въ бурю, людей по темному лѣсу за птицей гонять?

Вотъ онъ какой былъ смѣлый! Другіе, извѣстное дѣло, панскіе «крѣпаки», боятся, а онъ—вольный чело-вѣкъ, козацкаго роду. Привелъ его, небольшимъ хлопцемъ, старый козакъ-бандуристъ съ Украйны. Тамъ, хлопче, люди что-то нашумѣли въ городѣ Умань. Вотъ старому козаку выкололи очи, обрѣзали уши и пустили его такого по свѣту. Ходилъ онъ, ходилъ послѣ того по городамъ и селамъ и забрелъ въ нашу сторону съ поводыремъ, хлопчикомъ Опанасомъ. Старый панъ взялъ его къ себѣ, потому что любилъ хорошія пѣсни. Вотъ старикъ умеръ,—Опанасъ при дворѣ и выросъ. Любилъ

его новый панъ тоже и терпѣлъ отъ него порой такое слово, за которое другому спустили бы три шкуры.

Такъ и теперь: осердился было сначала, думали, что онъ козака ударить, а послѣ говорить Опанасу:

— Ой, Опанась, Опанась! Умный ты хлопецъ, а того, видно, не знаешь, что межъ дверей не надо своего носа совать, чтобы какъ-нибудь не захлопнули...

Вотъ онъ какую загадалъ козаку загадку? А козакъ-таки сразу и понялъ. И отвѣтилъ козакъ пану пѣсней. Ой, кабы и панъ понялъ козацкую пѣсню, то, можетъ бы, его пани надъ нимъ не разливалась слезами.

— Спасибо, пане, за науку,—сказалъ Опанась,—вотъ же я тебѣ за то спою, а ты слушай.

И ударилъ по струнамъ бандуры.

Потомъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на небо, какъ въ небѣ орелъ ширяетъ, какъ вѣтеръ темныя тучи гоняетъ. Наставилъ ухо, послушалъ, какъ высокія еосны шумятъ...

И опять ударилъ по струнамъ бандуры.

Эй, хлопче, не довелось тебѣ слышать, какъ игралъ Опанась Швидкій, а теперь ужъ и не услышишь! Вотъ же и не хитрая штука бандура, а какъ она у знающаго человѣка хорошо говорить. Бывало, пробѣжить по ней рукою, она ему все и скажетъ: какъ темный боръ въ непогоду шумить, и какъ вѣтеръ звенить въ пустой степи по бурьяну, и какъ сухая травинка шепчетъ на высокой козацкой могилѣ.

Нѣтъ, хлопче, не услыхать уже вамъ настоящую игру! Бздятъ теперь сюда всякіе люди, такіе, что не въ од-

номъ Полѣсья бывали, но и въ другихъ мѣстахъ, и по всей Украинѣ: и въ Чигиринѣ, и въ Полтавѣ, и въ Киевѣ, и въ Черкасахъ. Говорять, вывелись ужъ бандуристы, не слышно ихъ уже на ярмаркахъ и на базарахъ. У меня еще на стѣнѣ въ хатѣ старая бандура висить. Выучилъ меня играть на ней Опанась, а у меня никто игры не перенялъ. Когда я умру,—а ужъ это скоро,—такъ, пожалуй, и нигдѣ уже на широкомъ свѣтѣ не слышно будетъ звона бандуры. Вотъ оно что!

И запѣлъ Опанась тихимъ голосомъ пѣсню. Голосъ былъ у Опанаса не громкій, да «сумный» *),—такъ, бывало, въ сердце и льется. А пѣсню, хлопче, козакъ, видно, самъ для пана придумалъ. Не слыхалъ я ее никогда больше, и когда послѣ, бывало, къ Опанасу пристану, чтобы спѣлъ, онъ все не соглашался.

— Для кого,—говорить,—та пѣсня пѣлась, того уже нѣту на свѣтѣ.

Въ той пѣснѣ козакъ пану всю правду сказалъ, что съ паномъ будетъ, и панъ плачетъ, даже слезы у пана текутъ по усамъ, а все же ни слова, видно, изъ пѣсни не понялъ.

Охъ, не помню я эту пѣсню, помню только немного. Пѣлъ козакъ про пана про Ивана:

Ой пане, ой Иване!...

Умный панъ, много знаетъ...

Знаетъ, что ястребъ въ небѣ летаетъ, воронъ побиваетъ...

---

*) Малороссійское слово сумный совмѣщаетъ въ себѣ понятія, передаваемые по-русски словами: грустный и задумчивый.

Ой пане, ой Иване!..

А того-жь пань не знаетъ,

Какъ на свѣтѣ бываетъ,—

Что у гнѣзда и ворона ястреба побиваетъ...

Вотъ же, хлопче, будто и теперь я эту пѣсню слышу и тѣхъ людей вижу: стоитъ козакъ съ бандурой, пань сидитъ на коврѣ, голову свѣсилъ и плачетъ; дворня кругомъ столпилась, поталкиваютъ одинъ другого локтями; старый Богданъ головой качаетъ... А лѣсь, какъ теперь, шумитъ, и тихо да сумно звенитъ бандура, а козакъ поетъ, какъ пани плачетъ надъ паномъ надъ Иваномъ:

Плачетъ пани, плачетъ,

А надъ паномъ надъ Иваномъ черныи воронъ кричетъ.

Охъ, не понялъ пань пѣсни, вытеръ слезы и говоритъ:

— Ну, собирайся, Романъ! Хлюпцы, садитесь на коней! И ты, Опанась, поѣзжай съ ними,—будетъ уже мнѣ твоихъ пѣсенъ слушать!... Хорошая пѣсня, да только никогда того, что въ ней поется, на свѣтѣ не бываетъ.

А у козака отъ пѣсни размякло сердце, затуманились очи.

— Охъ, пане, пане,—говоритъ Опанась,—у насъ говорятъ старые люди: въ сказкѣ правда и въ пѣснѣ правда. Только въ сказкѣ правда—какъ желѣзо: долго по свѣту изъ рукъ въ руки ходило, заржавѣло... А въ пѣснѣ правда—какъ золото, что никогда его ржа не ѣсть... Вотъ какъ говорятъ старые люди!

Махнулъ пань рукой.

— Ну, можетъ, такъ въ вашей сторонѣ, а у насъ не такъ... Ступай, ступай, Опанась,—надоѣло мнѣ тебя слушать.

Постоялъ козакъ съ минуту, а потомъ вдругъ упалъ передъ паномъ на землю:

— Послушай меня, пане! Садись на коня, поѣзжай къ своей пани,—у меня сердце недоброе чуетъ.

Вотъ ужъ тутъ панъ осердился, толкнулъ козака, какъ собаку, ногой.

— Иди ты отъ меня прочь! Ты, видно, не козакъ, а баба! Иди ты отъ меня, а то какъ бы съ тобой не было худо... А вы что стали, хамово племя? Иль я не панъ вамъ больше? Вотъ я вамъ такое покажу, чего и ваши батьки отъ моихъ батьковъ не видали!...

Всталъ Опанась на ноги, какъ темная туча, съ Романомъ переглянулся. А Романъ въ сторонѣ стоитъ, на рушницу облокотился, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Ударилъ козакъ бандурой объ дерево,—бандура въ дребезги разлетѣлась, только стонъ пошелъ отъ бандуры по дѣсу.

— А пускай же,—говорить,—черти на томъ свѣтѣ учать такого человѣка, который разумную раду не слушаетъ... Тебѣ, пане, видно, вѣрнаго слуги не надо.

Не успѣлъ панъ отвѣтить, вскочилъ Опанась въ сѣдло и поѣхалъ. Довѣзачіе тоже на коней сѣли. Романъ вскинулъ рушницу на плечи и пошелъ себѣ, только, проходя мимо сторожки, крикнулъ Оксанѣ:

— Уложи хлопчика, Оксана! Пора ему спать. Да и пану сготовь постелю.

Вотъ скоро и ушли всѣ въ лѣсъ вонь по той дорогѣ; и пань въ хату ушелъ, только панскій конь стоитъ себѣ, подъ деревомъ привязанъ. А ужъ и темнѣтъ начало, по лѣсу шумъ идетъ и дождикъ накрапываетъ, вотъ-таки совсѣмъ какъ теперь... Уложила меня Оксана на сѣновалѣ, перекрестила на ночь... Слышу я, моя Оксана плачетъ.

Охъ, ничего-то я тогда, малый хлопчикъ, не понималъ, что кругомъ меня творится! Свернулся себѣ на сѣнѣ, послушалъ, какъ буря въ лѣсу гѣсню заводитъ, и сталъ засыпать.

Эге! Вдругъ слышу, кто-то около сторожки ходить... подошелъ къ дереву, панскѣго коня отвязалъ. Захрапѣлъ конь, ударилъ копытомъ; какъ пустится въ лѣсъ, скоро и топотъ затихъ... Потомъ, слышу, опять кто-то по дорогѣ скачетъ, уже къ сторожкѣ. Подскакалъ вилоть, соскочилъ съ сѣдла на землю и прямо къ окну:

— Пане, пане!—кричитъ голосомъ стараго Богдана.— Ой, пане, отвори скорѣй! Вражій козакъ лихо задумалъ, видно,—твоего коня въ лѣсъ отпустилъ.

Не успѣлъ старикъ договорить, кто-то его сзади схватилъ. Испугался я, слышу—что-то упало...

Отворяя пань двери, съ рушнудей выскочилъ, а ужъ въ сѣняхъ Романъ его захватилъ, да прямо за чубъ, да объ землю...

Вотъ видитъ пань, что ему лихо, и говоритъ.

— Ой, отпусти, Ромасю! Такъ-то ты мое добро помнишь?

А Романъ ему отвѣчаетъ:

— Помню я, вражій пане, твое добро и до меня, и до моей жинки. Вотъ же я тебѣ теперь за добро заплачу...

А панъ говорить опять:

— Заступись, Опанась, мой вѣрный слуга! Я-жь тебя любилъ какъ родного сына.

А Опанась ему отвѣчаетъ:

— Ты своего вѣрнаго слугу прогналъ, какъ собаку. Любилъ меня такъ, какъ палка любить спину, а теперь такъ любишь, какъ спина палку... Я-жь тебя просилъ и молилъ,—ты не послушался...

Вотъ сталъ панъ тутъ и Оксану просить:

— Заступись ты, Оксана, у тебя сердце доброе.

Выбѣжала Оксана, всплеснула руками:

— Я же тебя, пане, просила, въ ногахъ валялась: пожалѣй мою дѣвичью красу, не поворъ меня, мужнюю жену. Ты же не пожалѣлъ, а теперь самъ просишь... Охъ, лишенько мнѣ, что же я сдѣлаю?

— Пустите,—кричить опять панъ,—за меня вы всѣ погинете въ Сибири...

— Не печалься за насъ, пане,—говорить Опанась:— Романъ будетъ на болотѣ раньше твоихъ доѣзжачихъ, а я, по твоей милости, одинъ на свѣтѣ, мнѣ о своей головѣ думать не долго. Вскину рушницу за плечи и пойду себѣ въ лѣсъ... Наберу проворныхъ хлопцевъ и будемъ гулять... Изъ лѣсу станемъ выходить ночью на дорогу, а когда въ село забредемъ, то прямо въ панскія хоромы.

Эй, подымай, Ромасю, пана, вынесемъ его милость на дождикъ.

Забился тутъ панъ, закричалъ, а Романъ только вор-

чить про себя, а козакъ насмѣхается. Вотъ и вышли.

А я испугался, кинулся въ хату и прямо къ Оксанѣ. Сидитъ моя Оксана на лавкѣ—бѣлая, какъ стѣна...

А по лѣсу уже загудѣла настоящая буря: кричить боръ разными голосами, да вѣтеръ воетъ, а когда и громъ полыхнѣтъ. Сидимъ мы съ Оксаной на лежанкѣ, и вдругъ слышу я, кто-то въ лѣсу застоналъ. Охъ, да такъ жалобно, что я до сихъ поръ, какъ вспомню, то на сердцѣ тяжело станеть, а вѣдь уже тому много лѣтъ...

— Оксано,—говорю,—голубонько, а кто-жь это тамъ въ лѣсу стонеть?

А она схватила меня на руки и качаетъ:

— Спи, — говорить, — хлопчику, ничего! Это такъ... лѣсъ шумить...

А лѣсъ и вправду шумѣлъ,—охъ, и шумѣлъ же!

Просидѣли мы еще сколько-то времени, слышу я: ударило по лѣсу будто изъ рушницы.

— Оксано,—говорю,—голубонько, а кто-жь это изъ рушницы стрѣляетъ?

А она, небѣга, все меня качаетъ и все говорить:

— Молчи, молчи, хлопчику, то громъ Божій ударилъ въ лѣсу.

А сама все плачетъ и меня крѣпко къ груди прижимаетъ, баюкаетъ: «Лѣсъ шумить, лѣсъ шумить, хлопчику, лѣсъ шумить...»

Вотъ я лежалъ у нея на рукахъ и заснулъ...

А на утро, хлопче, прокинулся, гляжу: солнце свѣ-

тятъ, Оксана одна въ хатѣ одѣтая спитъ. Вспомнилъ я вчерашнее и думаю: это мнѣ такое приснилось.

А оно не приснилось,—ой, не приснилось,—а было на правду. Выбѣжалъ я изъ хаты, побѣжалъ въ лѣсъ, а въ лѣсу пташки щебечуть и роса на листьяхъ блеститъ. Вотъ добѣжалъ до кустовъ, а тамъ и панъ, и доѣзжачій лежатъ себѣ рядомъ. Панъ спокойный и блѣдный, а доѣзжачій сѣдой, какъ голубь, и строгій, какъ разъ будто живой. А на груди и у пана, и у доѣзжачаго кровь.

. . . . .

— Ну, а что же случилось съ другими?—спросилъ я, видя, что дѣдъ опустилъ голову и замолкъ.

— Эге! Вотъ же все такъ и сдѣлалось, какъ сказалъ козакъ Опанасъ. И самъ онъ долго въ лѣсу жилъ, ходилъ съ хлопцами по большимъ дорогамъ, да по панскимъ усадьбамъ. Такая козаку судьба на роду была написана: отцы гайдамачили, и ему то же на долю выпало. Не разъ онъ, хлопче, приходилъ къ намъ, въ эту самую хату, а чаще всего, когда Романа не бывало дома. Придетъ, бывало, посидитъ и пѣсню споетъ, и на бандурѣ сыграетъ. А когда и съ другими товарищами заходилъ,—всегда его Оксана и Романъ принимали. Эхъ, правду тебѣ, хлопче, сказать, таки и не безъ грѣха тутъ было дѣло. Вотъ придутъ скоро изъ лѣсу Максимъ и Захаръ,—посмотри ты на нихъ обоихъ: я ничего имъ не говорю, а только кто знаетъ Романа и Опанаса, тому сразу видно, который на котораго похожъ, хотя они

уже тѣмъ людямъ не сыны, а внуки... Вотъ же какія дѣла, хлопче, бывали на моей памяти въ этомъ лѣсу... А шумить же лѣсъ крѣпко,—будетъ буря!...

III.

Послѣднія слова разсказа старикъ говорилъ какъ-то устало. Очевидно, его возбужденіе прошло и теперь сказывалось утомленіемъ: языкъ его заплетался, голова тряслась, глаза слезились.

Вечеръ спустился уже на землю, въ лѣсу потемнѣло, боръ волновался вокругъ сторожки, какъ расходившееся море; темныя вершины колыхались, какъ гребни волнъ въ грозную непогоду.

Веселый лай собакъ возвѣстилъ приходъ хозяевъ. Оба лѣсника торопливо подошли къ избушкѣ, а вслѣдъ за ними запыхавшаяся Мотря пригнала затерявшуюся было корову. Наше общество было въ сборѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли въ хатѣ; въ печи весело трещалъ огонь; Мотря собирала «вечерять».

Хотя я не разъ видѣлъ прежде Захара и Максима, но теперь я взглянулъ на нихъ съ особеннымъ интересомъ. Лицо Захара было темно, брови срослись подъ крутымъ низкимъ лбомъ, глаза глядѣли угрюмо, хотя въ лицѣ можно было различить природное добродушіе, присутствующее силѣ. Максимъ глядѣлъ открыто, какъ будто ласкающими сѣрыми глазами; по временамъ онъ встряхи-

валъ своими курчавыми волосами и его смѣхъ звучалъ какъ-то особенно заразительно.

— А чи не рассказывалъ вамъ старикъ,—спросилъ Максимъ,—старую быватьщину про нашего дѣда?

— Да, рассказывалъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, онъ всегда вотъ такъ! Лѣсъ зашумитъ покрѣпче, ему старое и вспоминается. Теперь всю ночь никакъ не заснетъ.

— Совсѣмъ мала дитѣна,—добавила Мотря, наливая старику щей.

Старикъ какъ будто не понималъ, что рѣчь идетъ именно о немъ. Онъ совсѣмъ опустился, по временамъ бессмысленно улыбался, кивая головой; только когда снаружи налеталъ на избушку порывъ бушевавшаго по лѣсу вѣтра, онъ начиналъ тревожиться и наставлялъ ухо, прислушиваясь къ чему-то съ испуганнымъ видомъ.

Вскорѣ въ лѣсной избушкѣ все смолкло. Тускло свѣтилъ угасакщій *каганецъ* *), да сверчокъ звонилъ свою однообразно-крикливую пѣсню... А въ лѣсу, казалось, шелъ говоръ тысячи могучихъ, хотя и глухихъ голосовъ, о чемъ-то грозно перекликавшихся во мракѣ. Казалось, какая-то грозная сила ведетъ тамъ, въ темнотѣ, шумное совѣщаніе, собираясь со всѣхъ сторонъ ударить на жалкую, затерянную въ лѣсу хибарку. По временамъ смутный рокотъ усиливался, росъ, приливалъ, и тогда дверь

*) *Каганецъ*—черепокъ, въ который наливають сало и кладутъ свѣтильню.

вздрагивала, точно кто-то, сердито шипя, напираетъ на нее снаружи, а въ трубѣ ночная вьюга съ жалобною угрозою выводила за сердце хватающую ноту. Потомъ на время порывы бури смолкали, роковая тишина томилъ робѣющее сердце, пока опять подымался гулъ, какъ будто старыя сосны стоваривались сняться вдругъ съ своихъ мѣстъ и улетѣть въ невѣдомое пространство вмѣстѣ съ размахами ночного урагана.

Я забылся на нѣсколько минутъ смутною дремотой, но, кажется, не надолго. Буря выла въ лѣсу на разные голоса и тоны. Каганецъ вспыхивалъ по временамъ, освѣщая избушку. Старикъ сидѣлъ на своей лавкѣ и шарилъ вокругъ себя рукой, какъ будто надѣясь найтти кого-то по близости. Выраженіе испуга и почти дѣтской безпомощности виднѣлось на лицѣ бѣднаго дѣда.

— Оксано, голубонько,—разслышалъ я его жалобный ропотъ,—а кто-жь это тамъ въ лѣсу стонетъ?

Онъ тревожно пошарилъ рукой и прислушался.

— Эге!—заговорилъ онъ опять, —никто не стонетъ. То буря въ лѣсу шумить... Больше ничего, лѣсъ шумить, шумить...

Прошло еще нѣсколько минутъ. Въ маленькія окна то и дѣло заглядывали синеватые огни молніи, высокія деревья вспыхивали за окномъ призрачными очертаніями и опять исчезали во тьмѣ среди сердитаго ворчанія бури. Но вотъ рѣзкій свѣтъ на мгновеніе затмилъ блѣдныя вспышки каганца и по лѣсу раскатился отрывистый, недалекій ударъ.

Старикъ опять тревожно заметался на лавкѣ.

— Оксано, голубонько, а кто-жь это въ лѣсу стрѣляетъ?

— Спи, старикъ, спи,—послышался съ нечки спокойный голосъ Мотри.—Вотъ всегда такъ: въ бурю по ночамъ все Оксану зоветъ. И забылъ, что Оксана ужь давно на томъ свѣтѣ. Охъ-хо!

Мотря зѣвнула, прошептала молитву, и вскорѣ опять въ избушкѣ настала тишина, прерываемая лишь шумомъ лѣса, да тревожнымъ бормотаніемъ дѣда:

— Лѣсъ шумить, лѣсъ шумить... Оксано, голубонько...

Вскорѣ ударилъ тяжелый ливень, покрывая шумомъ дождевыхъ потоковъ и порыванія вѣтра, и стоны сосноваго бора...

1885 г.

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Разсказъ.)

Страстная суббота 187* года.

Сумрачный вечеръ давно уже спустился на примолкшую землю. Разогрѣтая за день и теперь слегка обвѣянная бодрымъ дыханіемъ весенняго ночного мороза, земля, казалось, тихо вздыхала полною грудью; отъ этого дыханія, играя въ лучахъ величаво горѣвшаго звѣзднаго неба, вставали бѣлесоватые туманы, точно клубы кадильнаго дыма, подымавшіеся на - встрѣчу идущему празднику.

Было тихо. Небольшой губернской городъ N., весь обвѣянный сумрачною прохладой, замолкъ, въ ожиданіи минуты, когда съ высоты соборной колокольни прозвонитъ первый ударъ. Но городъ не спалъ. Подъ покровомъ влажнаго сумрака, въ тѣни молчаливыхъ, безлюдныхъ улицъ, слышалось сдержанное ожиданіе. Лишь изрѣдка пробѣжитъ запоздалый труженикъ, котораго праздникъ чуть не засталъ за тяжелою, непокорною работою, прогнать извошья пролетка—и опять без-

молвная тишь... Жизнь схлынула съ улицъ въ дома, въ богатя хоромы и скромныя лачуги, свѣтившія окнами на улицу, и тамъ притаилась. Надъ городомъ, надъ полями, надъ всею землей слышалось незримое вѣяніе наступающаго праздника воскресенія и обновленія...

Луна не поднималась и городъ лежалъ въ широкой тѣни возвышенности, на которой виднѣлось большое, угрюмое зданіе. Странныя, прямыя и строгія линіи этого зданія мрачно рисовались на звѣздной лазури; темныя ворота чуть-чуть выдѣлялись, зіяя во мракъ затѣненной стѣны, и четыре башни по угламъ вырѣзались на небѣ острыми вершинами.

Но вотъ съ высоты соборной колокольни сорвался и процесся въ чуткомъ воздухѣ задумчивой ночи первый звенящій ударъ... другой, третій... Черезъ минуту въ разныхъ мѣстахъ, разными тонами, звенѣли, заливались и пѣли колокола, и звуки, сплетаясь въ могучую, своеобразную гармонію, тихо колыхались и будто кружились въ эфирѣ... Изъ темнаго зданія, затѣнявшаго городъ, слышалось тоже чахлое, надтреснутое дребезжанье, какъ будто трепетавшее въ воздухѣ въ жалкомъ безсиліи подняться въ эфирную высь за могучимъ аккордомъ.

Звонъ смолкъ... Звуки растаяли въ воздухѣ, но безмолвіе ночи лишь постепенно вступало въ свои права: долго еще въ сумракѣ чудился смутный, замирающій отголосокъ, точно дрожаніе невидимой, натянутой въ воздухѣ струны... Въ домахъ огни погасли; окна церквей сіяли. Земля въ 187* году еще разъ готовилась провозгласить старый лозунгъ побѣды мира, любви и братства...

Въ темныхъ воротахъ угрюмаго зданія лязгнули запоры. Полувзводъ солдатъ, бряцая въ темнотѣ оружіемъ, вышелъ смѣнять ночные караулы. Они подходили къ угламъ, на время останавливались у постовъ; изъ темной кучки людей выходила разбѣреннымъ шагомъ одна фигура, а прежній часовой какъ будто тонулъ въ этой неопредѣленно - чернѣвшей кучкѣ... Затѣмъ полувзводъ двигался дальше, обходя вокругъ высокой тюремной стѣны.

На западной сторонѣ на смѣну стоявшаго здѣсь часового вышелъ молодой новобранецъ; въ его движеніяхъ не исчезла еще деревенская угловатость; молодое лицо хранило выраженіе напряженнаго вниманія новичка, впервые занимающаго отвѣтственный постъ. Онъ сталъ лицомъ къ стѣнѣ, бракнулъ ружьемъ, ступилъ два шага и, сдѣлавъ полуоборотъ, сталъ плечомъ къ плечу прежняго часового. Тотъ, слегка повернувъ къ нему голову, прочиталъ заученнымъ тономъ обычныя наставленія:

— Отъ угла до угла... смотрѣть... не спать, не дремать!—быстро говорилъ солдатъ, а рекрутъ слушалъ все такъ же напряженно, и въ его сѣрыхъ глазахъ сквозило какое-то особенное выраженіе тоски.

— Понялъ?—спросилъ ефрейторъ.

— Такъ точно!

— Ну, смотри! — сказалъ тотъ строго и затѣмъ, изменивъ тонъ, заговорилъ болѣе добродушно:

— Да ничего, Оадѣвъ, не бойся! Чай, ты не баба... Лѣшаго, что ли, тебѣ бояться-то?

— Зачѣмъ лѣшаго?—наивно отвѣтилъ Оадѣевъ и потомъ задумчиво прибавилъ:—Такъ штой-то на сердцѣ... будто какъ чижало, братцы...

При этомъ простодушномъ, почти по-дѣтски звучащемъ признаніи въ кучкѣ солдатъ послышался смѣхъ.

— Вотъ она, деревня-то матушка! — съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ промолвилъ ефрейторъ и рѣзко скомандовалъ:

— Ружья воль-но!... Шагомъ маршъ!

Карауль, мѣрно постукивая на ходу, скрылся за угломъ, и скоро шаги его стихли. Часовой вскинулъ ружье и тихо пошелъ вдоль стѣны...

Внутри тюрьмы, съ послѣднимъ ударомъ колокола, началось движеніе. Мрачная и скорбная тюремная ночь давно уже не видѣла подобнаго оживленія. Какъ будто дѣйствительно благовѣсть донесся сюда вѣстью свободы: черныя двери камеръ одна за другой отворялись. Люди въ сѣрыхъ халатахъ, съ роковыми цвѣтными лоскутьями на спинахъ, длинными вереницами, попарно, проходили по корридорамъ, входя въ тюремную церковь, блиставшую огнями. Они шли справа и слѣва, поднимались по лѣстницѣ снизу, опускались сверху; среди гулкаго топота слышался по временамъ лязгъ ружья и переливчатое бряцаніе пожныхъ кандаловъ. Входя въ обширную церковь, сѣрая толпа вливалась въ отгороженный рѣшоткой мѣста и тамъ затихала. Въ церковныхъ окнахъ также виднѣлись крѣпкія желѣзныя рѣшотки...

Тюрьма опустѣла. Только въ четырехъ угловыхъ баш-

няхъ, въ небольшихъ круглыхъ камерахъ, наглухо запертыхъ, четыре одиночныхъ арестанта угрюмо метались по своимъ кельямъ, по временамъ припадая ухомъ къ дверямъ и жадно ловя отрывки долетавшаго изъ церкви пѣнія...

Да еще въ одной изъ общихъ камеръ, на нарахъ, лежалъ больной. Смотритель, которому доложили о внезапно заболѣвшемъ, подошелъ къ нему, когда арестантовъ уводили въ церковь, и, наклонясь, заглянулъ въ его глаза, горѣвшіе страннымъ блескомъ и тупо устремленные въ пространство.

— Ивановъ!... Слушай, Ивановъ!—кликнулъ смотритель больного.

Арестантъ не повернулъ головы; онъ бормоталъ что-то невнятное; голосъ былъ хриплый; воспаленныя губы шевелились съ усиліемъ.

— Завтра въ больницу!—распорядился смотритель и вышелъ, оставивъ у дверей камеры одного изъ корридорныхъ. Тотъ внимательно посмотрѣлъ на лежавшаго въ горячкѣ и покачалъ головой.

— Эхъ, бродяга, бродяга! Видно, братецъ, отбѣгаль свое!—и, рѣшивъ, что тутъ ему дѣлать нечего, надзиратель прошелъ по корридору къ церкви, остановился у запертой двери и сталъ слушать службу, то и дѣло припадая къ землѣ для поклоновъ.

Пустая камера оглашалась по временамъ невнятнымъ говоромъ больного. Это былъ не старый еще человѣкъ, сильный и крѣпкій. Онъ бредилъ, переживая недавнее прошлое, и лицо его искажалось выраженіемъ мѹки.

Судьба спустила надъ бродягой скверную шутку. Онъ прошелъ тысячу верстъ, пробираясь тайгой и дикими хребтами, вынесъ тысячи опасностей и лишений, гонимый жгучею тоской по родинѣ, руководимый одною надеждою: «повидать бы... на мѣсяць... на недѣлю... пожить у своихъ... а тамъ—хоть опять та же дорожка!» За сотню верстъ отъ родимой деревни онъ попалъ въ эту тюрьму...

Но вотъ невнятный говоръ притихъ. Глаза бродяги расширились, грудь дышетъ ровнѣе... Надъ горящею головою повѣяло болѣе отрадными мечтами...

...Шумить тайга... Ему знакомъ этотъ шумъ—ровный, пѣвучій, свободный... Онъ научился различать голоса лѣса, говоръ каждаго дерева. Величавыя сосны звенять высоко, высоко, густою, темною зеленью... Ели шепчуть протяжно и гулко; веселая, яркая лиственъ машетъ гибкою вѣткой; осина дрожить и трепещетъ чуткимъ, боязливымъ листомъ... Свищеть свободная птица, ручей говорливо и буйно летитъ по каменистымъ оврагамъ, и таежныя сыщицы — стая болтливыхъ сорокъ — носятся въ воздухѣ надъ тѣми мѣстами, гдѣ, невидимый въ чащѣ, проходитъ тайгою бродяга *).

Точно струя свободного таежнаго вѣтра опажнула больного. Онъ поднялся, глубоко вздохнулъ; глаза съ выра-

---

*) Сибирскіе бродяги рассказываютъ, что въ глухой тайгѣ сороки стаями провожаютъ пробирающагося въ чащѣ человѣка. Въ тѣ времена, когда охота на „горбачей“ разрѣшалась закономъ, буряты охотники выслѣживали бродягъ по громкимъ крикамъ сорочьей стаи.

Примѣч. авт.

женіемъ вниманія глядятъ впередъ, но вдругъ въ нихъ блеснуло что-то вродѣ сознанія... Бродяга, привычный бѣглець, увидаль впередъ собою необычайное явленіе: открытую дверь...

Могучій инстинктъ встряхнулъ весь организмъ, потрясенный болѣзнью. Признаки бреда быстро исчезали или группировались около одного представленія, яркимъ лучомъ прорѣзавшагося въ этомъ хаосѣ: одинъ!... дверь открыта!...

Черезъ минуту онъ стоялъ на полу. Казалось, весь жаръ воспаленнаго мозга хлынулъ къ глазамъ: они глядѣли какъ-то ровно, упорно и страшно.

Кто-то, выходя изъ церкви, отворилъ на мгновеніе дверь... Волны стройнаго, смягченнаго разстояніемъ, пѣнія коснулись уха бродяги и опять глухо смолкли. На блѣдномъ лицѣ скользнуло умиленіе, глаза затуманились и въ умѣ пронеслась давно лелѣянная мечтою картина: тихая ночь, шепотъ сосенъ, склонившихся темными вѣтвями надъ старою церковью родимой деревни... толпа земляковъ, огни надъ рѣкой и это самое пѣніе... онъ торопился въ пути, чтобъ услышать все это тамъ, у своихъ...

Между тѣмъ въ корридорѣ, у церковныхъ дверей, припадая къ землѣ, надзиратель усердно молился...

Молодой рекрутъ ходитъ съ ружьемъ вдоль стѣны. Передъ часовымъ разстилается ровное, недавно обнажившееся изъ-подъ снѣга, далеко уходящее поле. Легкій

вѣтеръ бѣжитъ по немъ, шелестя засохшимъ бурьяномъ, звенить въ прошлогодней травѣ и вѣять въ душу солдата спокойною, грустною думой.

Молодой часовой остановился у стѣны, поставилъ ружье на землю и, положивъ руки на дуло, а голову на руки, глубоко задумался. Онъ не могъ еще ясно представить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь, въ эту торжественную ночь передъ праздникомъ, съ ружьемъ у стѣны, въ виду пустынного поля. Вообще, онъ былъ еще настоящей мужикъ, не понималъ еще многого, что такъ понятно солдату, и его недаромъ дразнили «деревней». Онъ такъ недавно еще былъ свободенъ, былъ хозяинъ, владѣлецъ своего поля, своей работы..., а теперь страхъ, безотчетный, необъяснимый, неопредѣленный, преслѣдовавшій каждый шагъ, каждое движеніе, вгонялъ молодую и угловатую деревенскую натуру въ колею строгой службы.

Но въ эту минуту онъ былъ одинъ... Пустынный видъ, разстилавшійся передъ глазами, и свистъ вѣтра въ бурьянѣ навѣвали на него какую-то дрему, и передъ глазами молодого солдата несутся родныя картины. Онъ тоже видитъ деревню, и тотъ же бѣжитъ надъ нею вѣтеръ, и церковь горитъ огнями, и темныя сосны качаются надъ церковью зелеными вершинами.

По временамъ онъ какъ будто очнется, и тогда въ его сѣрыхъ глазахъ отражается недоумѣніе: что это? — поле, ружье и стѣна... Онъ на минуту вспоминаетъ действительность, по скоро опять смутный звонъ ночного вѣтра навѣваетъ родныя картины, и солдатъ опять дремлетъ, опершись на ружье...

Невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ стоитъ часовой, на гребнѣ стѣны появляется темный предметъ: это голова чело-вѣка... Бродяга глядитъ въ дальнее поле, къ чуть видной чертѣ далекаго лѣса... Его грудь расширяется, жадно лова свѣжее, свободное дуновение матери-ночи. Онъ спускается на рукахъ и тихо скользитъ внизъ вдоль стѣны...

Радостный гулъ колоколовъ будитъ ночную тишь. Дверь тюремной церкви раскрылась, во дворѣ крестный ходъ; стройное пѣніе хлынуло волной изъ церкви. Солдатъ вздрогнулъ, выпрямился, снялъ шапку, чтобы перекреститься, и... замеръ съ поднятою для молитвы рукой... Бродяга, достигнувъ земли, быстро пустился къ бурьяну.

— Стой, стой!... Голубчикъ, родимый!...—вскрикиваетъ часовой, въ ужасѣ подымая ружье. Все, чего онъ боялся, передъ чѣмъ трепеталъ, надвигается на него, безформенное, страшное—въ виду этой бѣгущей сѣрой фигуры. «Служба, отвѣтъ!»—мелькаетъ въ умѣ солдата, и опъ, вскинувъ ружье, прицѣлился въ бѣгущаго чело-вѣка. Передъ тѣмъ, какъ спустить курокъ, онъ съ жалкимъ видомъ зажмурилъ глаза...

А надъ городомъ вновь парить и кружиться въ эфирѣ гармоническій, пѣвучій, переливчатый звонъ и... опять падтреснутый колоколь тюрьмы трепещетъ и бьется, точно стонъ подстрѣленной птицы. Изъ-за стѣны стройно несутся далеко въ поле первые звуки торжествующей пѣсни: «Христось воскрес!»

И вдругъ за стѣной, покрывая все остальное, грянулъ выстрѣлъ... Слабый, безпомощный стонъ пронесся за нимъ безпредметною жалобой, и затѣмъ на мгновеніе все стихло...

Только дальнее эхо пустынного поля, съ печальнымъ ропотомъ, повторяло послѣдніе раскаты ружейнаго выстрѣла.

1885 г.

ВЪ ПОДСЛѢДСТВЕННОМЪ ОТДѢЛЕНИИ.

ВЪ ПОДСЛѢДСТВЕННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Жестокіе, сударь, нравы!
Островскій.

...Насъ ввели въ корридоръ одной изъ сибирскихъ тюремъ, длинный, узкій и мрачный. Одна стѣна его почти сплошь была занята высокими окнами, выходившими на небольшой квадратный дворикъ, гдѣ обыкновенно гуляли арестанты. Теперь, по случаю нашего прибытія, арестантовъ «загнали» въ камеры. Вдоль другой стѣны видѣлись, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, двери «одиночекъ». Двери были черны отъ времени и частыхъ прикосновеній и рѣзко выдѣлялись темными четырехугольниками на сѣрой, грязной стѣнѣ. Надъ дверями висѣли дощечки съ надписями: «За кражу», «За убійство», «За грабежь», «За бродяжничество», а въ серединѣ каждой двери видѣлось квадратное отверстие со стеклышкомъ, закрываемое снаружи деревянною заслонкой. Всѣ заслонки были отодвинуты, и изъ-за стеколъ на насъ смотрѣли любопытные, внимательные глаза заключенныхъ.

Мы повернули разъ и другой. Надъ первую дверью третьяго корридора я прочелъ надпись: «Умалишенный», надъ слѣдующею—то же. Надъ третьей надписи не было, а надъ четвертой я разобралъ тѣ же слова. Впрочемъ, не надо было и надписи, чтобъ угадать, кто обитатель этой каморки,—изъ-за ея двери неслись какіе-то дикіе, тоскующія, за сердце хватающіе звуки. Человѣкъ ходилъ, повидимому, взадъ и впередъ за своею дверью, выкрикивая что-то похожее на еврейскую молитву, то на горькій плачь съ причитаніями, то на дикую плясовую пѣсню. Когда онъ смолкалъ и въ корридорѣ наступала тишина, тогда можно было различить монотонное чтеніе какой-то молитвы, произносимой въ первой камерѣ однозвучнымъ голосомъ. Дальше видны были еще такія же двери и изъ-за нихъ слышалось мѣрное звяканье цѣпи. Надпись гласила: «За убійство».

Это былъ «корридоръ подслѣдственнаго отдѣленія», куда насъ помѣстили за отсутствіемъ помѣщенія для пересыльныхъ. По той же причинѣ, т.-е. за отсутствіемъ особаго помѣщенія, въ этомъ корридорѣ содержались трое умалишенныхъ. Наша камера, безъ надписи, находилась между камерами двухъ умалишенныхъ, только справа отъ одной изъ нихъ отдѣлялась лѣстницей, надъ которой висѣла доска: «Входъ на малый верхъ».

Пока надзиратели подбирали ключи, чтобъ открыть нашу камеру, сосѣдъ нашъ по правую сторону—третій умалишенный—не подавалъ никакихъ признаковъ своего существованія. Сколько можно было видѣть въ дверное оконце, въ его камерѣ было темно, какъ въ могилѣ.

— Яшка-то молчить пошѣ,—тихо сказалъ «старшій надзиратель» младшему.

— Не видить... Ну его!—отвѣтилъ тотъ такъ же тихо.

Вдругъ изъ-за стеклышка сверкнула пара глазъ, мелькнулъ конецъ носа, большіе усы, часть бороды. Вслѣдъ затѣмъ дверь застонала и заколебалась. Яшка стучалъ ногою въ нижнюю часть двери такъ сильно, что желѣзные болты гнулись и визжали. Каждый ударъ гулко отдавался подъ высокимъ потолкомъ и повторялся эхо въ другихъ корридорахъ. Надзиратели вздрогнули. «Старшій»—сѣдой, низенькій старичокъ изъ евреевъ, съ наружностью старой тюремной крысы, съ маленькими, злыми, точно колющими глазами, сверкавшими изъ-подъ нависшихъ бровей—весь съежился, попятился къ стѣнкѣ и бросилъ въ сторону стучавшаго взглядъ полный глубокой ненависти и злобы.

— Полно, Яшка, что задурить-то?—отозвался корридорный надзиратель, серьезный старикъ съ длинными, опущенными внизъ усами, въ большой папахѣ.—Чего не видалъ? Видишь, арестантовъ привели!

Тотъ, кого называли Яшкой, окинулъ насъ внимательнымъ взглядомъ. И, какъ бы убѣдившись, несмотря на наши «вольные» костюмы, что дѣйствительно мы арестанты, прекратилъ стукъ и что-то заворчалъ за своею дверью. Словъ мы не могли разслышать,—«одиночка» уже приняла насъ въ свои холодныя, сырыя объятія. Запоры щелкнули за нами, шаги надзирателя стихли въ другомъ концѣ корридора, и жизнь «подслѣдственнаго отдѣленія» вошла опять въ свою обычную колею.

Пять шаговъ въ длину, три съ половиной въ ширину— вотъ размѣры новаго нашего жилища. Стекла въ небольшомъ, въ квадратный аршинъ, окнѣ разбиты и въ него видна, на разстояніи двухъ сажень, сѣрая тюремная стѣна. Углы камеры тонули въ какомъ-то неопредѣленномъ полумракѣ. Карнизы отгѣнены траурною каймой многолѣтней пыли, стѣны сѣры и, при внимательномъ взглядѣ, видны на нихъ особыя пятна — слѣды борьбы какого-нибудь страдальца съ клопами и тараканами, — борьбы, быть-можетъ, многолѣтней, упорной. Я не могъ освободиться отъ ощущенія особаго рода неприятнаго запаха, который, какъ мнѣ казалось, несся отъ этихъ стѣнъ. Внизу, у самаго пола, въ кирпичъ было вдѣлано толстое желѣзное кольцо, назначеніе котораго для насъ было ясно: къ нему была нѣкогда придѣлана короткая цѣпь... Двѣ кровати, стулъ и маленькій столикъ составляли роскошь «одиночки», которую ей, быть-можетъ, привелось видѣть впервые. Въ остальныхъ камерахъ, такихъ же, какъ наша, не было ничего, кромѣ тюфяка, брошеннаго на полъ, и живого существа, которое на немъ валялось...

За стѣной послышалось дребезжаніе тѣлѣги. Мимо окна проѣхалъ четырехугольный ящикъ, который везла плохая, заморенная клячонка. Два арестанта вяло плелись сзади, шлепая «кеньгами» по грязи. Они остановились невдалекѣ, открыли люкъ и такъ же вяло принялись за работу... Отвратительною вонью пахнуло въ наши разбитыя окна и она стала наполнять камеру...

Мой товарищъ, улегшійся было на своей постели, всталъ на ноги и тоскливо оглядѣлъ комнату.

— Од-на-ко!—сказалъ онъ протяжно.

— Д-да!—подтвердилъ я.

Больше говорить не хотѣлось, да и не было надобности,—мы понимали другъ друга. На насъ глядѣли и говорили за насъ темныя стѣны, углы, затканные паутиной, крѣпко запертая дверь... Въ окно врывались волны миазмовъ, и некуда было скрыться. Сколько-то намъ придется прожить здѣсь: педѣлю, двѣ?... Нехорошо, скверно! А вѣдь вотъ тутъ, рядомъ, наши сосѣди живутъ не одну недѣлю и не двѣ. Да и въ этой камерѣ послѣ насъ опять водворится жилецъ на долгіе мѣсяцы, а можетъ и годы...

А арестантики продолжали свою работу,—это была ихъ ежедневная обязанность. Ежедневно пріѣзжали они сюда съ своимъ неблаговоннымъ ящикомъ и вяло черпали часъ, другой, уѣзжая и пріѣзжая,— все мимо цѣлаго ряда плохо прилаженныхъ или разбитыхъ оконъ.

Мы заткнули разбитое окно казенною подушкой. Запахъ нѣсколько уменьшился или мы притерпѣлись, но только тоскливое чувство, внушенное нашею беспомощностью, тишиной, бездѣятельностью одиночки, изъ остраго стало переходить въ тупое, хроническое... Мы стали прислушиваться къ тихому жужжанію внѣшней жизни, прорывавшемуся сквозь крѣпкія двери.

Внѣшняя жизнь для насъ была жизнь двора и коридора тюрьмы. Въ дверное оконце, когда его забывали закрыть наружною заслонкой, виднѣлись гуляющіе арестанты.

станты. Они «толкались» по квадратному дворику парами, тихо и безъ шума. Казалось, сѣрые халаты налагали какое-то обязательство тихой солидности.

Въ извѣстные часы по двору проносилась команда: «Попшелъ за кипяткомъ!» «Попшелъ за хлѣбомъ!» «Обѣдать попшелъ!» «Пошо-оль, расходись по камерамъ!» Выпускали на время подслѣдственныхъ изъ строгаго одиночнаго заключенія или каторжниковъ въ цѣпяхъ. Послѣдніе еще солиднѣе прохаживались по корридору: цѣпи уже несомнѣнно налагали это обязательство. Подъ вечеръ, гдѣ-то на третьемъ дворѣ, раздавался звонокъ: приближалась «повѣрка». Ежедневно въ 7 часовъ смотритель или его помощникъ обходили съ караульнымъ офицеромъ и конвоемъ солдатъ всѣ камеры, считая заключенныхъ.

Такъ проходилъ день въ «подслѣдственномъ отдѣленіи».

... Разъ, два, три, четыре!... гулко раздавались по временамъ сильные удары. Это Яшка нарушалъ тишину корридора. Среди этой сонной тишины, на фонѣ безшумной, подавленной жизни, его удары, рѣзкіе, бѣшено-отчетливые, непокорные, составляли какой-то странный, рѣжущій, неприятный контрастъ. Я вспомнилъ, какъ маленькій «старшій» съежился, слышавъ эти удары. Нарушеніе обычной тишины этой скорбной обители, казавшееся даже мнѣ, постороннему, диссонансомъ, должно было особенно рѣзать ухо «начальства».

Не знаю, зачѣмъ собственно понадобилось мнѣ считать эти удары. Разъ, два, три... около шести стукъ усм-

ливался; семь, восемь, девять... стоялъ сплошной гуль; затѣмъ на одиннадцати, рѣдко на двѣнадцати, стукъ рѣзко обрывался. Въ это мгновеніе у меня являлось въ правой ногѣ мимолетное ощущеніе ноющей боли. Мнѣ казалось, что Яшка прекращалъ свой стукъ именно отъ такой боли въ ногѣ. Черезъ нѣсколько секундъ раздавалось еще пять-шесть ударовъ и затѣмъ въ корридорѣ наступала напряженная тишь, или же угрюмое ворчаніе Якова смѣшивалось со скорбными выкрикиваніями еврея.

Чаще другихъ приходилось дежурить въ нашемъ корридорѣ старику-надзирателю, давно, повидимому, свыкшемуся съ тюрьмой и ея обитателями. Казалось, старикъ обрѣлъ на этомъ мѣстѣ то особаго рода душевное равновѣсіе, которое такъ облегчаетъ жизнь и сношенія съ людьми во всякой профессіи. Онъ имѣлъ видъ человѣка, обладающаго обстоятельнымъ міросозерцаніемъ, былъ философски спокоенъ и неизмѣнно равнодушенъ, никогда не возвышалъ голоса, не бранилъ арестантовъ, не стѣснялъ ихъ безъ нужды. Онъ былъ надзиратель,—это было его общественное положеніе, налагавшее на него извѣстныя обязанности. Другіе были арестанты,— это опять ихъ общественное положеніе, также сопряженное съ обязанностями. Каждый долженъ исполнять свои обязанности, что значитъ: «веди себя съ толкомъ, поступи благородно, т.-е. не попадай на замѣчаніе начальства». Таковы были основы его философіи, и онъ сумѣлъ провести ихъ въ жизнь подвѣдомаго ему «отдѣленія»; главное нравственное правило: «не попадай на замѣча-

ніе»—проникало во всѣ детали этой жизни. Самъ старикъ Михеичъ двигался и дѣйствовалъ не торопясь, какъ хорошо рассчитанная машина. Я никогда не видалъ, чтобъ онъ препирался съ арестантомъ изъ одиночки, когда тотъ просился «до вѣтру», какъ это дѣлали другіе. Онъ просто шелъ на стукъ и отпиралъ двери. За то если Михеичъ отказывалъ въ какомъ-нибудь облегченіи, значить у него была резонная причина, имѣющая отношеніе къ близости начальственнаго ока, и отказъ былъ всегда рѣшительный, безапелляціонный. Когда, бывало, старый Михеичъ сидѣлъ на окнѣ корридора и дремалъ, причемъ изъ-подъ его папахи, вѣчно нахлобученной на самыя брови, виднѣлись концы длинныхъ усовъ и ястребинаго носа, тихо и благосклонно «клевавшего» въ спокойной дремотѣ, въ корридорѣ подслѣдственныхъ воцарялась непринужденность и даже нѣкоторая развязность, конечно, въ возможныхъ для этого мѣста предѣлахъ. Арестанты франтовито ходили съ папиросками въ зубахъ мимо философа «пачальника» съ очевиднымъ сознаніемъ невозможности явиться «въ эдакомъ видѣ» въ другіе часы дня, что дѣлало особенно драгоценной эту возможность въ данное время. Они ужъ сами смотрѣли въ-оба, чтобы не попасться «въ эдакомъ видѣ» кому-нибудь изъ высшаго тюремнаго начальства и не подвести стараго Михеича, такъ какъ хорошо понимали, что въ подобномъ ротозѣйствѣ не заключается ни «толку», ни «благородства». Даже умалишенные чувствовали импонирующее вліяніе Михеичевой философіи. Когда музыкальныя рулады сумасшедшаго еврея достигали чрез-

мѣрной напряженности и экспрессіи, когда, казалось, его глотка скоро откажется производить какіе бы то ни было звуки, а уши слушателей рисковали потерять всякую способность воспринимать ихъ, Михеичъ спокойно слѣзаль съ окна, подходилъ къ двери еврея и, стукнувъ связкой ключей, произносилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Эй, ты, свиное ухо! По какой причинѣ раскричался?

Вопросъ звучалъ дѣловито, какъ будто вопрошавшій допускалъ возможность существованія какой-либо «причины», и даже названіе «свиное ухо» казалось просто необходимымъ собственнымъ именемъ. Еврей смягчалъ экспрессію, понижалъ тонъ и издавалъ рулады, выражавшія очевидную готовность къ компромиссу.

— Нарукавники желеешь? — спрашивалъ Михеичъ такъ же спокойно, и опять въ вопросѣ слышалась возможность со стороны еврея такого неестественнаго желанія.

— Покричи еще, — что-жь, я и принесу нарукавники тебѣ, — соглашался Михеичъ удовлетворить предполагаемое желаніе, и рулады еврея спускались до обычнаго діапазона.

— Стекло-то опять зачѣмъ сожралъ, а? Развѣ полагается тебѣ казенныя стекла жрать? Видишь вотъ, вчера встали, а ты опять слопалъ, свиное ухо! — говорилъ Михеичъ, выковыривая остатки дверного стекла, которое еврей, дѣйствительно, имѣлъ обыкновение разбивать и грызть зубами.

Урезонивъ еврея, Михеичъ снова направлялся къ из-

любленному мѣсту на окнѣ, гдѣ спина его скоро прилипала къ натертому жирному пятну косяка, а носъ и усы принимали обычное положеніе. Еврей, одержимый какою-то музыкальною маніей, возвращался къ нотаѣ болѣе свойственнымъ человѣческому голосу, или начиналъ что-то таинственно выстукивать въ стѣну, какъ бы сообщая кому-то смыслъ сейчасъ слышанныхъ словъ.

Другой умалишенный, остякъ Тимошка, помѣщавшійся въ первой камерѣ у входа въ корридоръ подслѣдственныхъ, пользовался нѣкоторымъ благорасположеніемъ Михенча. Однажды, когда я проходилъ по корридору, Михенчъ съ видимымъ удовольствіемъ указалъ на камеру Тимошки.

— Тимошка тутъ, Тимошей остякъ. Набожный... Всякую молитву знаетъ. Поди, и теперь молится...

Я заглянулъ въ оконце. Длинная, узкая камера была еще мрачнѣе нашей, такъ какъ угловая стѣна примыкавшаго зданія закрывала въ нее доступъ свѣту. Вначалѣ я не могъ никого разглядѣть среди этихъ темныхъ стѣнъ, но вскорѣ увидѣлъ въ углу, подъ самымъ окномъ, какую-то колѣнопреклоненную фигуру. Тимошка мѣрно покачивался, стоя на колѣняхъ передъ какими-то болванчиками, неопредѣленно чернѣвшими въ углу. На окнѣ лежало что-то вродѣ шапки. Мебели, какъ и въ другихъ одиночкахъ, не было, только рядомъ съ болванчиками стояла «парашка». Остякъ молился ровнымъ, своеобразно-дикимъ голосомъ, тономъ опытнаго чтеца. По временамъ онъ произносилъ цѣлыя длинныя фразы на какомъ-то непонятномъ, вѣроятно остячкомъ, языкѣ, а

иногда, нисколько не измѣняя молитвенной интонаціи, произносилъ скверныя ругательства, какъ будто и они составляли часть его культа.

— Трехъ человекъ задушилъ руками,—отрекомендовалъ мнѣ его Михеичъ.—Большая въ ѣмъ сила!...

— А что это въ углу у него разставлено?—спросилъ я.

— Идолы это. Ка-акже! Самъ дѣлаеть. Ужь у него сколько разъ отымали, сейчасъ опять смастерить.

— Чѣмъ же?

— На выдумки ловокъ, бѣда! Ножъ изъ жести оконной у него, обѣ камень выточенъ. А шапку видѣли... на окнѣ у него лежитъ? Тоже самъ спилъ. Окно-то у него разбито, чортъ ему кошку шальную и занеси. Онъ ее сцапалъ, содралъ шкуру зубами,—вотъ и шапка! Иголка тоже у него имѣется, нитки изъ тюфяка дергаеть... Ну, за то набоженъ: молитвы получше иного попа знаетъ. И послушенъ тоже... Тимошка, спой пѣсенку!

Тимошка прервалъ молитву, взялъ въ руки палку и повернулся къ Михеичу.

— Съ барабаномъ?—спросилъ онъ.

Въ его дикомъ голосѣ зазвучала какая-то юмористическая нотка. Переходъ отъ молитвы къ скоморошеству былъ для него, повидимому, нетруденъ.

— Неужь безъ барабана, чудакъ!—отвѣтилъ Михеичъ.

Тимошка запѣлъ безконечную пѣсню, постукивая въ тактъ палкой. Въ этой пѣснѣ, съ довольно быстрымъ темпомъ, слышалось что-то своеобразное, заунывно-ди-

кое. Мы старались потомъ съ товарищемъ воспроизвести этотъ нехитрый мотивъ, но онъ не давался нашей памяти.

— Безъ конца у него пѣсня эта,—замѣтилъ Михеичъ.—Теперь все будетъ пѣть, пока не скажу: довольно! Разъ этакъ я забылъ остановить его,—онъ и поетъ себѣ. Повѣрка пришла, смотритель и спрашиваетъ: ты что дѣлаешь?—«Пѣсню, говоритъ, Михеичъ приказалъ пѣть». Право, послушный онъ!... Тре-ѣхъ человѣкъ давилъ руками. Ноги ему въ сумасшедшемъ домѣ отшибли,—ходить не можетъ. Зачинаетъ мало-мало подыматься, да плохо. Видно, отстукали ловко!

— Неужто въ больницѣ у васъ ноги отшибаютъ? Вѣдь это...

— Да ужь это не такъ, чтобы превосходно, что и говорить. Опять же и зря: послушный онъ, остякъ-то. Ему толкомъ скажи,—онъ слушаетъ. Только тамъ это у нихъ живо, въ сумасшедшемъ-то домѣ: чуть что, пожалуй, не долго имъ, и совсѣмъ устукаютъ. Этому стукальщику скоро вотъ то же будетъ,—какъ-то недружелюбно мотнулъ Михеичъ головой въ сторону Яшкиной двери.

Въ его голосѣ исчезли мягкія, благосклонныя ноты, съ какими онъ обращался къ послушному Тимошкѣ, давившему людей руками и сдиравшему шкуры съ живыхъ кошекъ. Очевидно, въ глазахъ Михеича Яшка былъ хуже остяка.

Вообще этотъ странный субъектъ находился на какомъ-то особомъ, исключительномъ положеніи, и онъ интере-

соваль меня все болѣе и болѣе. Въ его стукѣ я, наконецъ, началъ различать нѣкоторую систему. Такъ, однажды, когда онъ вдругъ загремѣлъ очень сильно, я увидѣлъ, что Михеичъ сталъ безпокойно озираться, какъ будто ожидая чьего-нибудь появленія. Потомъ старикъ дѣловито обратился къ Якову:

— Что ты? Зачѣмъ? Никого вѣдь нѣту.

Яшка тотчасъ же смолкъ. Очевидно, онъ не просто стучалъ въ пространство, а адресовалъ эти гремящія звуки чьему-нибудь слуху. Вскорѣ я убѣдился, что стукомъ этимъ онъ салютовалъ всякому начальству, начиная со «старшаго надзирателя». Чѣмъ выше было начальство, тѣмъ, вообще говоря, громче были салюты. Ночью они раздавались значительно тише, точно Яшка стучалъ съ просонокъ. Проснется онъ,—такъ думалось мнѣ,—стукнетъ раза три-четыре и опять, исполнивъ эту обязанность, уляжется спать. Однажды только среди ночной тишины удары Яшки раздались точно громъ канонады: на слѣдующее утро оказалось, что ночью «на маломъ верху кержаки произвели не малую драку»,—стало быть, являлось высшее тюремное начальство.

Удары эти доставались Яшкѣ не дешево. «Ноги вовсе у него попухли,—говорилъ мнѣ Михеичъ,—а все вѣдь нейметса».

На третій день нашего заключенія мы потребовали у начальства, чтобы насъ отпускали гулять, и насъ приказано было отпускать «послѣ повѣрки», когда остальные заключенные запираются въ камеры на ночь. Это-то

время я рѣшился употребить для приобретѣнія ближайшаго знакомства съ Яшкой.

Звонокъ. «Становись на повѣрку!»

Въ подслѣдственномъ отдѣленіи все стихло. Гдѣ-то далеко, въ третьемъ или четвертомъ корридорѣ, лязгнула дверь, послышались раскаты, точно рокоть далекаго наводненія. «Повѣрка» толпой ввалилась въ наше отдѣленіе. Яшка принялся за свое дѣло.

Когда «повѣрка» обошла наши камеры и поднялась на «малый верхъ», Михеичъ отворилъ нашу дверь. Корридорный арестантъ подслѣдственнаго отдѣленія, Меркурій, исполняющій обязанности «парашечника», убирающій камеры и бѣгающій на посылкахъ у «привилегированныхъ» арестантовъ, явился въ нашу камеру съ самоваромъ. Пока «повѣрка» не ушла совсѣмъ, Михеичъ просилъ насъ для «порядку» не выходить въ корридоръ.

Вотъ «повѣрка» сходитъ по лѣстницѣ. Наша дверь не заперта, и намъ ясно слышны не только удары Яшки, но и его возгласы:

— Беззаконники! — кричалъ Яшка, когда «повѣрка» проходила мимо его двери. — Пошто держите, пошто морите меня? Сказывайте, слуги антихристовы!

Я вспомнилъ надпись надъ Яшкиной дверью. Неужто, — мелькнуло у меня въ умѣ, — это недоразумѣніе? Неужто этотъ человѣкъ, запертый, наглухо заколоченный въ эту ужасную дыру, въ этотъ гробъ, вовсе не умалишенный и способенъ сознавать весь ужасъ своего положенія?...

— За что это Яшку держать въ одиночкѣ, да еще такъ строго?—спросилъ я Меркурія.

— Человѣка убили, каторжникъ бѣглый,—вмѣшался Михеичъ тономъ убѣжденнаго человѣка.

— Нѣ-ѣтъ,—протянулъ Меркурій,—что ты, Михеичъ! Что попустому говорить! Неизвѣстно это,—обратился онъ ко мнѣ.—Званія своего, фамиліи, напримѣръ, онъ не открываетъ. Сказываютъ такъ, что за непризнаніе властей былъ сосланъ. Убѣгъ ли, што ли, этого доподлинно не могу знать...

— Надъ его дверью написано, что онъ сумасшедшій?

— Приставляется, — сказалъ Михеичъ, по-своему, кратко и утвердительно.

— Нѣ-ѣтъ... опять же и это... кто знаетъ! Можетъ, и не сумасшедшій,—сказалъ опять Меркурій какъ-то уклончиво.—Собственно держать его въ одиночкѣ за непризнаніе властей, за грубость... Полицместеръ ли, кто ли придетъ, хоть тутъ самъ губернаторъ приходи,—онъ и ему грубость окажетъ. Все свое: «беззаконники, да слуги антихристовы!» Вотъ черезъ это самое... А то раньше свободно онъ ходилъ по всей даже тюрьмѣ безъ препятствій...

— А зачѣмъ онъ стучить?

— И опять же какъ сказать... Собственно для обличенія!...

Меркурій вышелъ. Мы заварили чай и вышли «на прогулку» въ корридоръ. Вдали, гдѣ-то въ третьемъ корридорѣ, слышались еще шаги удалявшейся «повѣрки». У

Яшкина окопца видѣлись усы, часть бороды, конецъ носа. Яшка стояла неподвижно и будто чего-то ждалъ.

Вдругъ дверь заколебалась отъ сильныхъ ударовъ.

— Зачѣмъ ты это, Яковъ, стучишь? Кто тебя слышитъ? Вѣдь никого нѣтъ!—скавалъ я.

— Эвона!—отвѣтилъ Яшка серьезно, мотнувъ головою по направленію къ окну корридора, черезъ которое видѣлся противоположный фасадъ расположеннаго четырехугольникомъ зданія и въ немъ сквозной просвѣтъ высокой двери, ведущей на другой дворъ.

Въ этомъ просвѣтѣ маячила въ сумеркахъ фигура послѣдняго солдата «повѣрки». Фигура вскорѣ исчезла, и Яшка счелъ возможнымъ прекратить стукъ и обратился ко мнѣ.

Онъ нагаулся, чтобъ окинуть меня внимательнымъ взглядомъ изъ-за своего оконца. Мнѣ все не удавалось увидѣть его лицо въ цѣломъ. Теперь на меня глядѣли сѣрые, выразительные глаза, слегка лишь подернутые какою-то мутью, какъ у сильно утомленнаго человѣка. Лобъ былъ высокій и по временамъ собирался въ рѣзкія—не то гнѣвныя, не то скорбныя—складки. Повидимому, Яшка былъ высокъ ростомъ и очень крѣпко сложенъ. Лѣтъ, вѣроятно, было ему около пятидесяти.

— Што будешь за человѣкъ?—спросилъ онъ.—Куда тебя гонять?

Я назвалъ себя и сообщилъ, куда меня гонять.

— А тебя какъ зовутъ?—спросилъ я.

— Былъ Яковъ... Яковомъ звали.

— А величаютъ какъ? Родомъ откуда?

Яковъ взглянулъ на меня съ какимъ-то подозрительнымъ вниманіемъ и, помолчавъ, отвѣтилъ коротко:

— Забылъ *).

Понемногу мы разговорились.

Какъ арестантъ, содержимый на особыхъ правахъ, въ «вольной одеждѣ» и т. п., я представлялъ для Яшки нѣкоторый интересъ.

Передо мною же былъ обыкновенный человѣкъ, говорившій сдержанно, ровно, вообще въ будничномъ настроеніи.

— Безпокойно тебѣ,—стучу я это. Ничего, привыкнешь,—говорилъ онъ, усмѣхаясь,—ночью тише же стучу я, не громко. На росписку сюда слуга-то антихристовъ является ему я это постукиваю

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты стучишь?—спросилъ я.

Яковъ вскинулъ на меня своими большими глазами и въ голосъ его, когда онъ отвѣчалъ, слышалась какая-то «обрядная» важность:

— Сток за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей.

Я нѣсколько удивился, что, повидимому, не ускользнуло отъ вниманія Якова.

— Обличаю начальниковъ,—пояснилъ онъ,—начальниковъ неправедныхъ обличаю. Стучу.

— Какая же отъ этого польза тебѣ?

— Польза? Есть польза...

— Да какая же? Въ чемъ?

---

*) Послѣ я узналъ, что родомъ онъ изъ Пермской губерніи.

— Есть польза,—повторилъ онъ упрямо.—Ты слушай ухомъ: стою за Бога, за великаго Государя...—и онъ цѣликомъ повторилъ свою тираду.

Я понялъ теперь, что Яковъ не искалъ реальныхъ, осязательныхъ послѣдствій отъ своего стучанія для того дѣла, за которое онъ «стоялъ» столь неуклонно среди глухихъ стѣнъ и не менѣе глухихъ къ его обличеніямъ людей; онъ видѣлъ «пользу» уже въ самомъ фактѣ «стоянія» за Бога и за великаго Государя,—стало-быть, поступалъ такъ... «для души».

— А за что тебя держать?—спросилъ я далѣе.

— За что?... Без-законники!—заговорилъ Яшка и возбужденно завозился за свою дверь.—За что держать? Скажи вотъ: безо всякаго преступленія... Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ. А и было бы преступленіе, такъ развѣ имъ судить?... Богъ суди!

— Человѣка ты убилъ, — сказалъ Михенчъ, внимательно слушавшій нашъ разговоръ. — Пошто приставляешься?

— Неправда, неправда!—заговорилъ Яшка какимъ-то страдающе-возбужденнымъ голосомъ. — Ишь чего выдумали, беззаконники! Неправда, не вѣрь имъ, Володимерь, не вѣрь слугамъ антихристовымъ! Нѣтъ моего никакого преступленія. Отрекись, вишь, отъ Бога, отъ великаго Государя, тогда отпустимъ. Гдѣ же отречься?... Невозможно мнѣ. Самъ знаешь: кто отъ Бога, отъ истиннаго правъ-закону отступить — мертвъ есть. Плотью-то онъ живеть, а души въ немъ живой нѣту!...

Въ это время изъ темнаго корридора, подъ прямымъ

угломъ примыкавшаго къ нашему, показалась маленькая фигурка въ сѣромъ пальто съ мѣдными пуговицами. Я узналъ «старшаго». Сѣдая тюремная крыса точно выползала изъ норы за добычей. Старикъ крался, прижимаясь вдоль стѣны, чтобы Яшка не могъ его увидѣть изъ своей конурки. Въ рукахъ у него была тетрадь и карандашъ. Каждый вечеръ онъ клалъ эту тетрадь на окно коридора и ночью обязанъ былъ нѣсколько разъ написать въ ней: «былъ въ такомъ-то часу». Въ эти-то часы и раздавалось тихое постукиваніе Яшки.

— Отопри «малый верхъ»,—шепнулъ Михеичу «старшій», быстро шмыгнувъ мимо Яшкиной двери.

Михеичъ сталъ тихо снимать засовъ съ дверей, которыя вели на лѣстницу съ надписью: «Входъ на малый верхъ». На этомъ «верху» находилась особая воровская колонія. О ней такъ и говорили: «Нонче въ воровской драка приключилась».—«Воры-то ночью за картами развозились». Этотъ «верхъ» не даромъ носилъ названіе «малаго». Дѣло въ томъ, что тюрьма была рассчитана на число жителей чуть не на половину менѣе того, какое въ ней находилось въ дѣйствительности. Пришлось поэтому пуститься на хитрости, и вотъ губернская архитектура кое-какъ приляпала къ высокимъ камерамъ новые потолки, значительно ихъ понизившіе и послужившіе помомъ для «малаго верха». Часть высокихъ оконъ, охваченная этими антресолями, пришлась, такимъ образомъ, въ «маломъ верху» и получила назначеніе снабжать его свѣтомъ. Нечего говорить, что назначеніе это исполнялось далеко не удовлетворительно, и воровской

«малый верхъ» представлялъ помѣщеніе, ярко демонстрировавшее самое печальное отсутствіе гигиены.

— Тутъ у насъ ничего еще, — говорилъ мнѣ нашъ Меркурій о нашихъ помѣщеніяхъ. — Тутъ и хорошему, образованному человѣку прожить мало-мало можно... А вотъ, въ воровской — не приведи Господи! Вонько, темно, сырости тоже довольно. Чистая смерть!...

Чтобы нѣсколько вознаградить за отсутствіе воздуха и свѣта, начальство тюрьмы дало ворами нѣкоторыя льготы. Они, напримѣръ, не запирались по камерамъ и ночью, такъ какъ даже при сибирскихъ взглядахъ на правила гигиены оказалось невозможнымъ ставить у воровъ на ночь зловонныя «парашки». Такимъ образомъ, начавъ задыхаться въ одной камерѣ, жилецъ воровского «малаго верха» могъ, для разнообразія, отправиться задыхаться въ другую. Какъ бы то ни было, «малый верхъ» вознаграждалъ за нѣкоторыя неудобства жилища широкимъ развитіемъ общественности. По ночамъ оттуда слышались возгласы, шумный говоръ, по временамъ достигавшій размѣровъ яростнаго вопля. Тогда призывалось начальство, иногда даже военный конвой, и расшумѣвшіеся «воры» накрывались за картежомъ или пьянствомъ, подобно разодраннымъ воробьямъ, которыхъ берутъ руками мальчишки.

Итакъ, Михеичъ сталъ тихо снимать засовъ, и «старшій», расписавшись въ тетради, опять было прошмыгнулъ мимо Яшкиной двери, направляясь на лѣстницу. «За картами... — шепнулъ мнѣ Михеичъ: — воры въ карты дуются... накроетъ».

Но въ этотъ критическій моментъ, когда старый тюремный хищникъ сталъ подыматься на лѣстницу, Яшка какимъ-то чутьемъ угадавшій присутствіе одного изъ «беззаконниковъ», внезапно загремѣлъ своею дверью. Старикъ вздрогнулъ, точно ошпаренный. Я ясно представилъ себѣ, какъ болѣзненно задѣло его напряженные нервы это неожиданное и столь громовое вмѣшательство. Онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ, точно его захлопнуло за-паднею, заёрзалъ, попытался было броситься на верхъ, но, сообразивъ, что дѣло потеряно и воры успѣли спрятать карты, возвратился назадъ.

— Запри! — изнеможенно обратился онъ къ Михеичу. — О, Яшка, Яшка! — прошипѣлъ онъ, обращаясь къ дверямъ, — кажется, ежели могъ бы, вотъ какъ бы тебя растеръ, проклятаго, вотъ какъ!...

Онъ сжалъ свои кулачки и сталъ ихъ тереть другъ о друга, какъ бы воображая, что Яшка находится между ними и испытываетъ уже процессъ растиранія.

Яшка появился у своей двери, очевидно, довольный, что ударъ, направленный во имя Господне чисто на-удачу, попалъ въ цѣль такъ мѣтко.

— Не люблю тебѣ, беззаконникъ?—гремѣлъ онъ въ догонку. — Долго ли держать меня будете, слуги антихристовы?...

— Пос-с-стой, пог-год-ди! — шипѣлъ «беззаконникъ», пораженный въ наболѣвшее мѣсто, и бросилъ при этомъ на насъ косвенные взгляды, какъ будто между нашимъ присутствіемъ и необходимостью для Яшки «погодить» была нѣкоторая необъяснимая связь.

Смысль этого «погоди» былъ совершенно ясенъ: Яшка былъ во власти этой старой тюремной крысы, одинъ, безъ соювниковъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ осмѣливался такъ жестоко мучить того, отъ кого самъ вполнѣ зависѣлъ. А онъ именно его измучилъ. Для меня стала очевидною та странная связь, которая установилась между Яшкой, запертымъ въ одиночкѣ, и державшими его «беззаконниками». Казалось бы, заперли Яшку — и дѣлу конецъ. Къ нему можно бы относиться совершенно безстрастно, его можно бы игнорировать. Но онъ успѣлъ своимъ неукротимымъ стукомъ раздражить имъ нервы, натануть ихъ до болѣзненной воспримчивости къ этому стуку, и торжествовалъ, — торжествовалъ сознательно надъ связавшими его по рукамъ и по ногамъ врагами. Побѣжденный физически, онъ считалъ себя не сдавшимся побѣдителемъ, пока еще «Господь поддерживаетъ его» въ единственно возможной формѣ борьбы: «Стучу вотъ». Въ этомъ онъ привыкъ уже видѣть свою миссію, свое торжество.

— И всегда такъ-то: стучить безъ толку... Ужь именно что безъ пользы, одинъ вредъ себѣ получаетъ... — говорилъ Михеичъ, запирая ходъ на лѣстницу. — Чтò толку въ стукѣ? Ну, вотъ, заперли его, въ карцерѣ сколь перебивалъ, нарукавники надѣвали, — все нейметса. Погоди, — обратился Михеичъ къ Яшкѣ, — въ сумасшедшій домъ свезутъ, тамъ не долго настучишь! Тамъ тебя устукають получше Тимошки!

— Хоть куда отдавай, все едино! Меня не испугаешь, — отвѣчалъ Яшка. — Я за Бога, за великаго Госу-

даря стою, — за Бога, слуги антихристовы, стою! Слышите? Думаете: заперли, такъ ужъ я вамъ подверженъ?— Нѣтъ! Стучу, вотъ, слава-те, Господи, Царица Небесная... поддерживаетъ меня Богъ-отъ!

— Нарукавники тебѣ, связать тебя, стукальщика!...

— Вяжи, слуга антихристовъ!... Пошто душу христіанскую губите, ироды?... Я вамъ не обязался, беззаконники!

Осенія сумерки, выползая изъ угловъ старой тюрьмы, все болѣе и болѣе сгущались въ корридорахъ.

— На молитву пора, — сказалъ мнѣ Яковъ, — прощай!

Онъ отошелъ отъ двери, и когда я, спустя нѣкоторое время, взглянулъ въ его оконце, онъ уже «стоялъ на молитвѣ». Его окно было завѣшано какими-то тряпками, сквозь которыя скудно прорывался полусвѣтъ наступающаго вечера. Фигура Яшки рисовалась на этомъ просвѣтѣ чернымъ пятномъ. Онъ творилъ крестныя знаменія, причемъ какъ-то судорожно, рѣзко подавался туловищемъ впередъ и затѣмъ подымался нѣсколько тише. Его точно «дергало».

Мы съ товарищемъ прохаживались по темнѣющимъ корридорамъ. Подходя къ Тимошкиной двери, мы слышали мѣрное, точно заупокойное чтеніе. Изъ двери еврея вмѣстѣ съ дикими, стонущими звуками неслись убійственныя міазмы. Въ сосѣдней съ нимъ камерѣ каторжникъ, помѣщенный сюда, опять-таки за недостаткомъ мѣста, совершалъ свою обычную прогулку, гремя цѣпями, а на верху гоготали и шумно возились воры. Ос-

тальныя камеры хранили безмолвіе наступающаго сна. Двое бродягъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ, варили что-то въ печуркѣ. Это, очевидно, были любители «очага». Весь день употребляли они на розыски щепокъ и всякой дряни, которую подбирали на тюремныхъ дворахъ, на послѣднія деньжонки покупали «крупокъ» и вечеромъ, когда всѣхъ запирали, они разводили въ своей печкѣ огонь. Въ эти минуты я иногда подходилъ къ ихъ двери и тихонько заглядывалъ въ нее, такъ, чтобы не нарушать ихъ мирнаго наслажденія. Одинъ, суровый бродяга, лѣтъ за сорокъ, сидѣлъ прямо противъ печки, обхвативъ колѣни руками, внимательно слѣдя за огнемъ и за маленькимъ горшечкомъ, въ которомъ варилась крупка. Другой приволакивалъ къ печкѣ свой тюфякъ и ложился на него лицомъ къ огню, положивъ подбородокъ на руки. Это былъ почти еще мальчикъ, съ блѣднымъ, тюремнаго цвѣта лицомъ и большими выразительными глазами. Онъ, очевидно, мечталъ. Огонекъ потрескивалъ, вода въ горшечкѣ шипѣла и бурлила, и, если исключить эти звуки, въ камерѣ царило глубокое молчаніе. Бродяги точно боялись нарушить музыку импровизированнаго очага тюремной камерки... Затѣмъ, когда огонекъ потухалъ и крупка была готова, они вынимали горшокъ и братски дѣлили микроскопическое количество каши, которая, казалось, имѣла для нихъ скорѣе нѣкоторое символическое, такъ сказать—сакраментальное значеніе, чѣмъ значеніе питательнаго матеріала.

Въ самой крайней камерѣ, служившей какъ бы продолженіемъ корридора, жильцы безпрестанно смѣнялись.

Эта камера не отличалась от другихъ ничѣмъ, кромѣ своего назначенія, да еще развѣ тѣмъ, что въ ея дверяхъ не было оконца, которое, впрочемъ, удовлетворительно замѣнялось широкими щелями. Заглянувъ въ одну изъ этихъ щелей, я увидѣлъ двухъ человѣкъ, лежавшихъ въ двухъ концахъ камеры, безъ тюфяковъ, прямо на полу. Одинъ былъ завернутъ въ халатъ съ головою и, казалось, спалъ. Другой, яложивъ руки за голову, мрачно смотрѣлъ въ пространство. Рядомъ стояла нагорѣвшая сальная свѣчка.

— Антипка!—заговорилъ вдругъ послѣдній и, вздрогнувъ, точно отъ прорвавшейся тяжелой, мучительной мысли, присѣлъ на полу.

Другой не шевелился.

— Антипка, иродь!... Отдай, слышь... Думаешь, вправду у меня пятьдесятъ рублей?... Лопни глаза, послѣдніе были...

Антипка притворился спящимъ.

— У-у, подлая душа! — произносятъ арестантъ и изнеможенно бросается на свое жесткое ложе; но вдругъ онъ опять подымается съ злобнымъ выраженіемъ.

— Слышь, Антипка, не шути, подлець! Убью!...

Антипка всхрипываетъ сладко, протяжно, точно онъ покоится на мягкихъ пуховикахъ, а не въ карцерѣ, рядомъ со злобнымъ сосѣдомъ; но мнѣ почему-то кажется, что онъ дѣлаетъ подъ своимъ халатомъ нѣкоторыя необходимыя приготовленія.

— Кержаки это... разодрались ночесъ на маломъ верху,—поясняетъ мнѣ Михайчъ,—вотъ смотритель въ

карцеръ обонхъ и отправилъ. Антипъ этотъ деньги, што ли, у Фёдора укралъ. Два рубля денегъ, сказываютъ, стянулъ.

— Какъ же это ихъ вмѣстѣ заперли? Вѣдь они опять раздерутся?

— Не раздерутся,—отвѣчалъ Михеичъ, усмѣхнувшись какъ-то многозначительно.—Помнать!... Нашъ на это — бѣда, нетерпѣливъ! «Посадить ихъ, говорить, вмѣстѣ, а подеретесь тамъ, курицыны дѣти, ужъ я вамъ тогда кузькину мать покажу. Сами знаете...» Знаютъ... Прямо сказать: со свѣту сживетъ. Въ та-акое мѣсто упрячетъ... Это что? — только слава одна, что карцеромъ называется. Вонъ зимой карцеръ былъ, то ужъ можно сказать... Двои сутки если въ немъ который просидитъ, бывало, такъ ужъ прямо въ больницу волокутъ. День поскрипнуть, другой, а тамъ и кончается.

Мнѣ привелось увидѣть этотъ карцеръ, или, вѣрнѣе, не увидѣть, а почувствовать, ощутить его... Мнѣ будетъ очень трудно описать то, что я увидѣлъ, и я попрошу только повѣрить, что я, во всякомъ случаѣ, не преувеличиваю.

На квадратномъ дворикѣ по угламъ стоятъ четыре каменные башенки, старыя, покрытыя мохомъ, какія-то сырыя, склизкія, точно оплеванныя. Онѣ прижимаютъ вплотъ ко внутреннимъ угламъ четырехугольнаго зданія и ходъ въ нихъ—съ корридоровъ. Проходя по нашему корридору, я увидѣлъ дверь, ведущую, очевидно, въ одну изъ башенокъ, и нашъ Меркурій сказалъ мнѣ, что это ходъ въ бывший карцеръ. Дверь была не заперта, и мы вошли.

За нами въ корридорѣ было темно, въ этомъ помѣщеніи—еще темнѣе. Откуда-то сверху сквозилъ слабый лучъ, расплывавшійся въ холодной сырости карцера. Сдѣлавъ два шага, я наткнулся на какіе-то обломки. «Кубъ здѣсь былъ раньше, — пояснилъ мнѣ Меркурій, — кипятилокъ готовился, сырость отъ него осталась, — бѣда! Тѣмъ болѣе, печки теперь не имѣется...» Что-то холодное, проницающее насквозь, затхлое, склизкое и гадкое составляло атмосферу этой могилы... Зимой она, очевидно, промерзала насквозь... Вотъ она — «кузькина-то мать!» — подумалъ я.

Когда я, отуманенный, вышелъ изъ карцера, тюремная крыса, исполнявшая должность «старшаго», опять крадучись ползла по корридорамъ отбирать отъ надзирателей на ночь ключи въ контору, и опять Яшка безстрашно заявлялъ ей, что онъ все еще продолжаетъ стоять за Бога и за великаго Государя...

«О, Яшка, — думалъ я, удаляясь на ночь въ свою камеру, — во-истину безстрашенъ ты человѣкъ, если видалъ уже «кузькину мать» и не убоялся!...»

Однако карцеръ былъ не единственною формою, въ какой могла быть явлена Яшкѣ «кузькина мать».

— Отчего у Яшки въ камерѣ такъ темно и холодно? — спросилъ я, замѣтивъ, что въ его камерѣ темно, какъ въ могилѣ, и изъ его двери дуетъ, точно со двора.

— Рамы, пакостникъ, вышибаетъ, безпокойный онъ!... А темно потому, что снаружи окно у него тряпками

завѣшано, — отъ холоду, значить... Все теплѣе будто! — пояснилъ мнѣ Михеичъ.

Съ тѣмъ же вопросомъ я обратился къ Яшкѣ.

— Видишь ты, — серьезно отвѣчалъ онъ, — беззаконники хладомъ заморить хотять, раму не вставляютъ.

— А зачѣмъ же ты ее вышибъ?

— Не вышибъ я, нѣтъ!... Зачѣмъ вышибать?... Это вижу: идутъ ко мнѣ слуги антахристовы людно. Не съ добромъ, вижу, идутъ — съ нарукавниками... Самъ знаешь: живъ человекъ смерти боится. Я на окно-то отъ нихъ... за раму-то, знаешь, и прихватился. Стали они тащить, рама и упади... Вотъ!...

Чтобъ иллюстрировать вполнѣ условія Яшкина «стостерпства», я долженъ сказать нѣсколько словъ о нарукавникахъ.

Идея нарукавниковъ — идея цѣлесообразная и, если хотите, даже гуманная. Чтобы буйный или бѣшеный субъектъ не могъ нанести своими руками вредъ себѣ или другимъ, руки эти должны быть лишены свободы дѣйствій съ возможнымъ, притомъ, избѣжаніемъ членовредительства. Для этой цѣли надѣваются крѣпкіе кожанные рукава, коими руки притягиваются къ туловищу. Чтобъ удержать ихъ въ этомъ положеніи, рукава стягиваются двумя крѣпкими ремнями, которые двумя кольцами охватываютъ спину и грудь. Въ чистомъ видѣ идея нарукавниковъ имѣетъ только предупредительный характеръ, и если Михеичъ грозить ими какъ чѣмъ-то наказующимъ и мстящимъ, то это доказываетъ только, во-первыхъ, неспособность Михеича понимать чистую

идею и, во-вторыхъ, свидѣтельствуеть еще разъ печальную истину, что грубая дѣйствительность искажаетъ всякіе идеалы на свой собственный ладъ. Надо, впрочемъ, сознаться, что этому искаженію въ весьма значительной мѣрѣ способствуетъ самое устройство нарукавниковъ, легко допускающее возможность многихъ преувеличеній. Взять хоть то, что пряжки, стягивающія ремни, могутъ быть затянуты въ мѣру, не болѣе того, сколько требуется самою идеей притяженія рукъ къ бедрамъ, но онѣ также могутъ быть затянуты и съ преувеличеніемъ, причемъ страдаютъ и ребра *). Если принять въ соображеніе, что рѣдко—вѣрнѣе никогда—субъектъ не обнаруживаетъ стремленія надѣть ихъ добровольно и что, стало-быть, ихъ надѣваютъ силой, то станетъ понятно, почему Яшка приравнивалъ процессъ надѣванія нарукавниковъ къ смерти...

Среда арестантовъ, въ которой находился Яшка, относилась къ нему вполне равнодушно, а порой такъ и съ варварскимъ безсердечіемъ. Былъ даже одинъ остроумецъ, приходившій чуть не ежедневно изощрять на заключенномъ въ «темницѣ» (на этотъ разъ употребляю

---

*) Я не говорю уже о завѣдомыхъ посягательствахъ на самое устройство нарукавниковъ. Бываютъ и такія. Такъ, напримѣръ, иногда къ нимъ прибавляютъ еще ремень, притягивающій шею кивзу. Это ничѣмъ не оправдываемое прибавленіе даетъ въ результатѣ уже несомнѣнное членовредительство. Я зналъ здороваго парня, у котораго послѣ пятнадцасового пребыванія въ нарукавникахъ съ этимъ добавленіемъ кровь бросилась горломъ, и грудь оказалась радикально испорченною.

это выраженіе въ буквальномъ значеніи) свое тяжелое скоморошество.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ остроумцевъ, какихъ много и не въ острогѣ. Субъектъ этотъ наложилъ, повидимому, на себя тяжелый искусъ развлекать публику балагурствомъ, въ которомъ было очень мало юмора, еще меньше веселья и ужъ вовсе не было смысла. Это было просто какое-то напряженное словоизверженіе, поддерживаемое съ усиленіемъ достойнымъ болѣе веселаго дѣла, по временамъ оскудѣвавшее и вновь напрягаемое, пока, наконецъ, самъ остроумецъ не впадалъ отъ этихъ усилій въ нѣкоторое яростное изступленіе. Впрочемъ,—добрая душа у русскаго человѣка,—слушатели находили возможнымъ награждать безкорыстное «стараніе» валамъ смѣхомъ.

Яшка почему-то считалъ нужнымъ дѣлать этому скомороху принципиальныя возраженія, громилъ слугъ антихриста, ссылался на авторитетъ «енераль-губернатора» (который, по его убѣжденію, стоялъ за него, только почему-то стоялъ, все-таки, безуспѣшно), вообще металъ свой (какой ни есть) бисеръ, попиравшійся самымъ безтолковымъ образомъ.

— Енераль-губернаторъ!—грохоталъ остроумецъ сильнымъ голосомъ настоящаго пропойцы,—вишь, чѣмъ удивить вздумалъ!... Мы и сами въ настранничихъ племянникахъ состоимъ... Хо-хо-хо! Не слыхивалъ еще, такъ слушай, развѣсь уши-то пошире. А то съ енераль-губернаторомъ выѣхалъ. Ха-ха-ха!...

Когда Яковъ замѣчалъ, что возраженія «настранничкаго племянника» не относятся къ существу дѣла, а явля-

ются однимъ сквернословіемъ, то онъ плевалъ и уходилъ отъ грѣха. А «настранницкій племянникъ», успѣвшій достаточно распалиться на огнѣ собственнаго остроумія, начиналъ уже самъ бить ногою въ Яшкину дверь, какъ бы въ нѣкоторомъ изступленіи, мѣшая Яшкѣ «стоять на молитвѣ». Такъ какъ къ этому присоединялся еще обыкновенно пронзительный голосъ музыкальнаго еврея, сочувственно откликавшагося на всякіе сильные звуки, то въ результатѣ выходилъ концертъ столь неистовый, что Михеячъ, до того мирно клевавшій носомъ у своего косяка, просыпался и укрощалъ разбушевавшагося не въ мѣру «настранницкаго племянника», который и удалялся весьма довольный собою. Зрители тоже расходились, зѣвая и вяло поощряя остроумца: «Молодецъ, Соколовъ! За словомъ въ карманъ не полѣзеть!»

Были, впрочемъ, нѣкоторые признаки, указывающіе, что гдѣ-то въ острогѣ, среди этихъ однообразныхъ сѣрыхъ халатовъ, въ грязныхъ камерахъ, у Яшки есть если не союзники, то люди понимающіе его подвигъ неуклоннаго стучанія, сочувствующіе его «обличеніямъ». Такъ, однажды, проходя по корридору, я увидѣлъ у Яшкиной двери высокаго старика въ арестантскомъ сѣромъ халатѣ, съ сѣдыми волосами и серьезнымъ лицомъ, суровость котораго нѣсколько смягчалась какимъ-то «болѣзненнымъ» выраженіемъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ, какое онъ обнаруживалъ въ отношеніи къ Якову. Они о чемъ-то разговаривали у оконца.

— Вѣрно тебѣ сказываю,—внушалъ Якову этотъ старикъ,—Ефремъ рѣшенъ и Сидоръ тоже рѣшенъ. Сказы-

ваютъ, въ свою губернію по этапу отправлять будутъ...
А твое, вишь, дѣло...

Конца фразы я не разслышалъ. Когда я проходилъ обратно, Яковъ, съ которымъ я уже былъ знакомъ довольно близко, указалъ на меня, и старикъ поклонился, но затѣмъ опять припалъ къ окошечку. Послѣ мнѣ не удалось болѣе увидѣть этого арестанта. Очевидно, онъ заходилъ сюда изъ какого-нибудь другого отдѣленія.

Однажды я далъ корридорному денегъ, прося купить Якову чтó ему нужно. Тотъ не повялъ и передалъ деньги непосредственно. Послѣ этого Яковъ остановилъ меня, когда я проходилъ по корридору:

— Слышь, Володимеръ,—сказалъ онъ.— Спасибо тебѣ, милостинку ты Христову сотворилъ, далъ корридорному для меня... Да видишь, вотъ, не беру я ихъ. Прежде, на міру, грѣшилъ, бралъ въ руки, а теперъ не беру! Вотъ онѣ тутъ на полу и валяются. А ты хлѣбную милостинку сотвори! Изъ теплыхъ рукъ хлѣбная милостинка благопріятнѣе. Ироды-то меня на полуторной порціи держать. Самъ знаешь, чтó въ ей, въ полуторной-то порціи... Просто сказать, что гладомъ изводятъ. Ну, да не вовсе еще Богъ отъ меня отступился,—добрые люди поддерживаютъ: спускаютъ мнѣ на веревочкѣ ярушнички сверху-то. Спасибо, не оставляютъ православные христіане.

Какъ бы то ни было, хотя эти факты указываютъ, что не для всѣхъ Яшка былъ человѣкомъ, въ коемъ не оказывалось толку, тѣмъ не менѣе, въ самыя страшныя минуты, когда живая Яшкина душа содрогалась отъ ды-

ханія близкой смерти и заставляла его судорожно хвататься за рамы и за холодныя рѣшотки тюремнаго окна, — въ эти минуты душу эту несомнѣнно должно было подавлять сознание страшнаго, ужасающаго одиночества...

Былъ ли Яшка сумасшедшій?—Конечно, нѣтъ. Правда, сибирская психіатрія рѣшила этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и Яшкѣ предстояло 'вскорѣ испытать ея упрощенныя приемы лѣченія на манеръ тѣхъ, какіе испыталь уже на себѣ остякъ Тимошка. Тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь утверждать, что Яшка былъ вовсе не сумасшедшій, а подвижникъ.

Да, если въ нашъ вѣкъ есть еще подвижники строго-последовательные, всѣмъ существомъ своимъ отдавшіеся идеѣ (какова бы она ни была), неумолимые къ себѣ, «не вкушающіе идоложертвеннаго мяса» и отвергшіеся всецѣло отъ грѣховнаго міра, то —рекомендую вамъ—такой именно подвижникъ находился за крѣпкою дверью одной изъ одиночекъ подслѣдственнаго отдѣленія. Яшка изъ Пермской губерніи, стукальщикъ, преслѣдуемый остроуміемъ «настранницкаго племянника», являлъ въ себѣ весьма опредѣленныя черты этого типа.

— Есть семья у тебя?—спросилъ я однажды Якова.

— Была...—отвѣтилъ онъ сурово.—Была семья у меня, было хозяйство, все было...

— А теперь живы ли дѣти твои?

— Богъ знаетъ... Какъ Богъ хранить... Не знаю...

— Тоскливо ли, Яковъ, за своими тебѣ, за домашними?

— Нѣтъ, не тоскливо,—мотнулъ онъ головой, какъ бы отбиваясь отъ докучныхъ, тягостныхъ мыслей. — Одно вотъ: какъ бы имъ устоять, отъ правъ-закону не отступить,—объ этомъ крушусь наипаче...

Нѣсколько времени онъ сурово молчалъ за своюю дверью.

— На міру душу спасти,—проговорилъ онъ задумчиво,—и нѣтъ того лучше... Да трудно. Осилить, осилить міръ-отъ тебя. Не тѣ времена нонѣ... Нонѣ вмѣстѣ ежели жить, такъ отецъ съ сыномъ, обнявши, погибнете и мать съ дочерью... и душу не соблуди. И тутъ тоже трудно, и одному... ахъ, не легко! Лукавый путаетъ, подбиваетъ... проды смущаютъ. Хладомъ, гладомъ морять. «Отрекись отъ Бога, отъ великаго Государя»... Скорбитъ душа-те,—охъ, скорбитъ тяжело!...

Тѣмъ не менѣе, легче, я думаю, было бы даже Михеича совратить съ пути, на которомъ онъ обрѣталъ свое благополучіе, чѣмъ заставить Яшку свернуть съ тернистой тропинки, гдѣ онъ встрѣчалъ самыя горестныя приключенія, и заставить его отречься отъ того, чтó онъ выражалъ своею формулой: «за Бога и за великаго Государя».. Онъ не былъ доступенъ ни страху, ни лести, ни угрозѣ, ни ласкѣ.

Какъ-то однажды, въ прекрасный, но довольно холодный день поздней уже Сибирской осени, Яшка къ обычнымъ своимъ обличеніямъ во время повѣрки прибавилъ новое:

— Пошто меня хладомъ изводите, пошто раму мнѣ, слуги антихриста, не вставляете?

На слѣдующій день была вставлена рама. Теплѣе и свѣтлѣе стало въ комнатѣ Яшки, но вечеромъ онъ стучалъ столь же неуклонно. Эта черная неблагодарность поразила «его благородіе» до глубины возмущенной души.

— Подлецъ ты, Яшка, истинно подлецъ!— произнесъ смотритель укоризненно, остановившись противъ Яшкиной двери.—Я тебѣ раму вставилъ, а ты опять за прежнее принимаешься.

— Беззаконникъ ты!—загремѣлъ Яшка въ отвѣтъ.—Что ты меня рамой обязать, что ли, хочешь?... Душу рамой купить?... Нѣтъ, врешь, не обязать ты меня рамой своей, еще я тебѣ не подверженъ. Для себя раму ты вставилъ, не для меня. Я и безъ рамы за Бога-то еще постою.

— Слыхаль!—говорилъ мнѣ послѣ этого Яшка съ глубокимъ презрѣніемъ,—беззаконникъ-то на какую хитрость поднялся? Раму, говоритъ, вставилъ,—за раму отступилъ отъ Бога, отъ великаго Государя!... Этакъ вотъ другой иродъ изъ начальниковъ тоже меня сомущалъ!... Однава привели меня съ партіей въ Тюмень. Вотъ, смотритель купилъ мнѣ два калача, подаетъ милостинку, да и сказываетъ мнѣ: «вотъ, баеть, тебѣ Христова милостинка, два калача,—только ужъ ты меня слушайся. У меня чтобъ въ смиреніи...» Слыхаль? Милостинку,—я ему отвѣчаю,—милостинку, молю, возьму. Она Христовымъ именемъ принимается... Хоть самъ сатана принеси, и отъ того возьму... А тебѣ, беззаконнику, я не подверженъ. Нѣ-ѣтъ! Меня лестью не купишь. Слава

Тебѣ, Господи, поддерживаешь меня Царица Небесная. Стучу вотъ!...

Что же это за «правъ-законъ», каковы основы того міросозерцанія, за которыя Япка принималъ страсто-терпство? Я постараюсь изложить ихъ, насколько успѣлъ уяснить себѣ изъ безсвязныхъ собесѣдованій съ Яковомъ. Но прежде я желаю рассказать небольшой эпизодъ, котораго былъ свидѣтелемъ въ той же скорбной обители.

Привелось мнѣ какъ-то писать официальное заявленіе, для чего я и былъ вызванъ въ тюремную контору. Меня посадили за столъ, дали бумагу, перо и представили «сочинять», не прерывая конторскихъ занятій. Въ это время «принимали новую партію». Письмоводитель выкликалъ по списку арестантовъ и опрашивалъ ихъ званіе, лѣта, судимость и т. д. «Его благородіе» сидѣлъ тутъ же, такъ сказать, для порядку и разсѣянно по-сматривалъ на принимаемыхъ. Во всемъ этомъ было мало интереснаго для его благородія; для меня — тѣмъ болѣе, поэтому я «сочинялъ», не обращая вниманія на происходившее.

Но вотъ монотонный разговоръ сталъ оживленнѣе. Я поднялъ глаза и увидѣлъ слѣдующую картину.

Передъ столомъ стоялъ челоѡкъ небольшого роста, въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ. Наружность его не отличалась ничѣмъ особеннымъ. Казалось, онъ принадлежалъ къ мелкому мѣщанству, къ тому его слою, который сливается въ маленькихъ городахъ и пригородахъ съ сѣрымъ крестьянскимъ людомъ. Видъ онъ имѣлъ

равнодушный, пожалуй, можно бы сказать — апатичный, еслибы, порой, по лицу его не пробѣгала чуть замѣтная саркастическая улыбка, а въ глазахъ не вспыхивалъ огонекъ какого-то сознательнаго превосходства или торжества. Но эти проблески были едва уловимы; они пробѣгали, на мгновение оживляя неподвижныя черты, на которыхъ тотчасъ опять водворялось выраженіе апатіи и вялости. Въ передней толпились арестанты. Видимо заинтересованные ходомъ опроса, они тянулись другъ изъ-за друга, вытягивая шею и слѣдя за своимъ сотоварищемъ и за начальствомъ.

— Ты что-жь не говоришь?—кипятился письмоводитель.—Что молчишь? Ты вѣдь мѣщанинъ изъ Камышина? Вѣдь тутъ, въ твоемъ статейномъ спискѣ, написано ясно. Вотъ!

Письмоводитель ткнулъ пальцемъ въ лежавшую передъ нимъ бумагу и поднесъ ее къ носу арестанта. Тотъ презрительно отвернулся, и огонекъ въ его глазахъ вспыхнулъ сильнѣе.

— И ладно, коли написано,—произнесъ онъ спокойно.

— Да ты долженъ отвѣчать. Вѣры какой?

— Никакой.

Смотритель быстро повернулся къ говорившему и посмотрѣлъ на него выразительнымъ, долгимъ взглядомъ. Арестантъ выдержалъ этотъ взглядъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія.

— Какъ никакой?! Въ Бога вѣруешь?

— Гдѣ онъ, какой Богъ?... Ты, что ли, Его видѣлъ?..

— Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать?— набросился смотритель.— Я тебя, сукина сына, сгною!... Мерзавецъ ты этакой!

Мѣщанинъ изъ Камышина слегка пожалъ плечами.

— Что-жь?— сказала онъ.— Было бы за что гноить-то. Я прямо говорю... За то и сужденъ.

— Врешь, мерзавецъ, навѣрное за убійство сужденъ. Хороша, небось, птица!

Мѣщанинъ изъ Камышина сдѣлалъ было движеніе, какъ будто хотѣлъ возражать, но черезъ мгновеніе опять повелъ плечами.

— Тамъ судите за что знаете.

— Какой родной языкъ?— продолжаетъ письмоводитель опросъ по рубрикамъ.

— Что еще?— спрашиваетъ онякъ мѣщанинъ съ пре-небреженіемъ.— Какой еще родной?... Не знаю я...

— Ахъ, ты, подлець! Вѣдь не по-нѣмецки же ты говоришь. По-русски, чай?

— Слышите сами, по-каковски я говорю.

— Слышимъ-то мы слышимъ, да мало этого. Пойми ты, анаеема! Надо знать, русскій ты или чувашъ, мордва какая-нибудь. Понялъ?

— Чего понимать?... Не знаю,— рѣшительно отрѣзалъ мѣщанинъ изъ Камышина.

Письмоводитель убѣдился, что тутъ ничего не подѣлаешь. «Опять, видно, придется справки наводить. Лишняя работа!» Та же мысль занимала, очевидно, и смотрителя. Камышинскій мѣщанинъ былъ отпущенъ, при-

чемъ его благородіе сдѣлалъ нѣсколько многозначительныхъ обѣщаній.

Когда я вышелъ изъ конторы, опросъ еще не былъ оконченъ, и въ передней толпились еще арестанты. Они кучкой обступили камышинскаго мѣщанина, который стоялъ среди нихъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія, хотя, очевидно, находился въ положеніи героя минуты.

— Какже, чудакъ!— говорилъ какой-то рыжеватый философъ, съ тузомъ на спинѣ,—пра-а, чудакъ! Вѣдь ежели сказываешь, къ примѣру: «нѣтъ», такъ что же есть?

— Ничего!—отрѣзалъ камышинскій мѣщанинъ коротко и ясно.

«Ничего!» Выходитъ, что камышинскій мѣщанинъ сужденъ, осужденъ, закованъ, сосланъ, наконецъ, готовится воспріять осуществленіе смотрительскихъ обѣщаній, которыя порой бываютъ хуже всякаго приговора, вообще страждетъ—изъ-за... ничего! Казалось бы, къ тому, что характеризуется этимъ словомъ «ничего», можно относиться лишь безразлично. Между тѣмъ камышинскій мѣщанинъ относится къ нему страстно, онъ является какъ бы адептомъ, подвижникомъ чистаго отрицанія. Онъ безстрашно исповѣдуетъ свое «ничего» передъ врагами этого оригинальнаго ученія.

Яшка начерталъ на своемъ знамени другую формулу: «за Бога, за великаго Государя!...» Онъ былъ сектантъ, приверженецъ «старого правъ-закону», но мнѣ кажется, что между нимъ и камышинскимъ мѣщаниномъ много

общаго. Яшка порвалъ свои связи съ родиной, съ семьей, съ родною деревней. Камышинскій мѣщанинъ сдѣлалъ то же и даже словомъ не хочетъ признать эту связь, когда она ясно установлена на бумагѣ. «Я вамъ не подвержень», говоритъ Яшка. Камышинскій мѣщанинъ тоже, очевидно, не признаетъ въ лицѣ его благородія власти, которой онъ обязанъ повиновеніемъ. «Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ,—говоритъ Яшка,—а и было бы преступленіе, такъ не вамъ судить, — Богу!» «Судите за что знаете»,—говоритъ камышинскій мѣщанинъ, какъ бы не желая даже соотвѣтствующими разъясненіями принять участіе въ процессѣ этого сужденія. Но въ то время, какъ камышинскій мѣщанинъ скептически вопрошаетъ: «какой Богъ и кто Его видѣлъ?»—Яшка производитъ неуклонное стучаніе во имя Господне.

Что это: непримиримые враги, или союзники? Однородныя ли это явленія, или явленія разныхъ порядковъ? Что тутъ существеннѣе: пункты сходства, или пункты разногласія,—общее у обояхъ отрицаніе существующихъ условій, или религіозно-сектантскіе взгляды, которые есть у Якова и которые изгналъ изъ своего обихода камышинскій мѣщанинъ?

То, что я привелъ выше и что приведу ниже, указываетъ отчасти, что сектантскіе взгляды Яшки играли подчиненную роль. Они опредѣлялись его отношеніями къ практической жизни, истекали изъ основъ его практическаго міросозерцанія.

И что это было за міросозерцаніе!

Какая-то странная смѣсь миеологiи и реализма! Несуществующіе безбожники, заправляемые несуществующими министрами Финляндцевыми (министръ финансовъ), заполняютъ міръ, ловятъ души, требуютъ отреченія «отъ Бога, отъ великаго Государя». И рядомъ — несомнѣнно существующее, самое реальное страданіе, несомнѣнное гоненіе за дѣло, которое Яшка считаетъ правымъ, сознательная готовность погибнуть и — страшно подумать — несомнѣнная возможность такого исхода, что Яшка предсказываетъ на основаніи своей фантастической теоріи и что Михеичъ подтверждаетъ, какъ несомнѣнную «позитивную» истину. «Этому вотъ то же будетъ, что и Тимошкѣ, а то похуже... У нихъ вѣдь живо!»

Ужасно мрачная миеологiя! Все въ мірѣ клонится къ худшему. Было уже три «смѣненія»... Какія?—Яшка самъ ниѣтъ объ этомъ лишь смутныя понятія.

— Видишь вотъ,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ объ этихъ смѣненіяхъ. — Читалъ я въ «Сборникѣ», да видно запамятовалъ. Первое — Римъ отпалъ. Разъ... Второе — Византія будто... Два. Ну, третье — московское. Нонѣ идетъ четвертое — горше первыхъ. Съ 61-го году началось.

— Какое же?

— Какое? Ты теперича какъ пишешься?—неожиданно спросилъ у меня Яковъ.

Я не зналъ, какъ я пишусь, но Яковъ отвѣтилъ за меня самъ:

— Ты теперь пишешься: бывший государственный

крестьянинъ. Ты понимай: бывший! Значить, былъ — да нѣту. Вотъ какое смѣненіе!... Земское смѣненіе пошло, гражданскія власти пошли. Государственныхъ отмѣнили.

Съ 61 года міръ рѣзко раскололся на два начала: одно — государственное, другое — гражданское, земское. Первое Яшка признавалъ, второе отрицалъ всецѣло, безъ всякихъ уступокъ. Надъ первымъ онъ водрузилъ осьми-конечный крестъ и приурочилъ его къ истинному правъ-закону. Второе назвалъ царствомъ грядущаго анти-христа.

— Подъ гражданскими-то властями тяжелѣе, что ли?

— Какъ не тяжеле! Ты то возьми: жить стало не можно. Ранѣе государевы подати платили, а нонѣ гражданскія власти земскія подати окромѣ накладываютъ. Это на тѣхъ, кто имъ, значить, подвержень.

— Ты подати не платишь? — спросилъ я, начиная догадываться о ближайшихъ причинахъ Яшкина заключенія.

— Государственныя платимъ. Сполна великому Государю вносимъ. А на земскія мы не обязались. Вотъ беззаконники и морятъ, подъ себя приневоливаютъ. Кресты съ церковей посняли.

— Ну, кресты-то на церквахъ есть.

— Не настоящіе... и крещенье не настоящее — щепотью... Все ихъ дѣло, ихъ и знаменіе.

— Постой, Яковъ! Какъ это ты рассудишь: вѣдь и великій Государь въ тѣ же церкви ходитъ?

— Великій Государь, — отвѣчалъ Яшка тономъ, не до-

пускающимъ сомнѣній, — въ старомъ правѣ-законѣ пребываетъ... Ну, а царь Польской, князь Финляндской... тотъ, значить, въ новомъ...

Оказывалось, что будущее принадлежитъ новымъ началамъ. Уступая давленію этихъ началъ, великій Государь издалъ циркуляръ, въ которомъ написано: «Быть по тому и быть по сему», что значить: кого успѣютъ слуги антихриста заманить,—заманивай. Надъ тѣми онъ властенъ, на тѣхъ подати налагай и душами владѣй. А кто не обязался, кто въ истинномъ правѣ-законѣ стоитъ крѣпко, того никто не смѣетъ приневолить.

Новыя начала берутъ силу все болѣе и болѣе. «Беззаконники» пошли противъ циркуляра, стали подъ свою руку приневоливать насильно (потому и беззаконники). Трудно стало. Пущены въ ходъ всякія средства.

— На тридцать на шесть губерней пущено тридцать шесть лисицъ. Честью да лестью все пожгутъ и сколь народу погубять—страсть!...

Нигдѣ нѣтъ защиты. Государственное начало съ осьми-конечнымъ крестомъ меркнетъ. Государственныя власти «стоятъ плохо». Народъ подается, не видя опоры. «Пишутся, правда, циркуляры-те, да что ужъ...» Суды пошли гражданскіе, тихіе...

Тихіе суды съ 61 года, т. - е. именно съ тѣхъ поръ, какъ въ жизнь стала вторгаться гласность!

Я не утерпѣлъ и попытался разрушить Яшкину фантазмагорію, для чего сталъ излагать основанія новаго гласнаго судопроизводства. Яковъ слушалъ довольно внимательно.

— Постой,—перебилъ онъ меня, наконецъ.— Думаешь, я не сужденъ? Сужденъ, какъ же. Безо всякаго преступленія судебною палатой сужденъ. Не признаю я суда ихняго... Ну, все же — судили. Вотъ набольшій-то судья и говоритъ мнѣ: «Не найдено твоей вины ни въ чемъ. Разступитесь, стража!... Отъ суда-слѣдствія оправленъ». Ну, думаю, вотъ меня на волю выпихнуть, вотъ выпихнуть... А они тихимъ-то судомъ эвона выпихнули куда!

Очевидно, Яшка не отдѣлялъ разныхъ функцій власти. Судъ гласно оправдываетъ, администрація высылаетъ... Яшка полагаетъ, что гласный приговоръ — хитрость антихриста, что, кромѣ этого приговора, былъ еще другой, тихій. «Видишь вотъ, на каки хитрости идетъ». И все это, конечно, имѣетъ опредѣленную цѣль — поглотить Яшкину душу.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе всего этого, на міру «жить стало не можно». «Вмѣстѣ отецъ съ сыномъ, обнявши, погибнете». Общественныя связи нарушены. Приходится душу блюсти въ-одиночку, въ-разбродъ. Побѣда «слугамъ антихриста» почти обезпечена. Бросилъ Яшка семью, бросилъ хозяйство, бросилъ все, чѣмъ наполнялась его труженическая земледѣльческая жизнь, и теперь онъ одинъ, во власти «беззаконниковъ». И «пошто только мучаютъ? — удивляется Яшка. — Невозможно мнѣ отъ истиннаго правъ-закону отступить. Не будетъ этого, нѣтъ! Наплюю я имъ подъ рыло. Вотъ взялъ — приколотъ, только и есть. А то... морять попусту!» Онъ былъ вполне увѣренъ, что люди, державшіе его здѣсь со-

знательно стремились погубить его душу, и если до сихъ поръ его еще «не прикололи», то лишь потому, что живая Яшкина душа доставить антихристу большее удовольствіе.

Но даже и это положеніе оказалось Яшкѣ лучше того, которое ожидаетъ «на міру» всѣхъ, принявшихъ печать антихриста. Новые порядки грозятъ всеобщю неминуемо бѣдой.

— Что дальше, то и хуже будетъ. Худа ждть надо, добра не видать,—въ «Сборникѣ» писано... Земля на выкупъ пойдетъ.

— Да вѣдь и теперь земля идетъ на выкупъ, — замѣтилъ я.

— То-то, и теперь идетъ, — отвѣчалъ Яшка невозмутимо. — А тамъ и еще хуже будетъ. У кого 12 тыщей будетъ, тотъ и землей владѣть станетъ. А и кто тыщу другую имѣете, и тѣ безъ земли погинете. Вѣрно я тебѣ говорю. Молодь ты еще, поживешь—вспомнишь.

— Какъ же, Яковъ, неужто можно думать, что антихристъ сильнѣе Бога? Неужто все хуже, да хуже будетъ и правда не сладитъ съ кривдой?

Яковъ подумалъ. Я замѣтилъ на его лицѣ слѣды усиленной умственной работы. Онъ почерпнулъ откуда-то опредѣленный отвѣтъ:

— Ну,—сказалъ онъ,—не бывать тому. Поработаютъ, да и погибнуть... Вѣрно!... — повторилъ онъ черезъ минуту. — Поработаютъ, да и погибнуть. А только долго ждть. Не увидать намъ съ тобой правды...

— Ты, Яковъ, не признаешь гражданскаго суда. А государственный признаешь? — допытывалъ я въ другой разъ.

— Признаю государственный.

— Какія же, по-твоему, государственныйя власти? На-примѣръ, генераль-губернаторъ?

— Енераль-губернаторъ — государственный... Отъ великаго Государя. Правильный.

— Значить, его рѣшеніе правильное...

— Давно велѣлъ отпустить меня. Да вотъ, видишь ты...

— Постой. Ну, положимъ, твое дѣло сталъ бы судить генераль-губернаторъ.

— За что меня судить? Не за что.

— Погоди! Ты, вотъ, говоришь: не за что, а гражданскія власти говорятъ: есть за что. Надо вѣдь кому-нибудь разсудить. Государственныйя власти ты признаешь, онѣ и судятъ и рѣшаютъ твое дѣло противъ тебя.

— Не могутъ онѣ... Онѣ должны правильно...

— Да ты обдумай хорошенько. Говорятъ тебѣ гражданскія власти: пусть, молъ, разсудить генераль-губернаторъ твое дѣло. Вѣдь онѣ имѣетъ право рѣшать дѣла, такъ ли?

— Ну?—сказалъ Яковъ, видимо ожидая, что изъ этого выйдетъ.

— Ты ему долженъ подчиниться, какъ правильной государственной власти...

— Ну-у? — протянулъ Яковъ, осторожно избѣгая отвѣта и, очевидно, заинтересованный возможностью нѣкоторой новой комбинаціи.

— Ну, вотъ, и выходить отъ него рѣшеніе: подчиняйся новымъ порядкамъ, неси земскія повинности...

Яшка смутился.

— Эвона! Видишь ты... Вотъ... — подыскивалъ онъ отвѣтъ.

— Теперь отвѣчай мнѣ: покорись ты или нѣтъ?

— Тѣ-оно *)... Видишь ты... Гдѣ ужъ, поди... Нѣтъ! — отрѣзалъ онъ, наконецъ. — Гдѣ, поди, покориться. Какѡ коренье... Невозможно мнѣ...

Очевидно, что непреложнаго авторитета для Яшки не существовало. Онъ прикидывалъ все къ нѣкоторымъ, незбылемымъ въ его представленіи, правамъ личности и браковалъ все, чтѡ не подходило подъ эту мѣрку.

— Слушай, чтѡ я тебя спрошу, Володимерь,—сказалъ онъ мнѣ однажды.—Ты какого правъ-закону будешь? Нашего же, видно?

Чтѡбъ испытать Яшкину терпимость, я рѣзко отвергъ свою солидарность съ Яшкинымъ правъ-закономъ и поставилъ передъ этимъ сектантомъ, фанатикомъ обрядности, основанія совершенно несроднаго ему ученія. Въ выраженіяхъ, понятныхъ для Якова, я развилъ извѣстный кодексъ практической нравственности съ основами братства и равенства. Злоупотребляя нѣсколько его невѣжествомъ въ догматикѣ и св. писаніи, я опирался на

---

*) Тѣ-оно... въ этомъ словѣ сказывается уроженецъ Персской или Вятской губерній. Оно употребляется въ тѣхъ мѣстахъ каждый разъ, когда говорящій испытываетъ затрудненіе и не находитъ подходящаго выраженія.

Лет.

изреченіи: «по дѣламъ ихъ познаете ихъ» и на подходящихъ текстахъ изъ Іоанна, совершенно отвергая обрядность и ставя на ея мѣсто «дѣла», т.-е. практическое стремленіе къ осуществленію формулы любви. Все это я выдавалъ за свою религію.

Яшка слушалъ внимательно, но, къ моему удивленію, вовсе не замѣтилъ самаго существеннаго въ моемъ исповѣданіи.

— Что-жь? — удивилъ онъ меня. — Это и по-нашему такъ: всё отъ Адама.

Я поставилъ вопросъ яснѣе и обрушился съ своею критикой на двуперстное знаменіе.

— Читалъ ты въ писаніи: «Поклонитесь въ духъ и истинѣ?... А что такое персты: духъ или плоть?»

Тутъ Яшка понялъ.

— Сказано тоже...—медленно заговорилъ онъ,—поклонитесь душою и тѣломъ.

Говорилъ онъ какъ будто что-то вспоминая, но, очевидно, не былъ вполне увѣренъ, дѣйствительно ли это сказано, или не сказано вовсе...

— А гдѣ это сказано?—спросилъ я.

Яковъ задумался и не отвѣтилъ.

— Что-жь? Это тоже хорошо...—сказалъ онъ въ раздумьи,—конечно, всякъ по своему разумѣнію.

Спустя недѣли двѣ послѣ нашего прибытія въ острогъ, передъ вечеромъ,—но еще задолго до повѣрки, — арестантовъ стали загонять въ камеры. Корридоры опустѣли

и въ подслѣдственномъ отдѣленіи воцарилась тяжелая, будто выжидающая тишина, по которой мы привыкли уже угадывать приближеніе высшаго тюремнаго начальства. Вскорѣ громыхнула дверь дальняго корридора, послышалось звяканье оружія, шаги многочисленной, по-видимому, толпы.

Ближе и ближе. Толпа ввалила въ нашъ корридоръ. Шаги отдавались отчетливо и смолкли у Яшкиной двери.

Лязгнули запоры, дверь отворилась. На нѣсколько секундъ воцарилось гробовое молчаніе, затѣмъ раздался голосъ старика—«помощника»:

— Выходи, Яковъ, на волю...

— Врешь!—послышался въ отвѣтъ суровый голосъ Якова.—Врешь, обманывашь, беззаконникъ! Не тѣ времена, чтобы на волю меня...

Конвойные бросились въ камеру; послышался шумъ борьбы, что-то грузно повалилось на полъ.

— По душу!—вскрикнулъ Яковъ подавленнымъ, какъ будто задыхающимся, голосомъ.—По душу пришли, Господи!... Смерть, смерть моя!—кричалъ онъ все громче и громче. Въ этомъ воплѣ слышалась дѣйствительная тоска страшнаго сознанія.

Сердце у меня сильно билось, мною начинала овладѣвать Яшкина фантазмагорія, въ связи съ комментаріями реалиста Михенча: «У нихъ это живо!» Яшку вязали, чтобы представить въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ царили извѣстные упрощенные приемы лѣченія. Яковъ отбивался въ послѣдней степени отчаянія.

— Володимерь, Володимерь!—вскрикнулъ онъ вдругъ, вспомнивъ, что рядомъ, хотя за такую же дверь, есть человекъ, быть-можетъ способный понять его положеніе.

— Володимерь, Володимерь, Володимерь!...

Фантасмагорія овладѣла мною всецѣло. Черезъ минуту я громко стучалъ въ свою дверь.

— Чтѣ такое еще?—послышался голосъ помощника смотрителя.—Кто это стучить?

— Политическіе стучать, ваше благородіе,—сказалъ сторожъ.

— Спроси, чтѣ надо?... Постои, я самъ спрошу!

Сѣдой старичокъ подошелъ къ нашей двери и уставился въ меня своими старчески-безстрастными, подслѣповатыми глазами.

— Вамъ чтѣ угодно?

Вопросъ меня озадачилъ. Чтѣ мнѣ было угодно? Реальная дѣйствительность глядѣла на меня въ лицѣ этого старика, и я не зналъ, чтѣ сказать реальной дѣйствительности. Я самъ былъ запертъ въ одиночкѣ, за крѣпкою дверь, и мнѣ ли было вступаться за Яшку? На какомъ основаніи?

— Чтѣ тутъ творится?—спросилъ я.—Чтѣ вы дѣлаете съ Яковымъ?

— Это... позвольте... не ваше дѣло-съ!... Да, не ваше... Получено предписаніе: отправить № 5 въ домъ сумасшедшихъ,—ну, и отправляемъ... Можетъ ли все это до васъ касаться?

Въ отдѣленіи подслѣдственныхъ водворилась тишина. Яшку связаннаго пронесли по корридорамъ, уложили въ тѣлгу и увезли вонъ изъ тюрьмы.

Отступить ли Яковъ «отъ Бога, отъ великаго Государя»? Отступить ли сибирская психіатрія отъ упрощенныхъ приемовъ лѣченія? Отвѣтъ былъ ясень... Тяжелыя мысли гѣснились въ мозгу; меня подавляла мертвая тишь одиночки и корридоровъ.

Старикъ Михеичъ тихо заперъ дверь Яшкиной камеры, постоялъ передъ нею, задумчиво покачалъ головой и затѣмъ усѣлся на своемъ излюбленномъ мѣстѣ. Старая тюремная крыса бодро прошла по корридору, бросая довольные взгляды на опустѣвшую каморку, изъ которой не слышалось болѣе громоваго Яшкина стука. Старикъ бормоталъ что-то и скверно улыбался.

Вечеромъ «повѣрка» обходила камеры обычнымъ порядкомъ. Все было тихо.

— Нѣтъ уже стукальщика,—сказалъ его благородіе, обращаясь къ конвойному офицеру. — Свезли нынче въ домъ сумасшедшихъ.

Вдругъ опять пронеслись по корридору гулкіе удары... Его благородіе вздрогнулъ, тюремная крыса уронила карандашъ и тетрадку, офицеръ какъ-то нервно обернулся въ ту сторону. Вся «повѣрка» точно застыла.

— Пошто держите меня, пошто моритѣ, беззаконники?!—раздался вдругъ козлиный голосъ Тимошки остяка, и общее напряженіе разразилось смѣхомъ.

Эта выходка была совершенно неожиданна. Козлиный голосокъ остяка такъ смѣшно подражалъ могучимъ окри-

камъ Якова, все это въ общемъ представляло столь жалкую и смѣшную пародію, что его благородіе расхохотался. За его благородіемъ захохотала вся «повѣрка». Смѣялся старичокъ-помощникъ, моргая подслѣповатыми глазками, грохоталъ толстякъ офицеръ, сотрясаясь тучными тѣлесами, хихикала тюремная крыса, улыбка шевелила длинные усы Михеича, смѣялись въ бороду солдаты, вытянувшись въ струнку и держа ружья къ ногѣмъ...

На слѣдующій день и мы тронулись въ путь.

1880 г.

СТАРЫЙ ЗВОНАРЬ.

(Весенняя идиллия.)

16*

Digitized by Google

СТАРЫЙ ЗВОНАРЬ.

(Весенняя идиллія.)

Стемнѣло.

Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальнею рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія звѣздныя ночи, когда тонкій туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ тѣни лѣсовъ и застигаетъ открытыя пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; изрѣдка скрипнуть ворота, залаетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня — старая, высокая, темная — тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, виснетъ въ пространствѣ.

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, повзносился онъ самъ, плохо видать глаза... Пора ужъ, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело!... Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ привелъ Богъ опять...

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу, вокругъ церкви, маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старыя кресты какъ будто охраняли ихъ распростертыми руками. Кое-гдѣ склонялись надъ ними березы, еще не покрытыя листьями... Оттуда, снизу, несся къ Михеичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взберется ли онъ опять сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко-дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ готовъ; а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. «Слава-те

Господи!»—шепчут старческія уста привычную формулу, и Михеичъ смотритъ вверхъ, на горящее милліонами огней звѣздное небо, и крестится...

— Михеичъ, а Михеичъ!—зоветь его снизу дребезжащій, тоже старческій, голосъ. Древній годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михеича.

— Что тебѣ? Здѣсь я!—отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни.—Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему какъ?

Оба смотрять на звѣзды. Тысячи Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. Пламенный «Возъ» поднялся уже высоко... Михеичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало... Знаю вѣдь...

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и плескъ невидной во мракѣ рѣчки—все это ему знакомо, все это ему родное... Не даромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь...

Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое... Онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ съ таткой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, какъ это давно и...

какъ недавно!... Онъ видитъ себя бѣлокурымъ мальчонкой; глаза его разгорѣлись; вѣтеръ,—но не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, а какой-то особенный, высоко надъ землею машущій своими безшумными крыльями,—развѣваетъ его волосѣнки... Внизу, далеко-далеко, ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такою громадною, почти безграничною.

— Анъ вотъ она, вся тутъ!—улыбнулся сѣдой старикъ, взглянувъ на небольшую полянку.

Такъ вотъ—и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала и до самой вонъ той могилки, что облюбовалъ онъ себѣ въ углу кладбища... И что-жь,—слава-те Господи!—пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля—ему мать... Скоро, ужъ скоро!...

Однако, пора. Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михеичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту почной воздухъ дрогнулъ отъ гулкаго удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михеичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу, у дверей, чтобы молиться и слушать

пѣніе. Но теперь онъ остался на своей вышкѣ. Трудно ему; притомъ же онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ?—онъ самъ едва ли могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ. Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. «Тропарь поютъ!»—думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ; старенькій священникъ, покойникъ отецъ Наумъ, «возглашаетъ» дрожащимъ голосомъ возгласы; сотни мужичьихъ головъ, какъ спѣлые колосья отъ вѣтру, нагибаются и вновь подымаются... Мужики крестятся... Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтущій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастье, на радости жизни... Гдѣ оно, это счастье?... Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, забота... Гдѣ оно, это счастье? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому лицу, согнетъ могучую спину, научить вздыхать, какъ и старшаго брата...

Но вотъ, налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склонивъ голову, стоитъ его «молодица». Хорошая была баба, царствіе небесное! И много же приняла муки, сердешная... Нужда да работа, да неисходное бабье горе изсушить красивую бабу; потускнѣють глаза и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнить величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастье?... Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ, богатый вѣрогъ, бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни, и стучаетъ лбомъ... И кипить-разгорается у Михеича сердце, а темные лики иконъ сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для него—эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками... «Богъ васъ суди, Богъ суди!»—шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головой, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звоняря...

— Михеичъ, а Михеичъ!... Что-жь ты, али заснулъ?—кричать ему снизу.

— Ась?—откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги.—Господи! неужто и вправду заснулъ? Не было еще экаго сраму!...

И Михеичъ быстро, привычною рукой, хватается веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья

толпа; хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золоти-стою парчой... Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вокругъ церкви и до Михеича доносится радостный кличь: «Христось воскресе изъ мертвыхъ».

И отдается этотъ кличь волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа, и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливая съ громкимъ, торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились, и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской...

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: «Христось воскресе!»

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подгѣвали ему радостно и звонко: «Христось воскресе!»

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: «Христось воскресе!»

И казалось, старая колокольня дрожить и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещеть могучими крыльями и вторить: «Христосъ воскрес!»

И старое сердце забыло про жизнь полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ старый пенъ, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастье и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...

А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михеичъ...

Но вдругъ большой колоколь неувѣренно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли не оконченною трелью и тоже оборвали ее, какъ будто вслушиваясь въ печально-гудящую долгую ноту, которая дрожить и льется, и плачетъ, постепенно стихая въ воздухъ...

Старый звонарь изнеможенно опустилсѣ на скамейку, и двѣ послѣднихъ слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ...

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...
1885 г.

ОЧЕРКИ СИБИРСКАГО ТУРИСТА.

ОЧЕРКИ СИБИРСКАГО ТУРИСТА.

I.

Б а к л а н ы.

Когда я на почтовой тройкѣ подъѣхалъ къ перевозу, уже вечерѣло. Свѣжій, рѣзкій вѣтеръ рябилъ поверхность широкой рѣки и плескалъ въ обрывистый берегъ крутымъ прибоемъ. Заслышавъ еще издали почтовый колокольчикъ, перевозчики остановили «плашкотъ» и дождались насъ. Затормазили колеса, спустили телѣгу, отвязали «чалки». Волны ударили въ досчатые бока плашкота, рулевой круто повернулъ колесо, и берегъ сталъ тихо удаляться отъ насъ, точно уносимый ударявшею въ него зыбью.

Кромѣ нашей, на плашкотѣ находились еще двѣ телѣги. На одной я разглядѣлъ немолодого, солиднаго мужчину, повидимому, купческаго званія, на другой — трехъ молодцовъ, какъ будто изъ мѣщанъ. Купецъ неподвижно сидѣлъ въ повозкѣ, закрываясь воротникомъ отъ осенняго свѣжаго вѣтра и не обращая ни малѣйшаго вниманія на случайныхъ спутниковъ. Мѣщане, на-

оборотъ, были веселы и сообщительны. Одинъ изъ нихъ, косоглазый и съ рваною ноздрей, то и дѣло начиналъ наигрывать на гармоніи и напѣвать дикимъ голосомъ какія-то дикія пѣсни; но вѣтеръ скоро обрывалъ эти рѣзкіе звуки, разнося и швыряя ихъ по широкой и мутной рѣкѣ. Другой, державшій въ рукѣ полуштофъ и стаканчикъ, подчивалъ водкой моего ямщика. Только третій, мужчина лѣтъ тридцати, здоровый, красивый и сильный, лежалъ на телѣгѣ враспяжку, заложивъ руки подъ голову, и задумчиво слѣдилъ за бѣжавшими по небу сѣрыми тучами.

Вотъ уже второй день, въ моемъ пути отъ губернскаго города N., то и дѣло встрѣчаются мнѣ эти примелькавшіяся фигуры. Я ѣду по спѣшному дѣлу, погоняя, чтò называется, и въ хвостъ и въ гриву, но ни купецъ на своей кругленькой кобылкѣ, запряженной въ двухколесную кибитку, ни мѣщане на своихъ поджарыхъ клячахъ не отстаютъ отъ меня, и послѣ каждого моего роздыха я настигаю ихъ гдѣ-нибудь въ пути или на перевозѣ.

— Что это за люди? — спросилъ я у моего ямщика, когда тотъ подошелъ къ телѣгѣ.

— Костюшка съ товарищами, — отвѣтилъ онъ сдержанно.

— Кто такіе? — переспросилъ я, такъ какъ имя было мнѣ незнакомо.

Ямщикъ какъ будто стѣснялся сообщать мнѣ дальнѣйшія свѣдѣнія, въ виду того, что разговоръ нашъ могъ быть услышанъ мѣщанами. Онъ оглянулся на нихъ и

потомъ торопливо ткнулъ кнутомъ въ направленіи къ рѣкѣ.

Я посмотрѣлъ въ томъ же направленіи. По широкой водной поверхности расходилась темными полосами частая зыбь. Волны были темны и мутны, и надъ ними носились, описывая безпокойные круги, большія бѣлыя птицы, вродѣ чаекъ, то и дѣло падавшія на рѣку и подымавшіяся вновь съ жалобно-хищнымъ крикомъ.

— Бакланы! — пояснилъ ямщикъ, когда плашкоть подѣхалъ къ берегу и наша тройка выхватила насъ на дорогу. — Вотъ и мѣщанишки эти, — продолжалъ онъ, — тѣ же бакланы. Ни у нихъ хозяйства, ни у нихъ заведе- ніевъ. Землишку, слышь, какая была, и ту лѣтось про- дали. Теперь вотъ рыщутъ по дорогамъ, что тебѣ волки. Житья отъ нихъ не стало.

— Грабятъ, что ли?

— Пакостятъ. Чемоданъ у проѣзжающаго срѣзать, чаю мѣсто-другое съ обоза стянуть — ихнее дѣло... Пло- хо придется, такъ и у нашего брата, у ямщика обрат- наго, лошадь, то и гляди, уведутъ. Извѣстно, зазѣвась- ся, заснешь, — грѣшное дѣло, — а онъ ужъ и тутъ. Этому вотъ Костюшкѣ ямщикъ кнутомъ ноздрю-то вырвалъ... Вѣрно!... Помни: Коська этотъ — первѣющій варваръ... Товарища вотъ ему настоящаго теперь нѣту... И былъ товарищъ, да обозчики убили...

— Попался?

— Попался въ дѣлѣ. Не пофартило. Натѣшились надъ нимъ ребята, обозчики то-есть.

Разскащикъ засмѣялся въ бороду.

— Первое дѣло—пальцы рубили. Опосля огнемъ жгли, а наконецъ того палку сунули, выпустили кишки, да и бросили... Померъ, собака!...

— Да ты-то съ ними знакомый, что ли? Съ чего они тебя водкой-то подчивали?

— Будешь знакомъ,—сказалъ ямщикъ угрюмо.—Самъ тоже винища имъ выпилъ не мало, потому — опасаясь во всякое время... Помни: Костюшка не даромъ и нонче-то выѣхаль... Эстолько мѣста даромъ коней гонять не станеть... Фартъ чуетъ, дьяволь, это ужъ вѣрно!... Купецъ вотъ тоже какой-то... — задумчиво добавилъ ямщикъ послѣ нѣкотораго молчанія, — не его ли охаживаютъ теперича?... Только наврядъ, не похоже будто... И еще съ нимъ новый какой-то. Не видывали мы его раньше.

— Это который въ телѣгѣ лежалъ?

— Ну, ну... Жиганъ, полагать надо... Здоровенный дьяволь!...—Ты вотъ, что, господинъ!...—заговорилъ онъ вдругъ, поворачиваясь ко мнѣ. — Ты ужъ мотри берегайся... ночью не ѣзди. Не за тобой ли, грѣхомъ, варвары-то увязались...

— А ты меня знаешь?—спросилъ я.

Ямщикъ отвернулся и задергалъ вожжами.

— Намъ неизвѣстно, — отвѣчалъ онъ уклончиво. — Сказывали — кудиновскій прикащикъ изъ губерніи проѣдетъ... Дѣло не наше...

Очевидно, меня здѣсь знали. Я вель процессъ купцовъ Кудиновыхъ съ казною и на-дняхъ его выигралъ. Мои патроны были очень популярны въ той мѣстности,

да и во всей Западной Сибири, а процессъ производилъ сенсацию. Теперь, получивъ изъ губернскаго казначейства очень крупную сумму, я торопился въ гор. NN., гдѣ предстояли срочные платежи. Времени было немного, почта въ NN. ходила рѣдко, и потому деньги я везъ съ собой. Ъхать приходилось днемъ и ночью, кое-гдѣ для скорости сворачивая съ большой дороги на прямые проселки. Въ виду этого, предшествовавшая мнѣ молва, способная поднять цѣлыя стаи хищныхъ «баклановъ», не представляла ничего утѣшительнаго.

Я оглянулся назадъ. Несмотря на наступавшій сумракъ, по дорогѣ виднѣлась быстро скакавшая тройка, а за нею на нѣкоторомъ разстояніи катилась купеческая таратайка.

II.

Логъ подъ „Чортовымъ-пальцемъ“.

На **ской почтовой станціи, куда я прибылъ вечеромъ, лошадей не оказалось.

— Эхъ, батюшка, Иванъ Семенычъ! — уговаривалъ меня почтовый смотритель, толстый добрякъ, съ которымъ во время частыхъ переѣздовъ я успѣлъ завязать пріятельскія отношенія. — Ей-Богу, мой вамъ совѣтъ: плюньте, не ѣздите къ ночи. Ну ихъ и съ дѣлами! Своя-то жизнь дороже чужихъ денегъ. Вѣдь тутъ теперь на сто верстъ кругомъ только и толковъ, что о вашемъ

процессѣ, да объ этихъ деньжищахъ. Бакланишки, поди, уже заметались... Ночуйте!...

Я, конечно, сознавалъ всю разумность этихъ совѣтовъ, но послѣдовать имъ не могъ.

— Надо ѣхать... Пошлите, пожалуйста, за «вольными»...

— Эхъ вы, упрямецъ! Ну, да тутъ - то я вамъ дамъ «дружка» *) надежнаго. Онъ васъ доставить въ Б. къ молокану. А ужъ тамъ непременно ночуйте. Вѣдь ѣхать-то мимо Чортова лога придется, мѣсто глухое, народецъ аховый... Хоть свѣту дождитесь.

Черезъ полчаса я сидѣлъ уже въ телѣгѣ, напутствуемый совѣтами пріятеля. Добрыя лошади тронулись сразу, а ямщикъ, подбодренный общаніемъ на водку, гналъ ихъ всю дорогу, какъ говорится, въ три кнута; до Б. мы доѣхали живо.

— Куда теперь меня доставишь? — спросилъ я у ямщика.

— Къ «дружку» къ молокану. Мужикъ хорошій.

Проѣхавъ мимо нѣсколькихъ раскиданныхъ по лѣсу избенокъ, мы остановились у воротъ хорошаго, очевидно зажиточнаго, дома. Насъ встрѣтилъ, съ фонаремъ въ рукѣ, старикъ съ длиною сѣдою бородой, очень почтеннаго вида. Онъ поднялъ свой фонарь надъ головой и, оглядѣвъ мою фигуру своими подслѣповатыми глазами, сказалъ спокойнымъ старческимъ голосомъ:

---

*) *Дружками* называютъ въ Сибири ямщиковъ, „гоняющихъ“ по вольному найму.

— А, Иванъ Семенычъ!... То-то сказывали тутъ ребята проѣзжіе: поѣдетъ кудиновскій прикащикъ изъ городу... Коней, молъ, старикъ, готовь... А вамъ, я говорю, какая забота?... Они, можетъ, ночевать удумаютъ... Дѣло ночное.

— А какіе ребята-то?—перебилъ мой ямщикъ.

— А шутъ ихъ знаетъ. Бакланишки, надо быть! На жигановъ тоже смахиваютъ по виду - то... Думаю такъ, что изъ городу, а кто именно — сказать не могу... Гдѣ ихъ всѣхъ - то узнаешь... А ты, господинъ, ночуешь, что ли?

— Нѣтъ. Лошадей мнѣ, пожалуйста, поскорѣй! — сказалъ я, не слишкомъ-то довольный предшествовавшею мнѣ молвой.

Старикъ немного подумаль.

— Заходи въ избу, чего здѣсь-то стоять... Вишь горето: лошадей у меня нѣту... Третьего - днись въ городъ съ кладью парнишку услалъ. Какъ теперь будешь?... Ночуй.

Эта новая неудача сильно меня обезкуражила. Ночь, между тѣмъ, стусилась въ такую безпросвѣтную тьму, какая возможна только въ сибирскую ненастную осень. Небо сплошь было покрыто тяжелыми тучами. Взглянувъ вверхъ, можно было съ трудомъ различать, какъ неслись во мракѣ тяжелыя, безобразныя громады; но внизу царствовала полная темнота. На два шага не видно было человѣка. Моросилъ дождикъ, слегка шума по деревьямъ. Въ густой тайгѣ шелъ точно шорохъ и таинственный шепоть.

И все-таки ѣхать было необходимо. Войдя въ избу, я попросилъ хозяина тотчасъ же послать за лошадьми къ кому-нибудь изъ сосѣдей.

— Охъ, господишъ, — закачалъ старикъ своею сѣдою головой, — на грѣхъ ты торопишься, право... Да и ночка же выдалась! Египетская тьма, прости Господи!

Въ комнату вошелъ мой ямщикъ, и у него съ хозяиномъ пошли переговоры и совѣты. Оба еще разъ обратились ко мнѣ, прося остаться. Но я настаивалъ. Мужики о чемъ-то шептались, перебирали разные имена, возражали другъ другу, спорили.

— Ладно, — сказалъ ямщикъ, какъ будто неохотно согласившись съ хозяиномъ. — Будутъ тебѣ лошади. Съѣзжу сейчасъ недалече тутъ, на займку.

— Нельзя ли поближе найти?... Пожалуй долго будетъ...

— Не долго! — рѣшилъ ямщикъ, а хозяинъ добавилъ сурово:

— Куда торопиться-то? Знаешь, пословица говорится: «скоро, да не споро»... Успѣешь...

Ямщикъ сталъ одѣваться за перегородкой. Хозяинъ продолжалъ что-то внушать ему своимъ дребезжавшимъ старческимъ голосомъ. Я началъ дремать у печки.

— Ну, парень, — услышалъ я голосъ хозяина уже за дверью, — скажи «убивцу»-то, пушай поторапливается... Вишь, ему не терпится...

Почти тотчасъ же со двора послышался топотъ скачущей лошади.

Послѣдняя фраза старика разсѣяла мою дремоту. Я

сѣлъ противъ огня и задумался. Темная ночь, незнако-
мое мѣсто, незнакомые люди, не совсѣмъ понятныя рѣчи
и, наконецъ, это странное, зловѣщее слово... Мои нервы
были разстроены.

Черезъ часъ подь окнами послышался торопливый
звонъ колокольчика. Тройка остановилась у подъѣзда. Я
собрался и вышелъ.

Небо чуть-чуть прояснилось. Тучи бѣжали быстро,
точно торопились куда-то убраться во-время. Дождь пе-
ресталъ, только временами налетали откуда-то сбоку, изъ
мрака, крупныя капли, какъ будто второпяхъ роняемыя
быстро бѣжавшими облаками. Тайга шумѣла. Подымался
къ разсвѣту вѣтеръ.

Хозяинъ вышелъ провожать меня съ фонаремъ, и, бла-
годаря этому обстоятельству, я могъ разсмотрѣть моего
ямщика. Это былъ мужикъ громаднаго роста, крѣпкій,
широкоплечій, настоящій гигантъ. Лицо его было какъ-
то спокойно-угрюмо, съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ,
какой кладеть обыкновенно застарѣлое сильное чувство
или давно засѣвшая, нелегкая дума. Глаза глядѣли ровно,
упорно и мрачно.

Правду сказать, у меня мелькнуло-таки желаніе от-
пустить во свояси этого дюжаго возницу и остаться на
ночь въ свѣтлой и теплой горницѣ молокана, но это было
только мгновеніе. Я ошупалъ револьверъ и сѣлъ въ по-
возку. Ямщикъ закрылъ пологъ и неторопливо полѣзъ на
козлы.

— Ну, слышь, «убивецъ», — напутствовалъ насъ ста-
рикъ, — мотри, парень, въ оба. Самъ знаешь...

— Знаю,—отвѣтилъ ямщикъ, и мы нырнули въ тьму ненастной ночи.

Мелькнуло еще два-три огонька разрозненныхъ избе-нокъ. Кое-гдѣ на фонѣ чернаго лѣса клубился въ сыр-омъ воздухѣ дымокъ, и искры вылетали и гасли, точно таяли во мракѣ. Наконецъ, послѣднее жильё осталось сзади. Вокругъ была лишь черная тайга, да темная ночь.

Лошади бѣжали ровно и быстро мчали меня къ ро-ковому «логу»; однако до логга оставалось еще верстъ пять, и я могъ на свободѣ обдумать свое положеніе. Какъ это случается иногда въ минуту возбужденія, оно представилось мнѣ вдругъ съ поразительною ясностью. Вспомнивъ хищническія фигуры «баклановъ», таинствен-ность сопровождавшаго ихъ купца, затѣмъ странную не-отвязчивость, съ какою всѣ они слѣдовали за мною, — я пришелъ къ заключенію, что въ логгу меня непремѣнно ожидаетъ какое-нибудь приключеніе. Роль, какую при-метъ при этомъ мой мрачный возница, оставалась для меня загадкой Эдипа.

Загадка эта скоро, однако, должна была разрѣшиться. На освѣтлѣвшемъ нѣсколько, но все еще довольно тем-помъ небѣ выдѣлялся уже хребетъ. На немъ, вверху, шумѣлъ лѣсъ, внизу, въ темнотѣ, плескалась рѣчка. Въ одномъ мѣстѣ большая черная скала торчала кверху. Это и былъ «Чортовъ-палецъ».

Дорога жалась надъ рѣчкой, къ горамъ. У «Чортова-пальца» она отбѣгала подальше отъ хребта и на нее выходилъ изъ ложбины проселокъ. Это было самое опас-ное мѣсто, прославленное многочисленными подвигами

рыцарей сибирской ночи. Узкая, каменная дорога не допускала быстрой ѣзды, а кусты скрывали до времени нападеніе. Мы подъѣзжали къ ложбинѣ. «Чортовъ - палець» надвигался на насъ, все выростая вверху, во мракѣ. Тучи пробѣгали надъ нимъ и, казалось, задѣвали за его вершину.

Лошади пошли тихо. Коренная осторожно постукивала копытами, внимательно вглядываясь въ дорогу. Пристяжки жались къ оглоблямъ и пугливо храпѣли. Колокольчикъ вздрагивалъ какъ-то неровно и его тихое потренькиваніе, отдаваясь надъ рѣкой, расплывалось и печально тонуло въ чуткомъ воздухѣ...

Вдругъ лошади остановились. Колокольчикъ порывисто дрогнулъ и замеръ. Я привсталъ. По дорогѣ, межъ темныхъ кустовъ, что-то чернѣло и двигалось. Кусты шевелились.

Ямщикъ остановилъ лошадей какъ разъ вб-ремя: мы избѣгли нападенія сбоку; но и теперь положеніе было критическое. Вернуться назадъ, свернуть въ сторону— было невозможно. Я хотѣлъ уже выстрѣлить на-удачу, но вдругъ остановился.

Громадная фигура ямщика, ставшаго на козлахъ, закрыла кусты и дорогу. «Убивецъ» поднялся, неторопливо передалъ мнѣ вожжи и сошелъ на землю.

— Держи ужд. Не пали!...

Онъ говорилъ спокойно, но въ высшей степени внушительно. Мнѣ не пришло въ голову послушаться; моихъ подозрѣній какъ не бывало; я взялъ вожжи, а угрюмый великанъ двинулся впередъ по направленію къ кустамъ.

Лошади тихо и какъ-то разумно двинулись за хозяиномъ сами.

Шумъ колесъ по каменистой дорогѣ мѣшалъ мнѣ слушать, чтѣ происходило въ кустахъ. Когда мы поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ раньше замѣтно было движеніе, «убивецъ» остановился.

Все было тихо, только вдали отъ дороги, по направленію къ хребту, шумѣли листья и слышался трескъ сучьевъ. Очевидно, тамъ пробирались люди. Передній видимо торопился.

— Костюшка это подлець впереди всѣхъ бѣжить, — сказалъ «убивецъ», прислушиваясь къ шуму. — Э, да одинъ, гляди-ко, остался!

Въ это время изъ-за куста, очень близко отъ насъ, выдѣлилась высокая фигура и какъ-то стыдливо нырнула въ тайгу вслѣдъ за другими. Теперь явственно слышался въ четырехъ мѣстахъ шумъ удалявшихся отъ дороги людей.

«Убивецъ» все такъ же спокойно подошелъ къ своимъ конямъ, поправилъ упряжку, звякнулъ дугой съ колокольчикомъ и пошелъ къ облучку.

Вдругъ на утесѣ, подъ «Пальцемъ», сверкнулъ огонекъ. Грянулъ ружейный выстрѣлъ, наполнивъ пустоту и молчаніе ночи. Что-то шлепнулось въ переплетъ кошовки и шарахнулось затѣмъ по кустамъ.

«Убивецъ» кинулся было къ утесу, какъ разъяренный, взбѣсившійся звѣрь, но тотчасъ же остановился.

— Слышь, Коська, — сказалъ онъ громко, глубоко взволнованнымъ голосомъ, — не дури, я-те говорю. Ежели ты

мнѣ теперича невинную животину испортилъ,—уходи за сто версть, я те достану!...—Не пали, господинъ!—добавилъ онъ сурово, обращаясь ко мнѣ.

— Мотри и ты, «убивецъ»,—послышался отъ утеса чей-то сдержанный, какъ будто не Костюшкинъ голосъ.— Не въ свое дѣло пошто суешься?

Говорившій какъ будто боялся быть услышаннымъ тѣмъ, къ кому обращался.

— Не грози, ваше степенство,—съ презрѣніемъ отвѣтилъ ямщикъ.— Не страшенъ небось, даромъ-что съ бакланами связался!

Черезъ нѣсколько минутъ логъ подѣ «Чортовымъ-пальцемъ» остался у насъ назади. Мы выѣхали на широкую дорогу.

III.

„У б и в е ц ѣ“.

Мы проѣхали версты четыре въ глубокомъ молчаніи. Я обдумывалъ все случившееся; ямщикъ только перебиралъ вожжи, спокойно понукая или сдерживая своихъ коней. Наконецъ, я заговорилъ первый:

— Ну, спасибо, пріятель! Безъ тебя мнѣ, пожалуй, пришлось бы плохо.

— Не на чемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ не на чемъ? Эти молодцы, видно, народъ отчаянный...

— Отчаянный, это вѣрно!

— А ты ихъ знаешь?

— Костюшку знаю... Да его, варвара, почитай всякая собака знаетъ... Купца тоже ранѣе примѣчалъ... А вотъ того, который остался, не видалъ будто... Вишь ты, понадѣялся на Костюшку, остался. Да нѣтъ, Костюшка, братъ, не того десятка... Завсегда убѣгётъ въ первую голову... А этотъ смѣлый...

Онъ помолчалъ.

— Не бывало этого ранѣе, никогда не бывало,—заговорилъ онъ опять тихо, покачивая головой.—Костюшка его откуда ни то раздобылъ... Скликаеть воронья на мою голову, проклятый...

— А почему они тебя такъ боятся?

Ямщикъ ухмыльнулся.

— Боятся, вѣрно это!... Уложилъ я у нихъ тутъ одного...

Онъ остановилъ лошадей и повернулся на козлахъ.

— Погляди,—сказалъ онъ,—вотъ онъ, логъ-то, виднѣется,—погляди, погляди!... Тутъ вотъ, въ этомъ самомъ логу, я одного человѣка убилъ...

Мнѣ показалось, что, когда онъ высказывалъ это признаніе, голосъ его дрожалъ; мнѣ показалось также, что я вижу въ его глазахъ, слабо освѣщенныхъ мерцаніемъ востока, выраженіе глубокой тоски.

Повозка стояла на гребнѣ холма. Дорога шла на западь. Сзади за нами, на свѣтлѣющемъ фонѣ востока, вырисовывалась скалистая масса, покрытая лѣсомъ; громадный камень, точно поднятый палецъ, торчалъ кверху. Чортовъ логъ казался близехонько.

На вершинѣ холма насъ обдавало предъутреннимъ вѣт-

ромъ. Озябшія лошади били копытами и фыркали. Коренная рванула впередъ, но ямщикъ мгновенно осадилъ всю тройку; самъ онъ, перегнувшись съ облучка, все смотрѣлъ по направленію къ догу.

Потомъ онъ вдругъ повернулся, собралъ вожжи, приподнялся на козлахъ и крикнулъ... Лошади сразу подобрались, подхватили съ мѣста, и мы помчались съ вершины холма подъ гору.

Это была бѣшеная скачка. Лошади прижали уши и пелись, точно въ смертельномъ страхѣ, а ямщикъ то и дѣло приподнимался и безъ слова помахивалъ правою рукой. Тройка какъ будто чуяла, хотя и не могла видѣть этихъ движеній... Земля убѣгала изъ-подъ колесъ; деревья, кусты бѣжали на-встрѣчу и будто падали за нами назадъ, скошенныя бѣшенымъ вихремъ...

На ровномъ мѣстѣ мы опять поѣхали тише. Отъ лошадей валилъ паръ. Коренная тяжело дышала, а пристяжки вздрагивали, храпѣли и водили ушами. Поменьку онѣ, однако, становились спокойнѣе. Ямщикъ опустилъ вожжи и ласково ободрялъ коней...

— Тише, милья, тише!... Не бойся.... Вотъ вѣдь лошадь, — повернулся онъ ко мнѣ, — безсловесная тварь, а тоже вѣдь понимаетъ... Какъ на *уоръ* этотъ выѣхали, да оглянулись, — не удержишь... Грѣхъ чуютъ...

— Не знаю, — сказалъ я, — можетъ оно и такъ; да только на этотъ разъ ты вѣдь самъ ихъ погналъ.

— Погналъ нешто? Ну, можетъ, и впрямь погналъ. Эхъ, баринъ! Кабы зналъ ты, что у меня нѣ сердцѣ-то...

— Что-жь? Ты расскажи, такъ узнаю...

«Убивецъ» потупился.

— Ладно,—сказалъ онъ, помолчавъ,—разскажу тебѣ...
Эхъ, милыя! ступай, ступай, не бойся...

Лошади застучали по мягкой дорогѣ ровною, частою рысцой.

... Видишь ты... Было это давно... Оно хоть и не очень давно,—ну, да воды-то утекло много. Жизнь моя совсѣмъ по иному пошла, такъ вотъ поэтому и кажется все, что давно это было. Крѣпко меня люди обидѣли.—начальники. А тутъ и Богъ, вдобавокъ, убилъ: жена молодая да сынишко въ одинъ день померли. Родителей не было,—остался одинъ-одинѣшенекъ на свѣтѣ: ни у меня родныхъ, ни у меня друга. Попъ—и тотъ послѣднее имѣніе за похороны прибралъ. И сталъ я тогда задумываться. Думалъ, думалъ и, наконецъ того, пошатился въ вѣрѣ. Въ старой-то пошатился, а новой еще не обрѣлъ. Конечно, дѣло мое темное. Грамотѣ обученъ плохо; разуму своему тоже не вовсе довѣряю... И взяла меня отъ этихъ мыслей тоска, то есть такая тоска страшная, что, кажется, радъ бы на бѣломъ свѣтѣ не жить... Бросилъ я избу свою, какое было еще хозяйствишко—все кинулъ... Взялъ про запасъ полушубокъ, да порты, да сапоги-пару, вырѣзалъ въ тайгѣ посошокъ и пошелъ...

— Куда?

— Да такъ, никуда. Въ одномъ мѣстѣ поживу, за хлѣбъ поработаю—поле вспашу хозяину, а въ другое—къ жатвѣ поспѣваю. Гдѣ день проживу, гдѣ недѣлю, а

гдѣ и мѣсяць; и все смотрю, какъ люди живутъ, какъ Богу молятся, какъ вѣруютъ... Праведныхъ людей искалъ.

— Что же, нашель?

— Какъ сказать тебѣ?... Конечно, всякіе тоже люди есть, и у всякаго, братецъ, свое горе. Это вѣрно. Ну, только все же плохо, братецъ, въ нашей сторонѣ люди Бога-то помнятъ. Самъ тоже понимаешь: такъ ли бы жить-то надо, если по Божьему закону?... Всякъ о себѣ думаетъ, была бы мамона сыта. Ну, что еще: который грабитель въ кандалахъ закованъ идетъ, и тотъ не настоящій грабитель... Правду ли я говорю?

— Пожалуй... Ну, и что же?

— Ну, еще пуще сталъ на міру тосковать... Вижу, что толку нѣту,—мечусь, все равно какъ въ лѣсу... Теперь, конечно, маленько понятіе имѣю, да и то... Ну, а тогда вовсе сталъ безъ ума. Надумалъ, напримѣръ, въ арестанты поступить...

— Это какъ же?

— А такъ, очень просто: назвался бродягой,—и посадили. Вродѣ крестъ на себя наложилъ...

— Что-жь, легче ли стало отъ этого?

— Какой-те легче! Конечно, глупость одна. Ты вотъ, можеть, въ тюрьмѣ не бывалъ, такъ не знаешь, а я довольно узналъ, каковъ это есть монастырь. Главное дѣло—безъ пользы всякой живутъ люди, безъ работы. Суется это онъ изъ угла въ уголь, да пакость какую ни есть и надумаетъ. На скверное слово, на отчаянность—самый скорый народъ, а чтобъ о душѣ поду-

мать, о Богѣ тамъ,—это за большую рѣдкость, и даже еще смѣются... Вижу я, что, по глупости своей, не въ надлежащее мѣсто попалъ, и объявилъ свое имя, сталъ изъ тюрьмы проситься. Не пускають. Справки пошли, то, другое... Да еще говорятъ: какъ смѣлъ на себя самовольно этокое званіе принять?... Истомили въ конецъ. Не знаю ужъ, что-бъ и было со мной, да вышелъ тутъ случай... И плохо мнѣ отъ этого самаго случая пришлось... ну, а безъ него-то, пожалуй, было бы еще хуже..

Прошелъ какъ-то по тюрьмѣ говоръ: Безрукаго, молъ, покаянника опять въ острогъ приведутъ. Слышу я разговоры эти: кто говорить «правда», другіе спорятся, а мнѣ, признаться, въ ту пору и не къ чему было: вѣдутъ, такъ вѣдутъ. Мало ли каждый день приводятъ? Пришли это изъ городу арестантики, говорятъ: «Вѣрно. Подъ строгимъ конвоемъ Безрукаго водятъ. Къ вечеру безпремѣнно въ острогъ». «Шпанка» *) на дворъ повалила, — любопытно. Вышелъ и я погулять тоже: не то чтобы любопытно было, а такъ, больше съ тоски, все, бывало, по двору суешься. Только я сталъ ходить, да и задумался было опять, и о Безрукомъ забылъ совсѣмъ. Вдругъ отворяютъ ворота, смотрю — вѣдутъ старика. Старичонка-то маленькій, худенькій, борода сѣдая болтается, длинная; идетъ, самъ пошатывается, — ноги не держать. Да и рука одна безъ дѣйствія виситъ. А, между прочимъ, пятеро конвою съ нимъ и еще штыки къ нему приставили. Какъ увидѣлъ я это, такъ меня да-

*) Шпанкой на арестантскомъ жаргонѣ зовутъ сѣрую арестантскую массу.

же шáтнуло. «Господи, думаю, чего только дѣлають! Неужли-жь человѣка этакъ водить подобаетъ, будто тигру какую? И диви бы еще богатырь какой, а то вѣдь старичокъ ничтожный, недѣля до смерти ему!...»

Взяла меня страшная жалость. И что больше смотрю, то больше сердце у меня разгорается. Провели старика въ контору; кузнеца позвали—ковать въ ручные и ножные кандалы, накрѣпко. Взялъ старикъ желѣзы, покрестилъ старымъ крестомъ, самъ на ноги надѣлъ. «Дѣлай!»—говорить кузнецу. Потомъ «наручни» покрестилъ, самъ руки продѣлъ.—«Сподоби, говорить, Господи, покаянiя ради!»

Ямщикъ замолчалъ и опустилъ голову, какъ будто переживая въ воспоминанiи рассказанную сцену. Потомъ, тряхнувъ головой, заговорилъ опять:

— Прельстилъ онъ меня тогда, истинно тебѣ говорю: за сердце взялъ. Удивительное дѣло! Послѣ-то я его хорошо узналъ: чистый дьяволъ, прости Господи, сому-ститель и врагъ. А какъ могъ изъ себя святого представить! Вѣдь и теперь, какъ вспомню его молитву, все не вѣрится: другой человѣкъ тогда былъ, да и только.

Да вѣдь и не я одинъ. Повѣришь ли, «шпанка» тюремная—и та притихла. Смотрять всѣ, молчать. Которые раньше насмѣхались, и тѣ примолкли, а другой даже и крестное знаменiе творить. Вотъ, братъ, какое дѣло!

Ну, а ужъ меня онъ прямо руками взялъ. Потому какъ былъ я въ то время въ задумчивости, вродѣ

оглашеннаго, и взопло мнѣ въ голову, что есть этотъ старикъ истинный праведникъ, какіе встарину бывали. Ни съ кѣмъ я въ ту пору не то что дружбу водить, а даже не разговаривалъ. Я ни къ кому и ко мнѣ никто. Иной разъ и слышу тамъ разговоры ихніе, да все мимо ушей, точно вотъ мухи жужжать... Что ни надумаю,—все про себя; худо ли, хорошо ли,—ни у кого не спрашивалъ. Вотъ и задумалъ я къ старику къ этому въ «секретную» пробраться; подошелъ случай, сунулъ часовымъ по пятаку, они я пропустили, а потомъ и такъ стали пускать, даромъ. Глянулъ я къ нему въ оконце, вижу: ходитъ старикъ по камерѣ, желѣзы за нимъ волочатся, да все что-то самъ себѣ говорить. Какъ увидѣлъ меня, повернулся и подходитъ къ дверямъ. «Что надо?»—Ничего, говорю, не надо, а такъ... навѣстить пришелъ. Чай одному-то скучно.—«Не одинъ я здѣсь, отвѣчаетъ, а съ Богомъ, съ Богомъ-то не скучно, а все же доброму человѣку радъ». А я стою передъ нимъ дуракъ-дуракомъ, онъ даже удивляется; посмотритъ на меня и покачаетъ головой. А разъ какъ-то и говорить: «Отойди-ка, парень, отъ оконца-то, хочу тебя всего видѣть». Отошелъ я маленько, онъ глазъ-то къ дырѣ приставилъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ и говорить: «Что ты за человѣкъ за такой, сказывайся».—Чего сказываться-то,—отвѣчаю ему,—самый потерянный человѣкъ, больше ничего.—«А можно ли, говорить, на тебя положиться? Не обманешь?...»—Никого, молъ, еще не обманывалъ, а тебя и подавно. Что прикажешь, все сдѣлаю вѣрно.—Подумалъ онъ немножко, а потомъ опять гово-

реть: «Нужно мнѣ человѣка на волю спосылать нынче ночью. Не сходишь ли?—Какъ же мнѣ, говорю, откуда выйти?—«Я тебя научу», говоритъ. И точно, такъ научилъ, что вышелъ я ночью изъ тюрьмы, все равно, какъ изъ избы своей. Нашелъ человѣка, котораго мнѣ онъ указалъ, сказалъ ему «слово». Къ утру назадъ. Признаться, какъ сталъ подходить къ острогу, на самой зорькѣ, стало у меня сердце загораться. «Что, думаю, мнѣ за неволя въ петлю лѣзти? Взять да уйти!...» А острогъ-то, знаешь, за городомъ стоитъ. Дорога тутъ пролегла широкая. У дороги на травушкѣ роса блеститъ, хлѣба стоять-наливаются, за рѣчкой лѣсокъ шумитъ маленьчко... Приволье!... А назадъ оглянешься: острогъ стоитъ, точно сычъ, насупившись... Да еще ночью-то, дѣло, конечно, сонное... А вспомнишь, какъ тутъ съ зарей день колесомъ завертится,—просто бѣда! Сердце не терпитъ, такъ вотъ и подмываетъ уйти по дорогѣ на просторъ, да на волюшку...

Однако вспомнилъ про старика своего... «Неужто, думаю, я его обману?» Легъ на траву, въ землю уткнулся, полежалъ маленьчко, потомъ всталъ, да и повернулся къ острогу. Назадъ не гляжу... Подошелъ поближе, поднялъ глаза, а въ башенкѣ, гдѣ у насъ были секретныя камеры, на окошкѣ мой старикъ сидитъ, да на меня изъ-за рѣшотки смотритъ.

Пробрался я днемъ-то въ его камеру, обсказываю все, какъ, значить, его приказаніе исполнилъ. Повеселѣлъ онъ. «Ну, говоритъ, спасибо тебѣ, дитяtko. Сослужилъ ты мнѣ службу, вѣкъ не забуду. А что, парень,—

спрашивает послѣ,—на волю-то небось крѣпко хочется?»
А самъ смѣется.—Такъ, говорю, хочется, смерть!—
«То-то, говоритъ. А за что ты сюда-то попалъ, за какое
качество?»—Никакого, говорю, качества не было. Такъ,
глупость моя, больше ничего.—Покачалъ онъ тутъ го-
ловой.—«Эхъ, говоритъ, посмотрѣть на тебя, парень, и
то обидно. Эдакую тебѣ Богъ далъ силу и года твои,
можно сказать, ужъ не маленькіе, а ты, кромѣ глупостей
этихъ, ничего не знаешь на свѣтѣ. Вотъ сидишь теперь
тутъ... Что толку? На міру, братъ, грѣхъ, на міру и
спасенье»...—Грѣха, отвѣчаю, много.—«А здѣсь мало,
что ли? Да и грѣхи-то здѣсь все безтолковые. Мало ли
ты здѣсь нагрѣшилъ-то, а каешься ли?»—Горько мнѣ;
говорю.—«Горько! А о чемъ—и самъ не знаешь. Не есть
это покаяніе настоящее. Настоящее покаяніе сладко.
Слушай, что я тебѣ скажу, да помни: безъ грѣха одинъ
Богъ, а человѣкъ по естеству грѣшенъ и спасается
покаяніемъ. А покаяніе по грѣхѣ, а грѣхъ на міру.
Не согрѣшишь—и не покаешься, а не покаешься—не спа-
сешься. Понялъ ли?» А я, признаться, въ ту пору не
совсѣмъ его слова понималъ, а только слышу, что слова
хорошія. Притомъ и самъ уже я ранѣе думалъ: какая
есть моя жизнь? Всѣ люди—какъ люди, а я точно и не
живу на свѣтѣ: все равно какъ трава въ полѣ или бы-
лѣшина таежная. Ни тебѣ, ни другимъ.—Это, говорю,
вѣрно. На міру хоть и не безъ грѣха жить, такъ по
крайности жить, чѣмъ этакъ-то маяться. А только какъ
мнѣ жить, не знаю. Да еще когда и изъ острога-то вы-
пустить.—«Ну,—говоритъ старикъ,—это ужъ мое дѣло.

Молился я о тебѣ: дано мнѣ извести изъ темницы душу твою... Обѣщаешь ли меня слушаться,—укажу тебѣ путь къ покаянію».—Обѣщаюсь, говорю.—«И. клянешься?»—И клянусь... Поклялся я клятвой, потому что въ ту пору совсѣмъ онъ завладѣлъ мною; въ огонь прикажи,—въ огонь пойду, а въ воду, такъ въ воду.

Вѣрилъ я этому человѣку. И сталъ было мнѣ одинъ арестантикъ говорить: «Ты, молъ, зачѣмъ это съ Безрукимъ связываешься? Не гляди, что онъ живой на небо паятается: руку-то ему баринъ на разбоѣ пулей прострѣлил!»... Да я слушать не сталъ, тѣмъ болѣе, что и говорилъ-то онъ во хмѣлю, а я пьяныхъ страсть не люблю. Отвернулся я отъ него, и онъ тоже осердился: «Пропадай, говорить, дурья голова!» А надо сказать: справедливый былъ человѣкъ, хоть и пьяница.

Въ скорости Безрукому облегченіе вышло. Перевели его изъ секретной въ общую, съ другими прочими вмѣстѣ. Только и онъ, какъ я же, все больше одинъ. Бывало, начнутъ арестанты приставать, шутки шутить, онъ хоть бы те слово въ отвѣтъ. Поведеть только глазами, такъ тутъ самый отчаянный опѣшить. Не хорошо смотрѣлъ онъ...

Ну, а еще черезъ малое время—и совсѣмъ освободился. Гулялъ я разъ, лѣтнее дѣло, по двору; смотрю, засѣдатель въ контору прошелъ, потомъ провели къ нему Безрукаго. Не прошло полчаса, выходитъ Безрукой съ засѣдателемъ на крыльцо, въ своей одеждѣ, какъ есть на волю выправился, веселый. И засѣдатель тоже смѣется. «Вотъ, вѣдь, думаю, привели человѣка съ какимъ

отягченіємъ, а, между прочимъ, вины за нимъ не имѣется». Жалко мнѣ, признаться, стало,—тоска. Вотъ, молю, опять одинъ останусь. Только оглядѣлся онъ по двору, увидѣлъ меня и манить къ себѣ пальцемъ. Подошелъ я, снялъ шапку, поклонился начальству, а Безрукой-то и говорить:

— Вотъ, ваше благородіе, нельзя ли этого парня обсудить поскорѣе? Вины за нимъ большой нѣту.

— А какъ тебя звать-то?—спрашиваетъ засѣдатель.

— Федоромъ, молю, зовутъ, Силинымъ.

— А, говорить, помню. Что-жь, это можно. И судить его не надо, потому что за глупость не судятъ. Вывести за ворота, да дать по шеѣ разѣ, чтобъ напредки не въ свое мѣсто не совался, только и всего. А между прочимъ, справки-то, кажись, давно у меня получены. Черезъ недѣлю непременно отпущу его...

— Ну, вотъ, и отлично,—говоритъ Безрукой.—А ты, парень,—отозвалъ онъ меня къ сторонкѣ,—какъ ослобонишься, ступай на Кильдѣвскую заимку, спроси тамъ хозяина Ивана Захарова; я ему о тебѣ поговорю, дятко; да клятву-то помни.

И ушли они. А черезъ недѣлю, точно, и меня на волю отпустили. Вышелъ я изъ острога и тотчасъ отправился въ эти вотъ самыя мѣста. Разыскалъ Ивана Захарова. Такъ и такъ, говорю, меня Безрукой прислалъ.—«Знаю, говорить. Сказывалъ объ тебѣ старикъ. Что-жь, становись пока въ работники ко мнѣ, тамъ увидимъ».—А самъ-то, молю, Безрукой гдѣ же находится?—«Въ от-

лучкѣ, говорить, — по дѣламъ онъ все ѣздить. Никакъ скоро будетъ».

Вотъ и сталъ я жить на заимкѣ—работникомъ не работникомъ, — такъ живу, настоящаго дѣла не знаю. Семья у нихъ небольшая была. Самъ хозяинъ, да сынъ большой, да работникъ... Я четвертый. Ну, бабы еще, да Безрукой наѣзжалъ. Хозяева—люди строгіе, старовѣры, законъ соблюдаютъ; табаку, водки—ни-ни! А работникъ Кузьма—тотъ у нихъ полоумный какой-то былъ, лохматый да черный, какъ эѳіопъ. Чуть, бывало, колокольчикъ забрякаетъ, онъ сейчасъ въ кусты и захоронится. А Безрукаго-то пуще всѣхъ боялся. Издали, бывало, завидитъ, тотчасъ бѣгомъ въ тайгу, и все въ одно мѣсто прятался. Зовутъ хозяева, зовутъ,—не откликается. Пойдетъ къ нему самъ Безрукой, слово скажетъ, онъ и идетъ за нимъ, какъ овечка, и все опять справляетъ, какъ надо.

Наѣзжалъ Безрукой на заимку-то не часто и со мною почитай-что не разговаривалъ. Бесѣдуетъ, бывало, съ хозяиномъ, да на меня смотреть, какъ я работаю; а подойдешь къ нему,—все некогда. «Погоди, говорить, дитятко, ужъ на заимку перейду, тогда поговоримъ. Теперь недосугъ». А мнѣ тоска. Хозяева, положимъ, работой не притѣсняли, пища хорошая, слова дурного не слыживалъ. Съ проѣзжающими и то посылали рѣдко. Все больше либо самъ хозяинъ, либо сынъ съ работникомъ, особливо ночью. Ну, да мнѣ безъ работы-то еще того хуже. Пуще дума одолѣваетъ, мѣста себѣ не найду...

Прошло никакъ недѣль пять, какъ я изъ тюрьмы

вышелъ. Приѣзжаю разъ вечеромъ съ мельницы; гляжу: народу у насъ въ избѣ много... Распрѣгъ коня; только хочу на крылецъ идти,—хозяинъ мнѣ на-встрѣчу. «Не ходи, говоритъ, погоди малость, самъ позову. Да слышь!—не ходи, я тебѣ говорю». Что же, думаю себѣ, за оказія такая? Повернулся я, пошелъ къ сѣновалу. Легъ на сѣно,—не спится. Вспомнилъ, что топоръ у меня около ручья оставленъ. Сходить, думаю: станетъ народъ расходиться, какъ бы кто не унесъ. Пошелъ мимо оконъ, да какъ-то и глянулъ въ избу. Вижу: полна изба народу, за столомъ засѣдатель сидитъ; водка передъ нимъ, закуска, перо, бумага,—слѣдствие, однимъ словомъ. А въ сторонѣ-то, на лавкѣ, Безрукой сидитъ. Ахъ ты Господи!... Точно меня обухомъ по головѣ шибануло!.. Волосы у него на лобъ свѣсились, руки назадъ связаны, а глаза точно угли.. И такой онъ мнѣ страшный тогда показался, сказать не могу...

Отшатнулся я отъ окна, отошелъ къ сторонкѣ.. Осенью дѣло это было. Ночь стояла звѣздная, да темная. Никогда мнѣ, кажется, ночи этой не забыть будетъ. Рѣчка это плещется, тайга шумитъ, а самъ я точно во снѣ. Сѣлъ я на бережку, на травѣ, дрожу весь... Господи!..

Долго ли, коротко ли сидѣлъ, только слышу: кто-то идетъ изъ тайги тропочкой мимо, въ бѣломъ пинжакѣ, въ фуражкѣ, палочкой помахиваетъ. Писарь... верстахъ въ четырехъ жилъ. Прошелъ онъ по мостику и прямо въ избу. Потянуло тутъ и меня къ окну: чтѣ будетъ?

Писарь вошелъ въ двери, снялъ шапку, смотритъ

кругомъ. Самъ, видно, не зная, зачѣмъ позвала. Потомъ пошелъ къ столу мимо Безрукаго и говорить ему: «Здравствуй, Иванъ Алексѣвичъ!» Безрукой его такъ и опалилъ глазами, а хозяинъ за рукавъ дернулъ, да шепнулъ что-то. Писарь, видно, удивляется. Подошелъ къ засѣдателю, а тотъ уже порядочно выпивши, смотреть на него мутными глазами, точно съ просонья. Поздоровались. Засѣдатель и спрашиваетъ:

— Знаете вы этого человѣка? — самъ въ Безрукаго пальцемъ тычетъ.

Посмотрѣлъ писарь, съ хозяиномъ переглянулся.

— Нѣтъ, говорить, не видывалъ будто.

Что такое, думаю, за оказія? Вѣдь и засѣдатель-то его хорошо знаетъ.

Потомъ засѣдатель опять:

— Это не Иванъ Алексѣевъ, здѣшній житель, по прозванію Безрукой?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ писарь, — не онъ.

Взялъ засѣдатель перо, написалъ что-то на бумагѣ и сталъ вычитывать. Слушаю я за окномъ, дивлюсь только. По бумагѣ-то выходитъ, что самый этотъ старикъ Иванъ Алексѣевъ не есть Иванъ Алексѣевъ; что его сосѣди, а также и писарь не признаютъ за таковое лицо, а самъ онъ именуетъ себя Иваномъ Ивановымъ и пачпортъ кажетъ. Вотъ вѣдь удивительное дѣло! Сколько народу было, всѣ руки прикладывали, и ни одинъ его не призналъ. Правда, и народъ тоже подобрали на тотъ случай: всѣ эти понятые у Ивана Захарова чуть не кабальные, въ долгу.

Кончили это дѣло, понятыхъ отпустили... Безрукаго засѣдатель развязать велѣлъ еще раньше. Иванъ Захаровъ выносить деньги, даетъ засѣдателю; тотъ сосчиталъ, сунулъ въ карманъ. «Теперь, говоритъ, тебѣ, старикъ, безпремѣнно мѣсяца на три уѣхать надо. А не уѣдешь, — смотри — на меня не пеняй... Ну, лошадей мнѣ да-вайте!...»

Отошелъ я отъ окна, прошелъ на сѣноваль, думаю, сейчасъ кто-нибудь къ лошадямъ выйдетъ. Не хотѣлось мнѣ, чтобъ меня подъ окномъ-то увидали. Лежу на сѣнѣ, спать не сплю, а все будто сонъ вижу, съ мыслями не могу собраться... Слышу — проводили засѣдателя. Побрякалъ колокольцами, уѣхалъ... Въ домѣ всѣ улеглись, огни погасли. Сталъ было и я дремать, да вдругъ это слышу опять: динь, динь, динь! Колокольчикъ звенить. А ночь-то тихая-претихая, далеко слышно. И все это ближе, да ближе: изъ-за рѣки къ намъ будто ѣдутъ. Малое время спустя и въ избѣ колокольчикъ-то услышали, огонь вздули. Тройка на дворъ вѣхала. Знакомый ямщикъ проѣзжающихъ привезъ, — значить, по дружбѣ; мы къ нему возили, онъ къ намъ.

Ну, думаю себѣ, можетъ, ночевать стануть. Да и то: ночью рѣдко меня посылали; больше самъ хозяинъ, либо сынъ да работникъ. Сталъ я опять дремать, да вдругъ слышу: Безрукой съ хозяиномъ тихонько подъ навѣсомъ разговариваютъ.

— Ну, какъ же быть?—старикъ-то говорить.—Да гдѣ же Кузьма?

— То-то вотъ,—хозяинъ отвѣчаетъ.—Иванъ съ засѣ-

дателемъ уѣхаль, а Кузьма, какъ народъ увидалъ, такъ сейчасъ тѣку. И въ кустахъ его, слышь, нѣту. Дуракъ парень этотъ. Совсѣмъ, кажись, ума рѣшился.

— Ну, а Ѳедоръ?—старикъ опять спрашиваетъ; это ужь про меня.

— Ѳедоръ, молъ, вечеръ съ мельницы пріѣхаль, хотѣлъ въ избу идти, да я не пустилъ.

— Хорошо, говорить, надо быть спать завалился. Ничего не видаль?

— Надо полагать — ничего. Прямо на сѣноваль ушелъ.

— Ну, ладно. Пустить его, видно, сегодня въ дѣло...

— Ладно ли будетъ?—говорить Захаровъ.

— Ничего, ладно. Парень этотъ простой, а сила въ немъ чудесная; и меня слушаетъ, — кругомъ пальца его оберну. И то сказать: я вѣдь въ самомъ дѣлѣ теперича на полгода ѣду, а парня этого надо къ дѣлу приспособить.

— Все же будто сумнительный человекъ, — говоритъ Захаровъ.— Не по уму онъ мнѣ что-то, даромъ что дурачкомъ глядитъ.

— Ну, ну, — старикъ отвѣчаетъ.— Знаю я его. Простой парень. Намъ этакихъ и надо. А ужь Кузьму какъ-нибудь сбывать придется. Какъ бы чего не напрокудиль.

Стали меня окликать: Ѳедоръ, а Ѳедоръ! А у меня духу нѣтъ отвѣтить. Молчу. Полѣзъ старикъ на сѣноваль, оцупаль меня. «Вставай, Ѳедоружко! — говорить, да таково ласково. — Ты, спрашиваетъ, спалъ ли?» —

Спаль, говорю... «Ну, говорить, дитячко, вставай, запрягай коней; съ проѣзжающими поѣдешь. Помнишь ли, въ чемъ клялся?» — Помню, говорю. А у самого зубы-то щелкають, дрожь по тѣлу идетъ, холодъ. «Можетъ,—говоритъ старикъ, — подошло твое время. Слушайся, что я прикажу. А пока—запрягай-ка проворнѣй,—проѣзжающіе торопятся»...

Вытащилъ я изъ-подъ навѣса телѣгу, захомуталь коренную, сталъ запрягать, а сердце такъ и стучить, такъ и колотится. И все думаю, не сонное ли, молъ, все это видѣніе?

Безрукой, гляжу, тоже коня сѣдлаетъ, а конекъ у него послушный былъ, какъ собачонка. Одною рукой онъ его сѣдлалъ. Сѣлъ потомъ на него, сказалъ ему слово тихонько, конь и пошелъ со двора. Запрѣгъ я коренную, вышелъ за ворота, гляжу: Безрукой рысцой уже въ тайгу въѣзжаетъ. Мѣсяць-то хоть не взошелъ еще, а все же видно маленько. Скрылся онъ въ тайгу и у меня на сердцѣ-то полегчало будто.

Подалъ я лошадей. Въ избу меня проѣзжающіе позвали, барыня молодая, да трое ребятъ, малъ-мала-меньше. Старшему-то четыре годика, а младшей самой дѣвчкѣ года два, не болѣе. И куда только, думаю, тебѣ горемычной экое мѣсто ѣхать доводится, да еще одной, безъ мужа? Барыня-то тихая, привѣтная. Посадила меня за столъ, чаемъ напоила. Спрашиваетъ, какія мѣста, нѣтъ ли шалостей?—Не слыхивалъ, говорю, а самъ думаю: охъ, родная! боишься ты, видно. Да и какъ ей, бѣдной, не бояться: клади съ ней много, богато ѣдетъ, да еще

съ ребятами; материнское сердце—въщунъ. Тоже, видно, неволюшка гонить.

Ну, сѣли они, поѣхали. До свѣту еще часа два оставалось. Выѣхали на дорогу, съ версту этакъ проѣхали; гляжу: пристяжка у меня шарахнулась. Что, думаю, такое тутъ? Остановилъ коней, оглядываюсь: Кузьма изъ кустовъ ползеть на дорогу. Всталъ обокъ дороги, смотреть на меня, самъ лохмами своими трясеть, смѣется про себя. Фу ты, окаянная сила! У меня и то кошки по сердцу скребнули, а барыня моя, гляжу, ни жива, ни мертва... Ребята спятъ, сама не спитъ, мается. На глазахъ слезы. Плачетъ... «Боюсь я, говорить, всѣхъ васъ боюсь...»—Что ты, говорю, Христось съ тобой, милая. Или я душегубъ какой?... Да вы почто же ночевать-то не остались?... — «Тамъ-то, говорить, еще того хуже. Прежній ямщикъ сказалъ: къ ночи въ деревню прїѣдемъ, а самъ въ глухую тайгу завезъ на займку. У старика-то, -- говорить барыня, — пуще всѣхъ глаза нехорошіе...»—Ахъ ты, Господи, думакъ, чтò мнѣ теперича съ нею дѣлать? Убивается, бѣдная. — Что-жь, говорю, теперича, какъ будете: назадъ ли вернетесь, или дальше поѣдемъ? Хожу я кругъ ея, — не знаю какъ и утѣшить, потому жалко. А тутъ еще и логъ этотъ недалеко; съ проселку на него въѣзжать приходилось, мимо «Камня». Вотъ видитъ она, что и самъ я съ нею опѣшилъ, и засмѣялась: «Ну, садись, говорить, поѣзжай. Не вернусь я назадъ: тамъ страшно... Съ тобой лучше поѣду, потому что лицо у тебя доброе». Теперъ это, братецъ, люди меня боятся, «убивцемъ» зовутъ, а тогда

я все одно какъ младенецъ былъ, печати этой каино-вой на мнѣ еще не было.

Повеселѣлъ и я съ нею. Сѣлъ на козлы. «Давай, — говоритъ моя барыня, — станемъ разговаривать». Спрашиваетъ про меня, и про себя сказываетъ, ѣдетъ къ мужу. Сосланный мужъ у нея, изъ богатыхъ. «А ты, говоритъ, у этихъ хозяевъ давно ли живешь: въ услуженіи ли, какъ ли?»—Въ услуженіи, говорю, недавно нанялся.—«Что, молъ, за люди?»—Люди, говорю, ничего... А впрочемъ, кто ихъ знаетъ. Строгіе... водки не пьютъ, табаку не курятъ. — «Это, говоритъ, пустяки одни, не въ этомъ дѣло». — А какъ же, говорю, жить-то надо? Вижу я: она хоть баба, да съ толкомъ; не скажетъ ли мнѣ чего путнаго? «Ты, спрашиваетъ, грамотный ли?»—Маленечко, молъ, учился. — «Какая, говоритъ, ббольшая заповѣдь въ Евангеліи?» — Большая, молъ, заповѣдь — любовь!—«Ну, вѣрно. А еще сказано: больше той любви не бываетъ, если кто душу готовъ отдать за други своя! Вотъ тутъ и весь законъ. Да еще умъ, говоритъ, нуженъ, — значить, разсудить: гдѣ польза, а гдѣ пользы нѣту. А персты эти, да табакъ тамъ — это одна наружность...» — Ну, правда твоя, отвѣчаю. А все же и строгости маленько не мѣшаетъ, чтобъ человѣкъ во всякое время помнить.

Ну, разговариваемъ этакъ, ѣдемъ себѣ не торопясь. Къ тайгѣ пріѣхали, къ рѣчущкѣ. Перевозъ тутъ. Рѣчка въ малую воду узенькая: паромъ толканешь, онъ ужъ и на другой сторонѣ. Перевозчиковъ и не надо. Ребятка проснулись, продрали глазенки-то, глядятъ: ночь-ночью.

Лѣсъ это шумить, звѣзды на небѣ, луна только передъ свѣтомъ подымается... Ребятамъ-то и любо... Извѣстное дѣло—несмысли!

Ну, только, братецъ, въѣхали въ тайгу, — меня точно по сердцу-то холодомъ обмахнуло. Гляжу: впереди по тропочкѣ ровно бы кто на вершной бѣжить. Явственно-то не видно, а такъ кажется, будто сѣрый конекъ Безрукаго, и топотокъ слышно. Упало у меня сердце: что, моль, это такое будетъ? Зачѣмъ старикъ сюда въѣхалъ? Да еще клятву мнѣ напомнилъ ранѣе... Не къ добру... Задумался я... Страхъ передъ старикомъ разбираетъ. Прежде любилъ я его, а съ этого вечера страсть бояться сталъ; какъ вспомню, какіе глаза у него были, такъ дрожь и пройдетъ, и пройдетъ по тѣлу.

Примолкъ я; думать ничего не думаю и не слышу ничего. Барыня моя слово-другое скажетъ, — я все молчу. Стихла и она, бѣдная... Сидитъ...

Мѣсто пошло узкое, темное мѣсто. Тайга самая злющая, чернь. А на душѣ у меня тоже черно, просто сказать—чернѣе ночи. Сижу самъ не свой. Кони дорогу знаютъ, бѣгутъ къ «Камню» этому, — я и не правлю. Подъѣзжаемъ, — такъ и есть... Стоить на дорогѣ сѣрый конекъ, старикъ на немъ сидитъ, глаза у него, — вѣришь ли Богу, — какъ угли... Я и вожжи-то выпустилъ изъ рукъ. Кони вплоть подѣхали къ сѣрому, стали сами собой. «Федоръ! — старикъ говорить, — сойди-ка на землю!» Сошелъ я съ кóзель, послушался его; онъ тоже съ сѣдла слѣзаетъ. Конька-то своего сѣраго поперекъ дороги передъ тройкой поставилъ. Стоять мои кони, ни одинъ

не шелохнется. Я тоже стою, как околдованный. Подошелъ онъ ко мнѣ, говорить что-то, за руку взялъ, ведетъ къ кошовкѣ. Гляжу: въ рукѣ у меня топорь!...

Иду за нимъ... и словъ у меня супротивъ его, душегуба, нѣту, и силъ моихъ нѣту противиться. «Согрѣши, говорить, а послѣ спокаешься...» Больше не помню. Подошли мы вплоть къ кошовушкѣ... Онъ сталъ обокъ. «Начинай!—говорить.—Сначала бабу-то по лбу!»—Глянулъ я тутъ въ кошовку... Господи Боже! Барыня-то моя сидитъ, какъ голубка ушибленная, ребятокъ руками кроетъ, сама на меня большими глазами смотреть. Сердце у меня повернулось... Ребятки тоже проснулись, глядятъ, точно пташки. Понимаютъ ли, нѣтъ ли...

И точно я съ этого взгляду отъ сна какого прокинулся. Отвелъ глаза, подымаю топорь... А у самого сердце-то закипаетъ... Посмотрѣлъ на Безрукаго, дрогнулъ онъ... А у меня въ сердцѣ одна злоба. И знаю, что сейчасъ страшное дѣло сдѣлаю, а жалости нѣту писколько. Посмотрѣлъ въ другой разъ на старика: глаза у него зеленые, такъ и забѣгали... Испужался, мечется передо мной, какъ змѣя. Поднялась у меня рука, размахнулся... состонать не успѣлъ старикъ, повалился мнѣ въ ноги, а я его, братаецъ, мертваго... ногами... Самъ звѣремъ сталъ, прости меня, Господи Боже!...

Разскащикъ тяжело перевелъ духъ.

— Что же послѣ?—спросилъ я, видя, что онъ замолкъ и задумался.

— Ась?—откликнулся онъ.—Да, послѣ-то? Ну, топчу это его, измываюсь надъ мертвымъ, вдругъ смотрю: ска-

четь къ намъ Иванъ Захаровъ на вершной, въ рукахъ ружье держить. Подскакаль вплоть; я къ нему... Лежать бы и ему рядомъ съ Безрукимъ, ужъ это вѣрно, да, спасибо, самъ догадался. Какъ глянулъ на меня,— повернулъ коня, да давай его ружейнымъ прикладомъ по бокамъ нахлестывать. Тутъ у него меренокъ чело-вѣческимъ голосомъ взвыль, право, да какъ взвѣется подъ нимъ, что твоя птица!

Опомнился я... Не гляжу на людей... Сѣлъ на козлы, коней хлеснулъ... ни съ мѣста... Глядь, а сѣрый конекъ все поперекъ дороги стоитъ. Я про него и забыль. Вотъ вѣдь, дьяволь, какъ былъ приучень! Перекрестился я. Видно, думаю, и животину дьявольскую тутъ же уложить придется. Подошелъ къ коньку: стоитъ онъ, только ухи прядеть. Дернулъ я за поводъ, упирается. Ну, говорю, выходи, барыня, изъ кошовки, какъ бы не разнесли кони-то съ испугу, потому что онъ вплоть передъ ними стоитъ. Барыня, что твой ребенокъ послушный, выходитъ... Ребята повылѣзли, къ матери жмутся. Страшно и имъ, потому мѣсто глухое, темное, а тутъ еще я съ дьяволами съ этими возжаюсь.

Спятилъ я свою тройку, взялъ опять топоръ-то въ руки, подхожу къ сѣрому.—Иди, говорю, съ дороги,— убью! Повель онъ ухомъ однимъ. Не иду, молъ... Ахъ ты!... Потемнѣло у меня въ глазахъ, волосы подъ шапкой такъ и встають... Размахнулъ изо всей силы, брякъ его по лбу... Скричалъ онъ легонько, да и свалился, протянулъ ноги... Взялъ я его за ноги, сволокъ къ хозяину и положилъ рядомъ, обокъ дороги. Лежите!...

— Садитесь!—говорю барынь. Посадила она младших-то ребятъ, а старшенькаго не сдюжаетъ...—«Помоги», говоритъ. Подошелъ я; мальчонко-то руки ко мнѣ тянетъ. Только хотѣлъ я взять его, да вдругъ вспомнилъ...—Убери, говорю, младенца-то подальше. Весь я въ крови, не гоже ему касаться...

Кое-какъ усѣлись. Тронулъ я... Храпятъ мои кони, не идутъ... Что тутъ дѣлать?... Посади-ко,—говорю опять,—младенца на козлы.—Посадила она мальчонку, держитъ его руками. Хлеснулъ я вожжой,—пошли, такъ и несутся... Вотъ какъ теперь же, самъ ты видѣлъ. Отъ крови бѣгутъ...

На утро доставилъ я барыню въ управу, въ село. Самъ повинился. «Берите меня, я человѣка убил!» Барыня рассказываетъ все какъ было. «Онъ меня спасъ», говоритъ. Связали меня. Ужь плакала она, бѣдная. «За что же, говоритъ, вы его вяжете? Онъ доброе дѣло сдѣлалъ, моихъ ребятъ отъ злодѣевъ защитилъ». Да и бѣдовая же! Видитъ, что никто на ея слова вниманія не беретъ, кинулась ко мнѣ, давай развязывать сама. Тутъ ужъ я ее остановилъ...—Брось, говорю, не твое дѣло. Теперь ужъ дѣло-то людское, да Божье. Виноватъ ли я, правъ ли,—разсудитъ Богъ, да добрые люди...—«Да какая же, говоритъ, можетъ быть вина твоя?»—Гордость моя, отвѣчаю. Черезъ гордость я и къ злодѣямъ этимъ попалъ самовольно. Отъ міру отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ. Анъ вотъ онъ, свой-то совѣтъ, и довелъ до душегубства...

Ну, отступилась, послушалась меня. Стала уѣзжать,

подошла ко мнѣ прощаться, обняла... «бѣдный ты!»... Ребятокъ обнимать заставляеть.—Что-ты?—говорю.—Не скверни младенцевъ. Душегубъ вѣдь я...—Опасался признаться, что дѣтки и сами грѣха моего заботятся. Да нѣтъ, поднесла она маленькихъ, старшенькій самъ подошелъ. Какъ обвился мальчонко вокругъ шеи моей руками,—не выдержалъ я, заревѣлъ. Слезы такъ и бѣгутъ. Ну, и добрая же душа у бабы этой!... Можетъ, за ея добрую душу и съ меня Господь грѣха моего не взыщетъ...

— Если,—говорить она,—есть на свѣтѣ сколько-нибудь правды, мы ее для тебя добудемъ. Вѣкъ тебя не забуду! И точно, не забыла. Самъ знаешь суды-то наши... волокита одна! Держали бы меня въ острогѣ и по сю пору, да ужъ она съ мужемъ меня бумагами оттуда добыли.

— А все-таки продержали тебя въ острогѣ?

— Держали спервоначалу, и даже порядочное время. Главная причина—черезъ деньги. Послала мнѣ барыня денегъ полтысячи и письмо мнѣ съ мужемъ написали. Какъ пришли деньги эти, и сейчасъ мое дѣло зашевелилось. Пріѣзжаетъ засѣдатель, вызвалъ меня въ контору. «Ну, говорить, дѣло твое у меня. Много ли дашь, я тебя вовсе оправлю?»

Ахъ ты, думаю, твое благородіе!... За что деньги просить! Суди ты меня строго-на-строго, да чтобъ я твой законъ видѣлъ,—я тебѣ въ ноги поклонюсь. А онъ на-ко!—за деньги..

— Ничего, говорю, не дамъ. По закону судите, чему я теперича подверженъ...

Смѣется:—Дуракъ ты, я вижу, говорить. По закону твое дѣло въ двухъ смыслахъ выходитъ. Законъ на полкѣ лежитъ, а я между прочимъ—власть. Куда захочу, туда тебя и суну.

— Это, молъ, какъ же такъ выйдеть?

— А такъ, говорить. Глупъ ты! Послушай вотъ: ты въ этомъ разѣ барыню-то съ ребятами защитилъ?

— Ну, молъ, что дальше-то?

— Ну, защитилъ. Можно это къ добродѣтели твоей приписать? Вполнѣ, говорить, можно, потому что это доброе дѣло. Вотъ тебѣ одинъ смыслъ.

— А другой, молъ, какой будетъ?

— Другой-то? А вотъ какой: посмотри ты на себя, какой ты есть дѣтина. Вѣдь супротивъ тебя старикъ— все одно какъ ребенокъ. Онъ тебя сомущать, а ты бы ему благороднымъ манеромъ ручки-то назадъ, да къ начальству. А ты, не говоря худого слова, баць!... и свалилъ. Это надо приписать къ твоему самоуправству, потому что такъ не полагается. Понялъ?

— Понялъ, говорю. Нѣтъ у васъ правды! Ничего тебѣ отъ меня не будетъ. Вишь судья какой нашелся! Разсудилъ!...

Осердился онъ.

— Хорошо же, молъ. Я тебя, голубчика, пока еще судъ да дѣло, въ острогѣ сгною.

— Ладно, говорю, не грози.

Вотъ и сталъ онъ меня гноить, да вишь ты, барыня-

то не отступилась, нашла ходы. Пришла откуда-то такая бумага, что засѣдатель мой ажъ завертѣлся. Призвалъ меня въ контору, кричалъ, кричалъ, а наконецъ того взялъ, да въ тотъ же день и отпустилъ. Вотъ и вышелъ я безъ суда... Самъ теперь не знаю... Сказываютъ люди, будутъ и у насъ суды правильные, вотъ я и жду: привелъ бы Богъ у присяжныхъ судей обсудиться, какъ они скажутъ.

— А что же Иванъ-то Захаровъ?

— А Иванъ Захаровъ безъ вѣсти пропалъ. У нихъ, слышь, съ Безрукимъ-то уговоръ былъ: ѣхать Захарову за мной невдалекѣ. Ежели, значить, я на душегубство согласія не дамъ, тутъ бы меня Захарову изъ ружья стрѣлять. Да, вишь, Богъ-то судилъ иначе... Прискакалъ къ намъ Захаровъ, а дѣло-то у меня ужъ кончено. Онъ и испужался. Сказывали люди опосля, что прибѣжалъ онъ тогда на займку и сейчасъ сталъ изъ земли деньги свои копать. Выкопалъ, да какъ былъ, никому не сказавшись,—въ тайгу... А на зарѣ взяло займку огнемъ. Самъ ли какъ-нибудь заронилъ, а то, сказываютъ, Кузьма пѣтуха пустилъ, неизвѣстно. Только какъ полыхнуло на зорькѣ, къ вечеру угольки одни остались. Пошло все гнѣздо варваровъ прахомъ. Бабы и сейчасъ по міру ходятъ, а сынъ—на каторгѣ. Откупиться-то стало ужъ нечѣмъ.

— Тпру, милыя!... Приѣхали, слышь, слава-те Господи!... Вишь ты, и солнышко Божье какъ разъ подымается...

IV.

Сибирскій волтеріанецъ.

Прошло около мѣсяца. Покончивъ съ дѣлами, я опять возвращался въ губернский городъ на почтовыхъ и около полудня пріѣхалъ на N-скую станцію.

Толстый смотритель стоялъ на крылечкѣ и дымилъ сигарой.

— Вамъ лошадей?—спросилъ онъ, не давъ мнѣ еще и поздороваться.

— Да, лошадей.

— Нѣтъ!

— Э, полноте, Василій Ивановичъ! Я вѣдь вижу...

Дѣйствительно, подъ навѣсомъ стояла тройка въ шлеяхъ и хомутахъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ затѣмъ серьезно.—Вамъ теперь, вѣроятно, не къ спѣху... Пожалуйста, я васъ прошу: погодите!

— Да зачѣмъ же? Ужь не губернатора ли дожидаетесь?

— Губернатора!—засмѣялся Василій Ивановичъ.—Куда махнули! И всего-то надворнаго совѣтника, да ужь очень хочется мнѣ этого парня уважить, право... Вы не обижайтесь, я и вамъ тоже всею душой. Но вѣдь я вижу: вамъ не къ спѣху, а тутъ, можно сказать, инте-

ресь гуманности, правосудія и даже спасенія чловѣчества.

— Да что у васъ съ правосудіемъ тутъ? Какія дѣла завязались?

— А вотъ погодите, расскажу. Да что же вы здѣсь стоите? Заходите-ка, заходите въ мою хибарку.

Я согласился и послѣдовалъ за Васильемъ Ивановичемъ въ его «хибарку», гдѣ за чайнымъ столомъ насъ ждала уже его супруга, полная и чрезвычайно добродушная дама.

— Да, такъ вы насчетъ правосудія спрашивали?— заговорилъ опять Василій Ивановичъ.—Вы фамилію Проскурова слыхали?

— Нѣтъ, не слыхаль.

— Да и чего слыхать-то?—виѣшалась Матрена Ивановна.—Такой же вотъ озорникъ, какъ и мой, и даже въ газетахъ строчить.

— Ну, ужъ это вы напрасно, вотъ ужъ напрасно!— горячо заговорилъ Василій Ивановичъ.—Проскуровъ, матушка моя, чловѣкъ благонадежный, на виду у начальства. Ты еще угоднику моему свѣчку должна поставить за то, что мужъ твой съ такими лицами знакомство ведетъ. Ты что о Проскуровѣ-то думаешь? Какого-нибудь шалопаю сдѣлаютъ развѣ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ?

— Что вы это мелете?—вступился я.—Какіе тутъ слѣдователи, да еще по особо-важнымъ дѣламъ?

— То-то и я говорю,—ободрилась Матрена Ивановна,—врешь ты все, я вижу. Да что я-то, по-твоему, ду-

ра набитая, что ли? Неужто важные-то начальники такіе бываютъ?

— Вотъ вы у меня Матрену Ивановну и смутили,— укориженно покачалъ головой смотритель.— А вѣдь, въ сущности, напрасно. Оно, конечно, по штату такой должности у насъ не полагается, но если человѣкъ, все-таки, ее исполняетъ по особому, такъ сказать, довѣрью, то вѣдь это еще лучше...

— Ничего я тутъ не понимаю,—сказалъ я.

— То-то вотъ. Самы не понимаете, а женщину неопытную смутили! Ну, а слышали вы, что у насъ есть тутъ компанія одна, вродѣ какъ бы на акціяхъ, которая ворочаетъ всѣми дѣлами большихъ дорогъ и темныхъ ночей?... Неужели и этого не слышали?

— Да, слыхалъ, конечно.

— Ну, то-то. Компанія, такъ сказать, всесловная. Дѣло ведется на широкую ногу, подѣ девизомъ: «рука руку моетъ», и даже не чуждается нѣкоторой гласности: по крайней мѣрѣ, всѣ отлично знаютъ о существованіи сего товарищества и даже лицъ въ немъ участвующихъ,—всѣ, кромѣ, конечно, превосходительнаго... Но вотъ недавно какъ-то, послѣ одного блестящаго дѣла, «самого» ослѣнила внезапная мысль: надо, думаетъ, «искоренить». Это, положимъ, бывало и прежде: искореняли сами себя члены компаніи и все обходилось благополучно. Но на этотъ разъ ослѣненіе вышло какое-то удивительное. Очень ужъ изволили сердиться, да и назначили своего чиновника особыхъ порученій, Проскурова, слѣдователемъ, съ самыми широкими полно-

мочіями, по дѣламъ не только уже совершившимся, но и имѣющимъ впредь совершиться, если въ нихъ можно подозрѣвать связь съ прежними.

— Что же тутъ удивительнаго?

— Оно, конечно, Богъ умудряетъ и младенцы. Человѣкъ-то попался честный и энергичный, — вотъ что удивительно! Мѣсяца три ужъ искореняетъ: поднялъ такую возню, не дай Господи! Лошадей однихъ заѣздили около десятка.

— Что же тутъ хорошаго, особенно для васъ?

— Да вѣдь заѣздили-то не Проскуровъ... Этотъ ѣздитъ аккуратно. Земская полиція все за нимъ на обывательскихъ гоняется. Соревнованіе, знаете. Стараются попасть ранѣе на мѣсто преступленія... для пользы службы, конечно. Ну, да рѣдко имъ удается. Проскуровъ у насъ настоящій Лекокъ. Разъ, правда, успѣли одинъ бончикъ ловко у него изъ-подъ носу вытащить... Огорчили бѣднягу до такой степени, что онъ даже въ официальномъ рапортѣ забылся: «стараніемъ, говорить, земскихъ властей приняты были всѣ мѣры къ успѣшному сокрытію слѣдовъ преступленія». Ха-ха-ха!

— То-то вотъ, — сказала Матрена Ивановна, — я и говорю: озорникъ. Одного съ тобой поля ягода-то!...

— Ну, ужъ не озорникъ, — возразилъ Василій Ивановичъ. — Нѣ-ѣтъ! А что разъ промахнулся, такъ это и съ серьезнѣйшими людьми бываетъ. Самъ послѣ увидалъ, что далъ маху. Приступили къ нему; пришлось бѣднягѣ оправдываться опиской... «На предбудущее время, — говорятъ ему, — такихъ описокъ не допускать, подь опа-

сеніемъ отставки по разстроенному здоровью». Чудаць!
Ха-ха-ха!

— Ну, а вы-то тутъ при чемъ?—спросилъ я.

Василій Ивановичъ принялъ комически-серьезный видъ.

— А я, видите ли, содѣйствую. У насъ тутъ,—спросите вотъ у Матрены Ивановны,—настоящій заговоръ, тайное сообщество. Онъ искореняетъ, а я ему, знаете ли, лошадокъ всегда наготовѣ держу. Взять хоть сегодня: тамъ, гдѣ-то по тракту убійство и его человѣчекъ къ нему съ извѣстіемъ поскакалъ. Ну, значить, и самъ искоренитель скоро явится; вотъ у меня лошади въ хомутахъ, да и на другихъ станкахъ просилъ пріятелей приготовить. Вотъ оно и выходитъ, что на скромномъ смотрительскомъ мѣстѣ тоже можно человѣчеству оказывать не маловажныя услуги, д-да-съ...

Подъ конецъ этой тирады веселый смотритель опять не выдержалъ серьезнаго тона и захохоталъ.

— Погодите,—сказалъ я ему.—Вы все смѣтаете. Скажите-ка мнѣ серьезно: сами-то вы вѣрите въ эту искоренительную миссію, или только наблюдаете?

Василій Ивановичъ крѣпко затянулся сигарой и замолчалъ.

— Представьте,—сказалъ онъ довольно серьезно,—вѣдь я еще и самъ не предлагалъ себѣ подобнаго вопроса. Погодите, дайте подумать... Да нѣтъ, какая къ чорту тутъ миссія! Загремитъ онъ скоро кверху тормашками, это вѣрно. А типъ, я вамъ скажу, интереснѣйшій! Да вотъ вамъ примѣръ: вѣдь оказывается, въ суц-

ности, что я въ успѣхъ его дѣла не вѣрю; иногда смѣшонъ мнѣ этотъ искоренитель до послѣдней крайности, а содѣйствую и даже, если хотите, Матрена Ивановна права: возбуждаю противъ себя «настоящее» начальство. Изъ-за чего же? Да и я ли одинъ? Вездѣ у него есть свои люди... «сочувствующіе». Въ этомъ его сила, конечно. Только... странно, что, кажется, никто въ его успѣхъ не вѣритъ. Вотъ вы слышали: Матрена Ивановна говоритъ, что «настоящіе начальники не такіе бывають». Это отголоски общественнаго мнѣнія. А между тѣмъ, пока этотъ младенецъ ломить впередъ, «высоко держа знамя», какъ говорится въ газетахъ, всякій человѣкъ съ капелькой души, или просто лично не заинтересованный, старается мимоходомъ столкнуть съ его пути одинъ, другой камешекъ, чтобы младенецъ не ушибся. Ну, да это, конечно, не поможетъ.

— Но почему? При сочувствіи населенія, въ этомъ случаѣ даже прямо заинтересованнаго?

— То-то вотъ. Сочувствіе это какое-то не вполне доброкачественное. Сами вы увидите, можетъ-быть, какое это чадо. Претъ себѣ безъ всякой «политики» и горюшка мало, что его бука съѣсть. А сторонній человѣкъ смотритъ и головой качаетъ: «съѣдятъ, молъ, младенца ни за грошъ!» Ну, и жалко. «Погоди-ка, — говоритъ сторонній человѣкъ, — я вотъ тутъ тебѣ дорожку прочищу, а ужъ дальше съѣсть тебя бука, какъ пить дастъ». А онъ идетъ, ничего! Поймите вы, чтó значить сочувствіе, если нѣтъ вѣры въ успѣхъ дѣла? Тутъ, молъ, надо начальника пастоящаго, мудраго, яко

змій, чтобы, знаете, этими обходцами ползать умѣль, величіе бы являль, гдѣ надо, а гдѣ надо — и взяточкой бы не побрезгаль, — безъ этого какой ужъ и начальник! Ну, тогда могла бы явиться и вѣра: «этотъ, моль, скрутить!» Только... чортъ возьми! тогда не было бы сочувствія, потому что все дѣло объяснялось бы столкновіемъ «начальственныхъ» интересовъ... Вотъ тутъ и поди!... Э-эхъ, сторона наша, сторонушка!... Давайте-ка лучше чай пить!

Василій Ивановичъ круто оборвалъ и повернулся на стулѣ.

— Наливай, Матрѣнчикъ, чаю, — сказалъ онъ какъ-то мягко женѣ, слушавшей все время съ большимъ интересомъ рѣчи супруга. — А прежде, — обратился онъ ко мнѣ, — не дернуть ли намъ по первой?...

Василій Ивановичъ и самъ представлялъ тоже одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ, какіе, кажется, встрѣчаются только въ Сибири; по крайней мѣрѣ, въ одной Сибири вы найдете такого философа гдѣ-нибудь на почтовомъ станкѣ, въ должности смотрителя. Еще еслибы Василій Ивановичъ былъ «изъ сосланныхъ», то это было бы не удивительно. Здѣсь не мало людей, которыхъ колесо фортуны, низвергну съ извѣстной высоты, зашвырнуло въ мѣста отдаленныя и которые здѣсь начинаютъ вновь карабкаться со ступеньки на ступеньку, внося въ эти «низменныя» сферы не совсѣмъ обычныя въ нихъ приемы, образованіе и культуру. Но Василій Ивановичъ, наоборотъ, за свое вольнодумство спускался

медленно, но вѣрно, съ верхнихъ ступеней на нижнія. Онъ относился къ этому съ спокойствіемъ настоящаго философа. Получивъ подъ какими-то педагогическими вліяніями, тоже нерѣдкими въ этой «ссылной странѣ», съ ранней юности, вкусы и склонности интеллигентнаго чловѣка, онъ дорожилъ ими всю жизнь, пренебрегая внѣшними удобствами. Кромѣ того, въ немъ сидѣлъ художникъ. Когда Василій Ивановичъ бывалъ въ ударѣ, его можно было заслушаться до того, что вы забывали и дорогу, и спѣшное дѣло. Онъ сыпалъ анекдотами, разсказами, картинами; передъ вами проходила цѣлая панорама чисто-мѣстныхъ типовъ своеобразной и забытой реформой страны: всѣ эти засѣдатели, голодные, безпокойно-юркіе и алчные; исправники, отъѣвшіеся и начинающіе ощущать «удовольствіе существованія»; горные исправники, находящіеся на вершинахъ благополучія; совѣтники, старшіе совѣтники, чиновники «всякихъ» порученій... И надъ всѣмъ этимъ міромъ, знакомымъ Василію Ивановичу до мельчайшихъ закоулковъ, царило благодущіе и величіе мѣстныхъ юпитеровъ, съ демонстративно-помпадурскою грозой и съ младенчески-наивнымъ невѣдѣніемъ страны, съ кругозоромъ петербургскихъ департаментскихъ канцелярій и властью могущественнѣйшихъ сатраповъ. И все это въ разсказахъ Василія Ивановича освѣщалось тѣмъ особеннымъ внутреннимъ чувствомъ, какое кладетъ истинный художникъ въ изображеніе интересующаго его предмета. А для Василія Ивановича его родина, которую онъ рисовалъ такими часто непривлекательными красками, составляла

предметъ глубоко интересный. Интеллигентный человекъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, онъ съ полнымъ правомъ могъ примѣнить къ себѣ стихъ поэта:

„Люблю я родину, но странною любовью!“

И онъ дѣйствительно любилъ ее, хоть эта плохо оцененная любовь и вела его къ постепенной, какъ онъ выражался, «деградации». Когда, послѣ одного изъ крушеній, вызванныхъ его обличительнымъ зудомъ, ему предложили довольно порядочное мѣсто въ Россіи, онъ, немного подумавъ, отвѣтилъ предлагавшему:

— Нѣтъ, батюшка, спасибо вамъ, но я не могу... Не могу-съ!... Что мнѣ тамъ дѣлать? Все чужое. Помилуйте, да мнѣ и выругать-то тамъ будетъ некого.

Вообще, когда мнѣ приходится слышать или читать сравненіе Сибири съ дореформенною Россіей,—сравненіе, которое одно время было въ такомъ ходу, — мнѣ всегда приходитъ на умъ одно рѣзкое различіе. Различіе это воплощается въ видѣ толстой фигуры моего юмориста-пріятели. Дѣло въ томъ, что у дореформенной Россіи не было сосѣдства Россіи же реформированной, а у Сибири есть это сосѣдство, и оно порождаетъ то ироническое отношеніе къ своей родной дѣйствительности, которое вы можете встрѣтить въ Сибири даже у людей не особенно интеллигентныхъ. Нашъ російскій Сквозникъ-Дмухановскій, въ простотѣ своей душевной непосредственности, полагалъ, что «такъ ужъ самимъ Богомъ установлено и волтеріанцы напрасно противъ этого вооружаются». Сибирскій же Сквозникъ видѣлъ упраздненіе

своего російскаго прототипа, видѣлъ торжество волтеріанцевъ, и его непосредственность давно уже утрачена. Онъ рветъ и мечетъ, но въ свое провиденціальное назначеніе не вѣритъ. Пойдутъ одни «вѣянія», — онъ радуется; пойдутъ другія, — онъ впадаетъ въ уныніе и скрежещетъ. Правда, къ отчаянію всегда примѣшивается частица надежды: «авось и на этотъ разъ пронесетъ еще мимо»; за то и ко всякой надеждѣ примѣшивается горькое сомнѣніе: «надолго ли?» Ибо «рубятъ лѣсъ за Ураломъ, а въ Сибирь летятъ щепки». А тутъ еще въ сторонкѣ стоитъ свой родной «волтеріанецъ» во фризовой шинели и улыбается: «что, молъ, батюшка, покуда еще Богъ грѣхамъ терпитъ, ась?» — да втихомолку строчить корреспонденціи въ російскія безцензурныя изданія.

— Кстати, — спросилъ у меня Василій Ивановичъ, когда послѣ чаю мы закурили сигары, продолжая свою бесѣду:— вы мнѣ вѣдь еще не рассказали, что такое случилось съ вами, тотъ разъ, въ логу?

Я рассказалъ все уже извѣстное читателю.

Василій Ивановичъ сидѣлъ задумчиво, рассматривая кончикъ нагорѣвшей сигары.

— Да, — сказалъ онъ, — странные люди...

— Вы ихъ знали?

— Какъ вамъ сказать? Ну, встрѣчалъ, и бесѣдовалъ, и чай, вотъ какъ съ вами, пиваль. А знать... ну, нѣтъ! Засѣдателей вотъ или исправниковъ, быть-можетъ по родственности духа, насквозь вижу, а этихъ понять не могу. Одно только знаю твердо: не одобровать этому

Силипу, — не теперь, так послѣ покончатъ съ нимъ непремѣнно.

— Почему вы думаете?

— Да какъ же иначе? Происшествіе съ вами уже не первое. Во всѣхъ подобныхъ опасныхъ случаяхъ, когда ни одинъ ящикъ не рѣшится везти, обращаются къ этому молодцу, и онъ никогда не откажется. И замѣтите: никогда онъ не беретъ съ собой никакого оружія. Правда, онъ всѣмъ импонируетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уложилъ Безрукаго, его сопровождаетъ какое-то странное обаяніе, и онъ самъ, кажется, тоже ему поддается. Но вѣдь это иллюзія. Поговариваютъ ужъ тутъ разные ребята: «Убивца», молъ, хоть заговоренною пулей, а все же взять можно...» Кажется, упорство, съ какимъ этотъ Константинъ производитъ по немъ свои выстрѣлы, объясняется именно тѣмъ, что онъ запасся такими заговоренными пулями.

V.

«Искоренитель».

Василій Ивановичъ насторожилъ, среди разговора, свои привычныя уши.

— Погодите-ка, — сказалъ онъ, — кажется, колокольчикъ... Должно-быть Проскуровъ.

И при этомъ имени Василія Ивановича, очевидно, вновь обуяла его смѣшливая веселость. Онъ быстро подбѣжалъ къ окну.

— Ну, такъ и есть. Катить нашъ искоренитель. Посмотрите-ка, посмотрите: вѣдь это картина. Ха-ха-ха!... Вотъ всегда такъ ѣздить. Аккуратнѣйшій мужчина!

Я подошелъ къ окну. Звонъ колокольчика быстро приближался, но сначала мнѣ видно было только облако пыли, выкатившееся какъ будто изъ лѣсу и бѣжавшее по дорогѣ къ станку. Но вотъ дорога, пролежавшая подъ горой, круто свернула къ станціи, и въ этомъ мѣстѣ мы могли видѣть ѣхавшихъ—прямо и очень близко подъ нами.

Почтовая тройка быстро мчала легонькую таратайку. Изъ-подъ копытъ разгорячившихся коней летѣлъ брызгами щебень и мелкая каменная пыль, но ямщикъ, наклонившись съ облучка, еще погонялъ и покрикивалъ. За ямщикомъ виднѣлась фигура въ форменной фуражкѣ съ кокардой и штатскомъ пальто. Хотя на ухабистой дорогѣ таратайку то и дѣло трясло и подкидывало самымъ жестокимъ образомъ, но господинъ съ кокардой не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Онъ тоже перегнулся, стоя, черезъ облучокъ и, повидимому, тщательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ каждой лошади, контролируя ихъ и слѣдя, чтобы ни одна не отставала. По временамъ онъ указывалъ ямщику, какую, по его мнѣнію, слѣдуетъ подхлестнуть, иногда даже бралъ у него кнутъ и старательно, хоть и неумѣло, подхлестывалъ самъ. Отъ этого занятія, поглощавшаго все его вниманіе, онъ изрѣдка только отрывался, чтобы взглянуть на часы.

Василій Ивановичъ, все время, пока тройка неслась

въ гору, хохоталъ какъ сумасшедшій; но когда колокольчикъ, забившись отчаянно передъ самымъ крыльцомъ, вдругъ смолкъ, смотритель сидѣлъ уже на кушеткѣ и, какъ ни въ чемъ ни бывало, курилъ свою сигару.

Нѣсколько секундъ со двора слышно было только, какъ дышутъ усталыя лошади. Но вдругъ наша дверь отворилась и въ комнату вбѣжалъ новопріѣзжій. Это былъ господинъ лѣтъ 35, небольшого роста, съ несообразно большою головою. Широкое лицо, съ выдававшимися нѣсколько скулами, прямыми бровями, слегка вздернутымъ носомъ и тонко очерченными губами, было почти прямоугольно и дышало своеобразною энергіей. Большіе сѣрые глаза смотрѣли въ упоръ. Вообще фizioномія Проскурова на первый взглядъ поражала серьезностью выраженія, но впечатлѣніе это, послѣ нѣсколькихъ мгновений, какъ-то стиралось. Аккуратныя чиновничьи «котлетки», обрамлявшія гладко выбритыя щеки, приборъ на подбородкѣ, какая-то странная торпливость движеній тотчасъ же примѣшивали къ первому впечатлѣнію комизмъ, который только усиливался отъ контрастовъ, совмѣщавшихся въ этой своеобразной фигурѣ.

Войдя въ комнату, Проскуровъ сначала на мгновеніе остановился, потомъ быстро окинулъ ее взглядомъ и, усмотрѣвъ Василю Ивановича, тотчасъ же устремился къ нему.

— Господинъ смотритель!... Василій Ивановичъ, голубчикъ... лошадей!... Лошадей мнѣ, милостивый государь, ради Бога, поскорѣе!

Василій Ивановичъ, развалясь на кушеткѣ, хранилъ холодно-дипломатическій видъ.

— Не могу-сь... Да вамъ, кажется, почтовыхъ и не полагается, а земскія нужны подъ засѣдателя, — онъ скоро будетъ.

Проскуровъ сначала горестно изумился, потомъ вдругъ вспыхнулъ.

— Что вы, что вы это? Вѣдь я прибылъ раньше! Нѣтъ, позвольте-сь... Во-первыхъ, ошибаетесь и насчетъ почтовыхъ; у меня на всякій случай подорожная... Но, кромѣ того, на законномъ основаніи...

Но Василій Ивановичъ уже смѣялся.

— А, чортъ возьми! Вѣчно вы съ вашими шутками, а мнѣ некогда! — досадливо сказалъ Проскуровъ, очевидно, не въ первый разъ попадавшій въ эту ловушку. — Скорѣе, Бога ради, у меня тутъ дѣло!

— Знаю, убійство...

— Да вы почему знаете? — встревожился Проскуровъ.

— Почему знаете! — передразнилъ смотритель. — Да вѣдь засѣдатель-то ужъ тамъ. Отъ него слышалъ.

— Э, врите вы опять, — просіялъ Проскуровъ. — Они-то еще и ухомъ не повели, а ужъ у моихъ, знаете ли, и виновный, то-есть собственно... правильнѣе сказать — подзвѣваемый, въ рукахъ. Это, батюшка, такое дѣльце выйдеть... громчайшее!... Вотъ вы посмотрите, какъ я ихъ тутъ всѣхъ ковырну!

— Ну, ужъ вы-то ковырнете! Смотрите, не ковырнули бы васъ...

Проскуровъ вдругъ встрепенулся. Во дворѣ забрякали колокольцы.

— Василій Ивановичъ,—заговорилъ онъ вдругъ какимъ-то заискивающимъ тономъ,—тамъ, я слышу, запрягаютъ. Это мнѣ, что ли?

При этомъ онъ схватилъ смотрителя за руку и бросилъ тревожный взглядъ въ мою сторону.

— Ну, вамъ, вамъ... успокойтесь! Да что у васъ тамъ въ самомъ-то дѣлѣ?

— Убійство, батюшка! Опять убійство... Да еще какое! Съ явными признаками дѣятельности извѣстной вамъ шайки. У меня тутъ нити. Если не ошибаюсь, тутъ нѣсколько такихъ хвостиковъ прищепить можно... Ахъ, ради Бога, поскорѣ!...

— Сейчасъ. Да гдѣ же это случилось?

— Все въ этомъ же логу проклятомъ. Взорвать бы это мѣсто порохомъ, право! Ямщика убили...

— Что такое? Ужъ не ограбленіе ли почты?

— Э, нѣтъ, «вольнаго».

— «Убивца»?—вскрикнулъ я, пораженный внезапною догадкой.

Проскуровъ обернулся ко мнѣ и впился въ мое лицо своими большими глазами.

— Д-дѣйствительно-съ... убитаго такъ звали. А позвольте спросить: почему это васъ такъ интересуеть?

— Гм...—промычалъ Василій Ивановичъ, и въ глазахъ его забѣгали веселые огоньки.—Допросите-ка его, хорошенечко допросите!

— Я встрѣчался съ нимъ ранѣе.

— Та-акъ-съ... — протянулъ Василій Ивановичъ, — встрѣ-ча-лись... А не было ли у васъ вражды или соперничества, не ожидали ли по покойномъ наслѣдства?

— Да ну васъ, съ вашими шутками! Что за несносный человѣкъ!—досадливо отмахнулся опять Проскуровъ и обратился ко мнѣ:

— Извините, милостивый государь, собственно я все не имѣлъ въ виду привлечь васъ къ дѣлу, но вы понимаете... интересы правосудія...

— Гуманности и спасенія человѣчества, — ввернулъ опять неисправимый смотритель.

— Однимъ словомъ, — продолжалъ Проскуровъ, бросивъ на Василя Ивановича подавляющій взглядъ, — я хотѣлъ сказать, что вниманіе къ интересамъ правосудія обязательно для всякаго, такъ сказать, гражданина. И если вы можете сообщить какія-либо свѣдѣнія, идущія къ дѣлу, то... вы понимаете... однимъ словомъ, обязаны это сдѣлать.

У меня мелькнуло вдругъ смутное соображеніе.

— Не знаю,—отвѣтилъ я,—насколько могутъ способствовать раскрытію дѣла тѣ свѣдѣнія, какія я могу доставить. Но я радъ бы былъ, еслибъ они оказались полезны.

— Превосходно! Подобная готовность дѣлаетъ вамъ честь, милостивый государь. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе?...

Я назвалъся.

— Аеанасій Ивановичъ Проскуровъ, — отрекомендо-

вался онъ въ свою очередь. — Вы вотъ изъявили сейчасъ готовность содѣйствовать правосудію. Такъ вотъ, видите ли, чтобъ ужъ не дѣлать дѣло въ половину, не согласитесь ли вы, милостивый государь... однимъ словомъ... ъхать теперь же со мною?

Василій Ивановичъ захохоталъ:

— Н-ну, ужъ это... я вамъ скажу... Это чортъ знаетъ что такое! Да вы что, арестовать его, что ли, намѣрены?

Проскуровъ быстро и какъ будто сконфуженно схватилъ мою руку...

— Не думайте, пожалуйста, — заговорилъ онъ. — Поищите, какія же основанія...

Я поспѣшилъ его успокоить, что мнѣ вовсе не приходило въ голову ничего подобнаго.

— Да и Василій Ивановичъ, конечно, шутить, — добавилъ я.

— Я радъ, что вы меня понимаете. Мнѣ время дорого; тутъ всего, знаете ли, два перегона. Дорогой вы мнѣ сообщите, что вамъ извѣстно. Да, кстати же, я безъ письмоводителя...

Я не имѣлъ причины отказаться.

— Напротивъ, — сказалъ я Проскурову, — я самъ хотѣлъ просить васъ взять меня съ собою, такъ какъ меня лично крайне интересуеть это дѣло.

Передо мною, точно живой, всталъ образъ «убивца», съ угрюмыми чертами, со страдальческою складкой между бровей, съ затаенною думой въ глазахъ. «Скликать вору на мою головушку, проклятый!» — вспомнилось

мнѣ его тоскливое предчувствіе. Сердце у меня сжалось. Теперь это воронье кружилось надъ его угасшими очами въ темномъ логу, и прежде уже омрачившемъ его чистую жизнь своею зловѣщею тѣнью.

— Эге-ге! — закричалъ вдругъ Василій Ивановичъ, внимательно вглядываясь въ окно. — Аонасіѣ Ивановичъ, не можете ли сказать, кто это ѣдетъ вонъ тамъ подъ самымъ лѣсомъ?

Проскуровъ только взглянулъ въ окно и тотчасъ же устремился къ выходу.

— Поскорѣй, ради Бога, — кинулъ онъ мнѣ на ходу, хватая со стола свою фуражку.

Я тоже наскоро собрался и вышелъ. Въ ту же минуту къ ступенямъ крыльца подкатила ретивая тройка.

Взглянувъ въ сторону лѣса, я увидѣлъ вдали быстро приближавшуюся повозку. Сѣдокъ привставалъ иногда и что-то дѣлалъ надъ спиной ямщика; виднѣлись поднимаемыя и опускаемыя руки. Косвенные лучи вечерняго солнца переливались слабыми искорками въ пуговицахъ и погонахъ.

Проскуровъ расплачивался съ привезшимъ его ямщикомъ. Парень ослабилъ съ довольнымъ видомъ.

— Много довольны, ваше благородіе...

— Сказалъ товарищу, вотъ ему? — ткнулъ Проскуровъ въ новаго ямщика.

— Знаемъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, смотри, — сказалъ слѣдователь, усаживаясь въ повозку. — Приѣдешь въ полтора часа, — получишь рубль, а минутой — понимаешь? — одною только минутой позже...

Тутъ лошади подхватили съ мѣста и Проскуровъ поперхнулся, не докончивъ начатой фразы.

VI.

Е в с ѣ и ч ѣ.

До Б. было версть двадцать. Проскуровъ сначала все посматривалъ на часы, сличая разстояніе, и по временамъ тревожно озирался назадъ. Убѣдившись, что тройка мчится лихо и погони сзади не видно, онъ обратился ко мяѣ:

— Ну-съ, милостивый государь, что же собственно вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Я рассказалъ о своемъ приключеніи въ логу, о предчувствіи ямщика, объ угрозѣ, которую послалъ ему одинъ изъ грабителей, какъ миѣ казалось, — купецъ. Проскуровъ не проронилъ ни одного слова.

— Д-да,—сказалъ онъ, когда я кончилъ.—Все это будетъ имѣть свое значеніе. Ну-съ, а помните ли вы лица этихъ людей?

— Да, за исключеніемъ развѣ купца.

Проскуровъ бросилъ на меня взглядъ, исполненный глубокой укоризны.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ онъ, и въ тонѣ его слышалась горечь разочарованія. — Гм... Конечно, вы не виноваты, но его-то именно вамъ слѣдовало замѣтить. Жаль, очень жаль... Ну, да все же онъ не избѣгаетъ правосудія.

Менѣ чѣмъ въ полтора часа мы были уже на станкѣ. Распорядившись, чтобы поскорѣй запрягали, Проскуровъ приказалъ позвать къ себѣ сотскаго.

Тотчасъ же явился мужичокъ небольшого роста, съ жидкою бородкой и плутоватыми глазами. Выраженіе лица представляло характерную смѣсь добродушія и лукавства, но въ общемъ впечатлѣніе отъ этой фигуры было пріятное и располагало въ пользу ея обладателя. Худой зипунишко и вообще рваная, убогая одежонка не обличали особеннаго достатка. Войдя въ избу, онъ поклонился, потомъ выглянулъ за дверь, какъ бы желая убѣдиться, что никто не подслушиваетъ, и затѣмъ подошелъ ближе. Казалось, въ сообществѣ съ Проскуровымъ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко и даже какъ будто въ опасности.

— Здравствуй, здравствуй, Евсѣичъ!—сказалъ чиновникъ радушно.—Ну, что? Птица-то у насъ не улетѣла?

— Пошто улетитъ?—сказалъ Евсѣичъ, переминаясь.—Сторожимъ тоже.

— Пробовалъ ты съ нимъ заговаривать?... Что говорить?

— Пробовать-то пробовалъ, да, вишь, онъ разговаривать-то не больно охочъ. Перво я къ нему было добромъ, а опосля, признаться, пострадалъ-таки маленько: «Что, молъ, такой-сякой, лежишь, ровно статуя? Знаешь, молъ, кто я по здѣшнему мѣсту?»—«А кто?»—спрашиваетъ.—«Да начальство, молъ, вотъ кто... сотскій!»—«Этакихъ, говорить, начальство въ мы по мордѣ бивали».

Что ты съ нимъ подѣлаешь? Отчаянный!... Извѣстно, жиганъ!

— Ну, хорошо, хорошо!—перебилъ нетерпѣливо Проскуровъ.—Сторожите хорошенько. Я скоро вернусь.

— Не убѣгётъ. Да ёнъ, ваше благородіе,—надо правду говорить,—смирной... Кою-пору все только лежитъ, да въ потолокъ смотреть. Дрыхнетъ ли, такъ ли отлеживается,—шутъ его знаетъ... Разъ только и вставаль-то: поѣсть бы, сказывается, охота. Покормилъ я его маленько, попросилъ онъ еще табачку на цыгарку, да опять и залёгъ.

— Ну, и отлично, братецъ. Я на тебя надѣюсь. Если пріѣдетъ фельдшеръ, посылай на мѣсто.

— Будьте благонадежны. А что я хотѣлъ спросить ваше благородіе?...

Евсѣичъ опять подошелъ къ двери и выглянулъ въ сѣни.

— Ну, что еще?—спросилъ Проскуровъ, направлявшійся было къ выходу.

— Да, значить, теперича такъ мы мекаемъ,—началь Евсѣичъ, политично переминаясь и искоса посматривая на меня,—теперича ежели мужичкамъ на *нихъ* налегнуть, такъ въ самую бы пору... Міромъ, значить, или бы сказать: скопомъ...

— Ну?—сказаль Проскуровъ и нагнулъ голову, чтобы лучше вслушаться въ безсвязное объясненіе мужика.

— Да какъ же, ваше благородіе, сами судите! Терпѣть не можно стало; вѣдь безпокойство! Какую теперича силу взяли, и все ни почему... Теперича хоть бы

самый этот жиганъ... Онъ что такое? Можно сказать— купленный человекъ; больше ничего, что за деньги... Не онъ, такъ другой...

— Справедливо, — поощрилъ Проскуровъ, очевидно, сильно заинтересованный. — Ну, продолжай, братецъ. Ты, я вижу, мужикъ съ головой. Что же дальше?

— Ну, больше ничего, что ежели теперича мужики видѣли бы себѣ подмогу... мы бы, можетъ, супротивъ ихъ осмѣлились... Мало ли теперича за ними качества?... Миръ—великое дѣло.

— Что-жь, помогите вы правосудію и правосудіе вамъ поможетъ, — сказала Проскуровъ не безъ важности.

— Извѣстно, — произнесъ Евсѣичъ задумчиво. — Ну только опять такъ мы, значить, промежду себя мекаемъ: ежели, молъ, теперича вамъ, ваше благородіе, супротивъ начальниковъ не выстоять будетъ, тутъ мы должны все пропасть и съ ребятами. Потому—ихняя сила...

Проскуровъ вздрогнулъ, точно по немъ пробѣжала электрическая искра, и, быстро схвативъ фуражку, выбѣжалъ вонъ. Я послѣдовалъ за нимъ, оставивъ Евсѣича въ той же недоумѣвающей позѣ. Онъ разводилъ руками и что-то бормоталъ про себя.

А Проскуровъ садился въ повозку въ полномъ негодованіи.

— Вотъ такъ всегда!—говорилъ онъ. — Все компромиссы, всюду компромиссы... Обезпечь имъ успѣхъ, тогда и они согласны оказать поддержку правосудію... Что вы на это скажете? Вѣдь это... это-съ—развратъ, накопецъ... Отсутствие сознанія долга...

— Если уж вы обратились ко мнѣ съ этимъ вопросомъ,—сказаль я,—то я позволю себѣ не согласиться съ вами. Мнѣ кажется, они вправѣ требовать отъ «власти» гарантіи успѣха праваго дѣла *на легальномъ пути*. Иначе въ чемъ состоитъ самая идея власти?... Не думаете ли вы, что разъ міру воспрещень самосудъ, то тѣмъ самымъ взяты извѣстныя обстоятельства? И если они не исполняются, то...

Проскуровъ живо повернулся въ мою сторону и, по видимому, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего и глубоко задумался.

Мы отѣхали версть шесть и до лога оставалось не болѣе трехъ, когда сзади послышался колокольчикъ.

— Ага!—сказаль Проскуровъ,—ѣдетъ безъ перепряжки. Ну, да тѣмъ лучше: не успѣеть повидаться съ арестованнымъ. Я такъ и думаль.

VII.

З а с ѣ д а т е л ь .

Солнце задѣло багрянымъ краемъ за черту горизонта, когда мы подѣхали къ логу. Свѣту было еще достаточно, хотя въ логу залегали уже густые вечерніе мѣроки. Было прохладно и тихо. «Камень» молчаливо стоялъ надъ туманами и надъ нимъ подымался полный, хотя еще блѣдный, мѣсяць. Черная тайга, точно закаятая, дремала недвижимо, не шелохнувъ ни одною вѣткой. Тишина нарушалась только звономъ колокольчика,

который гулко носился въ воздухѣ, отдаваемый эхо ущелья. Сзади слышался такой же звонъ, только по-слабѣе.

У кустовъ курился дымокъ. Караульные крестьяне сидѣли вокругъ костра въ угрюмомъ молчаніи. Увидѣвъ насъ, они встали и сняли шапки. Въ сторонкѣ, подъ холщевымъ покрываломъ, лежало мертвое тѣло.

— Здравствуйте, братцы!—сказалъ слѣдователь тихо.

— Здорово, ваше благородіе!—отвѣчали крестьяне.

— Ничего не трогали съ мѣста?

— Ничего, будто... *Ею* маленьчко обрядили: не хорошо, значить... Скотину не тронули.

— Какую скотину?

— Да вѣдь какъ же: Пѣгашку - то пристрѣлили же варвары... На вершней покойникъ-то возвращался.

Дѣйствительно, въ саженьяхъ тридцати, у дороги, виднѣлась убитая лошадь.

Проскуровъ занялся осмотромъ мѣстности, пригласивъ съ собой и караульныхъ. Я подошелъ къ покойнику и поднялъ пологъ съ лица.

Мертвенно-блѣдныя черты были спокойны. Потускнѣвшіе глаза смотрѣли вверхъ, на вечернее небо, и на лицѣ виднѣлось то особенное выраженіе недоумѣнія и какъ будто вопроса, которое смерть напечатлѣваетъ иногда какъ послѣднее движеніе улетающей жизни... Лицо было чисто, не запятнано кровью.

Черезъ четверть часа Проскуровъ съ крестьянами прошелъ мимо меня, направляясь къ перекрестку. На-встрѣчу имъ подѣвжала задняя повозка.

Изъ нея вышелъ немолодой мужчина въ полицейской формѣ и молодой штатскій господинъ, оказавшійся фельдшеромъ.

Засѣдатель, видимо, сильно усталъ. Его широкая грудь работала, какъ кузнечные мѣхи, и все тучное тѣло ходило ходуномъ подъ короткою форменною шинелью довольно изящнаго покроя. Щеки тоже вздувались и опадали, причѣмъ нафабранные большіе усы то подымались концами и становились перпендикулярно, то опять припадали къ ушамъ. Большіе, сѣроватые съ просѣдью и курчавые волосы были покрыты пылью.

— У-уфъ,— заговорилъ онъ, пыхтя и отдуваясь.— За вами, Аванасій Ивановичъ, не поспѣешь. Здравствуйте!

— Мое почтеніе,— отвѣтилъ Проскуровъ.— И напрасно изволите торопиться. Я могъ бы и обождать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ?... У-уфъ!... Служба прежде всего-съ... Не люблю, знаете ли, когда меня дожидаются. Не въ моихъ правилахъ-съ.

Засѣдатель говорилъ сильнымъ армейскимъ басомъ, при звукахъ котораго невольно вспоминается запахъ рому и жуковского табаку. Глаза его, маленькіе, полинявшіе, но все еще довольно живые и бойкіе, бѣгали, между тѣмъ, по сторонамъ, тревожно изслѣдуя обстановку. Они остановились на мнѣ.

— Это мой знакомый,— отрекомендовалъ меня Проскуровъ,— г. NN., временно исполняющій обязанности моего письмоводителя.

— Имѣлъ удовольствіе слышать-съ. Очень пріятно-съ. Отставной штабсъ-капитанъ Безрыловъ.

Безрыловъ поднесъ руку къ козырьку и молодцевато щелкнулъ шпорами.

— Отлично-съ. Теперь мы можемъ приступить къ изслѣдованію. Отдѣлаемъ по-военному, живо, пока еще за-свѣтло. Эй, понятые, сюда!...

Караульные крестьяне приблизились къ начальству и всѣ вмѣстѣ двинулись къ мертвому тѣлу. Первымъ подошелъ очень развязно Безрыловъ и сразу отдернулъ весь пологъ.

Мы всѣ отшатнулись при видѣ открывшейся при этомъ картины. Вся грудь убитаго представляла одну зіяющую рану, прорѣзанную и истыканную въ разныхъ направ-леніяхъ. Невольный ужасъ охватывалъ душу при видѣ этихъ слѣдовъ изступленнаго звѣрства. Каждая рана была бы смертельна, но было очевидно, что большинство изъ нихъ нанесены мертвому.

Даже господинъ Безрыловъ потерялъ всю свою раз-вязность. Онъ стоялъ неподвижно, держа въ рукѣ конецъ полога. Его щеки побагровѣли, а концы усовъ угрожаю-ще торчали, какъ два копыя.

— Ррак-ка-льи!—произнесъ онъ, наконецъ, и какъ-то глубоко вздохнулъ.

Быть - можетъ въ этомъ вздохѣ сказалось сожалѣніе о томъ, что для господина Безрылова нѣтъ уже возврата съ пути укрывательства и потачекъ.

Онъ тихо закрылъ пологъ и обратился къ Проскуро-ву, который, между тѣмъ, устался на него своими упорными глазами.

— Пожалуйста, — попросилъ засѣдатель, опуская гла-

за,—опишемъ при вскрытіи, завтра... Теперь изслѣдуемъ обстановку и перенесемъ тѣло въ Б.

— А тамъ произведемъ допросъ арестованному по этому дѣлу,—сказалъ Проскуровъ жестко.

Глаза Безрылова забѣгали, какъ два затравленные звѣрька.

— Арестованнаго? — переспросилъ онъ. — У васъ есть уже и арестованный?... Какъ же мнѣ... какъ же я ничего не зналъ объ этомъ?

Онъ былъ жалокъ, но тотчасъ же попытался оправиться. Кинувъ быстрый, враждебный взглядъ на крестьянъ и на своего ямщика, онъ обратился опять къ Проскурову.

— Вотъ и отлично-съ. У васъ дѣло кипитъ въ рукахъ... зам-мѣ-чательно!...

VIII.

„Иванъ тридцати восьми лѣтъ“.

Около полуночи, отдохнувъ нѣсколько и напившись чаю, чиновники приступили къ слѣдствію.

Въ довольно просторной комнатѣ, за столомъ, уставленнымъ письменными принадлежностями, помѣстился по серединѣ Проскуровъ. Его нѣсколько комичная подвижность исчезла; онъ сталъ серьезенъ и важенъ. Справа усѣлся Безрыловъ, успѣвшій совершенно оправиться и вновь приобрѣвшій свою армейскую развязность. Во время короткаго роздыха онъ умылся, нафабрилъ усы

и взбилъ свои сѣдоватыя кудри. Вообще, Безрыловъ сталъ бодръ и великолѣпенъ. Похлебывая густой чай изъ стоявшаго передъ нимъ стакана, онъ посматривалъ на слѣдователя съ снисходительною улыбкой. Я усялся на другомъ концѣ стола.

— Прикажете ввести арестованнаго, — сказалъ Проскуровъ, подымая глаза отъ листа бумаги, на которомъ онъ быстро писалъ форму допроса.

Безрыловъ кивнулъ только головой и Евсѣичъ бросился вонъ изъ избы.

Черезъ минуту входная дверь отворилась и въ ней рѣзко обрисовалась высокая фигура того самаго мужчины, котораго я видѣлъ, съ Костюшкой на перевозѣ, задумчиво слѣдящимъ за облаками.

Входя въ комнату, онъ слегка запнулся за порогъ, оглядѣлъ то мѣсто, за которое задѣлъ, потомъ вышелъ на середину и остановился. Его походка была ровна и спокойна. Широкое лицо, съ грубоватыми, но довольно правильными чертами, выражало полное равнодушіе. Глубые глаза были нѣсколько тусклы и неопредѣленно смотрѣли впередъ, какъ будто не видя ближайшихъ предметовъ. Волосы подстрижены въ скобку. На новой ситцевой рубахѣ виднѣлись слѣды крови.

Проскуровъ передалъ мнѣ «форму» и, подвинувъ перо и чернильницу, приступилъ къ обычному опросу:

— Какъ зовутъ?

— «Иванъ тридцати восьми лѣтъ».

— Гдѣ имѣете мѣсто жительства?

— Безъ пріюту... въ бродяжествѣ...

— Скажите, Иванъ тридцати восьми лѣтъ, вами ли совершено сего числа убійство ямщика Ѳедора Михайлова?

— Такъ точно, ваше благородіе, моя работа... Что ужь, видимое дѣло...

— Молодець!—одобрилъ бродягу Безрыловъ.

— Что-жь, ваше благородіе, затѣмъ чинить напрасную проволочку?... Не отопрешься.

— А по чѣму наученію или подговору?—продолжалъ слѣдователь, когда первые отвѣты были записаны. — И откуда у васъ тѣ пятьдесятъ рублей тридцать двѣ копѣйки, которые найдены при обыскѣ?

Бродяга вскинулъ на него своими задумчивыми глазами.

— Ну, ужь это,—отвѣтилъ онъ,—ты, ваше благородіе, лучше оставь! Ты свое дѣло знаешь,—ну, и я свое тоже знаю... Самъ по себѣ работалъ, больше ничего... Я, да темная ночка, да тайга-матушка—самъ-третей!...

Безрыловъ крикнулъ и съ наслажденіемъ отхлебнулъ сразу полстакана, кидая на Проскурова насмѣшливый взглядъ. Затѣмъ онъ опять уставился на бродягу, видимо любясь его образцовою тюремною выправкой, какъ любитъся служака-офицеръ на браваго солдата.

Проскуровъ оставался спокоенъ. Видно было, что онъ и не особенно рассчитывалъ на откровенность бродяги.

— Ну, а не желаете ли сказать, — продолжалъ онъ свой допросъ, — почему вы такъ звѣрски изрѣзали убитаго вами Ѳедора Михайлова? Вы имѣли противъ покойнаго личную вражду или ненависть?

Допрашиваемый смотрѣлъ на слѣдователя съ недоумѣніемъ.

— Пырнулъ я его ножикомъ разъ и другой... Болѣе, кажись, не было... Свалился онъ...

— Десятникъ, — обратился Проскуровъ къ крестьянину, — возьмите свѣчу и посвѣтите арестанту. А вы взгляните въ ту комнату.

Бродяга все тою же ровною походкой подошелъ къ двери и остановился. Крестьянинъ, взявъ со стола одну свѣчу, вошелъ въ сосѣднюю горницу.

Вдругъ жиганъ вздрогнулъ и отшатнулся. Потомъ, взглянувъ съ видимымъ усиліемъ еще разъ въ томъ же направленіи, онъ отошелъ къ противоположной стѣнѣ. Мы всѣ слѣдили за нимъ въ сильнѣйшемъ волненіи, которое какъ будто передавалось намъ отъ этой мощной, но теперь сломленной и подавленной фигуры.

Онъ былъ блѣденъ. Нѣкоторое время онъ стоялъ опустивъ голову и опершись плечомъ о стѣну. Потомъ онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на насъ смутнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ваше благородіе... хрестьяне православные, — заговорилъ онъ умоляющимъ тономъ, — не дѣлалъ я этого... Вѣрьте совѣсти — не дѣлалъ!... Со страху нешто, не помню... Да нѣтъ, не можетъ этого быть...

Вдругъ онъ оживился. Глаза его въ первый разъ сверкнули.

— Ваше благородіе! — заговорилъ онъ рѣшительно, подходя къ столу, — пишите: Костюшка это сдѣлалъ, — Костянкинъ — рваная - ноздря!... Онъ, безпремѣнно онъ,

подлецъ!... Никто, какъ онъ, человѣка этакъ испакостилъ. Его дѣло... Все одно: товарищъ, не товарищъ — знать не хочу!... Пишите, ваше благородіе!...

При этой неожиданной вспышкѣ откровенности Прокуровъ быстро выхватилъ у меня перо и бумагу и приготовился записывать самъ. Бродяга тяжело и какъ будто съ усиліемъ сталъ развертывать передъ нами мрачную драму.

Онъ бѣжалъ изъ Н-скаго острога, гдѣ содержался за бродяжество, и нѣкоторое время слонялся «безъ дѣла», пока судьба не столкнула его, въ одномъ «заведеніи», съ Костюшкой и его товарищами. Тутъ въ первый разъ услышалъ онъ разговоръ про покойнаго Михалыча. «Убивецъ», молъ, такой человѣкъ, его ничѣмъ не возьмешь: ни ножомъ, ни пулей, потому что заколдованъ». — «Пустое дѣло, господа,—я говорю,—не можетъ этого быть. Всякаго человѣка желѣзомъ возьмешь». — «А вы, спрашиваютъ, кто такіе будете, какого роду-племени?» — «А это, говорю, дѣло мое. Острогъ—мнѣ батюшка, а тайга — моя матушка. Тутъ и родъ, тутъ и племя, а что не люблю слушать, когда, напримѣръ, пустяки этикіе говорятъ... вотъ что!» Ну, слово за слово, разговорились, приняли они меня въ компанію свою, полуштофъ поставили, потомъ Костинкинъ и говоритъ: «Ежели вы, говорить, человѣкъ благонадежный, то не желаете ли съ нами *на фартъ* *) идти?» — «Пойду», говорю. — «Ладно, молъ, намъ человѣкъ нужень. Днемъ ли, ночью

---

*) *Фартъ* по-сибирски—удача, дѣло, обещающее выгоду.

ли, а ужъ въ логу безпремѣнно дѣло сдѣлать надо, потому что капиталы повезетъ тутъ господинъ изъ городу большіе. Только смотри, говорить, не хвастаешь ли? Ежели съ другимъ ямщикомъ господинъ этотъ поѣдетъ, сдѣлаемъ дѣло, раздуваемъ честь честью... Ну, а ежели «убивецъ» опять повезетъ,—мотри, убѣгѣшь».—«Не будетъ этого, говорю, чтобъ я убѣгъ».—«Ну, ладно, молъ; ежели имѣешь въ себѣ такой духъ, то будешь счастливый человекъ,—за «убивца» можешь себѣ награду получить большую...»

— Награду? — переспросилъ Проскуровъ. — Отъ чего же?

— Ты вотъ что, господинъ,—сказалъ бродяга,—ты слушай меня, пока я говорю, а спрашивать будешь послѣ... Ну, признаться сказать, на первый-то разъ убѣгъ я, испужался. Главная причина—товарищи выдали. Идетъ на насъ Михалычъ, стыдно сказать, съ кнутикомъ, а Костинкинъ съ ружьемъ въ первую голову убѣжалъ. Ну, подался и я, сробѣлъ... Да онъ же, подлець, потомъ первый на смѣхъ меня поднялъ. Язвительный онъ, Костинкинъ то-есть. «Ладно, говорю, идемъ опять. Да смотри, Костюшка, убѣгѣшь ежели,—самъ живъ отъ меня не останешься!»—Три дня мы въ логу этомъ прожили,—все его дожидались. На третій день проѣхалъ онъ подъ вечеръ; значить, ночью ему назадъ ворочаться. Изготовились мы, слышимъ: ѣдетъ тихонько на вершней. Выпалилъ Костинкинъ изъ ружья, пѣгашку свалилъ. Михалычъ кинулся въ кусты, какъ разъ на меня... прямо... Стукнуло у меня сердце-то, признаться, да вижу—все одно,

моль: либо онъ, либо я!... Изловчился, хватъ его ножикомъ, да плохо. Схватилъ онъ меня за руку, ножъ вырвалъ, самого—объ земь. Силенъ былъ, покойникъ. Подмялъ, гляжу—поясъ снимаетъ, хочетъ вязать. А у меня за голенищемъ другой ножикъ въ запасѣ. Добылъ я его тихонько, повернулся да опять его... подъ ребро... Со стоналъ онъ, повернулъ меня лицомъ кверху, наклонился, посмотрѣлъ въ глаза... «А!—говорить,—чуяло мое сердце!... Ну, теперъ ступай себѣ съ Богомъ, не тирань. Убилъ ты меня до смерти...» Всталъ я, гляжу: мается онъ... хотѣлъ было подняться,—не смогъ. «Прости меня», говорю.—«Ступай, отвѣчаетъ, ступай себѣ... Богъ простить ли, а я прощаю»... Я и ушелъ, и не подходилъ болѣе, вѣрьте совѣсти... Костинкинъ это, видно, послѣ меня на него набросился...

Бродяга смолкъ и тяжело опустился на лавку. Прокуровъ быстро дописалъ. Было тихо.

— Теперъ,—заговорилъ опять слѣдователь,—докончите ваше чистосердечное признаніе. Какой купецъ былъ съ вами во время перваго нападенія и отъ чьего имени Костюшка обѣщаль награду за убійство Федора Михайлова?

Безрыловъ разочарованно смотрѣлъ на ослабѣвшаго бродягу. Но тотъ вдругъ поднялся со скамьи и принялъ прежній равнодушно-разсѣянный видъ.

— Будеть!—сказалъ онъ твердо.—Болѣ не стану... Довольно!... Про Костюшку-то все записали?... Ну, и ладно, впередъ не пакости онъ! Прикажете, ваше благородіе, увести меня, болѣе ничего не скажу.

— Послушайте, Иванъ тридцати восьми лѣтъ,—сказалъ слѣдователь,—считаю нужнымъ предупредить васъ, что чѣмъ полнѣе будетъ ваше сознание, тѣмъ мягче отнесется къ вамъ правосудіе. Сообщниковъ же вашихъ вы все равно не спасете.

Бродяга пожалъ плечами.

— Это дѣло не наше. Миѣ все единственно.

Очевидно, не было надежды добиться отъ него чего-либо еще. Его вывели.

IX.

Х о д ъ.

Предстоялъ допросъ свидѣтелей.

Ждали священника, чтобы привести ихъ къ присягѣ, а пока они столпились кучкой у задней стѣны. Сѣрая толпа, съ угрюмыми лицами, стояла, переминаясь, въ тяжеломъ молчаніи. Впереди всѣхъ былъ Евсѣичъ. Лицо его было красно, губы сжаты, лобъ наморщенъ. Онъ кидалъ изъ подлобья довольно мрачные взгляды, останавливая ихъ то на Безрыловѣ, то на слѣдователѣ. По всему было видно, что въ этой толпѣ и въ Евсѣичѣ, ея представителѣ, созрѣло какое-то рѣшеніе.

Безрыловъ сидѣлъ на лавкѣ, разставивъ широко ноги и пощелкивая пальцемъ одной руки по другой. Пока крестьяне входили и занимали мѣста, онъ смотрѣлъ на

нихъ внимательно и вдумчиво. Потомъ, окинувъ всю толпу холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, онъ слегка, почти незамѣтно, покачалъ головой и, усмѣхнувшись, обратился къ Проскурову.

— Кстати, Аванасій Ивановичъ, я вѣдь и забылъ поздравить васъ съ пріятною новостью... Ужь извините,— всѣ эти хлопоты... Просто изъ ума вонъ...

— Съ чѣмъ это?—спросилъ Проскуровъ, не отрываясь отъ чтенія протокола.

— Какъ?—просіялъ Безрыловъ.—Значить, вамъ ничего неизвѣстно и я, нѣкоторымъ образомъ, первый буду имѣть удовольствіе сообщить вамъ это пріятное извѣстіе?... Очень, оч-чень пріятно-съ...

Проскуровъ поднялъ глаза на засѣдателя, который, между тѣмъ, подходилъ къ нему, брякая шпорами и обворожительно улыбаясь.

— Вы получаете назначеніе исправляющимъ должность казначея въ Н-скъ... Ну, да это, конечно, одна форма; безъ сомнѣнія, вы будете утверждены окончательно. Поздравляю, голубчикъ,—продолжалъ Безрыловъ самымъ задумчивымъ и благожелательнымъ тономъ, завладѣвая рукой удивленнаго Проскурова,—поздравляю отъ всего сердца.

Но Проскуровъ плохо оцѣнилъ дружеское поздравленіе; онъ быстро отдернулъ свою руку и вскочилъ съ мѣста.

— По... позвольте-съ, милостивый государь,—заговорилъ онъ торопливо и даже заикаясь.—Здѣсь шутить не мѣсто. Н-не мѣсто-съ!... Думаете, я не понимаю вашей

тактики? Ошибаетесь, милостивый государь. Я не теленокъ... да-съ, милостивый государь, не теленокъ-съ!...

— Что вы, Богъ съ вами, Аеапасій Иваповичъ!— изумился Безрыловъ и даже развелъ руками и оглянулся, какъ будто призывая всѣхъ присутствующихъ въ свидѣтели черной неблагодарности Проскурова.— Смѣю ли я шутить?... Оффиціальное назначеніе... самъ читаль бумагу-съ... Увѣряю васъ... Ну, и мѣстечко, я вамъ скажу!—продолжалъ онъ, измѣнивъ тонъ и вновь впадая въ дружественную фамиллярность.—Теперь ужъ вамъ не придется возиться съ этими неприятными дѣлами. Даже и настоящее дѣло намъ, несчастнымъ, придется, вѣроятно, кончать безъ вашего незамѣнимаго содѣйствія... Жаль, конечно!... За то за васъ... приятно-съ! Мѣсто тихое, спокойное... ха-ха-ха!... какъ разъ... ха-ха-ха!... по вашему нраву... И притомъ... отъ купечества... х-ха-ха-ха-ха!... благодарность...

Безрыловъ какъ будто пересталъ стѣсняться и его смѣхъ, отъ котораго сотрясалась вся его тучная фигура, становился даже неприличенъ. А Проскуровъ стоялъ передъ нимъ точно окаменѣлый, держась за столъ обѣими руками. Его лицо сразу какъ-то осунулось и пожелтѣло и на немъ застыло выраженіе горестнаго изумленія. Въ эту минуту—увъ!—онъ, дѣйствительно, напоминалъ... теленка.

Я посмотрѣлъ на крестьянъ. Всѣ они какъ-то подались головами впередъ, только Евсѣичъ стоялъ низко нагнувъ голову, по своему обычаю, и слушалъ внимательно, не проронивъ ни одного слова.

Дальнѣйшій допросъ не представлялъ уже въ моихъ глазахъ ни малѣйшаго интереса. Я вышелъ въ переднюю...

Тамъ въ углу, на лавкѣ, сидѣлъ жиганъ. Нѣсколько крестьянъ-караульныхъ стояли въ сторонкѣ! Я подошелъ къ арестованному и сѣлъ рядомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и подвинулся.

— Скажите мнѣ,—спросилъ я у него,—неужели у васъ, дѣйствительно, не было никакой вражды къ покойному Михайлову?

Бродяга вскинулъ на меня своими спокойными голубыми глазами.

— Чего?—переспросилъ онъ.—Какая можетъ быть вражда? Нѣтъ, не видывалъ я его ранѣе.

— Такъ изъ-за чего же вы его убили? Вѣдь ужъ навѣрное не изъ-за тѣхъ пятидесяти рублей, что при васъ найдены?

— Конечно,—произнесъ онъ задумчиво.—Намъ, при нашей жизни, вдесятеро столько—и то на недѣлю хватить, а такъ, что значить... можетъ ли быть, напри-мѣръ, эдакое дѣло, чтобы вдругъ человѣка желѣзомъ не взять...

— Неужто изъ любопытства стоило убивать другого, да и себѣ жизнь портить?

Бродяга посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то удивленіемъ.

— Жизнь, говоришь?... Себѣ, то-есть?... Какая можетъ быть моя жизнь? Вотъ нынче я Михалыча при-

кончилъ, а доведись иначе, можетъ, онъ бы меня уложилъ...

— Ну, нѣтъ, онъ не убилъ бы.

— Твоя правда: могъ онъ убить меня,—самъ живъ бы остался.

— Тебѣ его жалко?

Бродяга посмотрѣлъ на меня и взглядъ его сверкнулъ враждой.

— Уйди ты! Что тебѣ надо? — сказалъ онъ и потомъ прибавилъ, понутивъ голову:—Такая ужъ моя линія!...

— Какая?

— А вотъ такая же... Потому, какъ мы съ измалѣтства на тюремномъ положеніи...

— А Бога ты не боишься?

— Бога-то?—усмѣхнулся бродяга и потряхнулъ головой.—Давненько что-то я съ нимъ, съ Богомъ - то, не считался... А надо бы! Можетъ, еще за нимъ сколько-нибудь моего замоленого осталось... Вотъ что, господинъ,—сказалъ онъ, перемѣнивъ токъ,—ничего этого намъ не трѣбуется. Что ты присталъ? Говорю тебѣ: линія такая. Вотъ теперь я съ тобой бесѣдную, какъ слѣдуетъ быть, аккуратно, а доведись въ тайгѣ-матушкѣ или хоть тотъ разъ, въ логу,—тутъ опять разговоръ былъ бы иного роду... Потому—линія другая... Эхма!

Онъ опять встряхнулъ своими русыми волосами.

— Нѣтъ ли, господинъ, табачку покурить? Страсть курить охота!—заговорилъ онъ вдругъ какъ-то развязно; но мнѣ эта развязность показалась напускной, фальшивой.

Я далъ ему папирску и вышелъ на крыльцо. Изъ-за лѣсу подымалось уже солнце. Съ «Камня» надъ логомъ снимались ночные туманы и плыли на западъ, задѣвая за верхушки елей и кедровъ. На травѣ сверкала роса, а въ ближайшее окно виднѣлись желтые огоньки восковыхъ свѣчей, поставленныхъ въ изголовьи мертваго тѣла.

1882 г.

„СОКОЛИНЕЦЪ“

(Изъ разсказовъ о бродягахъ.)

„СОКОЛИНЕЦЪ“.

(Изъ разсказовъ о бродягахъ.)

I.

... Мой сожитель уѣхалъ. Мнѣ приходилось ночевать одному въ нашей юртѣ.

Не работалось; я не зажигалъ огня и, полулежа на своей постели, незамѣтно отдавался тяжелымъ впечатлѣніямъ молчанія и мрака, пока короткій сѣверный день угасалъ среди холоднаго тумана. Послѣдніе слабые лучи понемногу уходили сквозь льдины оконъ изъ небольшой юрты; густая тьма выползала изъ угловъ, заволакивала наклонныя стѣны, которыя, казалось, все плотнѣе сдвигаются надъ головой. Нѣсколько времени маячили еще въ глазахъ очертанія стоявшаго въ серединѣ юрты громаднаго камелька. Казалось, неуклюжій пенатъ якутскаго жилья простираетъ на-встрѣчу тьмѣ широко раздвинутыя руки, точно въ молчаливой борьбѣ... Но вотъ и эти смутныя очертанія исчезли... Тьма!... Только въ трехъ мѣстахъ тихо мерцали расплывчатыя фосфорическія пятна; это снаружи сквозь оконныя льдины

тускло заглядывалъ въ юрту мертвящій якутскій морозъ.

Минуты, часы безмолвною чередой пробѣгали надъ моею головой, и я не спохватился, какъ незамѣтно подкрался тотъ роковой часъ, когда тоска такъ властно овладѣваетъ сердцемъ, когда «чужая сторона» враждебно вѣетъ на него всѣмъ своимъ мракомъ и холодомъ, когда передъ встревоженнымъ воображеніемъ грозно встаютъ неизмѣримо, неодолимою далью всѣ эти горы, лѣса, безконечныя степи, которыя залегли между тобой и всѣмъ дорогимъ, далекимъ, потеряннымъ, что такъ неотступно манитъ къ себѣ и что, въ этотъ часъ, какъ будто совсѣмъ исчезаетъ изъ виду, рѣя въ сумрачной дали слабымъ угасающимъ огонькомъ умирающей надежды... А подавленное, но все же неотвязное горе, спрятанное далеко, далеко въ глубинѣ сердца, смѣло подымаетъ теперь зловѣщую голову и среди мертваго затишья, во мракѣ, такъ явственно шепчетъ ужасныя роковыя слова: «навсегда... въ этомъ гробу, навсегда!...»

Легкій, ласковый визгъ, донесшійся до меня съ плоской крыши сквозь трубу камелька, вывелъ меня изъ тяжелаго оцѣпенѣнія. Это умный другъ, вѣрный песъ Церберъ, продрогшій на своемъ сторожевомъ посту, спрашивалъ, что со мною и почему въ такой страшный морозъ я не зажигаю огня.

Я отряхнулся, почувствовалъ, что изнемогаю въ борьбѣ съ молчаніемъ и мракомъ, и рѣшился прибѣгнуть къ спасительному средству, которое было тутъ же подъ руками. Средство это—богъ юрты, могучій огонь.

У якутовъ по зимамъ никогда не прекращается топка, и потому у нихъ нѣтъ приспособленій для закрыванія трубы. Мы кое-какъ приладили эти приспособленія, наша труба закрывалась снаружи и каждый разъ для этого приходилось взбираться на плоскую крышу юрты.

Я взошелъ на нее по ступенькамъ, протоптаннымъ въ снѣгу, которымъ юрта была закидана до-верху. Наше жилье стояло на краю слободы, въ нѣкоторомъ отдаленіи. Обыкновенно съ нашей крыши можно было видѣть всю небольшую равнину и замыкавшія ее горы, и огни слободскихъ юртъ, въ которыхъ жили давно обьякутившіеся потомки русскихъ поселенцевъ и, частью, ссыльные татары. Но теперь все это потонуло въ сѣромъ, холодномъ, непроницаемомъ для глазъ туманѣ. Туманъ стоялъ неподвижно, выжатый изъ воздуха сорокаградуснымъ морозомъ, и все тяжелѣе налегалъ на примолкшую землю; всюду взглядъ упирался на безформенную, безжизненную сѣрую массу и только вверху, прямо надъ головой, гдѣ-то далеко, далеко висѣла одинокая звѣзда, пронизывавшая холодную пелену острымъ лучомъ.

А вокругъ все замерло. Горный берегъ рѣки, бѣдные юрты селенія, небольшая церковь, снѣжная гладь луговъ, темная полоса тайги — все погрузилось въ безбрежное туманное море. Крыша юрты, съ ея грубо сколоченною изъ глины трубой, на которой я стоялъ съ прижимавшеюся къ моимъ ногамъ собакой, { казалась островомъ, закинутымъ среди безконечнаго, необозримаго океана. Кругомъ — ни звука.. Холодно и жутко...

Ночь притаилась, охваченная ужасомъ—чуткимъ и напряженнымъ.

Церберъ тихо и какъ-то жалобно взвизгивалъ. Бѣдному псу, повидимому, тоже становилось страшно, въ виду наступающаго царства мертвящаго мороза; онъ прижимался ко мнѣ и, задумчиво вытягивая острую морду, настораживая чуткія уши, внимательно вглядывался въ беспросвѣтно-сѣрую мглу.

Вдругъ онъ повелъ ушами и заворчалъ. Я прислушался. Сначала все было по-прежнему тихо. Потомъ въ этой напряженной тишинѣ выдѣлился звукъ, другой, третій... Въ морозномъ воздухѣ издали несли слабый топотъ далеко по лугамъ бѣгущей лошади.

Подумавъ объ одинокомъ всадникѣ, которому, судя по слабому топоту, предстояло проѣхать еще версты три до слободы, я быстро сбѣжалъ съ крыши по наклонной стѣнкѣ и кинулся въ юрту. Минута въ воздухѣ съ открытымъ лицомъ грозила отмороженнымъ носомъ или щекою. Церберъ, издавъ громкій, торопливый лай въ направленіи конскаго топота, послѣдовалъ за мною.

Вскорѣ въ камелькѣ, широко зіявшемъ открытою пастью въ серединѣ юрты, вспыхнулъ огонекъ зажженной мною лучины. Къ этому огоньку я приставилъ сухихъ полѣньевъ смолистой лиственницы, и въ нѣсколько мгновеній мое жильё измѣнилось до неузнаваемости. Молчаливая юрта наполнилась вдругъ говоромъ и трескомъ. Огонь сотней языковъ перебѣгалъ между полѣньями, охватывалъ ихъ, игралъ съ ними, прыгалъ, рокопталъ, шипѣлъ и трещалъ. Что-то яркое, живое, тороп-

ливое и неугомонно-болтливое ворвалось въ юрту, заглядывая во всѣ ея углы и закоулки. По временамъ трескучее, разыгравшееся пламя стихало. Тогда мнѣ было слышно, какъ, вылетая въ короткую прямую трубу камелька, шипѣли, трескались въ морозномъ воздухѣ горячія искры. Но черезъ минуту огонь принимаясь за свою игру съ новою силой, и въ юртѣ раздавались частые взрывы, точно пистолетные выстрѣлы.

Теперь я уже не чувствовалъ себя въ такой степени одинокимъ, какъ прежде. Все, казалось, вокругъ меня шевелится, говоритъ, суетится и пляшетъ. Оконныя льдины, въ которыя за минуту передъ тѣмъ глядѣла снаружи морозная ночь, теперь искрились и переливались отблескомъ пламени, точно самоцвѣтные камни. Я находилъ особаго рода отраду въ мысли, что, во мглѣ холодной ночи, моя одинокая юрта сверкаетъ свѣтлыми льдинами и сыплеть, точно маленькій вулканъ, цѣлымъ снопомъ огненныхъ искръ, судорожно трепещущихъ въ воздухѣ, среди клубовъ бѣлаго дыма.

Церберъ усѣлся противъ камелька на заднія лапы, устался на огонь и сидитъ неподвижно, точно бѣлое изваяніе; по временамъ только онъ поворачиваетъ ко мнѣ голову, и въ умныхъ глазахъ собаки я читаю благодарность и ласку. Тяжелые шаги скрипятъ по двору у наружной стѣны, но Церберъ остается спокоенъ и только снисходительно взвизгиваетъ; онъ знаетъ, что это наши лошади, стоявшія до сихъ поръ гдѣ-нибудь подъ плетнемъ, прижавъ уши и пожимаясь отъ мороза, вышли на огонь, чтобы стать у стѣны и смотрѣть на ве-

село прыгающія искры, на широкую ленту теплаго бѣлаго дыма.

Но вотъ собака съ неудовольствіемъ отвернулась отъ огня и заворчала, черезъ минуту она бросилась къ двери. Я выпустилъ Цербера, и пока онъ неистовствовалъ и заливался на своемъ обычномъ сторожевомъ посту, на крышѣ, я выглянулъ изъ сѣней. Очевидно, одинокій путникъ, котораго приближеніе я слышалъ ранѣе среди чуткаго безмолвія морозной ночи, соблазнился моимъ веселымъ огнемъ. Онъ раздвигалъ теперь жерди моихъ воротъ, чтобы провести во дворъ осѣдланную и навьюченную лошадь.

Я не ждалъ никого изъ знакомыхъ. Якутъ едва ли пріѣхалъ бы въ слободу такъ поздно, а еслибъ и пріѣхалъ, то, безъ сомнѣнія, зналъ бы, гдѣ живутъ его «догѣры» *), а не повернулъ бы на первый огонь. Стало-быть, разсуждалъ я, это можетъ быть только поселенецъ. Въ обыкновенное время мы не особенно радовались подобнымъ гостямъ, но теперь живой человѣкъ былъ очень кстати. Я зналъ, что скоро веселый огонь станетъ смолкать; пламя лѣниво и томно потянется по раскаленному дереву, потомъ останется только куча углей, и по нимъ, нашептывая что-то, побѣгутъ огненные змѣйки, все тише, все рѣже... Тогда въ юртѣ настанетъ опять безмолвіе мрака, а въ мое сердце опять волеется тоска. Камелекъ глянетъ въ темнотѣ слабою искоркой изъ-подъ пепла, точно изъ полузакрытаго глаза,—глядеть

---

*) „Догѣръ“ — другъ, пріятель.

разъ и другой и... заснуть. А я опять останусь одинъ... одинъ передъ долгою, тоскливою, безконечною ночью.

Мысль о томъ, что, быть-можетъ, мнѣ придется провести ночь съ человѣкомъ, прошлое котораго запятнано кровью, не приходила мнѣ въ голову. Сибирь пріучаетъ видѣть и въ убійцѣ человѣка, и хотя ближайшее знакомство не позволяетъ, конечно, особенно идеализировать «несчастненькаго», взламывавшаго замки, воровавшаго лошадей или проламывавшего темною ночью головы ближнихъ, но все же это знакомство позволяетъ трезво ориентироваться среди сложныхъ человѣческихъ побужденій. Вы узнаете, когда и чего можно ждать отъ человѣка. Убійца не все же только убиваетъ, онъ еще живетъ и чувствуетъ то же, что чувствуютъ всѣ остальные люди, въ томъ числѣ и благодарность къ тому, кто его пріютилъ въ морозъ и непогоду. Но когда мнѣ пришлось пріобрѣтать въ этой средѣ новое знакомство и если при этомъ у новаго знакомаго оказывалась осѣдланная лошадь, а въ сѣдлѣ болтались вычныя «сумы-переметы», то вопросъ о принадлежности лошади внушалъ нѣкоторыя сомнѣнія, а содержимое «переметовъ» вызывало на размышленія о способѣ его пріобрѣтенія.

Тяжелая, обитая конскою шкурой, дверь юрты поднялась въ наклонной стѣнѣ; со двора хлынула волна пара и къ камельку подошелъ незнакомый пришлецъ. Это былъ мужчина высокаго роста, широкоплечій и статный. Уже на первый взглядъ можно было отличить, что это не якутъ, хотя одѣтъ онъ былъ по-якутски. На ногахъ у него были надѣты «торбаса» изъ бѣлой, какъ

снѣгъ, конской шкуры. Широчайшіе рукава якутской «соны» *) подымались складками на плечахъ выше ушей. Голова и шея были закутаны большою шалью, концы которой завязаны вокругъ стана. Вся шаль, вмѣстѣ съ острою верхушкой торчавшей надъ нею якутской шапки («бергесъ»), была обильно усыпана хлопьями крѣпкаго, плотно смерзшагося инея.

Незнакомецъ приблизился къ камельку и неловко, полустысившими руками сталъ развязывать шаль, потомъ ремешки шапки. Когда онъ откинулъ свой треухъ на плечи, я увидалъ молодое, раскраснѣвшееся отъ мороза лицо мужчины лѣтъ тридцати; крупныя и выразительныя черты его были отмѣчены тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, какое нерѣдко приходилось мнѣ замѣчать на лицахъ старости арестантскихъ артелей и вообще на лицахъ людей, привыкшихъ къ признанію и авторитету въ своей средѣ, но, въ то же время, вынужденныхъ постоянно держаться на-сторожѣ съ посторонними. Черные, выразительные глаза его кидали быстрые, короткіе взгляды. Нижняя часть лица нѣсколько выдавалась впередъ, обнаруживая пылкость страстной природы, но бродяга (по нѣкоторымъ характернымъ, хотя трудно уловимымъ, признакамъ я сразу предположилъ въ моемъ гостѣ бродягу) давно уже привыкъ сдерживать эту пылкость. Только легкое подергиваніе нижней губы и нервная игра мускуловъ выдавали по временамъ безпокойную напряженность внутренней борьбы.

---

*) „Сона“ — верхняя одежда, кафтанъ, шуба и т. д.

Усталость, морозная ночь, а быть-можетъ и тоска, которую испытывалъ одинокій путникъ, пробиравшійся среди непроницаемаго тумана,—все это нѣсколько смягчило рѣзкія очертанія лица, залегло надъ бровями и въ черныхъ глазахъ выраженіемъ страданія, гармонировавшаго съ моимъ настроеніемъ въ этотъ вечеръ, и внушило мнѣ сразу невольную симпатію къ незнакомому гостю.

Не раздѣваясь дальше, онъ прислонился къ камельку и вынулъ изъ кармана трубку.

— Здравствуйте, господинъ,—сказалъ онъ,—вытряхивая трубку объ уголокъ и, въ то же время, искоса окидывая меня внимательнымъ взглядомъ.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ я, продолжая въ свою очередь пытливо осматривать незнакомую фигуру.

— Вы ужь меня, господинъ, извините, что я такъ прямо къ вамъ взшелъ. Мнѣ вотъ только обогрѣться маленько да трубочку покурить,—я и уѣду, потому что у меня тутъ знакомые, которые меня во всякое время принимаютъ, въ двухъ верстахъ отсель, на займкѣ.

Въ его голосѣ слышалась сдержанность человѣка, очевидно, не желавшаго показаться навязчивымъ. Говоря это, онъ кинулъ на меня нѣсколько короткихъ внимательныхъ взглядовъ, какъ будто выжидая, что я скажу, чтобы сообразно съ этимъ установить дальнѣйшія отношенія. «Какъ ты со мной, такъ и я съ тобой»,—казалось, выражали эти пристальные, холодные взгляды. Во всякомъ случаѣ, приемы моего гостя составляли пріятный контрастъ съ обычною назойливостью якутскаго поселенца,

хотя для меня и было очевидно, что еслибъ онъ не считываль остаться у меня ночевать, то не сталъ бы вводить лошадь во дворъ, а привязалъ бы ее къ городьбѣ, снаружи.

— Кто вы такой,—спросилъ я,—какъ васъ зовуть?

— Меня-то? Зовуть меня *Баймай*, то-есть это, видите ли, по-здѣшнему, а настоящее-то, по-рассейски—Василій... Можетъ, слыхали? Байагантайскаго улусу.

— Родомъ съ Урала, бродяга?...

На губахъ незнакомца чуть-чуть промелькнула улыбка удовольствія.

— Ну, вотъ, вотъ! Онъ самый. Вы, стало-быть, обо мнѣ маленько наслышаны?

— Да, слышаль отъ NN. Вы вѣдь съ нимъ жили по сосѣдству.

— Вѣрно. Г. NN. меня довольно знаютъ.

— Ну, очень радъ, милости просимъ. Оставайтесь у меня ночевать, кстати же я одинъ. Сейчасъ самоваръ поставимъ.

Бродяга охотно принялъ приглашеніе.

— Спасибо, господинъ! Ежели ужъ вы приглашаете, то я останусь. Надо вотъ переметныя сумы съ сѣдла снять, кое-что въ избу внести. Оно хоть, скажемъ, конь-то у меня во дворѣ привязанъ, а все же лучше: народъ-то у васъ въ слободѣ ловкій, особливо татары.

Онъ вышелъ и черезъ минуту внесъ въ юрту двѣ перемѣтныя сумы. Развязавъ ремни, онъ сталъ вынимать оттуда привезенные съ собою припасы: круги мерзлаго масла, мороженаго молока, нѣсколько десятковъ яицъ

и т. д. Кое-что изъ привезеннаго онъ разложилъ у меня на полкахъ, остальное вынесъ на морозъ, въ сѣни, чтобы не растаяло. Затѣмъ онъ снялъ шаль, шубу и кафтанъ и, оставшись въ красной кумачной рубахѣ и шароварахъ изъ «бильбирета» (родъ плиса), усѣлся противъ огня на стулѣ.

— Вотъ, господинъ, — поднялъ онъ голову и усмѣхнулся, — стану вамъ правду говорить: ѣду это къ вашимъ воротамъ, а самъ думаю: неужто не пустить меня ночевать? Потому что я довольно хорошо понимаю: есть изъ нашего брата тоже всякаго народу достаточно, котораго и пустить никакъ невозможно. Ну, я не изъ такихъ, по совѣсти говорю... Да вы, вотъ, сказываете, про меня слышали.

— Дѣйствительно слышалъ.

— Ну, вотъ! Живу, могу сказать, не похваставшись, честно и благородно. Имѣю у себя корову, бычка по третьему году, лошадь... Землю пашу, огородъ.

Бродяга говорилъ все это страннымъ тономъ, какъ-то раздумчиво глядя въ одну точку, а при послѣднихъ словахъ даже развелъ руками, какъ будто удивляясь: «а что, вѣдь и вправду, все это такъ и есть въ дѣйствительности!»

— Да, — продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, — работаю! То-есть вполне даже какъ слѣдуетъ, по Божьему приказанію. Что-жь, я такъ понимаю, что это гораздо лучше, нежели воровать или наипаче еще разбойничать. Вотъ! скажемъ хоть къ этому примѣру: ѣду я ночью, увидѣлъ огонь и заѣзжаю къ вамъ... и сейчасъ вы мнѣ

уваженіе, самоварчикъ... Я это должнъ цѣнить. Такъ ли я говорю?

— Конечно,—подтвердилъ я, хотя, въ сущности, бродяга обращался больше къ себѣ самому, себя убѣждалъ въ преимуществахъ настоящей жизни.

Я дѣйствительно зналъ Василья по слухамъ отъ товарищей; это былъ бродяга-поселенецъ, уже два года жившій въ своемъ домикѣ, среди тайги, надъ озеромъ, въ одномъ изъ большихъ якутскихъ «наслеговъ» *). Въ безшабашной и потерянной средѣ поселенцевъ, бѣдствовавшихъ, воровавшихъ и нерѣдко разбойничавшихъ по наслегамъ, онъ былъ однимъ изъ немногихъ, предпочитавшихъ трудовую жизнь, которая здѣсь давала легкую возможность подняться. Якуты, вообще говоря, народъ очень добродушный и во многихъ улусахъ принято, какъ обычай, оказывать новоприбывшимъ поселенцамъ довольно существенную помощь. Правда, что безъ этой помощи человѣку, закинутому въ суровыя условія незнакомой страны, пришлось бы или въ самомъ скоромъ времени умереть отъ голода и холода, или приняться за разбой; правда также, что всего охотнѣе эта помощь оказывается въ видѣ пособія «на дорогу», посредствомъ котораго якутская община старается какъ можно скорѣе выпро-

---

*) Якутская область въ административномъ отношеніи раздѣляется на округи, соотвѣтствующіе нашимъ уѣздамъ. Округъ, въ свою очередь, раздѣляется на *улусы*, а улусы подраздѣляются на *наслег*. Если улусъ приравнять къ русской волости, то *наслег* будетъ соотвѣтствовать отдѣльному обществу въ средѣ волости. Дѣленіе это имѣетъ характеръ отчасти родовой, отчасти административный.

водить поселенца куда-нибудь на приискъ, откуда уже большая часть этихъ неудобныхъ гражданъ не возвращается; тѣмъ не менѣе, человѣку, серьезно принимающемуся за работу, якуты по большей части также помогаютъ стать на ноги. Василій получилъ отъ паслега избу, быка и на первый годъ ему засѣяли обществомъ шесть пудовъ хлѣба. Урожай выдался хорошій; кромѣ того, онъ выгодно нанялся у якутовъ косить сѣно, сталъ слегка торговать табакомъ, и года въ два хозяйство его сложилось. Якуты относились къ нему съ почтеніемъ, поселенцы величали его въ глаза Василюмъ Ивановичемъ и только за глаза звали Васькой; попы, выѣзжая на потребу, охотно заѣзжали къ нему на перепутье и сами сажали его за столъ, когда ему случалось приѣзжать къ нимъ. Водилъ онъ также знакомство и съ нашею братіей, интеллигентными людьми, заброшенными судьбой въ эти далекія страны. Казалось бы, всѣмъ житье бродягъ,—оставалось только жениться; тутъ, конечно, встрѣчалось маленькое затрудненіе, такъ какъ бродягъ обыкновенно не вѣнчаютъ; но въ той сгоронѣ, за небольшія деньги, за телку или хорошаго жеребенка, можно было устроить и это.

И тѣмъ не менѣе, вглядываясь въ энергичное лицо молодого бродяги, я все яснѣе различалъ въ немъ какую-то страшность. Теперь это лицо правилось мнѣ уже нѣсколько менѣе, чѣмъ въ первую минуту, но все же оно было довольно пріятно. Темные глаза глядѣли по временамъ задумчиво и умно; всѣ черты выражали энергію; обращеніе его было свободно, въ тонѣ слышалось

удовлетворенное самолюбие гордой природы. Только по временам нижняя часть лица как-то нервно вздрагивала и блескъ глазъ потухалъ. Было видно, что Багалаю стоить нѣкотораго усилія держать этотъ ровный тонъ, сквозь который что-то какъ будто силилось пробиться наружу, что-то горькое, подавляемое только напряженіемъ воли...

Сначала я не могъ отдать себѣ отчета, что именно это было. Теперь я уже знаю: привычный бродяга обманывалъ себя, увѣряя, что онъ доволенъ своимъ спокойнымъ существованіемъ, своимъ домкомъ и коровкой, и бычкомъ по третьему году, и оказываемымъ ему уваженіемъ. Въ глубинѣ души онъ сознавалъ,—хотя и подавлялъ пока это сознание,—что эта сѣрая жизнь, жизнь на чужбинѣ, постылой и непривѣтной, не про него. Изъ глубины души уже подымались въ немъ призывы тайги, его манила уже отъ сѣрыхъ будней безвѣстная, заманчивая и обманчивая даль. Такъ объяснялъ я себѣ эту черту впоследствии, но тогда я видѣлъ только, что бродягу, несмотря на кажущееся спокойствіе, что-то гложетъ внутри, что-то прорывается наружу...

Пока я хлопоталъ съ самоваромъ, Василій сидѣлъ противъ камелька, задумчиво глядя на огонь. Я окликнулъ его, когда все было готово.

— Спасибо, господинъ, — сказалъ онъ, подымаясь. — Много доволенъ и на ласковомъ словѣ. Ахъ, господинъ, господинъ! — обратился онъ вдругъ ко мнѣ какъ-то страстно, — повѣришь ты: какъ завидѣлъ я твой огонекъ, сердце во мнѣ разыграло, — право, не лгу! Потому что знаю:

у расейскаго челоуѣка этотъ огонь горить... Ъхаль это лугами... темень, морозъ... Юрта гдѣ задымится въ сторонкѣ,—конь мой такъ и воротить къ ней, такъ и воротить; извѣстно, скотина якутская. Ну, а у меня сердце туда не лежитъ. Что мнѣ въ ней, хоть бы и въ юртѣ? Конечно, согрѣюсь, можетъ, и водка нашла бы. Да нѣтъ!... А твой огонь увидалъ,—вотъ, думаю, куда заѣзжать, если приметъ. Спасибо, что не прогналъ. Въ нашемъ наслегѣ, можетъ, когда быть доведется,—милости просимъ ко мнѣ. Найдемъ чѣмъ угостить, слава-те Господи! Примемъ какъ слѣдуетъ, честно!

II.

Напившись чаю, Василій опять усѣлся противъ огня. Ему нельзя было еще ложиться: приходилось выждать, пока остынетъ его лошадь, чтобы спустить ее къ сѣну. Якутская лошадь не особенно сильна, за то удивительно нетребовательна; якуть доставляетъ на ней масло и другіе припасы на дальніе пріиска или въ тайгу къ тунгусамъ, на дальній Учуръ *), проходя сотни верстъ по мѣстамъ, гдѣ нечего и думать о запасахъ сѣна. Пріѣхавъ на ночовку, въ дикой тайгѣ, онъ разгребааетъ снѣгъ, разводитъ костеръ, а стреноженныхъ лошадей пускаетъ въ тайгу; привычный конь добываетъ себѣ изъ-подъ снѣга высохшую прошлогоднюю траву и на утро опять готовъ для утомительнаго перехода. Но при этомъ у

---

*) Учуръ—рѣка, притокъ Алдана, впадающаго въ Лену.

якутской лошади есть одна особенность: ее нельзя кормить тотчас послѣ поѣздки, и передъ отправленіемъ въ путь сытую лошадь тоже выдерживаютъ безъ пищи иногда въ теченіе сутокъ и даже больше.

Василью пужно было выждать часа три. Я тоже не ложился, и мы сидѣли оба, изрѣдка перекидываясь словами. Василій, или какъ онъ уже привыкъ называть себя — Багылай, то и дѣло подкладывалъ въ огонь по одному полѣну. Это въ немъ сказывалась тоже мѣстная привычка, приобрѣтенная въ теченіе длинныхъ вечеровъ якутской зимы.

— Далеко! — сказалъ онъ вдругъ послѣ долгаго молчанія, какъ будто отвѣчая собственной мысли.

— Что это? — спросилъ я.

— Наша-то сторона, Рассея... Здѣсь вотъ все не по-нашему, что ни возьми. Взять хоть скотину, лошадь, къ примѣру: у насъ лошади, ежели пріѣхалъ на ней, первымъ дѣломъ требуется пища, а эту вотъ накорми горячую — подохнетъ. Какъ тепло станетъ, сейчасъ у ней въ сердцѣ сдѣлается льдина, и кончено! Тоже и народъ взять: живутъ по лѣсу, конину жрутъ, сырое мясо ѣдятъ; падалъ, прости Господи, и ту трескають... тьфу! Стыда у здѣшняго народа нисколько нѣту: вынь въ юртѣ у нихъ кисеть съ табакомъ, и сейчасъ, сколько ни есть тутъ народу, всякій къ тебѣ руку тянетъ: давай!

— Что-жь, это у нихъ обычай, — возразилъ я. — За то и сами они даютъ. Вѣдь вотъ помогли же вамъ завести хозяйство.

— Помогли, правда.

— Довольны вы своею жизнью?—спросилъ я, вглядываясь въ лицо бродяги.

Онъ какъ-то загадочно улыбнулся.

— Да, жизнь...—сказалъ онъ, помолчавъ и подбрасывая въ огонь новое полѣно.

Пламя освѣтило его лицо: глаза глядѣли тускло.

— Эхъ, господинъ, ежели рассказать вамъ!... Не видалъ я въ жизни своей хорошаго и теперь не вижу. Только и видѣлъ хорошаго до восемнадцати лѣтъ. Ладненько тогда жилъ, пока родителей слушалъ. Пересталъ слушаться—и жизнь моя кончилась. Съ самыхъ тѣхъ поръ я такъ считаю, что и на свѣтѣ не живу вовсе. Такъ... бьюсь только понапрасну.

И при этомъ по красному лицу бродяги пробѣгаютъ тѣни и нижняя губа первно вздрагиваетъ, какъ у ребенка; точно онъ на это время опять возвратился къ тому возрасту, когда «слушался родителей», точно вновь сталъ ребенкомъ, только этотъ ребенокъ готовъ теперь расплакаться надъ собственною разбитою жизнью.

Замѣтивъ, что я пытливо гляжу на него, бродяга спохватился и потряхнулъ головой.

— Ну, да что тутъ... Не хотите ли лучше послушать, какъ мы съ Соколинаго острова бѣжали?

Я, конечно, согласился и всю ночь до разсвѣта прослушалъ рассказы бродяги.

III.

Въ лѣтнюю ночь 187* года пароходъ «Нижній Новгородъ» плылъ по водамъ Японскаго моря, оставляя за собой въ синемъ воздухѣ длинный хвостъ чернаго дыма. Горный берегъ Приморской области уже синѣлъ слѣва въ серебристо-сизомъ туманѣ; справа въ безконечную даль уходили волны Лаперузова пролива. Пароходъ держалъ курсъ на Сахалинъ, но скалистыхъ береговъ дикаго острова еще не было видно.

На пароходѣ все было спокойно и тихо. На рубкѣ виднѣлись освѣщенные луной фигуры лоцмановъ и дежурныхъ офицеровъ. Огни изъ люковъ трепетали, отражаясь на темной поверхности океана.

«Нижній-Новгородъ» шель «съ грузомъ арестантовъ», назначенныхъ на Сахалинъ. Морскіе уставы вообще очень строги, а на кораблѣ съ подобнымъ грузомъ они еще строже. Днемъ арестанты посмѣнно гуляли по палубѣ, одѣвленные крѣпкимъ карауломъ. Остальное время они проводили въ своихъ помѣщеніяхъ подъ палубой.

Обширная камера подъ низко нависшимъ потолкомъ... Свѣтъ проникаетъ днемъ сквозь небольшіе люки, которые выдѣляются на темномъ фонѣ, точно два ряда свѣтлыхъ пуговицъ, все меньше и меньше, теряясь на закругленныхъ бокахъ пароходнаго корпуса. Въ серединѣ трюма оставленъ проходъ вродѣ корридора; чугунные столбы и желѣзная рѣшетка отдѣляютъ этотъ кор-

ридоръ отъ помѣщенія съ нарами для арестантовъ. Въ проходѣ, опершись на ружья, стоятъ конвойные часовые. По вечерамъ тутъ же печально-вытянутою линіей тускло горять фонари.

Вся жизнь сѣрыхъ пассажировъ парохода проходить на виду, за этою рѣпоткой. Стоитъ ли надъ моремъ яркое тропическое солнце, свиститъ ли вѣтеръ, скрипятъ и гнутся снасти, ударить ли волной непогода, разыграется ли грозная буря и пароходъ весь застонетъ подъ ударами шторма,—здѣсь, все также взаперти, прислушиваются къ завыванію вѣтра сотни людей, которымъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ тамъ, наверху, куда несутся ихъ плавучая тюрьма.

Арестантовъ гораздо больше на пароходѣ, чѣмъ караульныхъ, но за то каждый шагъ, каждое движеніе сѣрой толпы введены твердою рукой въ заранѣе намѣченную желѣзную колею, и экипажъ обезпеченъ противъ всякой возможности бунта.

Впрочемъ здѣсь принято во вниманіе все, даже и невѣроятное: еслибы въ толпѣ прорвался ожесточенный разъярившійся звѣрь и она въ отчаяніи стала бы кидаться на явную опасность, еслибы выстрѣлы сквозь рѣпотку не оказали дѣйствія и звѣрь грозилъ бы сломать свою желѣзную клѣтку, и тогда въ рукахъ командира осталось еще одно могучее средство. Ему стоило только крикнуть въ машинное отдѣленіе нѣсколько словъ:

— Рычагъ такой-то... отдалъ!...

-- Есть!—и вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ въ арестант-

ское помѣщеніе были бы пущены изъ машины струи горячаго пара, точно въ щель съ тараканами. Это своеобразное и могучее средство предотвращало всякую возможность общаго безчинства со стороны сѣраго населенія парходнаго трюма.

Тѣмъ не менѣе, и подѣ давленіемъ строгаго режима, это сѣрое населеніе жило за желѣзными рѣшотками своею обычною жизнью. И въ ту самую ночь, когда парходъ шлепалъ колесами по спокойному морю, дробясь въ мрачной зыбучей глубинѣ своими огнями, когда часовые, опершись на ружья, дремали въ проходахъ трюма и фонари, слегка вздрагивая отъ ударовъ никогда не засыпавшей машины, разливали свой тусклый, задумчивый свѣтъ въ желѣзномъ корридорѣ и за рѣшотками, гдѣ рядами лежали сѣрыя неподвижныя фигуры спавшихъ арестантовъ,—тамъ, за этими рѣшотками, совершалась безмолвная драма. Сѣрое кандалное общество казнило своихъ отступниковъ.

На слѣдующее утро, во время переключки, три арестанта не поднялись съ своихъ мѣстъ. Они остались лежать на нарахъ, несмотря на грозные оклики начальства. Когда вошли за рѣшотку и приподняли халаты, которыми они были прикрыты, то начальство убѣдилось, что эти трое никогда уже не поднимутся на переключку.

Во всякой арестантской артели всѣ важнѣйшія дѣла вершатся болѣе вліятельнымъ и сплоченнымъ ядромъ. Для массы, по-арестантски «шпанки», сѣрой безличной толпы, подобныя событія нерѣдко тоже бываютъ совер-

шенною неожиданностью. Пораженное мрачною ночью трагедіей, население парходнаго грюма вначалѣ при-молкло; подѣ низкимъ потолокомъ стояла пугливая тишина. Только плескъ моря доносился снаружи, бѣжали съ рокотомъ вдоль ватерлиніи разбиваемыя грудью парохода волны, да тяжелое пыхтѣніе машины глухо отдавалось вмѣстѣ съ мрачными ударами поршней.

Но скоро начались среди арестантовъ разговоры и толки о послѣдствіяхъ «происшествія». Начальство, очевидно, не намѣрено было замаять неприятное дѣло, приписавъ смерть случайности или скоропостижнымъ болѣзнямъ. Признаки насилія были очевидны; попли допросы. Арестанты отвѣчали единодушно; быть-можетъ, въ другое время, начальству и не трудно было бы найти нѣсколько человекъ, которыхъ страхомъ или обѣщаніемъ выгоды можно бы склонить къ доносу, но теперь, кромѣ чувства «товарищества», языки были скованы ужасомъ. Какъ ни страшно начальство, какъ ни грозны его окрики,—«артель» еще страшнѣе: въ эту ночь, тамъ, на нарахъ, на виду у часовыхъ, она показала свое ужасное могущество. Безъ сомнѣнія, многіе въ ту ночь не спали; не одно ухо чутко ловило заглушенные звуки борьбы «подъ крышкой» *), хрипѣніе и вздохи, не совсѣмъ похожіе на вздохи спящихъ, но никто ни однимъ словомъ не выдалъ исполнителей страшнаго при-

---

*) „Сдѣлать крышку“ на арестантскомъ жаргонѣ значитъ убить кого-либо въ средѣ самой тюрьмы. При этомъ обыкновенно на голову жертвы накидывается халатъ, съ дѣлю заглушить ея крики. Это и есть *крышка*.

говора. Начальству не оставалось ничего болѣе, какъ приняться за оффиціальныхъ отвѣтчиковъ: старосту и его помощника. Въ тотъ же день ихъ обоихъ заковали въ кандалы.

Помощникомъ былъ Василій, носившій тогда другое имя.

Прошло еще дня два, и дѣло было обсуждено арестантами съ полною обстоятельностью. На первый взглядъ казалось, что концы спрятаны, виновныхъ открыть невозможно и закованнымъ представителямъ артели грозила лишь легкая дисциплинарная отвѣтственность. На всѣ вопросы у нихъ былъ прямой и резонный отвѣтъ: «спали!»

Однако, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, дѣло стало возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія. Сомнѣнія эти относились именно къ Василью. Правда, въ подобныхъ случаяхъ артель дѣйствуетъ всегда такимъ образомъ, чтобы неприкосновенность къ дѣлу первыхъ «отвѣтчиковъ» кидалась по возможности въ глаза, и въ этомъ случаѣ Василій могъ легко доказать, что онъ не принималъ въ ночной трагедіи прямого участія. Тѣмъ не менѣе, обсуждая положеніе помощника старосты, опытные арестанты, прошедшіе и огонь, и мѣдныя трубы, покачали головами.

— Слышь, парень, — подошелъ разъ къ Василью старый, бывалый въ передѣлкахъ бродяга, — какъ пріѣдемъ на Соколиный островъ, запасай ноги. Дѣло, братецъ, твое неприятно. Совсѣмъ табакъ твое дѣло!

— А что?

— Да вот то же!... Ты въ первый разъ осужденъ или вторично?

— Вторично.

— То-то. А помнишь, покойный Фодька на кого доносилъ? Все на тебя же. Вѣдь изъ-за него ты ходилъ недѣлю въ наручняхъ, такъ ли?

— Было дѣло.

— Ну, а что ты ему тогда сказалъ? Солдаты-то вѣдь слышали! Ты какъ объ этомъ думаешь? Вѣдь это есть угроза!

Василій и другіе слушатели поняли, что тутъ было отъ чего почесаться.

— Ну, вотъ! Сообрази-ка ты все это, да и готовься къ разстрѣлу.

Въ партіи поднялся ропотъ.

— Не болтай, Буранъ, — заговорили арестанты съ неудовольствіемъ.

— Хлопаешь старикъ зря.

— Отъ старости, видно, изъ ума выжилъ. Шутка ли-чего сказалъ: къ разстрѣлу!

— Не выжилъ я изъ ума, — сердито заговорилъ старикъ и плюнулъ съ досады. — Много вы, шпанье *), понимаете! Вы судите по-русски, а я — по-здѣшнему. Я здѣшніе-то порядки знаю... Вѣрно тебѣ говорю, Василій: пошлютъ дѣло къ амурскому генераль-губернатору, — готовься къ разстрѣлу. А ежели за великую милость на *кобылу* **) велеть ложиться, такъ это еще хуже: съ ко-

---

*) Презрительная кличка отъ слова „шпанка“ (объясненіе выше).

**) „Кобылой“ называютъ скамью особаго вида, къ которой привязываютъ наказываемаго плетями.

былы-то ужь не встанешь. Потому что ты понимай: это, братецъ, корабль! На кораблѣ законъ противъ сухопутья вдвое строже. Ну, а впрочемъ,—глухо добавилъ старикъ, запыхавшійся отъ этой длинной рѣчи, — мнѣ все одно, хоть пропадите вы всѣ пробадомъ...

Потухшіе глаза стараго, разбитаго незадачливою жизнью бродяги давно уже глядѣли на міръ тускло и съ угрюмымъ равнодушіемъ. Онъ махнулъ рукой и отошелъ къ сторонкѣ.

Среди арестантскихъ партій встрѣчается не мало юристовъ, и если такая партія, во всемъ составѣ, по тщательномъ обсужденіи даннаго дѣла, постановитъ свой предполагаемый приговоръ, то онъ почти всегда въ точности совпадаетъ съ дѣйствительнымъ. Въ данномъ случаѣ всѣ такіе юристы согласились съ мнѣніемъ Бурана, и съ этихъ поръ было рѣшено, что Василій долженъ бѣжать. Такъ какъ онъ могъ пострадать изъ-за «артельнаго дѣла», то артель считала себя обязанной оказать ему помощь. Запасъ сухарей и галетъ, образовавшійся изъ «экономіи», поступилъ въ его распоряженіе, и Василій сталъ «сбивать партію» желающихъ участвовать въ побѣгѣ.

Старый Буранъ бѣгалъ уже съ Сахалина, и потому первый выборъ палъ на него. Старикъ долго не раздумывалъ.

— Мнѣ, — отвѣтилъ онъ, — на роду ужь написано въ тайгѣ помирать. Да оно, пожалуй, въ тайгѣ-то бродягѣ и лучше. Одно вотъ только: годы мои не тѣ, поизносился...

Старый бродяга заморгаль тусклыми глазами.

— Ну, ишь сбивай артель. Вдвоемъ, али втроемъ нечего и идти, — дорога трудная. Наберется человекъ десять — и ладно. А ужъ я пойду, поколѣ ноги-то носить. Хоть помереть бы мнѣ въ другомъ мѣстѣ, а не на этомъ острову.

Буранъ заморгаль еще сильнѣе и по сморщенному, обвѣтрѣлому лицу покатались старческія слезы.

«Ослабъ старый бродяга», подумаль Василій и пошелъ «сбивать артель», подыскивать другихъ товарищей.

IV.

Обогнувъ высокій мысъ, пароходъ вошелъ въ заливъ. Арестанты толпились у люковъ и съ тревожнымъ любопытствомъ смотрѣли на горные высокіе берега острова, все выроставшіе среди сумрака приближавшагося вечера.

Темною ночью подошелъ пароходъ къ порту. Очертанія берега надвинулись и встали черною громадой. Пароходъ остановился, команда выстроилась; стали выводить арестантовъ.

На берегу въ темнотѣ виднѣлись кое-гдѣ огни; море плескалось въ берегъ, на небѣ висѣли тучи, а на сердцѣ у всѣхъ такая же темная, такая же мрачная нависла тоска.

— Портъ это, — тихо говорилъ Буранъ, — *Дуа* *) на-

---

*) Портъ Дуа, на западномъ берегу Сахалина.

зывается. Тут на первое время в казармах жить придется.

Послѣ провѣрки въ присутствіи мѣстнаго начальства вывели партію на берегъ. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ на морѣ, арестанты впервые чувствовали подъ ногами твердую почву. Пароходъ, на которомъ они прожили столько времени, покачивался въ темнотѣ и вздыхалъ среди ночи клубами бѣлаго пара.

Впереди задвигались огни. Послышались голоса:

— Партія, что ли?

— Партія.

— Ступай сюда, въ седьмую казарму!

Арестанты двинулись на огонь. Шли въ разбродъ, въ беспорядкѣ, и всѣхъ поражало то обстоятельство, что сбоку никто не толкаетъ ихъ прикладами.

— Братцы, — слышались удивленные голоса, — никакъ караулу-то съ нами нѣту?

— Молчи! — угрюмо проворчалъ въ отвѣтъ на это Буранъ. — Зачѣмъ тебѣ здѣсь караулъ? Небось, и безъ караулу не убѣжишь. Островъ этотъ большой, да дикой. Въ любомъ мѣстѣ съ голоду поколѣешь. А кругомъ острова море. Не слышишь, что ли?

Дѣйствительно, среди влажной ночи подымался вѣтеръ; огни фонарей неровно мерцали подъ его порывами и глухой гулъ моря доносился съ берега, точно ревъ просыпающагося звѣря.

— Слышь, какъ реветъ? — обратился Буранъ къ Василью. — Вотъ оно: кругомъ-то вода, посередкѣ бѣда... Безпремѣнно море переплывать надо, да еще до переправы

островомъ сколько идти придется... Гольцы, да тайга, да кордоны!... На сердцѣ у меня что-то плохо; нехорошо море-то говорить, неблагопріятно. Не избыть мнѣ, видно, Соколиного острова, не избыть будетъ,—старь! Два раза бѣгалъ; разъ въ Благовѣщенскѣ, другой-то разъ въ Рассеѣ поймали,—опять сюда... Видно, судьба мнѣ на острову помереть.

— Авось не помрешь!—ободрилъ старика Василій.

— Молодь ты, а я ужъ износился. Эхъ, море-то, море-то какъ жалостно, да сердито взгырало!

Изъ казармы № 7 вывели всѣхъ жившихъ въ ней торжнхъ и отвели ее новоприбывшимъ, приставивъ на первое время караулъ. Привыкши къ тюремной неволѣ и крѣпкимъ запорамъ, они непремѣнно разбились бы по острову, какъ овцы, выпущенныя изъ овчарни. Другихъ, жившихъ здѣсь подольше, не запирали: пооглядѣвши и ознакомившись съ условіями, ссыльные убѣждаются, что побѣгъ на островъ—дѣло крайне рискованное, почти вѣрная смерть, и потому на это дѣло отваживаются только исключительныя натуры, да и то послѣ тщательныхъ сборовъ. А такихъ, все равно, запирай, не запирай,—убѣгутъ если не изъ тюрьмы, то съ работы.

— Ну, Буранъ, совѣтуй теперь,—приставалъ къ Бурану Василій, дня черезъ три по пріѣздѣ на островъ,—ты вѣдь у насъ старшій будешь, тебѣ впереди идти, тебѣ и порядки давать. Чай вѣдь запасъ нужно дѣлать.

— Чего совѣтовать-то,—отвѣтилъ старикъ вяло.—Трудно... годы мои не тѣ. Вотъ видишь ты: пройдетъ еще дня три, караулы снимутъ, стапуть партіями въ раз-

ныя мѣста на работы выводить, да и такъ изъ казармы выходить дозволяется. Ну, только съ мѣшкомъ изъ казармы не выпускать. Вотъ тутъ и думай.

— Ты придумай, Буранушка,—тебѣ лучше знать.

Но Буранъ ходилъ осунувшійся, угрюмый и опустившійся. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и только что-то бормоталъ про себя. Съ каждымъ днемъ, казалось, старый бродяга, очутившійся въ третій разъ на старомъ мѣстѣ, «ослабѣвалъ» все больше и больше. Между тѣмъ, Василій успѣлъ подобрать еще десять охотниковъ, молодецъ къ молодцу, и все приставалъ къ Бурану, стараясь расшевелить его и вызвать къ дѣятельности. Порой это удавалось, но даже и тогда старикъ всегда сводилъ рѣчь на трудность пути и дурныя предзнаменованія.

«Не избыть острова!» Это была постоянная фраза, въ которой вылилась безпадежная увѣренность неудачника-бродяги. Тѣмъ не менѣе, въ свѣтлыя минуты онъ оживлялся воспоминаніями о прежнихъ попыткахъ и тогда, въ особенности по вечерамъ, лежа на парахъ, рядомъ съ Василюмъ, онъ рассказывалъ ему объ островѣ и о пути, по которому придется идти бѣглецамъ.

Портъ Дуэ расположенъ на западной сторонѣ острова, обращенной къ азіатскому берегу. Татарскій проливъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 300 верстъ въ ширину; переплыть его въ небольшой лодочкѣ, понятно, нечего и думать, и потому бѣглецы поневолѣ направляются въ ту или другую сторону по острову. Побѣгъ собственно на островъ не труденъ. «Куда хошь ступай,—говорилъ Буранъ,—коли помирать хочется: островъ большой, весь

въ гольцахъ, да въ тайгѣ. Гилякъ инородецъ на что привычный человекъ, и тотъ не во всякомъ мѣстѣ держится. На востокъ ежели пойдешь,—заплутаешься въ камняхъ: либо пропадешь, расклюетъ тебя голодная птица, либо самъ къ зимѣ опять сюда явишься. На югъ пойдешь,—дойдешь до конца острова, а тамъ море-окіянь: на кораблѣ развѣ переплыть. Одна намъ дорога—на сѣверь, все берегомъ держаться. Море-то само дорогу укажетъ. Верстъ триста пройдемъ, будетъ проливъ, узкое мѣсто; тутъ намъ и переправу держать на амурскую сторону на лодкахъ».

— Ну, только что скажу тебѣ, парень,—начиналъ Бурявъ обычный унылый припѣвъ,—и тутъ трудно, потому что мимо кордоновъ идти придется, а въ кордонахъ солдаты. Первый кордонъ Варки называется, предпоследній Панги, последній самый—Подгиба. А почему Подгиба?—больше всѣхъ тутъ нашему брату погибель. И хитро же у нихъ кордоны поставлены: гдѣ этакъ узгорочекъ круто заворачиваетъ, тутъ и кордонъ выстроенъ. Идешь, идешь, да прямо на кордонъ и ваткнешься. Не дай Господи!

— Ну, да вѣдь ужъ два раза ходилъ, чай знаешь?

— Ходилъ, парень, ходилъ...—и потухшіе глаза старика опять вспыхнули.—Ну, слушай меня, да дѣлайте, какъ я велю. Станутъ скоро на мельницу на постройку людей выкликать, вы всѣ въ то число становитесь; станутъ туда провизію запасать, и вы свои сухари да галеты въ телегу складывайте. На мельницѣ-то Петруха сидитъ, изъ каторжныхъ. Отъ него вамъ и будетъ ходъ, съ мельницы то-есть. Три дня здѣсь васъ не спохватятся, такой

здѣсь порядокъ: три дня можно на переключку не являться,—ничего. Докторъ отъ наказанія избавляетъ, потому что, говорить, больница плохая; иной это притомится на работѣ, занеможетъ: чѣмъ ему въ больницу идти, лучше онъ въ кусты уйдетъ, да тамъ какъ-нибудь, на воздухъ-то, и отлежится. Ну, а ужь если на четвертый день не явился, то прямо считаютъ въ бѣгахъ. И самъ послѣ явисься, все равно: приходи да прямо на кобылу и ложись.

— Зачѣмъ на кобылу?—сказаль Василій.—Дастъ Богъ уйдемъ, такъ ужь охотой не вернемся.

— А не вернешься,—глухо заворчалъ Буранъ и глаза его опять потухли,—не вернешься, такъ все равно ворощѣ тебя расклюетъ въ пади гдѣ-нибудь, на кордонѣ. Кордону-то, небось, съ вашимъ братомъ возиться некогда; ему тебя не представлять обратно, за сотни-то версть. Гдѣ увидѣлъ, тутъ уложилъ съ ружья—и дѣлу конецъ.

— Не каркай, старая ворона!... Завтра, смотри, идемъ мы. Ты Боброву сказывай, чего надо,—артель отпустить.

Старикъ проворчалъ что-то въ отвѣтъ и отошелъ, понуривъ голову, а Василій пошелъ къ товарищамъ сказать, чтобы готовились. Отъ должности помощника старосты онъ отказался ранѣе, и на его мѣсто уже выбрали другого. Бѣглецы уложили котомочки, вымѣняли лучшую одежду и обувь и на слѣдующій день, когда, дѣйствительно, стали снаряжать рабочихъ на мельницу, они стали въ число выкликаемыхъ. Въ тотъ же день

съ постройки всё они ушли въ кусты. Не было только Бурана.

Отрядъ подобрался удачно. Съ Васильемъ пошелъ его пріятель, который «по бродяжеству» носилъ кличку Володьки, Макаровъ, силачъ и хватъ, бѣгавшій два раза съ Кары, два черкеса, народъ рѣшительный и незамѣнимый въ отношеніи товарищеской вѣрности, одинъ татаринъ, плутъ и проныра, но за то изобрѣтательный и въ высшей степени ловкій. Остальные были тоже бродяги, искусившіеся въ путешествіяхъ по Сибири.

Артель просидѣла въ кустахъ уже день, переночевала, и другой день клонился къ вечеру, а Бурана все не было. Послали татарина въ казарму; пробравшись туда тихонько, онъ вызвалъ стараго арестанта Боброва, пріятеля Василья, имѣвшаго въ средѣ арестантовъ вѣсъ и вліяніе. На слѣдующее утро Бобровъ пришелъ въ кусты къ бѣглецамъ.

— Что, братцы, какъ бы мнѣ вамъ какую помощь сдѣлать?

— Посылай непременно Бурана. Безъ него намъ не ходъ. Да если чего просить станеть изъ запаса,—дайте. За Бураномъ у насъ только и дѣло-то стало.

Вернулся Бобровъ въ казарму, а Буранъ и не думаетъ собираться. Суется по камерѣ, самъ съ собою разговариваетъ, да размахиваетъ руками.

— Ты что же это, Буранъ, думаешь?—окликнулъ его Бобровъ.

— А тебѣ что?

— Какъ что? Почему не собрался?

— Въ могилу мнѣ собираться, вотъ куда!

Бобровъ разсердился.

— Да ты чтò въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь ребята четвертая сутки въ кустахъ. Вѣдь имъ теперь на кобылу ложиться... А еще старый бродяга!

Заплакалъ отъ покоровъ старикъ.

— Отошло мое время... Не избыть мнѣ острова... Износился!...

— Износился ты, аль нѣтъ, это дѣло твое. Не дойдешь, помрешь въ дорогѣ, за это никто не завинить; а ежели ты подвелъ одиннадцать человѣкъ подъ плети, то обязанъ идти. Вѣдь мнѣ стòдитъ артели сказать, чтò тогда надъ тобой сдѣлають?

— Знаю, — сказалъ Буранъ сумрачно, — сдѣлають «крышку», потому что стòю... Не честно старому бродягѣ помирать такою смертью. Ну, инъ, видно идти мнѣ доводится. Только, вотъ, ничего-то у меня не припасено.

— Все живую рукой будетъ. Что надо?

— А вотъ что: первымъ дѣломъ неси мнѣ двѣнадцать хорошихъ халатовъ, новыхъ.

— Да вѣдь у ребятъ свои есть.

— Ты слушай меня, чтò я говорю, — заговорилъ Буранъ съ сердцемъ: — знаю, что есть у нихъ по халату, а надо по два. Гилякамъ за лодку съ человѣка по халату придется. Да еще надо мнѣ двѣнадцать ножей хорошихъ, по три четверти, да два топора, да три котла.

Бобровъ собралъ артель и объяснилъ, въ чемъ дѣло. У кого были лишніе халаты, всѣ поступились въ пользу

бѣглецовъ. У всякаго арестанта живуче какое-то инстинктивное сочувствіе смѣлой попыткѣ вырваться изъ глухихъ стѣнъ на вольную волю. Котлы и ножи пахлись частью даромъ, частью за деньги у старожиловъ-смыслныхъ. Все было готово дня въ два.

Со времени прибытія партіи на островъ прошло тринадцать дней.

На слѣдующее утро Бобровъ доставилъ Бурана въ кусты, вмѣстѣ съ запасомъ. Бѣглецы «стали на молитву», отслужили пѣчто вродѣ молебна на этотъ случай, по особому арестантскому уставу, попрощались съ Бобровымъ и двинулись въ дорогу.

V.

— Что же, небось, весело было въ путь отправляться?—спросилъ я, вслушиваясь въ окрѣпшій голосъ рассказчика, вглядываясь въ его оживившіяся въ этомъ мѣстѣ разсказа черты.

— Да какъ же не весело! Какъ извошли изъ кустовъ, да тайга-матушка надъ нами зашумѣла,—вѣрите, точно на свѣтъ вновь народились. Таково всѣмъ радостно стало. Одинъ только Буранъ идетъ себѣ впереди, голову повѣсилъ, что-то про себя бормочетъ. Не весело вышелъ старикъ. Чуюло, видно, Бураново сердце, что не далеко уйти ему.

Видимъ мы съ перваго разу, что командеръ у насъ не очень надежный. Онъ хоть бродяга опытный и даже съ Соколиного острова два раза бѣгалъ, да и дорогу,

видно, знаетъ: идетъ, знай, покачивается, по сторонамъ не глядитъ, ровно собака по слѣду,—ну, а все же насъ съ Володькой, съ пріятелемъ, сомнѣніе беретъ.

— Гляди-ко,—говоритъ мнѣ Володька,—съ Бураномъ какъ бы на бѣду не напоротся. Видишь: онъ не въ себѣ что-то.

— А что?—говорю.

— А то, что старикъ какъ будто не въ полномъ разсудкѣ. Самъ съ собой разговариваетъ, голова у него мотается, да и распоряженіевъ отъ него никакихъ не видится. Намъ бы давно ужъ хоть маленькій привалъ сдѣлать, а онъ, видишь, претъ себѣ, да претъ. Не ладно, право!

— Вижу и я, что не ладно. Подошли мы къ Бурану, окликнули:

— Дядя, мошь, а дядя! Что больно разошелся? Не пора ли привалъ сдѣлать, прилечь, отдохнуть?

Повернулся онъ къ намъ, посмотрѣлъ, да опять впередъ пошелъ.

— Погодите,—говоритъ,—зачѣмъ торопитесь ложиться? Вонъ въ Варкахъ, либо въ Пѣгибѣ уложить пулами,—належитесь еще.

Ахъ, чтобъ-те пусто было! Ну, все же мы спорить не стали, потому что онъ—старый бродяга. И, притомъ, сами видимъ, что не дѣло и мы затѣяли: въ первый-то день побольше уйти надо,—тутъ не до отдыха.

Прошли еще сколько-то, Володька опять меня толкаетъ:

— Слышь, Василій, дѣло-то все же не ладно!

— Чтò такое опять?

— До Варковъ-то, сказывали, двадцать верстъ; ну, ужь мы восемнадцать-то вѣрныхъ прошли. Какъ бы на кордонъ не напороться.

— Буранъ, а Буранъ!... Дядя!—кричикъ опять.

— Чтò вамъ?

— Варки чай близко.

— Далекò еще,—отвѣчаетъ и опять пошелъ.

Была бы тутъ бѣда, да на счастье увидѣли мы — на рѣчкѣ челнокъ зачаленъ стоитъ. Какъ увидѣли мы этотъ челнокъ, такъ всѣ и остановились. Бурана Макаровъ силой удержалъ. Ужь ежели, думаемъ себѣ, челнокъ стоитъ, значить и житель близко. Стой, ребята, въ кусты!

Вотъ вошли мы въ тайгу, а на ту пору шли мы падью по рѣчкѣ: по одну сторону горы и по другую тоже горы, листовенью поросли густо. Съ весны съ самой по Соколиному острову туманы теплые ходять, и въ тотъ день съ утра тоже туманъ былъ. А какъ взобрались мы на гору, да прошли малое мѣсто верхами,—дохнулъ изъ пади вѣтеръ, туманъ, какъ нарочно, въ море и угнало. Смотримъ мы: внизу за горкой кордонъ какъ на ладонкѣ, солдаты по двору ходять, собаки лежать, дремлютъ. Всѣ мы тутъ ахнули: вѣдь безъ малаго волку въ пасть своею охотой не полѣзли.

— Какъ же, говоримъ, дядя Буранъ? Вѣдь это кордонъ.

— Кордонъ,—отвѣчаетъ Буранъ.—Самые это Варки.

— Ну,—говоримъ мы ему,—ужь ты, дядя, не про-

гнѣвайся: хоть ты и старше насъ всѣхъ, однако, видно, намъ самимъ о себѣ промышлять надо. Съ тобой какъ разъ бѣды наживешь.

Заплакалъ старикъ.

— Братцы!—говорить,—старъ я, простите ради Христа. Сорокъ лѣтъ хожу, весь исходился, видно; память временами отшибать стало: кое помню, а кое вовсе забылъ. Не взыщите! Надо теперь поскорѣй уходить отсюда: не дай Богъ, за ягодой кто съ кордону пойдетъ или вѣтеръ бродяжымъ духомъ на собаку пахнетъ,—бѣда будетъ.

Пошли мы дальше. Дорогой поговорили межъ собой, и всѣ такъ порѣшили, чтобы за Бураномъ смотрѣть. Меня ребята выбрали вожатымъ; мнѣ, значить, привалами распоряжаться, порядки давать; ну, а Бурану все же впереди идти, потому что онъ съ дороги-то не сбивается. Ноги у бродяги привычныя: весь изомреть, а ноги-то все живы,—идеть себѣ, съ ноги на ногу переваливается. Такъ вѣдь до самой смерти все старикъ этотъ шель.

Шли мы больше горами; оно хоть труднѣе, да за то безопаснѣе: на горахъ-то только тайга шумить, да ручьи бѣгутъ, по камню играютъ. Житель, гилякъ, въ долинахъ живеть, у рѣкъ, да у моря, потому что питается рыбой, которая рыба въ рѣки ихнія съ моря заходитъ, *кыта* называемая. И столь этой рыбы много, такъ это даже удивленію подобно. Кто не видалъ, повѣрить трудно: сами мы эту рыбу руками добывали.

Такъ все и идемъ, носъ-то по вѣтру держимъ. Гдѣ

этакъ безопаснѣе, къ морю, аль къ рѣчкѣ спустимся, а чуть малость сомнѣваться станемъ, сейчасъ опять на верхи. Кордоны-то обходимъ со всякою осторожностью, а кордоны-то стоятъ разно: гдѣ двадцать верстъ разстояніе, а гдѣ и всѣ пятьдесятъ. Угадать никакъ невозможно. Ну, все же какъ-то насъ Богъ миловалъ, обходили всѣ кордоны благополучно, вплоть до послѣдняго...

VI.

Разскащикъ нахмурился и замолчалъ. Спустя нѣкоторое время онъ поднялся съ мѣста.

— Что же дальше?—спросилъ.

— Лошадь вотъ... Чай ужъ просохла. Пора, пожалуй, спустить съ привязи.

Мы оба вышли на дворъ. Морозъ сдавалъ, туманъ разсѣялся. Бродяга посмотрѣлъ на небо.

— Стожары-то высоко поднялись,—сказалъ.—Больше полуночи.

Теперь юрты сосѣдней слободы виднѣлись ясно, такъ какъ туманъ не мѣшалъ. Слобода спала. Бѣлыя полосы дыма тихо и сонно клубились въ воздухѣ, по временамъ только изъ какой-нибудь трубы вдругъ вырывались снопы искръ, неистово прыгая на морозѣ. Якуты топятъ всю ночь безъ перерыва, въ короткую не закрытую трубу тепло вытягиваетъ быстро, и потому первый, кто проснется отъ наступившаго въ юртѣ холода, подкладываетъ свѣжихъ полѣнцевъ.

Бродяга постоялъ нѣкоторое время въ молчаніи, глядя на слободу. Затѣмъ онъ вздохнулъ.

— Вотъ и ровно бы село наше, право! Давно ужъ я села не видалъ. Якуты по наслегамъ живутъ, какъ звѣри въ лѣсу, всѣ въ-одиночку... Эхъ, хоть бы сюда мнѣ перебраться, что ли. Можетъ и выжилъ бы здѣсь.

— Ну, а въ наслегѣ развѣ не выживете? Вѣдь у васъ хозяйство. Вотъ вы говорили, что довольны своимъ положеніемъ.

Бродяга отвѣтилъ не сразу.

— Мочи моей нѣту, вотъ что! Не глядѣли бы глаза на здѣшнюю сторону.

Онъ подошелъ къ коню, пощупалъ у него подъ гривой, потрепалъ по шеѣ. Умный конекъ повернулъ къ нему голову и заржалъ.

— Ну, ладно, ладно! — сказалъ Василій ласково. — Спущу сейчасъ. Смотри, Сѣрко, завтра не выдай!... Въ бѣга его завтра пушу съ татарами. Конекъ хорошій; набѣгалъ я его, — теперь съ любимъ скакуномъ потягается. Вѣтеръ!

Онъ снялъ недоуздокъ и конь веселою рысцой побѣжалъ къ сѣну. Мы вернулись въ избу.

Лицо Василья сохраняло пасмурное выраженіе. Онъ какъ будто забылъ или не хотѣлъ продолжать свой разсказъ. Я напомнилъ ему, что жду продолженія.

— Да что разсказывать-то, — сказалъ онъ угрюмо, — не знаю, право... Нехорошо у насъ вышло. Ну, да ужъ началъ, такъ надо кончать...

Шли мы уже двѣнадцать днѣй и все еще съ Соколи-

наго острова не вышли, а по-настоящему надо бы на восьмой день уже на амурскую сторону перебраться. И все потому, что опасаемся, на командера своего надежды не имѣемъ. Гдѣ бы ровнымъ мѣстомъ идти, берегомъ, а мы по верхамъ рыщемъ, по оврагамъ, по гольцамъ, да тайгой, да по бурелому... Много ли тутъ уйдешь? Вотъ и стала у насъ провизія кончатся, потому что всего на 12 дѣнь и запасали. Стали мы по-началу порціи уменьшать; сухарей понемногу отпускали, и промышляй всякъ для своей утробы какъ знаешь: ягоды-то по тайгѣ много. И пришли мы такимъ родомъ къ заливицику, лиманъ называемый. Вода въ томъ заливицикѣ соленая, а какъ припретъ ину пору съ Амуромъ, то и прѣсная бываетъ. Вотъ хорошо: надо въ этомъ мѣстѣ лодки добывать, на амурскую сторону переправу имѣть.

Стали мы тутъ думать-гадать: гдѣ намъ взять лодки? Приступили къ Бурану: совѣтуй! А Буранъ-старикъ притомился у насъ вовсе: глаза потускли, осунулся весь и никакого совѣту не знаетъ. «У гиляковъ, говоритъ, лодки добывать надо», а гдѣ они, гиляки эти, и какимъ, на примѣръ, способомъ лодки у нихъ получить, этого не объяснять.

Вотъ и говоримъ мы съ Володькой ребятамъ: «Погодите-ка вы здѣсь, а ужъ мы по берегу пойдемъ, можетъ на гиляковъ наткнемся: какъ-нибудь лодку ли, двѣ ли промыслимъ. А вы тутъ, ребята, смотрите, ходите съ опаской, потому что кордонъ, надо быть, по близости находится».

Остались ребята, а мы втроемъ пошли по берегу.

Шли-шли, вышли на утесикъ, глядимъ, а внизу, надъ рѣчкой, гилякъ стоитъ, снасть чинить. Богъ намъ его, Оркуна этого, послалъ.

— Это что же Оркунъ, имя, что ли?—спросилъ я разскащика.

— Кто его знаетъ? Можетъ и имя, а вѣрнѣе, что старосту это по-ихнему обозначаетъ. Намъ неизвѣстно, а только какъ подошли мы къ нему потихоньку (не сбѣжалъ бы, думаемъ), окружили его, онъ и сталъ тыкать себя пальцемъ въ грудь: Оркунъ, говорить, Оркунъ; а что такое Оркунъ, мы не понимаемъ. Однако стали съ нимъ разговаривать. Володька взявъ въ руки палочку и начертилъ на землѣ лодку; значить: вотъ намъ отъ тебя какой предметъ требуется! Гилякъ сообразилъ сразу, замоталъ головой и начинаетъ намъ пальцы казать: то два покажетъ, то пять, то всѣ десять. Не могли мы долго въ толкъ взять, что такое онъ показываетъ, а потомъ Макаровъ догадался:

— Братцы, говорить, да вѣдь это ему надо знать, сколько насъ, какую лодку готовить.

— Вѣрно!—говоримъ и показываемъ гиляку, что, молъ, двѣнадцать насъ всѣхъ человѣкъ. Замоталъ головой,—понялъ!

Потомъ велить себя къ остальнымъ товарищамъ вести. Взяло насъ тутъ маленько раздумье, да что станешь дѣлать? Пѣшкомъ по морю не пойдешь! Привели. Возроптали на насъ товарищи: «Это вы, молъ, зачѣмъ гиляка сюда-то притащили? Казать ему насъ, что ли?... Да что-жь тутъ подѣлаешь. «Молчите, говоримъ, мы

съ нимъ дѣло дѣлаемъ». А гилякъ ничего, ходитъ межъ насъ, ничего не опасается; знай себѣ халаты пощупываетъ.

Отдали мы ему запасные халаты, онъ ихъ ремнемъ перевязалъ, вскинулъ на плечи и пошелъ себѣ внизъ. Мы, конечно, за нимъ. А внизу-то, смотримъ, юртенки гиляцкія стоятъ, вродѣ какъ бы деревушка.

— Что-жъ теперь?—сумлѣваются ребята.—Вѣдь онъ въ деревню пошелъ, народъ сгонять станетъ!...

— Ну, такъ что-жъ,—говоримъ мы имъ.—Ихъ всего-то четыре юрты,—много ли тутъ народу наберется? А вѣдь насъ двѣнадцать человѣкъ, ножи у насъ по три четверти аршина, хорошіе... Да и гдѣ же гиляку съ русскимъ человѣкомъ силой равняться? Русскій человѣкъ—хлѣбной, а онъ рыбу одну жретъ. Съ рыбы-то много ли онъ силы наѣстъ? Куда имъ!

Ну, все-таки, надо правду говорить, маленько и у меня по сердцу скребнуло: не было бы какого худа. Вотъ, молъ, и край Соколиного острова стоимъ, а приведетъ ли Богъ на амурской-то сторонѣ побывать? А амурская-то сторона за проливомъ край неба горами синѣтъ. Такъ бы, кажись, птицей снялся да полетѣлъ. Да вишь: локоть и близокъ, а укусить—не укусишь!...

Вотъ хорошо. Подождали мы маленько, смотримъ: идутъ къ намъ гиляки гурьбой, Оркунъ впереди, и въ рукахъ у нихъ копья. «Вотъ видите,—ребята говорятъ,—гиляки биться идутъ!»—Ну, молъ, что будетъ... Готовъ, ребята, ножи! Смотрите: живьемъ никому не сдаваться и живого имъ въ руки никого не давать. Кого убьютъ,

дѣлать нечего,—значить, судьба! А въ комъ духъ остался, за того стоять. Либо всѣмъ уйти, либо всѣмъ живымъ не быть. Стой, говорю, ребята, крѣпче!»

Однако, на гиляковъ мы это подумали напрасно. Увидѣлъ Оркунъ, что мы сумлѣваемся, обобралъ у своихъ копья, одному на руки сдать, а съ остальными къ намъ идетъ безъ оружія. Тутъ ужъ и мы увидали, конечно, что у гиляковъ дѣло на чести, и пошли съ ними къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ лодки были спрятаны. Выволокли они намъ двѣ лодки: одна побольше, другая поменьше. Въ большую-то Оркунъ приказываетъ восьмерымъ садиться, въ маленькую—остальнымъ.

Вотъ мы, значить, и съ лодками стали, а только переправляться-то сразу нельзя. Повѣялъ съ амурской стороны вѣтеръ, волна съ проливу пошла крупная, прибой такъ въ берегъ и хлещетъ. Никакъ намъ въ этихъ лодочкахъ по этой погодѣ переѣхать невозможно.

И пришлось намъ изъ-за вѣтру прожить на берегу еще два дня. Припасы-то, между тѣмъ, всѣ прикончились, ягодой только брюхо набиваемъ, да еще Оркунъ, спасибо ему, четыре юколы далъ,—рыба у нихъ такая. Такъ вотъ юколой этой еще сколько-нибудь пытались. Честныхъ правилъ, отличный гилякъ былъ, дай ему Господи! И по сю пору о немъ вспоминаю.

День прошелъ, все мы на берегу томимся. И до чего досадно было, такъ и сказать невозможно. Ночь переночевали, на другой день—все вѣтеръ. Тоска донимаетъ, просто терпѣть нельзя. А амурская-то сторона изъ-подъ вѣтру-то еще явственнѣе выступаетъ, потому

что туманъ съ моря согнало. Буранъ нашъ какъ сѣлъ на утесикѣ, глазами на тотъ берегъ уставился, такъ и сидитъ. Не говорить ничего и ягодъ не собираетъ; скалится кто надъ старикомъ, принесетъ ему ягоды въ шапкѣ,—ну, онъ поѣстъ, а самъ ни съ мѣста. Загорѣлось у старика бродяжьё сердце. А можетъ и то: смерть свою ждалъ... Бываетъ!...

Наконецъ, всѣмъ ужъ невтерпѣжь стало, и стали ребята говорить: ночью, какъ-никакъ, ѣдемъ! Днемъ невозможно, потому что кордонные могутъ увидѣть,—ну, а ночью-то отъ людей безопасно, а Богъ авось помилуетъ, не потопитъ. А вѣтеръ-то все гудѣтъ по проливу, волна такъ и ходитъ: бѣлые зайцы по гребню играютъ, старички (птица такая, вродѣ чайки) надъ моремъ летаютъ, крикомъ кричатъ, ровно черти. Каменный берегъ весь стономъ стонетъ, море на берегъ лѣзетъ!

— Давайте, говорю, ребята, спать ляжемъ. Луна съ полночи взойдетъ, тогда что Богъ дастъ, поплывемъ. Спать ужъ тогда немного придется, надо теперь силы наспать.

Послушались ребята, легли. Выбрали мы мѣсто на высококомъ берегу, близъ утесу. Снизу-то, отъ моря, насъ и не видно: деревья кроютъ. Одинъ Буранъ не ложится: все въ западную сторону глядитъ. Легли мы, солнце-то еще только-только склоняться стало, до ночи далеко. Перекрестился я, послушалъ, какъ земля стонетъ, какъ тайгу вѣтеръ качаетъ, да и заснулъ.

Спимъ себѣ, бѣды и не чаемъ.

Долго ли, коротко ли спали, только слышу я: Буранъ

меня окликаетъ. Проснулся отъ сна, гляжу: солнце-то садиться хочетъ, море утихло, мѣрки надъ берегомъ залегаютъ. Надо мною Буранъ стоитъ, глаза у него дикіе.

— Вставай, говорить, пришли ужь... по душу, говорить, пришли!...—рукой этакъ въ кусты показываетъ.

Вскочилъ я тутъ на ноги, гляжу: въ кустахъ солдаты....

Одинъ, поближе, изъ ружья цѣлится, другой, подальше, подбѣгаетъ, а съ горки этакъ еще трое спускаются, ружья поднимаютъ. Мигомъ сопь съ меня соскочилъ; крикнулъ я тутъ громкимъ голосомъ, и поднялись ребята сразу всѣ, какъ одинъ. Только успѣлъ первый солдатъ выстрѣлить, мы ужь на нихъ набѣжали...

Глухое волненіе сдавило голосъ рассказчика; онъ попурилъ голову. Въ юртѣ стояла полутьма, такъ какъ бродяга забылъ подкладывать полѣнья.

— Не надо бы рассказывать,—сказалъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось что-то вродѣ просьбы.

— Нѣтъ ужь, все равно, кончайте! Что же дальше?

— А дальше... да что ужь тутъ... сами подумайте: вѣдь ихъ всего-то пять человѣкъ, а насъ двѣнадцать. Да еще думали они насъ сонныхъ накрыть, все равно какъ тетеревей, а вмѣсто того мы имъ и оглянуться-то, и собраться въ кучу не дали... Ножи у насъ длинные...

Выстрѣлили они по разу на-спѣхъ — промахнулись. Бѣгутъ съ горки и удержаться-то трудно. Сбѣжить внизъ, а тутъ внизу мы его и принимаемъ...

— Вѣрите вы?—какъ-то жалостливо проговорилъ раз-

скацикъ, поднимая на меня глаза съ выраженіемъ тоски, — и оборониться-то они нисколько не умѣли: со штыками этакъ какъ отъ собакъ отмахиваются, а мы на нихъ, мы на нихъ, какъ лютые волки!...

Пхнулъ одинъ солдатъ штыкомъ меня въ ногу, оцарапалъ только, да я споткнулся, упалъ... Онъ на меня. Сверху еще Макаровъ навалился. Слышу: бѣжить по мнѣ кровь... Мы-то съ Макаромъ встали, а солдатикъ остался...

Поднялся я на ноги, гляжу: послѣдніе двое на пригорокъ выбѣжали. Впереди-то Салтановъ, начальникъ кордона, лихой, далеко про него слышно было; гиляки — и тѣ его пуще шайтана боялись, а ужъ изъ нашего-то брата не одинъ отъ него смерть себѣ получилъ. Ну, на этотъ разъ не пришлось... Самъ себя потерялъ...

Было у насъ два черкеса, проворны какъ кошки и храбрость имѣли большую. Кинулся одинъ къ Салтанову на-встрѣчу, въ половинѣ пригорка сошлись. Салтановъ въ него изъ револьвера выпалилъ: черкесь нагнулъ, оба упали. А другой-то черкесь подумалъ, что то-варищъ у него убить. Какъ бросится туда же... Оглянуться мы не успѣли, онъ ужъ Салтанову голову напроць ножомъ отмахнулъ.

Вскочилъ на ноги, зубы оскалилъ... въ рукахъ голову держать. Замерли мы всѣ тутъ, глядимъ... Скрикнулъ онъ что-то по-своему, звонко... Размахалъ голову, размахалъ и бросилъ...

Полетѣла голова поверхъ деревьевъ съ утесу... Тишина у насъ настала, стоимъ всѣ ни живы, ни мертвы

и слышимъ: внизу по морю плескъ раздался,—пала голова въ море.

И солдатикъ послѣдній на пригоркѣ стоитъ, остановился. Потомъ ружье бросилъ, закрылъ лицо руками и убѣжалъ. Мы и не гонимся: бѣги, Богъ съ тобой! Одинъ онъ, бѣдняга, на всемъ кордонѣ остался, потому что было двадцать человѣкъ. Тринадцать на амурскую сторону за провизіей поѣхали, да изъ-за вѣтру не успѣли еще вернуться, а шестерыхъ мы уложили.

Кончилось все, а мы испугались, никакъ сообразиться не можемъ, другъ на друга глядимъ: что же, моль, это такое—во снѣ, али вправду? Только вдругъ слышимъ сзади, на томъ мѣстѣ, гдѣ спали мы, подъ деревомъ, Буранъ у насъ стонетъ...

А Бурана нашего первый солдатъ изъ ружья убилъ. Не вовсе убилъ,—промаялся старикъ еще малое время, да не долго. Пока солнце за гору сѣло, изъ старика и духъ вонъ. Страсть было жалко!...

Подошли мы къ нему, видимъ: сидитъ старикъ подъ кедрой, рукой грудь зажимаетъ, на глазахъ слезы. Поманилъ меня къ себѣ. «Вели, говорить, ребятамъ могилу мнѣ вырыть. Все одно вамъ сейчасъ плыть нельзя, надо ночи дожждаться, а то какъ бы съ остальными солдатами въ проливѣ не встрѣтиться. Такъ ужь похороните вы меня, ради Христа».

— Что ты, что ты, дядя Буранъ!—говорю ему.—Нешто живому человѣку могилу роютъ? Мы тебя на амурскую сторону свеземъ, тамъ на рукахъ понесемъ... Богъ съ тобой.

— Нѣтъ ужъ, братецъ,—отвѣчаетъ старикъ,— противъ своей судьбы не пойдешь, а ужъ мнѣ судьба лежать на этомъ острову, видно. Такъ пусть ужъ... чуяло сердце... Вотъ всю-то жизнь почитай все изъ Сибири въ Рассею рвался, а теперь хоть бы на сибирской землѣ помереть, а не на этомъ на острову проклятомъ...

Подивился я тутъ на Бурана, — совсѣмъ не тотъ старикъ сталъ: говорить какъ слѣдуетъ, въ полной памяти, глаза у него ясные, только голосъ слабый. Собралъ насъ всѣхъ вокругъ себя и сталъ наставлять.

— Слушайте, говорить, ребята, что я стану рассказывать, да запоминайте хорошенько. Придется теперь вамъ безъ меня по Сибири идти, а мнѣ здѣсь оставаться. Дѣло ваше теперь очень опасно, — пуще всего, что Салтанова убили. Слухъ теперь пройдетъ объ этомъ дѣлѣ далеко: не то что въ Иркутскѣ, — въ Рассеѣ объ этомъ дѣлѣ узнаютъ. Станутъ васъ въ Николаевскомъ сторожить. Смотри, ребята, идите опасно; голодъ, холодъ терпите, а ужъ въ деревни-то заходите поменьше, города обходите подальше. Гиляка и голда не бойтесь,—эти васъ не тронутъ. Ну, теперь замѣчайте хорошенько, стану вамъ про дорогу по амурской сторонѣ рассказывать. Будетъ тутъ передъ Николаевскимъ городомъ заимка, въ той заимкѣ нашъ благодѣтель живетъ, прикащикъ купца Тарханова. Торговаль онъ раньше на Соколиномъ острову съ гиляками, заѣхалъ съ товарами въ горы, да и сбился съ дороги, заблудился. А съ гиляками у него нелады были, ссора. Увидѣли они, что забрался онъ въ глухое мѣсто, и застучали его въ оврагъ; совсѣмъ было убили,

да какъ разъ на ту пору шли мы самымъ тѣмъ оврагомъ, соколинскіе бродяжки... Въ первый разъ еще тогда я съ Соколиномъ уходилъ. Вотъ слышали мы, что русской человѣкъ въ тайгѣ голосомъ голосить, кинулись въ оврагъ и прикащика отъ гиляковъ избавили; съ тѣхъ самыхъ поръ онъ нашу добродѣтель помнить. «Должонъ я, говорить, по гробъ моей жизни соколинскихъ ребятъ наблюдать», и дѣйствительно, съ тѣхъ поръ нашимъ отъ него всякое довольствіе идетъ. Разыщите его,—счастливы будете и всякую помощь получите.

Вотъ рассказалъ намъ старикъ всѣ дороги, наставленіе далъ, а потомъ говоритъ:

— Теперь, говорить, ребята, вамъ времени-то терять незначѣмъ. Прикажи-ка, Василий, на этомъ мѣстѣ домину мнѣ вырыть, потому что мѣсто хорошее. Пусть хоть вѣтеръ съ амурской стороны долетаетъ, да море оттуда плещетъ. Не мѣшайте, полно, ребята! Принимайтесь за работу живѣе!

Послушались мы.

Тутъ старикъ подъ кедрой сидитъ, а тутъ мы ему могилу роемъ; вырыли могилу ножами, помолились Богу, старикъ ужъ у насъ молчитъ, только головой качаетъ, слезно плачетъ. Сѣло солнце, старикъ у насъ померъ. Стемнѣло, мы ужъ и яму сравнивали.

Какъ выплыли мы на середину пролива, луна на небо взошла, освѣтлѣло. Оглянулись всѣ, сняли шапки... За нами, сзади, Соколиный островъ горами высится, на утесикѣ-то Буранова кедръ стоитъ...

VII.

Переѣхали мы на амурскую сторону, а ужь тамъ гилаки говорятъ: «Салтанова голова... вода». Бѣдѣвые эти инородцы, сороки имъ на хвостѣ вѣсти посятъ. Чтѣ ни случись, все въ ту же минуту узнають. Повстрѣчали мы ихъ нѣсколько человѣкъ у моря, рыбу они ловили. Мотають головами, смѣются; видно, что рады сами. А мы думаемъ: хорошо, молъ, вамъ, чертямъ, смѣяться, а намъ-то каково! Изъ-за этой головы намъ, можетъ, всѣмъ теперь своихъ головъ не сносить. Ну, дали они намъ рыбы, распросили мы ихъ про всѣ дороги, какія тутъ были, и пошли себѣ по своей. Идемъ-то по землѣ словно по камню горячему, каждого шороху пугаемся, каждую займку обходимъ, отъ русскаго человѣка тотчасъ въ тайгу хоронимся, слѣды заметаемъ. Страшно вѣдь...

Днемъ больше въ тайгѣ отдыхали, по ночамъ шли напролетъ. Къ Тархановой займкѣ подошли на разсвѣтѣ. Стоитъ въ лѣсу займка новая, кругомъ огорожена, ворота заперты на-крѣпко. По примѣтамъ выходитъ та самая, про какую Буранъ рассказывалъ. Вотъ подошли мы, вѣжливенько постучались, смотримъ: вздувають въ займкѣ огонь. «Кто, молъ, тутъ, что за люди?»

— Бродяжки, говоримъ, отъ Бурана Стахѣю Митричу поклонъ принесли.

А на ту пору Стахѣй Митричь, главный-то прикащикъ тархановскій, въ отлучкѣ находился, а на займкѣ подручнаго оставилъ, и былъ отъ него подручному на-

казь: въ случаѣ придуть соколинскіе ребята, давать имъ по пяти рублей на брата, да сапоги, да полушубокъ, бѣлья и провизіи — сколько потребуется. «Сколько бы ихъ ни было, говорить, всѣхъ удовлетвори, собери работниковъ, да при нихъ выдачу и засвидѣтельствуй. Тутъ и отчетъ весь!»

А ужъ на заимкѣ тоже про Салтанова узнали. Прикащикъ-то увидѣлъ насъ и испужался.

— Ахъ, братцы, говорить, не вы ли же это Салтанова прикончили? Бѣда вѣдь!

— Ну, молъ, мы, аль не мы, объ этомъ разговаривать нечего. А не будетъ ли отъ вашей милости какой помощи? Отъ Бурана мы къ Стахѣю Митричу съ поклономъ.

— А самъ-то Буранъ что же? Али опять на островъ попалъ?

— Попалъ, говоримъ, да приказалъ долго жить.

— Ну, царство ему небесное... Хорошій бродяга былъ, честныхъ правилъ, хоть и незадачливый. Стахѣй Митричъ и по сю пору его вспоминаетъ. Теперь, чай, въ поминанье запишетъ, только вотъ имя-то ему какъ? Не знаете ли, ребята?

— Не знаемъ мы. Буранъ да Буранъ, такъ и звали. Чай покойникъ и самъ-отъ свое имя забылъ, потому что бродягѣ не къ чему.

— То-то вотъ. Эхъ, братцы, жизнь-то, жизнь ваша!... Захочетъ попъ объ васъ Богу сказать, и то не знаетъ, какъ назвать... Тоже чай у старика въ своей сторонѣ родня была: братья, сестры, а можетъ и родныя дѣтки.

— Какъ чай не быть. Бродяга-то хоть имя свое крещное бросилъ, а тоже вѣдь и его баба родила, какъ и людей...

— Горькая ваша жизнь,—охъ, горькая!

— Чего горше: ѣдимъ прошеное, носимъ брошеное, помремъ—и то въ землю не пойдёмъ. Вѣрно! Не всякому вѣдь бродягѣ и могила-то достанется. Помрешь въ пустынь,—звѣрь сожретъ, птица расклюетъ... Кости—и тѣ сѣрые волки врозь растащутъ. Какъ же не горькая жизнь?

Пригорюнились мы... Хоть жалостныя-то слова мы для прикащика говоримъ,—потому сибиряку чѣмъ жалостнѣе скажешь, то онъ больше тебя наградить,—ну, а все же видимъ и сами, что правда, такъ оно и по-настоящему точка въ точку выходитъ. Вотъ, думаемъ, онъ сейчасъ зѣвнетъ, да перекрестится, да и завалится спать... въ теплѣ, да въ сытости, и никого-то онъ не боится, а мы пойдёмъ по дикой тайгѣ путаться глухою ночью, да точно нечисть болотная съ пѣтухами отъ крещонныхъ людей хорониться.

— Ну, однако, ребята,—говорить прикащикъ,—пора мнѣ и на-боковую. Жертвую вамъ отъ себя по двугривенному на брата, да по положенію, что слѣдуетъ, получите и ступайте себѣ съ Богомъ. Рабочихъ всѣхъ будить не стану,—трое есть у меня понадежнѣе, такъ они и засвидѣтельствуютъ для отчету. А то какъ бы съ вами бѣды не нажить... Смотрите, въ Николаевской городъ лучше не заглядывайте. Намеднись я оттуда пріѣхалъ: справникъ нонѣ живетъ бойкой; приказалъ всѣхъ про-

хожихъ имать, гдѣ какой ни объявится. «Сорокѣ, говорить, пролетѣть не дамъ, заяцъ мимо не проскачетъ, звѣрь не прорыщетъ, а ужъ этихъ я молодцовъ-соколинецъ изымаю». Счастливы будете, ежели удастся вамъ мимо пройти, а ужъ въ городъ-то ни за коимъ дѣломъ не заходите.

Выдалъ онъ намъ по положенію, рыбы еще далъ нѣсколько, да отъ себя по двугривенному накиннулъ. Потомъ перекрестился на небо, ушелъ къ себѣ на займку и дверь заперъ. Погасили сибиряки огни, легли спать, — до свѣту-то еще не близко. А мы пошли себѣ своею дорогой и очень намъ всѣмъ въ ту ночь тоскливо было.

Охъ, и люта же тоска на бродягу живеть! Ночка-то темная, тайга-то глухая... дождемъ тебя моетъ, вѣтромъ тебя сушить и на всемъ-то, на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ тебѣ родного угла, ни приюту... Все вотъ на родину тянешься, а приди на родину, тамъ тебя всякая собака за бродягу знаетъ. А начальства-то много, да начальство-то строго... Долго ли на родинѣ погуляешь, — опять тюрьма!

Да еще и тюрьма-то иной разъ раемъ вспоминается, право... Вотъ и въ ту ночь, идемъ-идемъ, вдругъ Володька и говорить:

— А что, братцы, что-то теперь наши подѣлываютъ?

— Это ты про кого, моль?

— Да наши, на Соколиномъ острову, въ седьмой казармѣ. Чай спать себѣ теперь и горюшка мало!... А мы вотъ тутъ... Эхъ, не надо бы и ходить-то...

Прикрикнулъ я на него. «Полно, молъ, тебѣ бабиться! И не ходилъ бы, коли духъ въ тебѣ короткій,—на другихъ тоску нытьемъ нагоняешь».

А самъ, признаться, тоже задумался. Притомились мы, идемъ—дремлемъ; бродягѣ это въ привычку на ходу спать. И чуть маленько забудусь, сейчасъ казарма и приснится. Мѣсяцъ будто свѣтитъ и стѣнка на свѣту поблескиваетъ, а за рѣшотчатыми окнами—нары, а на нарахъ арестантики спятъ рядами. А потомъ приснится, и самъ будто лежу, потягиваюсь... Потянусь—и сна не бывало...

Ну, нѣтъ того сна лютѣе, какъ отецъ съ матерью приснятся. Ничего будто со мною не бывало—ни тюрьмы, ни Соколиного острова, ни этого кордону. Лежу будто въ горенкѣ родительской, и мать мнѣ волосы чешетъ и гладитъ. А на столѣ свѣчка стоитъ и за столомъ сидитъ отецъ, очки у него надѣты и старинную книгу читаетъ. Начотчикъ былъ. А мать будто пѣсню поетъ.

Проснулся я отъ этого сна,—кажись, ножъ бы въ сердце, такъ въ ту же пору. Въмѣсто горенки родительской—глухая тропа таѣжная. Впереди-то Макаровъ идетъ, а мы за нимъ гусемъ. Вѣтеръ подыметъ, пошелеститъ вѣтвями и стихнетъ. А вдали, сквозь деревъ, море виднѣется, и надъ моремъ край неба просвѣчиваетъ,—значить, скоро заря и намъ куда-нибудь въ оврагъ хорониться. И никогда-то,—можетъ и сами слышали,—никогда оно не молчитъ, море-то. Все будто говорить что-то, пѣсню поетъ, али такъ бормочетъ... Оттого мнѣ

во снѣ все пѣсня и снилась. Пуще всего нашему брату отъ моря тоска, потому что мы къ нему не привычны.

Стали ближе къ Николаевску подаваться, займки пошли чаще и намъ еще опаснѣе. Какъ-никакъ, подвигаемся помаленьку впередъ, да тихо: ночью идемъ, а съ утра забываемся въ глушь, гдѣ ужъ не то что человѣкъ,— звѣрь не прорыщетъ, птица не пролетитъ.

Николаевскъ городъ надо бы подальше обойти, да ужъ мы притомились по пустымъ мѣстамъ, до и припасы кончились. Вотъ подходимъ къ рѣкѣ подъ вечеръ, видимъ: на берегу люди какіе-то. Приглядѣлись, анъ это «вольная команда» *) съ сѣтями рыбу ловить. Ну, и мы безъ страху подходимъ:

— Здорово, молъ, господа, вольная команда!

— Здравствуйте,— отвѣчаютъ.—Издаlechа ли Богъ не сеть?

Слово за слово, разговорились. Потомъ староста ихній посмотрѣлъ на насъ пристально, отозвалъ меня къ сторонкѣ и спрашиваетъ:

— Вы, господа проходящіе, не съ Соколиного ли острову? Не вы ли это Салтанова «накрыли»?

Постѣснялся я, признаться, сказать ему откровенно всю правду. Онъ хошь и свой братъ, да въ этакоемъ дѣлѣ и своему-то не сразу довѣришься. Да и то сказать: вольная команда все же не то, что арестантская

---

*) *Вольную команду* составляютъ каторжники, отбывшіе положенный срокъ испытанія. Они живутъ не въ тюрьмѣ, а на вольныхъ квартирахъ, хотя все же и они лично, и ихъ трудъ подвергаются извѣстному контролю и обусловлены извѣстными правилами.

артель: захочетъ онъ, напрімѣръ, передъ начальствомъ выслужиться, придетъ и доложить тайкомъ,—онъ вѣдь «вольный». Въ тюрьмахъ у насъ всѣ фискалы на-перечетъ,—чуть что, сейчасъ ужь знаемъ на кого думать. А на волѣ-то какъ узнаешь?

Вотъ видите онъ, что я позамялся, и говорить опять:

— Вы меня не опасайтесь: я своего брата выдавать никогда не согласенъ, да и дѣла мнѣ нѣтъ. Не вы, такъ и не вы! А только, какъ было слышно въ городѣ, что на Соколинѣ сдѣлано качество, и вижу я теперь, что васъ одиннадцать человѣкъ, то я и догадался. Охъ, ребята, бѣда вѣдь это,—право, бѣда! Главное дѣло: качество-то большое, да и исправникъ у насъ нонѣ дошлый. Ну, это дѣло ваше... Пройдете мимо,—счастливы будете, а пока-мѣстъ вотъ осталось у насъ артельного припасу достаточно, и какъ нонче намъ домой возвращаться, то получите себѣ нашъ хлѣбъ, да еще рыбы вамъ отпущимъ. Не нужно ли котла?

— Пожалуй, говорю, лишній не помѣшаетъ.

— Берите артельный... Да еще изъ городу ночью я вамъ кое-чего привезу. Надо вѣдь своему брату помощь дѣлать.

Легче тутъ намъ стало. Снялъ я шапку, поклонился доброму человѣку; товарищи тоже ему кланяются... И то дорого, что припасами надѣлили, а еще пуще того дорого, что доброе слово услышали. До сихъ поръ шли, отъ людей прятались, потому знаемъ: смерть намъ отъ людей предстоитъ, больше ничего. А тутъ пожалѣли насъ.

Ну, на радостяхъ-то чуть было бѣды себѣ не надѣляли.

Какъ отъѣхала вольная команда, ребята наши повеселѣли. Володька даже въ плясъ пустился, и сейчасъ мы весь свой страхъ забыли. Ушли мы въ падь, называемая та падь Дикманская, потому что нѣмецъ-пароходчикъ Дикманъ въ ней свои пароходы строилъ... надъ рѣчкой... Развели огонь, подвѣсили два котла, въ одномъ чай заварили, въ другомъ уху готовимъ. А дѣло-то ужъ и къ вечеру подошло, глядишь и совсѣмъ стемнѣло, и дождикъ пошелъ. Да намъ въ то время дождикъ, у огня-то да за чаемъ, нипочемъ показался.

Сидимъ себѣ, бесѣдуемъ, какъ у Христа за пазухой, а о томъ и не думаемъ, что отъ насъ на той сторонѣ городскіе огни виднѣются, стало-быть и нашъ огонь изъ городу тоже видать. Вотъ вѣдь до чего нашъ братъ порой безпеченъ бываетъ: по горамъ шли, тайгой, такъ и то всякаго шороху пугались, а тутъ противъ самаго города огонь развели и бесѣдуемъ себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ.

На счастье наше, жилъ въ то время въ городу старичокъ-чиновникъ. Былъ онъ въ прежнее время въ N. тюремнымъ смотрителемъ. А въ N. тюрьма большая, народу въ ней перебивало страсть, и всѣ того старика поминали добромъ. Вся Сибирь Самарова знала, и какъ сказали мнѣ недавно ребята, что померъ онъ въ третьемъ годѣ, то я нарочно къ попу ѣздилъ, полтину за поминъ души ему отдалъ, право! Добрѣйшей души старичокъ былъ, царствіе ему небесное, только ругаться любилъ... Такой былъ ругатель, просто бѣда. Кричить, кричить, и ногами топаетъ, и кулаки сжимаетъ, а никакого страху отъ него

не было. Уважали ему, конечно, во всякое время, потому что был старикъ справедливый. Никогда отъ него арестанту обиды не было, никогда ничѣмъ не притѣснялъ, копѣйкой артельной не прибытчился, кромѣ того, что добровольно артель за его добродѣтель награждала. Не забывали, надо правду говорить, и его арестанты, потому что семья у него была не малая... Имѣлъ доходъ порядочный...

Въ то время старичокъ этотъ былъ ужъ въ отставкѣ и жилъ себѣ въ Николаевскѣ на покоѣ, въ собственномъ домишкѣ. И по старой памяти все онъ съ нашими ребятами изъ вольной команды дружбу водилъ. Вотъ сидѣлъ онъ тѣмъ временемъ у себя на крылечкѣ и трубку покуривалъ. Курить трубку и видить: въ Дикманской пади огонекъ горить. «Кому же бы это, думаетъ, тотъ огонекъ развести?»

Проходили тутъ двое изъ вольной команды, подозвалъ онъ ихъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ нонѣ ваша команда рыбу ловить? Неужто въ Дикманской пади?

— Нѣтъ,—говорять тѣ,— не въ Дикманской пади. Нонѣ имъ повыше надо быть. Да и то, никакъ, вольной командѣ нынче въ городъ возвращаться.

— То-то вотъ и я думаю... А видите вонъ огонекъ за рѣкой горить?

— Видимъ.

— Кому же у того огня быть? Какъ по-вашему?

— Не можемъ знать, Степанъ Савельичъ. Какіе-нибудь проходящіе.

— То-то, проходящіе... Нѣтъ у васъ, подлецовъ, догадки о своемъ братѣ подумать, все я объ васъ обо всѣхъ думай... А слышали, что исправникъ третьяго дня про соколинцевъ-то сказывалъ? Видали, молъ, ихъ недалече... Не они ли это, дурачки, огонь развели?

— Можетъ статья, Степанъ Савельичъ. Не диво, что и они развели.

— Ну, плохо-жь ихъ дѣло! Вотъ вѣдь, подлецы, чего дѣлаютъ!... Не знаю, исправникъ-то въ городѣ ли? Коли не вернулся еще, такъ скоро вернется; увидитъ этотъ огонь, сейчасъ команду нарядитъ. Какъ быть? Жаль вѣдь мерзавцевъ-то: за Салтанова имъ всѣмъ своихъ головъ не сносить! Снаряжай-ка, ребята, лодку...

Вотъ, сидимъ мы у огня, уши дожидаемся,—давно горячаго не видали. А ночь темная, съ окіяну тучи надвинулись, дождикъ моросить, по тайгѣ въ оврагѣ шумъ идетъ, а намъ и любо... Нашему-то брату, бродяжкѣ, темная ночь—родная матушка; на небѣ темнѣе—на сердцѣ веселѣе.

Только вдругъ татаринъ у насъ уши насторожилъ. Чутки они, татары-то, какъ кошки. Прислушался и я, слышу: будто кто тихонько по рѣкѣ весломъ плещетъ. Подошелъ ближе къ берегу, такъ и есть: крадется подъ кручей лодочка, гребцы на веслахъ сидятъ, а у рулевого на лбу кокарда поблескиваетъ.

— Ну, говорю, ребята, пропали наши головы... Исправникъ!

Вскочили всѣ, котлы опрокинули,—въ тайгу!... Не приказалъ я ребятамъ врозь разбѣгаться. Посмотримъ,

моль, что еще будетъ: можетъ гурьбой-то лучше спасемъся, если ихъ мало. Притаились за деревьями, ждемъ.

Пристааетъ лодка къ берегу, выходятъ на берегъ пятеро. Одинъ засмѣялся и говорить:

— Что, дурачки, разбѣжались? Небось, выйдете всѣ,— я на васъ такое слово знаю. Вишь, удалые ребята, а бѣгаютъ какъ зайцы!

Сидѣлъ рядомъ со мной Дарьинъ за кедрой.

— Слышь, говорить, Василий? Чудное дѣло: голосъ у исправника будто знакомый.

— Молчи, говорю, что еще будетъ. Немного ихъ.

Вышелъ тутъ одинъ гребецъ впередъ и спрашиваетъ:

— Эй, вы, не бойтесь!... Кого вы въ здѣшнемъ острогѣ знаете?

— Притаили мы духъ, не откликаемся.

— Да что вы это, лѣшіе!—откликаетъ тотъ опять.— Сказывайте, кого вы въ здѣшнемъ острогѣ знаете, можетъ и насъ узнаете тоже.

Отозвался я.

— Да ужъ знаемъ ли, нѣтъ ли, а только еслибъ вѣкъ васъ не видать, можетъ и намъ, и вамъ лучше бы было. Живьемъ не дадимся.

Это я товарищамъ признакъ подаль, чтобы готовились. Ихъ всего пятеро,—сила-то наша. Бѣда только, думаю, какъ начнуть изъ револьверовъ палить,—въ городѣ-то услышать. Ну, да ужъ за одно пропадать! Безъ бою, все-таки, не дадимся.

Тутъ старикъ опять самъ заговорилъ:

— Ребята, говорить, неужто никто изъ васъ Самарова не знаетъ?

Дарьинъ опять меня толкнулъ:

— Вѣрно! Кажись, это N-ской смотритель... А что,— спрашиваетъ громко,— вы, ваше благородіе, Дарьина знавали ли когда?

— Какъ, молъ, не знать,—старостой у меня въ N. находился, Ѳедотомъ, кажись, звали.

— Я самый, ваше благородіе. Выходи, ребята! Это отецъ нашъ.

Тутъ всѣ мы вышли.

— Что же, молъ, ваше благородіе, неужто вы насъ ловить выѣхали? Такъ мы на это никакъ не надѣмся.

— Дураки вы! Пожалѣлъ я васъ, олуховъ. Вы это что же съ великаго-то ума надумали, прямо противъ города огонь развели?

— Обмокли, говоримъ, ваше благородіе. Дождикъ.

— Дожди-икъ? А еще называетесь бродяги! Чай не размокнете. Счастливъ вашъ Богъ, что я раньше исправника вышелъ на крылечко, трубочку-то покурить. Увидѣлъ бы вашъ огонь исправникъ, онъ бы вамъ напелъ мѣсто, гдѣ обсушиться-то... Ахъ, ребята, ребята! Не очень вы, я вижу, востры, даромъ что Салтанова поддѣли, кан-нальи этикіе! Гаси живѣе огонь, да убирайтесь съ берега туда вонъ, подальше, въ падь. Тамъ хоть десять костровъ разводи, подлецы!

Ругается старикъ, а мы стоимъ вокругъ, слушаемъ да посмѣиваемся. Потомъ пересталъ кричать и говорить:

— Ну, вотъ что, привезъ я вамъ въ лодкѣ хлѣба пе-

ченаго, да чаю кирпича три. Не поминайте старика Самарова лихомъ. Да если дастъ Богъ счастливо отсюда выбраться, можетъ доведется кому въ Тобольскѣ побывать,—поставьте тамъ въ соборѣ моему угоднику свѣчку. Мнѣ, старику, видно ужъ въ здѣшней сторонѣ помирать, потому что за женой домъ у меня взять... Ну, и старъ ужъ... А тоже иногда про свою сторону вспоминаю. Ну, а теперь прощайте. Да еще совѣтъ мой вамъ: разбейтесь врозь. Васъ теперь сколько?

— Одиннадцать, говоримъ.

— Ну, и какъ же вы не дураки? Вѣдь про васъ теперь чай въ Иркутскѣ знаютъ, а вы все такъ всею партией и прете.

Сѣлъ старикъ въ лодку, уѣхалъ, а мы ушли подальше въ падь, чай вскипятили, сварили уху, раздувалили припасы и распрощались,—старика-то послушались.

Мы съ Дарьинымъ въ парѣ пошли. Макаровъ пошелъ съ черкесами. Татаринъ къ двумъ бродягамъ присоединился; остальные трое тоже кучкой пошли. Такъ больше мы и не видались. Не знаю, всѣ ли товарищи живы, или померъ кто. Про татарина слыхалъ, будто тоже сюда присланъ, а вѣрно ли—не знаю.

Въ ту же ночь, еще на небѣ не зарилось, мы съ Дарьинымъ мимо Николаевска тихонько шмыгнули. Одна только собака на ближней заимкѣ взлаяла.

А какъ стало солнце всходить, мы ужъ верстъ десятокъ тайгой отмахали и стали опять къ дорогѣ держать. Только вдругъ слышимъ — колокольчикъ позваниваетъ. Прилегли мы тутъ за кусточкомъ, смотримъ, бѣжить

почтовая тройка и въ телѣгѣ исправникъ, закрывшись шинелью, дремлетъ.

Перекрестились мы тутъ съ Дарьинымъ: слава-те Господи, что вечеръ его въ городѣ не было. Чай насъ же ловить выѣзжалъ.

VIII.

Огонь въ камелькѣ погасъ! Въ Юртѣ стало тепло, какъ въ нагрѣтой печи. Лдины на окнахъ начали таять, и изъ этого было можно заключить, что на дворѣ морозъ сталъ меньше, такъ какъ въ сильные морозы льдина не таетъ и съ внутренней стороны, какъ бы ни было тепло въ юртѣ. Въ виду этого, мы перестали подбавлять въ камелекъ дрова и я вышелъ наружу, чтобы закрыть трубу.

Дѣйствительно, туманъ совершенно разсѣялся, воздухъ сталъ прозрачнѣе и нѣсколько мягче. На сѣверѣ изъ-за гребня холмовъ, покрытыхъ черною массой лѣсовъ, слабо мерцающая, подымались какія-то бѣлесоватая облака, быстро пробѣгавшія по небу. Казалось, кто-то тихо вздыхалъ среди глубокой холодной ночи, и клубы пара, вылетавшіе изъ гигантской груди, безшумно проносились по небу отъ края и до края и затѣмъ тихо угасали въ глубокой синевѣ. Это играло слабое сѣверное сіяніе.

Поддавшись какому-то грустному обаянію, я стоялъ на крышѣ, задумчиво слѣдя за слабыми переливами спѣлоха. Ночь развернулась во всей своей холодной и унылой красѣ. На небѣ мигали звѣзды, внизу снѣга уходили

вдаль ровною пеленой, чернѣла гребнемъ тайга, синѣли дальнія горы. И ото всей этой молчаливой, объятаго холодомъ картины вѣяло въ душу снисходительною грустью, — казалось, какая-то печальная нота трепещетъ въ воздухѣ: «далеко, далеко!»

Когда я вернулся въ избу, бродяга уже спалъ и въ юртѣ слышалось его ровное дыханіе.

Я тоже легъ, но долго еще не могъ заснуть подъ впечатлѣніемъ только-что выслушанныхъ рассказовъ. Нѣсколько разъ сонъ, казалось, опускался уже на мою разгоряченную голову, но въ эти минуты, какъ будто нарочно, бродяга начиналъ ворочаться на лавкѣ и тихо бредилъ. Его грудной голосъ, звучавшій какимъ-то безотчетно-смутнымъ ропотомъ, разгонялъ мою дрему и въ воображеніи одна за другой вставали картины его одиссеи. По временамъ, когда я начиналъ забываться, мнѣ казалось, что надо мной шумятъ лиственницы и кедры, что я гляжу внизъ съ высокаго утеса и вижу бѣлые домики кордоновъ въ оврагѣ, а между моимъ глазомъ и бѣлою стѣной рѣшетъ горный орелъ, тихо взмахивая свободнымъ крыломъ. И мечта уносила меня все дальше и дальше отъ безнадежнаго мрака тѣсной юрты. Казалось, меня обдавалъ свободный вѣтеръ, въ ухахъ гудѣлъ рокотъ океана, садилось солнце, залегали синіе мѣрки и моя лодка тихо качалась на волнахъ пролива.

Всю кровь взбудоражилъ во мнѣ своими рассказами молодой бродяга. Я думалъ о томъ, какое впечатлѣніе должна производить эта бродяжья эпопея, рассказанная въ душевной каторжной казармѣ, въ четырехъ стѣ-

нахъ крѣпко запертой тюрьмы. И почему, спрашивалъ я себя, этотъ разсказъ запечатлѣвается даже въ моемъ умѣ—не трудностью пути, не страданіями, даже не «лютою бродяжьей тоской», а всею поэзіей вольной волюшки? Почему на меня пахнуло отъ него только призывомъ раздолья и простора, моря, тайги и степи?... И если меня такъ зоветъ она, такъ манитъ къ себѣ эта безвѣстная даль, то какъ неодолимо должна она призывать къ себѣ бродягу, уже испившаго изъ этой отравленной неуголимымъ желаніемъ чаши?

Бродяга спалъ, а мои мысли не давали мнѣ покоя. Я забылъ о томъ, что привело его въ тюрьму и ссылку, что пережилъ онъ, что сдѣлалъ въ то время, когда «пересталъ слушаться родителей». Я видѣлъ въ немъ только молодую жизнь, полную энергіи и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?

Да, куда?...

Въ смутномъ бормотаніи бродяги мнѣ слышались неопредѣленные вздохи о чемъ-то. Я забылся подъ давленіемъ неразрѣшимаго вопроса и надъ моимъ изголовьемъ витали сумрачныя грѣзы... Сѣло вечернее солнце. Земля лежитъ громадная, необъятная, грустная, вся погруженная въ тяжелую думу. Нависла молчаливая, тяжелая туча... Только край неба отсвѣчиваетъ еще потухающими лучами зари, да гдѣ-то далеко, подъ задумчиво синѣющими горами, стоитъ огонекъ...

Что это: родное пламя давно оставленнаго очага, или блудящій огонь надъ ожидающею во мракѣ могилой?...

Заснулъ я очень поздно.

IX.

Когда я проснулся, было уже, вѣроятно, часовъ 11. На полу юрты, прорѣзавшись сквозь льдины, играли косые лучи солнца. Бродяги въ куртѣ не было.

Мнѣ нужно было съѣздить по дѣламъ въ слободу, поэтому я запрегъ коня въ маленькія саночки и выѣхалъ изъ своихъ воротъ, направляясь вдоль улицы селенія. День былъ яркій и сравнительно теплый. Морозъ стоялъ градусовъ около двадцати, но... все въ мірѣ относительно, и то самое, что въ другихъ мѣстахъ бываетъ въ развалъ зимы, мы здѣсь воспринимали какъ первое дыханіе наступившей весны. Клубы дыма, дружно поднимаясь изъ всѣхъ слободскихъ куртъ, не стояли прямыми, неподвижными столбами, какъ бываетъ обыкновенно въ большіе морозы,—ихъ гнуло къ западу, вѣялъ восточный вѣтеръ, несущій тепло съ Великаго океана.

Слобода почти на половину населена ссыльными татарами, и такъ какъ въ тотъ день у татаръ былъ праздникъ, то улица имѣла довольно оживленный видъ. То и дѣло гдѣ-нибудь скрипѣли ворота и со двора выѣзжали дровни или выбѣгали рысцой верховыя лошади, на которыхъ, раскачиваясь въ стороны, сидѣли хмѣльные всадники. Эти поклонники Магомета не особенно строго блюдутъ запрещенія Корана, и потому какъ верховые, такъ и пѣшеходы выписывали вдоль и поперекъ улицы самыя причудливыя зигзаги. Порой какой-нибудь пугливый конекъ кидался въ сторону слишкомъ круто, дровни опрокидывались, лошадь мчалась вдоль улицы, а хозяинъ

подымалъ цѣлую тучу снѣговой пыли собственной фигурой, волочась на вожжахъ. Не сдержатъ коня и вывалиться изъ дровней — это во хмѣлю можетъ случиться со всякимъ; но для «хорошаго татарина» позорно выпустить изъ рукъ вожжи, хотя бы при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Но вотъ прямая, какъ стрѣла, улица приходитъ въ какое-то особенное, суетливое оживленіе. Ыздоки приворачиваютъ къ заборамъ, пѣшіе сторонятся, татарки въ красныхъ чадрахъ, нарядныя и пестрыя, сгоняютъ ребятъ по дворамъ. Изъ юртъ выбѣгаютъ любопытные и всѣ лица поворачиваютъ въ одну сторону.

На другомъ концѣ длинной улицы появилась кучка всадниковъ и я узналъ *бѣгъ*, до которыхъ и якуты, и татары большіе охотники. Всадниковъ было человекъ пять, они мчались какъ вѣтеръ, и когда кавалькада приблизилась, то впереди я различилъ сѣраго конька, на которомъ вчера пріѣхалъ Багылай. Съ каждымъ ударомъ копытъ пространство, отдѣлявшее его отъ скакавшихъ сзади, увеличивалось. Черезъ минуту всѣ они промчались мимо меня, какъ вихрь.

Глаза татаръ сверкали возбужденіемъ, почти злобой. Всѣ они на-скоку размахивали руками и ногами и неистово кричали, отдавшись всѣмъ корпусомъ назадъ, почти на спины лошадямъ. Одинъ Василій скакалъ «порассейски», пригнувшись къ лошадиной шеѣ, и изрѣдка издавалъ короткіе свистки, звучащіе рѣзко, какъ удары хлыста. Сѣрый конекъ почти ложился на землю, расплываясь въ воздухъ, точно летящая птица.

Сочувствіе улицы, какъ всегда въ этихъ случаяхъ склонилось на сторону побѣдителя.

— Эхъ, удалой молодецъ!—вскрикивали въ восторгѣ зрители, а старые конокрады, страстные любители дикаго спорта, присѣдали и хлопали себя по колѣнамъ въ тактъ ударамъ лошадиныхъ копытъ.

Въ половинѣ улицы Василій догналъ меня, возвращаясь на взмыленномъ конѣ обратно. Посрамленные соперники плелись далеко сзади.

Лицо бродяги было блѣдно, глаза горѣли отъ возбужденія. Я замѣтилъ, что онъ уже «выпивши».

— Закутиль!—крикнулъ онъ мнѣ, наклоняясь съ коня, и взмахнулъ шапкой.

— Дѣло ваше...—отвѣтилъ я.

— Ничего, не сердись!... Кутить могу, а умъ не пропью никогда. Между прочимъ, перемѣты мои ни подь какимъ видомъ никому не отдавай! И самъ просить стану,—не давай! Слышишь?

— Слышу,—отвѣтилъ я холодно,—только ужь вы, пожалуйста, пьянымъ ко мнѣ не приходите.

— Не придемъ,—отвѣтилъ бродяга и хлеснулъ коня концомъ повода. Конекъ захрапѣлъ, взвился, но, отскакавъ сажени три, Василій круто остановилъ его и опять нагнулся ко мнѣ.

— Конекъ-то золото! Объ закладъ бился. Видѣли вы, какъ скачетъ? Теперича я съ татаръ чтѣ захочу, то за него и возьму. Вѣрно тебѣ говорю, потому татаринъ хорошаго коня обожаетъ до страсти!

— Зачѣмъ же вы его продаете? На чемъ будете работать?

— Продаю,—подошла линія!

Онъ опять хлеснулъ коня и опять удержалъ его.

— Собственно потому, какъ встрѣтилъ я здѣсь товарища. Все брошу. Эхъ мил-лай! Посмотри вонъ, татаринъ ѣдетъ, вонъ на чаломъ жеребчикѣ... Эй ты,—крикнулъ онъ ѣхавшему сзади татарину,—Ахметка! Подѣзжай-ка сюда.

Чалый жеребчикъ, играя головой и круто забирая ногами, подѣзжалъ къ моимъ саночкамъ. Сидѣвшій на немъ татаринъ снялъ шапку и поклонился, весело ухмыляясь. Я съ любопытствомъ взглянулъ на него.

Плутоватая рожа Ахметки вся разцвѣтала широкою улыбкой. Маленькіе глазки весело сверкали, глядя на собесѣдника съ плутовскою фамиллярностью. «Мы, братъ, съ тобой понимаемъ другъ друга,—какъ будто говорилъ каждому этотъ взглядъ —Конечно, я плутъ, но вѣдь въ томъ-то и дѣло, не правда ли, чтобы быть плутомъ ловкимъ?» И собесѣдникъ, глядя на это скуластое лицо, на веселыя морщинки около глазъ, на оттопыренныя тонкія и большія уши, какъ-то особенно и потѣшно торчавшія врозь, невольно усмѣхался тоже. Тогда Ахметка убѣждался, что его поняли, удовлетворялся и снисходительно кивалъ головой въ знакъ солидарности во взглядахъ.

— Товарища!—кивнулъ онъ головой на Василья,—вмѣстѣ бродяга ходилъ.

— А теперь-то ты гдѣ же проживаешь?... Я что-то раньше въ слободѣ тебя не видалъ.

— За бумагамъ пришелъ. Принскамъ ходимъ, спирту таскаемъ*).

Я взглянулъ на Василья. Онъ потупился подъ моимъ взглядомъ и подобралъ поводья лошади, но потомъ поднялъ опять голову и вызывающе посмотрѣлъ на меня горящими глазами. Губы его были крѣпко сжаты, но нижняя губа замѣтно вздрагивала.

— Уйду съ нимъ въ тайгу... Что на меня такъ смотришь? Бродяга я, бродяга!...

Послѣднія слова онъ произнесъ уже на скаку. Черезъ минуту только туча морозной пыли удалялась по улицѣ, вмѣстѣ съ частымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ.

Черезъ годъ Ахметка опять приходилъ въ слободу «за бумагамъ», но Василій больше не возвращался.

1835 г.

*) Торговля водкой на принскахъ и вблизи принсковъ строго воспрещена, и потому въ тайжныхъ принскахъ Ленской системы развился особый промыселъ — спиртоносовъ, доставляющихъ на прински спиртъ въ обмѣнъ на золото. Промыселъ чрезвычайно опасный, такъ какъ въ наказаніе за это полагаются каторжныя работы, и, кромѣ того, дикая природа сама по себѣ представляетъ много трудностей. Множество спиртоносовъ гибнетъ въ тайгѣ отъ лишений и отъ казачьихъ пулъ, а нерѣдко и подъ ножами своей же братіи изъ другихъ партій. За то промыселъ этотъ выгодыне принсковой работы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Въ дурномъ обществѣ (Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля).	3
Сонъ Макара (Святочный разсказъ).	97
Лѣсъ шумить (Полѣсская легенда).	141
Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ (Разсказъ).	177
Въ поделѣдственномъ отдѣленіи	189
Старый звонарь (Весенняя идиллія).	243
Очерки сибирекаго туриста.	253
Соколинецъ (Изъ разсказовъ о бродягахъ).	333

Владиміръ Короленко.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ:

КНИГА ВТОРАЯ.

1) Рѣда играетъ. — 2) На затмѣніи. —
3) Ать-Даванъ. — 4) Черкесъ. — 5) За идоной. —
6) Ночью. — 7) Тѣни. — 8) Судный день (юмъ-
кышуръ).

Издание третьей редакціи журнала „Русская Мысль“.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва М. Н. Кушнерева и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1896.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
~~CARD~~ 126520
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1899.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Рѣка играетъ (Эскизы изъ дорожнаго альбома)	5
На затменіи (Очеркъ съ натуры)	47
Атъ-Даванъ (Изъ сибирской жизни)	73
Черкесъ (Очеркъ)	134
За иконой	163
Ночью (Очеркъ)	233
Тѣни (Фантазія)	279
Судный день (Юмъ-кипуръ) (Малорусская сказка)	317

РѢКА ИГРАЕТЪ

(Эскизы изъ дорожнаго альбома).

I.

Проснувшись, я долго не могъ сообразить, гдѣ я...

Надо мной разстилалось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинувъ нѣсколь-ко голову, я могъ видѣть въ вышинѣ темную деревянную церковку, наивно глядѣвшую на меня изъ-за зеленыхъ деревьевъ, съ высокой кручи. Вправо, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ меня, стоялъ какой-то незнакомый шалашъ, влѣво—сѣрый неуклюжій столбъ съ широкою досчатою крышей, съ кружкой и съ доской, на которой было написано:

„Пожертвуйте проходящій
на колоколо господне“.

А у самыхъ моихъ ногъ плескалась рѣка...

Этотъ-то плескъ и разбудилъ меня отъ сладкаго сна. Давно уже онъ прорывался къ моему сознанию безпокою-щимъ шепотомъ, точно ласкающій, но вмѣстѣ безпощад-

ный голосъ, который подымаетъ на зарѣ для неизбежнаго трудового дня. А вставать такъ не хочется...

Я опять закрылъ глаза, чтобъ отдать себѣ, не двигаясь, отчетъ въ томъ, какъ это я очутился здѣсь, подъ открытымъ небомъ, на берегу плещущей рѣчки, въ сосѣдствѣ этого шалаша и этого столба съ простодушнымъ обращеніемъ къ проходящимъ.

Понемногу въ умѣ моемъ возстановились предшествующія обстоятельства. Предыдущія сутки я провелъ на «Святомъ озерѣ», у невидимаго града Китежа, толкаясь между народомъ, слушая гнусавое пѣніе нищихъ-слѣпцовъ, оставливаясь у импровизованныхъ алтарей, подъ развѣсистыми деревьями, гдѣ безпоповцы, скитники и скитницы разныхъ толковъ пѣли свои службы, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, въ густыхъ кучкахъ народа, кипѣли страстные религіозные споры. Ночь я простоялъ всю на ногахъ, сжатый въ густой толпѣ у старой часовни. Мнѣ вспомнились утомленные лица миссіонера и двухъ священниковъ, кучи книгъ на аналоѣ, огни восковыхъ свѣчей, при помощи которыхъ спорившіе разыскивали нужные тексты въ толстыхъ фоліантахъ, возбужденныя лица раскольниковъ и православныхъ, встрѣчавшихъ многоголосымъ говоромъ каждое удачное возраженіе. Вспомнилась старая часовня, съ раскрытыми дверями, въ которыя виднѣлись желтые огоньки у иконъ, между тѣмъ какъ по синему небу ясная луна тихо плыла и надъ часовней, и надъ темными, спокойно шептавшимися деревьями. На зарѣ я съ трудомъ протолкался изъ толпы на просторъ и, усталый, съ головой

отяжелѣвшей отъ бесплодной схоластики этихъ споровъ, съ сердцемъ сжимавшимся отъ безотчетной тоски и разочарованія,—попелся полевыми дорогами по направленію къ синей полосѣ приветлужскихъ лѣсовъ, вслѣдъ за вереницами расходившихся богомольцевъ. Тяжелыя, нерадостныя впечатлѣнія уносилъ я отъ береговъ Святого озера, отъ невидимаго, но страстно взыскупаемаго народомъ града... Точно въ душномъ склепѣ, при тускломъ свѣтѣ угасающей лампадки провелъ я всю эту бессонную ночь, прислушиваясь, какъ гдѣ-то за стѣной кто-то читаетъ мѣрнымъ голосомъ заупокойныя молитвы надъ заснувшей на вѣки народною мыслью.

Солнце встало уже надъ лѣсами и водами Ветлуги, когда я, пройдя около 15 верстъ лѣсными тропами, вышелъ къ рѣкѣ и тотчасъ же свалился на песокъ, точно мертвый отъ усталости и вынесенныхъ съ озера суровыхъ впечатлѣній.

Вспомнивъ, что я уже далеко отъ нихъ, я бодро отряхнулся отъ остатковъ дремоты и привсталъ на своемъ песчаномъ ложѣ.

II.

Дружескій шепотъ рѣки оказалъ мнѣ настоящую услугу. Когда, часа три назадъ, я укладывался на берегу, въ ожиданіи ветлужскаго парохода, вода была далеко, за старою лодкой, которая лежала на берегу сверху днищемъ; теперь ее уже взмывало и покачивало при-

ливомъ. Вся рѣка торопилась куда-то, пѣнилась по всей своей ширинѣ и приплескивала почти къ самымъ моимъ ногамъ. Еще полчаса, — будь мой сонъ еще нѣсколько крѣпче, — и я очутился бы въ водѣ, какъ и эта опрокинутая лодка.

Ветлуга, очевидно, выиграла. Нѣсколько дней назадъ шли сильные дожди; теперь изъ лѣсныхъ дебрей выкатился паводокъ, и вотъ рѣка вздулась, заливая свои веселые зеленые берега. Рѣзвые струи бѣжали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бѣжали дальше, отчего по всей рѣкѣ, въ перегонку, неслись ключья желтовато-бѣлой пѣны. По берегамъ зеленый лопухъ, схваченный водою, тянулся изъ нея, тревожно размахивая не потонувшими еще верхушками, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ, на большей глубинѣ, и лопухъ, и мать-мачиха, и вся зеленая братія стояли уже безропотно и тихо... Молодой ивнякъ, съ зелеными нависшими вѣтвями, вздрагивалъ отъ ударовъ зыби.

На томъ берегу весело кудрявились ракиты, молодой дубнячокъ и ветлы. За ними темныя ели рисовались зубчатою чертой; далѣе высились красивые осокори и величавыя сосны. Въ одномъ мѣстѣ, на вырубкѣ, бѣлѣли кладя досокъ, свѣжіе бревна и срубы, а въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нихъ торчала изъ воды верхушка затонувшихъ перевозныхъ мостковъ... И весь этотъ мирный пейзажъ на моихъ глазахъ какъ будто оживалъ, переполняясь шорохомъ, плескомъ и звономъ буйной рѣки. Плескались шаловливыя струи на стрежнѣ, звенѣла зыбь,

ударя въ борта старой лодки, а шорохъ стоялъ по всей рѣкѣ отъ лопавшихся то и дѣло пушистыхъ ключевъ пѣны, или,—какъ ее называютъ на Ветлугѣ, — рѣчного «цвѣту».

И казалось мнѣ, что все это когда-то я уже видѣлъ, что все это такое родное, близкое, знакомое: рѣка съ кудрявыми берегами, и простая сельская церковка надъ кручей, и шалашъ, и даже приглашеніе къ пожертвованію на «колоколо господне», такими наивными каракулями гладѣвшее со столба...

Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

невольно вспомнились мнѣ слова поэта.

III.

— Гляжу я, братецъ, вовсе тебя заплескивать рѣка-те. Это домой ходилъ. Иду назадъ, а самъ думаю: чай проходящаго-те у меня поняла ужъ Ветлуга. Крѣпко же спалъ ты, добрый человѣкъ!

Говорить сидящій у шалаша, на скамеечкѣ, мужикъ среднихъ лѣтъ, и звуки его голоса тоже мнѣ какъ - то пріятно знакомы. Голосъ басистый, грудной, немного осипшій, будто съ сильнаго похмѣлья, но въ немъ слышатся ноты такія же непосредственныя и наивныя, какъ эта рѣка, и эта церковь, и этотъ столбъ, и на столбѣ надпись.

— И чего только дѣлаетъ, гляди-ко-ся, чего только дѣлаетъ Ветлуга-те наша... Ахъ ты! Бѣды, вѣдь это, право, бѣды...

Это перевозчикъ Тюлинъ. Онъ сидитъ у своего шалаша, понутивъ голову и какъ-то весь опустившись. Одѣтъ онъ въ ситцевой грязной рубахѣ и синихъ пестрядиныхъ портахъ. На босу ногу надѣты старыя отопки. Лицо молодежавое, почти безъ бороды и усовъ, съ выразительными чертами, на которыхъ очень ясно выдѣляется особая ветлужская складка, а теперь, кромѣ того, видна сосредоточенная угрюмость добродушнаго, но душевно угнетеннаго человѣка.

— Унести у меня лодку-те...—говоритъ онъ, не двигаясь и взглядомъ знатока изучая положеніе дѣла. — Безпремѣнно утащить!

— А тебѣ бы, — говорю я, разминаясь, — вытащить надо.

— Коля не надо. Не миновать, что не вытащить. Вишь чего дѣлать, вишь, вишь... Н-ну!

Лодка вздрагиваетъ, приподнимается, дѣлаетъ какое-то судорожное движеніе и опять беспомощно ложится по-прежнему.

— Тю-ю-ю-ли-инъ!—доносится съ другого берега призывной кличъ какого-то путника. На вырубкѣ, у сѣзда къ рѣкѣ, виднѣтся маленькая-маленькая лошадевка, и маленькій мужикъ, спустившись къ самой водѣ, отчаянно машетъ руками и вопитъ тончайшею фистулой:

— Тю-ю-ю-ли-инъ!..

Тюлинъ все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ смотритъ на вздрагивающую лодку и качаетъ головой.

— Вишь, вишь ты—опять!... А вѣчёръ еще, глѣко-ся, дальше мостковъ была вода-те... Погляди, за ночь чего еще надѣлать. Бѣды озорная рѣчущка! Это учнетъ играть, и учнетъ играть, братецъ ты мой...

— Тю-ю-ю-ли-йнь, лѣш-ша-ай!—звенить и обрывается на томъ берегу голосъ путника, но на Тюлина этотъ призывъ не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Точно этотъ отчаянный вопль—такая же обычная принадлежность рѣки, какъ игривые всплески зыби, шелестъ деревьевъ и шорохъ рѣчного «цвѣту».

— Тебя, вѣдь, это зовутъ!—говорю я Тюлину.

— Зовутъ,—отвѣчаетъ онъ невозмутимо, тѣмъ же философски-объективнымъ тономъ, какимъ говорилъ о лодкѣ и проказахъ рѣки.—Иванко, а Иванко! Иванко-о-о!

Иванко, свѣтловолосый парнишка лѣтъ десяти, копа-етъ червей подъ крутояромъ и такъ же мало обращаетъ вниманія на зовъ отца, какъ тотъ—на вопли мужика съ того берега.

Въ это время по крутой тропинкѣ отъ церкви спускается баба съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ кричитъ, завернутый съ головой въ тряпки. Другой—дѣвочка лѣтъ пяти—бѣжитъ рядомъ, хватаясь за платье. Лицо у бабы озабоченное и сердитое. Тюлинъ становится сразу какъ-то еще утрюмѣе и серьезнѣе.

— Баба идетъ,—говоритъ онъ мнѣ, глядя въ другую сторону.

— Ну?—говоритъ баба злобно, подходя вплотъ къ Тюлину и глядя на него презрительнымъ и сердитымъ взглядомъ. Отношенія, очевидно, опредѣлились уже давно:

для меня ясно, что безпечный Тюлинь и озабоченная, усталая баба съ двумя дѣтьми—двѣ воюющія стороны.

— Чѣ еще нукашь? Что тебѣ, бабѣ, нужно?—спрашиваетъ Тюлинь.

— Чѣ-инд, спрашивать еще... Лодку давай! Чай черезъ рѣку ходу-то нѣту мнѣ, а то бы не стала съ тобой, съ путаникомъ, и баять...

— Ну-ну!—съ негодованіемъ возражаетъ перевозчикъ.— Что ты какъ сильна пришла. Разговаривашь...

— А что мнѣ не разговаривать! Залилъ шары-те... Чего только міръ смотреть, пьяницы-те наши, давно бы тебя, нѣгодя пьянаго, съ перевозу шугнуть надо. Давай, слышь, лодку-те!

— Лодку? Эвонъ парень тебя перемахнетъ... Иванко, а Иванко, слышь? Иванко-о!.. А вотъ я сейчасъ вицея его, подлеца, вытану. Слышь, проходящій!...

Тюлинь поворачивается ко мнѣ.

— Ну-ко ты мнѣ, проходящій, вицю дай, хар-ро-шую!

И онъ, съ тяжелымъ усиліемъ, дѣлаетъ видъ, что хочетъ приподняться. Иванко мгновенно кидается въ лодку и хватаетъ весла.

— Двѣ копѣйки съ неѣ. Дѣвку такъ!—командуетъ Тюлинь лѣнливо и опять обращается ко мнѣ:

— Бѣда моя: голову всеѣ разломило.

— Тю-ю-ли-янь!—стонетъ опять противоположный берегъ.—Перево-о-дъ!...

— Тятка, а тятка! Парѣмъ кричать, вить,—говорить Иванко, у котораго, очевидно, явилась надежда на освобожденіе отъ обязанности везти бабу.

— Слышу. Давно ужъ зѣвать,—спокойно констатируетъ Тюлинъ.—Сговорись тамъ. Можетъ, еще и не надо ему... Можетъ, еще и не поѣдетъ... Отчего бы такое голову ломить?—обращается онъ опять ко мнѣ тономъ самаго трогательнаго довѣрія.

Угадать причину не трудно: отъ бѣдныги Тюлина водкой несетъ точно изъ полуштофа, и даже до меня, на разстояніи двухъ сажень, то и дѣло доносятся острыя струйки перегару, смѣшиваясь съ запахомъ рѣвки и береговой зелени.

— Кабы выпилъ я,—говорить Тюлинъ въ раздумьи,—а то не пилъ.

Голова его опускается еще ниже.

— Давно не пью я... Положимъ, вчера выпилъ...

И опять Тюлинъ погружается въ глубокое раздумье.

— Кабы много... Положимъ, довольно я выпилъ вчера... Такъ, вѣдь, сегодня не пилъ!

— Такъ это у тебя, видно, съ похмѣлья,—пробую я навести его на настоящую дорогу.

Тюлинъ смотритъ на меня долго, серьезно и чрезвычайно вдумчиво. Догадка, очевидно, показалась ему не лишенною основанія.

— Развѣ либо отъ этого. Нонче немного же выпилъ я.

Пока, такимъ образомъ, Тюлинъ медленнымъ, мучительнымъ, но за то вѣрнымъ путемъ подходилъ къ истинной причинѣ своихъ страданій, мужикъ на той сторонѣ окончательно лишился голоса.

— Тю-ю-ю...—чуть слышно легѣло оттуда, изъ-за пороха рѣчныхъ струекъ.

— Развѣ либо отъ этого. Это ты, братецъ, должно-
быть, вѣрно сказалъ. Пью я винаще это, лакаю, братецъ,
лакаю...

IV.

Между тѣмъ, тщетно вопившій мужикъ смолкаетъ и,
оставивъ лошадь съ телѣгой на томъ берегу, переправ-
ляется къ намъ, вмѣстѣ съ Иванкомъ, для личныхъ пере-
говоровъ. Къ удивленію моему, онъ самымъ благодуш-
нымъ образомъ здороваётся съ Тюлинымъ и садится ря-
домъ на скамейку. Онъ значительно старше Тюлина, у
него сѣрая борода, голубые, выцвѣтшіе, какъ и у Тюли-
на, глаза, на головѣ грешневикъ, а на лицѣ, гдѣ-то око-
ло губъ, ютится та же ветлужская складка.

— Страдаешь?—спрашиваетъ онъ у перевозчика съ
улыбкой почти сатирическою.

— Голову, братецъ, всеё разломило. И отъ чего бы?

— Винаща поменьше пей.

— Развѣ либо отъ этого. Вотъ и проходящій то же
баеть.

— А лодку у тея, гляди, унесеть.

— Какъ не унести. Просто-таки и унесеть.

Оба смотрятъ нѣсколько времени, какъ вздрагиваетъ,
точно въ агоніи, опрокинутая лодка.

— Давай паромъ, што ли,—ѣхать надо.

— Да тебѣ надо ли еще ѣхать-то? Чай въ Красиху
пьянствовать?...

— А ты ужь накрасился...

— Выпито. Голову всеё разломило, бѣды! А ты, можеть, лучше не ѣдай.

— Чудакъ! Чай у меня дочка тамъ выдана. Звали къ празднику. И баба со мной.

— Ну, баба, такъ стало - быть не миновать, ѣхать видно. Э-эхъ, шестовъ нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? Чѣ хлопаешь зря? Эвона шести-те!

— Коротки. Двадцати четвертей надо. Чать видишь: приплескивать Велуга-те.

— А ты что же, чудакъ, шестовъ не запасъ, коли видишь, что приплескивать?... Иванко, сгоняй за шеста-ми-те, парень!

— Сходилъ бы самъ,—говорить Тюлинъ,—тяжелы, вить.

— Ты сходи,—твое дѣло!

— Не мнѣ ѣхать,—тебѣ!

И оба мужика, да и Иванко третій, спокойно остаются на мѣстахъ.

— Ну-ко я его, подлеца, вицей вытяну...—опять про-износить Тюлинъ, дѣлая новый опытъ примѣрнаго вставанья.—Проходящій, да-ко ты мнѣ вицю...

Иванко съ громкимъ, гнусавымъ ревомъ снимается съ мѣста и бѣжитъ трусцой на гору, къ селу.

— Не донесеть,—говорить мужикъ.

— Тяжелы, вить!—подтверждаетъ Тюлинъ.

— А ты бы добѣжалъ хоть встрѣчу-те,—совѣтуетъ мужикъ, глядя на усилія муравья Иванка, появляюща-гося на верху угора съ длинными шестами.

— И то хотѣлъ сказать тебѣ: добѣги-ко-сь.

Оба сидятъ и глядятъ.

— Естигнѣ-ѣ-ѣй! Лѣшай!...—слышится съ той стороны пронзительный и желчный бабій голосъ.

— Баба кричитъ,—говорить мужикъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Тюлинь сохраняетъ равнодушіе,—баба далеко.

— А какъ у меня меринъ сорвется, да мальчонку съ бабой ушибетъ...—говоритъ Евстигнѣй.

— А рѣзва лошадь-то?

— Бѣды.

— Ну, такъ очень просто можетъ ушибить. Да ты бы, послушай, тово... назадъ бы. Что тебѣ ѣхать-те, какъ надобность?

— Ахъ, чудакъ! Да нешто не видишь: съ бабой собрался. Какъ можно, что не ѣхать!

Иванко, выбиваясь изъ силъ, приволакиваетъ, наконецъ, шесты и съ ревомъ кидаетъ ихъ на берегъ. Все готово. Тюлиню приходится приниматься за работу.

— Эй, проходящій!—обращается онъ ко мнѣ какъ-то ободрительно.—Ну-ко, послушай, и ты съ нами на паромъ! А то, видишь вотъ, больно ужъ рѣка-те наша рѣзва.

Мы всѣ взошли на скрипучій досчатый паромъ; Тюлинь—послѣдній. Повидимому, онъ размышлялъ нѣсколько секундъ, поддаваясь соблазну: ужъ не достаточно ли народу и безъ него. Однако, все-таки, цѣлошель, шлепая по водѣ, потомъ съ глубокою грустью посмотрѣлъ на колья, за которые были зачалены чалки.

и сказалъ съ кроткой укоризной, обращенною ко всѣмъ вообще:

— Э-эхъ! Чалки-те, чалки никто и не отвязалъ. Н-ну!

— Да, вѣдь, ты, Тюлипъ, послѣдній взошелъ на паромъ. Тебѣ бы и надо отвязать,—протестую я.

Онъ не отвѣчаетъ, косвенно признавая, быть-можетъ, всю справедливость этого замѣчанія, и такъ же лѣниво, съ тою же безпросвѣтною скорбью, спускается въ воду, чтобъ отвязать чалки.

Паромъ закрипѣлъ, закачался и поплылъ отъ берега. Перевозный шалашъ, опрокинутая лодка, холмикъ съ церковью мгновенно, будто подхваченные невѣдомою силой, уносятся отъ насъ, а мысокъ съ зеленою подмытою ивой летитъ намъ на встрѣчу. Тюлинь поглядѣлъ на мелькающій берегъ, почесалъ густую шапку своихъ волосъ и пересталъ пихаться шестомъ.

— Несеть, вить.

— Несеть,—отвѣтилъ мужикъ, съ натугой палегая на чегень правымъ плечомъ.

— Пылко несеть.

— Да ты что сталъ? Что не пхаешься?

— Поди пхнись. Съ лѣваго-те борту не маячить.

— Ну?

— То-то и ну!

Мужикъ ожесточенно сунулъ свой шестъ и чуть не бултыхнулся въ воду,—его чегень тоже не досталъ до дна. Евстигнѣй остановился и сказалъ выразительно:

— Подлецъ ты, Тюлинь!

— Самъ такой! Пошто лаешься?

- За што тебѣ деньги плочены, подлая фигура?
— Поговори!
— Пошто длинныхъ шестовъ не завель?
— Заведѣны.
— Дакъ што нѣту ихъ?
— Дома. Нешто мальчоцко приволокѣтъ двадцати-то четвертей?
— Говорю: подлой ты человекъ.
— Ну-ну! Не скажешь ли еще чего? Поговори со мной!
Спокойствіе Тюлина видимо смиряетъ возмущеннаго Евстигнѣя. Онъ снимаетъ грешневикъ и скребетъ голову.
— Куда-жь мы теперича? Къ Козьмѣ-Демьяну (въ Козьмодемьянскъ) сплывежь, аль ужь какъ?...

V

Дѣйствительно, рѣзвое теченіе, будто шутя и насмѣхаясь надъ нашимъ паромомъ, уноситъ неуклюжее сооруженіе все дальше и дальше. Кругомъ, обгоняя насъ, бѣгутъ, лопаются и пузырятся хлопья цвѣту. Передъ глазами мелькаетъ мысокъ съ подмытою ивой и остается назади. Назади, далеко, осталась вырубка съ новелькою избушкой изъ свѣжаго лѣсу, съ маленькою телѣгой, которая теперь стала еще меньше, и съ бабой, которая стоитъ на самомъ берегу, кричить что-то и машетъ руками.

— Куда-жь мы теперича? Эхъ, бѣды, право, бѣды,— безнадежно, глядя на бабу, говоритъ Евстигнѣя.

Положеніе, дѣйствительно, довольно критическое. Шесть уходитъ въ глубь не маяча, т.-е. не доставая дна.

Тюлинъ, не обращая вниманія на причитанья Евстигнѣя, серьезно смотритъ на рѣку. Для него опасность—всѣхъ больше, потому что придется непременно подымать паромъ противъ теченія. Онъ, видимо, подтянулся, его взглядъ становится разумнѣе, тверже.

— Иванко, держи по плѣсу!—командуетъ онъ сыну.

Мальчишка на этотъ разъ быстро исполняетъ приказъ.

— Садись въ грѣби, Евстигнѣй!

— Да у тея еще есть ли грѣби-то?—сомнѣвается тотъ.

— Поговори со мной!

На этотъ разъ слова Тюлина звучатъ такъ твердо, что Евстигнѣй покорно лѣзетъ съ помоста и прилаживается къ весламъ, которыя оказываются лежащими на днѣ.

— Проходящій, лѣзь и ты... въ тую-жь фигуру.

Я сажусь «въ тую-жь фигуру», т.-е. къ правому веслу. Команда нашего судна, такимъ образомъ, готова. Иванко, на лицѣ котораго совершенно исчезло выраженіе нѣсколько гнусавой безпечности, смотритъ на отца заискрившимися, внимательными глазами. Тюлинъ суетъ шесть въ воду и ободряетъ сына: «Держи, Иванко, не зѣвай мотри». На мое предложеніе—замѣнить мальчика у руля—онъ совершенно не обращаетъ вниманія. Очевидно, они полагаются другъ на друга.

Паромъ начинаетъ какъ-то вздрагивать... Вдругъ шесть Тюлина касается дна. Небольшой «огрудокъ» даетъ возможность «пихаться» на разстояніи десятка сажень.

— Вались на переваль, Иванко, вали-ись на переваль!—быстро, сдавленнымъ голосомъ командуетъ Тюлинь, ложась плечомъ на круглую головку шеста.

Иванко, упираясь ногами, тянетъ руль на себя. Паромъ дѣлаетъ оборотъ, но вдругъ рулевое весло взмахиваетъ въ воздухъ и Иванко падаетъ на дно. Судно «рыскнуло», но черезъ секунду Иванко, со страхомъ глядя на отца, сидитъ на мѣстѣ.

— Крѣпй!—командуетъ Тюлинь.

Иванко завязываетъ руль бичевкой, паромъ окончательно «ложится на переваль», мы налегаемъ на весла. Тюлинь могучимъ толчкомъ подаетъ паромъ на перерѣзъ теченію, и черезъ нѣсколько мгновений мы ясно чувствуемъ ослабѣвшій напоръ воды. Паромъ «ходомъ» подается кверху.

Глаза Иванка сверкаютъ отъ восторга. Евстигнѣй смотреть на Тюлина съ видимымъ уваженіемъ.

— Эхъ, парень,—говоритъ онъ, мотая головой,—кабы на тебя да не винище,—цѣны бы не было. Винище тебя оманывать...

Но глаза Тюлина опять потухли и весь онъ размякъ.

— Гребь, гребь... Загребывай, проходящій, поглубже, не спи!—говоритъ онъ лѣниво, а самъ вяло тычетъ шестомъ, съ разстановкой и съ прежнимъ уныло-апатичнымъ видомъ. По ходу парома мы чувствуемъ, что теперь его шестъ мало помогаетъ нашимъ весламъ. Критическая минута, когда Тюлинь былъ на высотѣ своего призназнаго перевозническаго таланта, миновала, и искра въ глазахъ Тюлина угасла вмѣстѣ съ опасностью.

Около двухъ часовъ поднимались мы, все-таки, кверху, а еслибы Тюлинъ не воспользовался послѣднимъ «огрудкомъ», паромъ унесло бы на узкій прямой плесъ, и его не достать бы оттуда въ двое сутокъ. Такъ какъ пристать въ обычномъ мѣстѣ было невозможно,—мостки давно за-topило,—то Тюлинъ пристаётъ къ глинистому крутояру, зачаливая за ветлы. Начинается спускъ телѣги. Мы съ Евстигнѣемъ хлопочемъ около этого дѣла, Тюлинь равнодушно смотритъ на наши хлопоты, а баба, давно истратившая на вѣтеръ всѣ негодующія слова, сидитъ, не двигаясь, на возу, точно окаменѣлая, и старается не смотрѣть на насъ, какъ будто всѣ мы опостылѣли ей до самой послѣдней крайности. Она точно застыла въ своемъ злобномъ презрѣннн къ «негодямъ-мужикамъ» и даже не даетъ себѣ труда сойти съ ребенкомъ съ телѣги.

Лошадь пугается, закидываетъ уши и пятится назадъ.

— Ну-ко, ну-ко, хлесли ее, рѣзвую, по заду,—совѣтуетъ Тюлинъ, нѣсколько оживляясь.

Горячая лошадь подбираетъ задъ и прыгаетъ съ берега. Минута треска, стукотни и грохота, какъ будто все проваливается сквозь землю. Что-то стукнуло, что-то застонало, что-то треснуло, лошадь чуть не сорвалась въ рѣку, изломавъ тонкую загородку, но, наконецъ, возъ установленъ на качающемся и дрожащемъ паромѣ.

— Что, цѣла?—спрашиваетъ Тюлинъ у Евстигнѣя, озабоченно разсматривающаго телѣгу.

— Цѣла!—съ радостнымъ изумленіемъ отвѣчаетъ тотъ.

Баба сидитъ какъ изваяніе.

— Ну?—недоумѣваетъ и Тюлинь.—А думалъ я: безпремѣнно бы ей надо сломаться.

— И то... вишь, какà крутоярина.

— Чѣ-вно! Самая такà круча, что ей бы сломаться надо.—Э-эхъ, а чалки-те опять никто не отвязалъ!—кончаетъ Тюлинь съ тою же унылой укоризной и лѣнливо ступаетъ на берегъ, чтобъ отвязать чалки.—Ну, загребывай, проходящій, загребывай, не спи!

Черезъ полчаса тяжелой работы веслами, криковъ: «навались», «ложись въ переваль» и «крѣпнѣ»,—мы, наконецъ, подходимъ къ шалашу. Съ меня потъ льетъ, отъ непривычки, градомъ.

— Приси съ Тюлина косушку,—говорить, полупшутя, Евстигнѣй.

Но Тюлинь, видимо, не расположенъ къ шуткамъ. Долго-временное пребываніе на берегу безлюдной рѣки, продолжительныя унылыя размышленія о причинахъ никогда не прекращающейся тяжелой похмѣльной хворости — все это, очевидно, располагаетъ къ серьезному взгляду на вещи. Поэтому онъ уставился въ меня своими тусклыми глазами, въ которыхъ начинается медленно проблескивать что-то вродѣ глубокаго размышленія, и сказалъ радушно:

— Причалимъ,—поднесу... И не одну, слышь, поднесу,—добавляетъ онъ конфиденціально, понижая голосъ, причемъ въ лицѣ его явственно проступаетъ если не удовольствие, то, во всякомъ случаѣ, мгновенное забвеніе тяжелыхъ похмѣльныхъ страданій...

А съ горы, по неудобной дорогѣ, уже сползаютъ два воза.

— Ъдутъ...—скорбно говорить перевозчикъ.

— Да еще, можетъ-быть, не поѣдутъ,—утѣшаю я,—
можетъ-быть у нихъ не важное дѣло.

Я иронизирую, но Тюлинъ не понимаетъ иронию, быть-
можетъ, потому, что самъ онъ весь проникнутъ какимъ-то
особеннымъ безсознательнымъ юморомъ. Онъ какъ будто
раздѣляетъ его съ этими простодушными кудрявыми бе-
резами, съ этими корявыми ветлами, со взгравшею рѣ-
кой, съ деревянною церковкой на пригоркѣ, съ надписью
на столбѣ, со всею этой наивною ветлужскою природою,
которая все улыбается мнѣ своею милою, простодушною
и какъ будто давно знакомою улыбкой...

Какъ бы то ни было, но на мое насмѣшливое замѣчаніе
Тюлинъ отвѣчаетъ совершенно серьезно:

— Ежели безъ товару, само собой обождутъ. Неужто
повезу?—голову всеѣ разломило.

VI.

Парохода все нѣтъ. Говорятъ, за часъ до прихода
онъ будетъ еще «кричать» гдѣ-то, на одной изъ выше-
лежащихъ пристаней, но когда, часа черезъ три, поша-
тавшись по селу и напившись чаю, я подхожу опять
къ берегу, о немъ пичего неизвѣстно. Рѣка продол-
жаетъ играть и даже разыгралась совсѣмъ не на шут-
ку. Тюлинъ тащится къ своему шалашу по колѣни въ
водѣ, лѣнливо шлепая босыми ногами по зеленой потоп-
шей травѣ; онъ весь мокрый, широкіе штаны липнуть

къ его ногамъ, мѣшая итти; сзади, на чалкѣ, тащится за Тюлинымъ давешняя старая лодка, которую, согласно предсказанію знатока - перевозчика, успело - таки теченіемъ.

— Что, Тюлинь, здоровъ ли?

— Слава Богу. Не крѣпко чтой-то. Давай на ту сторону поѣдемъ.

— Зачѣмъ?

— Вишь, склѣка вышла. Плоты Ивахипски рѣка разметывать хочеть.

— Тебѣ-то что же?... Развѣ забота?

— А гляди-ко, Ивахипъ четвертуху волокѣтъ. Да что четвертуха! Тутъ, братъ, и полуведромъ поступишься...

Къ берегу торопливою походкой приближался со стороны села мужчина лѣтъ сорока-пяти, въ костюмѣ деревенскаго торговца, съ острыми безпокойными глазами. Вѣтеръ развѣвалъ полы его чуйки, въ рукѣ сверкала посудина съ водкой. Подойдя къ памъ, онъ прямо обратился къ Тюлину:

— Что, приплескивать?

— Бѣды!—отвѣтилъ Тюлинь.—Чай самъ видишь.

— А плотешки у меня поняла ужъ?

— Подхватывать, да еще не подь силу. А гляди подыметъ. Лодку у меня даве слизнула,—въ силу, въ силу бѣгомъ догналъ за переплескомъ...

— Ну?

— То-то. Вишь вымокъ весь до нитки.

— Ахъ ты!—отчаянно сказалъ купецъ, ударивъ себя по бедру свободною рукой.—Не оглянешься,—плотч у

меня размечеть. Что убытку-то, что убытку! Ну, и подлець народъ у насъ живеть!—обратился онъ ко мнѣ.

— Чего бы я напрасно лаялъ православныхъ,—заступился за своихъ Тюлинь.—Чай у васъ рѣда была...

— Была.

— На песокъ возить?

— То-то, на песокъ.

— Ну-къ на песокъ и есть, не въ другимъ мѣстѣ.

— Да, вѣдь, подлецы вы этакіе, рѣка песокъ - то ужь покрываетъ!

— Какъ не покрыть, — покроетъ. Къ утру, что есть, слѣду не оставить.

— Вотъ видишь! А имъ бы, подлецамъ, только пѣсни горланить. Ишь орутъ! Имъ горюшка мало, что хозяину убытокъ...

Оба смолкли. Съ того берега, съ вырубки, отъ новаго домика неслись нестройныя пѣсни. Это артель васюхинцевъ куражилась надъ мелкимъ лѣсоторговцемъ-хозяиномъ. Вчера у нихъ былъ расчетъ, причемъ Ивахинъ обсчиталъ ихъ рублей на двадцать. Сегодня Ветлуга заступилась за своихъ дѣтокъ и взыграла на руку артели. Теперь хозяинъ униженно кланялся, а артель не ломила шапокъ и куражилась.

— Ни за сто рублей! Узнаешь, какъ жить съ артелью! Мы тя научимъ...

Рѣка прибывала. Ивахинъ струсилъ. Кинувшись въ село, онъ наскоро добылъ четверть и поклонился артели. Онъ не ставилъ при этомъ никакихъ условій, не упоминалъ о плотяхъ, а только кланялся и умолялъ, чтобъ ар-

тель не попомнила на немъ своей обиды и согласилась испить «даровую».

— Да ты, такой-сякой, не финти,—говорили артельщики.— Не заманишь!

— Ни за сто рублей не полѣземъ въ рѣку.

— Пушай опа, матушка, порѣзвится, да поиграетъ на своей волюшкѣ.

— Пушай покидать бревнушки, пушай поразмететь. Поди собирай!

Но четверть, все-таки, выпили и завели пѣсни. Голоса неслись изъ-за рѣки нестройные, дикіе, разудалые, и къ нимъ примѣшивался плескъ и говоръ буйной рѣки.

— Важно поютъ! — сказалъ Тюлинь съ восторгомъ и завистью.

Ивахину, кажется, пѣсня правилась меньше. Онъ слушалъ безпокойно, и глаза его смотрѣли растерянно и тоскливо. Пѣсня шумѣла бурей и, казалось, не общала ничего хорошаго.

— Много ли не додалъ вчера? — спросилъ Тюлинь просто.

Ивахинъ почесался и, не отрывая безпокойнаго взгляда съ того мѣста, откуда неслись нестройные звуки, отвѣтилъ такъ же просто:

— Объ двухъ красныхъ спорились.

— Много же, мотри! Какъ бы, слушай, бока не намяли.

По лицу Ивахины было видно, что предположеніе не кажется ему невѣроятнымъ.

— Хошь бы плоты-те повыволокли, — сказалъ онъ съ глубокою тоской.

— Чать выволокуть,—успокоилъ Тюлинь.

— Поговори имъ,—заискивающе сказалъ торговецъ.—
Моль, болѣ не приплескивать, назадъ, моль, къ ночи
пойдетъ.

Тюлинь отвѣтилъ не сразу; взгляды его приковался къ
посудинѣ и, помолчавъ, онъ сказалъ сластолюбиво:

— Другую четверть волокѣшь?

— Другую.

— Спойшь и третью. Перевезти, что-ль?

— Вези!

Лодка была на серединѣ, когда ее замѣтили съ того
берега. Пѣсня сразу грянула еще сильнѣе, еще нестрой-
нѣе, отражаясь отъ зеленой стѣны крупнаго лѣса, къ
которому вплоть подошла вырубка. Черезъ нѣсколько ми-
нута, однако, пѣсня прекратилась, и съ вырубки слышал-
ся только громкій и такой же нестройный говоръ. Вско-
рѣ Ивахинъ опять стрѣлой летѣлъ къ нашему берегу и
опять устремился съ новою посудиною на ту сторону.
Лицо у него было злое, но, все-таки, въ глазахъ прогля-
дывала радость.

Къ закату солнца вся артель «убилась» за ивахинскими
плотами. Подъ звуки унылой дубинушки бревна выгаты-
вали на берегъ и руками втаскивали на подъемы. Скоро
весь ивахинскій лѣсъ высился въ клады на крутоярѣ, не-
доступный для шаловливой рѣки.

Потомъ опять загремѣла пѣсня. Мокрые, усталые ар-
тельщики допивали послѣднюю четверть. Ивахинъ, потный,
злой, но, все-таки, еще болѣе довольный, переправился
въ послѣдній разъ на нашу сторону и умчался къ селу;

вѣтеръ размахивалъ полами его сибирки, а въ обѣихъ рукахъ были посудины, на этотъ разъ пустыя.

Тюлинъ, еще болѣе унылый, провожалъ его долгимъ взглядомъ.

— Ну, что, побили?—спросилъ я у него.

Онъ перевелъ взглядъ на меня и спросилъ:

— Кого?

— Да Ивахина.

— Нѣ, что его бить...

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Тюлина, и въ моемъ умѣ блеснула внезапная и неожиданная догадка: физиономія Тюлина припухла, а подъ глазомъ стоялъ фонарь, очевидно, новѣйшаго происхожденія.

— Тюлинъ, голубчикъ!

— Ну, что?

— Отчего у тебя сипякъ?

— Сипякъ... Да отчего ему быть, сипяку?

— Да, вѣдь, тебя, Тюлинъ, должно-быть, били.

— Кто меня билъ?

— Артельщики.

Тюлинъ задумчиво посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и сказалъ:

— Развѣ либо отъ этого... Да, слышь, и били-то не очень пибко.

Пауза, взглядъ на меня и во взглядѣ мелькающая догадка:

— Развѣ либо не Пароень ли это меня садануль?...

— Пожалуй, что и Пароень,—опять помогаю я медленному процессу поваго приближенія къ истинѣ.

— Безпремѣнно Пароень. Такой, скажу тебѣ, вредный мужичишко,—завсегда паровить какъ бы нибудь чело-вѣка испортить...

Вопросъ оказался достаточно разъясненнымъ. Мнѣ, правда, очень хотѣлось еще разузнать, какимъ образомъ гнѣвъ артели такъ неожиданно измѣнилъ свое направленіе, и артельная гроза, вмѣсто Ивахина, обрушилась на совершенно нейтральную тюлинскую фізіономію, но въ это время съ другого берега опять послышался призывъ:

— Тю-ю-юли-йнъ!...

Тюлинь не повернулъ даже головы и лѣниво направился къ шалашу, сказавъ мнѣ на ходу:

— Кличуть. Смахать бы тебѣ, а? Живымъ бы духомъ.

Но вдругъ онъ насторожился, повернулся и ожилъ. На берегу, несмотря на сумерки, можно было разглядѣть красныя рубахи. Это артельщики звали Тюлина и, кажется, самымъ заманчивымъ образомъ махали руками.

— Зовутъ, вѣдь?—радостно сказалъ онъ, вопроситель-но глядя на меня.

— Разумѣется, зовутъ. Опять побьютъ, пожалуй...

— Нѣ, што ты, Богъ съ тобой. Не можетъ быть! Угостить меня артели желательно, вотъ што!

И Тюлинь съ удивительною живостью кинулся къ берегу. Связавъ зачѣмъ-то двѣ лодки,—носъ къ кормѣ,—онъ сѣлъ въ переднюю и быстро отпихнулся отъ берега, не оставивъ на этой сторопѣ ни одной.

·VII.

Я понялъ эту невинную хитрость, когда услышалъ въ сумеркахъ скрипъ воза, съѣзжавшаго съ горы. Возъ неторопливо подъѣхалъ къ рѣкѣ. Лошадь фыркнула нѣсколько разъ и, откинувъ уши, усталилась съ удивленнымъ видомъ на измѣнившуюся до неузнаваемости смиренницу Ветлугу.

Отъ воза отдѣлился мужикъ, подошелъ къ самой водѣ, посмотрѣлъ, почесался и обратился ко мнѣ:

— Перевозчикъ гдѣ?

— Вошь...—указалъ я на свѣтлую полосу, взрѣзавшую темную поверхность рѣки уже на срединѣ.

Онъ взглянулъ туда, опять помоталъ головой, прислушался къ пѣснямъ васюхинцевъ и сталъ поворачивать возъ.

— И подлый же мужичокъ здѣшній перевозчикъ живетъ,—сказалъ онъ, впрочемъ, довольно спокъ. Гляди, вѣдь, и лодки всѣ уволокъ... Всю ночь его теперь от-теда не достанешь.

Отведя лошадь, онъ подошелъ ко мнѣ и поклонился.

— Проходящіе будете?

— Проходящій.

— Не съ озера ли?

— Съ озера.

— Такъ. Много теперича народу идетъ. Завтра, что-есть, и то еще пойдуть... Эхъ, какъ рѣка-то пылить, бѣды! Ежели, теперь, намъ съ вами на паромъ... да нѣтъ,

не управиться... Ночевать, видно. А вы не къ пароходу ли?

— Къ пароходу.

— Ну, на зарѣ, раньше не будетъ. Ночевать, видно, и вамъ.

Онъ поставилъ за шалашомъ телѣгу и пустилъ на береговой откосъ стреноженную лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ за шалашомъ закурился дымокъ.

Тюлинъ, очевидно, приучилъ свою публику къ терпѣнью.

Солнце давно спряталось за горами и лѣсами, надъ Ветлугой опустились сумерки, синія, теплыя, тихія. Нашъ огонекъ разгорался, дымъ подымался прямо кверху. Было какъ-то даже странно это спокойствіе воздуха, наряду съ торопливымъ и буйнымъ движеніемъ на рѣкѣ, которая все продолжала приплескивать. Съ того берега все неслись пѣсни, и мнѣ казалось, что я различаю фистулу Тюлина въ общей разноголосицѣ. На одномъ изъ недалекихъ холмовъ, одинъ за другимъ, вспыхивали огни сосѣдней деревни. — Днемъ я не замѣчалъ ея, — такъ ея сѣрмя избы и темныя крыши сливались съ общими тонами пейзажа... Теперь она выступила красивою стайкой огоньковъ на темной верхушкѣ холма и кое-гдѣ четырехугольнички крышъ вырѣзывались въ синевѣ неба.

Это — деревня Соловьяха. Мой новый знакомый, отъ нечего дѣлать, рассказалъ мнѣ нѣкоторыя небезынтересныя черты изъ жизни ея обитателей. Народъ въ Соловьяхъ живетъ предприимчивый и гордый; въ окрестностяхъ соловьяхинцы слывуть «ворипканами». Случилось разъ моему новому знакомому остановиться въ селѣ Благовѣщеніи,

у дьячка. Дѣло было зимой, къ вечеру. Сидятъ за столомъ. Вдругъ кто-то стукъ-стукъ въ оконце. Выглянулъ дьячокъ: стоитъ за окномъ Иванъ Семеновъ, сосѣдъ-старичокъ, и на ночьгь просится. «Да что ты, чай тебѣ до дому всего съ версту?» — «Съ версту, молъ, съ версту, да мимо Соловьихи итти. Какъ бы опять къ пролуби не свели».

Оказалось, что между этимъ старичкомъ и соловьихинцами установились совершенно своеобразныя отношенія. Какъ только старикъ разживется деньгами, такъ непременно напьется на селѣ, а какъ напьется, такъ и начнетъ хвастать: имѣю у себя «катеньку» въ карманѣ. Пойдетъ послѣ этого домой, его соловьихинцы и переймутъ на рѣкѣ, да прямо къ пролуби.

— Хошь въ пролубь?

Ну, разумѣется, не хочеть. Они и не неволятъ,—отдай только имъ «катеньку». Онъ отдаетъ, дѣлать нечего. Они опять:

— Хошь въ пролубь?

— Не желаю, братцы.

— Такъ никому, гляди, не бай. Не скажешь, что ли?

— Не скажу!

— Заклянись!

— Чтобъ мнѣ, говорить, на симъ мѣстѣ провалиться, коли скажу единой душѣ.

И не говорить. Сколько разъ такъ его ловили,—надоѣло ему, пересталъ вечеромъ мимо Соловьихи ходить, особливо когда выпивши, а не сказалъ никому. «Водили, говорить, къ пролуби соловьихинцы», а кто именно—ни за что не скажеть.

Послѣ этого разсказа я съ особымъ любопытствомъ взглянулъ на деревеньку «воришкановъ». Ну, гдѣ, думалось мнѣ, кромѣ Ветлуги, встрѣтите вы такую непосредственность и простоту приемовъ, и такое благородное довѣріе къ чужому слову, и такую простодушную увѣренность въ возможности «провалиться на симъ мѣстѣ», въ случаѣ парушенія клятвы?... Мой новый знакомый, самъ «ветлугай», увѣрялъ, что другой этакой деревни нѣтъ нигдѣ больше по всей рѣкѣ. Въ Марьянѣ промышляли года три назадъ «красноярками» *),—ну, это дѣло другое. А положите въ не запертой избѣ деньги и уходите на сутки,—никто не тронетъ.

— Какъ же, все-таки, соловьихинцы?

— Такой у нихъ, позвольте сказать, обычай...

Ну, гдѣ еще, думалось мнѣ опять, найдется такая терпимость къ чужимъ обычаямъ?... И огоньки Соловьиhi мигали мнѣ привѣтливо и простодушно: «нигдѣ, нигдѣ»...

— Вотъ и у Тюлина, — сказалъ я, улыбаясь, — тоже обычай.

— Вѣрно! Подлецъ мужичокъ, будь онъ проклять! А и то надо сказать: дѣло свое знаетъ. Вотъ пойдетъ осень или опять весна: тутъ онъ себя покажетъ... Другому бы ни за что въ водополь съ перевозомъ не управиться. Для этого случая больше и держимъ...

— Миръ бесѣдъ!

— Милости просимъ!

Къ нашему огоньку съ берестяными кополками за

---

*) «Красноярками» называютъ фальшивыя «бумажки».

спиной, съ посошками въ рукахъ, подошли два странника. Одинъ изъ нихъ, скинувъ котомку, внимательно поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— Этого мы челоуѣка видѣли.

— Не мудрено, — отвѣтилъ я.

— На Люндѣ были?

— Былъ.

— Тамъ и видѣли. По усердію или обѣтъ былъ даденъ Владычицѣ?

— А вы?

— Мы къ празднику ходили, стало-быть, къ сродникамъ.

— Что-жь, садитесь къ огоньку.

— Да намъ бы на перевозъ, — дѣ до дому недалече. Къ утру и дошелъ бы я.

— Да, на перевозъ!...—вмѣшался мой знакомый.—Тюлинь послѣднюю лодью уволѣкъ. На паромѣ развѣ?...

— Гдѣ!... Больно рѣка взыграла.

— Да и шестовъ длинныхъ нѣтъ.

Другой изъ новоприбывшихъ подошелъ усталымъ шагомъ къ берегу, и тотчасъ же надъ рѣкой раздалось громко, протяжно:

— Тю-ю-ли-инь!... Лодку дава-а-ай!...

Окликъ покатился по рѣкѣ, будто подхваченный быстрымъ теченіемъ. Игривая рѣка, казалось, несетъ его съ собой, перекидывая съ одной стороны на другую межъ заснувшими во мглѣ берегами. Отголоски убѣгали куда-то въ вечернюю даль и замирали тихо, задумчиво, даже грустно, — такъ грустно, что, прислушавшись, странникъ не рѣшился въ другой разъ потревожить это отдаленное вечернее эхо.

— Шабашъ!—сказаль онъ и, махнувъ рукой, вернулся къ нашему огоньку.

— А парню-то и до дому рукой подать,—сказаль первый изъ моихъ знакомыхъ, — и всего-то версты четыре, изъ Песочной! Слыхали про песочинцевъ?—спросилъ онъ съ лукавою усмѣшкой.

— Нѣтъ, я въ здѣшнихъ мѣстахъ не бываль.

— У нихъ, у песочинцевъ, тоже опять свой нравъ. Что ни городъ, то, говорятъ люди, норовъ, что ни деревня, то обычай. Соловьишцы,—я вотъ рассказываль,—любятъ такъ, чтобъ чужое взять, а ужъ песочинцы—тѣ свое беречь мастера. Это, годовъ можетъ пять назадъ, пошли семеро песочинцевъ въ село Благовѣщеніе желѣзо чинить: лемехъ тамъ, сошники, серпы и прочее деревенское орудіе. Ну, починили, идутъ назадъ къ рѣкѣ и сумы съ желѣзомъ въ рукахъ несутъ. А рѣка, какъ вотъ и теперь же, приплескивать сильно, играетъ, да еще вѣтеръ по рѣкѣ ходитъ, волну раскачалъ. А лодка-то, извѣстно, верткая. «А что, братцы вы моё,—говоритъ одинъ,—какъ лодку у насъ ковырнетъ, вѣдь желѣзо-то, пожалуй, утопнетъ. Давай, робаты, кошели къ себѣ привяжемъ, кабы желѣзо не потопить».—«И то, молъ, дѣло!» Такъ и сдѣлали. Къ рѣкѣ шли—желѣзо въ рукахъ несли; въ лодку садиться—давай па себя навязывать. Выѣхали на середину, рѣка лодку-те и начни заливать, лодка и опрокинься. Ну, желѣзо-то крѣпко къ спинамъ привязано,—не потерялось. Такъ вмѣстѣ съ желѣзомъ хозяевы ко дну и пошли, всѣ семеро!... Что, парень, аль не правду я баю?

Песочинецъ не возражалъ, и, при свѣтѣ огонька, на

всѣхъ трехъ лицахъ моихъ собесѣдниковъ лежала одна и та же добродушно-насмѣшливая улыбка, съ особенною ветлужскою складкой, живо напоминавшею мнѣ Тюлина.

— Ну, а вы-то откуда?—спросилъ я у старика, который видѣлъ меня на Люндѣ.

— А я, господинъ, самъ по себѣ. Безъ роду-племени, бездомной человѣкъ, солдатская кость.

— А, все-таки, родомъ съ Ветлуги?

— Съ нею матушки. Не одну путину сгонялъ по ней смолоду. Да и послѣ царской службы вотъ ужъ пятнадцатый годъ околачиваюсь.

Солдатскаго въ этомъ старикѣ было очень мало: только развѣ нѣкоторая спокойная увѣренность рѣчи, да еще старый засаленный картузь съ какими-то едва замѣтными кантами и большимъ надорваннымъ козыремъ. Изъ-подъ козыря глядѣли и искрились порой сѣрые глаза, а около усовъ ютилась чуть замѣтная улыбка. Голосъ у стараго солдата былъ очень пріятный, грудной, съ «перекатцемъ», выдававшимъ прежняго лихого пѣсельника, но теперь уже значительно осипшимъ отъ старости, отъ рѣчной сырости, а можетъ и отъ «винища». Какъ бы то ни было, слушать этотъ голосъ съ юмористическою ноткой и глядѣть на ветлужскую усмѣшку стараго солдата было очень пріятно, и я вспомнилъ теперь, что, дѣйствительно, мы встрѣчались съ нимъ на озерѣ. Въ разгаръ самаго горячаго спора на тему: «съ татемъ, съ разбойникомъ, кольми паче съ еретикомъ не общайся»,—когда обѣ стороны засыпали другъ друга текстами и разными тонкостями начѣтчицкой діалектики, — этотъ старичокъ, съ

надорваннымъ козыремъ и искрящимися глазами, вынырнувъ внезапно въ самой серединѣ, испортилъ всю бесѣду, рассказавъ очень просто и безъ всякихъ текстовъ простой житейскій случай. Рассказъ произвелъ на большинство сильное отрезвляющее впечатлѣніе; начѣтчики отнеслись къ нему съ явнымъ пренебреженіемъ. Какъ бы то ни было, бесѣда была совершенно испорчена, и толпа разошлась, унося, быть-можетъ, не одно проснувшееся сомнѣніе...

— Помилуйте, бабій разговоръ, просторѣчіе!—сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ одинъ изъ начѣтчиковъ.—Нешто это отъ писанія?

— Да это кто такой, не Ефимъ ли?—спросилъ другой, подошедшій къ концу разговора.

— Онъ.

— Пустой мужичонко, ветлугай. Въ работникахъ у насъ живаль. Писанія не знаетъ, Евангеліе одно читаль...— и говорившій махнулъ рукой.

Ефимъ-ветлугай только улыбался своею особенною улыбкой, неизвѣстно къ чему относящеюся: къ предмету ли разговора, къ слушателямъ, или, быть-можетъ, къ самому ему, пустому мужичонку, бездомнику, солдатской косточкѣ... Какъ бы то ни было, мнѣ казалось, что въ рассказѣ ветлугая я слышалъ первое еще на Свѣтлоярѣ живое слово.

Теперь мы опять завели разговоръ на ту же тему: о Людѣ, о Свѣтлоярѣ и Китежѣ, объ уренивцахъ. Среди многочисленныхъ и разновѣрныхъ группъ, собирающихся на Свѣтлоярѣ, приносящихъ туда, каждая, свои

книги, свои напѣвы и свою вѣру, въ особенности выдѣляются уреневскіе начѣтчики, устраивающіе каждый годъ свой импровизованный алтарь подѣ однимъ и тѣмъ же старымъ дубомъ, на склонѣ холма. Въ то время, какъ около австрійскаго священника, въ полуманатейкѣ и съ длинными косами впереди ушей, едва-едва набирается десятокъ молящихся, — около уреневского дуба стоитъ тѣсная большая толпа. Меня поразили суровыя, надменные лица этихъ начѣтчиковъ. Тутъ были женщины, въ темныхъ скитскихъ платьяхъ, какой-то очень длинный субъектъ съ рѣзкими чертами, молодой мальчишка съ сумой нищаго, съ лицомъ покрытымъ оспой, лохматый юродивый... Они читали и пѣли по очереди, однообразными, гнусавыми голосами, совершенно, притомъ, не обращая вниманія на все окружающее. Между тѣмъ какъ представители другихъ толковъ охотно вступали въ споры, — уреневцы держались свысока, пренебрежительно, и на вопросы совсѣмъ не отвѣчали. Казалось, для нихъ во всемъ мірѣ не существовало уже ничего заслуживающаго хотя бы малѣйшаго снисхожденія, и вся святость сосредоточивалась на этомъ небольшомъ островкѣ, занятомъ ихъ тѣсно сомкнутыми «стриженными гуменцами» и оглашаемомъ ихъ унылыми напѣвами.

— Очень ужъ высоко сами себя держать, — говорилъ Ефимъ. — Народъ, нечего сказать, просужій, трезвый народъ, а только нашему брату у нихъ неловко.

— Почему это?

— Тоскливо. Наша вѣра, прямо сказать, много веселѣе, — отвѣтилъ за Ефима хозяинъ воза.

Молчавшій до сихъ поръ песочинецъ при этихъ словахъ улыбнулся какъ-то весело и сказалъ:

— Бываль, вѣдь, я у нихъ. Больно, братцы, чудно!

— А что?

— Да такъ. Это нанялся я у нихъ зимусь къ одному: брусу изъ лѣсу выволочки. Приѣхали мы съ молодымъ хозяиномъ на моей лошади ночью. На-утро проснулся я, а темно еще,—дѣло зимнее. Гляжу: старуха свѣтецъ за-свѣчаетъ, потомъ молитвца хочетъ образамъ. Образа-те хорошіе, крапѣные. Ну, думаю, и мнѣ пора, помолюсь, дай-ка, и я, да лошадь пойду снаряжать. Лѣзу тихонько съ полатей, сталъ за ей, давай себѣ креститьца. Какъ тутъ она и обернись. Увидѣла меня и руками замахала: «Ты,—говорить,—что это дѣлаешь?»—«А что, молъ,—молитвца было похотѣлъ».—«Погоди»,—говорить.—«Чего, годить?—самая пора».—«Погоди, молъ, послѣ». Ну, послѣ, дакъ и послѣ, опять я полѣзъ на полати. Отмолилась она, свѣчки погасила, убрала; гляжу опять: малое время погода, старче съ печки лѣзетъ, свою икону тащить на божницу, свою и свѣчку зажигать. Я опять съ полатей. Думаю: теперь и мнѣ можно. Только нацѣлился лобъ перекстить, старичишка меня за руку лапъ! «Ты што это?» — «На вотъ!... да я, молъ, было молитвца цѣлился».—«Погоди,—говорить,—не годится тебѣ». Вотъ оказія! Опять, видно, на полати лѣзть. Ну, чего будетъ!... Тутъ опять молодлица слѣзаетъ, съ молодымъ хозяиномъ въ боковушкѣ свѣчку затеплили. У тѣхъ иконъ нѣту, — одно распятіе. Я живымъ духомъ къ нимъ, опять себѣ нацѣливаюсь. Давай, думаю, хоть на распятіе помолюсь.

— Ну, допустили, что-ль? — спросилъ одинъ изъ заинтересованныхъ слушателей, вида, что расказчикъ оставился.

— Нѣ! Што вы думаете? — и тутъ не допустили! Отмолились сами, потомъ зовуть: теперь, говорятъ, иди, молись себѣ. Взшелъ я въ боковушку, а тамъ голыя стѣны. Они и распятѣ-то уволокли... Ахъ ты, шутъ васъ задави! Что мнѣ тутъ съ вами грѣшить, думаю себѣ. Не надо! Я лучше, коли такъ, дорогой поѣду, на солнушко Господне помолюсь

— Три вѣры въ однимъ дому! — замѣтилъ солдатъ.

— Три и есть. Обѣдать время пришло. Ну, посадили меня, добраго молодца, честь - честью. Опять старики съ дочкой вмѣстѣ, намъ съ молодымъ хозяиномъ на особицю, да еще, слышь, обоимъ чашки-те разныя. Тутъ ужъ мнѣ за бѣду стало. Ахъ вы, говорю, такіе не эдакіе. Вы не то што меня бракуете, вы и своего-то мужика бракуете. «А потому, — старуха баеть, — и бракуемъ, што онъ по Русѣ ходить, съ вашимъ братомъ, со всякимъ поганимъ народомъ нахлѣбается»... Вотъ и поди ты, какъ они объ насъ понимаютъ!

— Д-да, — подтвердилъ хозяинъ воза, лежавшій уже съ руками, заложеными за голову. — Видишь ты, какѣ грозны живутъ... А сами-те, безстыдники! Тепериче у насъ, поблизу, въ деревнѣ два брата; одинъ, стало-быть, въ солдаты ушелъ, другой его бабу къ себѣ взялъ. Это невѣстку-то, стало-быть, да еще чижолую. Другой со службы вернулся, тоже долго не думалъ: родну-те сестру прежней жены къ себѣ. Да слышь: два брата на двухъ се-

страхъ женаты, да мальчонкѣ-то солдатъ и дядей роднымъ, да чуть ли и тяткой не приходится. Такъ вотъ этимъ не брезгаютъ. Охо-хо-хо-д... Не спать ли пора?

Водворилось не надолго молчаніе.

— Смѣшица по Русѣ пошла,—раздался черезъ мину-ту простодушный голосъ песочинца.

— Давно ужъ это,—сказалъ, укладываясь, солдатъ,—не со вчерашняго дни.

— Чѣ не давно? Вотъ теперича молokane опять...

— Ну, эти иная статья, другого рода. Спи-ложись, пустого не бай!

Но песочинецъ, объятый размышленіемъ о «смѣшицѣ», которая пошла «по святой Русѣ», долго еще не могъ улечься. Онъ сидѣлъ, ковырялъ вѣткой въ огнѣ и, увидя, что я тоже не сплю, кивнулъ лукаво въ сторону Ефима и произнесъ:

— Особа статья, говорить... Чего не особа статья! Самъ съ ними водитця, богамъ нашимъ молитця не сталъ, молоко по пятницамъ жреть. Самъ видывалъ, а то бы и баять не надо...

И онъ тоже сталъ прилаживаться на песочкѣ.

VIII.

Я поднялся и посмотрѣлъ кругомъ.

Рѣка скрылась въ темной синевѣ вечера. Луна еще не подымалась, звѣзды тихо, задумчиво мигали надъ Ветлугой. Берега стояли во мглѣ, неясные, таинственные,

какъ будто прислушиваясь къ немолчному шороху все прибывающей рѣки. Поверхность ея была темна, не видно было даже «цвѣту», только кое-гдѣ мерцали, растягивались и тотчасъ исчезали на бѣгущихъ струяхъ дрожащія отраженія звѣздъ, да порой игривая волна вскакивала на берегъ и бѣжала къ намъ, сверкая въ темнотѣ пѣной, точно животное, которое рѣзвится, пробѣгая мимо человѣка...

Артель все еще бушевала на другомъ берегу, но пѣсня, видимо, угасала, какъ нашъ костеръ, въ который никто не подбрасывалъ больше хворосту. Голосовъ становилось все меньше и меньше: очевидно, не одна ужъ удалая головушка полегла на вырубкѣ и въ кустарникѣ. Порой какой-нибудь дикій голосина выносился удалѣе и громче, но ему не удавалось уже воспламенить остальныхъ, и пѣсня гасла.

Я тоже улегся рядомъ со спящими ветлугаями, любуясь звѣзднымъ небомъ, начинавшимъ загораться золотыми отблесками подымавшейся за холмами луны. А съ горы, тихо поскрипывая, спускался опять запоздалый возъ, подходили пѣшеходы и, постоявъ на берегу, или безнадежно выкрикнувъ раза два лодку, безропотно присоединялись къ нашему табору, задержанному военною хитростью перевозчика Тюлина.

Огни въ деревушкѣ на холмѣ давно погасли одинъ за другимъ. Столбъ съ надписью то выдѣлялся, окрашенный огнемъ костра, то утопалъ въ темнотѣ.

Вдали, за рѣкой, запѣвалъ соловей.

.....

- Перево-дзъ!
- Перевозъ, перевозъ, перррervo-o-дзъ!
- Эй, перевоз-чикъ, живѣй—э-эй!
- Го-го-го-го-о-о!...

Громкіе крики, раздавшіеся шумно, внезапно, рѣзко и звонко, точно труба на зарѣ, разбудили меня и весь нашъ таборъ, пріютившійся у огонька. Крики наполняли, казалось, землю и небо, отдаваясь въ мирно-спавшихъ лошпахъ и заводяхъ Ветлуги. Ночные странники просыпались и протирали] глаза; песочинецъ, котораго вчера такъ сконфузилъ его собственный скромный окликъ заснувшей рѣки, теперь глядѣлъ съ какимъ-то испугомъ и спрашивалъ:

— Что такое? Съ нами крестная сила, что такое?

Начинало свѣтать, рѣка туманилась, нашъ костеръ потухъ. Въ сумеркахъ по берегу виднѣлись странныя группы какихъ-то людей. Одни стояли вокругъ насъ, другіе у самой воды кричали перевозчика. Невдалекѣ стояла телѣга, запряженная круглою сытою лошадыю, спокойно ждавшею перевоза.

Я тотчасъ же узналъ урневецевъ... Тутъ были и третьеводнешнія скитницы въ темныхъ одеждахъ, и длинный субъектъ съ мрачнымъ лицомъ, и рябой нищій, и лохматый «юродъ», и еще какія-то личности въ томъ же родѣ.

Теперь они стояли вокругъ нашего, лежавшаго въ повалку, табора, глядя на насъ съ безцеремоннымъ любопытствомъ и явнымъ пренебреженіемъ. Мои спутники какъ-то сконфуженно пожимались и, въ свою очередь, глядѣли на

новоприбывшихъ не безъ робости. Мнѣ почему-то вдругъ вспомнились англійскіе пуритане и индипенденты времени Кромвеля. Вѣроятно, эти святые такъ же надменно смотрѣли на простодушныхъ грѣшниковъ своей страны, а тѣ отвѣчали имъ такими же сконфуженными и безотвѣтными взглядами.

— Эй, вы, ветлугаи-водохлѣбы! гдѣ перевозчикъ?

— Перевозъ, перевозъ, пере-во-озъ!...

Можно было подумать, что цѣлая армія вторгалась въ мирныя владѣнія безпечнаго перевозчика. Голоса уреневцевъ гремѣли и раскатывались надъ рѣкой, которая теперь, казалось, быстро и сконфуженно убѣгала отъ грома, вся опять бѣлая отъ цвѣту. Эхо долго и далеко перекатывало эти крики.

«Ну-ка,—думалось мнѣ,—устоить ли и теперь тюлинскій стоицизмъ?»

Къ моему удивленію, взглянувъ на рѣку, я увидѣлъ въ утренней мглѣ лодочку Тюлина уже на срединѣ. Очевидно, философъ-перевозчикъ тоже находился подъ обаяніемъ грозныхъ уреневскихъ богатырей и теперь гребъ изо всѣхъ силъ. Когда онъ присталъ къ берегу, то на лицѣ его виднѣлась сугубая угнетенность и похмѣльная скорбь; это не помѣшало ему, однако, быстро побѣжать на гору за длинными шестами.

Нашъ таборъ тоже зашевелился. Хозяева ночевавшихъ воевъ вели за чолки лошадей и торопливо запрягали, боясь, очевидно, что уреневцы не станутъ дожидаться, и они опять останутся на жертву тюлинскаго самовластиа.

Через полчаса нагруженный паромъ отвалилъ отъ берега.

У потухшаго костра мы остались вдвоемъ съ Ефимомъ, который разгребалъ пальцами золу, чтобы закурить уголькомъ носогрѣйку.

— А вы что же не переправились заодно?

— Ну ихъ, не люблю,—отвѣтилъ онъ, раскуривая.— Мнѣ не къ спѣху,—пойду себѣ по росѣ... А вотъ вамъ такъ, пожалуй, пора собираться: слышите, пароходъ сверху бѣжитъ.

Черезъ минуту и я могъ уже различить гулкiе удары пароходныхъ колесъ, а черезъ четверть часа надъ мысомъ появился бѣлый флагъ, и «Николай» плавно выбѣжалъ на плесо, мигая блѣднѣющими на разсвѣтѣ огнями и ведя зачаленную сбоку большую баржу.

Солдатъ услужливо подаль меня въ тюлинской лодочкѣ на бортъ парохода, и тотчасъ же самъ вынырнулъ въ ней изъ-за кормы, направляясь къ тому берегу, гдѣ грузный паромъ высаживалъ уреневцевъ.

Солнце давно золотило верхушки приветлужскихъ лѣсовъ, а я, безсонный, сидѣлъ на верхней палубѣ и любовался все новыми и новыми уголками, которые съ каждымъ поворотомъ щедро открывала красавица-рѣка, еще окутанная кое-гдѣ синеватою мглой.

И я думалъ: отчего же это такъ тяжело было мнѣ тамъ, на озерѣ, среди книжныхъ народныхъ разговоровъ, среди «умственныхъ» мужиковъ и начѣтчиковъ, и такъ легко, такъ свободно на этой тихой рѣкѣ, съ этимъ стихійнымъ, безалабернымъ, распущеннымъ и вѣчно страж-

душимъ отъ похмѣльнаго недуга перевозчикомъ Тюлинымъ? Откуда это чувство тяготы и разочарованія, съ одной стороны, и облегченія—съ другой? Отчего на меня, тоже книжнаго человѣка, отъ *тѣхъ* вѣтъ такимъ холодомъ и отчужденностью, а этотъ кажется такимъ близкимъ и такъ хорошо знакомымъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ

Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

Милый Тюлинъ, милая, веселая, шаловливая, взывавшая Ветлуга! Гдѣ же это и когда я видѣлъ васъ раньше?

1891 г.

НА ЗАТМЕНИИ.

(Очеркъ съ натуры.)

I.

Продолжительный пароходный свистокъ. Я просыпаюсь. За тонкою стѣнкой парохода вода, кинутая колесомъ на обратномъ ходу, плещеть, стучить и рокочеть. Свистокъ стонетъ сквозь этотъ шумъ, будто издалека, жалобно, протяжно и грустно.

Да, я ѣду смотрѣть затменіе въ Юрьевецъ. Пароходъ долженъ былъ прійти туда въ 2¹/₂ часа ночи. Я только недавно заснулъ и теперь уже надо вставать. Приходится ждать нѣсколько часовъ гдѣ-нибудь на пустой улицѣ, такъ какъ въ Юрьевцѣ гостиниць нѣтъ.

Какова-то погода? Я гляжу изъ окна. Пароходъ уже остановился; волна, разбѣгаясь отъ бортовъ, чуть поблескиваетъ и теряется въ темнотѣ. Дальній берегъ слабо виденъ во мглѣ, небо покрыто тучами, въ окно вѣетъ сыростью, — предвѣстники не особенно благоприятные для наблюденій...

Кое-кто изъ пассажировъ подымается. Лица сонныя и

не совсѣмъ довольныя. Между тѣмъ, снаружи слышно движеніе, кинуты чалки на пристань. «Готово!» — кричить чей-то сиплый, будто отсырѣвшій и недовольный, голосъ.

Пока я собираюсь, одинъ изъ пассажировъ, по виду мелкій волжскій торговецъ, успѣлъ уже сбѣгать на пристань и вернуться на пароходъ. Онъ ѣдетъ до Рыбинска.

— Ну, что тамъ?—спрашиваетъ у него товарищъ, лежащій на скамьѣ, въ бархатномъ жилетѣ и косовороткѣ. Оба они не особенно вѣрятъ въ затменіе.

— Кто его знаетъ,—отвѣчаетъ спрошенный:— дождикъ не дождикъ, такъ что-то. А на берегу, слышь, башня видна и на башнѣ остроумъ стоитъ.

— Ну?

— Ей-Богу! Поди хоть самъ посмотри.

Ужь нѣсколько дней въ народѣ ходятъ толки о затменіи и о томъ, что въ Нижній съѣхались астрономы, которыхъ сѣрая публика зоветъ то «остроумами», то «астроломами». Слова эти часто слышны теперъ на Волгѣ и звучатъ частью иронически («Иностранные остроумы! Больше Бога знаютъ...»), частью даже враждебно, какъ будто поднятая ими суета и непонятныя приготовленія сами по себѣ могутъ накликать грозное явленіе. Вчера съ вечера брошюра «О солнечномъ затменіи 7 августа 1887 года» мелькала среди простой публики. Въ ней объяснялось, что такое затменіе и почему удобно наблюдать его, между прочимъ, изъ Юрьевца. Но большинство пассажировъ третьяго, а также значительная часть второго класса относилось къ ней сдержанно и даже съ отгѣнкомъ холодной вражды.

Люди же «старой вѣры» избѣгали брать ее въ руки и предостерегали другихъ.

Я выхожу. Пристань стоитъ довольно далеко отъ берега. Съ нея кинуты жидкіе мостки, и ее качаетъ вѣтромъ, причѣмъ мостки жалобно скрипятъ, визжать и стонуть. Нашъ пароходъ уйдетъ дальше, между тѣмъ небольшая комната на пристани полна. Сонные, усталые и какъ будто чѣмъ-то огорченные пассажиры все прибываютъ. Снаружи, вмѣстѣ съ вѣтромъ, въ лицо вѣтъ отсырю и по временамъ моросить. Пробираетъ ознобъ.

Городишко, растянувшійся подъ горой по правому берегу, мерцаетъ кое-гдѣ то бѣлою стѣной, то слабымъ огонькомъ, то силуэтомъ высокой колокольни, поднимающейся въ мгlistомъ воздухѣ ночи. Гора рисуется неопредѣленнымъ обрѣзомъ на облачномъ небѣ, покрывая весь пейзажъ угрюмою массой тѣни. На рѣкѣ, у такой же пристани, какъ наша, молчаливо стоитъ «Самолетъ», который привезъ сюда экстреннымъ рейсомъ «ученыхъ» изъ Нижняго, а за рѣкой, на луговой сторонѣ, догораетъ пожарище: съ вечера загорѣлся лѣсной складъ и теперь огонь, какъ бы насытившись и уставши за ночь, вѣется низко надъ землей, то застилаясь дымомъ, то опять вставая острыми гребнями пламени. Дремота, ночь, плескъ рѣки, стонъ пристаней и мостковъ въ предутренней темнотѣ, отсвѣтъ пожара и ожиданіе необычнаго событія — все это настраиваетъ воображеніе, и взглядъ мой невольно ищетъ башни съ стоящимъ на ней «остроумомъ», хотя, впрочемъ, я отлично понимаю, что это нелѣпость, тѣмъ болѣе, что фигура на башнѣ рѣшительно не могла бы

быть видима въ такой темнотѣ. Однако, проходя по палубѣ, загроможденной рабочими, я слышалъ тѣ же разговоры; многіе вглядывались и видѣли: стоитъ на башнѣ и чего-то караулить среди ночныхъ тумановъ.

Вглядѣвшись, въ свою очередь, я различаю высокій контуръ, врѣзавшійся въ небо. Сильно подозреваю, что это труба завода, что и оказывается справедливымъ. Мои собесѣдники вспоминаютъ, что, дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ стоитъ всѣмъ хорошо знакомый заводъ. Легенда падаетъ.

Оказывается, что пароходъ еще постоять за темнотою; обрадовавшая и озябшая публика кидается опять въ каюты. Открываютъ буфетъ, заспанные лакеи бѣгаютъ съ чайниками и подносами. На палубѣ идетъ тихій говоръ, кое-гдѣ читаютъ молитвы и обсуждаютъ признаки пришествія антихриста... Одинъ изъ этихъ признаковъ имѣетъ чисто-мѣстный характеръ. Какой-то старикъ рассказываетъ слушателямъ, что въ Юрьевецъ пріѣхалъ нѣмецъ-остроумъ и склоняетъ на свою сторону народъ. Гришка съ заводу уже проданъ за 25 рублей...

— Да, вѣдь, это его въ караульщики наняли, къ трубамъ, — объясняетъ кто-то изъ темноты.

— Въ караульщики!... А крестъ да поясъ зачѣмъ приказалъ снять? Какъ это поймешь?..

Это, дѣйствительно, понять трудно. Среди собесѣдниковъ водворяется молчаніе.

Черезъ нѣкоторое время я взглянулъ въ окно каюты: небо бѣлѣетъ, на немъ проступаютъ мгlistыя очертанія тучъ, ползущихъ отъ сѣвера къ югу.

II.

Часу въ четвертомъ мы сошли на берегъ и направились къ городу. Сѣрѣло, тучи не расходились. У пристаней грузными темными пятнами стояли пароходы. На нихъ не замѣтно было никакого движенія. Только нашъ начиналъ «шуровать», выпускалъ клубы черного дыма и тяжело сопѣлъ, лѣниво собираясь въ ранній путь.

Берегъ былъ еще пустъ. Ночные сторожа одни смотрѣли на кучки невѣдомыхъ людей, проходившихъ вдоль береговыхъ улицъ,—смотрѣли они молчаливо, но съ какимъ-то угрюмымъ вниманіемъ. Они поставлены «для порядку», а тутъ и въ природѣ готовится безпорядокъ, и невѣдомые люди ни вѣсть зачѣмъ спозаранку пробираются въ мирный и ни въ чемъ неповинный городъ.

— Дозвольте спросить,—обратился одинъ изъ стражей къ кучкѣ молодыхъ господъ, проходившихъ впереди меня,—нешто, къ примѣру, въ другихъ городахъ этой планеты не будетъ? На насъ однихъ Господь посылаетъ?

Господа засмѣялись и пошли дальше. Сторожъ постоялъ, посмотрѣлъ намъ вслѣдъ долго, внимательно, раздумчиво, и вдругъ застучалъ трещоткой. Ему отозвались другіе, потомъ залаяли собаки. «Начальство дозволяетъ, не пустить этихъ полунощниковъ нельзя, а все-таки... поберегайся!»—вѣроятно, это именно хотѣлъ сказать юрьевичинъ своею трещоткой, со времени Алексѣя Михайловича, а можетъ-быть еще и ранѣе, предупреждавшею чутко спящій городокъ о лихой невзгодѣ, частенько-таки налетавшей по почамъ съ матушки Волги.

И городок просыпается. Я нарочно свернулъ въ переулокъ, чтобы пройти по окраинѣ. Кое-гдѣ въ лачугахъ у подножія горы виднѣлись огоньки. Въ одномъ мѣстѣ слабо сіяла лампадка и какая-то фигура то припадала къ полу, то опять подымалась, очевидно, встрѣчая день знаменія Господня молитвой. Въ двухъ-трехъ печахъ виднѣлось уже пламя.

Вотъ скрипнула одна калитка; изъ нея вышелъ древній старикъ съ большою сѣдою бородой, прислушался къ благовѣсту, посмотрѣлъ на меня, когда я проходилъ мимо, суровымъ, внимательнымъ взглядомъ и, повернувшись лицомъ къ востоку, гдѣ еще не всходило солнце, сталъ усердно креститься.

Открылась еще калитка. Маленькая старушка торопливо выбѣжала изъ нея, шархнула отъ меня въ сторону и скрылась подъ темною линіей забора.

— А, Семенычъ! Ты, что ли, это?—вскорѣ услышалъ я ея придавленный голосъ. — Правда ли, нынче будто къ ранней обѣднѣ пораньше ударять? Сказывали, до *этой* чтобъ отслужить... Батюшки-свѣты! Глянь-ко, Семенычъ, это кто по горѣ экую рань ходитъ?

Часть парходной публики, вѣроятно, отъ скуки, взобралась на гору. Фигуры рисуются на свѣтлѣющемъ небѣ рѣзко и странно. Одна, вѣроятно, стоящая много ближе другихъ на какомъ-нибудь выступѣ, кажется неестественно громадною. Все это, въ ранній часъ этого утра, передъ затмѣніемъ, надъ испуганнымъ городомъ производитъ какое-то рѣзкое, волшебное, небывалое впечатлѣніе...

— Носить ихъ, супостатовъ! — угрюмо ворчитъ старикъ. — Пріѣзжіе, надо быть...

— И то, сказывали вчерась: на четырехъ пароходахъ иностранные народы прїѣдутъ. Къ чему это, родимый, какъ понимать?...

— Власть Господня,—угрюмо говоритъ Семенычъ и, не простившись, уходитъ къ себѣ. Старуха остается одна на пустой улицѣ.

— Господи-и-й Батюшко!—слышу я жалостный, испуганный старческій голось, и торопливые шага стихаютъ гдѣ-то въ тѣни по направленію къ церкви. Мнѣ стаповится искренно жаль и эту старушку, и Семеныча, и весь этотъ напуганный людъ. Шутка ли ждать черезъ часъ кончину міра! Сколько призрачныхъ страховъ посится еще въ этихъ сумеречныхъ туманахъ, такъ густо нависшихъ надъ нашею святою Русью!...

Въ окнѣ хибарки, только-что оставленной старушкой, мерцалъ огонекъ зажженной ею лампадки и пѣтухъ хрипло въ первый разъ прокричалъ свое кукареку, чуть слышное изъ-за стѣнки.

На святой Руси пѣтухи кричатъ,

Скоро будетъ день на святой Руси...

неизвѣстно откуда всплыло въ моей памяти прелестное двустипшіе давно забытаго стихотворенія, отъ котораго такъ и дышетъ утромъ и разсвѣтомъ... «Охъ, скоро-ль будетъ день на святой Руси,—подумалъ я невольно,— тотъ день, когда разсѣются призраки, недовѣріе, вражда и взаимныя недоразумѣнія между тѣми, кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо, и тѣми, кто только припадаетъ къ землѣ, а въ изслѣдованіи видитъ оскорбленіе грознаго Бога?»

III.

А вотъ и укрѣпленный лагерь «остроумовъ».

На небольшомъ возвышеніи у берега Волги, по сосѣдству съ заводомъ, котораго высокая труба казалась намъ ранѣе башней, на скорую руку построены небольшіе балаганчики, обнесенные низкою досчатою оградой. Въ оградѣ, на выровненной и утрамбованной площадкѣ, стоятъ мѣдная труба на штативѣ, — вѣроятно, секстантъ, установленный по меридіану. Изъ-подъ навѣса нацѣлились въ небо телескопы разнаго вида и разныхъ размѣровъ. Все это еще закрыто кожаными чехлами и имѣетъ видъ артиллеріи въ утро передъ боемъ. А вотъ и войско. Укрывшись шинелями, спятъ нѣсколько городовыхъ и крестьянъ-караульныхъ, «согнапныхъ» изъ деревень. Какой-то бородатый высокій мужикъ важно расхаживаетъ по площадкѣ. Это — главный караульщикъ, приставленный отъ завода, тотъ самый Гришка, который за 25 рублей согласился снять съ себя не только крестъ, по и поясъ, и такимъ образомъ пріобщился къ тайнамъ остроумовъ. Въ настоящую минуту, когда я подхожу къ этому мѣсту, онъ активно проявляетъ свою роль. Какой-то предприимчивый парень, прикинувшись спавшимъ за оградой, подползъ къ самой большой трубѣ и Гришка поймалъ его подъ нею. Хотѣлъ ли онъ взглянуть въ закрытую чехломъ трубу, чтобы подглядѣть какую-нибудь невѣдомую тайну, или у него были другія, менѣе безобидныя намѣренія, но только Гришка горячился и покушался схватить его за ухо.

— Дяденька, да, вѣдь, я ничего...

— То-то ничего! Вотъ экой же дуrolомъ намени всѣ трубы свертѣль, полдня послѣ наставляли... Нешто мож-но касаться? Она, труба-те, не зря ставится.

Гришка видимо апеллируетъ къ публикѣ, сомкнувшейся около ограды и, быть-можетъ, простоявшей здѣсь съ са-мага вечера. Но публика не на его сторонѣ.

— Гдѣ ужъ зря!—вздыхаетъ кто-то.

— Не надо бы и ставить-то.

— Жили, слава-те Господи, безъ трубъ. Живы были.

Какой-то сѣрый старичишко выдѣляется изъ проходившей на фабрику кучки рабочихъ и подходитъ къ самой оградѣ.

— Здравствуй, Гришь!

— Здравствуй.

— Караулишь?

— Караулю.

— Та-а-акъ.

— Мнѣ что-ка не караулить,—вдругъ обижается Гри-ша,— ежели я хозяиномъ приставленъ.

— Нешто это дѣло хозяйско?

— Меня ежели приставили, я должною сполнять...

— Двадцать пять рублей, сказываютъ, дали... Не де-шевенько ли, смотри! Охо-хо-хо-д...

— Ну, хоть и поменьше дадутъ, и на этомъ спасибо. Да ты што?... Что тебѣ? Небось, самого къ бочкѣ при-ставили, два года караулилъ.

— Бочка... Вишь къ чему приравниалъ!—подхватываетъ кто-то въ публикѣ.

— Бочка много проще. Бочка, братъ, дѣло русское, —

язвить старикъ.—А это, вишь ты, штука мудреная, къ бочкѣ ее не прировняешь. Охо-хо-хо-хо-д...

Разговоръ становится болѣе общимъ и болѣе оживленнымъ. Замѣчанія вылетаютъ изъ толпы, точно осы, все чаще, короче, язвительнѣе и крѣпче, приобрѣтая постепенно такую выразительность, что это привлекаетъ бдительное вниманіе полицейскихъ.

— Осади, осади, отдай назадъ!—вмѣшиваются двое изъ нихъ, принимая, по долгу службы, сторону Гриши, и стѣной отгѣсняють зѣвакъ. Толпа «отдаетъ назадъ» и останавливается какъ-то пассивно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставляють полицейскіе. Ея настроеніе неопредѣленно-Фабричный—человѣкъ тертый. Онъ сомнѣвается, недоумѣваетъ, отчасти опасается, но свои опасенія выражаетъ только колкою пасмѣшкой; ребятамъ и подросткамъ просто любопытно, а можетъ-быть они уже кое-что слышали въ школѣ. Настоящій же страхъ и прямое нерасположеніе къ «ученымъ» и «иностраннымъ народамъ» заключились въ стѣнахъ этихъ избушекъ, по крайнамъ, гдѣ робко мерцають всю ночь лампадки... Говорили, что наканунѣ собирались было кое-кто разметать инструменты и прогнать остроумовъ, почему начальство и приняло свои мѣры.

IV.

Свѣтаетъ все болѣе. На востокѣ стоятъ почти неподвижно густыя дальнія облака, залегшія надъ горизонтомъ. Пovyше плывутъ темныя, но уже не такія тяже-

дыя тучи, а подъ ними, клубясь и быстро скользя по направленію къ югу, несутся невысоко надъ землею отдѣльные клочки утренняго тумана. Эти три слоя облаковъ то сгущаются, заволакивая небо, то разрѣжаются, обѣщая кое-гдѣ просвѣты.

Вотъ образовалась яркая щель, точно въ стѣнѣ темнаго сарая на разсвѣтѣ; нѣсколько лучей столбами прорвались въ нее, передвинулись радіусами и потухли. Но свѣтъ отъ нихъ остался. Рѣка еще болѣе побѣлѣла, противоположный берегъ приблизился, и огонь пожара, лѣниво догоравшаго на той сторонѣ Волги, сталъ меркнуть: очевидно, за дальнею тучей всходило солнце.

Я пошелъ вдоль волжскаго берега.

Небольшіе домишки, огороды, переулки, кончавшіеся на береговыхъ пескахъ,—все это выступаетъ яснѣе въ бѣлесой утренней мглѣ. И всюду замѣтно робкое движеніе, чувствуется тревожная ночь, проведенная безъ сна. То скрипнетъ дверь, то тихо отворится калитка, то сгорбленная фигура плетется отъ дома къ дому по огородамъ. Въ одномъ мѣстѣ, на углу, прижавшись къ забору, стоятъ двѣ женщины. Одна смотритъ на востокъ слезящимися глазами и что-то тихо причитаетъ. Дряхлый старикъ, опираясь на палку, ковыляетъ изъ переулка и молча присоединяется къ этой группѣ. Всѣ взгляды обращены туда, гдѣ за меланхолическою тучей предполагается солнце.

— Ну, что, тетушка,—обращаюсь я къ плачущей,—затменіе ждете?

— Охъ, не говори, родимый, что и будетъ! Напуганы

мы, милый, то-есть до того напуганы... Ноченьку всеё не спали.

— Чѣмъ же напуганы?

— Да все планидой этой.

Она поворачиваетъ ко мнѣ лицо, разбухшее отъ безсонницы и искаженное страхомъ. Воспаленные глаза смотреть съ отгѣнкомъ какой-то надежды на чужого человека, спокойно относящагося къ грозному явленію.

— Сказывали вотъ тоже: солнце съ другой стороны поднимется, земли будетъ трясеніе, люди не станутъ узнавать другъ дружку... А тамъ и міру настанетъ скончаніе...

Она глядитъ то на меня, то на древняго старца, молчаливо стоящаго рядомъ, опираясь на посохъ. Онъ смотритъ изъ-подъ насуспенныхъ бровей глубоко сидящими угрюмыми глазами, и я сильно подозреваю, что это онъ именно почерпнулъ эти мрачныя пророчества въ какой-нибудь древней книгѣ, въ изъѣденномъ молью кожаномъ переплетѣ. Половина пророчества не оправдалась: солнце поднимается въ обычномъ мѣстѣ. Старецъ молчитъ, и по его лицу трудно разобрать, доволенъ ли онъ, какъ и прочіе безхитростные люди, или, быть-можетъ, онъ предпочелъ бы, чтобы солнце сошло съ предначертаннаго пути и міръ пошатнулся, лишь бы авторитетъ кожанаго переплета остался незыблемъ. Все время онъ стоялъ молча и затѣмъ молча же и удалился, не подѣлившись болѣе ни съ кѣмъ своею дряхлою думой.

— Полно-те,—успокоиваю я напуганныхъ до истерики женщинъ,—только и будетъ, что солнце затмится.

— А потомъ... Что же, опять покажется, или ужъ... вовсе?...

— Конечно, опять покажется.

— И я думаю такъ, что пустяки говорятъ все,—замѣчаетъ другая побойчѣе.—Планета, планета, а что-жъ такое? Все отъ Бога. Богъ захочетъ—и безъ планеты погибнемъ, а не захочетъ—и съ плапетою живы останемся.

— Пожалуй, и пустое все, а страшно,—слезливо говоритъ опять первая.—Вотъ и солнышко въ своемъ мѣстѣ взошло, какъ и всегда, а все-таки же... Господи-и... Сердешное ты наше-её... На зорькѣ на самой не весело подымалось, а теперь, гляди, играетъ роди-и-и-мое...

Дѣйствительно, изъ-за тучи опять слабо, точно улыбка больного, брызнуло нѣсколько золотыхъ лучей, освѣтило какія-то туманные формы въ облакахъ и погасло. Жепщины умиленно смотрятъ туда, съ выраженіемъ какой-то особенной жалости къ солнцу, точно къ близкому существу, которому грозитъ опасность. А невдалекѣ трубы и колеса стоятъ въ ожиданіи точно приготовленія къ опасной операціи...

V.

Я углубляюсь въ улицы, сосѣднія съ площадью.

На перилахъ деревяннаго моста сидитъ бородатый и лохматый мѣщанинъ въ красной рубахѣ, задумчивый и хладнокровный. Передъ нимъ старецъ вродѣ того, котораго я видѣлъ на берегу, съ острыми глазами, сверкающими изъ-подъ совиныхъ бровей какою-то своею, особенною, злобною думой. Онъ трясетъ бородой и говорить

что-то сидящему на перилах великану, жестикулирует и волнуется. Такъ какъ въ это утро сразу какъ будто разрушились всѣ условныя перегородки, отдѣляющія въ обычное время знакомыхъ отъ незнакомыхъ, то я просто подхожу къ бесѣдующимъ, здороваюсь и перехожу къ злобѣ дня.

— Скоро начнется...

— Начнется!—вспыхиваетъ старикъ, точно его ужалило, и сѣдая борода трясется сильнѣе.—Чему начинать-то? Еще, можетъ, ничего и не будетъ.

— Ну, ужъ будетъ-то будетъ навѣрное.

— Та-акъ!... А дозвольте спросить,—говорить опъ уже съ плохо сдерживаемымъ гнѣвомъ,—нешто можно вамъ власть Господнюю узнать?... Кому это Господь-Батюшка откроетъ? Или ужъ такъ надо думать, что Господь съ вами о своемъ дѣлѣ совѣтъ держаль?...

— Велико дѣло Господне!...—какъ-то «вообще», груднымъ басомъ, произноситъ великанъ, глядя въ сторону.—Было, положимъ, въ пятьдесятъ въ первомъ году. Я мальчишкомъ былъ малымъ, а помню. Такъ будто затемнало, даже пѣтухи стали кричать, испужалась всякая тварь. Ну, только что, дѣйствительно, тогда никто впередъ не упреждалъ. Оно и того... оно и опять отъявилось. А теперь, вишь ты... Конечно, что... затѣи все...

— Д-да!—отчеканиваетъ старецъ рѣшительно и зло.—Власть Господнюю не узнать вамъ, это ужъ вы оставьте, дуракамъ говорите пожалуйста! «Затменіе, планета!» Такъ вотъ по вашему и будетъ...

Опъ смотритъ на берегъ, гдѣ устроены балаганы, ис-

коса и сердито. Однако, когда я направляюсь туда, оба они слѣдуютъ за мною, хотя и небрежно, очевидно, только со злою цѣлью: посмотрѣть на глупыхъ людей, которые вѣрятъ пустякамъ... А можетъ-быть при случаѣ... Впрочемъ, команда полицейскихъ поднялась уже вся, человѣкъ десять. Они отряхнулись отъ сырости, откашливаются и оправляются, смыкаясь около батареи певѣдомыхъ инструментовъ, покрытыхъ холодною росой.

— Осади! Отдай назадъ! Осади!— произносятъ они дружно, и голоса ихъ, еще отсырѣвшіе и нѣсколько хриплые, звучать, тѣмъ не менѣе, очень внушительно.

VI.

Къ балаганамъ подходятъ еще солдаты. Они уставляютъ ружья въ козлы и располагаются у входа за ограду. Другая полурота маршируетъ съ барабаннымъ боемъ и останавливается на берегу.

— Солдаты пришли,—шепчутъ въ толпѣ, которая теперь лѣпится по бокамъ холмика, заглядывая за ограду. Мальчишки шныряютъ въ разныхъ направленіяхъ съ безпечными, но заинтересованными лицами. Какой-то общительный немолодой господинъ раздаетъ желающимъ стеклышки, смазанныя желатиномъ (увы! оказавшіяся негодными). Въ училищѣ, служащемъ временнымъ приютомъ для прѣзжихъ учепыхъ, открывается окно верхняго этажа и въ немъ появляется длинная трубка, нацѣлившаяся на небо... «Астроломы» проходятъ одинъ за другимъ къ ба-

лагану. Старикъ - нѣмецъ несетъ инструменты, съ угрюмымъ и недовольнымъ видомъ поглядывая на облако. Опъ ни разу не взглянулъ на толпу... Онъ прѣѣхалъ издалека нарочно для этого утра, и вотъ бозтолковый русскій туманъ грозитъ отнять у него ученую жатву. Профессоръ недовольно ворчитъ, пока его умные глаза пытливо пробѣгаютъ по небу.

Впрочемъ, облака рѣдѣютъ, вѣтеръ все гонитъ ихъ съ сѣвера; нижніе слои по-прежнему почти неподвижно лежать на горизонтѣ, но второй слой двигается теперь быстрѣе, расширяя все болѣе и болѣе просвѣты. Кое-гдѣ уже синѣетъ лазурь. Ключки ночного тумана проносятся рѣже и видимо таютъ. Солнце ныряетъ, то появляясь въ вышинѣ, то прячась.

Трубы установлены, съ балагановъ сняты брезенты, ученые пробують инструменты. Лица ихъ проясняются вмѣстѣ съ небомъ. Холодная увѣренность этихъ приготовленій видимо импонируетъ толпѣ.

— Гляди-ко, батюшки, сама вертится!... — раздается вдругъ удивленный голосъ.

Дѣйствительно, большая черная труба съ часовымъ механизмомъ, пущеннымъ въ ходъ, начинаетъ быстро поворачиваться на своихъ странныхъ ногахъ, точно невиданное животное изъ металла, пробужденное отъ долгаго сна. Ее останавливаютъ послѣ пробы, направляютъ на солнце и опять пускаютъ въ ходъ. Теперь она автоматически идетъ по кругу, тихо, внимательно, зорко слѣдя за солнцемъ въ его обычномъ мгlistомъ пути. Клапаны сами открываются и закрываются, зіяя матово-черными кра-

ями. Нѣмецъ опять говоритъ что-то быстро, ворчливо и непонятно, будто читаетъ лекцію, или произноситъ заклинанія.

Толпа удивленно стихаетъ.

VII.

Минутная тишина. Вдругъ раздается звонкій ударъ маятника метронома, отбивающаго секунды.

— Часы бьютъ. Должно шесть часовъ.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, — нѣтъ, не часы... Что такое?!...

— Началось, — догадывается кто-то въ толпѣ, видя, что астрономы припали къ трубамъ.

— Вотъ-те и началось, ничего нѣту, — небрежно и увѣренно произносить вдругъ въ заднихъ рядахъ голосъ стараго скептика, котораго я видѣлъ на мосту.

Я вынимаю свое стекло съ самодѣльной ручкой. Оно производитъ нѣкоторую ироническую сенсацію, такъ какъ бумагу, которой оно обклеено, я прилѣпилъ къ ручкѣ сургучомъ.

— Вотъ такъ машина! — говоритъ кто-то изъ моихъ сосѣдей. — За семью печатями...

Я оглядываю свой инструментъ. Дѣйствительно, печатей оказывается ровно семь — роковая цифра. Однако, некогда заниматься кабалистическими соображеніями, тѣмъ болѣе, что моя «машина» служитъ отлично. Среди быстро пробѣгающихъ озаренныхъ облаковъ я вижу ясно очер-

ченный солнечный кругъ. Съ правой стороны, сверху, онъ будто обрѣзанъ чуть замѣтно.

Минута молчанія.

— Ущербилось!—внятно раздается голосъ изъ толпы.

— Не толкуй пустого!—рѣзко обрываетъ старецъ.

Я нарочно подхожу къ нему и предлагаю посмотрѣть въ мое стекло. Онъ отворачивается съ отвращеніемъ.

— Старъ я, старъ въ ваши стекла глядѣть. Я его, родимое, и такъ вижу, и глазами. Вонъ оно въ своемъ видѣ.

Но вдругъ по лицу его пробѣгаетъ, точно судорога, не то испугъ, не то глубокое огорченіе.

— Господи, Иисусе Христе, Царица Небесная...

Солнце тонетъ на минуту въ широкомъ мгlistомъ пятнѣ и показывается изъ облака уже значительно ущербленнымъ. Теперь уже это видно простымъ глазомъ, чему помогаетъ тонкій паръ, который все еще курится въ воздухѣ, смягчая ослѣпительный блескъ.

Тишина. Кое-гдѣ слышно нервное тяжелое дыханіе, на фонѣ напряженнаго молчанія метрономъ отбиваетъ секунды металлическимъ звономъ, да вѣмецъ продолжаетъ говорить что-то непонятное, и его голосъ звучитъ какъ-то чуждо и странно. Я оглядываюсь. Старый скептикъ шагаетъ прочь быстрыми шагами, съ низко опущенною головой.

VIII.

Проходитъ полчаса. День сіяетъ почти все такъ же; облака закрываютъ и открываютъ солнце, теперь плывущее въ вышинѣ въ видѣ серпа. Какой-то мужпчокъ «изъ-за Пучежа» въѣзжаетъ на площадь, торопливо поворачиваетъ къ забору и начинаетъ выпрягать лошадь, какъ будто его внезапно застигла ночь и онъ собрался на ночлегъ. Подвязавъ лошадь къ возу, опъ растерянно смотритъ на холмъ съ инструментами, на толпу людей съ поблѣднѣвшими лицами, потомъ находитъ глазами церковь и начинаетъ креститься механически, сохраняя въ лицѣ все то же испуганно-вопросительное выраженіе.

Между тѣмъ мальчишки и подростки, разочаровавшись въ желатинныхъ стеклахъ, убѣгаютъ домой и оттуда возвращаются съ самодѣльными, наскоро закопченными стеклами, которыхъ теперь появляется много. Среди молодежи царятъ безопасное оживленіе и любопытство. Старики вздыхаютъ, старухи какъ-то истерически ахаютъ, а кто даже вскрикиваетъ и стонетъ, точно отъ сильной боли.

День начинаетъ замѣтно блѣднѣть. Лица людей принимаютъ странный оттѣнокъ, тѣни человѣческихъ фигуръ лежатъ на землѣ блѣдныя, неясныя. Пароходъ, идущій внизъ, проплываетъ какимъ-то призракомъ. Его очертанія стали легче, потеряли опредѣленность красокъ. Количество свѣта, видимо, убываетъ; но такъ какъ нѣтъ сгущенныхъ тѣней вечера, нѣтъ игры отраженнаго въ низшихъ слояхъ атмосферы свѣта, то эти сумерки кажутся необыч-

ны и страны. Пейзажъ будто расплывается въ чемъ-то; трава теряетъ зелень, горы какъ бы лишаются своей тяжелой плотности.

Однако, пока остается тонкій серповидный ободокъ солнца, все еще царить впечатлѣніе сильно поблѣднѣвшаго дня, и мнѣ казалось, что рассказы о темнотѣ во время затменій преувеличены. «Неужели, — думалось мнѣ, — эта остающаяся еще ничтожная искорка солнца, горящая какъ послѣдняя, забытая свѣчка въ огромномъ мірѣ, такъ много значить?... Неужели, когда она потухнетъ, вдругъ должна наступить ночь?»

Но вотъ эта искра исчезла. Она какъ-то порывисто, будто вырвавшись съ усиленіемъ изъ-за темной заслонки, сверкнула еще золотымъ брызгомъ и погасла. И вмѣстѣ съ этимъ пролилась на землю густая тьма. Я уловилъ мгновеніе, когда среди сумрака набѣжала полная тѣнь. Она появилась на югѣ и точно громадное покрывало быстро пролетѣла по горамъ, по рѣкѣ, по полямъ, обмахнувъ все небесное пространство, укутала насъ и въ одно мгновеніе сомкнулась на сѣверѣ. Я стоялъ теперь внизу, на береговой отмели, и оглянулся на толпу. Въ ней царило гробовое молчаніе. Даже пѣмецъ смолкъ и только метрономъ отбивалъ металлическіе удары. Фигуры людей сливались въ одну темную массу, а огни пожара на той сторонѣ опять приобрѣли прежнюю яркость...

Но это не была обыкновенная ночь. Было настолько свѣтло, что глазъ невольно искалъ серебристаго луннаго сіянія, пронизывающаго пасквозь сиюю тьму обычной

ночи. Но нигдѣ не было сіянія, не было синевы. Казалось, тонкій, неразличимый для глаза, пепелъ рассыпался сверху надъ землею, или будто тончайшая и густая сѣтка повисла въ воздухѣ. А тамъ, гдѣ-то по бокамъ, въ верхнихъ слояхъ чувствуется озаренная воздушная даль, которая сквозить въ нашу тьму, смывая тѣни, лишая темноту ея формы и густоты. И надъ всею смущенною природою чудною панорамой бѣгутъ тучи, а среди нихъ происходитъ захватывающая борьба... Круглое, темное, враждебное тѣло точно паукъ впилося въ яркое солнце, и они несутся вмѣстѣ въ заоблачной вышинѣ. Какое-то сіяніе, льющееся измѣнчивыми переливами изъ-за темнаго щита, придаетъ зрѣлищу движеніе и жизнь, а облака еще усиливаютъ эту иллюзію своимъ тревожнымъ, безшумнымъ бѣгомъ.

— Владычице святая, Господь-Батюшка, помилуй насъ грѣшныхъ!

И какая-то старушка набѣгаетъ на меня, торопливо спускаясь съ холма.

— Куда ты, тетка?

— Домой, родимый, домой; помирать, видно, всѣмъ, помирать съ дѣтками съ малыыми...

Вдоль берега, въ сумракѣ, надвигается къ намъ какое-то темное пятно, изъ котораго слышенъ смѣшанный, все усиливающийся говоръ. Это кучка фабричныхъ. Впереди, размахивая руками, шагаетъ угрюмый атлетъ-рабочій, который сидѣлъ со мной на мосту. Я иду къ нимъ по отмели на-встрѣчу.

— Нѣтъ, какъ онъ могъ узнать, вотъ что!—останавли-

вается онъ вдругъ прямо противъ меня, повидимому, узнавая во мнѣ недавняго собесѣдника.— Говорили тогда ребята: раскидать надо ихнія трубы... Вишь нацѣлились въ Бога!... Отъ этого всей нашей странѣ можетъ гибель произойти. Шутка ли: Господь знаменіе посылаетъ, а опи въ него трубами... А какъ Онъ, Батюшко, прогнѣвается, да вдругъ сюда, въ это самое мѣсто, полыхнетъ молоньей?...

— Да, вѣдь, это сейчасъ пройдетъ,— говорю я.

— Пройдетъ, говоришь? Должны мы живы остаться?— Онъ спрашиваетъ, какъ человекъ, потерявшій планъ дѣйствій и тяготящій ко всякому, рѣшительно высказываемому, убѣжденію.

— Конечно, пройдетъ, и даже очень скоро.

— А какъ?

Я смотрю на часы,

— Да, должно быть, менѣе минуты еще.

— Меньше минуты? Ахъ ты, Господи-Боже!...

Прошло не болѣе 15 секундъ. Всѣ мы стояли вмѣстѣ, поднявъ глаза кверху, туда, гдѣ все еще продолжалась молчаливая борьба свѣта и тьмы, какъ вдругъ вверху, съ правой стороны, вспыхнула искорка, и сразу лица моихъ собесѣдниковъ освѣтились. Такъ же внезапно, какъ прежде онъ набѣжалъ на насъ, мракъ убѣгаетъ теперь къ сѣверу. Темное покрывало взметнулось гигантскимъ взмахомъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ, пробѣжало по волнистымъ очертаніямъ облаковъ и исчезло. Свѣтъ струится теперь, послѣ темноты, еще ярче и веселѣе прежняго разливаясь побѣднымъ сіяніемъ. Теперь земля одѣлась

опять въ тѣ же блѣдныя тѣни и странныя цвѣта, но они производятъ другое впечатлѣніе: то было угасаніе и смерть, а теперь наступало возрожденіе...

IX.

Солнце, солнце!... Я не подозрѣвалъ, что и на меня его новое появленіе произведетъ такое сильное, такое облегчающее, такое отрадное впечатлѣніе, близкое къ благоговѣнію, къ преклоненію, къ молитвѣ... Что это было: отзвукъ стараго, залегающаго въ далекихъ глубинахъ каждаго человѣческаго сердца преклоненія передъ источникомъ свѣта, или, проще, я почувствовалъ въ эту минуту, что этотъ первый проблескъ прогналъ прочь густо столпившіеся призраки предрасудка, предубѣжденія, вражду этой толпы?... Мелькнулъ свѣтъ—и мы стали опять братьями... Да, не знаю, что это было, но только и мой вздохъ присоединился къ общему облегченному вздоху толпы... Мрачный великанъ стоялъ съ поднятымъ кверху лицомъ, на которомъ разливалось отраженіе рождавшагося свѣта. Онъ улыбался.

— Ахъ ты Боже мой!...—повторилъ онъ совершенно съ другимъ, благодушнымъ выраженіемъ. -- И до чего только, братцы, народъ дошелъ. Н-ну!...

Конецъ страхамъ, конецъ озлобленію. Въ толпѣ говоръ и шумъ.

— Должны мы Господа благодарить... Дозволилъ намъ живымъ остаться Батюшка!...

— А еще хотѣли остроумовъ бить. То-то вотъ глупость...

— А развѣ правда, что хотѣли бить?—спрашиваю я, чувствуя, что теперь можно уже свободно говорить это, безъ прежней напряженной неловкости.

— Да, вѣдь, это что: отъ питія это, отъ виннаго. Пьяненькій мужичокъ первый и взбунтовался... Ну, да, вѣдь, ничего не вышло, слава-те Господи!

— А у насъ, братцы, мужики и безъ остроумовъ знали, что будетъ затменіе,—выступаетъ внезапно мужичокъ изъ-за Пучежа.—Ей-Богу... Потому старики учили: ежели, говорятъ, мѣсяцъ по зорямъ ходить,—непремѣнно къ затменію... Ну, только въ какой день—этого не знали... Это, нечего говорить, было намъ извѣстно.

— А они, видишь, какъ рассчитали. Въ аккуратъ! Какъ ихній маятникъ ударилъ, тутъ и началось...

— Премудрость...

— Зачѣмъ и разумъ даденъ человѣку...

— Вашъ, и опять выиграло... Гляди, какъ разгорается!

— Сдвигается тѣма-то!

— Теперь сползаетъ небось!

— Сдвинется на сторону—и шабашъ.

— И опять радуется всякая тварь...

— Слава Христу, опять живы мы...

— А что, господа, дозвольте спросить у васъ...—'благодарушно подходить въ это время кто-то къ самой оградѣ. Но ближайшій изъ наблюдателей нетерпѣливо машетъ рукой: онъ смотритъ и считаетъ секунды.

— Не мѣшай!—останавливаютъ изъ толпы.—Чего лѣзешь,—не видишь, что ли?

— Отдай, отдай назад! Осади! — вполголоса, но уже без всякой внушительности, произносят городовые. Солдаты, ружья къ ногѣ, носы къверху, съ наивною неподвижностью тоже слѣдятъ за солищемъ. Гриша, торжествующій, смѣшался съ толпой и имѣетъ такой видъ, какъ будто готовъ принимать поздравленія съ благополучнымъ окончаніемъ важнаго дѣла. Астрономическая наука приобрѣла въ его лицѣ ревностнаго адепта. Окруженный любопытными, отъ которыхъ еще недавно слышалъ язвительныя насмѣшки, онъ теперъ объясняетъ имъ что-то очень авторитетно:

— Труба... она вещь не простая. Содвинь ее, ужъ она не дѣйствуетъ. Она по звѣздѣ теперича ставится.

— Какъ можно содвинуть, вещь понятная! — ласково и какъ будто заискивающе поддакиваютъ собесѣдники.

— Тонкая вещь!

— А не грѣхъ это, братцы? — раздается сзади нерѣшительный вопросъ, остающійся безъ отклика.

Солнце играетъ все сильнѣе; туманъ все болѣе и болѣе утончается и уже становится трудно глядѣть невооруженнымъ глазомъ на увеличивающійся серпъ солнца. Чирикають примолкшія было птицы, луговая зелень на зарѣчной сторонѣ проступаетъ все ярче, облака расцвѣчиваются... Въ настроеніи толпы недовѣріе, вражда и страхи умчались куда-то далеко вмѣстѣ съ пленой полной тѣни, улетѣвшей въ безпредѣльное пространство...

Я ищу старика-скептика. Его нигдѣ нѣтъ. Между тѣмъ кое-гдѣ открываются окна, до тѣхъ поръ закрытыя ставнями или тщательно задернутыя занавѣсками. Давешняя

старушка робко отпираетъ свою закупоренную хибарку, высовываетъ сначала голову, оглядывается вдоль улицы, потомъ выходитъ наружу. Къ ней подбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

— Баушка, баушка, а я вотъ все видѣла!

— Ты зачѣмъ убѣжала, грѣховодница, когда я не приказывала тебѣ?...

Но дѣвочка не слушаетъ и продолжаетъ съ веселымъ возбужденіемъ:

— Все видѣла, какъ есть. И никакихъ страстей не было. По небу стрѣлы пошли и потомъ солнышко, слышь, темнѣить, темнѣи-и-ить...

— Ну?

— Ну, и все потемнѣло. Задернулось вотъ все одно... чугуннымъ листомъ. Ей-Богу, правда, такъ вотъ заслонка-те передъ солнцемъ и стоитъ. А потомъ съ другой-те стороны вдругъ прыснуло и пошло выходить, и пошло тебѣ выходить, и опять разсвѣтало.

Бабушка ворчитъ что-то, но старое брюзжаніе звучитъ уступчиво и тихо, а дѣтскій голосъ звенитъ съ молодымъ торжествомъ.

Мы сидѣли уже на пароходѣ, когда послѣдній слѣдъ затменія скользнулъ ни для кого уже незамѣтно съ просіявшаго солнечнаго диска.

Въ третьемъ классѣ въ публикѣ живо ходила по рукамъ брошюра: «О солнечномъ затменіи 7-го августа 1887 года»...

1887—92 г.

АТЬ-ДАВАНЪ *).

(Изъ сибирской жизни.)

I.

— Н-ну, ужь и дорогá!—сказалъ мой спутникъ, Михайло Ивановичъ Копыленковъ. — Самая это проклятая путина, хуже которой ужь и быть невозможно... Правду ли я говорю, ай нѣтъ?

Къ сожалѣнію, Михайло Ивановичъ говорилъ совершенную правду. Мы ѣхали внизъ по Ленѣ. По всей ширинѣ ея торчали въ разныхъ направленіяхъ огромныя льдины, по-мѣстному—«торосья», которыя сердитая быстрая рѣка швыряла осенью другъ на друга, въ борьбѣ со страшнымъ сибирскимъ морозомъ. Но морозъ, наконецъ, побѣдилъ. Рѣка застыла и только гигантскіе «торосья», цѣлый хаосъ огромныхъ льдинъ, нагроможденныхъ въ беспорядкѣ другъ на друга, задавленныхъ внизу или кинутыхъ непонятнымъ образомъ кверху, остался безмолвнымъ свидѣтелемъ титанической борьбы, да кое-

---

*) Ать-Даванъ—станція на Ленѣ, около 300 верстъ выше Якутска.

гдѣ еще зіяли длинныя, никогда не замерзающія полыньи, въ которыхъ прорывались и кипѣли быстрыя рѣчныя струи. Надъ ними тяжело колыхались холодныя клубы пара, точно въ полыньяхъ, дѣйствительно, былъ кипятюкъ.

А съ обѣихъ сторонъ надъ этимъ причудливымъ ледянымъ полемъ стояли молчаливыя огромныя Ленскія горы. Жидкая листовень цѣплялась по склонамъ, широко раскидывая корни, но камень не даетъ ей расти, и склоны усѣяны сплошь густою древесною падалью. Ближе вы видите трупы деревьевъ, запорошенныхъ снѣгомъ, съ вырванными изъ почвы, судорожно скрюченными корнями. Дальше эти подробности исчезаютъ, а къ вершинѣ горы склонъ покрытъ валежникомъ, точно густою сѣтью. Упавшія деревья кажутся безчисленными иглами, точно хвон въ сосновомъ лѣсу, а между ними еще живыя, тянутся такія же прямыя, такія же тонкія и жалкія, листовеницы, пытающія счастья надъ трупами предковъ. И только на ровной, будто обрѣзанной, вершинѣ лѣсъ сразу становится гуще и тянется длинною, темною траурною каймой надъ бѣлымъ скатомъ берега.

И такъ на десятки, на сотни верстъ!... Цѣлую недѣлю уже нашъ возокъ ныряетъ жалкою точкой между торосьями, колыхаясь точно лодочка на бурномъ морѣ... Цѣлую недѣлю я гляжу на полосу блѣднаго неба межъ высокими берегами, на бѣлые склоны съ траурною каймой, на «пади» (ущелья), таинственно выползающія откуда-то изъ тунгусскихъ пустынь на просторъ великой рѣки, на холодныя туманы, которые тянутся безъ конца,

свиваются, развертываются, тѣсняются на сжатыхъ скалахъ поворотахъ и безшумно втягиваются въ пасти ущелій, будто какая-то призрачная армія, расходящаяся на зимнія квартиры. Тишина томить душу. И только по временамъ по рѣкѣ ухнетъ вдругъ тяжелымъ стономъ треснувшій ледъ, зашипитъ, какъ пролетающее ядро, отдастся эхомъ, какъ пушечный выстрѣлъ, пронесется куда-то далеко назадъ, въ оставленные нами пустышныя извилины Лены, и долго еще звенитъ отголосками и умираетъ, пугая воображеніе причудливыми, внезапно воскресающими дальними стонами...

Мнѣ было грустно. Мой спутникъ томился и нервничалъ. Возокъ нашъ то и дѣло кидало съ боку на бокъ и уже не разъ онъ опрокидывался совсѣмъ. При этомъ, къ великой досадѣ Михайла Ивановича, случилось все какъ-то такъ, что валились мы неизмѣнно въ его сторону. Это было естественно, но все же причиняло ему большое неудовольствіе. Однако, случись иначе, мнѣ грозила бы серьезная опасность, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ онъ, съ своей стороны, не дѣлалъ ни малѣйшихъ усилій. Только крикнетъ, бывало, и дѣловито обращается къ ямщику:

— Подымай!

Ямщикъ, какъ ни трудно, подымаетъ и мы ѣдемъ далѣе.

Мнѣ казалось, что уже мѣсяцъ отдѣляетъ меня отъ Якутска, изъ котораго мы выѣхали всего дней шесть назадъ, и чуть не цѣлая жизнь отъ ближайшей цѣли путешествія, Иркутска, до котораго осталось болѣе двухъ тысячъ верстъ.

Ѓдемъ мы тихо: сначала насъ держали неистовыя морозныя метели, теперь держать Михайло Ивановичъ. Дни коротки, но ночи свѣтлы, полная луна то и дѣло глядитъ сквозь морозную мглу, да и лошади не могутъ сбиться съ проторенной «по торосу» узкой дороги. И однако, сдѣлавъ станка два или три, мой спутникъ, купчина сырой и рыхлый, начинаетъ основательно разоблачаться передъ камелькомъ или желѣзною печкой, безъ церемоніи снимая съ себя лишнюю и даже вовсе не лишнюю одежду.

— Что вы, Михайло Иванычъ!—пытаюсь я протестовать въ такихъ случаяхъ.—Станокъ бы еще можно сегодня...

— Куда къ шуту торопиться-то?—отвѣчаетъ Михайло Ивановичъ.—Чайкомъ ополоснуть утробу-те, да на боковую.

Ѓсть, «полоскаться» чаемъ и спать—все это Михайло Ивановичъ могъ производить въ размѣрахъ по-истинѣ изумительныхъ, и все это совершалъ тщательно, съ любовью, почти съ благоговѣніемъ.

Однако, кромѣ этого, у него были еще и другія соображенія:

— Народъ здѣсь,—говорилъ онъ таинственно,—на копѣйку до чрезвычайности, братецъ ты мой, жадень. Бѣдовый самый народъ, потому что золотомъ набалованъ.

— Ну, золото-то далеко, да и не слышно ничего такого о здѣшнихъ мѣстахъ.

— А вотъ какъ насъ съ тобой ограбятъ, такъ и услышишь, да поздно... Чудакъ!—прибавлялъ онъ, быстро

впадая въ «сердце»,—какая это есть страна, не знаешь, что ли? Это тебѣ не Рассея! Гора, да падь, да полынья, да пустыня... Самое гиблое мѣсто.

Вообще Михайлу Ивановичу «здѣшняя сторона» не внушала ничего, кромѣ искренняго омерзѣнія и брезгливости. Все здѣсь, начиная съ угрюмой природы и людей и кончая безсловесною тварью, не избѣгало съ его стороны самой придирчивой критики. Онъ зналъ только одно: здѣсь если «пофартить», можно скоро и крупно разжиться («въ день человѣкомъ сдѣлаешься»), и поэтому жилъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, зорко выглядывая «случаю» и стремясь неуклонно къ извѣстному «предѣлу», послѣ котораго намѣревался вернуться «во свою сторону», куда-то къ Томску. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ человѣка, которому за извѣстное вознагражденіе предложили пробѣжать голымъ по сильному морозу. Михайло Ивановичъ согласился, и вотъ теперь онъ бѣжитъ, ухая и пожимаясь, къ своему предѣлу. Только бы добѣжать, только бы схватить, а тамъ... пропадай хоть пропадомъ вся эта гиблая сторона,—Михайло Ивановичъ не пожалѣетъ.

Въ данное время, кажется, онъ уже значительно приблизился къ предѣлу и, быть-можетъ, именно поэтому ужасно нервничалъ: а что, дескать, ежели именно теперь кто-нибудь у него схваченное-то и вырветъ?... Михайло Ивановичъ, о которомъ я слышалъ много разказовъ, рекомендовавшихъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ его предприимчивость, доходившую до дерзости въ началѣ здѣшней карьеры, —теперь трусилъ, какъ баба, и мнѣ по-

неволю приходилось изъ-за этого проводить съ нимъ скучнѣйшіе вечера и долгія ночи на пустынныхъ станкахъ угрюмой и безлюдной Лены...

II.

Въ одинъ изъ такихъ морозныхъ вечеровъ я былъ разбуженъ испуганнымъ восклицаніемъ Михайла Иваповича. Оказалось, что мы оба заснули въ возкѣ и когда проснулись, то увидѣли себя на льду, подѣ каменистымъ берегомъ, въ совершенно безлюдной мѣстности. Колокольчика не было слышно, возокъ стоялъ неподвижно, лошади были распряжены, ящикъ исчезъ и Михайло Ивановичъ протиралъ глаза съ испугомъ и удивленіемъ.

Вскорѣ, однако, недоумѣніе наше разсѣялось. Я взглянулъ въ ровный каменный берегъ, уходившій стѣной въ даль и искрившійся подѣ лучами луны. Невдалекѣ тропинка исчезала въ разсѣлинахъ скалъ, а прямо надѣ головой свѣсилъ высокій крестъ якутской могилы. Хотя могила на берегу, даже и совсѣмъ пустынномъ, не рѣдкость въ томъ краю, такъ какъ якутъ старается лечь на вѣчный покой непременно на возвышенности, у воды, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много дали и простора,—но все же я узналъ Атъ-Даванскую станцію, которую замѣтилъ уже въ первую свою поѣздку. Красный сланецъ, съ причудливыми слоями, напоминавшими какія-то невѣдомыя письмена, ровный, будто искусственно сложенный обрывъ, жидкія листовницы, якутская могила съ крестомъ и срубомъ и, наконецъ, длинная пелена бѣлаго дыма, тихо нависшая съ берега

надъ рѣкой,—все это вспомнилось мнѣ сразу. Здѣсь нѣтъ вѣзда, берегъ представляетъ отвѣсную стѣну, и потому зимой сани оставляютъ на рѣкѣ, а лошадей приводятъ прямо на ледъ. Михайло Ивановичъ тоже скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что на узкой тропинкѣ уже мелькали фонаря.

Черезъ минутоу мы были наверху, на станціи.

Маленькая станціонная комната была натоплена; отъ раскаленной желѣзной печки такъ и пыхало сухимъ жаромъ. Двѣ салпыя свѣчки, оплывшія отъ теплоты, освѣщали притязательную обстановку полуякутской постройки, обращенной въ станцію. Генералы и красавицы чередовались на стѣнахъ съ объявленіями почтоваго вѣдомства и патентами въ черныхъ рамахъ, сильно засиженныхъ мухами. Вся обстановка обнаруживала ясно, что станція кого-то ждала, и мы не имѣли основаній приписать всѣ эти приготовленія себѣ.

— Вотъ, братецъ ты мой, и чудесно!—радно говоришь Михайло Ивановичъ, принимаясь за переметы со всякою дорожною спѣдью.—Эка теплота-то благодатная! Тутъ ужъ, шабашъ, почаемъ безпремѣнно. Эй, кто тамъ... писарь, что ли? Самоварчикъ бы намъ, да кипяточку для пельменей...

— Ну, нѣтъ, Михайло Ивановичъ,—попытался я,—еще рано. До Н. доѣдемъ, а тамъ и почлежничать можно.

— Лошадей, милостивый государь, нѣтъ,—послышался зади меня дребезжащій, слащавый и какъ будто робѣющій голосъ.

Я оглянулся. Въ комнату входилъ небольшой, круглый

человѣчекъ неопредѣленнаго возраста, одѣтый довольно оригинально. Кургузый сюртучокъ, клѣтчатыя панталоны, пикейный жилетъ, сорочка съ манжетами и даже старинною плойкой, цвѣтной галстукъ съ золотыми мухами по зеленому полю,—все это слегка уже полинявшее, слежалое, какъ будто надѣтое по случаю, напоминало о какихъ-то давно прошедшихъ временахъ. На ногахъ у вошедшаго были тяжелыя валенки, наряду съ которыми кургузый нѣмецкій костюмъ выглядѣлъ очень комично. Впрочемъ, маленькій человѣчекъ не сознавалъ, повидимому, этого контраста и выступалъ щеголевато мелкими, «щепотками» шагами.

Физиономія незнакомца, какъ и вся фигура, была какая-то сѣренькая, тоже какъ будто слегка подержанная или лежалая, а теперь приглаженная и почищенная для случая. Въ улыбкѣ, въ сѣрыхъ глазахъ, въ тонѣ голоса замѣтна была претензія на нѣкоторую культурность. Маленькій человѣчекъ какъ будто хотѣлъ показать, что онъ видалъ лучшіе дни, знаетъ «обращеніе» и при другихъ обстоятельствахъ стоялъ бы съ нами на равной ногѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ какъ-то сжимался и робѣлъ, какъ будто его слишкомъ часто осаживали и онъ боялся того же отъ насъ.

— Какъ же нѣтъ лошадей?—возразилъ я, посмотрѣвъ въ книгу, выложенную, повидимому, недавно на видномъ мѣстѣ.—Двѣ тройки должны быть на станціи.

— Такъ точно,—покорно отвѣтилъ онъ,—должны находиться. Только, собственно... какъ бы вамъ, милостивый государь, объяснить...

Онъ замялся.

— Пожалуйте меня, господа проѣзжающіе, не требуйте,—произнесъ онъ вдругъ чрезвычайно жалобнымъ и приниженно-просящимъ голосомъ.

— Но почему же это?—удивился я.

— Экіе вы, право!—съ неудовольствіемъ вмѣшался Михайло Ивановичъ, успѣвшій уже стащить съ себя даже брюки.—Почему, да почему? Ну, куда вы торопитесь? Дѣти у васъ, что ли, плачутъ?... Видишь, вѣдь, братецъ ты мой: человѣкъ слезно проситъ,—значить, причина!

— Такъ точно-съ,—обрадовался незнакомецъ и обратился къ Копылепкову съ сочувственною улыбкой, обдергивая полы своего пиджака,—такъ точно-съ, какъ вы изволили замѣтить: неужели безъ причины стану чинить господамъ проѣзжающимъ задержку? Никогда съ!

Послѣднее слово онъ произнесъ какъ-то даже гордо, выпрямился при этомъ и обдернулъ пиджакъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ я, сдаваясь тѣмъ охотнѣе, что понималъ невозможность вытянуть моего быстро разоблачившагося спутника изъ этой теплой комнаты на трескучій вечерній морозъ.—Но все же объясните вашу причину, если это не тайна...

Сочувственная улыбка озарила все лицо маленькаго человѣчка. Онъ увидѣлъ, что дѣло сладилось, и намѣревался отвѣтить мнѣ съ видимою благосклонностью, но вдругъ насторожился. Снаружи, сквозь трескъ желѣзной печурки, слышался звонъ.

Дверь отворилась, староста, полуякутъ по наружности,

осторожно вошелъ въ комнату, тщательно заперъ дверь и сказалъ:

— Почта келле, Василь Спиридоньчъ...

— А, почта!—успокоился старичокъ.—Ну, баръ-антахъ (ступай), чтобъ живо!... Сейчасъ иду, извините меня, почтенные господа..

Онъ вышелъ. Станція переполнилась движеніемъ. Хлопали двери, скрипѣли ступени, ящики таскали баулы и сумки, суетливый звонъ уводимыхъ и перепрягаемыхъ троекъ тѣснился каждый разъ въ отворяемую дверь, ящики кричали другъ на друга по-якутски и ругались на чистомъ русскомъ діалектѣ, доказывая этимъ свое российское происхождение...

III.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату не вошелъ, а вбѣжалъ какой-то человекъ небольшого роста, въ сильно потертой казенной шинели, въ якутскомъ малахаѣ и обвязанный шарфомъ. Онъ вбѣжалъ такъ торопливо, какъ будто за нимъ кто гонится, и тотчасъ же направился къ желѣзной печкѣ.

Скинувъ шинель, онъ остался въ какой-то жиденькой шубкѣ на кроличьемъ мѣху, сильно похожей на женскую кацавейку; когда же снялъ и шубку, то подъ ней оказался старый, изорванный подъ мышками, мундиръ почтоваго вѣдомства.

Дѣйствительно, это былъ почталіонъ, такъ торопливо

убѣгавшій отъ мороза, который на протяженіи длиннаго перегона видимо одержалъ надъ нимъ значительныя побѣды. Бѣдный молодой человѣкъ рвалъ съ себя настывшія одѣянія, какъ будто въ нихъ засѣлъ цѣлый рой пчель, и, не снимая еще малахая и шарфа, быстро скинулъ съ ногъ валенки, которыя и уложилъ подошвами къ печкѣ. Снятіе шарфа и малахая заняло болѣе времени. Якуты и карымы не носятъ бороды и усовъ. Это вошло уже въ эстетическія привычки, но объясняется чисто-климатическими условіями: бѣдняга-почталіонъ, по-видимому, дорожилъ этими атрибутами, и теперь жидкая бородѣнка и такіе же усики, которыми онъ, быть-можетъ, плѣнялъ гдѣ-нибудь въ Киренскѣ какую-нибудь заѣзжую невѣсту изъ семьи состоятельнаго поселенца,— превратились въ одну сосульку, плотно соединившую его голову съ малахаемъ и шарфомъ. Нужно было не мало времени, пока, наконецъ, представитель почтоваго вѣдомства, совавшій голову чуть не въ самое пламя и разминавшій льдины полузастывшими пальцами, предсталъ передъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ: молодое, но значительно отекшее лицо, безпокойные, но тусклые глаза, испуганная подвижность во всей фигурѣ, короткій и узкій мундиръ, лоцнувшій по швамъ, и заячьи чулки на ногахъ.

— Че!—отряхнулся онъ.—Тымны берть, морозъ улаханъ (очень холодно, большой морозъ)... Дозвольте рюмочку, господа!

— Угощайся,—отвѣтилъ Копыленковъ благодушно.— Несчастный ты самый человѣкъ.

Глаза молодого человѣка какъ-то опять испуганно заморгали. Холодное сожалѣніе купца только ярче напомнило ему холодъ дороги, и проглоченная рюмка пролетѣла будто льдинка. Вслѣдствіе этого, онъ налилъ другую и отправилъ ее вслѣдъ за первой. Только тогда испуганное выраженіе начало исчезать съ лица бѣднаго малаго.

— Вѣрно,—сказалъ онъ.—Собачья жизнь... Да и морозы же стоятъ, удивительное дѣло...

— Одежонка у тебя—ой-ой плоха. Не по-здѣшнему мѣсту.

— Одежа ничего. А впрочемъ... на восемь рублей не очень нащеголяешь...

Почта пробѣгаетъ по этому огромному тракту одинъ разъ въ недѣлю. Зимой трехтысячный путь она дѣлаетъ въ 19 дней, лѣтомъ, конечно, дольше. Осенью и весной, когда Лена еще не стала, или уже тропулась и ледоходъ мѣшаетъ движенію лодокъ, почту везуть въ переметныхъ сумахъ верхами. Цѣлый караванъ вьючныхъ лошадей жметса тогда между рѣкой и каменными горами, то огибая, по брюхо лошади въ водѣ, какую-нибудь выдавшуюся скалу, то карабкаясь по каменистымъ тропинкамъ, то мелькая на вершинахъ чуть не подъ облаками. Трудно себѣ представить запятіе, требующее большей выносливости, присутствія духа, терпѣнія и здоровья... Три тысячи версты!... Ямщикамъ тоже трудно, но ямщики давно вернулись по домамъ и отдыхаютъ въ ожиданіи рѣдкаго проѣзжающаго, порой даже до слѣдующей почты, а почталіонъ опять трясется въ сѣдлѣ,

или качается на бурной волнѣ огромной рѣки, или ко-
ченѣть, забившись межъ кожаными баулами въ саняхъ.
И это при обычныхъ почтовыхъ окладахъ...

Правда, почталіонъ изобрѣтаетъ еще постороннія сред-
ства. Въ Иркутскѣ онъ запасается бочонкомъ дешевой
водки, которую продаетъ на стакахъ писарямъ и ямщи-
камъ, купить только-что вышедшіе календари, возьметъ
на комиссію пачку лубочныхъ картинъ. Всѣ художе-
ственные произведенія, обильно украшающія стѣны стан-
ковъ, ему обязаны доставкой своей въ эти далекія страны.
Онъ совершенствуетъ эстетическіе взгляды полукутовъ
станочниковъ, водворяя на стѣнахъ гравированные порт-
реты, получившихъ гдѣ-то премію, красавицъ; онъ содѣй-
ствуетъ популярности генераловъ, онъ же развѣнчиваетъ
ихъ, замѣняя старыхъ героевъ повѣйшими... Однако, эта
полезная дѣятельность мало скрашиваетъ судьбу горемы-
ки-почталіона, и если онъ остается живъ въ своей пло-
хой одежонкѣ среди необычайныхъ морозовъ, то припи-
сываетъ это, главнымъ и даже исключительнымъ обра-
зомъ, водкѣ, которой выпиваетъ на каждой станціи огром-
ное количество, безъ всякихъ видимыхъ послѣдствій, бла-
го она достается ему дешево и доставляетъ даже нѣко-
торый, — право же, невинный при этихъ условіяхъ, —
доходъ...

Отъ него же, главнымъ образомъ, этотъ трехтысячный
трактъ, съ его почти единственными обитателями ста-
ночниками, узнаетъ новости, совершающіяся въ далекомъ
мірѣ.

Такой-то подвижникъ почтоваго вѣдомства стоялъ те-

перь у желѣзной печки, съ подогнутыми отъ холода ногами, протянувъ руки къ пламени и кидая жадные взгляды на наши бутылки.

— А, это у васъ коньякъ... Коньячку я еще хвачу,— произносилъ онъ вдругъ, съ робкою фамильярностью, подбѣгалъ къ столу, наливалъ, опрокидывалъ и опять убѣгалъ къ огню все съ тѣмъ же видомъ человѣка, испуганнаго внутреннимъ ознобомъ.

— Слышь, почта, давай чайкомъ побалуемся,—предложилъ Копыленковъ.

— Невозможно, господа почтенные,—тороплюсь. Слушай, парень,—дружески обратился онъ къ вошедшему въ эту минуту писарю,—поберегайся! Ёдетъ, вѣдь...

Старичокъ вздохнулъ.

— Что Богъ дастъ! Ждемъ давно, хоть бы ужъ какъ-нибудь скорѣе...

— Теперь живо. Миѣ бы вотъ какъ-нибудь улетѣть, не напоротья бы. Да гдѣ, не уйти,—догонить! Хорошо, если на дорогѣ гдѣ-нибудь...

— Тебѣ-то что?

— Да все отъ грѣха подальше. А слышь, парень, про жалобы-то узналъ, вѣдь...

— Ну?

— То-то... Сказываютъ, осатапѣлъ, бѣда!

— Авось Богъ милостивъ. Мы не жаловались...

— Да вы это про кого?—спросилъ Копыленковъ.

— Арабинъ, курьеръ... Теперь изъ Верхоянска обращается.

— Такъ, такъ, такъ! Вотъ почему у тебя и лошадей-то

не оказалось. Понялъ! А вдругъ бы мы у тебя лошадей-то послѣднихъ и взяли...

— Совершенно вѣрно-съ... Судите сами: прѣдутъ они сюда и вдругъ я имъ объявлю: нѣтъ лошадей! Что же это-съ... Вѣдь, тогда имъ здѣсь ночевать-съ...

Копыленковъ захохоталъ.

— Ну, онъ тебя, братецъ, за ночь-то съѣсть и съ пиджакомъ съ твоимъ.

Почталіонъ тоже засмѣялся, какъ-то порывисто, закинувъ голову назадъ. Старичокъ постарался улыбнуться, но больше изъ вѣжливости. Глаза его были задумчивы.

— Богъ знаетъ, Богъ знаетъ... Прошлый разъ убергла Царица Небесная... Скотиной, все-таки, назвалъ.

— Удостоилъ?

— Да-съ. Это что же-съ... Конечно, по прежнему времени, состоявши въ чинѣ коллежскаго секретаря, могъ обижаться... Ну, между прочимъ, въ настоящемъ ничтожномъ положеніи обязанъ терпѣть... Вы самоварчикъ изволили приказывать?— спохватился онъ вдругъ.— Ахъ, Боже мой, что же я-съ... Сейчасъ будетъ готово,—два самовара у насъ. Ежели въ случаѣ прѣдетъ, и ему подадимъ... Сейчасъ...

IV.

Черезъ нѣсколько минутъ не старая еще и довольно красивая женщина, при входѣ которой почталіонъ опять закинулъ голову и засмѣялся своимъ прерывистымъ смѣ-

хомъ, а писарь сталъ какъ-то особенно серьезень, — внесла небольшой самоварчикъ и принялась уставлять чайную посуду. Мы пригласили къ чаю старичка и почталіона. Послѣдній отказался и такъ же быстро, какъ прежде скидалъ съ себя, сталъ натягивать свои не всѣмъ высохшія одѣяпія. Писарь тоже пытался отказаться изъ приличія, но затѣмъ, на вторичное приглашеніе, согласился, видимо польщенный.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ раздѣлю компанію, — сказалъ онъ и затѣмъ, застегнувъ пиджакъ на всѣ пуговицы и взявшись рукой за спинку стула, поклонился и произнесъ: — въ такомъ случаѣ, считаю за честь рекомендоваться: Кругликовъ. Василій Спиридоповъ, бывшій коллежскій секретарь... Пріятно пріобрѣсти знакомство.

— Значить, служилъ? — спросилъ Копыленковъ.

— Такъ точно - съ, по комиссаріатской части, во флотъ-съ

Почталіонъ облачился, сунулъ намъ всѣмъ на прощаніе руку, еще разъ сказалъ: «а, это спиртъ у васъ? Хвачу-ка еще спирту!» — хватилъ и торопливо выбѣжалъ на морозъ. Я одѣлся и вышелъ за нимъ.

Нужно было подойти къ обрыву у могилы, съ наклонившимся крестомъ, чтобъ увидѣть почту вблизи.

Рѣка, загроможденная бѣлымъ тѣросомъ, слегка искрилась подъ серебристымъ и грустнымъ свѣтомъ луны, стоявшей надъ горами. Съ того берега, удаленнаго версты на четыре, ложилась густая неопредѣленная тѣнь, вдали неясно виднѣлись береговья сопки, покрытыя лѣсомъ,

уходившія все дальше и дальше, сопровождая плавные повороты Лены... Ставовилось и жутко, и грустно при видѣ этой огромной ледяной пустыни.

Почта.—три тройки,—двинулась, колокольчики сразу, какъ-то сбивчиво и шумно, заговорили подь моими ногами, какъ будто ободря другъ друга. Три черныя пятла, точно фантастическія многосоставныя животныя, шевельнулись по снѣгу и замелькали между торосьями, ставясь все меньше и меньше. Ихъ давно уже не было видно, а звонъ все стоялъ такой же ясный въ морозномъ, точно стеклянномъ, воздухѣ... Каждый колокольчикъ говорилъ по-своему; разстояніе уменьшало только силу, но не ясность звука. Потомъ все исчезло внезапно, только торосья искрились фантастическимъ хаосомъ, да сопки тихо спали въ тѣни, и какія-то пеясныя грѣзы передвигались подь дальними берегами.

Чуть не все населеніе станка провожало почту... На бѣдномъ Ать-Давалѣ, пріютившемся подь каменными горами, этотъ пролетъ рѣдкой почты—цѣлое событіе.

Не станокъ ждалъ и томился ожидаемъ еще другого событія.

Когда почта исчезла и звонъ затихъ, гурьба ямщиковъ, тихо подымавшихся съ рѣки, прошла мимо меня, разговаривая по-якутски. Мнѣ трудно было разобрать эти тихія рѣчи, однако я понялъ, что говорятъ они не о томъ, кто уѣхалъ, а о комъ-то, кто долженъ пріѣхать сверху. При этомъ имя «Арабынь-тойона» раза два коснулось моего слуха.

Я остался еще на берегу, привлекаемый грустнымъ

очарованіємъ. Воздухъ былъ неподвиженъ и полонъ какой-то чуткой, кристаллической ясности, не нарушаемой теперь ни однимъ звукомъ, но какъ будто застывшей въ пугливомъ ожиданіи... Стоить опять треснуть льдинъ, и морозная ночь вся содрогнется, и загудитъ, и застонетъ. Камень оборвется изъ-подъ моей ноги — и опять надолго наполнить чуткое молчаніе сухими и рѣзкими отголосками, какъ будто ищущими и не могущими найти успокоенія.

Морозъ все крѣпчалъ. Зданіе станціи, которое наполовину состояло изъ юрты и только наполовину изъ русскаго сруба, сіяло огнями. Изъ трубы надъ юртой цѣлый вѣникъ искръ торопливо мотался въ воздухъ, а бѣлый густой дымъ подымался сначала кверху, потомъ отгибался къ рѣкѣ и тянулся далеко, до самой ея середины... Льдины, вставленные въ окна, казалось, горѣли сами, переливаясь радужными оттѣнками пламени...

Я еще разъ окинулъ взглядомъ окружающую картину, полную захватывающей грусти, и пошелъ въ избу.

V.

Въ ямщицкой огромный камелекъ, плотно сбитый изъ глины, зіялъ, точно раскрытая огненная пасть сказочнаго чудовища. Огонь съ невѣроятною силой рвался въ трубу, какъ будто цѣлая рѣка пламени струилась кверху. Наклонныя стѣны юрты то тѣсно сдвигались, охваченныя багрянымъ отблескомъ, то утопали чуть замѣтно

во тьмѣ; тогда юрта казалась огромною пещерой съ темными сводами. Группа огненныхъ же фигуръ, будто только-что отлитыхъ изъ не остывшаго еще металла, сомкнулась полукругомъ около камина. Въ серединѣ, уставившись на огонь задумчивыми глазами и опершись подбородкомъ на руки, сидѣлъ молодой станочникъ съ рѣзко-инородческими чертами, представитель этого страшнаго, наполовину объякутившагося населенія средней Лены. Изъ горла его лились, примѣшиваясь къ шипѣнію и треску пламени, странные — то протяжные, то истерически-прерывистые — звуки. Это была якутская пѣсня-импровизація, — пѣсня, въ которой только привычное ухо можетъ уловить признаки своеобразной гармоніи. Господи Боже, какъ только не выражается человѣческое чувство!... Но такъ какъ красота, все-таки, въ самомъ чувствѣ, то есть своя доля красоты и въ этомъ дикомъ, гортанномъ, прерывистомъ завываніи, похожемъ то на плачь, то на шумъ вѣтра въ дикомъ ущельи... Достаточно было взглянуть на эти бронзовые лица станочниковъ Ать-Давана, чтобъ убѣдиться въ присутствіи захватывающаго и поглощающаго душевнаго движенія, царившаго въ грязной, непривѣтливой юртѣ.

Молодой станочникъ пѣлъ, остальные слушали, изрѣдка поощряя пѣвца рѣзкими, произвольными короткими восклицаніями. Мы имѣемъ свои пѣсни, записанныя, положенныя на ноты, въ которыхъ болѣе сложное чувство кристаллизовалось въ постоянную форму. Дикая тайга, каменистыя тропинки надъ Леной, угрюмый и сиротливый Ать-Даванъ — имѣютъ свои пѣсни. Онѣ не записа-

пы, не выработаны, не такъ гармоничны и довольно грубы, но за то каждая изъ нихъ рождается по первому призыву, отзывается, какъ эолова арфа, своею не законченною и не закругленною гармоніей на каждое дуновение горнаго вѣтра, на каждое движеніе суровой природы, на каждое трепетаніе бѣдной впечатлѣніями жизни... Пѣвецъ-станочникъ пѣлъ объ усилившемся морозѣ, о томъ, что Лена стрѣляетъ, что лошади забились подъ утесы, что въ каминѣ горитъ яркій огонь, что они, очередные ямщики, собрались въ числѣ десяти человѣкъ, что шестерка коней стоитъ у коновязей, что Ать-Даванъ ждетъ Арабынь-тойона, что съ сѣвера, отъ великаго города, надвигается гроза и Ать-Даванъ содрогается и трепещеть...

Пѣсенный якутскій языкъ отличается отъ обиходнаго приблизительно такъ же, какъ нашъ славянскій отъ нынѣшняго разговорнаго. Пѣсенный языкъ родился гдѣ-то далеко, въ невѣдомыхъ глубинахъ Средней Азіи, откуда великое смѣшеніе народовъ бросило жалкій осколокъ какого-то племени на дальній сѣверо-востокъ. Онъ сохранилъ на сѣверѣ пышные образы и краски далекаго юга... Отъ сѣвера же, отъ пугливаго морознаго воздуха, въ которомъ трескъ льдины вырастаетъ въ пушечный выстрѣлъ, а паденіе ничтожнаго камня гремитъ какъ обвалъ,—пѣсня приобрѣла пугливую наклонность къ чудовищнымъ гиперболамъ, къ гигантскимъ, устрашающимъ преувеличеніямъ. Вотъ почему, надо думать, якутскій Иванушка, бѣдный сиротина Эръ-Соготохъ, въ своихъ горестныхъ странствіяхъ натывается то и дѣло на сказочныхъ молодцовъ, самый меньшій изъ которыхъ обладаетъ икрами въ

обхватъ старой лиственницы, а глаза его вѣсятъ по пяти фунтовъ.

Я сталъ въ тѣни, не замѣченный, и слушалъ пѣсню стапочника объ Арабинъ-тойонѣ... Арабинъ, Арабинъ!... Я гдѣ-то слышалъ эту фамилію. Мнѣ стоило значительнаго усилія отодвинуть отъ себя сказочную фигуру—и изъ-за нея выдвинулась другая. Въ Иркутскѣ, въ знакомомъ домѣ, я нѣсколько разъ встрѣчалъ,—правда, мимолетно,—казацкаго хорунжаго съ этою фамиліей. Это былъ человекъ ничѣмъ не выдававшійся, молчаливый, слегка даже застѣчивый, тою особою застѣчивостью, которою отличаются болѣзненно-самолюбивые люди. Я едва замѣтилъ его тогда, но потомъ слышалъ, что онъ чѣмъ-то обратилъ на себя вниманіе и что его употребляютъ для особыхъ порученій. Неужели это онъ? Неужели это о немъ я слышу теперь по всему пути,—о немъ, чье имя едва различалось въ иркутской толпѣ?... Онъ уже третій разъ пролетаетъ по Ленѣ въ качествѣ курьера, и каждый разъ толки о немъ долго не смолкаютъ. На станціяхъ онъ велъ себя какъ человекъ, на единичныя усилія котораго возложено усмиреніе бунтующаго края. Врывался какъ ураганъ, бушевалъ, наводилъ панической ужасъ, грозилъ пистолетомъ и... забывалъ всюду платить курьерскіе прогоны. Вѣроятно, благодаря этимъ приемамъ, онъ исполнялъ порученія въ сроки, удивлявшіе самыхъ привычныхъ людей, и начальство отличало его еще болѣе. «Курьеръ» стало кличкой и чуть не постоянною профессіей Арабина. Скромный и застѣчивый въ Иркутскѣ, онъ становился совершенно другимъ, лишь только выѣз-

жалъ изъ города. Быть искренно убѣжденнымъ, что всякая власть сильнѣе всякаго закона, и чувствовать себя цѣлымъ недѣли единственнымъ представителемъ власти на огромныхъ пространствахъ, не встрѣчая нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія,—отъ этого можетъ закружиться голова и посылнѣе головы карыма-хорунжаго.

И она, дѣйствительно, кружилась. Въ послѣдній проѣздъ онъ уже скакалъ черезъ рѣдкіе города (Киренскъ, Верхоленскъ и Олекму), стоя въ повозкѣ и размахивая надъ головой краснымъ флагомъ. Въ этомъ было что-то фантастическое: двѣ тройки лошадей мчались какъ птицы, съ смертельнымъ ужасомъ въ глазахъ; ямщикъ походилъ на мертвеца, застывшего на облучкѣ съ вожжами въ рукахъ; сѣдокъ стоялъ, сверкалъ глазами и размахивалъ флагомъ... Мѣстные власти покачивали головами, обыватели разбѣгались. Въ этотъ проѣздъ Арабинъ отмѣтилъ свой путь такимъ количествомъ павшихъ лошадей, воплей и жалобъ, прорвавшихся, наконецъ, наружу, что почтовое начальство сочло необходимымъ вмѣшаться. Забѣгая впередъ, скажу только, что изъ-за Арабина поспорили два вѣдомства, что непосредственное начальство курьера вынуждено было, все-таки, отказаться отъ его услугъ, но, снабженный отличными рекомендаціями, онъ перешелъ на службу еще дальше на востокъ и тамъ, на Амурѣ, застрѣлилъ, наконецъ, наповаль станціоннаго смотрителя. Тогда объ Арабинъ-тойонѣ заговорили даже въ Россіи и только тогда узнали, что судить, въ сущности, некого, такъ какъ знаменитый курьеръ былъ уже... вполне сумасшедшимъ.

Такова дальнѣйшая исторія грознаго и несчастнаго Арабынь-тойона, ожидаемаго въ эту почь на далекомъ Ать-Даванѣ. Вотъ о комъ скрипѣла и завывала упылая якутская пѣсня въ ямщицкой юртѣ...

VI.

Въ станціонной комнатѣ Михайло Ивановичъ въ одномъ бѣльѣ сидѣлъ за столомъ. Кругликовъ помѣщался напротивъ, въ позѣ значительно болѣе свободной, чѣмъ прежде. По наивному оживленію, сверкавшему въ простодушно-хищныхъ глазахъ моего спутника, я сразу увидѣлъ, что ему удалось уже завязать одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, до которыхъ онъ былъ великій охотникъ. Это были именно разговоры чисто-біографическаго и отчасти стяжательнаго характера: кто, гдѣ и какимъ образомъ сѣумѣлъ нажить деньгу. Всѣ подробности наживательскихъ драмъ имѣли для него какую-то особенную, обаятельную, прелесть. Кругликовъ давалъ эти подробности охотно и съ объективнымъ спокойствіемъ человѣка, глядящаго на все это со стороны, глазами наблюдателя.

— Такъ, говоришь, прогорѣлъ?—спрашивалъ Михайло Ивановичъ, наклоняясь черезъ столъ.

— До основанія-съ!—отвѣтилъ Кругликовъ и подулъ на блюдечко съ чаемъ.— Совсѣмъ-съ, такъ что, съ позволенія вашего сказать, въ рубашкѣ одной остался, да и та чужая.

— Ахъ ты, братецъ мой, какой человѣкъ пропалъ!

— Пропаль? Ну, это зачѣмъ же-сь. Гдѣ же эакому челоуѣку пропасть? По здѣшнимъ-то мѣстамъ, я говорю, да эакой-то головѣ...

— Дѣйствительно, шельма естественная. Говоришь, поправился?

-- Да еще какъ поправился!...

— Ну, дѣла! Чѣмъ же онъ взялся-то?

Кругликовъ поставилъ блюдечко и загнулъ палець:

— Первымъ дѣломъ — женится онъ вторично на вдовѣ съ капиталцемъ. Капиталь, положимъ, ничтожный...

— Постой! Говоришь: женится. А первая-то померла, что ли?

— Живѣхонька-сь! Это ничего не составляетъ.

— Ай-ай-ай!... Н-н-ну-сь? Что ты, братецъ, таяешь, говори далѣе!

— Ну-сь, и сталъ легонечко поторговывать на приискахъ спиртомъ.

— Спиртомъ!... Эхъ, дѣло - то какое! Да нѣтъ, понѣ, братъ, на спирту далеко не уѣдешь. Нонѣ, братъ, на спиртовомъ-то дѣлѣ тюрьму себѣ зарабатываешь, а богатъ не станешь. Не прежнія времена...

— Ахъ, нѣтъ, позвольте-сь, это вы напрасно! Спиртовое дѣло оно само по себѣ, а сжали при этомъ пшеничка *)...

— Ну, вотъ это такъ! Ежели ловкому челоуѣку...

— Эготъ лѳокъ. Шире-далѣ, шире-далѣ и взошелъ онъ въ копѣйку настоящую.

---

*) Золотой песокъ. Торговать пшеничкой — скупать тайнымъ образомъ подъемное золото у приисковыхъ рабочихъ.

Михайло Ивановичъ хлопнулъ себя рукой по колѣну.

— Ахъ ты, братецъ мой! Вотъ голова, такъ голова... Пей еще!—предложилъ онъ радушно, когда г-нъ Кругликовъ положилъ пустой стаканъ на блюдечко, въ знакъ того, что онъ доволенъ, но выпьетъ еще, если его попросятъ (опрокинуть стаканъ и положить на него огрызокъ сахара—значило бы отказаться окончательно).—Пей! А что касающее должности, не сомнѣвайся. Опредѣлю, будешь доволенъ. Я, братецъ, люблю разговорчивыхъ людей. Только ужъ ты скажи мнѣ, по правдѣ-истиѣ, хмѣлемъ зашибаешься?

Г-нъ Кругликовъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза яснымъ взглядомъ и отвѣтилъ:

— Пью-съ... Пьяницей или, сказать, пропойцей себя не полагаю-съ, а пью-съ... Но спросите: почему пью?—потому, что нахожусь въ горести послѣ прежней благополучной жизни. Вотъ и Ивапъ Александровичъ,—навѣрно изволите знать, пріиски у него богатѣйшіе были,—говорить бывало: «Зачѣмъ, Кругликовъ, пьешь? Тебѣ бы, при твоёмъ умѣ, вовсе бы касаться не надо... Почеркъ имѣешь прекрасный, экипированъ прилично, самъ себя ведешь аккуратно... Тебѣ бы какое мѣсто можно занимать, только не касайся вина!»—Такъ вотъ нѣтъ, сердце не дозволяетъ... «Иванъ Александровичъ»,—говорю ему...

Г-нъ Кругликовъ заволновался. Повидимому, онъ забылъ, кому и по какому поводу дѣлаетъ эти изліянія, и, ударивъ себя въ грудь, продолжалъ:

— «Иванъ Александровичъ, благодѣтель, не суди! Господи! Да я бы смолу,—понимаешь ты?—смолу бы кипя-

пую пилъ, ежели бы могъ иной разъ себѣ облегченіе получить,—забвеніе горести!»—Смолу-у!.. Боже мой, Создатель! за что ты судьбу мою въ эту гиблущую сторону закинулъ?... Хлѣба пудъ—четыре съ полтиной, мяса—восемь рублей! Ни покою, ни пищи...

— Это вѣрно,—поддержалъ Михайло Ивановичъ,—кормя-то здѣсь дороги, нечего говорить.

— Эхъ, нѣтъ, не то!—съ тоской заговорилъ вдругъ маленькій писарь, и эта тоска глубоко-щемящею нотой провалилась въ его голосъ, промелькнула въ лицѣ, измѣнила всю нѣсколько комичную его фигуру.—Не то-съ... Сердце закипаетъ во мнѣ, размышленіе одолѣваетъ...

— Задумываешься?—перебилъ его Михайло Ивановичъ съ какимъ-то пугливымъ участіемъ.

— Бываетъ,—угрюмо сознался Кругликовъ.

— Ахъ, братецъ! Ты какъ-нибудь тово... брось... Самое это плохое дѣло. У меня, братъ, смолоду тоже было; насилиу отецъ покойникъ выгналъ. Послѣ женитьбы и то еще, бывало, нѣтъ-нѣтъ, да и засосеть... На свѣтъ не глядѣлъ бы отъ мыслей отъ этихъ. Послѣднее дѣло.

— Чего хуже! Повѣрите: иной разъ ночью проснешься, опомнишься. «А гдѣ-то ты рожденъ, Василій Спиридоновъ, въ коихъ мѣстахъ юность свою провелъ?... А нынѣ гдѣ жизнь влачишь?...» Прислушиваешься, думаешь, не сонъ ли,—нѣтъ, не сонъ-съ... Морозище трещить за стѣной или выюга воесть... къ окну, а въ окнѣ—слѣпая льдина... Отойдешь и сейчасъ къ шкапу. Наливаю, пью...

— Легче?

— Въ голову ударить,—ну, и омрачить отчасти... За-

туманить, потому настойка у меня, водка настоена крѣпчайшая... А настоящаго облегченія не вижу.

— Вотъ оно дѣло какое! И вѣрно, что лучше бросить. Займись дѣломъ, оно, братъ, тоже по головѣ-то вдарить, не хуже настойки... А скажи ты мнѣ вотъ что: за что тебя сюда-то уперли?

Этотъ вопросъ, предложенный съ такою грубою внезапностью, прошелъ еще разъ по всей фигурѣ г-на Кругликова, и еще разъ она преобразилась, теряя въ моихъ глазахъ прежній оттѣнокъ комизма. Казалось, какая-то искра пробивается изъ-подъ давно потухшаго, но еще не остывшаго вполне пепелища.

Онъ какъ-то подернулся, потупился, и его голосъ, когда онъ спросилъ позволенія налить себѣ рюмку, сталъ глуше.

— Довольте?

— Угощайся!

Онъ налилъ, осмотрѣлъ рюмку на свѣтъ, какъ будто ища тамъ отвѣта на мучительный вопросъ, выпилъ ее залпомъ и сказалъ:

— За любовь-сь.

Михайло Ивановичъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Я долженъ сказать, что заявленіе г-на Кругликова, высказанное съ такою краткою рѣшительностью, было такъ неожиданно, что заставило и меня взглянуть на него съ удивленіемъ. Кругликовъ, казалось, и самъ понималъ, что своими словами произвелъ значительную сенсацію.

— Да говори ты, братецъ, толкомъ,—сказалъ, наконецъ, Михайло Ивановичъ съ досадою.

— Что-жь, я правду говорю,—отвѣтилъ Кругликовъ,— такъ какъ, собственно изъ любви къ одной дѣвицѣ, въ начальника своего, статскаго совѣтника Латкина, дважды изъ пистолета палилъ.

Это было уже слишкомъ.

Михайло Ивановичъ окаменѣлъ и смотрѣлъ на своего собесѣдника какими-то безсмысленными, мутными глазами. Онъ походилъ на путника, который, пробесѣдовавъ часа два съ самымъ любезнымъ, хотя и случайно встрѣченнымъ, попутчикомъ, и совершенно очарованный его прекрасными качествами, вдругъ узнаетъ, что передъ нимъ не кто другой, какъ *celebrissime* Ринальдо-Ринальдони.

— Изъ пистолета?—протянулъ онъ растерянно.—Какъ же это ты такъ? Да ты вѣрно говоришь: изъ пистолета?!

— Такъ точно-съ. Пистолетъ настоящій.

— Палилъ?

— Два раза.

— Да, вѣдь, это, братецъ ты мой, такое дѣло, такое... самое, сказать тебѣ, политическое...

— Что тутъ подѣлаете! Судите меня, какъ знаете... Любовь-съ.

— Да вы расскажите, Василій Спиридоновичъ, какъ эта вся исторія вышла...—обратился я къ г-ну Кругликову.

— Да,—поддержалъ мою просьбу и Копыленковъ,— что-жь, братецъ, расскажи, расскажи,—ничего! Что ужъ тутъ... Удивительно!

· VII.

Г-нъ Кругликовъ отхлебнулъ послѣдній глотокъ чаю, опрокинулъ стаканъ, положилъ на донышко кусокъ сахара и отодвинулъ все это отъ себя. Послѣ этихъ приготовленій налилъ себѣ рюмку и опять посмотрѣлъ на свѣтъ. Я пожалѣлъ въ эту минуту, что я не живописецъ и не могу изобразить сложныхъ ощущеній, совмѣстившихся на оригинальномъ лицѣ ать-даванскаго станціоннаго писаря, освѣщенномъ оплывшими сальными свѣчами. Круглый обликъ, пепельные, аккуратно причесанные волосы, съ чѣмъ-то вродѣ кока впереди, подстриженные котлетками бакенбарды и бритый подбородокъ. Въ сѣрыхъ глазахъ, внимательно глядѣвшихъ рюмку на свѣтъ, можно бы было прочесть и предвкушаемое удовольствіе, и тщеславную гордость заинтересовавшаго слушателей рассказчика, и искреннюю горечь разбитой жизни и жгучихъ воспоминаній. Онъ запрокинулъ голову, выцѣдилъ рюмку коньяку, поставилъ ее на столъ, обтеръ губы истрепаннымъ фуляровымъ платкомъ и обратился къ разсказу:

— Моя біографія жизни, почтенные господа, очень печальная... Чувствительный человекъ можетъ окончательно все понимать, а другіе смѣются-съ... Впрочемъ, это все равно-съ...

Онъ горько улыбнулся, все еще нѣсколько рисуясь, и затѣмъ спросилъ:

— Не случилось ли кому изъ васъ, почтенные господа, бывать въ Кронштадтѣ?

— Это гдѣ?—спросилъ Копыленковъ.

— Вблизи Петербурга, часа два парохдной ѣзды-сь, портовый городъ.

— Я бываль,— сорвалось у меня.

— Бывали-сь? Въ самомъ Кронштадтѣ-сь?...

Кругликовъ живо повернулся ко мнѣ, и глаза его сверкнули оживленіемъ.

— Да, бываль, и даже жилъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Великолѣпный городъ! Портъ, крѣпость, твердыня-сь, оплотъ, окно въ Европу-сь... Превосходный городъ, уголокъ Санктъ-Петербурга!

— Да, городъ хорошій.

— Ахъ, какъ можно, какъ можно! Этакого другого города... да гдѣ вы найдете? Помилуйте. А правда ли-сь, что теперь, говорилъ мнѣ какъ-то проѣзжіи офицеръ, на Екатерининской улицѣ чугунная мостовая положена?

— Вѣрно.

— Красота, должно-быть!... А пристани-сь, Купеческая стѣнка, фортъ Павель, фортъ Константинъ...

Онъ увлекался. Моя мысль тоже какъ-то мгновенно перенеслась съ угрюмой Лены въ Кронштадтъ, гдѣ я провель нѣсколько радостныхъ мѣсяцевъ еще студентомъ... Меня, какъ и Кругликова, охватили воспоминанія: плескала морская волна, сливающаяся съ невскою, свистѣлъ пароходъ, длинная дамба гудѣла подъ копытами извозчичьихъ лошадей, везущихъ публику съ только-что приставшаго парохода, сновали катера, баркасы, дымились пароходы... Бѣлые ялики съ стройно взмахивающими веслами, грузные броненосцы, шпигъ нѣмецкой кирки, ули-

цы, перерѣзанныя каналами доковъ, гдѣ среди зданій, точно киты, невѣдомо какъ попавшіе въ средину города, стоятъ огромныя морскія громады съ толстыми мачтами, каменные дома, бульвары, казармы, блескъ и роскошь уголка столицы... И опять—лѣсъ мачтъ въ синемъ небѣ, Купеческая гавань, отлогая коса и шумъ морского прибора... Синяя даль, сверкающіе гребни волнъ и грузные форты, выступившіе далеко въ море... Облака, чайки съ бѣлыми крыльями, легкій катеръ съ сильно наклонившимся парусомъ, тяжелая чухонская лайба, со скрипомъ и стономъ рѣжущая волну, и дымокъ парохода тамъ, далеко, изъ-за Толбухина маяка, уходящаго въ синюю западную даль... въ Европу!...

Иллюзію нарушилъ, во-первыхъ, новый выстрѣлъ замерзшей рѣки. Должно-быть, морозъ принимался къ ночи не на шутку. Звукъ былъ такъ силенъ, что ясно слышался сквозь стѣны станціонной избушки, хотя и смягченный. Казалось, будто какая-то гигантская птица летитъ со страшною быстротою надъ рѣкою и стонетъ... Стонъ приближается, растеть, проносится мимо и съ слабѣющими взмахами гигантскихъ крыльевъ замираетъ вдали.

Копыленковъ нервно вздрогнулъ и затѣмъ, какъ это часто бываетъ послѣ испуга, съ досадою накинулся на Кругликова;

— Ну, такъ что же,—сказалъ онъ нетерпѣливо,—родомъ ты, что ли, изъ этого самаго городу? Началь, такъ ужъ говори толкомъ.

— Да-съ, родомъ, — отрѣзалъ Кругликовъ съ гор-

достью.—На Сайдашной улицѣ и свѣтъ увидалъ. Сайдашную изволите знать? У отца моего въ этой улицѣ собственный домъ находился, можетъ, стоитъ еще и понынь. А родитель мой, надо сказать, хоть и изъ ластовыхъ былъ, но мѣсто имѣлъ доходное и, понятное дѣло, сыну тоже далъ порядочнаго ходу. Образованіемъ не очень увлекался, ограничиваясь начатками грамоты и почеркомъ, но, какъ и самъ я былъ молодой человекъ аккуратный, по службѣ исполнительъ и у пачальства нѣсколько на виду по причинѣ родителя, то и стоялъ я, могу сказать, на лучшей линіи... Да-съ, по началу судьбы моей не того можно было ожидать, чѣмъ я нынѣ постигнуть. Ясное утро и—печальный закатъ-съ...

— Не ропщи!—наставительно произнесъ Копыленковъ.

— Ну-съ, и такъ сказалъ я вамъ, милостивые мои государи, что у родителя былъ собственный домъ на Сайдашной улицѣ. А въ этой же улицѣ, насупротивъ, нѣсколько этакъ наискосокъ, проживалъ товарищ моего отца, тоже изъ ластовыхъ, и, по выслугѣ, занималъ мѣсто и еще того доходнѣе.

— А какое?—не вытерпѣлъ Михайло Ивановичъ.

— Въ порту, гдѣ происходятъ ремонтъ и постройка морского флота судовъ... Оклады тогда шли не очень чтобы сказать большіе, но сторонній доходъ по тому времени выпадалъ обильно, — просто было! Можете судить по тому, что съ должности рѣдкій день уходили не обмывшись...

— То-есть это что же, насчетъ чего?...—недоумѣвающе спросилъ Копыленковъ, для котораго, какъ знатока по

части самыхъ разнообразныхъ доходовъ, эта форма оказалась непонятной.

— Это видите въ чемъ состоитъ. Судно морского флота не то, что ваши паузки. Наружность само собой, крѣпление тамъ, ванты и прочее, но еще внутренняя отдѣлка требуетъ матеріалу дорогого и тонкаго. Великолѣпіе, блескъ и даже, можно сказать, комфортъ... Ну-съ, такъ вотъ, въ матеріальныхъ складахъ матерій этихъ, лiонскаго бархату, аглицкихъ разныхъ... горы.. Теперь представьте: надо ему уходить съ должности домой; снимаетъ онъ сюртукъ, беретъ кусокъ шелковой матеріи, обернетъ вокругъ корпуса, опять одѣвается, уходить. Пришелъ домой, разматываетъ его жена, какъ катушку какую,—вотъ и приобрѣлъ!

— Важная штука!... Только какъ же ихъ тамъ не щупаютъ, на выходѣ-то?

— Какъ можно! Рабочихъ, конечно, обыскиваютъ у воротъ, а съ господами и обращеніе другое, на довѣрчивомъ началѣ.

— Ничего, можно дѣла дѣлать... Только надо умному быть. Ежели на жаднаго человѣка, который не знаетъ мѣры,—живо пропасть можно. Все-таки, вѣдь, казна!

— Будьте добры, продолжайте,—въ свою очередь перебилъ я, видя, что теперь увлекается уже Копыленковъ.

— Да-съ, конечно, дѣло не въ этомъ. А что просто было, это вѣрно. Просто, просто, а только что просвѣщенія было въ нашемъ кругу мало, а дикости много... Изъ-за этого я и крестъ теперь несу. Видите ли, была у этого папашина товарища дочка, на два года меня

моложе, по восемнадцатому году, красавица! И умна... Отецъ въ ней души не чаялъ, и даже ходилъ къ ней студентъ—обученіемъ занимался. Сама напросилась,—ну, а отецъ любимому дѣтищу не перечилъ. Подвернулся студентъ, человекъ умный, ученый, и цѣну взялъ не дорожую,—учи!

— Напрасно...—сказалъ вскользь Копыленковъ.

— Ну-съ, а я былъ той дѣвицѣ, Раисѣ Павловнѣ, нареченный женихъ. Родители наши пріятели были, мы почти-что и выросли вмѣстѣ, и задумали отцы между собою такъ, чтобы непременно меня на ней женить. И мы, съ своей стороны, имѣли другъ къ другу расположеніе. Сначала-то, знаете, дружба, играемъ, бывало, вмѣстѣ, а потомъ ужъ и серьезно. Отъ родителей препятствія не видѣли и имѣли постоянно другъ съ дружкой обращеніе.

— Грѣхъ вышелъ?—забѣжалъ впередъ Михайло Ивановичъ.

— Никакого грѣха!—отрѣзалъ Кругликовъ холодно.— И въ мысляхъ не было,—оба младенцы чистые. Рая доченія была охотница, такъ вотъ въ этомъ больше и время проводили. Сначала Гуаки, тамъ рыцари разные, Францыль Венецыанъ, — чувствительныя исторіи!... Пустяки, конечно, а нравилось: маркграфиня, напимѣръ, бранденбургская, принцесса баварская, и при этомъ свирѣпый сераскиръ... Все такое-этакое... Возвышенныя персоны-съ и все насчетъ любви и вѣрности упражняются, претерпѣваютъ... Конечно, головы молодья! У меня все-таки служба, а она управится по домашности, какъ ми-

нута свободная — сейчасъ въ комнатѣ своей съ ногами на диванчикѣ, въ платочекъ завернется и читаетъ. Подъ вечеръ — я съ должности вернусь — гулять идемъ, подъ ручку-съ. Въ Кронштадтѣ, извѣстно, какое гулянье: на крѣпостной валъ, на Купеческую стѣнку-съ ходимъ, на море смотримъ... Она мнѣ и рассказываетъ, что за день-то прочитала. Говорить, говорить, потомъ и задумается.

«— Вотъ, Васенька, говорить, какіе на свѣтѣ бывали любовники... Вотъ бы и намъ съ тобой этакъ же. Можешь ли ты въ испытаніи, напримѣръ, вѣрность сохранить?... Вдругъ бы ко мнѣ какой-нибудь свирѣпый сераскиръ присватался.

«Ну, я, конечно, съ своей стороны смѣюсь:

«— Могу-то я могу, да только, вѣдь, намъ, говорю, не къ чему, если насъ хоть завтра по родительскому приказу въ соборѣ обвѣнчаютъ...

«Я-то смѣюсь, потому что, конечно, каждый день въ канцелярію хожу, такъ и то обращеніе въ свѣтѣ имѣю, а она—дитѣ...

«— Видишь, говорить, вонъ, у маяка, парусокъ бѣжить?

«— Вижу, корабль изъ-за границы идетъ.

«— А что, говорить, можетъ, на этомъ кораблѣ пиратъ ѣдетъ: кинется вдругъ, городъ спалить, тебя копьемъ пронзить, меня въ плѣнъ...

«Задрожитъ сама, испугается, жметса ко мнѣ. Ну, я ее опять успокою:

«— Что ты, Богъ съ тобой! Это бригъ идетъ голландской или тамъ аглицкой съ хлопкомъ. Мало ли ихъ, эгличей этихъ, и сейчасъ по улицамъ ходитъ. Конечно, буянять иной разъ, такъ, вѣдь, и въ полицію не долго...

«— Да,—говорить и Рая,—наша жизнь есть совсѣмъ другая... Вотъ и студентъ тоже все смѣется, а мнѣ, говорить, что-то скучно,—и вздохнуть.

«Ну, подошло время уже и о свадьбѣ думать. Начали отцы о приданомъ поговаривать. Вотъ разъ мой отецъ и говорить: «женить такъ женить, нечего откладывать! Я, говорить, своему даю шесть тысячъ, ты сколько?»

«— И я, — Раишъ родитель отвѣчаетъ, — столько же вмѣстѣ составитъ двѣнадцать,—куда имъ больше?»

«— Нѣтъ,—мой опять говорить,—не такъ! Самъ подумай: мой Вася можетъ время отъ времени въ чины взойти, а твоя дочь какая есть, такая и останется, тебѣ бы по-настоящему и десять тысячъ дать не обидно...

«Слово за слово,—заспорили. Тотъ человѣкъ горячій, а ужъ моего-то родителя будто муха укусила: укрѣпился на своемъ и только. Гвоздить одно, не спускаетъ ни копѣйки. Ну, тотъ, разумѣется, осердился...

«— Когда такъ, говорить, когда ты своего щенка надъ моей Раичкой на цѣлыхъ четыре тысячи превознесъ, такъ не надо ничего! За генерала дочку отдамъ, не твоему пащенку чета!»

— Нашла, значить, коса на камень,—засмѣялся Копыленковъ.

Кругликовъ взглянулъ на него съ какимъ-то удивленіемъ, какъ будто не слышалъ, и продолжалъ:

— Охъ-хо-хо! Такъ - то вотъ изъ пустяковъ началось. Надо же вамъ сказать, что начальникъ нашъ, дѣйствительно, на Раю началъ умильнымъ окомъ поглядывать. Онъ хотя, скажемъ, не полный генералъ былъ, да мы-

то, въ правленіи, всегда его вашимъ превосходительствомъ звали. Самъ приказалъ: «Для чужихъ я, говорить, можетъ, и меньше полковника, а своимъ подчиненнымъ я богъ и царь!»

— А что ты думаешь?—и вѣрно,—опять вставилъ Копыленковъ.

«Въ лѣтахъ онъ былъ преклонныхъ, бездѣтный вдовецъ, и замѣтите, сколько ни сваталъ изъ равныхъ себѣ,—никто за него не отдавалъ: наружности былъ самой противной... Ну, и пала ему на глазъ моя Раичка. Разумѣется, она и не знала, тѣмъ болѣе, что я ужь считался женихомъ, изъ себя—дѣло прошлое—былъ хорошъ, росту хоть не большого, да лицомъ пріятенъ, усики тамъ, волоса всегда напомажены и щегольнуть любилъ... Да и отецъ-то ея сначала все-таки жалѣлъ единственную дочку. А тутъ какъ забрало его за живое, всталъ на дыбы, захрапѣлъ и сейчасъ мнѣ отъ дому отказъ, какъ шесть, а генералу надежду подаль... О-охъ! И стала у насъ въ Сайдашной улицѣ генеральская карета прокатываться...»

Глаза Кругликова стали влажны, искра изъ-подъ пепла пробилась яснѣе. Къ сожалѣнію, онъ тотчасъ же залилъ ее новою рюмкой водки. Рука, подносящая рюмку, сильно дрожала, водка плескалась и капала на пикейную жилетку.

«А тамъ и чаще! Пѣшкомъ ужь сталъ захаживать и подарки носить. А ужь я-то на порогъ сунуться не смѣю: вдругъ я туда, а генераль тамъ сидитъ... Убиваюсь... Вотъ однажды иду съ должности мимо одного дома, гдѣ студентъ этотъ, учитель, квартировалъ,—жилъ онъ во флигелечкѣ,

книгу сочинялъ, да чучелы дѣлалъ. Только, гляжу, сидить на крылечкѣ, трубочку сосеть. И теперь, сказываютъ, въ чинахъ уже большихъ по своей части, а все трубки этой изо рта не выпускаетъ... Странный, конечно, народъ— ученые люди...»

Кругликовъ улыбнулся тихою улыбкой, всталъ, пошарилъ въ какой-то шкатулкѣ въ своей темной клѣтушкѣ и вынесъ старую книгу.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—смотрите...—Я взглянулъ, и на меня пахло давно прошедшимъ. Книга была изданія 60-хъ годовъ, полу-спеціального содержания по естествознанію. Она дѣликомъ принадлежала тому общественному настроенію, когда молодое у насъ изученіе природы гордо выступало на завоеваніе міра. Міръ остался незавоеваннымъ, но изъ-подъ схлынувшей свѣжей волны вошло все-таки много побѣговъ. Между прочимъ, движеніе это дало намъ не мало славныхъ именъ. Одно изъ этихъ именъ,—хотя, быть-можетъ, и не изъ первыхъ рядовъ,—стояло на обложкѣ книги.

— Они-съ, Дмитрій Орестовичъ, сочинили,—сказалъ Кругликовъ, тщательно завертывая книгу въ какой-то почтовый бланкъ. Очевидно, онъ хранилъ ее съ гордостью какъ одно изъ своихъ самыхъ лестныхъ воспоминаній о невозвратномъ прошломъ.

«Да, такъ иду мимо него, слышу, окликаетъ: «Эй, вы, господинъ Венецыанъ, подите-ка сюда!»

«Подошелъ я, вижу, что меня зоветъ. Шутникъ былъ.

«— Что вамъ угодно-съ?»

«— Что вы это, говорить, маркграфиню-то бренден-

бургскую совѣмъ, что ли, бросили? Вѣдь, убивается.— Посмотрѣлъ на меня такъ съ головы до ногъ...—И то, говоритъ, какъ объ такомъ храбромъ рыцарѣ не убиваться...»

«Вижу я, что это насмѣшка, а все-таки человѣкъ онъ былъ души добрейшей. Рая тоже сначала очень его боялась, потому что все больше смѣшкомъ да срывомъ, а послѣ очень хвалила. Я не обижаюсь и говорю ему:

«— Что мнѣ дѣлать, Дмитрій Орестовичъ, научите!

«— А вы, говоритъ, не знаете?

«— То-то, не знаю.

«— Ну, такъ и я тоже не знаю... А все-таки долженъ вамъ передать, что Раиса Павловна ждетъ васъ сегодня въ сумерки у себя. Отца не будетъ, свирѣпый сераскиръ тоже въ Рамбовъ уѣхалъ. Прощайте!

«— Посовѣтуйте, Дмитрій Орестовичъ, какъ мнѣ быть!

«— Ну, нѣтъ, говоритъ, я вамъ въ этомъ дѣлѣ не совѣтчикъ. Я вотъ совѣтовалъ Раисѣ Павловнѣ, чтобъ она бросила за окно всѣхъ сераскировъ, да и Венецыяна одного кстати,—не слушаетъ; а вамъ что и совѣтовать...»

«Грустно мнѣ тогда, признаться, сдѣлалось. «Что, думаю, ему въ самомъ-то дѣлѣ надо мною смѣяться. Чѣмъ же я хуже другихъ-прочихъ жениховъ, только что вотъ несчастливъ: невѣста моя начальнику приглянулась. Такъ опять это вина не моя». Ну, потомъ вспомнилъ, что итти вечеромъ съ Раей повидаться, и повеселѣлъ.

«Въ сумерки пробрался къ ней... Кинулась мнѣ Раиса Павловна на шею, заплакала. Посмотрѣлъ я на нее, не узналъ. И та—и не та. Поблѣднѣла, осунулась, глаза большіе,

смотреть совсѣмъ по-иному. А красота... неописанная! Стукнуло у меня сердце-то. Не моя это Раишка, другая дѣвица какая-то. А обнимаетъ: «Вася, говорить, ми.. лый, же... ланный, говорить, пришелъ, говорить, не за... былъ, не... бр...»

Внезапно приливъ слезъ подступилъ къ глазамъ Кругликова, горло его сжалось спазмами. Онъ всталъ, отошелъ къ стѣнѣ и простоялъ нѣсколько времени лицомъ къ какому-то почтовому объявленію.

Взглянувъ на Михайла Ивановича, я съ великимъ изумленіемъ замѣтилъ, что и безъ того рыхлая черта этого не особенно сентиментальнаго человѣка тоже какъ-то размякла, распустились, и глаза усиленно моргали.

— Что ужъ это, — произнесъ онъ растроганно, — до чего чувствительная, право, исторія!.. Ну-ка ты, бѣдняга, чебурахни стаканчикъ! Ничего, братъ, что дѣлать! Жизнь наша, братецъ, юдоль...

Кругликовъ стыдливо подошелъ, налилъ, выпилъ и обтеръ лицо фуляромъ.

— Простите, господа почтенные, — не могу... Въ послѣдній разъ я тогда Раичку свою обнималъ. Съ этихъ поръ ужъ она для меня Раиса Павловна стала, рукой не достать... воспоминаніе и святыня-съ... Недостойнъ...

— Ну, ну, — защищался Кобыленковъ отъ новаго припадка чувствительности, — ты ужъ, братецъ, какъ-нибудь того, какъ-нибудь досказывай дальше. Что ужъ тутъ...

«Ну, присидѣли мы вечеръ этотъ, Раиса Павловна повеселѣла маленько.

« — Полно, говорить, кого это мы, въ самомъ дѣлѣ,

хоронимъ. Ничего! укрѣпляйсл, Васенька! Видно и наше время настало. Помнишь ли, говорить, нашъ разговоръ на валу? Вотъ оно по-моему и выпло, свирѣпый-то се-раскирь—вѣдь это, говорить, самъ Латкинъ и есть.

«И засмѣялась, а за нею я... Часто это у насъ бывало: она, какъ солнышко изъ-за тучи,—ну, и я на нее глядя...

«— Смотри, говорить, Васенька, укрѣпись: покажемъ, какая можетъ быть наша любовь; ты только не сдавайся, а ужъ я-то не дамся. Погляди, какую я вещь намедни купила...

«Вынимаетъ изъ комода пистолетикъ. Такъ, небольшая штучка,—ну, да, вѣдь, все-таки оружіе огнестрѣльное, не штучка. У меня даже въ пятки вступило... Вотъ подъ конецъ вечера я эту штучку-то у нея изъ стола взялъ, да тихонечко въ пальто, въ карманъ боковой, и спряталъ... Спряталъ, да такъ и забылъ, да и она-то не хватилась... Самъ на слѣдующій день иду къ родителю. Сидѣлъ онъ у себя, чертежи дѣлалъ, судно они новое строили... Увидѣлъ меня, повернулся, въ глаза не смотритъ... Э-эхъ! чуялъ, вѣдь, что сына губить изъ-за гордости своей... Да, видно, судьба!...

«— Что, говорить, падо? Я въ ноги. Куда тутъ!—и слушать не хочеть. Всталъ я тогда и говорю:

«— Ну, когда такъ, то я нахожусь въ совершенныхъ моихъ лѣтахъ. Жепюсь безъ приданаго.

«А родитель у меня, падо замѣтитъ, хладнокровенъ былъ. Шсю имѣлъ покойникъ короткую и доктора сказали, что можетъ ему отъ волпенія крови произойти вне-

запная кончина. Поэтому кричать тамъ или ругаться шибко не любили. Только, бывало, лицо нальется, а голось и не дрогнетъ.

«— Вотъ, говорить, что: дуракъ ты, Васька, право, дуракъ! Говоришь, а не сдѣлаешь... А я скажу, такъ ужъ будетъ по-моему. Помни это: при твоихъ совершенныхъ лѣтахъ я тебя одеру, какъ сидорову козу...

«— Не можетъ быть, говорю,—я чиновникъ.

«— Не вѣришь? Ладно.

«Отворилъ окно, поманилъ пальцемъ... Жили у насъ во дворѣ, во флигелечкѣ, два брата—бомбардиры оставные, здоровенные подлецы, усищи у каждаго по аршину, морды красныя, сапожники: гдѣ починить, гдѣ подметку подкинуть, гдѣ и новую пару спить, а болѣе насчетъ пьянства. Вошли въ комнату, стали у косяковъ, только усами водять, какъ тараканы: не перепадетъ ли? Отецъ подносить по рюмочкѣ.

«— Вотъ, говорить, вамъ, господа бомбардиры, шнапсу на первый разъ. Щенокъ у меня заупрямился. Можете ли вы его моей родительскою рукой высѣчь?...

«Посмотрѣлъ тутъ младшій на старшаго, а тотъ отвѣчаетъ:

«— Родительскою рукой всегда можно,—законъ дозволяетъ.

«— Ну, имѣйте въ виду на будущее время. Какъ сигналъ выкину,—распоряжайтесь... Ну, ступайте всѣ трое!

«Прихожу послѣ того на службу, а тамъ говорятъ: начальникъ звалъ. Вхожу. Сидитъ на креслѣ одинъ въ кабинетѣ, искоса на меня смотреть, пальцами по столу этакъ

барабанить, молчить. Потомъ повернулся, поманилъ къ себѣ ближе, опять на меня смотреть.

«— Вы, говорить, что это... мечтаете?»

«— Помилуйте, отвѣчаю, ваше превосходительство, кажется, со всѣмъ усердіемъ служу и ничуть не мечтаю. Смѣю ли я..»

«— Нѣтъ, говорить, я не превосходительство вовсе... Не стѣсняйтесь, молодой человекъ. Ницче это, говорить, въ модѣ-съ. Вы, кажется, имѣете намѣреніе жениться?»

«— Это, говорю, ваше превосходительство, въ моемъ возрастѣ и притомъ съ дозволенія начальства дѣло законное.

«— Такъ, такъ... А кого имѣете въ виду?»

«Замаялся я. Погрозилъ онъ пальцемъ и говорить:

«— Вотъ видишь, Кругликовъ, совѣсть у тебя противъ начальства не чиста,—небось, замаялся... Ну, брось, забудь объ этой дѣвицѣ думать, отринь, говорить, всякое помышленіе,—получше тебя женихъ найдется. Ступай!»

«Вышелъ я изъ кабинета, слезы у меня такъ и текутъ. Въ канцеляріи и то удивляются. Должно-быть, говорятъ, вѣдомости перепуталъ. А ужь какія тутъ вѣдомости,—свѣтъ мнѣ не милъ: тутъ—начальникъ, домой придешь—бомбардиры выбѣгаютъ изъ флигеля, на окно къ отцу смотрять, нѣтъ ли сигнала... Просто некуда стало падаться, и что мнѣ дѣлать, не знаю, потому что выходу себѣ не вижу. Извожусь, отецъ ужь самъ сталъ замѣчать и бомбардирамъ запретилъ меня тревожить. Выско-чили они разъ за сигналомъ, такъ я весь задрожалъ,

рохнулся о земь, изо рта пѣна пошла. Ну, отецъ видитъ, что испортилъ меня тиранствомъ, велѣлъ оставить, подумывать сталъ, сдѣлался осторожнѣе. А гордость-то все-таки осталась... Царствіе небесное! Пока живъ былъ, не оставлялъ меня. Писалъ три раза въ годъ и деньги сюда посылалъ. Передъ смертію письмо прислалъ: «Простишь ли, сынъ мой, что я тебя несчастнымъ сдѣлалъ?...» Богъ проститъ, конечно. Меня-то вотъ... меня-то никто не простилъ...»

— Ну?—прервалъ опять Копыленковъ тяжелое, хотя и не долгое молчаніе, и Кругликовъ продолжалъ рассказъ:

«Врагъ-то мой видитъ, что я ослабъ, тутъ-то и вздумалъ насѣсть. Черезъ недѣлю этакъ, или маленько побольше, зовутъ меня къ начальнику. Встрѣчаетъ серьезно.

«— Одѣвайся! Помни, говорить, Кругликовъ, что мнѣ нужны подчиненные, которые бы со всею преданностію... А кто, говорить, не преданъ, такіе терпимы быть не могутъ...»

— Понятное дѣло!—одобрилъ эту сентенцію Копыленковъ. Кругликовъ пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей и продолжалъ:

— Ну, сѣли мы... сѣли-съ и поѣхали... А куда именно поѣхали, такъ этого я, милостивые мои господа, и подумать не могъ... Въ Сайдашнюю улицу, къ Райсѣ Павловнѣ...

— Зачѣмъ?—невольнo сорвалось у меня.

Старый человекъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ, въ которомъ смѣшивались старая печаль и тщеславіе.

— Свatomъ-съ,—отвѣтилъ онъ не безъ гордости.

— Богъ знаетъ, что вы это рассказываете намъ, Василий Спиридоновичъ!

— Нѣтъ, не Богъ знаетъ что-сь, а истинную правду... Потому что, видите ли-сь... Раиса Павловна пожелала. «Если же, говорить, вы можете такъ утверждать, что онъ отъ меня отступился, то присылайте его сватомъ...»

— Ну, и дѣвка же... Ахъ, бѣдовая!—не выдержалъ опять Копыленковъ.

— И вы пошли?—спросилъ я съ невольной укоризной.

— Да, вѣдь, повезъ... — застѣнчиво отвѣтилъ рассказчикъ, и затѣмъ съ внезапною рѣзкостью повернулся къ Копыленкову:

— А вы, милостивый государь, не можете ничего понимать! Замѣчанія дѣлаете, а понятія чувствъ не имѣете-сь.

— Очень нужно еще и понимать-то тебя,—отразилъ неожиданную атаку озадаченный купецъ.

— Ну, и м-м-малчи-те-сь,—отрѣзалъ Кругликовъ какимъ-то скрипучимъ голосомъ и опять повернулся ко мнѣ.

— Да, милостивый государь... Какъ изволите справедливо говорить-сь, я и поѣхалъ... Послѣ тоже везли меня, для объявленія приговора... называется публичная казнь, на площади-сь... А было мнѣ все-таки легче. Вѣрьте мнѣ, легче было... А все-таки поѣхалъ-сь. Люди видѣли, какъ мы оба въ Сайдашной улицѣ выходили изъ кареты. Генералъ были сумрачны, а ужъ на мнѣ-то и лица не было... Да, и все-таки поѣхалъ, милостивый государь! Судите объ этомъ, какъ ваше понятіе дозволяетъ, а поѣхалъ-сь... Что дѣлать!... Только входимъ мы въ переднюю, а на встрѣчу какъ разъ Дмитрій Орестовичъ, студентъ.

Увидѣлъ насъ, остановился, поглядѣлъ на меня и говорить: «Ну, такъ и зналъ. Хорошъ, нечего сказать, принцъ венеціанскій... И свирѣпый сераскирь тутъ же»,—это про генерала.

Кругликовъ вздохнулъ и улыбнулся.

— Рѣзкій человѣкъ былъ, безстрашный. Генераль такъ даже позеленѣлъ и говорить ему: «Я вамъ, молодой человѣкъ, не сераскирь! Не сераскирь-сь, а государя моего статскій совѣтникъ! Прошу не забывать-сь»... Дмитрій Орестовичъ повели такъ плечомъ и говорятъ: «Ну, тамъ какой бы ни было, а что напрасно беспокоитесь, это вѣрно». И вышелъ, а генераль повернулся ко мнѣ: «Помни, говорить, ты это: никогда я тебѣ этого не забуду, ни-ког-да-сь»... Вотъ, милостивые господа, какова правда на свѣтѣ...

«Однако, между тѣмъ, прошли мы гостиную, входимъ къ Раисѣ Павловнѣ... Сидитъ моя Рая, генеральская невѣста, глаза наплаканные, большіе, прямо такъ на меня и уставилась... Опустилъ я глаза... «Неужто, думаю, это она, моя Раинька? Нѣтъ, не она, или вотъ на горѣ стоять, на какой-нибудь высочайшей»... Ну, сталъ я у порога, а генераль къ ручкѣ подошелъ. «Вотъ, говорить, вы, королева моя, сомнѣвались, а онъ и пріѣхалъ!...»

«Приподнялась она, оперлась руками на столикъ, глядеть на меня, будто узнать не можетъ. Генераль тоже повернулся, смотреть оба, а я... стою въ Раиной комнатѣ... у порога-сь. «Васенька»... хотѣла видно сказать что-то, потомъ откинулась на кушетку и засмѣялась...

« — А что, говорить, можете вы его въ лакеи къ себѣ

опредѣлить?—Генераль и обрадовался: «Могу, говорить, если вы, моя королева, пожелаете...

«— Что-жь, говорить, возьмите, только жалованьемъ... жалованьемъ, говорить, не обижайте...

У г-на Кругликова что-то вдругъ сдавило горло. Онъ опустилъ голову, скрывая отъ насъ лицо, и въ комнатѣ водворилось молчаніе. Даже Копыленковъ только глядѣлъ на писаря широко открытыми, какъ будто удивленными, глазами, не смѣя нарушить тишину, наполненную тяжкимъ сознаніемъ глубокаго человѣческаго униженія...

Наконецъ, Кругликовъ перевелъ духъ и посмотрѣлъ на меня какимъ-то свинцовымъ, тусклымъ взглядомъ.

— Вотъ тутъ-то,—сказалъ онъ,—въ эту самую минуту, въ меня и вступило. Точно я ото сна очнулся. Гляжу, комната знакомая, будто сейчасъ еще мы въ ней съ Раичкой вечеромъ сидѣли... На кушеткѣ сидитъ сама она, лицо закрыла, передъ ней генераль сѣменить, а рядомъ столикъ открытый... И вспомнилось мнѣ вдругъ, какъ я оттуда пистолетикъ вынулъ... Да, вѣдь, онъ, думаю, и теперь въ пальто у меня, въ карманѣ, лежитъ... Хорошо, какъ бы только никто не увидалъ... Повернулся тихонечко, вышелъ въ переднюю. Пистолетикъ въ боковомъ карманѣ прикурнулъ, будто вотъ дожидается. Вынулъ я его и, помню, даже засмѣялся...

«Пошелъ опять пазадъ, тороплюсь, какъ бы, думаю, генераль-то лицомъ не повернулся... Повернись онъ, ка- жись, никогда бы этого не было. Да нѣтъ. Раиса Павлова плачутъ, лицо закрыли, генераль руки отъ лица оты- маетъ. Вошелъ я, Раиса Павловна отняла руку, взглянула

да такъ и замерла. А я... ступилъ два шага... только бы, думаю, не повернулся... И разъ-разъ въ него... сзади...

— Убилъ?—въ ужасѣ приподнялся Копыленковъ.

— Нѣтъ, не убилъ, — со вздохомъ облегченія, какъ будто весь разговоръ лежалъ на немъ тяжелымъ бременемъ, произнесъ Кругликовъ.—По великой ко мнѣ милости Господней, выстрѣлы-то оказались слабые и, притомъ, въ мягкія части-сь... Упалъ онъ, конечно, закричалъ, забарахтался, завизжалъ... Раиса къ нему кинулась, потомъ видитъ, что онъ живой, только раненъ, и отошла. Хотѣла ко мнѣ подойти... «Васенька, говоритъ, бѣдный... Что ты надѣлалъ?...» — потомъ отъ меня... кинулась въ кресло и заплакала.

«— Господи, говоритъ, сзади... подкрался... какая пизость... Уйдите, говоритъ, оба, оставьте меня...» И все пуще, да пуще и плачетъ, и смѣется... Истерика! А тутъ и люди сбѣжались. Ну, дальше-то извѣстно что: арестовали».

— Ну, выпьемъ!—сказалъ Копыленковъ.—Все, что ли? Очень ужъ страшно. Ахъ, братецъ ты мой! И отчаянные же вы, право, отчаянные!... Какъ это вы можете только...

— Сужденъ старымъ судомъ, безъ снисхожденія. Можетъ быть, теперь бы... муку бы мою во вниманіе взяли, что я былъ человѣкъ измученный... А тогда всякая была вина виновата. Услали. Отецъ въ годъ постарѣлъ на десять лѣтъ, осунулся, здоровьемъ ослабъ, мѣста лишился, а я вотъ тутъ пропадаю.

— А Раиса Павловна?

Г. Кругликовъ всталъ, вошелъ въ свою каморку, снялъ

со стѣны какой-то портретъ въ вычурной рамкѣ, сдѣланной съ очевидно-нарочитымъ стараніемъ какимъ-нибудь искуснымъ поселенцемъ, и принесъ его къ намъ. На портретѣ, значительно уже выцвѣтшемъ отъ времени, я увидѣлъ группу: красивая молодая женщина, мужчина съ рѣзкими, характерными чертами лица, съ умнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, въ очкахъ, и двое дѣтей.

— Неужели это?...

— Онѣ-съ, — сказала Кругляковъ почтительно. — Раиса Павловна. А это ихъ супругъ, Дмитрій Орестовичъ. Не забываютъ. Къ новому году жду письма-съ. И портретъ этотъ прислали по униженной моей просьбѣ, да и... деньгами когда... то же самое...

Онъ говорилъ почтительно, какъ будто это была не та Рая, съ которой онъ нѣкогда читалъ о королевахъ Ренцывенахъ и Францудляхъ Венеціанскихъ. Только когда онъ указывалъ на старшую дѣвочку, тоненькую, свѣтло-волосую, съ большими мечтательными глазами, то голосъ его опять слегка дрогнулъ.

— Похожа... двѣ капли воды Раиса Павловна дѣвочкой-съ.

Онъ быстро взялъ портретъ, къ которому потянулся было заинтересованный Копыленковъ, унесъ въ свою комнату и долго стоялъ тамъ у стѣны, какъ прежде передъ почтовымъ объявленіемъ . . . . .

VIII.

Послѣ этого никакіе уже разговоры не клеились. Сторожъ принесъ въ печку дровъ, въ ямщицкой юртѣ огромный камелекъ тоже весь заставили дровами, такъ какъ огонь разводится на всю ночь. Пламя разгорѣлось и трещало. Въ пріоткрытую дверь все еще видѣлись у огня фигуры лмщиковъ, лежавшихъ вокругъ камелька на скамьяхъ.

Ать-Даванъ успокоился на ночь.

Г. Кругликовъ отвелъ намъ сосѣднюю комнату, гдѣ Копыленковъ тотчасъ же заснулъ. Станціонная комната осталась незанятою.

— Для Арабина?—спросилъ я.

— Да, — какъ-то особенно угрюмо отвѣтилъ Кругликовъ. — Женщина, прислуживавшая намъ, вѣроятно, давно спала, поэтому г. Кругликовъ хлопоталъ самъ: онъ накидалъ въ самоваръ мелкаго льду, бросилъ углей и поставилъ его, па случай, у камелька. Потомъ принялся убирать со стола, причемъ не преминулъ, уставляя бутылки, выпить еще рюмку какого-то напитка. Онъ становился все болѣе мраченъ, но, казалось, сонъ совсѣмъ не имѣлъ надъ нимъ власти.

Наконецъ, на Ать-Даванѣ все смолкло. Только по временамъ снаружи трещалъ морозъ, да въ потемнѣвшихъ комнатахъ, по которымъ пробѣгали теперь только трепетные красноватые отблески пламени, слышались глухіе шаги и шлепанье валенокъ, а порой тихо звенѣла рюмка и булькала наливаемая жидкость. Г. Кругликовъ, которому расшевелившіяся воспоминанія, повидимому, не давали

заснуть, какъ-то тоскливо совался по станціи, вздыхалъ, молился или ворчалъ что-то про себя.

Я забылся . . . . .

Когда я очнулся, была все еще глухая ночь, но Ать-Даванъ весь опять жилъ, сіялъ и двигался. Со двора песся звонъ, хлопали двери, бѣгали ямщики, фыркали и стучали копытами по скрипучему снѣгу быстро проводимья подъ стѣпами лошади, тревожно звенѣли дуги съ колокольцами—и все это какимъ-то шумнымъ потокомъ стремилось со станціи къ рѣкѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ г. Кругликовъ, не торопясь, зажигалъ свѣчи; сѣрная спичка сначала кинула синеватый, мертвенный свѣтъ, потомъ вдругъ разгорѣлась и освѣтила комнату.

Г. Кругликовъ поднесъ ее къ свѣтильнѣ, зажегъ свѣчу и повернулся. Передъ нимъ невдалекѣ стояла новая фигура: человекъ въ оленьей дохѣ съ капишономъ, запрошенный снѣгомъ. Изъ-подъ оленьяго мѣшка глядѣли два черные глаза, слегка скошенныя, какъ у карыма, виднѣлось блѣдное лицо, тонкій носъ и длинные, черныя, опущенныя книзу усы. По этимъ чертамъ я узналъ Арабынъ-тойона, котораго съ такимъ тихимъ трепетомъ и смиреніемъ ждалъ Ать-Даванъ уже нѣсколько дней. И, въ то же время, это былъ мой знакомый, казакій хорунжій, незначительный и застѣнчивый въ Иркутскѣ.

Повидимому, первый выходъ обѣщаль, что все сойдетъ благополучно. Арабынъ, очевидно, сильно усталъ: можетъ-быть отъ дороги, а можетъ-быть также—отъ роли гроз-

наго Арабинъ - тойона... Казалось, онъ хочетъ просто отдохнуть, напиться чаю, прилечь... Теперь онъ стоялъ, слегка опустившись, съ соннымъ лицомъ, въ ожиданіи свѣта. Только по временамъ въ мутныхъ глазахъ загоралось нетерпѣніе, да еще... г. Кругликовъ совсѣмъ не былъ похожъ на того маленькаго, невзрачнаго и смѣшного человѣчка, который еще вчера униженно просилъ пожалѣть его и не требовать лошадей. Теперь онъ былъ угрюмъ, серьезенъ и сдержанъ. Движенія его были неторопливы и полны какой-то рѣшимости. Онъ даже какъ будто выросъ. Повидимому, вчерашній разговоръ, большое количество водки, пары которой только проходили черезъ его голову, разгоряченную старыми растрепожанными воспоминаніями, и ночь безъ сна — все это не прошло для г. Кругликова даромъ.

— Чортъ возьми! — произнесъ Арабинъ нетерпѣливо. — Шевелись тамъ!

— Покорнѣйше прошу потише, здѣсь проѣзжающіе, — спокойно отвѣчалъ Кругликовъ.

Арабинъ снималъ свою шапку и, когда снялъ ее, то въ его черныхъ глазахъ сверкнуло что-то вродѣ изумленія. Однако, онъ все еще, повидимому, старался удержаться.

— Самоваръ! — буркнулъ онъ, кидая доху и садясь къ столу.

— Готовъ.

— Лошадей!

— Пожалуйте прогоны.

Голова Арабина, низко остриженная, съ тонкими,

слегка торчащими по-монгольски ушами, повернулась тревожно и живо. Въ глазах сверкнуло уже что - то порѣзче простого удивленія. Онъ поднялся и произнесъ опять:

— Лошадей, живо!

— Прогоньте, пожалуйста, — съ какимъ-то вызывающимъ спокойствіемъ отрѣзалъ г. Кругликовъ.

Вблизи меня что-то зашевелилось. Проснувшійся Копыленковъ, полусидя на кровати, старался безъ шума натянуть какую-то принадлежность костюма съ такимъ видомъ, будто на станціи начинался пожаръ. Его шея была вытянута, простодушно - хитрые глаза сверкали въ полутьмѣ отъ испуга и любопытства.

— Ну, что-то будетъ, — наклонясь вдругъ ко мнѣ, прошепталъ онъ, — бѣда!... И отчаянный же этотъ Кругликовъ... Помни, братецъ ты мой, мы съ тобой ничего не видали, — въ свидѣтели еще попадешь...

Только теперь, послѣ этихъ словъ, я сообразилъ положеніе вещей... Спрашивать у г. Арабина, извѣстнаго и грознаго Арабынъ-тойона, прогоньте, да еще такимъ рѣшительнымъ тономъ, да еще какъ условіе подачи лошадей, — это была со стороны смиреннаго, пріютившагося подъ дикими горами, Атъ-Давана неслыханная дерзость. Арабынъ вскочилъ, сердито дернулъ къ себѣ сумку, выхватилъ какую-то бумагу и порывисто швырнулъ ее Кругликову. По всему было видно, что онъ, усталый и разбитый, хочетъ удержаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, что ему теперь тяжела и непріятна роль грознаго Арабынъ-тойона, въ этотъ поздній часъ, на тепломъ и освѣщенномъ Атъ-Даванѣ.

Но онъ не хотѣлъ также платить прогоны, тѣмъ болѣе, что эта тихая, смиренная Лена имѣеть одну особенность: заплати г. Арабинъ на Ать-Даванъ — и его престижъ сразу падеть, и уже всюду, на протяженіи трехъ тысячъ верстъ, ямщики отъ станка до станка разнесутъ извѣстіе, что улаханъ-Арабынъ-тойонъ сдался и платить... И всюду уже съ него неотступно потребуютъ тоже прогоновъ. Онъ, вѣроятно, надѣялся еще, что Кругликовъ забылъ, кто онъ такой, и бумага ему напомнитъ. Но вышло еще хуже.

Кругликовъ, все также не торопясь, развернулъ бумагу, прочиталъ ее внимательно, долго переводилъ глаза отъ строки къ строкѣ и потомъ сказалъ:

— Здѣсь вотъ сказано: «на четверку лошадей за прогоны». А вы берете шестерку подъ двѣ повозки и не изволите платить прогоновъ. Незаконно-съ...

Голось его звучалъ тоже спокойно, но онъ какъ будто разнесся по всему Ать-Давану. Шумъ, которымъ былъ половъ станокъ, пріостановился, ямщики тѣснились съ робкимъ интересомъ къ дверямъ, ведущимъ изъ ямщицкой въ горницы, Копыленковъ притаилъ дыханіе.

Арабинъ встрепенулся, окинулъ станокъ вспыхнувшимъ взглядомъ, выпрямился, стукнулъ кулакомъ по столу и по лицу его пробѣжало злобщее выраженіе.

— Молчать! — крикнулъ онъ. — Это что... бунтъ?

— Никакого бунту-съ... по закону. Что, въ самомъ дѣлѣ, до коихъ поръ...

Кругликовъ не успѣлъ окончить. Сильный ударъ сва-

лилъ его съ ногъ... Арабинъ кипулся было къ лежащему...

Я вбѣжалъ въ ту комнату и остановился. Арабинъ стоялъ противъ меня, удивленный моимъ неожиданнымъ появленіемъ. Это, вѣроятно, спасло и Кругликова, и самого Арабина отъ дальнѣйшихъ послѣдствій его изступленія. Блѣдное лицо его подергивалось, въ глазахъ бѣгло что-то безпокойное и больное. Казалось, казацкій хорунжій, забывшій на Ленѣ о томъ, что онъ только казацкій хорунжій, и самъ уже отвыкъ представлять себя иначе, какъ Арабинъ-тойономъ, могучимъ и грознымъ, съ головой выше приленскихъ сопокъ. И вдругъ мое появленіе перенесло его въ Иркутскъ, въ низкую комнату, гдѣ голова хорунжаго далеко не достигала потолка и не поднималась выше десятковъ другихъ, самыхъ обыкновенныхъ головъ.

Однако, Ать-Даванъ не замѣтилъ ни этой растерянности, ни этого душевнаго движенія. Онъ видѣлъ только ударъ, видѣлъ, что писарь лежалъ на полу. Двери изъ ямской захлопнулись, на дворъ опять началась бѣготня. Изъ нашей комнаты слышался притворный храпъ Михайла Ивановича...

Очевидно, бунтъ въ Ать-Даванѣ прекратился, и Арабинъ-тойонъ остался для Ать-Давана тѣмъ же могучимъ и грознымъ, о которомъ недавно пѣла пѣсня.

Черезъ нѣсколько мгновений Кругликовъ поднялся съ полу, и тотчасъ же мои глаза встрѣтились съ его глазами. Я невольно отвернулся. Во взглядѣ Кругликова было что-то до такой степени жалкое, что у меня сжалось серд-

це,—такъ смотреть только у насъ на Руси!... Онъ всталъ, отошелъ къ стѣнѣ и, прислонясь плечомъ, закрылъ лицо руками. Фигура опять была вчерашняя, только еще болѣе убитая, приниженная и жалкая.

Женщина торопливо внесла самоваръ, искося и съ жалостью кинувъ на хозяина быстрый взглядъ... Арабинъ, тяжело дыша, усѣлся за самоваръ.

— Я вамъ покажу бунтовать! — ворчалъ онъ. Дальше разобрать было трудно. Слышно было, однако, какое-то упоминаніе о «свидѣтеляхъ», которымъ г. Арабинъ совѣтовалъ отправиться ко всѣмъ чертямъ, и еще что-то въ томъ же родѣ.

IX.

Между тѣмъ, въ полутьмѣ нашей комнаты Михайло Ивановичъ Копыленковъ спѣшно заканчивалъ свой туалетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ появился въ дверяхъ, одѣтый, застегиваясь, покашливая и стараясь изобразить на лицѣ привѣтливую улыбку.

Арабинъ взглянулъ на это неожиданное появленіе съ выраженіемъ сердитаго недоумѣнія. Повидимому, онъ не могъ понять сразу, что нужно этому улыбающемуся, подпрыгивающему на ходу и клappaющемуся незнакомцу, однако пріятныя улыбки и поклоны озадачивали его и предупреждали вспышку не утихшей еще свирѣпости. Онъ подносилъ слегка дрожащею рукой блюдо съ горячимъ чаемъ и искося слѣдилъ за маневрами Копыленкова.

— Вамъ что надо?—вдругъ отчеканилъ онъ рѣзко, ставя блюдо на столъ.

Копыленковъ чуть-чуть дрогнулъ, но тотчасъ же опять принялъ прежнее выраженіе открытой любезности.

— Собственно ничего-съ. Почтеніе засвидѣтельствовать... Не изволили признать, видно... У Лёвъ Степановича, у горнаго исправника, если изволите вспомнить, имѣли разговоръ и даже-съ дѣльце одно происходило...

— А-а!... Ну, такъ,—произнесъ Арабинъ, опять принимаясь за чай.—Теперь помню.

— Именно-съ,—обрадовался Копыленковъ. — А могу побезпокоить вопросомъ, по какому болѣе дѣлу изволили...

— Не ваше дѣло!

— Это справедливо,—смиренно согласился Михайло Ивановичъ.

Бѣдняга не могъ понять, что самое упоминаніе объ Иркутскѣ, о горномъ исправникѣ, обо всѣхъ этихъ будничныхъ дѣлахъ не могло быть пріятно Арабинъ-той-ону, все еще находившемуся въ эпическомъ, сказочномъ мірѣ.

— Справедливо-съ,—въ раздумѣ еще разъ произнесъ Копыленковъ и, чтобъ удержать позицію, прибавилъ:—Сердиться изволили тутъ мало-мало... Да ужъ истинно, что въ здѣшнихъ мѣстахъ ангелъ и тотъ разсердится. Вѣрно.

Онъ покосился въ сторону Кругликова и вздохнулъ:

— Необразованность!

Однако и это не помогло. Арабинъ не обратилъ на

него вниманія, допилъ стаканъ, вынулъ книжку, что-то записалъ въ ней, потомъ торопливо одѣлся, рванулся къ двери, потомъ остановился, взглянулъ, нѣтъ ли въ дверяхъ кого-либо изъ ямщиковъ, и, будто обдумавъ что-то, вдругъ рѣзкимъ движеніемъ швырнулъ деньги. Двѣ бумажки мелькнули въ воздухѣ, серебро со звономъ покатилося на полъ. Арабинъ исчезъ за дверью и черезъ минуту колокольчики бѣшено забили на рѣкѣ подъ обрывомъ.

Все это было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что всѣ мы, трое безмолвныхъ свидѣтелей этой сцены, не сразу сообразили, что это значить. Какъ всегда въ денежныхъ вопросахъ, первый, однако, догадался Копыленковъ.

— Уплатилъ!— произнесъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.—Слышь ты, Кругликовъ? Вѣдь это, смотри, прогоны. Ахъ ты, братецъ мой!... Вотъ такъ исторія!

Изъ ямщиковъ никто не былъ свидѣтелемъ этой уступки со стороны грознаго Арабинъ-тойона.

Х.

Позднимъ утромъ слѣдующаго дня мы съ Копыленковымъ опять усаживались въ свой возокъ. Морозъ не уменьшался. Изъ-за горъ, синѣвшихъ въ морозномъ туманѣ за рѣкой, блѣдными столбами прорывались лучи восходящаго солнца. Лошади бились и ямщики съ трудомъ удерживали озябшую тройку.

На Ать-Даванѣ было грустно, сѣро и тихо. Кругли-

ковъ, подавленный обрушившеюся вчера невзгодой, угнетенный и приниженный, проводилъ насъ до саней, вздрагивая отъ холода, похмѣлья и печали. Онъ съ какимъ-то подобострастіемъ подсаживалъ Копыленкова, запахивалъ его ноги кошмой, задерживалъ пологомъ.

— Михайлъ Иванычъ,—произнесъ онъ съ робкою мольбой,—будьте благодѣтель, не забудьте насчетъ мѣстечка-то. Теперь ужъ мнѣ здѣсь не служить! Сами видѣли, грѣхъ какой вышелъ...

— Хорошо, хорошо, братецъ!—какъ-то неохотно отвѣтилъ Копыленковъ.

Въ эту минуту ямщики, державшіе лошадей разскочились въ стороны, тройка подхватила съ мѣста и мы поехали по ледяной дорогѣ. Обрывистый берегъ убѣгалъ назадъ, туманныя сопки, на которыя я глядѣлъ вчера,—таинственныя и фантастическія подъ сіяніемъ луны,—надвигались на насъ теперь—хмурья и холодныя.

— Ну, что-жь, Михайлъ Иванычъ,—спросилъ я, когда тройка побѣжала ровнѣе,—доставите вы ему мѣсто?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Копыленковъ равнодушно.

— Но почему же?

— Вредный человѣкъ-съ, самый опасный, д-да!... Вы вотъ разсудите-ка объ его поступкахъ. Ну, захотѣлъ онъ тогда въ Кронштадтъ-то въ этомъ начальника уважить—и уважь! Отказался бы въ-чистую отъ невѣсты и былъ бы вѣкъ свой счастливъ. Мало ли ихъ, невѣстовъ этихъ! Отъ одной отступился,—взялъ другую, только и было. А его бы за это человѣкомъ сдѣлали. Нѣтъ, онъ, вотъ, посмотрите какъ уважилъ... изъ пистолета! Ты, братецъ,

суди по человѣчеству: ну, кому это можетъ быть пріятно? И что это за поведеніе за такое?... Сегодня онъ васъ такъ уважилъ, а завтра меня.

— Да, вѣдь, это давно было. Теперь онъ не тотъ.

— Нѣтъ, не скажи! Послушалъ ты, какъ онъ вчера съ Арабинимъ-то разговаривалъ?...

— Я слышалъ: требовалъ прогоны,—это его обязанность.

Копыленковъ повернулся съ досадой ко мнѣ.

— Вѣдь, вотъ, умный ты человѣкъ, а простого дѣла не понимаешь. Прогоны!... Нешто онъ ему одному не платилъ? Чай онъ, можетъ, сколько тысячей верстъ ѣхалъ, нигдѣ не платилъ. На вотъ, ему подавай, велика птица!

— Обязанъ платить.

— Обязанъ! Кто его обязалъ-то, не вы ли съ Кругликовымъ со своимъ?

— Законъ!

— За-а-конъ... То-то вотъ и онъ вчера заладилъ: законъ. Да онъ знаетъ ли еще, какое это слово: «законъ»?

— Какое?

— А такое: разъ ты его скажи, десять разъ про себя поддержи, пока не спросятъ. А то, вишь ты, развеличался: законъ, по закону!... Дубина ты, а не законъ тебѣ!

Видя, что Михайло Ивановичъ начинаетъ сердиться выше всякой мѣры, и опасаясь, чтобъ окончательно не испортить дѣла, я попробовалъ зайти, въ интересъ Кругликова, съ другой стороны.

— Однако, вспомните, Михайлъ Иванычъ, вѣдь, вы же ему обѣщали.

— Мало ли что общался... Разжалобился, оттого и общался...

— Подымай!—крикнулъ вдругъ Михайло Ивановичъ, такъ какъ возокъ, скользя съ наклонной льдины, опять опрокинулся и опять Михайло Ивановичъ очутился подомной.

Пришлось выйти. Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ борьба рѣки съ морозомъ была особенно сильна: огромныя бѣлыя, холодныя, льдины обступили насъ кругомъ, закрывая перспективу рѣки. Только по сторонамъ дикія и даже страшныя въ своемъ величїи горы выступили рѣзко изъ тумана, да вдали, надъ хаотически-нагроможденнымъ торосомъ, тянулась едва замѣтная бѣлая струйка дыма...

Это, должно-быть, и былъ Атъ-Даванъ.

ЧЕРКЕСЪ.

Очеркъ.

1.

— Иванъ Семенычъ, а Иванъ Семонычъ!...

— Ммм...—послышалось въ отвѣтъ изъ глубины повозки.

— Только и есть у нихъ: мычать, какъ коровы. У-у, падалъ, прости Господи, а не унтеръ, чтобъ васъ извило!...

Я не видалъ лица унтеръ-офицера Чепурникова, проносившаго злобнымъ голосомъ эти слова, но ясно представлялъ себѣ его сердитое выраженіе и даже сверкающій глубокою враждой взглядъ, устремленный въ томъ направленіи, гдѣ предполагалось неподвижное, грузное тѣло унтеръ-офицера Пушныхъ.

Ночь была темна, а въ нашей повозкѣ, конечно, еще темнѣе. Колеса стучали по крѣпко замерзшимъ колеямъ, надъ головой чуть маячилъ переплетъ обтянутаго кожей верха; онъ казался темнымъ полукругомъ, и трудно было

даже разобрать, дѣйствительно ли это переплетѣ надъ самую головой, или темная туча, несущаяся за нами въ вышинѣ. Фартукъ былъ задернуть, и въ небольшое пространство, оставшееся открытымъ, то и дѣло залетали къ намъ изъ темноты острыя снѣжинки, коловшія лицо точно иглами.

Дѣло было въ ноябрѣ, въ распутицу. Мы ѣхали къ Якутску; путь предстоялъ длинный, и мы мечтали о санной дорогѣ. На станціяхъ обнадеживали, что отъ Качуга по Ленѣ уже ѣздить на саняхъ, но пока насъ немилосердно трясло по замерзшимъ колеямъ.

Унтеръ-офицеръ Чепурниковъ отдернулъ фартукъ. Рѣзкая струя вѣтра ворвалась къ намъ, и Пушныхъ зашевелился.

— Ямщикъ! Что, еще далече до станціи?

Ямщикъ нашъ былъ одѣтъ въ пеструю и мохнатую собачью доху, а такъ какъ темныя пятна этой дохи сливались съ темною же, какъ чернила, ночью, то на облучкѣ намъ виднѣлась лишь странная куча бѣлыхъ заплатокъ, что производило самое фантастическое впечатлѣніе.

— Верстовъ еще съ десять,— послышалось оттуда.

— Хлопаешь зря: ѣдемъ-ѣдемъ—все десять верстовъ. Чепурниковъ нервничалъ и сердился.

Ямщикъ равнодушно пробурчалъ что-то, нѣсколько придержалъ лошадей и набилъ трубку. Мгновенно вспыхнувшій огонекъ освѣтилъ невѣроятной формы мохнатую шапку, обмерзшее лицо, отвернувшееся отъ вѣтра, и скрючившіяся отъ мороза руки.

— Ну, ты, поѣзжай, что ли!—сказаль Чепурниковъ съ холоднымъ отчаяніемъ.

— Сьчасъ!

Огонекъ погасъ и на облучкѣ опять замелькало только созвѣздіе изъ бѣловатыхъ пятенъ.

Телѣга качнулась, мы задернули фартукъ и вновь по-неслись впередъ, среди холода и темноты.

Чепурниковъ нервно ворочался и вздыхаль, Пушныхъ сладко всхрапываль. Этотъ гарнизонный счастливецъ обладалъ завидною способностью засыпать мгновенно при всякихъ обстоятельствахъ, и это служило главною причиною глубокой ненависти, которую питаль къ нему, несмотря на недавнее знакомство, его дорожный товарищъ. Послѣдній пытался доказывать неоднократно, что Пушныхъ не имѣеть никакого «полнаго права» своею грузною фигурой занимать бѣольшую половину мѣста, назначеннаго для троиухъ. Пушныхъ при этомъ жмурился и стыдливо улыбался. Онъ позволяль даже Чепурникову всячески тиранить себя каждый разъ при усаживаніи въ повозку. Желчный унтеръ-офицеръ порывисто запихиваль куда-нибудь его ноги, подбираль и укладываль руки, заталкиваль въ самый дальній уголь его спину, гнулъ его и выворачиваль, точно имѣль дѣло съ тюфякомъ, а не съ живымъ человѣкомъ.

— Вотъ... вотъ!... такъ... этакъ!...—приговариваль Чепурниковъ, толкая и пихая какую-нибудь часть рыхлой фигуры товарища.—Р-раздуло васъ, прости Господи, горой!...

Пушныхъ конфузливо и виновато улыбался.

— Чѣмъ же я, Василь Петровичъ, въ эфтимъ случаѣ... Мы всё, то-есть, родомъ экіе... Ой, Василь Петровичъ, ты мало-мало полегче пихайся...

Чепурниковъ окидываль взглядомъ свою упаковку и оставался недоволенъ.

— Безз-совѣстные!—ворчалъ онъ.

Надо замѣтить, что оба мои спутника принадлежали къ разнымъ родамъ оружія, и Чепурниковъ, какъ жандармъ, считалъ себя неизмѣримо выше Пушкиныхъ уже тѣмъ, что его служба вмѣняла въ обязанность тактичное и вѣжливое обращеніе. Поэтому онъ обращался даже къ Пушкиныхъ не иначе, какъ во множественномъ числѣ, хотя при этомъ высказывался нерѣдко довольно безцеремонно: «безз-совѣстные вы эдакіе чурбаны!» — говорилъ онъ, напримѣръ.

Но, въ сущности, всё мы понимали, что совѣсть тутъ не при чемъ. Особенно же когда, проѣхавъ версты полторы, Пушкиныхъ засыпалъ какъ камень,—тутъ ужъ вступали въ силу положительно одни физическіе законы: Пушкиныхъ, какъ тѣло наиболѣе грузное, опускался на дно повозки, вытѣсняя насъ кверху.

То же случилось и въ эту холодную ночь. Чепурниковъ жался къ краю повозки, я кое-какъ сидѣлъ въ серединѣ, стараясь какъ-нибудь не задавить Пушкиныхъ, который все соваль подъ меня голову съ безпечностью соннаго человѣка. Я всматривался въ темпоту; какія-то фантастическія чудовища неясно проползали въ вышинѣ, навѣвая невеселыя думы.

— Ну, и командировка выдалась!.. Не фартить мнѣ,

да и только!—сказаль Чепурниковъ съ глубокою грустью и съ очевидною жаждой сочувствія.

Мнѣ было не до сочувствія. Для меня эта «командировка» была еще менѣе удачной, и мнѣ казалось, что это у меня на душѣ проплываютъ одни за другими безформенные призраки, которые неслись тамъ, въ вышинѣ.

— Эхъ, и чтобы мѣсяцемъ раньше! Купилъ бы я въ Качугѣ шитикъ, поставилъ бы парусъ—и катай себѣ внизъ по Ленѣ до самаго Якутска. Вѣдь это, какъ вы думаете, экономія?

— Конечно, экономія.

— То-то, вотъ, что экономія... А какъ по-вашему, сколько?...

— Не знаю.

— А вотъ погодите, рассчитаемъ. Три тысячи версть. по четыре съ половиной копѣйки, это выходитъ по сту по тридцати пяти рублей съ лошади. Ежели теперь на четверку, да на обратный путь хоть, скажемъ, на двѣ лошади... Поэтому экономія составляетъ сотъ восемь рублей на однихъ прогонахъ. Такъ, или нѣтъ?

Чепурниковъ рассчитывалъ съ какимъ-то сладострастнымъ наслажденіемъ и потомъ сказалъ со злостью:

— А теперь вотъ и за одну лошадь, смотрите, останется ли? Вспомните мое слово: стануть намъ дальше и четвертую лошадь припрягать. Такой подлець народъ сталь, такой подлець—и сказать вамъ не могу. Это что-бы служащему челоуѣку сколько-нибудь уважить, — никогда!

Мнѣ отъ этихъ расчетовъ было ни тепло, ни холодно.

Пушныхъ напомнилъ о себѣ сладкимъ мычаньемъ сквозь сонъ.

— Да вотъ тутъ еще съ этимъ дѣлись, съ чурбаномъ! — желчно закончилъ Чепурниковъ. — А спрашивается теперь: за что?

Онъ смолкъ. Темная дорожная ночь тянулась безъ конца, а колокольчикъ, казалось, бился и стоналъ на одномъ мѣстѣ. Туманы продолжали ползти въ вышинѣ какими-то смутными паяеками на что-то грустное. Чепурниковъ вздыхалъ и злился рядомъ со мной, продолжал раздражать себя расчетами экономіи, утеранной только потому, что меня Богъ не послалъ ему мѣсяцемъ ранѣе.

Но вотъ повозка быстро забила на ухабахъ, колокольчикъ заболталъ что-то несвязное, послышался хриплый лай ленскихъ собакъ, болѣе похожій на какой-то очень жалобный вой, и въ промежуткѣ между фартукомъ и верхомъ повозки проплылъ яркій огонь фонаря, раскачиваемаго вѣтромъ на верхушкѣ полосатаго столба.

Станція.

Я сталъ выбираться изъ повозки, разминая отеки члены. Чепурниковъ захватилъ узелокъ съ провизіей и сталъ безцеремонно тормозить Пушныхъ. Послѣ нѣсколькихъ пинговъ, безнечный унтеръ-офицеръ промычалъ что-то, зѣвнулъ протяжно и сладко и сталъ вываливаться изъ телѣги.

— Полоски (сабли) захватите, — крикнулъ ему Чепурниковъ на ходу, — да револьверы!

Но Пушныхъ въ эту минуту, стоя уже на землѣ и

заложивъ руки за голову, сладко тянулся, хрустя суставами, и зѣвалъ.

Когда онъ вошелъ, черезъ минуту, въ теплую станціонную комнату, потирая, по-дѣтски, кулаками заспанные глаза, въ рукахъ у него не было ни «полосокъ», ни револьверовъ, которые остались въ повозкѣ.

II.

Я сѣлъ къ столу и, облокотившись на него, смотрѣлъ передъ собою, отдаваясь ощущенію тепла и отдыха. Глаза мои были открыты, но всѣ предметы принимали для меня какія-то фантастическія формы. Стѣны комнаты раздвигались, и я опять видѣлъ себя далеко на дорогѣ, въ темной повозкѣ. Только въ углу повозки пріютилось теперь какое-то странное животное на четырехъ изогнутыхъ ножкахъ; оно сердито шипѣло на меня, фыркало и лязгало зубами, сквозь которые пробивалось пламя, пылая на меня жаромъ. Отъ этого я начиналъ ужасно грустить, и тогда глаза мои инстинктивно искали на стѣнѣ картину, изображающую возвращеніе блуднаго сына. Блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ, а старикъ-отецъ протягиваетъ надъ нимъ благословляющую руку. У старика было доброе лицо и онъ такъ благосклонно глядѣлъ, а быть - можетъ еще и до сихъ поръ глядѣть на проѣзжающихъ со стѣнъ всѣхъ станцій, на протяженіи всей Лены. Почтенный старецъ! Онъ столько разъ и такъ радушно встрѣчалъ меня своимъ благословляющимъ жестомъ, что я по-

ложительно привязался къ нему и, входя на любую станцію, утомленный угрюмыми приленскими видами, тотчас же разыскивалъ его глазами. И въ эту минуту я стремился къ нему подъ защиту. Тутъ ли онъ? Да, онъ тутъ и, значить, я не на холоду, а въ свѣтлой комнатѣ, и сердитое животное, пыхающее огнемъ — только желѣзная печурка, жарко натопленная листовичными дровами. Да, старикъ тутъ и, значить, у меня есть добрый знакомый въ этомъ далекомъ и непривѣтливомъ краю, въ этомъ маленькомъ домикѣ съ полосатыми столбами, приютившемся у подножя угрюмыхъ и мрачныхъ хребтовъ.

Пушныхъ, положивъ руки на столъ и голову на руки, тихонько всхрапывалъ, а Чепурниковъ суетился одинъ, то подкладывая дровъ, то распорядясь относительно самовара. Наконецъ, онъ удалился за перегородку, и черезъ минуту оттуда послышался сначала просто любезный, а потомъ и дружескій разговоръ.

— Я очень доволенъ; я даже такъ рассуждаю,—говорилъ писарь,—что васъ ко мнѣ самъ Богъ послалъ, право... Можете вѣрить слову.

Подъ дальнѣйшій тихій шепотъ новыхъ пріятелей я совсѣмъ заснулъ.

Кто-то тронулъ меня за руку. Я открылъ глаза и не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Надо мной стоялъ Чепурниковъ и на его обыкновенно подвижномъ лицѣ теперь лежало какое-то застывшее выраженіе. Онъ трогалъ мою руку, а самъ смотрѣлъ въ окно. Я невольно посмотрѣлъ туда же, но ничего особеннаго не увидѣлъ. Въ

стекла глядѣла ночь, и только пушистыя снѣжинки, налетая изъ мрака, садились снаружи на черныя стекла и тотчасъ же таяли. Казалось, какія-то бѣлыя насѣкомыя съ любопытствомъ заглядываютъ въ нашу комнату и черезъ мгновеніе безшумно отлетаютъ въ темноту, чтобы сообщить кому-то о томъ, что они увидѣли въ станціонной избушкѣ...

— Что такое?—спросилъ я съ невольною тревогой.

Чепурниковъ сѣлъ на стулъ и съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ перевелъ на меня свои каріе глаза.

— А-а, господинъ...—сказалъ онъ тономъ довѣрія.—У насъ тутъ такое дѣло налаживается, просто ужъ и не знаю. Въ одинъ день человѣкомъ сдѣлаешься!

— Человѣкомъ?—переспросилъ я, все еще не отряпвшись отъ сна.—Что-жь, это отлично!

— Вѣрно, въ одинъ день, господинъ!...—и Чепурниковъ вперилъ въ меня долгій, въ душу проникающій взглядъ.—Можете вы,—спросилъ онъ затѣмъ,—можете ли вы понимать служащаго человѣка?

— Ну?

— Служащему человѣку требуется голову свою какъ-нибудь прокормить и какой-нибудь дивидендъ себѣ приобрѣсти. Такъ ли я говорю, ай нѣтъ?

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ дѣло,—ночевать здѣсь придется!

— Ну, и прекрасно.

— То-то. А не быть бы мнѣ въ отвѣтъ, потому намъ по инструкціи воспрещается... Такъ ужъ вы, въ случаѣ чего, ни-ни... Такъ, дескать, встрѣтились, только и всего... На станкѣ, при перепряжкѣ... Поняли?

— Положимъ, ничего не понялъ. Съ кѣмъ встрѣтились?

— А вотъ погодите... Гаврилычъ, выльзай-ка сюда!

Станціонный писарь, внимательно слѣдившій за разговоромъ изъ-за перегородки, тотчасъ же вышелъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ стоптаныхъ валеныхъ калошахъ, повязанный грязнымъ шарфомъ; движенія его не лишены были нѣкоторой торжественности. Видно, что жизнь на станціи и общеніе съ «прѣзжающими господами» способствовали развитію въ немъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ наклонностей.

— Это онъ вѣрно вамъ говорить, — наклонился писарь ко мнѣ, уставляясь въ меня своими большими черными глазами, немного напоминавшими чахоточнаго. — Дѣло первой важности, — большія можно тысячи приобрѣсти...

— Вотъ!—подчеркнулъ Чепурниковъ, испытующе заглядывая мнѣ въ глаза.

Я опять протеръ глаза. Этотъ шепотъ, важный видъ говорившихъ, застывшіе взгляды и загадочныя слова казались мнѣ просто продолженіемъ какого-то безсвязнаго сна.

— Да въ чемъ, наконецъ, дѣло? — спросилъ я съ досадой.

— Въ черкесѣ-съ...—и взглядъ писаря сталъ еще многозначительнѣе. — Неужто про черкеса не слыхали? Лицо по всей Ленѣ знаменитое.

— Я здѣсь въ первый разъ.

— Извините, не сообразилъ. Позвольте, я вамъ объ-

ясню. Этотъ черкесь, да еще съ другимъ товарищемъ по спиртовому дѣлу у насъ первые... То-есть, проще вамъ сказать, спиртоносы, на приска запрещеннымъ способомъ спиртъ доставляютъ и вымѣниваютъ рабочимъ на золото. Отличныя дѣла дѣлаютъ...

— Ну-съ?

— Ну-съ, больше ничего, что завтра этотъ черкесь будетъ здѣсь...

Онъ наклонился къ моему уху.

— Золото въ Иркутскъ везетъ китайцамъ продавать... Ежели теперича самъ Богъ намъ его въ руки даетъ,— это значить Божіе благоволеніе... Третья часть въ нашу пользу, остальное въ казну...

— Понимаю... Но неужели онъ такъ безпечень, что прямо дастся вамъ въ руки?

— Какое дастся! Дьяволъ—не человѣкъ. Не въ первый разъ уже. Летитъ сломя голову, ямщикамъ на водку по рублю. Валяй! Лишь бы сзади казаки да исправникъ не пронюхали, да не нагнали. А у насъ народъ на станкахъ робкій... Да и на кого ни доведись—страшно; онъ живой не дастся. Ну, а теперь все-таки люди военные. Можно его и взять.

— Ежели намъ удастся, и вы счастливы будете, господинъ!—сказалъ Чепурниковъ, у котораго загорѣлись глаза.—Тысячи и на вашъ фартъ не пожалѣю.

— Да ужъ только бы пофартило,—все такъ же поучительно прибавилъ писарь,—а ужъ дуванить-то будетъ чего.

— Я думаю, казеннаго проценту за поимку тысячь тридцать.

— Ну, это тамъ дѣло ваше. Мнѣ никакихъ денегъ не нужно, а переночевать я согласенъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А вы, господинъ, берите, не отказывайтесь. Мы васъ обижать не согласны.

Я вышелъ изъ-за стола и сталъ укладываться на диванъ.

Перспектива провести цѣлую ночь въ теплой комнатѣ, подъ благословляющею десницею почтеннаго старца, была такъ соблазнительна, что въ моей отяжелѣвшей головѣ не было другихъ мыслей... Чепурниковъ съ писаремъ удалились за перегородку и продолжали тамъ свою бесѣду о предстоящей кампаніи.

— Вѣрно ты знаешь, что завтра?

— Да ужъ вѣрно тебѣ говорю. Болдинъ сказывалъ. Выпили мы тутъ съ нимъ, онъ и проговорился... Они меня не боятся, потому я и самъ въ прежнія времена, признаться сказать...

— А трудно...—слышалось черезъ минуту.

— Трудно. Храбрость имѣеть большую. Черкесь настоящій, молодчина!

— Отчаянный?

— Да ужъ безъ засады не взять.

— А какъ ничего нѣту?

— Чудакъ! Вѣдь ужъ мнѣ тогда здѣсь не житье,—неужто стану рисковать?

Я заснулъ. Мнѣ казалось, что я забылся только на мгновеніе, но, очевидно, прошло довольно много времени. На станціи было тихо, на столѣ стоялъ самоваръ

и чайные приборы. Очевидно, мои спутники успѣли напиться чаю и улеглись спать. Свѣча была погашена, и только желѣзная печка освѣщала комнату вспышками пламени...

— Гавриловъ!— послышался вдругъ тихій окликъ Чепурникова.— Не спите?

— Не сплю.

— А знаете, я, вѣдь, рассчиталъ.

— Ну?

— Тридцать двѣ тысячи восемьсотъ сорокъ рублей пятьдесятъ копѣекъ.

— Н-да,— сказалъ Гавриловъ изъ своего угла,— капиталъ хорошій. Только бы Богъ помогъ.

— Дай-то Господи! Капиталъ отличный. Вотъ бы Марѳа моя Степановна обрадовалась!

— Н-да. Возымѣли-бъ мы съ тобой хорошую копѣчку...

Сильнымъ сопѣніемъ Пушныхъ напомнилъ собесѣдникамъ о своемъ существованіи.

— Ишь сопить, свинья!— съ презрѣніемъ сказалъ Чепурниковъ. — А, вѣдь, и ему придется дать.

И черезъ полминуты онъ добавилъ съ закипающею досадою:

— Спрашивается: съ какой стати?

Опять тишина.

— Гавриловъ, а Гавриловъ!

— Что?

— А вы вѣрно знаете, сколько съ нимъ золота?

— Вѣрно. По этому самому расчету они ужь и разду-

ванили въ тайгѣ. Черкесь съ Мандрыковымъ за себя весь песокъ взяли.

— Гм... Жалко!

— Что тебѣ жалко?

— Маловато выходитъ.

— Что такъ?

— Да такъ, не хватаетъ мнѣ мало-мало по моимъ расчетамъ. Еще бы мнѣ тысячки хоть три, я бы на Горѣ у вдовы у Мятусовой домикъ купилъ. Славный домикъ, съ огородомъ и съ мензелинчикомъ. А теперь придется у Степанова купить. Тоже домикъ ничего, а нѣтъ того виду... Тотъ на господскую ногу... Я, вѣдь, службу-то брошу...

— Бросишь?

— Ну ее! Съ капиталомъ какая надобность? Теперь я передъ каждымъ офицеромъ тянусь, а тогда онъ у меня, офицеръ, на чашку кофею будетъ званъ. Такъ, ай нѣтъ?

— Пустое!—сказалъ писарь рѣшительно.

— Какъ пустое?

— Такъ, суета, честолюбіе одно, — подтвердилъ Гавриловъ философски. — Думаешь хорошо: станешь ты по этой причинѣ форсить, носъ кверху драть? Нѣтъ, братъ, хорошаго тутъ мало...

Я насторожилъ уши. Писарь говорилъ тихо и голосъ у него мнѣ показался чрезвычайно пріятнымъ. Я усталъ отъ холоднаго, угрюмаго пути и отъ этихъ жесткихъ, наивно-грабительскихъ разговоровъ. Мнѣ показалось, что я наконецъ, услышу человѣческое слово. Мнѣ вспомни-

лись большіе глаза Гаврилова, и въ ихъ выраженіи теперь чудилась мнѣ человѣческая мечта о счастіи...

— Вотъ ты какъ разговариваешь,—сказалъ нѣскольکو озадаченный Чепурниковъ.—Ну, а ты что станешь дѣлать?

— Я?... Мнѣ бы привелъ Господь, я бы женился.

— А ты развѣ не женатый?

Гавриловъ сдѣлалъ на своей постели нетерпѣливое движеніе.

— Ты знаешь ли,—спросилъ онъ рѣзко,—почемъ въ нашей сторонѣ пудъ хлѣба?

— Пожалуй, не два ли съ полтиной...

— То-то. Такъ неужто же при нашихъ достаткахъ жениться?

— А ты бы другого мѣста искалъ.

— Бывалъ и въ другихъ мѣстахъ. Не фартитъ. На приискахъ служилъ и спиртъ нашивалъ... Только и нажилъ, что лому въ погахъ. Нѣтъ, по нашему мѣсту надо совсѣмъ безсовѣстному человѣку быть, тогда станешь богатъ...

— А невѣста есть?

Гавриловъ молчалъ. Слабый огонекъ его цыгарки какъ-то задумчиво вспыхивалъ и угасалъ за перегородкой. Писарь курилъ и мечталъ.

— Поглядываю тутъ на одну. Да что! Я бѣденъ, она и того бѣднѣе. Такъ и не говорилъ ей ни разу... Другое бы дѣло, кабы Богъ помогъ... Уѣхали бы мы съ ней изъ этого гиблаго мѣста, зажали бы себѣ тихонько, свое бы дѣльце завели.

— Какое бы ты дѣло сталъ заводить?

— Я-то?

— Да.

Опять Гавриловъ замолчалъ, какъ будто не рѣшаясь посвятить Чепурникова во святая святыхъ своихъ мечтаній.

— Кабакъ въ своемъ мѣстѣ открылъ бы,—сказалъ онъ вдругъ рѣшительно.—Чего мнѣ лучше? Спокой!... А народъ у насъ къ вину наваженный...

III.

Огонь въ печкѣ угасалъ. Какъ это часто случается послѣ сильной усталости, я спалъ плохо. Забываясь на половицу, я терялъ минутами сознание времени, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно слышалъ порывы вѣтра, налетавшаго съ ленской стороны, слышалъ, какъ онъ шипитъ снаружи у стѣнъ и сыплеть снѣгомъ въ окна.

Вдругъ съ однимъ изъ этихъ порывовъ до меня долетѣлъ слабый звонъ колокольчика. Звукъ этотъ чуть коснулся слуха и тотчасъ же потонулъ въ шипѣнии метели. Но черезъ минуту онъ повторился, опять исчезъ и потомъ зазвенѣлъ яснѣе, дольше, съ короткими перерывами. Чуткій Гавриловъ поднялся за перегородкой, зажегъ свѣчу и кинулъ нѣсколько полѣненьевъ въ печку.

— Охъ-хо-хо!—зѣвнулъ онъ и перекрестилъ при этомъ ротъ.—Господи-Владыко, Царица моя небесная!... Кого еще Богъ даетъ,—ужь не почтмейстеръ ли?

Дверь отворилась. Староста въ дохѣ и теплой шапкѣ появился на порогѣ съ ручнымъ фонаремъ.

— Проѣзжающіе, Степанъ Гаврилычъ! Слышите, что-ль?

— Слышу. Пожалуй, не почтмейстеръ ли изъ Киренска. Торопи ямщиковъ на всякій случай. Чтобъ безъ задержки.

— Выкатили. Лошадей хомутають.

— Чтобы живо!

— Единымъ духомъ...— и голова старосты исчезла за дверью.

— А?... Что тутъ такое?— востропнулся вдругъ Чепурниковъ и сѣлъ на полу, тревожно бѣгая по комнатѣ глазами.

— Ничего. Проѣзжающіе.

— Черкесь?

— Какой тебѣ черкесь... Спи-ложись.

Чепурниковъ упалъ на подушку. Опъ спрашивалъ сквозь сонъ.

Стукъ копытъ и звонъ колокольчика стихли у воротъ.

Слышно было, какъ ямщики торопливо выпрягаютъ лошадей, побрякивая снимаемымъ колокольчикомъ, и еще по временамъ доносился со двора чей-то рѣзкій, повелительный голосъ.

Заслышавъ этотъ голосъ, Гавриловъ вдругъ насторожился и стоялъ нѣсколько секундъ удивленный и неподвижный, съ полуоткрытою станціонною книгой въ рукахъ. Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги; Гавриловъ вздрогнулъ.

Дверь отворилась, староста просунулъ голову и сказалъ:

— Черкесь это прїѣхалъ.

Писарь поблѣднѣлъ и какъ-то метнулся къ Чепурникову, но тотъ уже вскочилъ, какъ ужаленный, сѣлъ на стуль и протиралъ глаза.

— А, что? Гдѣ черкесь? Да вставайте же вы, лежебоки!...

Хотя онъ говорилъ во множественномъ числѣ, но восклицаніе относилось къ одному Пушныхъ, лежавшему на полу у его ногъ. Несмотря на вѣжливую форму обращенія на «вы», онъ толкнулъ грузнаго унтеръ-офицера такъ сильно, что тотъ сразу обнаружилъ признаки жизни. Онъ замычалъ, всталъ на четвереньки и сталъ тихо подниматься, точно на спинѣ его лежала громадная тяжесть. Писарь суетился, зажигалъ зачѣмъ-то стеариновую свѣчу на столикѣ у зеркала, Чепурниковъ шарилъ по стульямъ, разыскивая подъ платьемъ оружіе... Вообще, за минуту передъ тѣмъ спавшая въ безмолвіи и темотѣ, станціонная комната теперь ожила и была полна движенія.

А на все это движеніе смотрѣлъ съ порога высокий стройный старикъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать такъ страстно ожидаемаго и все же такъ неожиданно нахлынувашаго черкеса.

IV.

Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ. Едва только староста успѣлъ отойти отъ двери, какъ она опять отворилась и черкесь, безпечно держась за ручку, занесъ ногу на порогъ. Изъ темныхъ сѣней его фигура выступила съ от-

четливую рѣзкостью. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ сухимъ и жесткимъ лицомъ, гладко обритымъ. По лицу онъ напоминалъ скорѣе пѣмца, но рыжая черкеска, подбитая мѣхомъ, и затѣмъ вся фигура, съ крутою грудью, тонкимъ станомъ и величавыми движеніями, обличали ссыльнаго горца. Онъ былъ перетянутъ тонкимъ кожанымъ поясомъ, на которомъ спереди, наискосокъ, висѣлъ красивый кинжалъ, сзади револьверъ въ кожаномъ чехлѣ и, наконецъ, толстый шнурокъ, очевидно тоже отъ револьвера, терялся въ карманѣ.

Свѣтъ ударилъ ему въ глаза; онъ прижмурился, какъ кошка, и, увидѣвъ форменныя шинели, мгновенно отшатнулся. Я замѣтилъ, какъ выраженіе вражды и, частію, испуга промелькнуло въ его черныхъ глазахъ, странно загорѣвшихся подъ сѣдыми бровями. Миѣ казалось, что я уловилъ также отбѣнокъ печали, который можно замѣтить въ глазахъ травленаго звѣря, внезапно попавшаго въ засаду. Затѣмъ онъ какъ-то инстинктивно выпрямился, быстрымъ и привычнымъ движеніемъ тронулъ ручку кинжала и еще разъ оглянулъ всю комнату, останавливая на каждомъ изъ насъ мгновенный взглядъ, острый, ясный и испытующій. Все это продолжалось двѣ-три секунды. Затѣмъ онъ шагнулъ въ комнату.

— Здравуйте!—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ, которому отчасти противорѣчили все еще безпокойно бѣгавшіе взгляды.

— А, что такое?... Да, здравствуйте, здравствуйте,—растерянно отвѣтилъ Чепурниковъ и, наклонившись къ равнодушно усѣвшемуся на стулѣ Пушныхъ, прошепѣлъ:

— Куда вы дѣвали револьверы... скоты вы этикіе?...

— Чего лаешься?—громко отвѣтил Пушныхъ.—Что съ твоими револьверами сдѣлается?... Въ повозкѣ.

Всѣ какъ-то примолкли послѣ этого отвѣта. Гавриловъ кинулъ на обоихъ солдатъ укоривненный взглядъ и качалъ головой.

— Пожалуйте вашу подорожную, — обратился онъ къ черкесу, стараясь своею развязностью покрыть неловкость. Глаза у черкеса вспыхнули, какъ у тигра, замѣтившаго опасность; онъ вынулъ изъ кармана свернутую бумагу и кинулъ ее на столъ.

— Зачѣмъ кидать... можно подать, я думаю,—обиженно сказалъ Гавриловъ.

Черкесъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе. Онъ держался чутко, на-сторожѣ. Острый взглядъ его опять быстро обѣжалъ всѣхъ находящихся въ комнатѣ и вдругъ я почувствовалъ его на себѣ. Глаза наши встрѣтились. Онъ разсмотрѣлъ мое лицо, мое платье, мой чемоданъ, стоявшій у дивана, опять взглянулъ на солдатъ и составилъ свое заключеніе; потомъ быстро придвинулъ стулъ и сѣлъ недалеко отъ меня, полуобернувшись ко мнѣ спиной, лицомъ къ остальнымъ.

Гавриловъ раскрылъ книгу, но видимо не торопился записывать подорожную. Онъ опрокидывался на спинку стула, то и дѣло заглядывая изъ-за своей перегородки въ станціонную комнату. Порой онъ дѣлалъ Пушныхъ какіе-то знаки, отъ которыхъ на жирномъ лицѣ грузнаго унтеръ-офицера проступали явственные при-

знаки изумленія. Черкесь холодно смотрѣлъ на эти маневры и игралъ рукояткой кишжала.

Между тѣмъ, сконфуженность Чепурникова прошла и юркій уштеръ офицеръ видимо подыскивалъ планъ. Онъ сѣлъ на край стула, опершись объ уголъ стола, въ позѣ, обличавшей готовность воспользоваться благоприятною минутой. Но черкесь сидѣлъ противъ него на разстояніи комнаты, зоркій, чуткій и напряженный. Тогда Чепурниковъ посмотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ. Я понялъ: еслибъ я быстро вскочилъ, то, пожалуй, могъ бы схватить черкеса сзади. Во всякомъ случаѣ, я могъ бы всякимъ своимъ движеніемъ произвести опасную для осажденнаго диверсію, которою Чепурниковъ не преминулъ бы воспользоваться.

Чтобы выяснитъ свою роль, я слегка шевельнулся. Черкесь вздрогнулъ, взглянулъ на меня черезъ плечо и его вниманіе видимо раздвоилось между мной и Чепурниковымъ. Но я заложилъ руки за голову, принявъ позу наблюдателя. Чепурниковъ съ очевидною горестью убѣдился, что я безповоротно утвердился въ нейтральномъ положеніи.

Черкесь поправился на стулѣ и спросилъ насмѣшливо, обращаясь прямо къ Чепурникову:

— Далече ѣдешь?

— До Якутскаго. А вы?

— Мы не далече.

— А откуда, дозвоьте къ примѣру узпаты?

— Мы?—изъ Олекмы.

— Та-акъ. А какъ тамъ насчетъ, напримѣръ, путѣ? По Ленѣ на саняхъ ѣздютъ ли?

— А какъ же... Очень ѣздютъ. Мы и самъ до Качугъ въ своемъ возкѣ ѣхалъ... Мы думалъ всюду санной дорога. А здѣсь нѣтъ санной дорога. Зналъ бы, не ѣхалъ бы. Плохо. А ты слушай, другъ! — обратился онъ къ писарю, — ты пиши рѣзво. Лошади готовы, у тебѣ не готово...

— Охъ-хо-хо-о! — потянулся Чепурниковъ съ какою-то неестественною безпечною. — Пойти и намъ собраться. Ну-ко, Пушныхъ, пойдомъ-ко-те, что я вамъ скажу.

Пушныхъ посмотрѣлъ на товарища съ удивленіемъ. Очевидно, его еще не посвятили въ дѣло е рников двинулся было къ дверямъ, но черкесь, вдругъ выпрямившись, точно стальная пружина, слегка отодвинулъ его локтемъ, и отъ этого движенія юркая небольшая фигурка унтеръ-офицера очутилась въ углу у перегородки, а черкесь сталъ рядомъ. Все это было сдѣлано такъ легко и не замѣтно, что когда онъ сказалъ Чепурникову: «Погоди, другъ, вмѣстѣ ходимъ», то эта фраза казалась дѣйствительно дружескимъ приглашеніемъ. Глаза Чепурникова забѣгали по всей фигурѣ черкеса, однако онъ остался у перегородки.

— Давай! — сказалъ черкесь писарю, протягивая руку за подорожной.

— Не записано еще.

— Давай, говорю! Послѣ кончаешь!

Онъ быстро взялъ со стола бумагу. Я невольно залюбовался имъ: его лицо было теперь повелительно и строго, а движенія напоминали красивыя и грозныя повадки тигра. Теперь всѣ здѣсь уже понимали другъ друга, за

исключеніемъ, конечно, одного Пушкиныхъ. Черкесь былъ въ комнатѣ одинъ, и, въ случаѣ свалки, противъ него было бы трое: грузный унтеръ-офицеръ, безъ сомнѣнія, привялъ бы немедленно участіе въ битвѣ. Успѣхъ легко могъ склониться на сторону нападающихъ, но первый шагъ былъ самый страшный...

— Теперь хочешь, такъ ходимъ вмѣстѣ,—сказалъ черкесь Чепурникову.—Погоди! Хочешь у меня возокъ покупать,—покупай.

Чепурниковъ быстро согласился, видимо обрадованный повою проволочкой.

— Гдѣ онъ у тебя?

— Въ Качугѣ, записку тебѣ даю. Знакомому человѣкъ...

— Дорого продаешь?

— Тридцать рубля. Кожаный верхъ. Пятьдесятъ стоить. Бери!

Торгуясь, черкесь кидалъ жадные взгляды на чайникъ. Онъ ѣхалъ безъ остановокъ и здѣсь, быть-можетъ, рассчитывалъ отдохнуть и напиться чаю. Съ послѣдними словами онъ быстро подошелъ къ столу, налилъ стаканъ изъ остывшаго чайника и, повернувшись спиной ко мпѣ и Пушкиныхъ, жадно выпилъ холодный чай однимъ глоткомъ, не спуская глазъ съ жандарма. Глаза Чепурникова сверкали, лицо было красно и потно. Онъ готовъ былъ кинуться на черкеса, но упустилъ удобное мгновеніе. Когда онъ рванулся къ столу, черкесь уже стоялъ въ небрежной позѣ, съ рукой у пояса.

— Давай, что ли, записку,—сказалъ Чепурниковъ глухо, чтобы чѣмъ-нибудь объяснить свое порывистое движеніе.

Черкесь вынулъ записную книжечку, набросалъ въ ней нѣсколько словъ и вырвалъ листокъ; все это онъ сдѣлалъ одною рукой, стоя у стола и не теряя изъ виду покупателя. Его брови были сдвинуты, сухое лицо поблѣднѣло. Видно было, что напряженіе этихъ минутъ не проходитъ ему даромъ. Чепурниковъ былъ взволнованъ еще сильнѣе.

— Бери!—кинулъ черкесь записку,—деньги отдашь въ Качугъ.

— Хорошо.

— Идемъ вмѣстѣ!

Они вышли рядомъ, плечо къ плечу. Черкесь шелъ легко, какъ кошка, слегка приподымаясь на носкахъ, стройный, гибкій и напряженный. Чепурниковъ рядомъ съ нимъ казался маленькимъ и неуклюжимъ, но во всей фигурѣ унтеръ-офицера виднѣлись упрямство и злая рѣшимость.

Гавриловъ, съ расширенными зрачками и почти задыхающійся, кинулся къ Пушныхъ и пачалъ его тормозить.

— Что-жь вы сидите? Эхъ, вы! А еще унтеръ-офицеръ. Ступайте, живѣе!

Пушныхъ поднялся и покорно, вяло пошелъ изъ комнаты. Я тоже шакинулъ пальто, надѣлъ валенки и выбѣжалъ на крыльцо.

Метель стихла, но снѣгъ шелъ густо и тройка лошадей у крыльца виднѣлась точно сквозь сѣтку. Ямщикъ только-что взобрался на козлы. Въ открытой перекладной сидѣла какая-то темная фигура. Еще двѣ фигуры подошли къ повозкѣ.

— Ну, прощай, другъ. Възжай самъ здоровь!—сказаль черкесь, и въ голосѣ таёжнаго коршуна послышалась насмѣшка.

— Прощай,—глухо отвѣчалъ Чепурниковъ.

Я видѣлъ, какъ они подали другъ другу руки.

— Прощай, ид... прощай!—повторилъ черкесь и, при вторичномъ прощаніи, въ голосѣ пробилося уже безпокойство: унтеръ-офицеръ не выпускалъ его руки изъ своей.

— Играешь, что ли?.. Смотри, не надо!—рѣзко проронилъ черкесь и затѣмъ нѣсколько сухихъ звуковъ на непонятномъ языкѣ полетѣли въ повозку.

Въ глубинѣ крытаго возка послышалось движеніе.

— Иг-раю, — еще глуше и съ усиленіемъ отвѣтилъ Чепурниковъ, точно у него сдавило горло. — Давай, послушай... поборемся... кто сильнѣе?... право, ей-Богу...

Я понималъ настроеніе Чепурникова. Опъ не рѣшался кинуться одинъ на опаснаго противника, но и не въ силахъ былъ глядѣть равнодушно, какъ опъ сядетъ и уѣдетъ, увозя съ собой всѣ только-что разцвѣтшія надежды...

Началась возня... нѣсколько короткихъ секундъ. Чепурниковъ упалъ на землю, а черкесь вскочилъ на повозку.

— Пшо-о-олъ!—крикнулъ онъ дико и пронзительно. Испуганныя лошади взяли съ мѣста, телѣга загрохотала по колеямъ и исчезла въ снѣжномъ сумракѣ; только нѣсколько разъ еще донеслись до насъ изъ темноты взвизгиванія черкеса: пшо-о-о-оль, пшо-о-оль!... Казалось, это были крики возбужденнаго, оныянѣвшаго человѣка.

Мы кинулись къ Чепурникову.

— Что съ вами?—спросилъ я у него.

— Ничего, ничего... Ка-акъ онъ меня толкнулъ, дьяволь,—сказалъ онъ, подымаясь,—и понять не могу!... Ну, и вы всё... Не могли его сзади тогда... Эхъ!

Онъ говорилъ трудно, точно что-то сдавливало его горло.

Изъ ямщицкой выбѣгали ямщики, которыхъ позвалъ Гавриловъ, но было уже поздно: удаляющійся звонъ колокольчика слышался какъ-то тупо, приглушаемый густо падавшимъ снѣгомъ, только дикія взвизгиванія черкеса прорѣзали еще нѣсколько разъ ночной воздухъ, точно рѣзкіе крики почной птицы.

Эти звуки, полные дикаго возбужденія, надолго остались у меня въ памяти и впослѣдствіи не разъ, когда я съ стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣлъ на угрюмые припенскіе виды, на этотъ горизонтъ, охваченный горами, по крутымъ склонамъ которыхъ тѣснятся лѣса, торчатъ скалы и туманы выползаютъ изъ ущелій,—мигъ всегда казалось, что этотъ дикій крикъ хищника носится въ воздухѣ надъ печальною и мрачною страной.

— Фью-ю-ю!—свиснулъ Гавриловъ и махнулъ рукой.—Теперь катить-заливается,—до Иркутскаго никто ужъ не остановитъ. А тамъ...

— Да хоть и остановилъ бы, намъ какой барышъ!...

— Нѣтъ, не остановятъ. Никто и не знаетъ. Конченъ балъ! Эхъ, господа служба-а!—прибавилъ онъ съ глубокой укоризной, и его черные глаза долго не могли оторваться отъ снѣжной мглы, въ которой вмѣстѣ со звуками колокольчика утопали недавнія его мечты о женитьбѣ и о спокойной жизни.

V.

Повозка, проданная намъ черкесомъ, нѣсколько утѣшила Чепурникова. Это былъ превосходный возокъ, крытый кожей, просторный и даже со стеклянными дверцами. Можно было думать, что черкесь, продавъ его за тридцать рублей, заплатилъ намъ дорогую цѣну за одинъ стаканъ холоднаго чаю.

На слѣдующую же ночь, выѣхавъ изъ Качуга, мы могли улечься довольно удобно втроемъ, а такъ какъ по Ленѣ дѣйствительно установилась уже санная дорога, то мы не тряслись по ухабамъ и не особенно страдали отъ безпечнаго эгоизма Пушпныхъ.

Для одного Чепурникова возокъ имѣлъ особаго рода неудобство. Онъ слишкомъ растравлялъ его воспоминаніе о неудачѣ и не позволялъ ему думать ни о чемъ другомъ.

Слѣдующею же ночью я крѣпко заснулъ подъ скрипъ полозьевъ, какъ вдругъ меня разбудила страшная возня. Съ трудомъ высвободившись изъ-подъ барахтавшихся въ возкѣ моихъ провожатыхъ и прижавшись въ уголъ, я зажегъ спичку. Чепурниковъ пыхтѣлъ и отчаянно тормозилъ Пушпныхъ, который, по обыкновенію, только мычалъ, не давая себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ происходитъ.

— Что вы дѣлаете, Чепурниковъ?—окликнулъ я, хватая унтеръ-офицера за руку. Но онъ уже очнулся.

— Съ нами крестная сила!...—сказалъ онъ, крестясь и съ изумленіемъ взглядывая на товарища.

Спичка погасла. Чепурниковъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Фу, ты, навожденіе!—сказаль онъ сконфуженно.

— Ты это... какъ можешь драться, а? спросиль Пушкихъ нѣсколько гнусаваемъ и обиженнымъ голосомъ.

— А, ну васъ! Все этотъ черкесь,—даже во снѣ снится, проклятый...

Но, помолчавъ съ минуту, Чепурниковъ вдругъ прибавиль со злостью:

— А вы думаете, я вамъ изъ экономіи-то дамъ сколько-нибудь? Ничего не дамъ, вотъ! Будь у меня настоящій товарищъ, мы бы теперь оба людьми стали.

Утромъ, уже подъѣзжая къ станціи, я проснулся опять. Чепурниковъ не спалъ и глядѣль въ окно возка, которое онъ опустилъ до половины. Увидѣвъ, что я открыль глаза, онъ сказаль, повидимому, выражая вслухъ продолженіе своихъ мыслей:

— Нѣтъ! Невозможно было. Это надо жизни своей рѣшиться... Богъ съ нимъ и съ капиталомъ... Подошелъ я тогда къ повозкѣ, а тамъ у него баба сидитъ на рундучкѣ. Повѣрите, и у той револьверы да кинжалы, вся какъ пушка иззаряжена... Глядитъ оттуда точно сова... Ну, и народецъ!...

Я выглянулъ наружу. Снѣгъ продолжалъ валить хлопьями, въ воздухъ бѣлѣло. За горами занималась уже, вѣроятно, заря, но сюда, въ глубокую тѣснину, свѣтъ чуть-чуть проломилъ и темнота становилась молочной. Возокъ покачивался, ныряя въ этомъ снѣжномъ морѣ, и трудно было бы представить себѣ, что мы дѣйствительно двигаемся впередъ, еслибы сквозь мглу не проступали

призрачныя вершины высокаго берегового хребта, тихо уплывавшаго назадъ и развертывавшаго передъ глазами все новыя и новыя очертанія...

А снѣгъ все валилъ, покрывая землю, и на сердце все больше налегала тоска. Ряды невеселыхъ мыслей развертывались въ воображеніи, какъ ряды этихъ сумрачныхъ сопокъ...

1889 г.

ЗА ИКОНОЙ.

I.

Нѣсколько дней стояло ненастье. Еще въ ночь на девятнадцатое іюня выпалъ обильный дождь, а утромъ облака висѣли по небу сѣрыми клочьями. Но къ полудню свѣжимъ вѣтромъ ихъ сбило въ сплошную тучу и понесло на сѣверъ. Небо расчищалось, синѣло, солнечные лучи играли въ лужахъ, на освѣженной зелени висѣли капли срывались и сверкали въ воздухѣ.

— Порадѣла Владычица,—вѣдро у Бога выпросила,—говорили богомольцы, кучками расположившіеся на улицахъ и на площади у собора, откуда въ 12 часовъ должна была выйти икона.

— Пожалѣла православныхъ. Гляди, и народу поприбавится... О-охъ-хо-хо... На дождикъ-то мы не больно усердны...

Было еще рано. Пройдя бойкими улицами, миновавъ затѣмъ овраги, я углубился въ кривые, грязные переулки на окраинѣ города и подошелъ къ окну, на которомъ къ

стеклу было приклеено изображеніе сапога. Хозяинъ, Андрей Ивановичъ, выразавшій вчера желаніе итти за иконой вмѣстѣ со мною, сидѣлъ одинъ за своимъ верстакомъ и угрюмо стучалъ по сапогу.

— Андрей Иванычъ!—окликнулъ я въ окно.—Что же вы не собираетесь? Пора!

Онъ встрепенулся, но тотчасъ же скрылъ движеніе радости, отложилъ сапогъ, открылъ раму и потянулся въ окно своимъ сухопарымъ туловищемъ. Внимательно взглянувъ въ клочки чистаго неба и въ облака, упосимыя вѣтромъ, какъ будто его рѣшеніе зависить всецѣло отъ этого осмотра, а не отъ Матрены Степановны, которая начинаетъ сильно ворчать въ сосѣдней комнатѣ,—онъ рѣшительнымъ движеніемъ стаскиваетъ со лба ремень, придерживающій волосы, и говоритъ:

— Иду!

Затѣмъ я присутствую при супружескомъ діалогѣ, для меня до извѣстной степени одностороннемъ, такъ какъ ясно слышны мнѣ только отвѣты Андрея Ивановича, а голосъ Матрены Степановны доносится лишь въ видѣ бурнаго рокотанія.

— Чортъ его бей! — говоритъ, во-первыхъ, мой пріятель, торопливо укладывая свои инструменты. Потомъ, надѣвая чистую рубашку, прибавляетъ:—Подождетъ! Что, мнѣ изъ-за него и Богу не молиться? Нашла тоже благодѣтеля... Вонъ пару шью,—полтины за работу не очистится. Жила онъ, да! Ты какъ думала? Жила, скавалыга, скница!...

Голосъ Матрены Степановны подымается, при этихъ

кошунствахъ супруга противъ «давальцевъ», на самыя высокія ноты, но Андрей Ивановичъ упорствуетъ.

— И никогда еще не прировняю,—говорить онъ уже другимъ тономъ,— тономъ защиты, затягивая въ то же время поясъ.— Нашла къ кому прировнять: по крайней мѣрѣ, какъ бы то ни было, все-таки образованный чело-вѣкъ, не имъ, живодѣрамъ, чета!

Такъ какъ въ этой рѣчи моего друга, хотя и снабженной столь многочисленными оговорками («по крайней мѣрѣ», «какъ бы то ни было» и «все-таки»), дѣло, очевидно, идетъ обо мнѣ, то, изъ понятнаго чувства скромности, я нѣсколько удаляюсь отъ окна. Звуки супружеской перепалки усиливаются, но все же черезъ минуту Андрей Ивановичъ выбѣгаетъ изъ калитки. Онъ нѣсколько красенъ, нѣсколько взволнованъ, но во всей его фигурѣ видно оживленіе и торжество. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что минуты подобнаго торжества въ супружеской жизни Андрея Ивановича далеко не часты... Какъ бы то ни было, мы быстро шагаемъ по городскимъ улицамъ. Андрей Ивановичъ — впереди, и мнѣ видно, какъ у него нервно подергивается спина, какъ будто на ней есть глаза, и эти глаза видятъ оставленный назади домъ и у дверей фигуру Матрены Степановны, и какъ она стоитъ упершись руками въ бока и посылая намъ въ догонку не христіанскія пожеланія...

Между тѣмъ, по улицамъ двигались уже кучи разряженныхъ обывателей и обывательницъ. Деревенскій людъ, богомольцы и «поклонники», собравшіеся къ проводамъ иконы изъ окрестностей, а иные изъ отдаленныхъ сель

и городовъ: изъ Балахны, Городца, Василя, — сидѣли на панеляхъ, подъ стѣнами домовъ, разложивъ вокругъ угли, кошеля и котомки. Многіе тянулись уже къ монастырю, гдѣ передъ выходомъ изъ города служить молебень. Лавки на попутныхъ улякахъ закрывались, торговля прекращалась, колокола гудѣли вдали, и звонъ разливался надъ городомъ, какъ море, захватывая одну за другой церкви все ближе и ближе.

Когда мы вышли на улицу, ведущую къ дѣвичьему монастырю, пестрая передовья толпы уже заливали ее почти сплошными массами. Кое-гдѣ, ближе къ концу города, у воротъ и калитокъ стояли ведра или небольшие ушаты съ квасомъ. Богомольцы подходили къ нимъ, снимали шапки, крестились и испивали.

— Спаси васъ Господи, Царица Небесная, радѣтели...

У монастырскихъ воротъ конные и пѣшіе городовые сдерживаютъ напоръ толпы. Они сортируютъ публику, пропуская однихъ, «которые почище», а «чернядь» отгоняя прочь. Насъ пропустили, хотя съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

Противъ входа, на дворѣ, темнымъ пятномъ среди пестро наряженныхъ горожанъ, выдѣляется отрядъ монастырскихъ клирошанокъ. Впереди игуменья, среди расофорныхъ старицъ, радушно раскланивается съ именитыми горожанами. Въ заднихъ рядахъ молодая послушница, въ коническихъ шлякахъ, потупляютъ глаза передъ любопытными взорами мірской толпы. По временамъ изъ-подъ шляка сверкнетъ молодой взглядъ, заиграетъ лукавая улыбка. И потомъ голова наклоняется, потупляются

глаза и черная тѣнь надвигается на лицо, оставляя на виду только губы и подбородокъ... Становится какъ-то жутко. Чуются невольно въ этой тѣни и трепетаніе молодой жизни, и быть-можетъ порывъ, и быть-можетъ протестъ, и быть-можетъ глухая борьба...

Впрочемъ, стоить перевести взглядъ на первые ряды, и тревожныя фантазіи разсѣются: здѣсь, въ тихой обители, годамъ къ шестидесяти приходитъ, вмѣстѣ съ тѣлесною полнотою, душевный міръ и то незлобивое спокойствіе, съ какимъ въ ту самую минуту почтенная предводительница клира привѣтствовала стараго, но очень любезнаго полицейскаго генерала.

Андрей Ивановичъ дернулъ меня за рукавъ.

— Идемъ! Что намъ здѣсь смотрѣть?... Чернохвостыя!— добавилъ онъ, кидая сердитый взглядъ изподлобья.

Однако, уходить уже было поздно. У входа образовалась давка, такъ какъ икона приближалась къ монастырю. Черницы съ трудомъ проталкиваются за ворота и черезъ минуту надъ гуломъ идущей суетливо толпы слышенъ хоръ женскихъ голосовъ, поющихъ тропарь:

«Днесъ свѣтло красуется Нижній Новградъ, яко зарю солнечную воспримше...»

Черезъ нѣсколько минутъ процессія появляется въ воротахъ. Наклоняясь надъ густою толпой, проносятся хоругви, парча волнуется и сверкаетъ, тонкое рѣзное серебро дрожитъ въ синемъ воздухѣ. Кресты, сіянія, фонари, затѣмъ золоченая риза иконы съ темными ликами Богородицы и Младенца — все это будто плыветъ надъ обнаженными головами народа. Еще минута — и желѣз-

ния ворота, точно по волшебству, разрѣзають живой потокъ, смыкаются и сдерживають толпу. Нѣсколько пѣшихъ городскихъ, навалившись изо всѣхъ силъ, поднимають ворота своими дюжими фигурами; сквозь рѣшотки видно пять конныхъ молодцовъ, тѣсно сомкнувшихся стремя у стремени. Лошади подтягивають морды, играютъ и топчутся на мѣстѣ, отжимая толпу. Толпа ронцетъ, кто-то кричитъ, кто-то ругается, два клира наполняютъ воздухъ пѣніемъ, вверху гудятъ колокола и шумятъ деревья... Икона вносится въ церковь.

II.

Черезъ полчаса, послѣ молебна, икону приносятъ изъ монастыря къ лагерю. Войска отгородили широкой квадратъ у подножія церкви. Музыка играетъ «Коль славень», раздается команда «на молитву», въ ясномъ воздухѣ гудитъ и дребезжитъ басъ діакона, чуть-чуть слышится пѣніе хора, относимое вѣтромъ. Послѣ молебна икону, поставленную въ кіотъ, на длинныхъ дрогахъ подымають на плечи; трогаются впередъ хоругви.

— Баринъ, вы видно до Оранокъ?—спрашиваетъ, трогая меня за рукавъ, какая-то старушка.

— До Оранокъ, матушка.

— Владычицѣ... свѣчку за меня грѣшную.— Морщинастая рука тянется ко мнѣ съ пятакомъ.

— И отъ меня возьми, баринъ.

— И отъ меня.

Я принимаю порученія и кладу набранную сумму особо.

Невдалекѣ, уже на тракту, служатъ прощальный молебенъ. Здѣсь толпа начинаетъ раздѣляться Зоптики, шляпки съ цвѣтами, щегольскія мужскія шляпы отдѣляются по направленію къ городу. Рыжіе мужицкіе гречневики, котомки, лапти, красные сарафаны деревенскихъ молодухъ, кое-гдѣ мѣщанскій ситецъ, бѣлые платочки — все это отливаетъ по тракту впередъ. Нищіе стоятъ по сторонамъ, протягивая руки. Дурачокъ Митька выкрикиваетъ, стоя на холмѣ, командныя слова, какой-то долговязый юродивый размахиваетъ палкой, бормочетъ что-то и бѣжитъ за толпой. Позванивая колокольцами, съ трудомъ пробираются межъ народомъ три или четыре почтовые повозки, въ которыхъ сидятъ монахи съ довольными лицами.

— Казну везутъ въ монастырь, — говорятъ около насъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, выбравшись на болѣе просторное мѣсто, ямщики трогаютъ вожжи, колокольцы заливаются, и повозки, минуя быстро идущую толпу, несутся на горку и исчезаютъ изъ виду.

Впереди — пологій красивый подъемъ. Широкою лентой, окаймленная четырьмя рядами развѣсистыхъ, старыхъ березъ, лежитъ дорога, вся пестрая, вся живая, усыпанная народомъ...

Но вотъ, въ половинѣ подъема, оказывается задержка. Торопливо пройдя полями, на-перерѣзъ, изъ ближней деревни вышла на тракть кучка крестьянъ и стала въ рядъ, на-встрѣчу приближающейся иконѣ... И тотчасъ

же около нея начинается как-то густѣть и завиваться прегражденное теченіе людского потока.

Мы прибавляемъ шагъ и слышимъ все яснѣе пронзительныя причитанія. Молодой женскій голосъ, то изступленный, то жалобный, страдающій и молящій, разносится въ воздухъ, между тѣмъ какъ сзади, надвигаясь все ближе, растетъ торжественный напѣвъ тропаря.

— Кличеть...—сказала Андрей Ивановичъ.

— Кликуша... порченая... Подъ икону класть привели,—говорятъ кругомъ въ толпѣ съ живымъ интересомъ.

— Пока до Митина дойдемъ, штукъ десять выведутъ,—прибавляетъ равнодушно какой-то немолодой мѣщанинъ.

— Баловство, говорятъ!—кидаетъ Андрей Ивановичъ.

— Баловство и есть... Поучить бы хорошенько...

— Поучи-ить? — язвительно и звонко подхватываетъ какая-то бабенка. — Чѣмъ она виновата? Иная отъ васъ и закличеть, отъ ученія вашего...

— Да, говори!... Стоять этакія же вотъ двѣ сороки. Одна и спрашиваетъ у другой: «Ты понѣ, Аниська, станешь выкликать, что ли?—Нѣтъ, моль, не стану, мокро!—Ну, такъ погляди у меня калачи, я покличу маленько...»

Въ толпѣ смѣхъ.

— А ты это самъ слыхалъ, что ли?—засгупаются опять обиженныя бабы.

Между тѣмъ, около кликуши степенно и грустно стоять ея однодеревенцы, а родные держатъ молодую женщину подъ руки. Толпа все приливаетъ... Рѣзкій крикъ, по временамъ плавное причитаніе, смѣняющееся стонами

и неистовымъ, надрывающимся воплемъ... Легкое облако пыли, пронизанное солнцемъ, колеблется между рядами березъ... Глухой шумъ, будто отъ прорвавагося потока, мѣрный топотъ десятитысячной толпы и волны клирнаго пѣнія, объединяющаго весь этотъ нестройный гулъ въ одно могучее, захватывающее движеніе, — все это близится, вырастаетъ, охватываетъ и подымаетъ за собой, между тѣмъ какъ впереди, споря съ общою гармоніей, бьется какое-то одно жалкое, страдающее и непокорное существо съ этимъ испуганнымъ, надрывающимся голосомъ...

Мнѣ становится жутко. Андрей Ивановичъ хмурится. Мы стоимъ въ густой давкѣ, на откосѣ тракта, а мимо насъ, точно рѣка, сжатая берегами, густо, величаво и плавно несется уже сплошная толпа, давно охватившая группу съ кликушей, которая неистово бьется, вырывается изъ рукъ, мечется, кидается въ стороны...

Икона близко... Рѣзкій, не человѣческій вопль покрываетъ и смѣшивается на мгновеніе пѣніе хора...

Изъ толпы, головой выше всѣхъ, выдѣляется фигура странника съ длинными волосами, опаленнымъ лицомъ и мрачнымъ взглядомъ. Огромный, сухой, странно равнодушный, онъ легко прокладываетъ себѣ дорогу въ толпѣ, наклоняется, подымаетъ за плечи «порченую», которая бьется у него въ рукахъ, и, раздвигая потокъ человѣческихъ тѣлъ, посетъ ее на-встрѣчу иконѣ... Пронеся нѣсколько сажени, онъ кидаетъ свою пошу на землю, склоняется надъ нею — и живой потокъ смыкается, покрывая обохъ...

Еще одинъ подавленный крикъ... Ряды фонарей, крестовъ, хоругвей уже далеко впереди... Кругомъ только мѣрный топотъ и гулъ неудержимаго, какъ стихія, человѣческаго потока. Въ клубахъ кадильнаго дыма, въ волнѣ торжественнаго пѣнія, колыхаясь и сверкая на солнцѣ, икона плыветъ въ воздухѣ надъ этимъ оксаномъ обнаженныхъ головъ,—надъ подавленнымъ, строптивымъ воплемъ «одержимой»... Пѣніе, все такое же стройное, все тише, все мягче расплывается въ воздухѣ, и сквозь рѣдѣющій топотъ уже вновь пробивается ласковый шорохъ и шелестъ придорожныхъ березъ...

Молодая женщина лежитъ въ пыли, на дорогѣ. Она тихо вздрагиваетъ и какъ-то по-дѣтски плачетъ... Любопытные заглядываютъ черезъ плечи родственниковъ, сомкнувшихся вокругъ «порченой», а странникъ, такой же равнодушный и мрачный, опять прокладываетъ себѣ путь впередъ, поближе къ иконѣ...

Жарко. Какъ-то сразу я чувствую и зной, и то, что котомка невыносимо отравила мнѣ плечи, и всю трудность пути за этою быстро-уносящеюся толпой. Андрей Ивановичъ остановился и смотрѣлъ вправо. Тамъ, съ крутого обрыва, виднѣется гладкая излучина Оки. Рѣка лежитъ среди сырыхъ и парящихъ отъ зноя луговъ, свѣтлая, ровная. Оттуда, снизу, такъ и манить, такъ и вѣетъ свѣжестью и прохладой.

— Вотъ что,—говорить Андрей Ивановичъ,—надо купаться!

— Далеко, милые, останете, — дружелюбно говоритъ какая-то богомолка, торопливо пробѣгающая мимо насъ,

но мы рѣшаемся и быстро спускаемся по обрыву, поросшему орѣшникомъ.

Тихій берегъ. Гребень обрыва скрылъ отъ насъ толпу съ ея говоромъ и движеніемъ. По временамъ на этомъ гребнѣ мелькаютъ цвѣтныя фигуры, въ одиночку и парами, все рѣже и рѣже. Рѣка плещетъ въ каменистый берегъ. Вправо, верстахъ въ десяти, изъ-за рѣющаго тумана, виднѣются строенія и церкви Кунавина. На нашей сторонѣ, дыма высокими трубами, безшумно работаетъ заводъ. Послѣ суетливаго рѣчного движенія Волги, ея сосѣдка Ока производитъ странное впечатлѣніе. Какъ здѣсь тихо! Далеко на той сторонѣ, вдоль песковъ, скользить парусная лодка. Подъ горой («яромъ», какъ здѣсь называютъ) по берегу движется темное пятно. Это бурлаки, которыхъ вы почти уже не встрѣтите по Волгѣ, ведутъ бичевой небольшую барку. Пятно будто стоитъ на мѣстѣ, и только послѣ долгихъ промежутковъ видно, что оно становится меньше, все удаляясь вверхъ по рѣкѣ. Дрянной окскій пароходикъ пробѣгаетъ изъ Нижняго, гулко шлепая колесами среди пустынныхъ береговъ. На палубѣ никого не видно, даже на трапѣ пусто. Только, затерявшись у штурвала, виднѣется одинокая фигура лоцмана.

III.

Когда, выкупавшись, мы опять поднялись на гору, — дорога совсѣмъ опустѣла. У «мызы», на свѣжемъ воздухѣ, семья хозяина благодушествовала за самоваромъ.

Нѣсколько переселенческихъ телѣгъ стояли тутъ же, съ подвязанными кверху оглоблями. По всей дорогѣ, взбѣгающей на горку, не было видно никакихъ слѣдовъ крестнаго хода. Кое-гдѣ только по сторонамъ шли намъ на-встрѣчу увлеченные общимъ теченіемъ и теперь возвращающіеся обратно горожане.

— Далеко икона?

— Въ Новой деревнѣ молебень отслужили.

Прибавивъ шагу, мы быстро миновали Новую деревню. Тутъ попадались уже отсталые. Пьяный мужикъ плелся невѣрнымъ шагомъ, грустно помахивая изъ стороны въ сторону своею кудрявою головушкой.

— Н-не догнать будетъ, мил-лаи... Н-я-й. Она, Владычица-те, чай ужъ куда улетѣла. Въ Борисовѣ таперь. А мы, по грѣхамъ-те нашимъ, отстали вотъ... Ахъ, мил-лаи!...

И мужикъ долго качалъ сзади насъ побѣдною головушкой, объятый глубокою скорбью. Наконецъ, вѣроятно, изнемая въ неравной борьбѣ съ своею грѣховностью, онъ присѣлъ у дорожной канавы. Оглянувшись, мы увидѣли бѣднаго человѣка съ запрокинутою головой и что-то вроде бутылки сверкало въ его рукахъ на солнцѣ. Вскорѣ только красное пятнышко, лежавшее на зеленомъ фонѣ придорожной муравы, обозначало мѣсто побѣды грѣха надъ благочестивымъ стремленіемъ...

Впрочемъ, кудрявый мужикъ не одинъ испыталъ эту горькую участь. Въ тѣни березокъ, а иногда и въ грязи канавъ, то и дѣло попадались намъ тѣла другихъ павшихъ.

А вотъ на свалившемся и полусгнившемъ деревѣ от-

дыхаетъ какая-то компанія. Съдой еврей въ солдатской шинели, съ громадною лохматою бородою и бѣлыми кудрями, да еще три-четыре мрачныхъ субъекта, болѣе или менѣе сомнительной наружности... Съдой старикъ, очевидно, присталь къ нимъ сейчасъ. Одинъ изъ компаніи наклоняется къ его уху и кричитъ:

— Ступай ты, служивый, отъ пасъ. Не рука намъ, значить... Иди, иди!

— А-яй! Глухой я, ничего не слышу... А прежде на бубень игралъ... Ай-ай, какъ я игралъ на бубень...

Долговязый, черный золоторотецъ флегматично поднимается съ бревна, беретъ старика за шиворотъ и ставитъ на дорогу. Порядочный толчокъ сильной руки показываетъ служивому, что отъ него требуютъ. Подхвативъ котомку и тревожно оглядываясь, старикъ суетливо бѣжить по тропинкѣ. Повидимому, только теперь онъ сообразилъ, что имѣетъ дѣло не съ праздными дорожными зѣваками, которымъ любопытно знать, какъ онъ игралъ на бубнѣ, а съ людьми, которые заняты дѣломъ. Рать богомольцевъ имѣетъ своихъ отсталыхъ и павшихъ, а это мародеры. Они смотрятъ на насъ, сидя на своемъ бревнѣ, какъ коршуны изъ-подъ насупленныхъ бровей. Только одинъ, съ толстою фізіономіей, одѣтый въ женскую кургузую кацавейку, глядитъ веселѣе и даже не безъ юмора.

— Что, отстали, господа?—спрашиваетъ онъ.

— А вотъ, — угрюмо отвѣчаетъ мой спутникъ, шагая мимо, — смотримъ, не попадется ли гдѣ работишка...

— Какая?

— Грузчики мы, карманы выгружаемъ,— отвѣчаетъ Андрей Ивановичъ невозмутимо.

— Ишь, журавль долговязый!

— Что ты ругаешься?

Андрей Ивановичъ мгновенно поворачивается. Его странные, глубоко-сидящіе глаза сверкаютъ изъ-подъ шапки рыжихъ волосъ (картузь у него спрятанъ въ котомкѣ). Онъ большой любитель кулачнаго боя и считаетъ ниже своего достоинства справляться о числѣ противниковъ. Несмотря на долговязость и сухощавость, его фигура обличаетъ не заурядную силу. Длинные сухія руки заканчиваются громадными красными кулаками. Сомнительные субъекты мрачно оглядываютъ его, производя безмолвную оцѣнку. Только кацавейка, повидимому, готова принять вызовъ.

— Сиди ты, «машка»!— останавливаютъ его.— А вы, господа, идите себѣ своей дорогой.

— И то идемъ. А ты не моги намъ указывать...— горячится Андрей Ивановичъ.

— А ты не горячись, — выскакиваетъ кацавейка, — я, братъ, и самъ съ усамъ. Ка-акъ махну...

— Ты?

— Я.

— Меня?...

Андрей Ивановичъ, оставивъ кулакъ назадъ, подходитъ грудью къ кацавейкѣ, великодушно подставляя подъ ударъ не защищенную физиономію. Я знаю, что въ эту минуту самое горячее желаніе Андрея Ивановича состоитъ въ томъ, чтобы кацавейка осмѣлилась его ударить. Въ

груди у него кипить и подымается что - то такое, что может получить естественный исходъ лишь въ случаѣ оплеухи со стороны противника. А ужъ тогда послѣдуютъ со стороны Андрея Ивановича истинныя чудеса неустрашимости.

Однако, бой не состоялся. Съ одной стороны я усиленно удерживаю Андрея Ивановича. Это очень трудно. Его желѣзная рука легко отмахивается отъ меня.

— Уд-ди! Не трогь!—кидаетъ онъ въ мою сторону довольно грубо. Съ другой стороны черный золоторотецъ отталкиваетъ кацавейку. Мрачный субъектъ, повидимому, человекъ серьезный, и весь эпизодъ сердитъ его какъ глупая шалость, мѣшающая «работѣ».

Какъ бы то ни было, поле остается безспорно за Андреемъ Ивановичемъ. Отставивъ правую руку назадъ, приподнявъ лѣвое плечо кверху и весь подавшись впередъ, онъ гордо стоитъ на мѣстѣ, между тѣмъ какъ противники, огрызаясь, уходятъ въ томъ направленіи, гдѣ на травкѣ алѣетъ кумачная рубаха скорбѣвшаго о грѣхахъ мужика.

Черезъ минуту, круто повернувшись и не говоря болѣе ни слова о происшедшемъ, Андрей Ивановичъ шагаетъ по дорогѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

IV.

У небольшого поселка Ольгина дорога раздѣлилась. По старому Московскому тракту, протянувшемуся на Горбатовъ и далѣе на Муромъ, разсыпаны пестрыя кучки

крестьянъ, которые выходили на-встрѣчу иконѣ изъ ближнихъ деревень и теперь возвращаются обратно. Арзамаскій трактъ ушелъ влѣво.

Отсталыхъ все больше и больше, но главной массы богомольцевъ не видно вовсе. Деревни, черезъ которыя приходится идти, точно вымело, — жители провожаютъ икону до слѣдующихъ деревень, а иные присоединяются къ богомольцамъ до Оранокъ. Только квасники-лавочники еще не убрались и считаютъ подъ навѣсами мѣдяки, оставшіеся въ вырубкахъ послѣ только-что отлившей людской волны.

— Кваску, господа, не угодно ли?

Мы пьемъ вездѣ, гдѣ только возможно. «Для ходу человѣку квасъ очень пользятеленъ, — философствуетъ Андрей Ивановичъ. — А для отдыха, замѣтьте себѣ, квасу не кушайте, а болѣе чай».

— Что, хорошо ли торговали? — спрашиваю я у торговца, отирающаго платкомъ потное, красное лицо.

— Ухъ, господинъ, чистая бѣда!... Главное дѣло — безобразно очень: все деньги впередъ надо спрашивать. Не доглядишь, — онъ выпьетъ, потомъ идетъ себѣ, болѣе ничего.

— Или теперь со сдачей... — меланхолически добавляетъ торговецъ. — Даетъ гривенникъ, а сдачи просить съ пятиалтыннаго.

Андрея Ивановича почему-то оскорбляютъ эти обвинения.

— Не грѣхъ богомольцу и даромъ кваску поднести, — сообщаетъ онъ свое рѣшительное мнѣніе.

— Наше дѣло торговое,—холодно отвѣчаетъ лавочникъ.

— Живодѣры вы, вотъ что! — говорить мой пріятель уже на ходу, но его замѣчаніе, повидимому, не доходить по назначенію.

— Назадъ пойдете, можетъ, ночевать къ намъ не зайдете ли!—звонко и привѣтливо кричитъ торговка въ догонку.

— Вотъ они, торгоши,—ты ему плюнь въ глаза, а онъ говоритъ: «божья роса!» Ничтожный народъ.

Андрей Ивановичъ имѣетъ обыкновеніе выражаться рѣзко и опредѣленно; его симпатіи и антипатіи, какъ и всѣ поступки, отличаются быстротой, рѣшительностью и нѣкоторою парадоксальностью. Онъ — отличный работникъ и примѣрный семьянинъ. Въ молодости года три онъ сильно пьянствовалъ и даже валялся въ лужахъ, но потомъ вдругъ остепенился. Чтобы закрѣпить это обращеніе на путь истины, отецъ рѣшилъ женить его на Матренѣ Степановнѣ, немолодой и некрасивой дѣвушкѣ, обладавшей рѣзкимъ голосомъ и очень твердымъ характеромъ. Андрей Ивановичъ не вышелъ изъ родительской воли, и съ тѣхъ поръ жизнь его пошла ровно. Матрена Степановна держала его круто, но, впрочемъ, и самъ онъ понималъ свои обязанности. Работникъ онъ былъ примѣрный, пользовался нераздѣльно довѣріемъ заказчиковъ на Ярилѣ и Новой Строекѣ (окраинныхъ частяхъ города), трудился съ утра до вечера, съ «давальцами» обращался очень почтительно. Только когда на время «снималъ хомутъ», какъ самъ онъ выражался, тогда сразу становился другимъ человѣкомъ. Въ немъ проявлялся строптивый демократизмъ и поклон-

ность къ отрицанію. «Давальцевъ» онъ начиналъ разсматривать какъ своихъ личныхъ враговъ, духовенство обвинялъ въ чревоугодіи, полицію — въ томъ, что она слишкомъ величается надъ народомъ и, кромѣ того, у пьяныхъ, ночующихъ въ части, шарить по карманамъ (это онъ испыталъ горестнымъ опытомъ во время своего запойства). Но больше всего доставалось купцамъ.

— За что вы его обругали? — спросилъ я на этотъ разъ.

— А вамъ жалко?—и онъ кинулъ на меня короткій взглядъ изподлобья.—Я такъ объ нихъ полагаю, что будь я министръ, всѣхъ бы ихъ запретилъ.

— Какъ же тогда городъ остался бы безъ лавокъ, безъ товару?... Кто бы сталъ заказывать вамъ сапоги?..

— Какъ-нибудь иначе придумали бы. Мало ли способъ!...

— Какъ же бы вы придумали? Интересно.

— Да что вы ко мнѣ пристали: какъ, да какъ? Ежели я сапожникъ, то, стало - быть, это не мое дѣло. Что я знаю?—шило да подметку, товаръ да колодку, больше ничего. А, можетъ, дайте вы мнѣ большія тысячи, чтобы мнѣ книжки читать, да всякія тамъ бумаги,—я бы придумалъ. Ужъ это вѣрно, что придумалъ бы. А что вы насчетъ заказчиковъ говорили, на это я вамъ вполне могу отвѣтить. Вы вотъ о чемъ разсудите: мой отецъ двѣнадцать работниковъ держалъ, а я только двухъ, и тѣхъ еще по времю отпускаешь. Почему такъ?

— Можетъ-быть, сами работники въ хозяева выходятъ?

— Не туда гнѣте: въ хозяева! Вотъ недавно еще бы-

ло дѣло: сталъ я пьянствовать, отецъ меня прогналъ. И сейчасъ меня, пьяницу, три хозяина зовутъ. А теперь вонъ сколько подмастерьевъ шатается, изъ хлѣба одного готовы работать,—никто не беретъ. Это вы можете понимать, стало-быть, какъ они въ хозяева выходятъ. Нѣтъ, что ужь...

Андрей Ивановичъ машетъ рукой и многозначительно замолкаетъ. Вся его фигура въ эту минуту показываетъ, что если дѣла такъ пойдутъ дальше, то за послѣдствія онъ отвѣчать не возьмется.

Въ это время, сзади, пасъ нагоняетъ тарантасъ, запряженный тройкой. Мужикъ въ кумачной рубахѣ погоняетъ лошадей. Въ телѣгѣ сидитъ молодой, хорошо упитанный купеческій сынокъ съ бутылкой въ рукѣ. Чьи-то ноги свѣсились изъ-за переплета. На кушцѣ надѣтъ рыжій картузь, возница щеголяетъ въ кастановой шляпѣ. Вся компанія, очевидно, сильно подъ хмѣлькомъ. Купчьеъ наклоняется съ сидѣнья, чтобъ ушипнуть одну изъ трехъ мимоидущихъ богомолковъ. Дѣвушки визжатъ, компанія хохочетъ, лошади, испуганныя шумомъ, трогаютъ быстрѣе. Андрей Ивановичъ останавливается въ негодованіи.

— Вотъ вы ихъ защищаете. Смотрите сами: тоже, вѣдь, на богомолье собрался! Мы вотъ съ вами идемъ пѣшкомъ, изустанемъ,—неужто намъ это озорство пойдетъ на умъ? А въ немъ сила играетъ, потому что легкія деньги, вотъ что! Легкій хлѣбъ это играетъ... Н-ну, попадись мнѣ этотъ богомолецъ гдѣ-нибудь, что я надъ нимъ сдѣлаю!...

Андрей Ивановичъ злобно сжимаетъ кулаки, грозитъ во

слѣдъ гарантасу, неистово раскачивающемуся на ухабахъ, и затѣмъ прибавляетъ съ горечью:

— Дуракъ ѣдетъ на скотинѣ, умный вѣкъ пѣшкомъ идетъ!... Стихъ такъ говорится... И вѣрно!

V.

Пройдя еще съ полверсты, Андрей Ивановичъ толкнулъ меня локтемъ и круто остановился.

— Гляди-ка, старушка-то... ай-ай-ай!

Въ сторонѣ, по тропинкѣ, опираясь на палку и сгорбившись, плелась какая-то старуха. Очевидно, каждый шагъ давался ей очень трудно. Сгорбленная спина качалась, голова, опущенная внизъ, дрожала, ноги передвигались съ трудомъ. Она не поднимала глазъ и сосредоточенно смотрѣла только подъ ноги, отмѣривая шагъ за шагомъ своего многотруднаго пути.

— Матушка, а матушка!—кликнулъ ее Андрей Ивановичъ.

— Что тебѣ, касатикъ?

Въ голосѣ старушки слышалось усиліе. Она подняла сморщенное лицо съ потускнѣвшимъ взглядомъ и посмотрѣла на Андрея Ивановича, продолжая шагать по-прежнему.

— Ты какъ же это, а?—недоумѣвалъ мой впечатлительный спутникъ.—Чай, вѣдь, трудно?

— Трудно, родимый, трудно! Главное дѣло—ноги вотъ, ноги не ходять,—стара.

Слеза выкатилась изъ моргающаго глаза и упала на

песокъ дорожки. Андрей Ивановичъ дѣлалъ какія-то нелѣпныя движенія, что у него служило признакомъ внутренняго волненія.

— Нешто этакъ возможно? Вѣдь тебѣ никакъ не дойти.

— Авось Матушка Владычица донесетъ. Порадѣть хочется Матушкѣ... Стара... Помирать скоро, — порадѣть хочется. А что, далеко ли еще до Каменки, до ночлегу?

— Версть еще двѣнадцать.

— Охъ, батюшки, далеко!... Иди, иди, касатикъ. Не смотри на меня, старую... Негоже вамъ глядѣть-то... Ноженьки-то у васъ рѣзвыя, а я, вишь, измучилась... Не замай, проходите, родимые...

Мы двинулись дальше и оба долго молчали. Наконецъ, остановившись, по обыкновенію, неожиданно, Андрей Ивановичъ посмотрѣлъ на меня долгимъ, укоризненнымъ взглядомъ.

— Неужели это она напрасно?... Думаете, не зачтется? Не можетъ быть, враки!...

И хотя я и не думалъ даже возражать, Андрей Ивановичъ крѣпко ударилъ палкой по стволу ближайшей березы и быстро пошелъ впередъ.

Вскорѣ мы обогнали трехъ богомолокъ, которыхъ недавно задѣвала пьяная компанія. Одна была не молода, двѣ — молодыя дѣвушки, повидимому, мѣщанки или горничныя. Всѣ онѣ быстро шлепали босыми ногами. Когда мы поровнялись съ ними, онѣ прибавили шагу и шли въ ровень, хихикая и жеманясь. Андрей Ивановичъ, не обращая вниманія, шагалъ своею журавлиною походкой; я

едва поспѣвалъ за нимъ. Это безмолвное состязаніе какъ будто сблизило насъ съ женщинами.

— И что это, право, какіе кавалеры,—сказала старшая изъ нихъ, запыхавшись и отирая потъ ситцевымъ рукавомъ,—замучили вовсе...

— А вамъ какая надобность гоняться?—спросилъ Андрей Ивановичъ. Я замѣтилъ, что его брови хмурятся и глаза будто уходятъ глубже. Но дѣвушки приняли его отвѣтъ за вызовъ на дальнѣйшій разговоръ.

— Да, вѣдь, чай, въ компаніи-то веселѣе,—бойко сказала ближайшая.—Мы видимъ, что вы кавалеры обходительные, не сиволапые мужики...

— Конечно, веселѣе,—кинула другая,—что въ пути, что на ночлегѣ...

Всѣ онѣ засмѣялись. Но Андрей Ивановичъ, еще не освободившійся отъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ обоихъ старухой, внезапно остановился, вперилъ въ дѣвушку свои колющіе впалые глаза и спросилъ:

— Вы какое это слово сказали, а?... Нѣтъ, вы какое слово сказали?

Озадаченныя мѣщанки удивленно посмотрѣли на него и быстро бросались въ сторону, такъ какъ Андрей Ивановичъ вдругъ впалъ въ тонъ обличителя. Онъ поднялъ руку и, потрясая ладонью надъ головой, называлъ дѣвушекъ сороками и срамницами, между тѣмъ какъ онѣ быстро шлепали по тропинкѣ босыми ногами. Догнавъ первую кучку богомольцевъ, онѣ принялись что-то оживленно рассказывать имъ, указывая назадъ.

— Сороки короткохвостыя, право, сороки!—говорилъ

Андрей Ивановичъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ.—Нѣту въ этомъ народѣ никакого понятія...

— Это вы насчетъ горничныхъ?

— Воппе, женщины.

— А Матрена Степановна?

— Ну, что такое Матрена Степановна?—та же баба! Не даромъ еще Пушкинъ сказалъ: всѣ, говорить, одинаковы и имя имъ ничтожество. А ужъ па что сочинитель былъ извѣстный.

— Андрей Ивановичъ! Пушкинъ этого не говорилъ.

— Ну, вотъ, не говорилъ!... Когда бы не самъ я читалъ... Конечно,—прибавилъ онъ черезъ минуту, не безъ меланхоли,—въ прежіе года, когда я былъ холостъ, тогда и самому лестно было. А то, вишь, къ женатому человѣку...

— Да имъ почемъ знать, что вы женаты?

— Знають... А не знали, такъ теперь будутъ знать.

VI.

Пройдя село Митино, мы увидѣли толпу у Вязовки. Только часть богомольцевъ вошла съ иконою въ деревню, другая сворачивала ближайшимъ путемъ, подъ высокими мельницами, выходя подъ угломъ на боковую дорогу, которая вела въ Каменку. Оставалось пройти еще десять версть до почлега.

Когда мы подошли къ мельницамъ, процессія выходила изъ села. Лучи заката играли на серебряхъ хоругвей.

Фиолетовыя облачка стягивались и густѣли на холодѣвшемъ вечеромъ небѣ, жавороноки припадали къ нивамъ, крикъ перепеловъ несся мягкими переливами, смѣшиваясь съ приближавшимся пѣніемъ хора. Человѣческіе голоса звучали среди полей, подѣ тихимъ дыханіемъ угасающаго дня, какъ-то особенно гармонично и мягко.

По бокамъ дороги высокая рожь стояла двумя ровными стѣнками. Изъ Каменки, на-встрѣчу иконѣ, выходили крестьяне. Въ одномъ мѣстѣ, на полосѣ среди хлѣбовъ, стояла цѣлая семья: сѣдой старикъ со старухой впереди, рядомъ сынъ большакъ, поодаль молодуха. Двѣ или три дѣтскихъ головки чуть виднѣлись среди колосьевъ. Сзади угасало за горой солнце и фигуры крестьянъ рисовались ясно и торжественно надъ колыхавшеюся рожью.

— Насчетъ хлѣбушка прибѣгаютъ къ Владычицѣ. Мало ли что можетъ случиться?—градъ, засуха, червякъ...

— Благодарь!—говорить Андрей Ивановичъ.—И складно же поють, ахъ, братцы мои!

— Женщина тамъ одна... гоже выводить.

Дѣйствительно, молодой женскій голосъ, вырываясь высокими нотами, развѣвается съ вечернимъ вѣтромъ надъ полями, сверкаетъ, какъ лучи закатающагося солнца, и гаснетъ гдѣ-то въ ясной вышинѣ, вмѣстѣ съ этими лучами.

Однако, итти трудно. «Богомольцы», наклонясь, будто готовые упасть подѣ тяжестью хоругвей, несутся двумя рядами впередъ, понукая передовую толпу.

— Пятки, пятки!—покрикиваютъ они то и дѣло.

Высокая рожь мѣшаетъ сойти въ сторону, и мы по-

чти бѣжимъ впереди. Урядникъ, выѣхавшій на-встрѣчу, гарцуетъ среди женщинъ и ребятъ, гордо красуясь на славной сѣрой лошаdkѣ. На небѣ зарисовывается гребень холма, и черныя крыши выступаютъ на немъ правильными очертаніями.

Тѣмъ не менѣе, еще далеко. Вечеръ спустился на землю. Луна яркимъ серпомъ повисла надъ мгlistою тучей; надъ полями залегъ синій, неопредѣленный, таинственный сумракъ, наполненный сыростью и золотистымъ сіяніемъ, которое такъ скрадываетъ всѣ очертанія. Оглянувшись назадъ, я вижу, что мы оставили процессію далеко позади. Огни фонарей тянутся искристою лентой въ долину, выются, изгибаются, вытягиваются и по временамъ освѣщаютъ золотую ризу иконы, которая то выступаетъ изъ мрака фосфорическимъ сіяніемъ, то исчезаетъ опять среди темноты.

Вотъ и первая избы селенія. Мы сдѣлали съ четырехъ часовъ тридцать верстъ. Плечи отдавила котомка, ноги подкашиваются, я почти падаю отъ усталости.

— А что-то наша старушка?—сосредоточенно произносить Андрей Ивановичъ, когда мы проходимъ по деревнѣ, среди освѣщенныхъ оконъ, гдѣ видны на столахъ самовары и отдыхающіе богомольцы. Въ моемъ воображеніи рисуется старая сгорбленная фигура, все такъ же бредущая среди темноты. Теперь никто уже не смутитъ непрощеннымъ сожалѣніемъ ея тяжелаго добровольнаго подвига. Только рожь шепчетъ по сторонамъ, да луна смотритъ съ неба на выбивающагося изъ силъ стараго, отжившаго человѣка...

VII.

— Чай, что ли, пить? Къ памъ заходите, къ памъ!

Андрей Иваповичъ, но слушая этихъ зазываній, твердымъ шагомъ направляется къ другому концу улицы, подалеже отъ церкви. Здѣсь также свѣтятся окна, видны ярко вычищенные самовары на столахъ, но народу не такъ еще много.

— Дядя Иванъ!... Эй, дядя Иванъ!

Бѣлая борода дяди Ивана наклоняется къ окошку.

— Богомольцевъ пускаешь, что ли?

— Знакомыхъ, другъ, пускаемъ... Потому заняты мѣста-те у насъ

— Что, ай не узналъ?

— Богату быть, Андрей Иванычъ, богату быть... Ну, полѣзай, полѣзай въ избу-те.

За столомъ сидятъ уже нѣсколько человекъ, все публика почище. Женщины въ городскихъ мѣщанскихъ платьяхъ, мужчины въ пиджакахъ, повидимому, ремесленники. Хозяинъ только-что убралъ одинъ самоваръ и поставилъ другой. Чай пили богомольцы свой; каждая компанія получила въ свое распоряженіе чайникъ.

Я повалился на скамью, опершись спиной на стѣну. Не хотѣлось ни двигаться, ни развязывать котомку. Чувство особеннаго наслажденія, когда усталые члены можжать и ноютъ, по за то все тѣло отдается ощущенію отдыха и покоя, охватило меня всего. Андрей Иваповичъ раздѣлся, развязалъ котомку и даже спялъ сапоги.

— А почевать куда положишь?—спросилъ онъ у хозяина.

Дядя Иванъ, благообразный старикъ съ мягкими манерами и старчески-лукавымъ лицомъ, озабоченно почесалъ затылокъ.

— Вотъ ужъ не знаю. На дворѣ развѣ. Крытый дворъ у насъ.

— А въ задней избѣ?

— Заднюю проѣзжающіе заняли. Степанъ Ероееича, изъ городу, не знаете ли?

— Толстомордый?

— Ну-ну!

Андрей Ивановичъ толкнулъ меня локтемъ:—Эго которыхъ мы видѣли, безобразники-то... По шеѣ ихъ гнать, а ты въ избу пуцаешь!...

Старикъ озабоченно оглянулся и закашлялъ. Напившись чаю, богомолки и богомольцы выходили изъ-за стола и уходили изъ избы. Мы съ Андреемъ Ивановичемъ, захвативъ большую охапку сѣна, расположились на дворѣ, подъ навѣсомъ, у стѣны задней избы. Фонарь кидаль колеблющійся свѣтъ, выпугивая воробьевъ изъ-подъ высокой соломенной крыши. Гдѣ-то въ темныхъ углахъ чавкали лошади, коровы жевали жвачку, похрюкивала свинья. Гдѣ-то еще слышались голоса богомольцевъ, улегшихся на соломѣ, кто-то копошился въ кузовѣ стараго тараптаса. Свѣтъ луны прорывался сквозь щели плетеныхъ стѣнъ. Съ улицы доносились шаги прибывающихъ странниковъ. Они то и дѣло стучали въ окна и усталыми голосами спрашивали:

— Ночевать, ночевать, родимые, не пустите ли?

Я не замѣтилъ, какъ заснулъ, и опять проснулся отъ

страннаго шума. Казалось, что то громадное, стуча, всхрипывая и шелестя, надвигалось на меня, заполняя неподределенную тьму. Понемногу, однако, я сталъ осваиваться съ этимъ шумомъ: это, во-первыхъ, Андрей Ивановичъ жестоко храпѣлъ рядомъ. Во-вторыхъ, пѣтухъ, обезпокоенный необычными звуками, сошелъ съ нашестви и, осторожно шурша по соломѣ, пробирается у самаго моего уха, почти касаясь головы своими крыльями. Вотъ онъ вышелъ на середину двора и шуршаніе его легкихъ шаговъ теперь принимаетъ въ моемъ сознаніи настоящіе размѣры... Я вижу, хотя и не ясно, его небольшую фигурку, вижу, какъ онъ расправляетъ крылья и вытягиваетъ шею.

— Ку-ка-ре-ку!—раздался вдругъ рѣзкій, будто слегка охрипшій отъ ночной сырости, голосъ.

Другой пѣтухъ зашевелился и пробормоталъ что-то сонно и сердито. Повидимому, онъ находилъ, что еще рано.

Вслѣдъ за только-что смолкшими переговорами пѣтуховъ я услышалъ въ темпотѣ двора еще какіе-то звуки. Въ старомъ кузовѣ тарантаса шептались два голоса — одинъ мужской, другой женскій. Изъ-за стѣны съ пѣкоторыхъ поръ несея какой-то топотъ, стукотня, пѣсни и гулъ пьяныхъ голосовъ. Влѣво отъ насъ кто-то невидимый быстро зашевелился и молодой сонный женскій голосъ испуганно спросилъ:

— Кто тутъ? Ай, тетка Федосья, тетка Федосья!

— Что тебѣ?—говоритъ недовольно старуха.—Эй ты, чего подкатился, озорникъ? Мало, что-ль, мѣста тебѣ? У меня живо откатисься...

Озорникъ громко и тенденціозно всхрапываетъ, очевидно, прикидываясь спящимъ. Однако, встревоженное стрекотаніе проснувшихся деревенскихъ дѣвушкѣ вскорѣ заставляеть озорника ретироваться. Въ это время Андрей Ивановичъ, даже въ сонномъ состояніи не теряющій порывистости движеній, завозился на сѣнѣ такъ внезапно и сильно, что даже у меня мелькнуло сомпніе: неужели это онъ сейчасъ юркнулъ на свою постель... Впрочемъ, нѣтъ. Не говоря уже о непоколебимой добродѣтели моего спутника, я все время слышалъ около себя его храпъ.

— Что это вы разстрекотались, сороки?—проснувшись, спросилъ онъ, съ обычнымъ пренебреженіемъ къ жепскому сословію.

— А-а, проснулся небось... Озорникъ!—сказала тетка Федосья.

— Ишь, гдѣ очутился! Туда же храпить. Нешто сонный этакъ откатится?

— Да это кто такой?—спросилъ еще чей-то голосъ.

— Сапожникъ это изъ городу. Въ Ивановымъ домѣ живеть.

— О? Да я и бабу его знаю.

— Ахъ, озорники эти сапожники! Супротивъ сапожниковъ другихъ такихъ и пѣту! Охъ-хо-хо! Только, вѣдь, засыпать начала...

— Къ намъ по дорогѣ приставаль!—бойко выносятся изъ тарантаса звонкій и лукавый дѣвичій голосъ. Я узнаю по этому голосу одну изъ мѣщанокъ, которымъ Андрей Ивановичъ читалъ мораль.—И до такой степени приставаль, то-есть до такой степени, что и сказать невозможно...

— Мамынька! Я тяткѣ на него скажу,—плаксиво говорить напуганная дѣвушка.

— Нишкни. Ужо мы евойной бабѣ все расскажемъ.

— О, ш-штобъ в-в-вась!—тихо и злобно шипитъ Андрей Ивановичъ, видя, какой опасный оборотъ принимаетъ дѣло. Упоминаніе о супругѣ при такомъ подавляющемъ стеченіи уликъ окончательно лишаетъ его самоувѣренности, и потому онъ дѣлаетъ самое худшее, что могъ бы сдѣлать въ своемъ положеніи, а именно—вытягивается на постели и пускаетъ притворное сопѣніе, прикидываясь заснувшимъ.

— Храпить... здѣсь вотъ этакъ же храпѣль, притворщикъ... Охъ-хо-хо! Грѣхи, грѣхи...

Вскорѣ подъ навѣсомъ водворяется тишина.

Притаившіеся на время голоса въ кузовѣ таратаса опять возобновляютъ тихую и мирную бесѣду. Изъ-за стѣны слышатся визгъ и хохотъ. Андрей Ивановичъ ворочается, бормочетъ что-то и по временамъ кого-то тихо ругаетъ. Я начинаю забываться. Мнѣ опять видится одинокая старушка. Она все еще плетется по опустѣвшей дорогѣ, между побѣлѣвшими отъ росы ржаными полями. Андрей Ивановичъ идетъ впереди ея, размахивая руками, и кому-то угрожаетъ: «Что-о... не зачтется ей?... Нѣтъ, враки, не туда гнѣте!...»

— Не туда гнѣте! — слышу я уже на яву крикъ Андрея Ивановича. — Меня не испугаете! Нешто этакое озорство дозволяется? Спать не даете, гульбу завели, соблазнъ! Бого-мо-дльцы!... Озорники, лодыри, гуляки!...

Я не сразу могъ сообразить, въ чемъ дѣло. Свѣтаетъ;

снаружи первые, еще разсыанные, лучи просверлили уже въ нашемъ плетнѣ круглыя горящія отверстія. Свѣтъ расплывается въ сыромъ воздухѣ, воробьи чирикаютъ подъ застрѣхами; въ углахъ темно и прохладно. Андрей Ивановичъ, босой, со всклокоченными волосами, стоитъ, у сѣней, передъ входомъ въ заднюю избу и, повидимому, обличаетъ ночныхъ гулякъ. Хозяинъ, тоже босой, унимаетъ его.

— Ты вотъ что! Ты у меня въ домѣ самъ себя веди помирнѣе.

— А ты что изъ своего дому сдѣлалъ, а?

— Не твое дѣло. Тебя пустили, ты почуй благородно, а безпокойства дѣлать не моги.

— Что тамъ опять?—просыпаются богомольцы.

— Сапожникъ изъ городу буянить.

— Сапожни-икъ?

— Да, въ Ивановымъ домѣ живетъ который. Такой озорникъ, бѣда! Ночью это къ дѣвкамъ такъ шаромъ и катится, такъ и катится...

— Къ намъ на дорогѣ до такой степени приставалъ,—подымаетъ румяное лицо изъ тарантаса мѣщаночка. Теперь она въ тарантасѣ одна и имѣетъ видъ самаго невиннаго простодушія.

— Бока намятъ!—категорически заключаетъ хриплый и сонный басъ.

— О, штобъ васъ!—стонетъ опять Андрей Ивановичъ, ложась рядомъ со мной.—Н-ну, нар-родъ! Этакого народу въ прочихъ мѣстахъ поискать... Ей-Богу... Тьфу!

— Охота вамъ, Андрей Ивановичъ, во все виѣшиваться...—говорю я, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Карактеръ у меня такой. Не люблю озорства.

— Вотъ и расплачивайтесь. Вамъ же и достанется...

— А что вы думаете? Ей-Богу, правда. И всегда я же въ дуракахъ остаюсь... Н-ну, однако, попадется мнѣ еще этотъ купецъ. Я ему, погодите-ка, носъ утру. Будеть помнить...

И черезъ минуту, наклонясь къ моему уху, опъ тихо прибавилъ:

— А ужъ вы, Галактіонъчъ, въ случаѣ чего, передъ Матреной Степановной какъ-нибудь, того, не выдавайте... Ахъ, народъ же... то-есть до чего нашъ народъ песообразенъ, такъ это даже удивительно!...

VIII.

День разгорался жарко. Икона тронулась опять часовъ съ десяти. Мы вышли немного впередъ, но идти было не легко. Ноги двигались съ трудомъ, всѣ члены ныли. Однако, понемногу усталость какъ будто проходила.

Кое-гдѣ небольшой лѣсокъ скрывалъ насъ своею тѣнью отъ жаркаго солнца, но большею частью по бокамъ волновалась поспѣвающая рожь. Иногда на нашу дорогу выбѣгалъ проселокъ отъ какой-нибудь ближней деревни и на этомъ перекресткѣ стояли у маленькихъ «часовенокъ» деревенскія иконки. Какой-нибудь сѣдой старикъ съ обнаженною головой сидѣлъ на припекѣ у блюда, покрытаго чистымъ полотенцемъ. У каждой такой часовенки икона останавливалась, служился молебенъ. Тогда во-

кругъ иконы дѣлалась давка. Народъ рвался къ ней, стараясь приложиться къ стеклу кіота. Сгибаясь проходили они подъ шести, на которыхъ икона была поставлена, давя другъ друга и тѣснясь, и тянулись къ иконѣ. Теперь, на просторѣ полей, у этихъ часовенокъ, среди раскинувшейся и порѣдѣвшей толпы, икона стала какъ будто ближе и доступнѣе. Тутъ собственно ее окружалъ тѣсный кружокъ настоящихъ богомольцевъ. Страждущій, болящій, немощный и скорбящій людъ охватывалъ икону живою волной, которая вздымалась подъ вліяніемъ какого-то особеннаго притяженія. Не глядя другъ на друга, не обращая вниманія на толчки, всѣ они смотрѣли въ одно мѣсто... Полупотухшіе глаза, скорченныя руки, изогнутыя спины, лица искаженныя отъ боли и страданія— все это обращалось къ одному центру, туда, гдѣ изъ-за стекла и переплета рамы сіяла золотая риза, и голова Богоматери склонялась темнымъ пятномъ къ Младенцу. Изъ глубины кіота икона производила особенное впечатлѣніе. Солнечныя лучи, проникая сквозь стекла, сверкали смягченными переливами на золотѣ ея вѣнца; отъ движенія толпы икона слегка колебалась, переливы свѣта вспыхивали и угасали, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, и склоненная голова, казалось, шевелилась надъ взволнованною толпой. Тогда потухшіе глаза и искаженныя лица оживлялись. По всѣмъ этимъ лицамъ проходило какое-то вѣяніе, сглаживавшее всѣ различныя отбѣнки страданія, подводившее ихъ подъ общее выраженіе умиленія. Я смотрѣлъ на эту картину не безъ волненія... Такая волна человѣческаго горя, такая волна человѣческаго

упованія и надежды!... И какая огромная масса однороднаго душевнаго движенія, подхватывающаго, уносящаго, смывающаго каждое отдѣльное страданіе, каждое личное горе, какъ каплю, утопающую въ океанѣ!... Не здѣсь ли, думалось мнѣ, не въ этомъ ли могучемъ потоцѣ однородныхъ упованій, одной вѣры и одинаковыхъ надеждъ—великая исцѣляющая сила?...

Когда короткій молебень кончался и икононосцы принимались за шесты,—многіе склонялись или даже ложились на землю. Но, опять, здѣсь это было какъ-то проще, болѣе трогало и никого не пугало... Икона вздрагивала, подымалась и, плавно колыхаясь, проносилась надъ распростертыми людьми. Счастливыцы, надъ которыми она проходила, вставали съ умиленными лицами.

IX.

Остановки здѣсь были очень часты, поэтому мы съ Андреемъ Ивановичемъ далеко опередили ядро богомольцевъ.

Противъ одной деревеньки, живописно раскинувшейся въ верстѣ отъ дороги, на холмикѣ, мы наткнулись на оживленную картину. Вдоль нашего пути въ нѣсколькихъ мѣстахъ были выстроены зеленые шатры, въ тѣни которыхъ стояли столы и дымились самовары. На травѣ съ одной стороны дороги сидѣли бабы съ ведрами квасу и съ хлѣбомъ, на другой—курились огоньки, надъ которыми жарились на сковородкахъ грибы. Картина импровизованнаго базара была оживленная и шумная.

— Двѣ копѣйки, двѣ копѣйки всего! Грибовъ отвѣдайте, почтенные!—весело зазывали красивыя, нарядныя молодицы.

Я усѣлся около одной изъ сковородокъ и позвалъ Андрея Ивановича.

— Не кушайте грибовъ!—сказалъ онъ мрачно и какъ будто намекая на что-то.

— А что?

— Раскольники!—крикнулъ онъ какъ-то въ сторону и отвернулся.

Я засмѣялся, по Андрей Ивановичъ пошелъ, не оставиваясь, дальше. Дѣйствительно, среди этихъ красивыхъ и по-праздничному разодѣтыхъ бабъ я не замѣтилъ того благоговѣйнаго ожиданія, съ какимъ встрѣчали икону въ другихъ мѣстахъ. Онѣ весело болтали, громко пересмѣивались, зазывая проходящихъ. Среди нихъ царило, повидимому, одно только желаніе поживиться отъ этой толпы.

Отвѣдавъ невкуснаго яства, сильно отзывавшаго плохимъ постнымъ масломъ, я тронулся въ дальнѣйшій путь и, спустившись съ небольшого холма, наткнулся неожиданно на новую сцену. На дорогѣ, среди кучки плутовато посмѣивавшихся раскольничьихъ красавицъ, Андрей Ивановичъ являлъ новые примѣры пеустрашимости. Въ сторонѣ стоялъ знакомый уже мнѣ тарантасъ: распряженныя лошади ѣли овесъ, а хозяйева оживленно спорили съ Андреемъ Ивановичемъ.

— А, па парѣ вы ѣздите!...—кричалъ Андрей Ивановичъ купеческому сынку, одѣтому, какъ вчера, въ мужицкій

картузь. — Я на тебя не посмотрю, что ты ѣздишь на парѣ... Много я вашего брата училъ...

Онъ подвигался къ противнику, такъ же, какъ вчера, подставляя щеку. Одинъ изъ товарищей купчика, субъектъ въ длиннѣйшемъ пиджакѣ и въ картузь съ огромнымъ козырькомъ, еле стоявшій на ногахъ, путаясь, заплетаясь и балансируя, то и дѣло подходилъ къ Андрею Ивановичу съ воинственнымъ видомъ, но каждый разъ отлеталъ далеко въ сторону отъ легкихъ толчковъ послѣдняго. Мужичокъ-возница, въ кумачной рубахѣ и каstorовой шляпѣ, оказывалъ болѣе дѣятельную помощь купцу, и потому Андрей Ивановичъ по временамъ схватывалъ его за грудь и сильно сотрясалъ. Купецъ замахивался зонтикомъ, но ударить не рѣшался, несмотря на то, что Андрей Ивановичъ всячески поощрялъ его къ этому

— Ну, что-жь, ударь, ударь... Я и женку-то знаю, которую ты вчера приводилъ... Егорки Михалкинскаго баба, а?... Н-на парѣ ѣздишь, форсишь!... Безобразничать вамъ только... Богомольцы!....

Но молодой купчикъ, видимо оробѣвшій, все только замахивался своимъ зонтикомъ. Тогда, потерявъ терпѣние и предвидя мое вмѣшательство, въ смыслѣ примиренія, Андрей Ивановичъ вдругъ далъ совершенно неожиданный исходъ своей ярости. Кинувшись къ мужику-возницѣ, онъ схватилъ его одною рукою за грудь, а другою потянулся къ каstorовой шляпѣ.

— Ты за-зачѣмъ евою шляпу надѣлъ, зач-чѣмъ н-надѣлъ шляпу, а?—спрашивалъ онъ сдавленнымъ отъ ярости голосомъ и, сорвавъ ненавистную шляпу, вдругъ бро-

силса къ купцу, быстро сшибъ съ него картузь и сильнымъ движеніемъ нахлобучилъ ее ему на голову.

Озадаченная мина купца вызвала всеобщій хохоть; но такъ какъ послѣ этого оскорбленія онъ все-таки только взмахнулъ своимъ зонтикомъ, то терпѣніе Андрея Ивановича окончательно истоцилось. Не находя надлежащаго исхода своему боевому чувству, онъ схватилъ кунца своею дюжею рукой за пось и нѣсколько разъ потянулъ его изъ стороны въ сторону, съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія...

— Н-на парѣ ѣдите вы, безобразники, н-на-а парѣ!— приговаривалъ онъ при этомъ.

Въ это время я подоспѣлъ на мѣсто дѣйствія и не безъ труда увелъ расходившагося героя. Онъ то и дѣло вырывался у меня, подбѣгалъ къ своимъ противникамъ, швырялъ заплетавшагося обладателя пиджака на траву, сотрясалъ возницу за шиворотъ и тормозилъ купца. Наконецъ, все еще поворачиваясь, грозя кулаками и ругался, онъ рѣшился все-таки сойти съ холмика и разстаться съ своими врагами.

— Ахъ, Андрей Ивановичъ, Андрей Ивановичъ, и что вамъ только за охота драться!—сказалъ я.

— За правду помереть готовъ во всякое время!— категорически заявилъ Андрей Ивановичъ въ отвѣтъ.

— Да, вѣдь, они васъ не трогали, какая-жъ тутъ правда?

— Конечно, не трогали... Да ужъ у меня такой характеръ. Онъ тутъ передъ гаринскими больно расфорсился, а я ему форсу поубавилъ. Потому—не безобразы!...

— Ну, хорошо,—сказаль я, смѣясь.— А шляпа-то вамъ чѣмъ помѣшала?

— Шляпа? Это которая на Емелькѣ надѣта была, купецкая, что ли?

— Ну да!

Глаза Андрея Ивановича еще горѣли отъ возбужденія.

— Не обязанъ Емелька эту шляпу надѣвать,—сказаль онъ энергично и тономъ безповоротнаго убѣжденія.— Шляпа, шляпа!... Онъ есть мужикъ, значитъ носи картузь... Пустяки вы, ей-Богу, говорите!...—неожиданно разсердился Андрей Ивановичъ на меня и зашагалъ быстрѣе.

Х.

Ближе къ Оранкамъ мѣстность становилась лѣсистѣе. Мы уже миновали строенія монастырскаго хутора и опять колесимъ межъ деревьями, слѣдуя за прихотливыми изгибами лѣсной дорожки. Наконецъ, молодые дубы и клены разступились, ржаное поле набѣжало вплоть къ опушкѣ и передъ нами открылась небольшая полянка, съ трехъ сторонъ плотно охваченная лѣсомъ. За рожью мы увидѣли сѣрыя избы монастырскаго слободки, деревянную ограду, темныя деревья монастырскаго сада и весело бѣглющія надъ зеленью верхушки церкви. Это и была цѣль нашихъ благочестивыхъ стремленій, «монастырь на ораномъ полѣ», какъ его звали встарину.

Такъ какъ икона отстала и, кромѣ того, мы шли ближайшимъ проселкомъ, то до встрѣчи у насъ было еще

много времени. Въ концѣ «порядка» мы нашли незанятую еще избу и спросили самоваръ. Андрей Ивановичъ, впрочемъ, исполняя обычай, прежде отправился въ баню, а я, утоливъ жажду, растянулся въ задней избѣ на рогожкѣ, и мгновенно меня охватилъ тяжелый сонъ сильной усталости. До меня долеталъ поднявшійся па-встрѣчу иконѣ трезвонъ, я видѣлъ Андрея Ивановича, чисто вымытаго и съ краснымъ лицомъ, слышалъ, что онъ обращался ко мнѣ со словами укоризны, обвиняя въ малодушіи. Хозяйка, стоявшая тутъ же, уговаривала оставить меня въ покоѣ.

— Ну, нѣтъ, никакъ нельзя! — волновался мой спутникъ.—Эстолько мѣста прошелъ, неужто теперича и Владычицу не встрѣтить?... Не трогъ, я его подыму!

И онъ непременно поднялъ бы меня какимъ-нибудь болѣе или менѣе жестокимъ способомъ, еслибы въ это время трезвонъ, клирное пѣніе, гулъ и топотъ толпы не показали ему, что со мной онъ рискуетъ не встрѣтить икону и самъ. Онъ бросилъ мою руку и ринулся изъ избы. Въ моихъ ушахъ еще нѣкоторое время укоризненно звенѣли монастырскіе колокола, потомъ звонъ сталъ тише, и я слышалъ только ровный шумъ славнаго лѣтняго дождя, ударявшаго въ легкую деревенскую постройку. Наконецъ нѣсколько капель, упавшихъ мнѣ прямо въ лицо съ протекавшаго потолка, разогнали мою тяжелую дремоту...

Дождь прошелъ. Солнце густыми золотыми лучами заглядывало въ моя окна. Кругомъ было тихо и мнѣ казалось, что между труднымъ путемъ, дракой Андрея Ива-

новича на дорогѣ, между всѣми происшествіями этого дня и теперешнею минутой легли цѣлыя сутки. Не безъ уси-лія натянувши сапоги на натруженные ноги, я вышелъ.

На нашемъ «порядкѣ» было тихо и спокойно. Кое-гдѣ устало слонялись богомольцы, бабы сидѣли на завален-кахъ, въ открытыя окна виднѣлись компаніи за самова-рами. Большинство отдыхали или были въ церкви, такъ какъ всеночная еще не отошла. За оврагомъ, на дру-гомъ «порядкѣ», движенія было больше. Здѣсь раскину-лись палатки и навѣсы деревенской ярмарки. Напуган-ные дождемъ, торговцы и торговки теперь раскрывали опять свои нѣсколько промокшіе товары. Тутъ были ка-лачницы съ бѣлымъ хлѣбомъ, квасницы съ грушевымъ квасомъ, по копѣйкѣ кружка, бакалейщики съ пряниками. Нищія старушки проходили по рядамъ, подставляя круж-ки Христа ради. Въ кабакѣ было шумно; на площади кучи народа встрѣчались, бесѣдовали, сходились и расхо-дились. Бѣлыя рубахи-шуппаны мордовокъ то и дѣло мелькали среди русскихъ ситцевъ и кумачей.

Сквозь открытыя монастырскія ворота мнѣ была вид-на паперть церкви съ густою толпой народа. Вечернія тѣни сгущались вокругъ монастыря на лѣсной полянкѣ, очертанія предметовъ въ сыромъ воздухѣ смягчались, огни предъиконныхъ свѣчей мелькали въ глубинѣ храма и пѣ-ніе долетало по временамъ мягкими волнами звуковъ, примѣшиваясь къ шуму деревенскаго торга.

Всеночная отходила. Когда я вошелъ въ церковь, старый архіерей уже стоялъ у выхода и два діакона раз-облачали его, произнося установленный обрядъ. Черезъ

минуту архіерея увели подъ руки и народъ сталъ тоже расходиться.

На восточной сторонѣ двора я увидѣлъ еще одни ворота. За ними, уходя куда - то внизъ, виднѣлись въ сумеркахъ деревья сада и утопающій въ зелени куполь часовни. Я спустился къ ней по каменнымъ ступенькамъ, меня влекло уединеніе этого угла, тихій шепотъ деревьевъ и журчаніе воды, скрытой гдѣ-то въ темнотѣ. Въ часовнѣ оказался бассейнъ съ большою чашей надъ нимъ. Шаги гулко отдавались подъ его сводами. Капли воды срывались съ чаши и звонко падали въ водоемъ одна за другой. На восточной стѣнѣ маячили очертанія какой-то большой картины; фигуры слабо выступали изъ мрака, таинственно и неясно, какъ будто посясь въ воздухѣ надъ святымъ ключомъ.

XI.

Тихій сумеречный часъ, шорохъ деревьевъ и немолчный звонъ воды—все это настраивало особеннымъ образомъ, и въ моемъ воображеніи поднялись картины прошлаго. Здѣсь, у этого ключа, съ этого самаго мѣста, гдѣ я стою теперь, нѣкогда основатель монастыря бояринъ Глятковъ увидѣлъ чудный огонь на Оранской горѣ...

«И егда идяше по полю зовому Оранскому, и вниде въ непроходимый лѣсъ, и узрѣ на горѣ огонь возгнещепъ. И прииде и никого же обрѣте близъ огня того отъ человекъ, но токмо отъ него выпрѣ зрѣть столпъ вельми свѣтелъ, досяжущъ до небеси... День же бѣ той сумра-

чень, и тучи велія хождяху по воздуху, яко не токмо неба, но и солнца невозможно видѣти, и дождь исхождаше велій во весь той день».

Пораженный этимъ «видѣніемъ», такъ простодушно и такъ поэтично описаннымъ въ старинной рукописи, бояринъ Глятковъ и рѣшилъ здѣсь заложить монастырь, въ 1634 году, среди лѣсовъ, населенныхъ «поганую терюханскою мордвой». Поганая мордва, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась очень педовольна новымъ соудствомъ. Монастырю пришлось выпести много превратностей, начиная съ волокиты по жалобамъ мордвы на отнятіе земель. Однако, боярину удалось волокиту осилить, и государевою грамотой повелѣно было «пожаловать старца Гляткова съ братією лѣсу вдоль на версту и поперекъ тожь отмежевать; а буде имъ надобно монастыремъ для лѣсу и дровъ вѣзжать въ мордовскіе лѣса, и имъ вѣзжать велѣтъ для всякаго лѣсу и дровъ опричь бортнаго дерева». Тогда поганая мордва рѣшилась на другія средства. Много разъ слышались вокругъ обители грозные крики, много разъ мордва съ «дерзостнымъ нечестіемъ» возставала на нее, и даже самъ основатель, бывшій бояринъ Петръ, а тогда уже схимонахъ Павелъ Глятковъ, налъ жертвой въ 1665 году. Ночью ворвалась мордва въ монастырь. Старецъ кипулся на колокольню, но мордва нашла его тамъ и онъ былъ звѣрски убитъ. Его повлекли съ колокольни за ноги по ступенямъ. «Отъ ударовъ,—говоритъ составитель описанія Оранской Богородицкой пѹстыни, — голова была прошиблена, а отъ прошибу текла изъ нея кровь въ

такомъ множествѣ, что ею обагрена была вся лѣстница». Помощи подать было некому, такъ какъ иноковъ было всего восемь человекъ. А кругомъ только лѣсъ окружалъ пѣтухъ,—дремучій лѣсъ, родственннй и дружественннй «поганой мордвѣ», которая защищала его отъ вторженія чужой культуры... Такъ погибъ основатель пустыни.

Терпѣла обитель и еще многія напасти. Кромѣ мордвы, приходили въ пѣтухъ и пограбляли ее «воровскіе люди», нерѣдко, изъ сосѣднихъ деревень. Мордва тѣснила ее «относительно жалованной земли, съ лѣсомъ и угодыями», которыя «поганые терюхана» привыкли, конечно, считать своими. Наконецъ, и отъ своихъ жалованныхъ крестьянъ терпѣла пустынь, по выраженію іеромонаха Макарія, «упорство въ повиновеніи». Упорство это «доходило до того, что въ 1745 году монастырскіе крестьяне изъ Нижегородской губерніи убѣжали, чтобы не платить положеннаго оброка, и поселились въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ». Во всѣхъ этихъ напастяхъ, кромѣ заступленія Богородицы, пустынь оберегалась также и благочестивымъ радѣніемъ благодѣтелей. Такъ, перечисливъ во вкладной грамотѣ даруемыя пѣтухъ земли, одинъ изъ этихъ благодѣтелей скромно говорить: «и на той землѣ тѣшались моимъ многогрѣшнымъ собраны изъ бѣговъ и поселены тѣ бѣглые крестьяне оной пѣтухъ: Петръ Алексѣевъ, у него сынъ Алексѣй, да Матоей Алексѣевъ, да Ѳедосій Алексѣевъ, да Сидорка Тимоѣевъ, съ женами и дѣтьми... Такожъ прошу и молю,—заключаетъ благочестивый комиссаръ-жерт-

вователь,—аще паведеніемъ супостата нашего впредь отпои обители вкладные крестьяне пожелаютъ на тое земли или въ другія мѣста бѣгать и жить, дабы ихъ ловить и за такое скотское и несмысленное дерзновеіе жестоко наказывать кпуютомъ, посылать на старое ко оной обители жилище, дабы то святое мѣсто паче прославлено было, а не пусто».

Несмотря на эти благочестивыя мѣропріятія, пустынь существовала скудно и трудно. Видно, ни Петръ Алексѣевъ, ни Матѳей, ни Фодосій, ни Сидорка Тимоѳеевъ съ женами и дѣтьми, ни всѣ жертвованныя благочестивыми людьми «души» надлежащимъ образомъ къ обители не прилежали. «Въ 1730 году, — какъ сказано въ описи монастырскаго имущества за тотъ годъ, — 4 книги четыхъ миней заложены у дворянина у Ивана Дмитріева Лѣнивцева въ семи рубляхъ съ полтиной... а заложилъ тѣ книги бывшій казначей Иларіонъ, по братскому приговору, на время, ради хлѣбной пужды...»

Въ 1764 году, по объявленіи монастырскихъ штатовъ, Оранская пустынь, что на Словенской горѣ, оставлена за штатомъ и крестьяне, а равно и угоды у нея были отобраны. Казалось, начинанію Петра Гляткова, видѣвшаго въ тонцѣмъ снѣ будущую славу монастыря па осіянной небеснымъ свѣтомъ Словенской горѣ, приходилъ конецъ. Но именно съ этого времени, когда рабы Сидоркины и Алешкины души были изъяты изъ-подъ монастырскаго ярма, и начипается періодъ процвѣтанія пустыни. «Единственная падежда, — говоритъ іеромонахъ-описатель, — была на чудотворную икону Божіей

Матери, и надежда эта оправдалась. Въ 1771 году открылась моровая язва... Въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ цѣлыя сотни людей дѣлались жертвами преждевременной смерти... Тогда, не довольствуясь молитвами передъ святынею нижегородскою, вспомнили о чудотворной иконѣ Оранской Богоматери, которая, по распоряженію епископа Теофана Чарнуцкаго и градскаго начальства, была принесена въ Нижній, въ кафедральный соборъ. И вотъ, во время крестнаго хода, — повѣствуетъ Макарій, — надъ Нижнимъ Новгородомъ замѣтили, что носившіяся въ воздухѣ тонкія облака вдругъ начали собираться въ одно мѣсто и сгустились въ одно черное облако, понесшееся за Волгу». Вскорѣ послѣ этого и язва прекратилась. «Въ память этого событія благодарные нижегородцы постановили приглашать икону къ себѣ ежегодно и исполнять сей обѣтъ свой въ роды родовъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія къ обители Сидорокъ и Алешекъ, равно какъ и поганыхъ терюханъ, измѣнились. Бѣгать теперь отъ монастыря не приходилось, объ угодыяхъ споры прекратились за отобраніемъ послѣднихъ. Чудотворная икона, прежде обращавшая силу свою на посрамленіе воровскихъ и разбойныхъ поповноженій окрестныхъ жителей противъ старцевъ и являвшаяся какъ бы воюющею стороною, теперь изливала свои милости, исцѣляла немощныхъ, прогоняла грозовыя тучи или призывала благодатные дожди на спаленныя нивы...

«И процвѣла есть пустыня яко крипь». Не слышно уже болѣе въ обители тревожнаго набата, дремучій лѣсъ не вторитъ ни жалобнымъ стонамъ совлекаемаго съ коло-

кольні старца, ни злобнымъ крикамъ терюханъ, ни святотатственнымъ окрикамъ удалыхъ воровскихъ людей: Кругомъ монастыря въ этотъ тихій вечерній часъ смокаетъ говоръ тысячной толпы богомольцевъ; таинственно шепчутся высокія деревья монастырскаго сада и я стою окруженный тѣнями старины, слушая немолчный звонъ воды надъ тѣмъ самымъ ключомъ, гдѣ нѣкогда старецъ Глятковъ припадалъ въ умиленіи у подножія дикой Словенской горы...

Темнѣло быстро. Съ востока опять надвигалась туча. Выйдя изъ часовни и поднявшись на холмъ, я увидѣлъ, что ворота, въ которыя я вошелъ, заперты. Задній дворъ монастыря былъ пустъ, во дворѣ монастырской школы слышался стукъ колотушки караульщика.

— Вамъ выйти, что ли?—спросилъ у меня мужичокъ, возившійся около бани.

— Да, вотъ не знаю, какъ выйти.

Онъ провелъ меня въ маленькую калитку. Пройдя вдоль старой мшистой монастырской стѣны, мы очутились на небольшомъ бугрѣ, надъ оврагомъ. Мѣсто было пустое и тихое. Простой, огромный, восьмиконечный крестъ простиралъ надъ поляной свои плечи сурово и важно. Надъ крестомъ, затѣняя полянку еще болѣе и теряясь густолиственной головой въ вечернемъ небѣ, ровно и крѣпко шумѣло на вѣтру громадное дерево.

— Тутъ, подъ этимъ крестомъ, что міру лежитъ... и-д, безъ числа!—сказалъ мой провожатый. — Кладбища тутъ была крестьянская,—добавилъ онъ.—Потомъ, слышь, унистожили. Не понравилось архирею одному, что плачемъ

мы шибко, когда коронимъ своихъ... Теперь, стало-быть, коронимся въ другомъ мѣстѣ.

Когда я вышелъ на площадь, торгъ прекратился. Торговки укладывались и покрывали на ночь товаръ. Изъ монастырскаго двора выходили послѣдніе запоздалые, быть-можетъ, по кельямъ, посѣтители. Какого-то странника выталкиваютъ силой и запираютъ за нимъ ворота. Странникъ громить отцовъ и собираетъ около себя кучку раскольниковъ-слушателей... Около кухни послушникъ равнодушно выслушиваетъ укоры пришлыхъ изъ города нищенокъ.

— Мало, что ли, принесла вамъ Владычица изъ Нижняго? Нѣтъ у васъ для богомолокъ куска хлѣба!...

Послушникъ-хлѣбопекъ хладнокровно вытиралъ полой потное лицо.

— Вы должны просить со смиреніемъ, а вы дерзостно просите,—сказалъ онъ.

— Чтò я сказала? Только и сказала, что вамъ, дескать, морденокъ своихъ, что-ль, кормить нечѣмъ.

— Ну, вотъ видишь: сама язвительныя слова говоришь, а хочешь, чтобъ тебѣ подали. Ступай, ступай!...

На площади народъ рѣдѣетъ. Только у харчевни Андрей Ивановичъ громко спорилъ съ прїѣхавшими на базаръ окрестными раскольниками.

— Врешь, не туда гнѣте!...—разносился рѣзкій голосъ неугомоннаго сапожника.

ХІІ.

На слѣдующее утро я проснулся довольно поздно. Андрея Ивановича уже не было въ избѣ.

Большинство богомольцевъ уже ушли, чтобы воспользоваться для пути утреннимъ холодкомъ. За то изъ окрестныхъ деревень народу прибывало все больше. Многие шли въ церковь, чтобы повидать архіерея, но большинство, кажется, привлекала ярмарка, вступившая во второй день (такъ называемое подторжье). Завтра, съ «отваломъ», она должна была кончиться. Въ числѣ прибывшихъ было много раскольниковъ изъ ближнихъ къ монастырю деревень, и поэтому кое-гдѣ въ кружкахъ кипѣли собесѣдованія, переходившія по временамъ въ страстные споры, а иногда и въ ругательства.

— Вы почему сами себя, напримѣръ, православными считаете?—спрашиваетъ раззадоренный спорщикъ.

— А потому,—высокопарно отвѣчаетъ вопрошаемый,— что наша церковь—Христова, на правильной славѣ стоять сколько время.

— Никонова вѣра у васъ.

— А у васъ Дунькина!...

Я зашелъ въ церковь. Тамъ между народомъ я увидѣлъ двухъ крестьянъ, у которыхъ длинные волосы были сбриты на макушкахъ. Замѣтивъ, что я присматриваюсь къ нимъ, старикъ мой сосѣдъ пояснилъ, наклонясь ко мнѣ:

— Раскольники это.

— Зачѣмъ же они бреются?

— А это у нихъ повѣрье, что, значить, на нихъ Духъ

Святой сходить. Такъ вотъ, чтобы легче ему взойти въ человѣка... стало-быть, волосы мѣшаютъ.

Раскольники стояли истово и по временамъ крестились двуперстнымъ сложеніемъ.

Икона, вынутая изъ кіота, стояла у себя, дома, на южной сторонѣ, невдалекѣ отъ архіерейскаго амвона. Надъ ней было развѣшано бѣлое полотенце; народъ, какъ всегда, толпился около нея; каждый, подходя, крестился, многіе вытирали полотенцемъ глаза, цѣловали икону и проходили дальше. Поставивъ передъ иконой нѣсколько свѣчей по порученію, данному незнакомыми старушками, я вышелъ.

На площади мнѣ попался на-встрѣчу Андрей Ивановичъ, быстро проходившій среди толпы. Онъ шель, размахивая руками, не замѣчая людей и, повидимому, занятый какою-то мыслью, которая его сильно волновала. Губы его что-то бормотали, лицо было задумчиво-сердито

— А-а, Галактіонъчъ! Я васъ ищу...

— Что такое?

— Подите-ка сюда.

Онъ отвелъ меня въ сторону. Я замѣтилъ, что онъ какъ будто сконфуженъ, точно сейчасъ выдержалъ баталію и остался побѣжденнымъ. Лицо его было въ поту, глаза растерянно косили.

— Какъ оно будетъ правильнѣе,—спросилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ, точно школьникъ, тайкомъ спрашивающій у товарища невыученный урокъ, — то-есть какъ Христось сошелъ на землю: *въплоти* или *воплотѣ*?...

— Ничего не понимаю.

— Ну, вотъ, какой вы, ей-Богу! Видите: ежели *вд-плоти*,—стало-быть голосъ ударяетъ вначалѣ; а ежели *воплотѣ*,—слѣдовательно, уже силу имѣетъ въ концѣ. Вѣдь, это же разница.

— Да зачѣмъ вамъ?

— Стало-быть надо! Потому что я передъ людьми оконфуженъ. Вотъ видите какое дѣло. Стали мы тутъ говорить о вѣрѣ... Ну, и я тоже выражалъ отъ себя... Да вы не думайте: ей-Богу, все правильно говориль, какъ есть... А одинъ тутъ изъ раскольниковъ все мнѣ напротивъ, все напротивъ... И вдругъ это онъ мнѣ и говоритъ: да ты что, говоритъ, споришь, а самъ еще и разговаривать съ нами не можешь. Скажи, говорить, какъ Господь нашъ Иусъ Христосъ сошелъ на землю: *вд-плоти* или *воплотѣ*?*)». Ну, я подумалъ и говорю: «стало-быть, *воплотѣ*». «Поэтому, говорить, ты есть невѣжа и повиненъ гееннѣ огненной»... Ей-Богу, правда. А я, признаться, и самъ маленько сумнѣваюсь, правильно ли я сказалъ, потому что они—начѣтники... Такъ, вотъ, вы мнѣ объясните.

— Я думаю, что всего правильнѣе: во плоти.

— Во-пл-о-д-ти? (Андрея Ивановича очень удивила возможность еще третьей комбинаціи). А вѣдь, ей-Богу, пожалуй, вѣрно.

Онъ хлопнулъ себя по лбу и дернулся въ сторону, намѣреваясь куда-то бѣжать.

---

*) Одинъ изъ вопросовъ раскольниковъ дѣлектики.

— Да я не понимаю, Андрей Ивановичъ, зачѣмъ вы объ этомъ спорите? Вѣдь, въ этомъ никакой важности нѣтъ и духъ ученія вовсе не въ удареніяхъ.

— Какъ вы говорите: духъ?

Андрей Ивановичъ остановился, готовясь не проронить ни одного слова.

— Ну, да, духъ христіанскаго ученія!... А, вѣдь, это одно пустое словоизмышленіе, пустяки...

— Такъ, такъ,—мотнулъ Андрей Ивановичъ головой... Духъ—разъ (онъ загнулъ одинъ палецъ), словоизмышленіе—два (онъ опять загнулъ палецъ). Еще можетъ что-нибудь скажете?

— Будетъ съ васъ.

— Ладно! Теперь мнѣ бы его найти; я его этимъ самымъ словомъ сейчасъ на мѣстѣ ушибу, ей-Богу!

Андрей Ивановичъ возбужденно зашагалъ въ толпѣ, разыскивая глазами своего антагониста, а я провожалъ сочувственнымъ взглядомъ его несовѣтъ-то складную фигуру. При всей своей безпорядочной страстности, добрый человѣкъ былъ навѣрное ближе къ истинному смыслу христіанскаго ученія, чѣмъ многіе болѣе развитые люди, и я зналъ, что въ немъ бродятъ, не находя исхода, искренніе и глубокіе запросы... Мнѣ было досадно, поэтому, видѣть его глубокое огорченіе отъ своей безпомощности передъ схоластическою эрудиціей раскольника.

Увы! могъ ли я предвидѣть въ эту минуту, что для моего сожалѣнія вскорѣ представятся гораздо болѣе основательные поводы?...

XIII.

Андрею Ивановичу нужно было зайти къ знакомому мужику въ одну изъ ближайшихъ деревень, носящую многознаменательное названіе Сивухи. Онъ звалъ меня, но я чувствовалъ усталость и хотѣлъ сберечь силы для обратнаго пути. Поэтому мы условились, что онъ пойдетъ одинъ, а я выйду спустя нѣкоторое время и потихоньку пойду по дорогѣ. Андрей Ивановичъ меня догонитъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Пошатавшись еще по базару, напившись чаю и расплатившись съ хозяевами, я надѣлъ свою котомку и тихонько пошелъ прямою лѣсною дорогою.

Оказалось, однако, что Андрей Ивановичъ опередилъ меня. Выйдя изъ лѣсу, я вдругъ услышалъ его голосъ:

— Эй, Галактіонычъ, подите сюда!

Онъ лежалъ на травѣ, среди цѣлаго общества, у зеленого шалаша, построеннаго подъ лѣсомъ въ сторонѣ отъ дороги. Синій дымокъ вился тонкою струйкой надъ землей, теряясь въ кустарникѣ. Надъ огонькомъ висѣлъ котелокъ и какой-то мужикъ съ мохнатою головою, безъ шапки и босой, мѣшалъ въ котелкѣ ложкой. Другой, тоже раздѣтый, лежалъ у огня, облокотившись подбородкомъ на руки. Человѣка три въ сапогахъ и шапкахъ, видимо проѣзжіе, остановились на время. Невдалекѣ стояли нераспряженныя телѣги, а лошади щипали у кустовъ траву, обмахиваясь хвостами. Еще какой-то низенькій мужичокъ, весь сѣрый и «блѣсый», со свѣтлыми глазами и незначительными чертами лица, которыя хранили выраженіе постоянной недоумѣлой улыбки, сидѣлъ въ сторонѣ

отъ другихъ въ телѣгѣ, то и дѣло пожимаясь отъ комаровъ и почесываясь.

Поздоровавшись, я пожелалъ узнать, зачѣмъ здѣсь шалашъ и что они дѣлають въ полѣ, далеко отъ деревни.

— Бекетчики, — сказалъ лежавшій на землѣ, — значить гля бекету...

Видя, что я не совсѣмъ понялъ, другой, мѣшавшій ложкой въ котлѣ, прибавилъ:

— Гля разбою, стало-быть, гля грабежу мы поставлены.

Я догадался, что это сельскій пикетъ. Снявъ котомку и положивъ ее подъ голову, я съ наслажденіемъ растянулся на сыровой травѣ. Надъ моею головой лапчатые листья клена, насквозь пронизанные лучами солнца, качались на длинныхъ стебелькахъ, купаясь въ синемъ воздухѣ, и мнѣ казалось, что они трепещутъ отъ такого же сознательнаго наслажденія, какое въ эту минуту переполюняло меня. Между тѣмъ, въ компаніи около огонька начался опять разговоръ, прерванный моимъ приходомъ. Первый началъ Андрей Ивановичъ.

— Ну, ну, говори дальше, не опасайся... Товарищъ это мой, простякъ!

— Ну, вотъ, больше ничего. А что полагаю я: не можетъ быть, значить, чтобы намъ провалиться, потому какъ мы при отцахъ-дѣдахъ надаваны господами и живемъ, стало-быть, на отцовскомъ мѣстѣ. Потому что господа, значить, объ монастырѣ радѣли. Мало ли ихъ, господъ, и теперича на кладбищѣ лежить. Вотъ была, слышь, вой-

на севастопольска. Я мальчонкой былъ, и то помню: выбѣжали мы съ ребятами за околицу, глядимъ, везутъ изъ лѣсу въ черной телѣгѣ смоляной гробъ, а въ гробу, слышь, полковникъ убитый въ монастырь ѣдетъ корониться. Да не то что полковники, тутъ и генералы лежать...

— Не туда гнѣшь!—строго сказалъ Андрей Ивановичъ.—Ты это что же на генераловъ свернулъ? Ты о кудесникѣ доскажи. Онъ, видишь, тебѣ какое слово сказалъ. Стало-быть, ты ему и отвѣчай, а генераловъ оставь!

— Дэ-э!... То-то вотъ... — подтвердилъ одинъ изъ проѣзжихъ мужиковъ не безъ ехидства.

Я понялъ, что опять попалъ на словопренія, и мнѣ стало ясно взаимное положеніе сторонъ. Бекетчикъ Иванъ Савинъ—мужикъ изъ подмонастырской слободки, быть-можетъ, прямой потомокъ какого-нибудь Петра Алексѣева или Сидорки Тимоеева, которыхъ, въ старые годы, какъ мы видѣли выше, сыскивали, били за несмысленное и скотское дерзновеніе кнудомъ и водворяли на прежнее жилище, дабы «обитель паче прославлена была, а не пуста»... Потомки Сидорки Тимоеева, давно уже лежащаго подъ старымъ крестомъ, со всею «силой» похороненнаго здѣсь міра, примирились съ обителью... Но кругомъ осталось много не примирившихся... Собесѣдники Савина—раскольники изъ окрестныхъ деревень, возвращавшіеся на этотъ разъ съ базара. Предметъ спора—будущая судьба «Оранаго Поля»... Въ раскольничьемъ населеніи, жадно подхватывающемъ всѣ проявленія человѣческой слабости среди иноковъ обители, носится легенда, гласящая, что нѣкогда всему этому мѣсту сужде-

но провалиться сквозь землю... Раскольники угрожают этимъ также и слободкѣ... Андрей Ивановичъ на сей разъ являлся въ несовсѣмъ-то подходящей ему роли посредника или предсѣдателя на этомъ полевомъ диспутѣ, у «бекетнаго» шалаша...

Иванъ Савинъ насчетъ кудесника отвѣтилъ не сразу. Я не глядѣлъ на него, но ясно представлялъ себѣ его спокойное лицо, простодушный взглядъ голубыхъ глазъ, мохнатую бѣлокурую голову и неторопливыя движенія. Онъ продолжалъ помѣшивать въ котелкѣ, и когда заговорилъ опять, то въ его голосѣ слышалась спокойная увѣренность человѣка, не навязывающаго своихъ взглядовъ другимъ, но за то твердо убѣжденнаго въ томъ, что онъ говорилъ.

— А насчетъ кудесника такъ это вѣрно... Была у него, слышь, черная книга и по этой самой книгѣ онъ до всего доходилъ... Всю ночь, бывало, огонекъ у него въ кельѣ: мастерить что-то, либо эту книгу читаетъ. И сдѣлалъ онъ земное подобіе, вродѣ бы сказать шаръ земной, и тутъ тебѣ солнце, и земля, и звѣзды. Заведетъ пружину—и пойдетъ это земля въ ходъ, и солнце тебѣ выкатывается, и луна кругъ земли ходитъ, и, стало-быть, звѣзды тоже по своимъ мѣстамъ... Какъ у Бога, такъ и у него... въ акурать!

— Ну, въ этомъ, я полагаю, грѣха нѣту, — сказалъ Андрей Ивановичъ, — потому это глобусъ.

Я повернулъ голову, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвели эти слова городского человѣка на собесѣдниковъ. Услышавъ его приговоръ, снабженный такимъ

мудренымъ словомъ, раскольникъ глядѣлъ нѣсколько секундъ растеряннымъ взглядомъ.

— Нѣту грѣха, говоришь, въ этакомъ-то дѣлѣ?...

— То-то, сказываютъ, въ этомъ еще грѣха нѣту, — продолжалъ Савинъ,—потому что это подобіе на славу Божию, значить—для вразумленія человѣковъ... Ну, а вы послушайте дальше. Стало-быть, сколько-то прожилъ онъ и померъ скорою смертію, безъ покаянія. Паль у себя въ кельѣ и умеръ.

— Оно и видно, что ужъ Богъ не потерпѣлъ,—вставилъ раскольникъ.

— Ну, значить, какъ померъ онъ, надо было сундуки вскрывать. А замки у него такъ хитро прилажены: бились, бились — ничего не подѣлаютъ. Вотъ и позвали, слышь, для этого дѣла нашего деревенскаго одного... Мастеръ тоже былъ на всѣ руки. Онъ и отперъ.

— Ну?

— Нехорошо, дѣйствительно!... Въ одномъ, слышь, сундукѣ деньги, такъ пачками и лежать, веревочками обвязаны. А какъ другой открыли, такъ тутъ ужъ такое увидали, что и сказать грѣшно: лежитъ въ сундукѣ сдѣлана дѣвица, какъ быть живая...

Раскольникъ, поднявшійся на локоть, съ горящими глазами, не вытерпѣлъ и, перебивъ расказчика, досказалъ самъ:

— И, слышь, толкнуть эту дѣвицу подъ ложечку,—сейчасъ она срамныя слова можетъ говорить...

— Слово-то мы, положимъ, что не слышали,—сказалъ Савинъ.

Андрей Иванович молча и сосредоточенно покачалъ головой. Ободренный его видомъ, раскольникъ заговорилъ съ страстнымъ возбужденіемъ:

— Да, вѣдь, это, братецъ мой, что онъ говорить!... Вѣдь, ужъ въявь для всѣхъ знаменіе было отъ Бога, что нельзя Ему, Батюшкѣ, больше ихняго мѣста терпѣть. На-смердѣло!

Въ котелкѣ закипѣло. Савинъ отодвинулъ котелокъ отъ огня и затѣмъ сказалъ своимъ ровнымъ голосомъ:

— Знаменіе, братецъ, понимать тоже надо, къ чему оно дается. Видите—опять это вѣрно онъ говорить, что было знаменіе. Стало-быть, на «порядкѣ» у насъ видѣли, можетъ, часовенка махонькая стоитъ. Тутъ прежніе годы вертепъ былъ. Это вотъ завтра, къ отвалу ярмарки, мордва соберется, видимо-невидимо. Такъ-вотъ въ прежніе года, не очень давно, у нихъ въ этомъ мѣстѣ игрища была; дѣвки, бывало, хороводы водють, пѣсни поють, а парни на гармоніяхъ играютъ, въ дуды дудятъ... И все, значить, у самага монастыря; конечно, нехорошо, само собой И пришла, знаешь, одинъ разъ къ игрищу этому дѣвица, сторонняя какая-то. Мордва-то вся бѣлая, а дѣвица эта въ черномъ платьѣ; только голова бѣлымъ платкомъ повязана. Вотъ пришла, стала середь игрища, стоитъ, этакъ руки вытянула, глазами въ одно мѣсто смотреть. А чья дѣвица, неизвѣстно. Вотъ разошлась мордва съ игрища, а она стоитъ. Ночь пришла,—она все ни съ мѣста. Наконецъ того, повѣрите ли, на зарѣ вышли наши бабы коровъ гнать... Что за диво: стоитъ дѣвица середь полянки, ровно статуя, перепугала народъ весь. Стали ко-

торые подходить, спрашиваютъ: «что, молъ, дѣвонька? По какой причинѣ стоишь?» Ни слова. Ну, тутъ ужъ увидѣли, что дѣло это не простое. Приѣхалъ исправникъ Воронинъ, свели ту дѣвицу силѣмъ съ мѣста, и стала она послѣ того объяснять. Вышла, говорить, на игрищу и вдругъ этто вижу: все кругомъ провалилось... Я одна на малымъ мѣстѣ стою и ступить мнѣ некуда... А икона, значить, на облакъ въ небо поднялась...

— Ну, вотъ видите! — подхватилъ раскольникъ. — Вѣдь, ужъ это вѣявѣ обовначаетъ, что ихнему мѣсту не стоять...

Андрей Ивановичъ сосредоточенно покачалъ головой и сказалъ, обращаясь къ Ивану Савину:

— Поэтому, вижу я, ваше дѣло ай-ай плохо...

— А я такъ полагаю, — отвѣтилъ Иванъ Савинъ, — не можетъ быть, чтобы намъ провалиться. Потому, ты разсуди самъ, милый человѣкъ: первое дѣло игрищу съ этихъ самыхъ поръ уничтожили, отслужили на томъ мѣстѣ молебенъ съ иконой и поставили часовенку...

— Да что игрища!... Будто въ одной игрищѣ дѣло, — перебилъ раскольникъ, — насмердѣло ваше мѣсто передъ Господомъ, аки Содомъ!...

Иванъ Савинъ снялъ совсѣмъ котелокъ съ огня, попробовалъ кашу и сказалъ другому «бекетчику»:

— Готово, дядя Силантій, пуцай вотъ поостынетъ маленько. — Затѣмъ, обратясь къ собесѣднику, отвѣтилъ: — Это, братъ, ты сверхъ ума говоришь... Это неизвѣстно. Конечно, грѣшны и мы, а все за другихъ авось Господь не взыщетъ. Потому мы развѣ монахамъ молимся? Мы

Владычицѣ молимся, вотъ кому... Тоже, вѣдь, и объ васъ было знаменіе...

— Мало ли! — угрюмо сказалъ раскольникъ и затѣмъ поднялся.—Пора и запрягать намъ.

Оба они съ товарищемъ пошли къ лошадямъ.

Бѣлесый мужичокъ, сидѣвшій въ телѣгѣ и слушавшій очень внимательно весь разговоръ, подошелъ къ огню и, почесывая руками брюхо, сказалъ, лукаво подмигивая въ сторону раскольниковъ:

— Не любятъ... Какъ про нихъ заговорили, имъ и запрягать надо...

И затѣмъ, постоявъ нѣсколько секундъ, онъ опять улыбнулся и сказалъ:

— А у насъ, слышь, еще какъ-то новая вѣра при-скочила. Астрицка, что ли, сказываютъ. Часовню хотятъ строить...

— А какое же, говоришь, знаменіе объ нихъ?—обратился Андрей Ивановичъ къ Савину.

— Да вотъ, знаменіе тоже не малое. Ходитъ тутъ паренѣкъ ихній, безумный. Это недавно цѣлую деревню спалилъ, а прежде того у насъ въ монастырѣ не въ урочное время на колокольню забился и давай звонить... Народъ весь перебулгачилъ. Просто сказать — юродивый паренѣкъ этотъ. А отчего сталъ юродивый, такъ вотъ отчего. Былъ онъ у нихъ за первѣющаго начѣтчика и на радѣніяхъ ихнихъ замѣсто попа читалъ. Вотъ, говорить, однажды, — самъ вѣдь и рассказываетъ это, когда въ себя приходитъ,—много, говорить, читалъ, толковалъ отъ ума, въ перстахъ божество разбиралъ... Усталъ. Вы-

хожу, говорить, на крыльцо, сталь, говорить, супротивъ вѣтру, прохлаждаюсь маленько. А дѣло вечернее. На небѣ звѣзды горять и луна стоять,—свѣтло, какъ вотъ днемъ. Только, говорить, слышу вдругъ трещить что-то надъ лѣсомъ. Оглянулся туда: летить поверхъ лѣсу змій крылатый, а-агромнѣйшій змій летить, весь пламенемъ пышетъ и трещить такъ, ровно бы въ трещетку... Оглянуться, говорить, не успѣлъ я, — ужь онъ полнеба покрылъ и прямо на нашу деревню, да ко мнѣ, да пасть разставляетъ... Вотъ, ждуть-пождуть въ избѣ, а парня все нѣту. Вышли за нимъ, а онъ лежитъ пластомъ, какъ не живой. Съ тѣхъ поръ и ума рѣшилъ. Когда и опомнится, такъ все-таки не надолго...

— Галактіонычъ, вы не спите?—спросилъ у меня Андрей Ивановичъ.

— Нѣтъ, Андрей Иванычъ, не сплю.

— Слушаете?

— Слушаю.

Онъ помолчалъ, повидимому, ожидая отъ меня еще что-то, потомъ сказалъ (я представлялъ себѣ при этомъ его наморщенный лобъ и сосредоточенный взглядъ):

— Удивительное дѣло, право!... Вотъ мы сколько лѣтъ въ городахъ живемъ и никакихъ чудесъ не видали. А у васъ кругомъ, куда ни повернись, чудеса... Или ужь просты вы очень...

— Ахъ, милый! — сказалъ Иванъ Савинъ. — Нешто можно городского человѣка къ мужику примѣнить?... Ты вотъ, скажемъ, сапожникъ. Купилъ ты товару, спилъ сапогъ, несешь его къ господину или, будемъ говорить,

къ купцу. Сейчасъ онъ смотритъ: сапогъ форсистый, товаръ хорошій, работу твою знаетъ, и спрашиваетъ онъ у тебя цѣну. Ты, къ примѣру, просишь пять рублей, онъ тебѣ—четыре. А ужь оба вѣрно знаете, что за четыре съ полтиной сапогъ этотъ идетъ. Ежели, скажемъ, нужда тебѣ, ты опять у него же просишь. Такъ ли я говорю?

— Ну, ну!... къ чему только ты это примѣнишь?

— А къ тому, что, значить, ты въ своей волѣ живешь и должноѣ ты больше уважать давальцу. А мужикъ... онъ кругомъ какъ есть въ божьей волѣ ходить. Сейчасъ вотъ парить крѣпко, а изъ-за лѣсу вонъ ужь туча глядитъ. Тебѣ это ни къ чему, только - что развѣ промокнешь. А мужикъ — ужь онъ соображаетъ, стало быть, къ чему Господь-Батюшка эту тучу приспособляетъ. Вотъ теперъ для хлѣбовъ она пользительна, и мы должны Бога благодарить. А иной разъ бываетъ: хлѣба налились, вдругъ холодомъ пахнуть, побѣжить-побѣжить градовое облако. Тутъ ужь надо мужику ко Владычицѣ прибѣгать, икону мы подымаемъ, молимся: отвори! И, стало - быть, ежели можетъ еще грѣхамъ нашимъ терпѣть, то заступится, пронесетъ мимо. А ежели ужь невозможно Ей терпѣть, мы должны бѣдствовать. Такъ-то...

— И видите вы себѣ отъ иконы заступленіе?

— И-и, какъ не видать! Явственно видимъ. Давно ли было, третьяго или четвертаго году, появился червь на хлѣбахъ... И нигдѣ не было, только у насъ... что на ржи, что на просѣхъ и даже лёнъ жралъ. Изъ себя неболь-

шой, чернѣй, мохнатенькѣй, глаза у него востренькѣе, а ежели подразнишь его соломенкой, такъ онъ и вскидывается, равно бы, сказать вамъ, змѣенышъ. Злющій червь!... Пошелъ я съ мальчонкой, съ племяшомъ, на ниву посмотреть. Хлыснули прутомъ по колосу, — повѣришь ли, какъ дождь, вотъ какъ дождь этого червяка посыпалось. Ну, видимъ мы такое насланіе, стало-быть, не иначе — надо икону поднимать. Подняли, прошли съ молебствіемъ, и взялась тутъ туча—а-агромная туча—и ударила на поля вѣтромъ да грозой. Что же думаете: вышли на утро въ поле—ни одного червя!...

— А насчетъ того, чтобы больныхъ исцѣлять... бывало ли?

— Въ прежніе года много бывало. А теперь не слышно. Въ книжкахъ вотъ писано... значить про моровую язву и потомъ насчетъ болящихъ...

— А у насъ такъ вотъ была же чуда отъ иконы, — вмѣшался бѣлесый мужичонко, — и, слышь, не въ давніе года. Стало-быть, жила въ нашемъ городу купчиха одна и дочь у той купчихи была хворая. Скрючило ее съ тринадцатаго году, ноги отняло и не стало ей росту. Все бывало на лежанкѣ сидитъ и, ежели на нее стороннему человѣку посмотреть, какъ есть малая дѣвчонка, а ужъ въ ту пору было ей по семнадцатому году. Много тоже молились онѣ, чтѣ иконъ подымали, — все не беретъ сила!... Почаевска, слышь, и то не могла помочи ей... Только разъ приснился той дѣвицѣ старичокъ сѣденькѣй: «Сходи, говоритъ, ты, скорбная дѣвица, къ Николѣ въ N-ское село». Ну, онѣ и поѣхали. И, вѣдь, что думаете вы: по-

ложили дѣвицу на земь, принесли икону, и стала дѣвица на ноги маленько подыматься. Сама послѣ сказывала: какъ понесли икону, такъ будто отъ головы къ ногамъ ее вѣтромъ опахнуло,—значить, сила изошла. И съ тѣхъ поръ выпрямилась дѣвица вполнѣ и такая стала красавица!... Приѣхала черезъ три года въ то село съ матерью,—священникъ ее и не узналъ.—«А гдѣ же, говорить, болящая?»—«А это, говорить, я самая». За хорошаго жениха замужъ вышла, право!... Своя лавка у него въ городу, и капиталъ хорошій... Вотъ, братцы, удивительная чуда была у насъ!—и бѣлесый мужичонко посмотрѣлъ на насъ довольными глазами.

— Конечно, бываетъ,—сказалъ Иванъ Савинъ.

— Галактіоничъ!—окликнулъ меня опять Андрей Ивановичъ.—Слыхали вы это?

— Слышалъ.

— А какъ думаете, можетъ ли это быть?

— Я думаю, что онъ не вретъ.

— Э, не туда гнѣте: не вретъ!... Съ чего ему врать то? Ленегъ за это не дадутъ. А вы скажите, въ чемъ сила самая? Скажемъ такъ: холерѣ надо уже прекратиться,—тоже, вѣдь, не вѣчно ей быть... Къ тому времени приносятъ икону. Холера, значить, прошла—чудо... Ну, хорошо, и насчетъ дождя то же самое: тучу вѣтромъ пригнало. А ежели дѣвицу теперь, которая скрючивши три года, и вдругъ выпрямляетъ и вполнѣ, значить, дѣлаетъ изъ неѣ человѣка... Это какъ?

— Вѣра, Андрей Ивановичъ...

Андрей Ивановичъ опять выжидающе помолчалъ.

— Вѣра, вы говорите?... То-то вотъ и есть. Э-эхъ, господа, господа!...

И Андрей Ивановичъ недовольно махнулъ рукой.

XIV.

Онъ былъ сильно не въ духѣ, и хотя вообще очень трудно было услѣдить каждый разъ причины той или другой переменъ въ его довольно причудливомъ настроеніи, но на этотъ разъ мнѣ казалось, что я его понимаю. Разказы Ивана Савина, его спокойный голосъ, безповоротная увѣренность и очевидная правдивость — все это произвело на горожанина сильное впечатлѣніе. Онъ невольно поддавался настроенію вѣры, чудесъ и непосредственнаго общенія съ таинственными силами природы. Между тѣмъ, во мнѣ онъ съ обычною чуткостью нервныхъ людей улавливалъ совершенно другое умственное настроеніе, не менѣе безповоротное, — и это мѣшало цѣльности его впечатлѣнія. Формулировать ясно свои вопросы онъ не могъ, я на его вызовы не поддавался, и потому Андрей Ивановичъ ворчалъ что-то про себя и сердито укладывался возлѣ шалаша.

— А что, Андрей Иванычъ, не пойдѣмъ ли?...

— Куда вамъ торопиться! — отвѣтилъ онъ ворчливо.

Я не безъ удивленія замѣтилъ, что, обыкновенно бодрый и неутомимый, онъ поворачивался теперь лѣнливо, съ нѣкоторымъ трудомъ. Вслѣдствіе этого у меня невольно мелькнуло подозрѣніе относительно какого-нибудь

новаго приключенія во время посѣщенія знакомаго въ Сивухѣ.

Я не возражалъ. Мнѣ было пріятно бродить среди этихъ полей, не разсуждая и не заботясь о томъ, дойдемъ ли въ назначенное время до намѣченного ранѣе ночлега, или будемъ путаться ночью гдѣ попало.

Вскорѣ Андрей Ивановичъ захрапѣлъ. Бѣлесый мужичонко, ѣхавшій откуда-то издалека, запрягалъ лошадь; бекетчики, перекрестясь, усѣлись за свой котелокъ и до меня долетали слова тихаго разговора. Сначала дѣло шло о какихъ-то двухъ съ полтиной и о новыхъ подшинахъ для купленной недавно телѣги. Но черезъ нѣкоторое время, когда листья клѣна, на которые я смотрѣлъ, начали расплываться и слились въ какой-то неопредѣленно-зеленый навѣсъ, охватившій меня со всѣхъ сторонъ,—изъ этихъ двухъ голосовъ выдѣлился грудной баритонъ Ивана Савина. Онъ говорилъ что-то неторопливо, долго, монотонно. Словъ я не помню, помню только, что сначала мнѣ было смѣшно, потомъ странно. Я чувствовалъ, что постепенно, по мѣрѣ того, какъ даже зеленый навѣсъ исчезаетъ отъ взгляда, я попадаю все болѣе и болѣе во власть Ивана Савина. И вдругъ я увидѣлъ какое-то странное небо, совсѣмъ не то, какое видѣлъ недавно, и странныя облака ходили по немъ, точно туманное стадо, а Андрей Ивановичъ гонялъ ихъ съ одного края на другой, размахивая гигантскими руками. Въ это время я помнилъ еще, что смотрю на все это чьими-то чужими глазами. Но потомъ все еще болѣе потемнѣло; гдѣ-то вдали мерцалъ одинокій огонекъ изъ кельи монаха-кудесника, по-

томъ полетѣлъ змій, трещавшій, какъ трещить пожаръ въ сухихъ постройкахъ, и, наконецъ, появилась неизвѣстная дѣвица въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ. Вслѣдъ за ея появленіемъ земля дрогнула отъ какого-то глухого далекаго удара. «Бѣда,—сказалъ я себѣ голосомъ Ивана Савина,—безпремѣнно должны мы теперича провалиться». И тотчасъ же рѣшилъ, уже самъ отъ себя, что гораздо лучше... проснуться.

XV.

И я проснулся. Въ первую минуту я не могъ сообразить, гдѣ я и что со мною, и отчего мнѣ трудно двигаться съ мѣста... Надъ моею головой тревожно бились листья клѣна, но теперь они не сверкали отъ лучей солнца въ яркой синевѣ, а блѣдно рисовались на темно-свинцовомъ фонѣ. Громадная туча поднималась изъ-за лѣсу и все ширилась, тихо раскидывая по небу свои крылья. Изъ-подъ нея порывами налеталъ вѣтеръ и вдали ворчалъ громъ.

— Вставайте скорѣй, Андрей Ивановичъ, надо хоть до деревни идти.

Огонь погасъ. Бекетчики спали въ шалашѣ. Проѣзжіе уѣхали. Было поздно и надвигалась гроза. Андрей Ивановичъ проснулся, протеръ глаза и, въ свою очередь, сталъ будить какого-то мужика, лежащаго у шалаша. Должно-быть, онъ подошелъ къ намъ, когда мы уже спали.

Мужикъ заворчалъ что-то и поднялся.

— Вставай, дядя, а то промокнешь... Э, да кажись знакомый. Видалъ я тебя гдѣ-то...

Мужичокъ какъ-то сморгнулъ и сконфуженно отвѣтилъ:

— Да вѣдь ужъ нигдѣ, какъ въ Сивухѣ.

— То-то въ Сивухѣ!... А дозвольте мнѣ, почтенный, узнать, вы за что меня колотили, какая можетъ быть причина?

— Господи!—удивился я.—Андрей Ивановичъ, неужели опять?...

— Засаду сдѣлали. Емелька подлець научилъ. Да еще вотъ этотъ почтенный ввязался.

— Да вѣдь мы,—конфузливо оправдывался мужикъ,—мы нешто отъ себя? За людьми... Какъ люди, такъ и мы... Сказываютъ: больно ужъ ты, милый, озорникъ большой...

— А ты видѣлъ, какъ я озорничалъ?—спросилъ Андрей Ивановичъ съ выраженіемъ сдержанной злобы въ голосѣ.

— Не видалъ, милый, не совру... Потому выпитчи былъ...

— Посмотрите вы на этотъ народъ: сами нажрутса, а потомъ другихъ колотятъ... Нацья, нечего сказать!—неожиданно для меня прибавилъ онъ съ патріотическою горечью.

— Да вѣдь мы что? Мы, дѣйствительно, выпитчи,—смирненно говорилъ мужикъ,—у праздника были, у сродниковъ. Ну, и... випитчи, это вѣрно... Такъ въ этомъ бѣды нѣту, потому что мы сами себя ведемъ смирно... спимъ. А ты, сказываютъ, на ночлегѣ никому покою не далъ... Мнѣ, конечно, что, а бабы жаловались: такъ, слышь, всю ночь шаромъ и катается, все одно ёжъ по избѣ...

— Тьфу!—сплюнулъ Андрей Ивановичъ и, не говоря болѣе ни слова, быстро надѣлъ котомку и пошелъ по дорогѣ.

Я догналъ его и мы пошли молча. Андрей Иванович видимо злился и унывалъ. Нежданно пріобрѣтенная слава, которая могла достигнуть до ушей Матрены Степановны, беспокоила его всего болѣе. Результаты сивухинскаго боя, о которомъ онъ не распространялся, тоже, вѣроятно, присоединяли не мало горечи къ его настроенію. Наконецъ, туча покрыла большую половину неба и грозила ливнемъ, а до деревни было еще далеко.

— Ник-когда не пойду больше!—злбно сказалъ Андрей Ивановичъ.—И не зовите! Грѣхъ одинъ съ этимъ народомъ... — И потомъ онъ меланхолически прибавилъ: — А передъ хорошимъ человѣкомъ я вполнѣ оказался обманщикомъ.

— Это вы о комъ?—спросилъ я.

— О комъ?—извѣстно, объ Иванѣ Спиридоновичѣ, объ давальцѣ. Вѣдь сапогамъ-то срокъ сегодня, въ аккуратъ... Чай, дожидается...

— Съ которыхъ же поръ онъ у васъ хорошимъ человѣкомъ сталъ? Давно ли вы на него сердились?

— Сердился!... Странно вы говорите: мало ли что мы сердимся! Вонъ мужикъ на царя три года сердаль, а тотъ и не зналъ. Такъ и мы. А объ Иванѣ Спиридоновичѣ я такъ обязанъ понимать, что онъ мнѣ первый благодѣтель. Когда ни приди: рупь, два—со всякимъ удовольствіемъ. Конечно, послѣ того въ цѣнѣ понажметъ...

— Ну, вотъ видите!

— Ничего тутъ не видно... Нашего брата ежели не нажимать, мы совсѣмъ Бога забудемъ... А что, на лицѣ у меня синяковъ нѣту?

Я внимательно осмотрѣлъ лицо Андрея Ивановича и далъ успокоительный отвѣтъ.

— И на томъ спасибо! Семейному человѣку это всего хуже,—докторально объяснилъ онъ.—Семейнаго человѣка лучше ты всего оглоблей исколоти, а лица и рукой не тронь.

— Ну ужь...

— Чего ну? Много вы понимаете!...

Я вспомнилъ про Матрену Степановну и потому не возражалъ болѣе. Къ тому же, Андрей Ивановичъ, угнетаемый обстоятельствами и готовившійся къ «хомуту», совершенно измѣнился. Со мной сталъ строптивъ и раздражителенъ, о «нации» говорилъ съ презрѣніемъ, за то о купечествѣ и давальцахъ отзывался въ меланхолически-почтительномъ тонѣ. Буйный демократизмъ перваго дня нашего путешествія совсѣмъ съ него схлынулъ.

Я отчасти приписывалъ это близкой грозѣ.

Туча заволокла уже небо и теперь все сгущалась и все падала кпизу, опускаясь надъ полями, на которыхъ побѣлѣвшіе и поблекшіе хлѣба бились и припадали къ землѣ. На темномъ фонѣ этой тучи нѣсколько оторванныхъ клочковъ тумана, прохваченныхъ опаловыми отблесками, неслись куда-то тревожно и быстро, точно запоздалые всадники, убѣгающіе вдоль тяжелаго фронта атакующей колонны. Громъ перекатывался сердитѣе и гулче и по временамъ яркая молнія, извиваясь зигзагами, бороздила набухшія грозою тучи.

Дорога казалась пуста. Мы обогнали на холмѣ только глухого еврея-солдата, котораго встрѣтили въ первый день.

Онъ началъ разсказывать намъ о томъ, какъ онъ потерялъ платокъ и вернулся за десять верстъ, въ надеждѣ разыскать его. Кромѣ того, онъ проливалъ кровь за вѣру и отлично игралъ на бубнѣ... Все это было когда-то, въ далекомъ прошломъ, а теперь онъ глухъ, и бѣденъ, и несчастенъ... Голосъ его звучалъ въ напряженномъ воздухѣ какъ-то особенно рѣзко и однотонно. Замѣтивъ, однако, что мы мало обращаемъ на него вниманія, и, кромѣ того, несмотря на свою глухоту, разслышавъ сильный громовой раскатъ, онъ вдругъ подобралъ полы своей сѣрой шинели и пустился бѣгомъ по дорогѣ.

Рожь гнулась и качалась на нивахъ, лѣсъ, синѣвшій впереди, поблѣднѣлъ, расплылся и исчезъ, по полямъ шумно стремились къ намъ на-встрѣчу колеблющіеся столбы ливня, соединявшаго небо съ землею...

— У праздника, нечего сказать! — произнесъ Андрей Ивановичъ, окидывая безнадежнымъ взглядомъ пространство, охваченное пеленой дождей и тумановъ...

Затѣмъ онъ принялся быстро укладывать въ котомку новый картузь, между тѣмъ какъ первыя капли гулко шлепались о дорожную пыль...

Июль 1887 г.

НОЧЬЮ.

Очеркъ.

I.

Было около полуночи. Въ комнатѣ слышалось глубокое дыханіе спящихъ дѣтей.

Въ углу комнаты, на полу, стоялъ мѣдный тазъ. На днѣ его было немного воды и стояла свѣча въ подсвѣчникѣ. Свѣча сильно нагорѣла, фитиль покрылся темною шапкой и тихо потрескивалъ. Кромѣ того, на стѣнѣ стучалъ маятникъ, а на полу, въ освѣщенномъ кружкѣ около таза, размѣстились нѣсколько таракановъ. Сдавшись на заднія лапки и поднявъ головы кверху, они смотрѣли на огонь и шевелили усами.

На дворѣ бушевала непогода.

Дождь стучалъ по крышѣ, трепалъ листья въ саду, плескался на дворѣ въ лужахъ. По временамъ онъ стихалъ и уносился вдаль, въ темную глубину ночи, но послѣ этого прилеталъ къ дому съ новою силой, бушевалъ еще больше, сильнѣе обливалъ крышу, хлесталъ по ставнямъ и порой казалось даже, что онъ струится

и плещеть уже въ самой комнатѣ... Тогда въ ней водворилось какое-то безпокойство: маятникъ какъ будто смолкалъ, свѣча готовилась погаснуть, съ потолка сползали тѣни, тараканы тревожно водили усами и видимо собирались бѣжать.

Но бурные порывы непогоды продолжались не долго. Казалось, дождь рѣшилъ про себя никогда уже не прекращаться, и когда вѣтеръ оставлялъ его въ покоѣ, онъ принимался гудѣть широко и ровно—и на дворѣ, и въ саду, и въ переулкѣ, и въ пустырѣ, по полямъ... Гуль этотъ, просачиваясь сквозь запертыя ставни, стоялъ въ комнатѣ то ровнымъ жужжаніемъ, то тихими всплесками.

Тогда маятникъ принимался опять отчеканивать свои удары съ рѣзкимъ упрямствомъ, свѣча тихо кряхтѣла, тараканы успокаивались, хотя, повидимому, упрямство дожда наводило на нихъ грустное раздумье.

Все это слышалъ и глядѣлъ на все это изъ-подъ своего одѣяла одинъ изъ двухъ братьевъ-погодковъ, которые спали въ освѣщенной комнатѣ. Старшаго звали Васей, младшаго—Маркомъ. Въ семействѣ былъ обычай давать шутливыя прозвища. У Васи была очень большая голова, которою онъ въ раннемъ дѣтствѣ постоянно стучался объ полъ, поэтому его прозвали Голованомъ. Маркъ былъ некрасивъ и смотрѣлъ нѣсколько изподлобья, отчего получилъ названіе Мордика.

Мордикъ сладко спалъ, а Голованъ уже съ полминуты прислушивался къ шуму дожда.

Онъ былъ большой фантазёръ и часто думалъ о томъ,

что происходит на свѣтѣ, когда всѣ спятъ: и онъ, и Маркъ, и дѣвочки, и старая нянька,—и значить некому смотрѣть... Неужели комната остается все такая же, и маятникъ продолжаетъ стучать, хотя его никто не слушаетъ, и свѣча продолжаетъ свѣтить, хотя свѣтить некому, и тараканы только бессмысленно сидятъ на полу, уставившись на огонь?... Не разъ уже, просыпаясь съ этою мыслью, онъ осторожно выглядывалъ изъ-подъ одѣяла... На этотъ разъ онъ самъ не замѣтилъ, когда проснулся, и ему показалось, что наконецъ-то онъ застигаетъ комнату врасплохъ. Вотъ уже съ полминуты онъ смотреть на нее не шевелясь, полуприщуреннымъ глазомъ, а въ ней все продолжается какая-то особенная, таинственная жизнь, которая прячется обыкновенно, когда на нее смотреть.

Все въ ней живо, удивительно, необычно и странно... Дождь мечется и злится снаружи, отбиваясь отъ вѣтра, маятникъ спорить съ шумомъ дождя, свѣча уныло кричитъ, тараканы хранятъ разумный видъ, какъ будто сейчасъ только разговаривали между собой и рѣшили единогласно, что положеніе свѣчи дѣйствительно жалкое, а дождь буянить совершенно напрасно. Кромѣ того, Вася сознавалъ, что всѣ они вмѣстѣ — вся комната со всѣми предметами — смотреть недоброжелательно па дѣтей, которые спятъ, ничего не подозревая, въ своихъ постеляхъ.

Однако, было и еще что-то самое странное, что Голованъ никакъ не могъ уловить. Когда же онъ раскрылъ совсѣмъ глаза и шевельнулся,—все сразу исчезло.

Маятникъ застучалъ тише и безъ особеннаго выраженія,

свѣча просто трещала, а не кряхтѣла, комната спохватилась и приняла обычный, будничныи видъ.

А между тѣмъ онъ все же чувствовалъ, что что-то такое странно... въ немъ самомъ, или въ комнатѣ, или, можетъ, отъ этого шума. Нѣтъ, это простой дождь,— шумить вовсе не громко, точно бормочетъ кто-то вяло и неразборчиво. Что-то струится и каплетъ, точно кто плачетъ подь стѣной, и чьи-то вздохи проносятся по деревьямъ сада... А въ саду теперь темно межъ деревьевъ, и въ бесѣдку ни одинъ человекъ не рѣшился бы пойти въ полночь, да еще въ дождь. Маркъ хвастался разъ, что пошелъ бы, еслибъ ему позволили... Но и то, конечно, не въ такую ненастную, бурную ночь...

По спинѣ у него пробѣжали мурашки, онъ припалъ къ подушкѣ и завернулся съ головой въ одѣяло.

Тогда ему показалось, что гдѣ-то въ стѣнѣ, или за стѣной, или подь поломъ происходитъ странное движеніе и говоръ. Слышались чьи-то голоса и шумъ чьихъ-то шаговъ...

Что это такое? Онъ высунулъ голову, чтобъ яснѣе слышать, но тогда звуки опять исчезли. Ему казалось, что онъ долженъ бы знать, что это такое, и тогда онъ понялъ бы и то, отчего ему кажется странно. Но онъ забылъ и не можетъ вспомнить, потому что во снѣ ему снилось совсѣмъ другое.

Тогда имъ стала овладѣвать тревога.

— А знаешь, Маркуша, что я скажу тебѣ? — сказала онъ вкрадчиво, обращаясь къ спящему брату.

Но Маркъ отвѣтилъ только продолжительнымъ храпомъ.

II.

Въ дѣтской существовали нѣкоторыя традиціи. Каждую ночь около часу оба мальчика просыпались и сходились у таза со свѣчой. Это было нѣчто вродѣ ночного клуба, который иногда посѣщался и дѣвочками. Последнее случилось не часто: для этого дѣвочкамъ не достаточно было проснуться во-время,—нужно было еще обмануть бдительность старой няньки, спавшей съ ними въ сосѣдней темной комнатѣ. Если это удавалось, то старшая, иногда при помощи братьевъ, вынимала изъ постельки самую младшую, Шурочку, и обѣ онѣ, жмурясь и потирая глаза, появлялись въ дверяхъ и бѣжали на огонекъ свѣчи. Тогда тараканы совсѣмъ удалялись отъ таза и только издали сердито уставлялись своими усищами на дѣтвору, которая, какъ и они, выползла изъ угловъ и отвоевала у нихъ мѣсто.

Тогда начинались долгіе и очень занимательные разговоры. Никогда дѣтямъ не говорилось такъ дружно и хорошо: казалось, тихій ночной часъ придавалъ бесѣдѣ особую прелесть мечты и фантастической неопредѣленности, а общая забота о томъ, чтобы не разбудить няньку, спланивала мальчиковъ и дѣвочекъ въ тѣсный кружокъ ночныхъ заговорщиковъ.

Впрочемъ, дѣвочки говорили очень мало; онѣ прихватывали съ собой одѣяла, простыни, платья и напяливали все это на себя, какъ попало. Старшая помогала младшей, а та безпрекословно повиновалась. Чѣмъ эта кос-

тюмировка бывала нелѣпѣ, тѣмъ больше доставляла наслажденія. Въ особенности если удавалось прихватить нянькины башмаки и ея красивый, съ большими цвѣтами, головной платокъ, тогда обѣ дѣвочки замирали въ молчаливомъ самосозерцаніи. Протянувъ ножонки въ огромныхъ башмакахъ, не шевеля головой въ фантастическомъ уборѣ, Шура сидѣла солидно и молча, а старшая, Маша, дѣлала какія-то гримасы. Она воображала себя большою дамой, а мальчики въ однихъ рубашонкахъ казались ей кавалерами во фракахъ.

Старая нянька много воевала съ этою привычкою, но окончательно побѣдить ее не могла. Путемъ многихъ столкновеній между обѣими сторонами установилось нѣчто вродѣ компромисса. Никто не имѣлъ права будить другихъ. Но, проснувшись самостоятельно, мальчики могли сходитья у таза, лишь бы вести себя тихо. Съ дѣвочками исторія была сложнѣе. Заслышавъ малѣйшій шорохъ въ ихъ кроваткахъ, нянька, какъ-то даже не давая себѣ труда окончательно проснуться, схватывала бѣглянку и укладывала обратно. Тогда дѣло считалось проиграннымъ и вторичная попытка—нечестной. Пойманная вскорѣ засыпала.

Но если бѣглянкѣ удавалось уже сойти на полъ и добѣжать до порога, тогда нянькѣ приходилось махнуть рукой. Когда она пускалась въ погоню, подымался страшный ревъ, мальчики вскакивали и бѣжали на защиту, крича, что Маня уже вошла въ ихъ комнату, что нянька почему-то «не имѣетъ права», и т. д. Происходилъ страшный кавардакъ, и обѣ воюющія стороны подвергались

опасности высшаго вмѣшательства. Бѣда, если шумъ достигалъ до слуха отца. Но если даже одна мать замѣчала возню въ дѣтской, она на слѣдующее утро призывала дѣтей и няньку.

— Что у васъ тамъ было опять?—спрашивала она съ выраженіемъ неудовольствія, которое огорчало всѣхъ даже больше отцовскаго гнѣва.—Никогда больше не смѣйте собираться у свѣчки!—говорила она дѣтямъ и тотчасъ же, обратясь къ нянкѣ, прибавляла:—И вѣчно ты... старая.

Эти послѣднія слова, почему-то, совершенно уничтожали въ глазахъ дѣтей смыслъ перваго запрещенія.

— Ну, чтò взяла, с-с-старая?!—тихо, но съ чрезвычайною язвительностью дразнили они ее, возвращаясь гурьбой въ дѣтскую. Нянька сердито возражала:

— Вѣчно мнѣ за васъ достанется, за баловниковъ..

-- А ты зачѣмъ поймала ее въ нашей комнатѣ?

— Неправда, я ее схватила, когда она была въ темной, а она вырвалась.

— Ахъ, неправда, вотъ ужь неправда!—горячо протестовала Маша.—Вовсе я была уже за порогомъ.

Нянкѣ приходилось сдаться, тѣмъ болѣе, что съ просонокъ она, по совѣсти, не могла утверждать точно, гдѣ именно схватила бѣглянку. Вообще разбирательство возвращало весь вопросъ на почву компромисса, который опять укрѣплялся и который дѣти исполняли вообще довольно честно.

III.

Теперь Вася хитрилъ: онъ показывалъ видъ, что не будить Марка, а считаетъ его проснувшимся.

— Знаешь, что я скажу тебѣ?

Но отвѣтомъ былъ лишь вздохъ и сонное бормотанье. Старуха тоже бормотала въ сосѣдней комнатѣ. Дождь все лилъ, хотя немного тише. Теперь яснѣ слышались струйки, падавшія съ крыши и съ водосточныхъ трубъ.

Глаза Голована стали невольно обращаться къ темной комнатѣ. Онъ всегда удивлялся, какъ это дѣвочки не боятся спать въ темнотѣ, въ которой ему всегда чудились странныя фигуры. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ были ему давно знакомы и теперь начинали уже роиться, хотя еще не были видны. Казалось, пока только еще шевелится сама темнота, переполненная начинающими опредѣляться призраками.

Тихое всхрапываніе няньки вспугивало ихъ, они вздрагивали, смѣшивались и исчезали, но тотчасъ же возникали опять, каждый разъ съ большею настойчивостью.

Это было очень мучительно, и Головану становилось даже легче, когда, наконецъ, они появлялись яснѣ...

Прежде другихъ появился, какъ и всегда, высокій, щеголеватый господинъ, весь въ зеленомъ, съ ослѣпительно-бѣлыми воротничками и манжетами. Лица у него не было, и это-то казалось особенно страшно. Кромѣ того, онъ не имѣлъ выпуклостей, а какъ-то странно отграничивался отъ темноты, какъ будто темная пустота

просто окрасилась въ зеленый цвѣтъ. Иногда же Васѣ казалось, что господинъ вырѣзанъ изъ зеленого и бѣлаго картона, что не мѣшало ему прохаживаться очень чопорно и съ большою важностью, «фигурять», какъ выражались дѣти, которымъ Вася днемъ передразнивалъ его походку.

Въ первыя мгновенія зеленый господинъ появлялся въ глубинѣ комнаты, чуть видный. Онъ проходилъ по круговой линіи, точно его кто передвигалъ на пружинѣ, скрывался въ лѣвомъ углу и мгновенно опять появлялся у правой стороны, чтобъ опять пройти по кругу, но уже ближе и яснѣе. Тогда-то Вася начиналъ его бояться. Сначала онъ старался не видѣть зеленого господина, потомъ съ язвительною ироніей увѣрялъ себя, что господинъ вырѣзанъ изъ картона. Но когда онъ подходилъ каждый разъ все ближе, Васѣ становилось все страшнѣе: а что, если у него окажется лицо и онъ взглянетъ прямо? Тогда уже придется окончательно отказаться отъ предположеній о картонѣ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, около зеленого господина начинало шевелиться еще что-то маленькое и безпокойное. Оно уже вовсе не имѣло никакой формы и казалось просто комкомъ темноты, которая шевелилась и производила разныя движенія, смѣшныя на видъ, но, въ сущности, страшныя. Вася подозрѣвалъ тутъ враждебную хитрость: сначала кажется смѣшнымъ, чтобы привлечь вниманіе, а потомъ вдругъ и у *этого* окажется лицо,—что тогда?

Окликнувъ еще разъ Мордика и опять не получивъ отвѣта, Голованъ рѣшилъ, что если онъ будетъ все ле-

жать и смотрѣть въ темноту, то ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Нужно было отряхнуться отъ душевнаго застоя, изъ котораго возникалъ кошмаръ, поэтому онъ всталъ и подошелъ къ свѣчкѣ. Тараканы, торопливо сѣменя ножками, перебѣжали на другую сторону таза.

Это заняло Голована на время, потомъ онъ сталъ прислушиваться къ шуму дождя.

Дождь замѣтно потерялъ силу. Шепотъ его то стихалъ, то опять повышался, точно сонное дыханіе. За то подымался вѣтеръ, пробѣгалъ по вершинамъ деревьевъ, и тогда слышался рѣзкій шелестъ. Вася представлялъ, какъ деревья клонятся среди ночной темноты и лепечуть листвою; но потомъ онъ говорилъ себѣ, что это вовсе не деревья и не вѣтеръ, а гигантскій листъ бумаги кто-то ворочаетъ на дворѣ, отчего и слышенъ шелестъ. Ему очень нравилось, что тотчасъ же выходило именно такъ, и даже самый звукъ мѣнялся и, вмѣсто шороха влажной листвы, слышалось сухое шуршаніе бумаги. Потомъ онъ опять мѣнялъ предположеніе: это среди ночи кто-то сыплеть зерно изъ громаднаго мѣшка въ гигантскую бочку. И тоже выходило. Когда вѣтеръ стихалъ, Голованъ говорилъ себѣ: «пошелъ за новымъ мѣшкомъ, сейчасъ принесть». И, дѣйствительно, тотчасъ же опять слышалось ясно, какъ зерно сыплется, шуршитъ, падаетъ на дно и бьется о стѣнки.

Хотя отъ этихъ произвольно измѣняемыхъ предположеній ощущеніе, что есть что-то странное въ домѣ, не прошло, но за то Головану удалось забыть о зеленомъ господинѣ. Весь его кругозоръ теперъ ограничивался освѣ-

ценною частью пола, тазомъ, свѣчой и тараканами, дремавшими напротивъ. Это однообразіе наводило и на него дремоту. Отъ пламени свѣчки потянулись лучами къ его глазу золотыя нити; свѣча стала расплываться.

IV.

Но въ эту минуту онъ вдругъ почувствовалъ, что теперь онъ не одинъ въ комнатѣ. Онъ вздрогнулъ, обернулся и увидѣлъ, что Маркъ стоитъ на своей кровати, опершись о стѣнку, и смотритъ передъ собой такимъ взглядомъ, точно онъ не совсѣмъ еще проснулся. Но когда Вася радостно обратился къ нему, онъ тотчасъ вспомнилъ, что днемъ они поссорились изъ-за колоды картъ. Поэтому онъ быстро легъ въ кровать и уткнулся въ подушку. Васю это огорчило.

— Ты развѣ не пойдешь къ свѣчкѣ?—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Не пойду!—рѣшительно отвѣтилъ Маркъ.

— Отчего?

— Ага, отчего? А карты помнишь?...

— Ну, выходи, завтра отдамъ.

— Врешь?

— Право отдамъ. И еще дамъ трубу играть до обѣда.

— Ей-Богу?

— Ну, ей-Богу.

— Скажи три раза.

— Оставь.

— Нѣтъ, скажи три раза, а то сейчасъ засну.

Въ душѣ Васи подымалась глухая досада: развѣ мало одной клятвы? Но Маркъ былъ задира и иногда любилъ поломаться, а теперь, вдобавокъ, вымещалъ вчерашнюю досаду, сознавая, что Голованъ въ его рукахъ и исполнить его безцѣльное требованіе. Дѣйствительно, покраснѣвъ отъ стыда, Вася скороговоркой произнесъ трижды: «ей Богу дамъ карты».

Тогда Мордикъ вылѣзъ изъ кровати и подошелъ къ свѣчкѣ, къ большой радости брата.

Обыкновенно Вася просыпался первымъ и промежуткомъ одиночества казался ему ужасно долгимъ. Пока онъ старался не глядѣть никуда по сторонамъ и ни о чемъ не думать, кромѣ свѣчи, таракановъ и таза,—ему казалось, будто кто-то склоняется надъ нимъ, кто-то ходить сзади, кто-то глядитъ на него и дышетъ. Воображеніе чутко настраивалось, и онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ освѣщенномъ пространствѣ, точно это была вершина горы, а кругомъ раскинулась темная и враждебная бездна.

За то, когда неробкій и положительный Маркъ подходилъ къ свѣту, призраки тотчасъ же исчезали, и воображеніе направлялось въ другую сторону: теперь въ немъ являлись другіе образы, болѣе спокойные и доставлявшіе Васѣ величайшее наслажденіе. По большей части это были рассказы изъ семейныхъ преданій, которые Голованъ схватывалъ изъ отрывочныхъ воспоминаній матери и отца въ какомъ-нибудь бѣгломъ разговорѣ съ гостями, въ залѣ. Онъ ловилъ эти отрывки съ бессознательною жад-

ностью, и въ ночные часы, у свѣчки, когда напуганное призраками воображеніе нѣсколько успокоивалось, странное вдохновеніе охватывало юнаго сказочника: обрывки семейныхъ преданій соединялись въ стройное цѣлое непонятнымъ для него самого образомъ. Какъ это выходило, онъ не зналъ. Онъ не зналъ также, откуда брались нѣкоторыя подробности, которыхъ никто ему не рассказывалъ, но только онъ былъ увѣренъ, что все это истинная правда. Онъ говорилъ легко и свободно о томъ, что было съ отцомъ и матерью, «когда насъ еще не было», а порой—что было и съ нимъ самимъ, когда его еще не было. Мать и отецъ въ этихъ разсказахъ, правда, и самому Васѣ, и его слушателямъ казались не совсѣмъ такими, какъ теперь. Они были тѣ же, но немножко иные. Вѣдь, въ сущности, все должно было быть немножко иное, «когда насъ не было». Трудно, напимѣръ, представить себѣ, что мама когда-то была такая же маленькая, какъ Шура, и играла куклами, а папа—было время—вовсе не ѣздилъ въ должность, а скакалъ верхомъ на палкѣ, въ бумажномъ колпакѣ. Это было такъ странно и удивительно, что дѣвочки хохотали, а самая младшая хлопала даже въ ладоши, рискуя разбудить няньку. Послѣ этого ничто уже не казалось удивительнымъ, и Голованъ свободно распоряжался событіями этого міра, съ которымъ дѣти свыкались, какъ свыкаешься, глядя въ цвѣтныя стеклышки, съ тѣмъ, что небо кажется краснымъ, и деревья тоже, и красный кучеръ погоняетъ красную лошадь, причемъ красныя колеса поднимаютъ красную пыль по дорогѣ... У мамы былъ тогда большой козель, который

всѣхъ убиваль на смерть рогами, а мама водила его на ленточкѣ, какъ собачонку. И когда папа задумаль жениться на мамѣ, то мамѣ было еще только четырнадцать лѣтъ, и козель чуть не убилъ папу на смерть. Но папа, все-таки, украдь маму изъ окна и женился. А потомъ, когда Вася былъ уже на свѣтѣ, маму хотѣли у папы отнять, отдать въ монастырь и чтобъ они опять были неженаты, а Васи тогда опять не было бы, потому что у неженатыхъ никогда не бываетъ дѣтей. И все это онъ помнитъ. Ему кажется даже, что онъ помнитъ, какъ папа украдь маму изъ окна. Онъ въ это время привсталъ въ кроваткѣ. Отець разъ назвалъ его за этотъ рассказъ дуракомъ. Когда же онъ разсказаль, какая была кроватка, и гдѣ она стояла, и какая была комната, то отецъ назвалъ его дуракомъ вторично, потому что его тогда не было на свѣтѣ, а въ кроваткѣ, которую онъ описываетъ, спала сама мама, когда еще была маленькой дѣвочкой, и комната была та, гдѣ мама жила дѣвочкой, а отецъ женился на ней въ другомъ городѣ. И должно-быть мама ему разсказывала о своей комнатѣ, а онъ теперъ вретъ, что самъ ее видѣлъ. Все выходило какъ будто и такъ, и отецъ оказывался правъ; но Вася съ горечью думаль про себя, что взрослые всегда оказываются правы, а въ сущности это не такъ: стоило ему зажмурить глаза, и передъ нимъ являлась какая-то комната, и окно, и папа несеть изъ окна маму. При этомъ луна свѣтила какъ-то странно, потому что и луна была, конечно, немножко иная, какъ и люди.

Все это и многое другое оживало ночью, и каждый

разъ, всматриваясь въ эти картины, Вася открывалъ въ нихъ все новыя подробности. Каждый разъ новооткрытая мелочь срасталась съ прежними такъ крѣпко, что при слѣдующемъ разсказѣ ее уже нельзя было отдѣлить, и Васѣ казалось, что онъ все это непремѣнно видѣлъ и помнить. Это обстоятельство подавало иногда поводъ къ недоразумѣніямъ: Маркъ, скептическій и положительный, напоминалъ порой, что раньше Вася рассказывалъ иначе, и начиналъ утверждать, что все это враки и «не можетъ быть». Вася страдалъ и старался смягчить Марка мягкостью и заискиваніемъ; но иногда это не дѣйствовало и Мордикъ, со свойственными ему упрямствомъ и жестокостью, начиналъ отрицать все. Во-первыхъ, онъ утверждалъ, что онъ все-таки былъ бы, еслибы даже папу съ мамой сдѣлали опять неженатыми. Онъ все-таки былъ бы себѣ, да и только, знать бы ничего не хотѣлъ... Мало ли что!... Потомъ онъ говорилъ, что Вася не видалъ, какъ папа украдывалъ маму черезъ окно, потому что Васи тогда не было; папа съ мамой были еще не женаты, а самъ же Вася говорить, что у неженатыхъ не бываетъ дѣтей. Потомъ онъ шелъ еще дальше и подвергалъ сомнѣнію самый фактъ «украдыванія». Женятся всегда днемъ и выходятъ прямо въ двери; онъ видѣлъ, какъ на сосѣднемъ дворѣ женился лакей. Онъ сошелъ съ крыльца и сѣлъ на извозчика, а горничная, которая тоже съ нимъ женилась, сѣла въ барскую коляску.

— Ну, врешь... ну, вотъ и врешь!—горячо вступалась за Васю Маша.—Я сама слышала, папа говорилъ въ гостиной, что мама—краденая и что ее хотѣли отнять.

— Нѣтъ, не краденая... нѣтъ, не краденая! — упрямо твердилъ Мордикъ.

— Значить, по-твоему, папа солгалъ, скажи: солгалъ? — наступала горячо Маша.

— Папа смѣялся, а вы, дураки, вѣрите!... Что взяла?.. И козла не было, — все это однѣ выдумки и враки, и не можетъ быть...

— Нѣтъ, не враки, нѣтъ не «не можетъ быть», а ты — противый спорщикъ, гадкй Мордикъ!...

— Враки, враки, враки!... — твердилъ Маркъ съ холоднымъ озлобленіемъ.

— Не враки, не враки, не враки!... — старалась переспорить его Маша, а маленькая Шура, всегдашняя сторонница сестры, начинала плакать.

Шумъ будилъ няньку. Но если даже этого не случилось, бесѣда все же была совершенно испорчена. Дѣти въ эти минуты ненавидѣли Мордика, какъ и тогда, когда они съ трудомъ возводили карточные домики, а онъ упрямо стрѣлялъ въ нихъ каждый разъ изъ угла бумажными шариками.

Фантастическіе домики Голована тоже рушились отъ скептическаго прикосновенія, и дѣти расходились отъ свѣчки въ кисломъ и охлажденномъ настроеніи. Вася огорчился до слезъ, тѣмъ болѣе, что онъ понималъ, въ сущности, что Мордикъ, пожалуй, правъ. Но только дѣло-то не въ этомъ. И Вася тоже правъ, и онъ вовсе не лгунъ. И потомъ: какъ же не было козла, когда козель былъ навѣрное, и мама сама говорила?..

V.

Подойдя теперь къ свѣчѣ, Маркъ первымъ дѣломъ изловчился и щелкнулъ одного изъ таракановъ такъ ловко, что тотъ пѣскольно разъ перевернулся въ воздухѣ и, какъ шальной, побѣжалъ въ уголь.

Маркъ держался смѣло и свободно. Не особенно красивыя черты производили впечатлѣніе увѣренности и нѣкоторой положительности. Вася былъ любимецъ матери, Маркъ—отца, который любилъ его за положительность и храбрость. Онъ не боялся темной комнаты, не боялся холодной воды, кидался въ рѣку такъ же свободно, какъ и взбирался на полѣкъ жарко натопленной бани. Между тѣмъ, воображеніе у Васи настраивалось уже заранѣе; заранѣе онъ пожимался отъ холода и отъ этого, казалось, самая кожа дѣлалась у него чувствительнѣе; онъ дрожалъ отъ холода тамъ, гдѣ Марку было только прохладно, и обжигался тогда, когда Маркъ утверждалъ, стоя во весь ростъ на полкѣ, что ему «ничего не жарко». Впрочемъ, исключая случая, вродѣ вышеприведеннаго, братья были очень дружны и понимали другъ друга съ полуслова, а иногда и безъ словъ.

— Ну, что, видѣлъ опять?—спросилъ Мордикъ.

— Зеленаго?—видѣлъ.

— Врешь, я думаю.

— Ей-Богу, видѣлъ.

— Ну?

— Ничего не лгу! Видѣлъ, а больше ничего... Безъ лица.

— Изъ бумаги?

— Какъ будто... не надо говорить.

— Вотъ глупости! Я не боюсь. Чего же бояться, если онъ изъ картона? Ну, ты, зеленый!—храбрился онъ, повернувшись къ дверямъ. Однако, видъ черной темноты подѣйствовалъ и на него; онъ отвернулся и добавилъ уже тише:—Я бы его разодралъ, больше ничего.

Вася поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— А тебѣ кажется странно?—спросилъ онъ.

Мордикъ подумалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется. А тебѣ?

— И мнѣ кажется. Отчего бы это?

— Оттого, что... на дворѣ вѣтеръ,—сказалъ Мордикъ, прислушиваясь къ шелесту листьевъ.

— И дождь шелъ, большой. И теперь еще идетъ, но поменьше. Но это не оттого. А кажется тебѣ,—живо прибавилъ онъ,—что это шелестятъ листомъ бумаги... о-о-огромнымъ?

Мордикъ прислушался и сказалъ:

— Нѣтъ, не кажется.

— А кажется тебѣ, что это сыплютъ зерно въ бочку?

Мордикъ опять послушалъ.

— Вовсе не кажется, потому что это вѣтеръ.

— А мнѣ иногда кажется. Но, все-таки, сегодня странно не отъ этого.

— А отчего?

— Не знаю. Зналъ, да забылъ. Теперь не знаю.

— И я не знаю.

Оба помолчали.

Въ это время на другой половинѣ дома, отдѣленной длиннымъ корридормъ, скрипнула быстро отворенная дверь. Ей отозвалась въ дѣтской оконная рама, пламя свѣчи колыхнулось, и дверь опять захлопнулась.

— Слышалъ?—спросилъ Вася.

— Да, слышалъ... Постой-ка.

Дѣйствительно, въ нѣсколько мгновеній, пока дверь открывалась и закрывалась, съ другой половины донеслись какимъ-то комкомъ смѣшанные звуки. Очевидно, тамъ не спали и, пожалуй, не ложились всю ночь. Чей-то голосъ требовалъ воды, кто-то даже голосилъ и плакалъ, кто-то стоналъ... При послѣднемъ звукѣ у мальчиковъ сердца забились тревожно.

— Знаешь, что это тамъ?—живо спросилъ Вася.

— Знаю. У мамы скоро родится дѣвочка.

— А можетъ мальчикъ.

— Н-ну... можетъ и мальчикъ.

Мордикъ помнилъ два случая рожденія, и оба раза это были дѣвочки. Поэтому, ему и теперь казалось, что должна родиться непременно дѣвочка. Впрочемъ, такъ какъ онъ помнилъ рожденіе дѣвочекъ, а своего и Васина не помнилъ, то порой ему приходила въ голову неосновательная идея, что рождались только дѣвочки, поэтому было время, когда ихъ вовсе не было. А они, мальчики, никогда не родились и всегда были. Онъ не особенно вѣрилъ самъ въ эту исторію, но она возвышала его въ собственномъ мнѣніи и давала преимущество передъ дѣвочками, которыя тоже хотѣли бы «всегда быть», но должны были смириться передъ недавностью факта: рожденія Шуры.

— Вот отчего и кажется странно...—сказалъ опять Вася.

— Вре-ешь...—протянулъ было Мордикъ, но потомъ согласился:—а пожалуй, твоя правда.

— Конечно, отъ этого. Видишь, тамъ никто не ложился. И потомъ, вѣдь, всегда бываетъ странно.

Оба задумались.

— Вдругъ не было дѣвочки, вдругъ есть...—сказалъ Голованъ задумчиво.

— Да, — повторилъ и Мордикъ, — вдругъ не было, вдругъ есть. Странно: откуда берутся?... Постой, я знаю, — поторопился онъ съ открытіемъ:—подкидываютъ!

Объясненіе было просто, но не удовлетворительно.

— Нѣтъ!—сказалъ Голованъ.

— Отчего это нѣтъ?

— Оттого что... оттого... вотъ отчего нѣтъ: потому что откуда же тотъ человѣкъ возьметъ, который подкинетъ?

— Онъ у другого.

— А другой?

— Еще у кого-нибудь.

— А еще кто-нибудь гдѣ возьметъ?

— Н-не знаю... Няня говорить: меня подъ лопухомъ нашли. Пустяки, я думаю.

— Конечно, глупости. Кто туда положить ребенка? И насчетъ золотой нитки... будто на золотой ниткѣ спускаютъ,—тоже глупости.

— Ужь эта старая скажетъ!... Ну, а какъ по-твоему: откуда?

— Конечно, съ того свѣта.

Мордикъ задумался. Мысль показалась ему очень простой и ясной... Понятно: на этотъ свѣтъ попадаютъ съ того свѣта.

— Ну, а какъ?

— Можетъ-быть, приносятъ ангелы.

— Ангеловъ, можетъ, еще и нѣтъ.

— Ну, ужъ это ты не говори. Это грѣхъ. Ужъ это всѣ знаютъ, что есть.

— А дядя Михайль...

— Мало ли что. Когда люди видѣли...

— Кто видѣль?

— Многие видѣли. Я тоже видѣль... во снѣ...

— Какой онъ?

— Бѣлый-бѣлый. Летѣлъ отъ сада Выговскихъ, все съ дерева на дерево, а потомъ перелетѣлъ черезъ огородъ, черезъ площадь. А я смотрю, гдѣ онъ сядетъ. Сѣлъ на крышу на маленькой лавчонкѣ Мошка и сталъ трепыхать крыльями. Потомъ снялся и полетѣлъ далеко-далеко.

— Хорошо летаетъ?

— Отлично. Я потомъ говорю Мошку: я видѣль во снѣ, что на твоей крышѣ сидѣлъ ангель.

— Мошко что?

— А Мошко говорить: ай-вай, какая важность! У меня каждый шабашъ бывають въ домѣ ангелы, а черти насыдутъ на крышу, все равно какъ галки на старую топдлю...

— Хвастаетъ.

— Н-нѣтъ, едва ли. У евреевъ многое бываетъ. А помнишь Юдка?

VI.

Юдка былъ огромный жидъ, съ громадною бородой и страшными полупомѣшанными глазами. Онъ разносилъ по домамъ лучшіе сорта муки и продавалъ ее въ розницу. Отмѣривъ муку гарницами, онъ потомъ прикидывалъ еще по щепоткѣ—«для дѣтокъ, для кухарки, для няньки, для кошки, для мышки». При этомъ его борода тряслась, а глаза вращались въ орбитахъ. Какъ только его громадная фигура съ мѣшкомъ на согнутой спинѣ являлась въ воротахъ, дѣтми овладѣвало ощущеніе ужаса и любопытства. Они дрожали передъ Юдкой, но не могли себѣ отказать въ удовольствіи посмотрѣть, какъ Юдка будетъ прикидывать «на кошку, на мышку». Онъ ходилъ каждую недѣлю и каждый разъ производилъ на дѣтей чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Какъ-то однажды Юдка вдругъ исчезъ и не являлся нѣсколько недѣль. И мать, и дѣти сильно недоумѣвали и думали, что старый жидъ умеръ. Оказалось другое, а именно: въ судный день Юдку схватилъ жидовскій чортъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Хапуна. На кухнѣ рассказывали исторію со всѣми подробностями. Въ судный день евреи собираются къ вечеру въ синагогу, оставляя «патынки» (туфли) у входа. Потомъ зажигаютъ множество свѣчей, закрываютъ глаза и начинаютъ жалобно кричать отъ страха. Въ это время Хапунъ на нихъ налетаетъ, какъ коршунъ, и хватаетъ одного. Потомъ, когда выходятъ изъ синагоги, всѣ разбираютъ свои патынки, но одна пара всегда остается. Въ этотъ разъ оста-

лись громадные патынки стараго Юдки, а потому всѣ узнали, что Юдку схватилъ Хапунъ.

Потомъ Юдка вдругъ опять появился, но онъ хромалъ и казался разбитымъ, а дѣти стали бояться его еще больше. Оказалось, что Юдку спасъ его пріятель, мельникъ изъ Кодни. Мельникъ этотъ вышелъ вечеромъ на свою греблю и стоялъ спокойно, почесывая брюхо и слушая, какъ вода шумить въ лоткахъ и бугай букаетъ въ очеретахъ. А вечеръ былъ ясный. Вдругъ видить: летить «какое-то» по небу. Присмотрѣлся, а это — Хапунъ тащить жидя. И видно мельнику, что ношу жидовская чортяка не по себѣ выбралъ: летить-летить, а самъ все припадаетъ, все припадаетъ. Ну, думаетъ мельникъ, другого такого крупнаго жидя не найти. Не иначе только это Хапунъ моего покупателя, стараго Юдку, на этотъ разъ сцапалъ. Конечно, еслибы не то, что Юдка всегда бралъ у мельника муку, никогда мельникъ не сталъ бы вмѣшиваться въ это дѣло. Но тутъ онъ-таки пожалѣлъ стараго знакомаго. Поэтому, затопавъ ногами, онъ крикнулъ вдругъ во весь голосъ: «Кинь, это мое!» Хапунъ выпустилъ ношу и взвился кверху, трепыхая крыльями, какъ молодой шулякъ, по которому выстрѣлили изъ ружья (голосъ у коднинскаго мельника-таки мое почтеніе!). А бѣдный жидъ со всего размаху плепнулся на греблю и сильно расшибся.

Юдка былъ на-лицо и всѣ видѣли, что онъ дѣйствительно хромалъ послѣ этого происшествія. Поэтому и Мордикъ не сталъ спорить: дѣйствительно, у евреевъ многое бываетъ. Кромѣ того, напоминаніе объ Юдкѣ и вообще разсѣяло въ немъ зачатки скептическаго упрямства.

— Да, такъ вотъ тогда Мошко много мнѣ рассказы-
валъ... и то, какъ родятся дѣти.

— Ну?

— Онъ говорить, у Бога есть два ангела: одинъ вы-
нимаетъ изъ людей душу, а другой привноситъ новыя ду-
ши съ того свѣта. Вотъ когда надо у кого-нибудь родиться
ребенку, та женщина дѣлается больна.

— Отчего?

— А оттого, что Богъ посылаетъ обоихъ ангеловъ:
маршъ оба на землю къ такимъ-то людямъ и ждите моего
приказа. Если на тѣхъ людей Богъ не сердится, то гово-
рить: положите ребенка около матери и ступайте оба на-
задъ. Тогда мать опять выздоравливаетъ. А иногда гово-
рить: возьми ты, смерть, душу у матери. И тогда мать
умираетъ. А иногда говорить: возьми и мать, и ребенка,—
тогда оба умираютъ...

— А знаешь что,—добавилъ Голованъ,—можетъ, еще это
и правда, потому что всегда боятся, когда надо ребенку
родиться, и мама недавно говорила: а можетъ я умру.

— А тетя Катя и умерла.

— Ну, вотъ видишь.

— Должно быть, этотъ ангелъ страшный?

— Нѣтъ, зачѣмъ... я думаю, не очень страшный. Вѣдь,
онъ не по своей волѣ. Думаешь, ему очень пріятно, когда
черезъ него всѣ плачутъ? Да что-жь ему дѣлать? Богъ
велить,—онъ долженъ слушаться. Онъ, вѣдь, не отъ себя.

— А замѣтилъ ты, послѣ того, какъ Катя умерла, ка-
кіе у Генриха глаза стали?

— Темные.

— Нѣтъ, не темные,—большіе.

— Большіе и темные. И никогда онъ съ нами такъ не шалить, какъ бывало.

— И все ссорится и спорить съ Михаиломъ.

— Я знаю, отчего онъ сердится. Я слышалъ, какъ они сильно ссорились: Михаилъ говорить, когда человѣкъ умереть, то изъ него сдѣлается порошокъ и человѣка нѣтъ вовсе. А Генрихъ говорить, что человѣкъ уходитъ на тотъ свѣтъ и смотреть оттуда, и жалѣеть...

— Такъ что? за что-жь тутъ сердиться?

— Э! видишь: если изъ человѣка дѣлается порошокъ, то значить и изъ Кати тоже. А онъ этого не хочетъ...

— Да, онъ ее любить.

Оба помолчали. Такъ какъ ни одному изъ нихъ не приходило въ голову снять со свѣчи, то она нагорѣла такъ сильно, что фитиль сталъ словно грибокъ. Придавленное пламя тянулось кверху языками, точно вѣтки дерева съ обстриженной верхушкой; отъ этого освѣщенное пространство стало еще ограниченнѣе. Не было видно ни стѣнъ, ни потолка, ни оконъ. Темнота шатромъ нависла надъ мальчиками, и шатеръ этотъ вздрагивалъ и колебался. А плескъ дождевыхъ капель и шорохъ деревьевъ теперь, казалось, проникли въ самую комнату и раздавались въ ея темнотѣ. И оба мальчика чувствовали, что такой странной ночи не было еще никогда.

Теперь оба уже уяснили себѣ содержаніе этого ощущенія странности. Нездоровье матери и ея предчувствіе, тревожная вѣжность отца, воспоминаніе о смерти тети Кати, потому что это необычное движеніе, говоръ и топотъ

шаговъ по той половинѣ и чей-то плачь, и чьи-то стоны,— все это было сведено къ одному и получило форму. Несмотря на сомнительный авторитетъ торгаша Мошка, даже скептическій Маркъ не находилъ возраженій противъ теоріи, только-что развитой Голованомъ. Новая жизнь готовилась войти въ ихъ домъ, а идущая съ ней объ руку смерть простерла надъ домомъ свои темныя крылья; ви́сть съ слабымъ стономъ матери, ея вѣяніе пахнуло въ дѣтскія души состраданіемъ и ужасомъ.

— Слушай!—тихо сказалъ Маркъ.

— Что?—еще тише спросилъ Вася.

Маркъ наклонился къ нему, какъ будто боясь, чтобы звукъ его словъ не проникъ туда, за темный куполь надъ ихъ головами.

— Слушай... вѣдь, если это правда, то значить оба они...

— Да... гдѣ-нибудь тутъ...— Онъ почувствовалъ внезапную дрожь.

— Разбудимъ дѣвочекъ.

-- И няньку... ступай разбуди.

— Я... боюсь.

— И... и я тоже,—признался безстрашный Мордикъ. Оба брата инстинктивно подвинулись другъ къ другу и свѣчкѣ. Темнота, до сихъ поръ нависшая сверху, теперь поглотила и печку, и стѣну, и кровати, и сосѣднюю комнату съ дѣвочками и нянькой, и даже самое воспоминаніе о нихъ отодвинулось куда-то далеко. А шорохъ и шепотъ окончательно вошли со двора и кто-то тихо говорилъ надъ головами двухъ братьевъ что-то непонятное, но очень важное...

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Можетъ-быть прошло бы и больше, еслибы Мордику не пришло въ голову спять нагаръ со свѣчки. Но какъ только онъ сдѣлалъ это, пламя сразу выровнялось, куполь надъ головами быстро раздвинулся, открывая потолокъ, стѣны, знаковую старую печку съ задымленнымъ отдушникомъ, кровати съ измятыми подушками и брошенными на полъ одѣялами и дверь въ сосѣдную спальню дѣвочекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шорохъ ушелъ изъ комнаты и, вмѣсто важнаго голоса, слышался плескъ разрозненныхъ струекъ на дворѣ.

— Пойду разбужу, — сказалъ Мордикъ, подымаясь и направляясь въ комнату дѣвочекъ. — Нянька, нянька, вставай! — тормошилъ онъ старуху.

Нянька быстро сѣла на своей постели, съ выпученными, удивленными глазами.

— А, что? Развѣ уже? — спросила она испуганно. — Ахъ я старая, проспала!

Она поправила на головѣ кичку, изъ-подъ которой выбились сѣдые космы, и, быстро надѣвъ башмаки, накинула на плечи свитку.

— Кышъ у меня. Сидите отъ-тутъ смирно. Я скоро приду.

И старуха торопливо вышла въ корридоръ. Вскорѣ ея шаги смолкли, и Маркъ смотрѣлъ на брата въ печальномъ разочарованіи.

— Ушла, вотъ дура-то! — сказалъ онъ.

— Да, лучше было не будить. Какъ же теперь мы одни?

— Разбудимъ дѣвочекъ.

Но дѣвочки, разбуженныя возней, проснулись сами.

Слышно было, какъ старшая помогаетъ младшей выбраться изъ кровати, и вскорѣ обѣ онѣ появились въ дверяхъ, держась за руки.

— Здравствуйте, судари, вотъ и мы!—сказала Маша, весело и немного жеманясь. Замѣтивъ, что няньки нѣтъ, она говорила радостно и громко.

— Тише, дура!—оборвалъ ее Маркъ.—У мамы родится новая дѣвочка, вотъ что...

— Тише, всѣ!—сказалъ старшій, къ чему-то прислушиваясь. Дѣвочки смирно усѣлись около свѣчки и тоже смолкли.

VII.

Дождь, очевидно, совсѣмъ пересталъ. Прежній непрерывный шумъ разорвался и изъ-за него яснѣе выступили дальніе звуки: колыханіе древесныхъ верхушекъ, лай сонной собаки и еще какой-то тихій гулъ, который, начавшись гдѣ-то очень далеко, на самомъ краю свѣта, теперь понемногу вырасталъ и подкатывался все ближе.

— Кто-то ѣдетъ это,—сказалъ Мордикъ.

— Далекѣ, въ городѣ...

Среди сна и тишины ночи, нарушаемой только плескомъ воды изъ водосточныхъ трубъ да шелестомъ вѣтра, этотъ одинокій звукъ колесъ невольно приковывалъ вниманіе. Кто ѣдетъ, куда, въ эту странную ночь?... Вася

задумался. Ему представилась въ отдаленіи катающаяся по темнымъ и пустымъ улицамъ маленькая коляска,—непремѣнно маленькая, съ маленькими коваными колесиками, потому что и этотъ мелодичный рокоть казался маленькимъ и тихимъ, хотя долеталъ ясно. Маленькія лошадки быстро отбиваютъ дробь копытами по мостовой и маленькій кучеръ заноситъ руку съ кнутомъ. Кто же это ѣдетъ въ поздній часъ по улицамъ спящаго города?...

Колеса рокотали, катились ближе, быстрѣе... Потомъ шумъ сразу оборвался—и слышалось только тихое тархтѣніе по мокрой, не мощеной дорогѣ; то лязгъ обода о камешекъ, то скрипъ деревяннаго кузова прорывались время отъ времени и каждый разъ все ближе.

— Полеми ѣдетъ... къ намъ,—сказалъ Мордикъ.

Домъ стоялъ на краю города, рядомъ съ широкимъ пустыремъ, заросшимъ бурьянами и травой. Кто же это могъ ѣхать къ нимъ ночью, да еще въ такую ночь, когда все такъ странно и у нихъ долженъ родиться ребеночекъ? И сразу этотъ стукъ подѣзжавшаго экипажа присоединился ко всему, что было необычно, что творилось у нихъ только въ одну эту ночь...

Затаивъ дыханіе, дѣти слушали, какъ отворялись ворота, какъ колеса шуршатъ по двору и подѣзжаютъ къ крыльцу. Послѣ этого суетня усилилась, участилось хлопанье дверей и движеніе на той половинѣ.

— Это привезли ребеночка?—спросила Маня.

— Молчи!...

Вася прислушался, и въ его воображеніи рисовалась

странная картина: ангелы вылезали изъ коляски. Они бережно несутъ ребеночка, отдаютъ его мамѣ и поздравляютъ: все слава Богу, все слава Богу! Берите его себѣ, всё будутъ живы...

Но только странно: въ домѣ все такъ тихо, и никто не радуется. Суета смолкла, двери перестали хлопать. Кто-то осторожно подошелъ въ корридорѣ къ ближайшей двери, гдѣ жила старая тетка, никогда не выходившая изъ своей комнаты, и Вася услышалъ разговоръ:

«—Слава Богу, пріѣхалъ! Теперь все будетъ хорошо.

«— Охъ, барыня, погодите радоваться! Сама-то въ обморокъ... Боже мой, какъ трудно...»

Потомъ дверь скрипнула и все стихло. Еще черезъ минуту въ дѣтскую вбѣжала старая нянька. Космы съдыхъ волосъ окончательно выбились изъ-подъ головного платка, по сморщенному лицу текли слезы. Не обращая вниманія на дѣтей, она пошарила въ сундукѣ, потомъ забралась къ себѣ на постель, и когда она опять выбѣжала, дѣти увидѣли въ спальнѣ красноватый отблескъ. Передъ иконою тихо разгоралась «страшная свѣча», «громница»...

Дѣвочки ничего не понимали и только смотрѣли передъ собой широко-открытыми глазами. Братья смотрѣли другъ на друга и ждали: кто изъ нихъ заплачетъ первый. Тогда дѣтская сразу переполнилась бы неудержимымъ ревомъ... Но было слишкомъ страшно... На дворѣ кто-то гудѣлъ протяжно и сердито, и дѣти не узнавали въ этомъ гудѣніи вѣтра, пролетавшаго надъ садомъ.

Но вдруг дальняя дверь опять открылась и чей-то странный голос сказал громко:

— Отлично, отлично! Поздравляю!—и долгій, облегченный вздох, какого никогда в жизни не приводилось слышать дѣтямъ, тихо пронесся по всему дому и угасъ...

Васѣ стало вдругъ какъ-то радостно, хотя вь головѣ путалось еще больше... Онъ не зналъ, что значить этотъ странный голосъ, и ему казалось, что онъ засыпаетъ. Напряженіе этой ночи брало свое, Шура дремала сидя, и дѣти не замѣчали, какъ идетъ время...

— А я знаю, кто пріѣхаль,—сказалъ вдругъ Маркъ, не поддавшійся дремотѣ, но слова замерли у него на устахъ. Дверь опять открылась, но теперь никакихъ звуковъ не было слышно, кромѣ дѣтскаго плача. Плакалъ маленькій ребѣночекъ какимъ-то особеннымъ, тонкимъ, захлебывающимся голосомъ, но упрямо и громко...

Это было такъ неожиданно и плачь слышался такъ ясно, что даже маленькая Шура очнулась, подняла голову и сказала:

— Дѣтинька... пацить.

Впрочемъ, ее это, повидимому, нисколько не удивило.

За то всѣ остальные повскакали съ мѣсть. Маша захлопала вь ладоши, а Маркъ кинулся къ дверямъ.

— Пойдемъ туда!

Вася пошелъ за нимъ, но у порога остановился.

— А заругаютъ?...

— Ну, одинъ разъ ничего...—успокоилъ Маркъ. Онъ хотѣлъ сказать, что именно этотъ разъ, вь эту ночь, все позволительно.—А вы, дѣвочки, оставайтесь...

Но Маша думала иначе:

— Вот какой умный! Оставайся самъ, если хочешь...
Пойдемъ, Шурочка, пойдемъ, милая!—и она торопливо подняла Шуру.

— Пускай идутъ,—поддержалъ Вася, понимавшій хорошо, что онъ и самъ ни за что бы не остался.

Когда они открыли дверь въ корридоръ, на нихъ пахнуло теплымъ и влажнымъ вѣтромъ. Сверхъ ожиданія, корридоръ оказался освѣщеннымъ: въ самомъ концѣ, у входной двери, кто-то забылъ салную свѣчу въ подсвѣчникѣ. Она вся оплыла, вѣтеръ колыхалъ ея пламя, летучія тѣни бѣгали по всему корридору, то мелькая по стѣнамъ, то скрываясь въ углахъ, а черное отверстіе печки, находившееся посрединѣ, тоже какъ будто шевелилось, перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Вообще и корридоръ въ эту ночь сталъ совсѣмъ иной, необычный. Въ полуоткрытую дверь виднѣлась часть синяго ночного неба, и черныя верхушки сада качались и шумѣли. Когда дѣти подошли къ концу корридора, вѣтеръ обвѣялъ ихъ голыя ноги.

Дверь «на ту половину» была недалеко отъ входа, направо. Маркъ шелъ впереди и первый, поднявшись на цыпочки, тихо открылъ эту дверь. Дѣти гуськомъ шмыгнули въ первую комнату.

Знакомыя прежде, комнаты [имѣли теперь совсѣмъ другой видъ. Прежде всего дѣти обратили вниманіе на дверь маминой спальни. Тамъ было тихо; слабый свѣтъ чуть-чуть брезжилъ и позволялъ видѣть фигуру отца, нѣжно склонившагося къ изголовью кровати... Темная

фигура незнакомой женщины порой проходила неясною тѣнью по спальнѣ.

Маркъ дернулъ Васю за рукавъ.

— Видишь теперь, кто это пріѣхаль?

— Кто?

— Смотри: дядя Генрихъ и... Михайлъ.

Вася отвелъ глаза отъ дальней двери и взглянулъ въ среднюю комнату, отдѣлявшую переднюю отъ спальни. Это была прежде гостиная, но теперь въ ней все было переставлено по-иному. Дядя Генрихъ сидѣлъ задумчиво на стулѣ, подѣ висячею лампой, и на его блѣдномъ лицѣ выдѣлялись одни глаза, которые, казалось дѣтямъ, стали еще больше. Михайлъ безъ сюртука, съ засученными рукавами, вытиралъ полотенцемъ руки.

— Что теперь дѣлать?—спросилъ растерянно Вася. Во всѣхъ практическихъ начинаніяхъ онъ предоставлялъ первенство Марку.

— Не знаю, — отвѣтилъ тотъ, отодвигаясь въ тѣнь. Дѣти послѣдовали за нимъ. Присутствіе Генриха и Михаила ихъ озадачило. Генрихъ прежде былъ весельчакъ, игралъ съ дѣтьми, щекоталъ ихъ и вертѣлъ въ воздухѣ. Около двухъ лѣтъ назадъ у него родилась Шура, а жена умерла. Съ тѣхъ поръ онъ уѣхалъ въ другой городъ и рѣдко навѣщалъ ихъ, а когда пріѣзжалъ, то дѣти замѣчали, что онъ сильно перемѣнился. Онъ былъ съ ними по-прежнему ласковъ, но они чувствовали себя съ нимъ не по-прежнему, — что-то смущало ихъ, и имъ не было съ нимъ весело. Теперь онъ глубоко задумался и въ глазахъ его было особенно много печали.

Михаиль былъ гораздо моложе брата. У него были голубые глаза, бѣлокурые волосы въ мелкихъ кудряхъ и очень бѣлое, правильное, веселое лицо. Вася зналъ его еще гимназистомъ, съ краснымъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, но это, все-таки, было давно. Потомъ онъ появлялся изъ Кіева въ синемъ студенческомъ мундирѣ и при шпагѣ. Старшіе говорили тогда между собой, что онъ становится совсѣмъ взрослый, влюбился въ барышню, сдѣлалъ разъ «операцію» и уже не вѣрить въ Бога. Всѣ студенты перестаютъ вѣрить въ Бога, потому что рѣжутъ трупы и ничего уже не боятся. Но когда приходитъ старость, то опять вѣрятъ и просятъ у Бога прощенія. А иногда и не просятъ прощенія, но тогда и бываетъ имъ плохо, какъ доктору Войцеховскому... Такіе всегда умираютъ скоропостижно и у нихъ лопаются животъ, какъ и у Войцеховскаго...

Михаиль никогда не обращалъ на дѣтей вниманія, и дѣтямъ всегда казалось, что онъ презираетъ ихъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, за то, что они еще не выросли, а во-вторыхъ—за то, что самъ онъ выросъ еще недавно и что у него еще не было усовъ. Впрочемъ, когда теперь онъ подошелъ къ лампѣ и надѣлъ какой-то совсѣмъ новый мундиръ, вродѣ военнаго, дѣти удивились, какъ онъ перемѣнился: у него были усыки и бородка, и онъ сталъ на самомъ дѣлѣ взрослый. Лицо у него было довольное и даже гордое. Глаза блестѣли, а губы улыбались, хотя онъ старался сохранить важный видъ... Надѣвъ мундиръ, онъ таки не вытерпѣлъ и, крутя папиросу, сказалъ Генриху:

— Ну, что скажешь, Геня, какво я справился?... А случай трудный, и этот старый осель, Рудницкій, навѣрное отправилъ бы на тотъ свѣтъ или мать, или ребенка, а можетъ-быть и обоихъ вмѣстѣ...

Генрихъ отвелъ глаза отъ стѣны и отвѣтилъ:

— Молодецъ, Миша!... Да, мы приѣхали съ тобой во время. Можетъ-быть, еслибы два года назадъ... у моей Кати...

Но тутъ голосъ его сталъ глуше... Онъ отвернулся.

— А все-таки,—сказалъ онъ,—рожденіе и смерть... такъ близко... рядомъ... Да, это великая тайна!...

Михаилъ пожалъ плечами.

— Эту тайну мы, братъ, прослѣдили чуть не до первичной клѣточки...

Дѣти недоумѣвали и не знали, на что рѣшиться. Во-первыхъ, все оказалось слишкомъ будничнымъ; во-вторыхъ, они поняли, что и въ эту ночь имъ можетъ достаться за смѣлый набѣгъ, какъ и всегда; а даже выговоръ въ присутствіи Михаила былъ бы имъ въ высшей степени неприятенъ. Неизвѣстно, какъ разрѣшилось бы ихъ двусмысленное положеніе, еслибы не вмѣшался неожиданный случай.

Входная дверь скрипнула, приотворилась и кто-то заглянулъ въ щелку. Дѣти подумали, что это няня, наконецъ, хватилась ихъ и пришла искать. Но щель раздвинулась шире и въ ней показалась незнакомая голова съ мокрыми волосами и бородой. Голова робко оглянулась и затѣмъ какой-то чужой мужикъ тихонько вошелъ въ переднюю. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлой свиткѣ, за поя-

сомъ торчаль кнутъ, а на ногахъ были громадныя сапожищи. Дѣти прижались къ стѣнѣ.

Мужикъ потоптался на мѣстѣ и слегка кашлянулъ, но будто нарочно такъ тихо, что его никто не услышалъ въ спальной. Всѣ его движенія обличали крайнюю робость и дверь онъ оставилъ полуоткрытой, какъ будто обезпечивая себѣ отступленіе. Кашлянувъ еще разъ и еще тише, онъ сталъ чесывать затылокъ. Глаза у него были голубые, борода русая, а выраженіе чрезвычайной робости и почти отчаянія внушало дѣтямъ невольную симпатію къ пришельцу.

Отчасти тревожный шепотъ дѣтей, отчасти привычка къ полутемнотѣ передней указали незнакомому пришельцу его сосѣдей. Онъ, видимо, не удивился и въ его лицѣ появилось выраженіе довѣрчивой радости. Тихонько, на цыпочкахъ, хотя и очень неуклюже, онъ подошелъ къ сундуку.

— А что мнѣ... кѣней распрягать прикажутъ?—спросилъ онъ съ видомъ такого почти дѣтскаго довѣрія къ ихъ «приказу», что дѣти окончательно ободрились.

— А это вы привезли маленькаго ребеночка?—спросила Маша

— Э! какого ребеночка? Я-бо привезъ пана съ паничомъ... А что мнѣ, не знаете ли, кѣней распрягать, или какъ...

— Не знаемъ мы,—сказалъ Мордикъ.

— А ты вотъ что: ты, паничику, поди въ ту комнату, да и спытай у паничѣ, у Михайла, чтѣ онъ скажетъ тебѣ?

— Сходи самъ.

— Да я, видите ли, боюсь... Миѣ того, миѣ не того... А вы бы сходили-таки, вамъ-таки лучше сходить. Не Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлають.

— А съ тобой?

— Э, какой же ты, хлѣпчику, непонятный. Иди-бо, иди...

Онъ выдвинулъ Марка изъ угла и двинулъ къ дверямъ. Маркъ предпочелъ бы лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ предстать теперь передъ всѣми — и въ особенности передъ Михаиломъ—въ одной рубашкѣ и такъ неожиданно. Но рука незнакомца твердо направляла его впередъ.

— Что это, откуда-то дуетъ...— слышался тихій голосъ матери. Тогда Михаилъ повернулся на стулѣ и Маркъ понялъ, что участь его рѣшена. Поэтому онъ со злобой отмахнулъ руку незнакомца и храбро выступилъ передъ удивленными зрителями.

— Онъ говорить, вотъ этотъ...— заговорилъ Маркъ громко и съ очевиднымъ желаніемъ свалить на мужика цѣликомъ вину своего неожиданнаго появленія,— узнай, говорить, что, миѣ лошадей распрягать, или не надо?..

— Кто? гдѣ?—спрашивалъ отецъ, вышедшій на говоръ изъ спальни.

— Тамъ вотъ, мужикъ.

Но мужикъ въ это время предательски отодвинулся къ выходной двери и, на половину скрывшись за ней, политично ожидалъ конца сцены. Маша, увидѣвъ этотъ маневръ, пришла въ негодование:

— А ты зачѣмъ прячешься? Вотъ видишь какой: вытолкнулъ Маркушу, а самъ спрятался!..

Это вмѣшательство выдало всѣхъ. Михаилъ взявъ съ комода свѣчку, поднялъ ее надъ головой и освѣтилъ дѣтей.

— Эге,—сказалъ онъ,—тутъ ихъ цѣлый выводокъ. И дурень Хведько съ ними. Хведько, это ты тамъ, что ли?

— А никто, только я. Я-бо спрашиваю, чи распрягать мнѣ коней?

— Дурень, запирай двери!—крикнулъ Михаилъ.— Да не уходи пока! Погоди тамъ въ передней.

Мужикъ съ большою неохотой повиновался.

— Ну, теперь расправа: какъ вы сюда попали, пострѣлята? Ты зачѣмъ ихъ привелъ, Хведько?

— А какой ихъ бѣсъ приводилъ... Я вошелъ спытать, чи распрягать мнѣ коней. Гляжу, а ихъ тамъ напхано цѣлый уголъ. Вотъ что! А мнѣ что? Вотъ и маленькая панночка говорить: «ты ребеночка привезъ»... Какого ребенка, чуднѣе дѣло...

Всѣ засмѣялись.

— Ну, теперь вы говорите: какъ сюда попали?

Оба мальчика угрюмо потупились... Они ждали чего-то необычайнаго, а вмѣсто того попали на допросъ, да еще къ Михаилу.

— Мы слышали, что ребеночекъ плачетъ,—отвѣтила одна Маша.

— Ну, такъ что?

— Намъ любопытно,—угрюмо отвѣтилъ Маркъ,—откуда такое?

— Ого, ого!—сказалъ на это Генрихъ, который, между тѣмъ, взялъ на руки свою Шуру.—Вотъ что называется вопросъ! Спросите у него,—кивнулъ онъ на Михаила,—онъ все знаетъ.

Михаиль поправилъ свои очки съ видомъ пренебреженія.

— Подъ лопухомъ нашли,—сказалъ онъ, отряхивая свои кудри.

Пренебреженіе Михаила задѣло Марка за живое.

— Глупости!—сказалъ онъ съ раздраженіемъ.— Мы знаемъ, что это не можетъ быть. На дворѣ дождикъ, она бы простудилась.

— Ну, вотъ, одна гипотеза отвергнута, — засмѣялся Генрихъ,—подавай, Миша, другую.

— Спустили прямо съ неба на ниточкѣ.

— Рассказывайте...—возразилъ Маркъ, входя все въ большій азартъ.— Видно сами не знаете. А мы вотъ знаемъ!

— Любопытно. Вѣрно отъ старой дуры, няньки?

— Нѣтъ, не отъ няньки.

— А отъ кого?

— Отъ... отъ жида Мошка.

— Еще лучше! А что вамъ рассказалъ мудрецъ Мошко?

— Расскажи, Вася, — обратился Маркъ къ Головану.

— Нѣтъ, рассказывай самъ.—Вася былъ очень сконфуженъ и чувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ насмѣшливымъ тономъ Михайловыхъ вопросовъ. Маркъ же не такъ легко подчинялся чужому настроенію.

— И расскажу, что-жь такое?—задорно сказалъ онъ, выступая впередъ.—У Бога два ангела...

И онъ бойко изложилъ теорію Мошка, изукрашенную Васиной фантазіей. По мѣрѣ того, какъ онъ рассказы-валъ, его бодрость все возрастала, потому что онъ замѣтилъ, какъ возрастало всеобщее вниманіе. Даже мать позвала отца и попросила сказать, чтобы Маркъ гово-рилъ громче. Генрихъ пересталъ ласкать Шуру и уста-вился на Марка своими большими глазами; отецъ усмѣ-хался и ласково кивалъ головой. Даже Михайль, хотя и покачивалъ правою ногой, заложенною за лѣвую, съ видомъ пренебреженія, но самъ видимо былъ заинтере-сованъ.

— Что же, это все... правда?—спросилъ Маркъ, кон-чивъ рассказъ.

— Все правда, мальчикъ, все это правда! — сказалъ серьезно Генрихъ.

Тогда Михайль, еще за минуту передъ тѣмъ утверж-давшій, что ребята находятъ подъ лопухомъ, нетерпѣливо повернулся на стулѣ.

— Не вѣрь, Маркъ! Все это—глупости, глупыя Мош-кины сказки... Охота,—вернулся онъ къ Генриху,—забывать дѣтскую голову пустяками!

— А ты сейчасъ не забивалъ ее лопухомъ?

— Это не такъ вредно: это—очевидный абсурдъ, отъ котораго имъ отдѣлаться легче.

— Ну, расскажи имъ ты, если можешь...

— Ты знаешь, что я могъ бы рассказать...

— Что?

Михаилъ звонко засмѣялся.

— Физиологію... разумѣется, въ популярномъ изложе-
ніи... Надѣюсь, это была бы правда.

— Напрасно надѣешься...

— То-есть?

— Ты знаешь немногое, а думаешь, что знаешь все...
А они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ обра-
зы... По-моему, они ближе къ истинѣ.

Михаилъ нетерпѣливо вскочилъ со стула.

— А, я сказалъ бы тебѣ, Геня! Ну, да теперь не вре-
мя. А только вотъ тебѣ лучшая мѣрка: попробуйте вы
всѣ, съ вашею... или, вѣрнѣе, съ Мошкиной теоріей сдѣ-
лать то, что, какъ ты сейчасъ видѣлъ, мы дѣлаемъ съ
физиологіей... Вы будете умиляться, а больная умретъ...

— Ну, умираютъ и съ физиологіей, я знаю это по близ-
кому опыту...—сказалъ Генрихъ глухо.

— Частный фактъ...

— Этотъ частный фактъ для меня,—пойми ты,—общѣе
всѣхъ твоихъ обобщеній. Погоди, ты поймешь когда-ни-
будь, что значитъ смерть любимаго человѣка, и частный
ли это фактъ.

— Истина выше личнаго чувства!—сказалъ Михаилъ
и смолкъ. Онъ понялъ, что съ Генрихомъ нельзя теперь
продолжать этотъ разговоръ.

VIII.

Въ комнатѣ стало тихо. Дѣти недоумѣвали. Они не по-
няли ни слова изъ того, что говорилось, но ощутили одно:

это—спорность ихъ теорія. Они были смущены и не-
радостны.

Въ это время Хведько, о которомъ всё забыли, высунулъ опять голову изъ-за косяка двери.

— А что, мнѣ распрягать коней, чи нѣтъ?—произнесъ онъ съ глубокою тоской въ голосъ.

Это внимательство показалось всѣмъ очень кстати.

Михаилъ весело засмѣялся.

— Ага!—сказалъ онъ,—еще одинъ мудрецъ. Попробуемъ сейчасъ маленькую индукцію. Какъ ты думаешь, Хведоръ, куда мы съ тобой ѣхали?

— Да я-жь думаю никуда, только сюда.

Онъ внимательно, не отрывая выпученныхъ глазъ, смотрѣлъ на Михаила, какъ будто боялся его шуточныхъ распросовъ.

— Ну?

— А что ну?

— Ну, пріѣхали мы сюда или нѣтъ?

— Э, вы-бо все смѣтаете. Чего бы я спрашивалъ, когда оно само видно?

— Такъ зачѣмъ же лошадямъ стоять на дождѣ, дурню?

— Отъ и я такъ думалъ,—обрадовался Хведько.—Оно хоть дождя уже нѣтъ, а таки лошадямъ стоять не для чего. Пойду распрягать. Такъ и говорили бы сразу...

И онъ поторопился уйти съ видимымъ облегченіемъ.

— Ну, и вы тоже... маршъ обратно!—сказалъ отецъ.

— А... а дѣточку?—сказала Маша печально.

Виновица всей кутерьмы находилась въ спальнѣ. Мать

тихо сказала что-то и вскорѣ бабка вынесла ее на рукахъ, въ хорошенькомъ бѣломъ свивальникѣ.

Среди кучи бѣлья виднѣлась маленькая головка. Глаза смотрѣли прямо, на лицѣ было то странно-сознательное выраженіе, которое порой дѣлаетъ лица дѣтей почти старческими. Дѣвочка зѣвала и потягивалась.

— Гордячка какая!— неизвѣстно почему рѣшила про нее Маша, поднимаясь на цыпочки.

Еслибъ мама была здорова, она, навѣрное, вспомнила бы, что дѣтямъ нужно принести платье. Но теперь никто не обратилъ вниманія на то, что они вышли, какъ и вошли, въ однихъ рубашонкахъ. Шура осталась на рукахъ отца.

Выйдя въ корридоръ, Маша тотчасъ же побѣжала въ дѣтскую, но мальчишки замѣшались. Маркъ увидѣлъ въ наружную дверь, что около конюшни стоитъ бричка, а Хведько распрягъ уже лошадей и ведетъ ихъ подъ навѣсъ. Это его заинтересовало, и онъ юркнулъ на крыльцо; Вася пошелъ за нимъ.

Хведько привязалъ лошадей, потомъ его бѣлая свита замелькала около брички, и онъ вынесъ оттуда громадный чемоданъ. Втащивъ его на крыльцо и поставивъ на верхней ступенькѣ, онъ, по-своему, съ наивною фамиллярностью обратился къ Марку:

- А то, видно, у васъ родилось тутъ что-то?
- Не что-то, а дѣвочка!
- Вотъ и я говорю. А о чемъ это паничи спорились?
- А это, видишь ты... Мы говоримъ: у Бога два ангела...
- Ну-ну, не два, — много... Мало ли ихъ у Бога... богато...

— Правда? А Михаилъ говорить: глупости!

— Но!... Молодой паничъ иной разъ скажетъ, такъ будетъ надъ чѣмъ посмѣяться,—и онъ самъ засмѣялся.

Дѣти почувствовали къ нему полное довѣріе.

— А правда, что дѣтей приносятъ ангелы?

— Оно... того... такъ надо сказать, что дѣтей приносятъ бабы... таки не кто другой... А душу ангелы приносятъ. Вотъ ужъ это такъ ваша правда. Вотъ что, хлопчики: душу... Ну, а мнѣ, хлопчики мои, надо сундукъ нести, вотъ что. А то я бы тутъ вамъ все это отлично разказаль...

И Хведько взвалилъ себѣ на плечи тяжелый чемоданъ.

Мальчики очень жалѣли объ этой необходимости. Тамъ, въ кабинетѣ, ихъ теорія, выдержавшая въ дѣтской полную критику, какъ-то помутилась. Они чувствовали недоумѣніе и растерянность. Здѣсь же короткая бесѣда съ Хведькомъ опять восстановила ее въ прежнемъ порядкѣ и стройности.

И оба они посмотрѣли на небо въ одно время.

Только теперъ они обратили вниманіе, что и на дворѣ тоже все странно. Первая странность состояла, конечно, въ томъ, что они стоятъ на крыльцѣ босые и не одѣтые, въ такую пору, и что ихъ обдуваетъ прохладный и сырой вѣтеръ. Кромѣ того, на дворѣ, тамъ и сямъ, странно свѣтились лужи, какимъ-то особеннымъ, загадочнымъ отблескомъ ночного неба, а садъ все колыхался, точно онъ еще не могъ окончательно успокоиться послѣ волненій ночи. Небо свѣтлѣло, но тѣмъ рѣзче выдѣлялись на немъ крупныя, тяжелыя и будто взѣрошенныя обла-

ка. Точно кто-то пролетѣлъ по небу, все раскидалъ, все перерылъ и теперь такъ трудно привести все въ порядокъ до наступленія утра. А между тѣмъ всюду замѣтна была торопливость. Одно тонкое облако, вытянувшееся до самой середины неба громаднѣмъ столбомъ, быстро наклонялось, столбъ ломался и закрывалъ однѣ звѣзды, между тѣмъ какъ изъ-за него бойко выглядывали другія. Какіе-то раскиданные по небу лохмотья стягивались къ одному мѣсту, въ сплошную тучку, которая все осѣдала книзу; и по мѣрѣ того, какъ туча спадала, становилось свѣтлѣе и можно было разглядѣть, какъ осина въ саду то и дѣло мѣняется отъ вѣтра, взмахивая своими, бѣлыми снизу, листьями.

И дѣтямъ чудился въ свѣтлѣющемъ небѣ неуловимый полетъ свѣтлаго ангела, между тѣмъ какъ другой распростеръ темныя крылья тамъ далеко, подъ низкими тучами. Обоимъ мальчикамъ хотѣлось встрѣтить тутъ восходъ солнца,—это такъ любопытно,—и они простояли бы еще долго, еслибы нянька, наконецъ, не спохватилась. Ворча, въ какомъ-то изступленіи, она неслась по корридору съ совершенно несвойственною старымъ погамъ быстротой. Однако, она не добѣжала до крыльца, а остановилась въ трехъ шагахъ отъ дверей, отстранившись къ стѣнкѣ, такъ что осталось узкое мѣсто для прохода дѣтей.

— А кышь, а кышь!—кричала она.—Ахъ, проклятыя гультяи, куда забрались, нѣтъ на васъ холеры великой!... А кышь!...

Мальчики охотно не пошли бы опаснымъ проходомъ, но они понимали, что ихъ поступокъ выходилъ совершен-

по изъ рамокъ всякаго компромисса и что нянька имѣть право на возмездіе. Оставалось только надѣяться на свою ловкость.

Голованъ былъ любимецъ няньки и хотя бѣжалъ первымъ, но получилъ ударъ снисходительный. За то шлепокъ, отпущенный Марку, отдался по всему корридору. Тѣмъ не менѣе, отбѣжавъ на середину корридора, онъ остановился и сказалъ довольно равнодушно:

— Думаешь, очень больно? Какъ же. Ничего не больно, только громко.

Черезъ полчаса все въ домѣ успокоилось, хотя спали далеко не всѣ.

Отецъ думалъ о томъ, что прибавились еще расходы, а жалованья и такъ не хватаетъ. Мать думала о томъ же. Она велѣла поднести къ себѣ дѣвочку, смотрѣла на нее и плакала, потому что она не знала, можно ли ей радоваться новой жизни при такихъ маленькихъ средствахъ. Михаилъ начиналъ дремать и въ дремотѣ думалъ о жизни, что она хороша. А Генрихъ не спалъ, смотрѣлъ въ темноту и думалъ о смерти: что же она такое?

Только дѣти спали безмятежно и крѣпко.

1888 г.

Т Ъ Н И.

(Фантазія.)

I.

Это было мѣсяць и два дня спустя послѣ того, какъ, при громкихъ крикахъ аѣинскаго народа, судьи постановили смертный приговоръ философу Сократу за то, что онъ разрушалъ вѣру въ боговъ. Онъ былъ для Аѣинъ то же, что оводъ для коня. Оводъ жалить коня, чтобъ онъ не заснулъ и бодро шель своею дорогой. Философъ говорилъ аѣинскому народу: «Я твой оводъ, я больно жалу твою совѣсть, чтобы ты не заснулъ. Не спи, не спи, бодрствуй, ищи правду, аѣинскій народъ!»

И народъ, въ припадкѣ жестокой досады, пожелалъ избавиться отъ своего овода. «Быть-можетъ, доносчики Мелить и Анить оба не правы,—говорили граждане, расходясь съ площади послѣ приговора.— Но что же это, наконецъ, такое и куда онъ идетъ? Онъ плодитъ недомѣнїя, онъ разрушаетъ мнѣнїя, твердо установленныя вѣками, онъ говоритъ о новыхъ добродѣтеляхъ, которыя надо познавать и разыскивать, онъ говоритъ о божествѣ,

которое намъ еще невѣдомо. Дерзкій, онъ считаетъ себя умнѣе боговъ!... Нѣтъ, спокойнѣе намъ вернуться къ старымъ, хорошо знакомымъ божествамъ. Пусть они не всегда справедливы, пусть распалются порой несправедливымъ гнѣвомъ, а другой разъ и нечестивою похотью даже къ жепамъ смертныхъ. Но не съ ними ли жили наши предки въ спокойствіи души, не съ ихъ ли помощью совершали славные подвиги? А теперь образы олимпійцевъ померкли и старая добродѣтель распатана. Что же будетъ дальше, и не должно ли однимъ ударомъ положить конецъ нечестивой мудрости?»

Такъ говорили другъ другу аеинскіе граждане, расходясь съ площади подъ покровомъ синяго вечера. Они рѣшили убить безпокойнаго овода, въ надеждѣ, что съ этихъ поръ лица боговъ опять просвѣтлѣютъ. Правда, въ умахъ гражданъ порой вставалъ кроткій образъ чудака-философа; порой они вспоминали, какъ мужественно дѣлилъ оно съ ними при Потидеѣ труды и опасности; какъ онъ одинъ защищалъ ихъ самихъ отъ позора несправедливой казни военачальниковъ послѣ аргинусской побѣды; какъ одинъ онъ противъ тиранновъ, убившихъ полторы тысячи гражданъ, осмѣлился возвысить голосъ, спрашивая на площадяхъ о пастыряхъ и овцахъ: «Не тотъ ли пастырь, — говорилъ онъ, — можетъ назваться добрымъ, который приумножаетъ и бережетъ свое стадо? Или, напротивъ, добрые пастыри призваны уменьшать количество овецъ и разгонять ихъ, а добрые правители—дѣлать то же съ гражданами? Изслѣдуемъ, аеиняне, этотъ вопросъ!» И отъ вопроса одинокаго, безоружнаго

философа лица тиранновъ блѣднѣли, а глаза юношей загорались огнемъ негодованія и честнаго гнѣва...

Когда аоиняне, расходясь съ площади послѣ приговора, вспоминали все это, тогда ихъ сердца сжимало смутное сомнѣніе: «ужь не совершили ли мы надъ сыномъ Софрониска жестокою неправду?» Но тогда добрые аоиняне смотрѣли въ гавань и на море. При свѣтѣ угасавшей зари на синемъ понтѣ еще мелькали вдали пурпуровые паруса острогрудаго корабля делосскихъ празднествъ. Корабль ушелъ изъ гавани въ этотъ день и вернется лишь черезъ мѣсяцъ, а до тѣхъ поръ въ Лоинахъ не можетъ пролиться кровь ни виновнаго, ни невиннаго. Въ мѣсяцѣ же много дней, а часовъ еще больше. Кто помѣшаетъ сыну Софрониска, если ужь онъ осужденъ невинно, убѣжать изъ тюрьмы, а многочисленные друзья навѣрное даже помогутъ? Развѣ такъ трудно богатому Платону, Эсхину и другимъ подкупить тюремную стражу? Тогда безпокойный оводъ улетитъ изъ Аѳинъ къ вессалійскимъ варварамъ, или въ Пелопоннесъ, или еще дальше... въ Египетъ. Аѳиняне не услышатъ болѣе его назойливыхъ рѣчей, а на совѣсти добрыхъ гражданъ не будетъ этой смерти. И все такимъ образомъ обойдется ко всеобщему благополучію...

Такъ многіе разсуждали про себя въ этотъ вечеръ, восхваляя мудрость демоса и гелиастовъ, а втайнѣ питая надежду, что безпокойный философъ уберется изъ Аѳинъ, убѣжить отъ цикуты къ варварамъ, освобождая согражданъ въ одно время и отъ себя, и отъ угрызений совѣсти за невинную смерть.

Тридцать два раза съ тѣхъ поръ солнце выходило изъ за океана и опять погружалось въ него, а до того дня, когда аѳиняне принесли въ жертву своей проснувшейся совѣсти гнусныхъ обвинителей Анита и Мелита, Сократу же рѣшили воздвигнуть памятникъ,—осталось тридцатью двумя днями меньше. Корабль изъ Делоса вернулся и, точно стыдась за родной городъ, стоялъ въ гавани съ печально упавшими парусами. На небѣ не было луны, море колыхалось подъ тяжелымъ туманомъ и огни на холмахъ мерцали сквозь мглу, точно прижмуренныя очи людей, одержимыхъ стыдомъ.

Упрямый Сократъ не пожалѣлъ совѣсти добрыхъ аѳинянъ. «Простимся! Вы идите къ своимъ очагамъ, а я пойду умирать, — сказалъ онъ судьямъ послѣ приговора. — Не знаю, друзья, кто изъ насъ выбираетъ себѣ лучшей жребій». Когда срокъ возвращенія корабля сталъ приближаться, многіе изъ согражданъ почувствовали безпокойство. Неужели же этотъ упрямецъ въ самомъ дѣлѣ умретъ? И они припались стыдить Эсхина, Федона и другихъ учениковъ и друзей Сократа, подстрекая ихъ усердіе: «Неужто,—говорили они съ ѣдкой укоризной,—вы допустите, чтобъ вашъ учитель умеръ? Или вамъ жаль нѣсколько миць на подкупъ сторожей?» Напрасно Бритонъ упрашивалъ Сократа согласиться на побѣгъ и горько жаловался, что общая молва упрекаетъ ихъ въ недостатокѣ дружбы и въ скупости, — упрямый философъ не пожелалъ сдѣлать удовольствіе ни своимъ ученикамъ, ни доброму аѳинскому народу. «Изслѣдуемъ этотъ вопросъ,—говорилъ онъ.—Если окажется, что мнѣ надо бѣ-

жать, — я убѣгу; а если нужно умереть, то умру. Припомнимъ, что мы говорили раньше о справедливости, о жизни и о смерти. Не говорили ли мы, что не смерть должна страшить разумаго челоуѣка, а неправда? Справедливо ли соблюдать нами же установленные законы, пока они намъ лично пріятны, а непріятные нарушать? Кажется, память мнѣ не измѣнила: вѣдь, мы дѣйствительно что-то говорили объ этихъ предметахъ?»

— Да, говорили, — отвѣтилъ ученикъ.

— И, кажется, всѣ были въ этомъ вопросѣ согласны?

— Да.

— Но, можетъ-быть, правда есть правда для другихъ, а не для насъ?

— Нѣтъ, правда одинакова для всѣхъ, и для насъ тоже.

— Но, можетъ-быть, когда намъ, а не другимъ приходится умирать, то и правда превращается въ неправду?

— Нѣтъ, Сократъ, правда остается правдой при всѣхъ обстоятельствахъ.

Когда, такимъ образомъ, ученикъ послѣдовательно согласился со всѣми послылками Сократа, философъ, улыбаясь, перешелъ къ умозаключенію:

— Но если такъ, другъ мой, то не слѣдуетъ ли, пожалуй, мнѣ умереть? Или ужъ моя голова такъ ослабѣла, что я не въ состояніи сдѣлать вѣрнаго заключенія?... Тогда поправь меня, добрый челоуѣкъ, и укажи правильный путь моей заблудившейся мысли.

Ученикъ закрылъ лицо плащомъ и отвернулся.

— Да, — сказалъ онъ, — я вижу теперь, что ты непременно умрешь...

И въ этотъ темный вечеръ, когда море металось и глухо шумѣло подь туманомъ, а измѣнчивый вѣтеръ шевелилъ паруса кораблей съ тихимъ и грустнымъ недоумѣніемъ; когда на улицахъ Аѳинъ граждане, встрѣчаясь, спрашивали другъ друга: онъ умеръ?—и голоса ихъ звучали робкою надеждой, что это неправда; когда первое дыханіе проснувшейся совѣсти, какъ первый предвѣстникъ бури, уже певельнуло сердца аѳинскаго народа и даже, казалось, лица домашнихъ боговъ устыдились и потемнѣли,—въ этотъ вечеръ, съ закатомъ солнца, упрямецъ выпилъ чашу смерти...

Вѣтеръ крѣпчалъ, сильнѣе закутывая городъ пеленой морскихъ тумановъ, и начиналъ съ яростью трепать паруса, запоздавшіе въ гавань. И Эриннии заводили своя мрачныя пѣсни въ сердцахъ гражданъ, возбуждая въ нихъ грозу, отъ которой впоследствии погибли обвинители Сократа... Но въ тотъ часъ эти первые порывы раскаянія метались еще смутно и неясно. Граждане еще болѣе сердились на Сократа, зачѣмъ онъ не доставилъ имъ удовольствія услышать о своемъ побѣгѣ въ Тессалію; злились на учениковъ его, которые ходили въ послѣдніе дни печальные, мрачные, какъ живые упреки; злились на судей, у которыхъ не было ни благоразумія, ни мужества, чтобы воспротивиться слѣпой ярости возбужденнаго народа; злились на самихъ боговъ. «Вамъ, боги, припесли мы эту жертву,—говорили многие,—радуйтесь, ненасытные!»

«Не знаю, кто изъ насъ беретъ лучшій жребій!» — вспоминались слова Сократа, послѣднія слова его къ судьямъ и къ народу; собранному на площади. Теперь онъ

лежалъ въ своей тюрьмѣ, подъ плащомъ, спокойный и недвижимый, а надъ городомъ нависли печаль, недоумѣніе, стыдъ... Онъ опять сталъ мучителемъ города, самъ уже недоступный мученію... Оводъ былъ убитъ, но мертвый онъ жалилъ свой народъ еще больнѣе... Не спи, не спи эту ночь, аѳинскій народъ! Не спи, — ты совершилъ жестокою, неизгладимую неправду!

II.

Въ эти печальные дни, изъ учениковъ Сократа, воинъ Ксенофонтъ находился въ далекомъ походѣ съ десятью тысячами, пробивая себѣ среди опасностей путь къ милой родинѣ. Эсхинъ, Критонъ, Критовуль, Федонъ и Аполлодоръ были заняты приготовленіемъ скромныхъ похоронъ, а у Платона горѣла вечерняя лампа, и лучшій изъ учениковъ философа записывалъ на пергаментѣ его дѣла, слова и поученія, которыми завершилась жизнь мудреца. Ибо, какъ говорить великій поэтъ,

Листьямъ въ дубравѣ подобны сыны челоувѣковъ:
Вѣтеръ одни по землѣ разстилаетъ, другіе—дубрава,
Вновь разцвѣтая, рождаетъ, и съ новой весной воз-
растаютъ...

Такъ челоувѣки: одни нарождаются, тѣ погибаютъ.

Однако, мысль не гибнетъ и истина, достигнутая великимъ умомъ, какъ факель въ темнотѣ, освѣщаетъ пути слѣдующихъ поколѣній.

Былъ и еще ученикъ Сократа. Пылкій Ктезиппъ еще недавно считался самымъ веселымъ и самымъ безопаснымъ изъ аѳинскихъ юношей; онъ боготворилъ только красоту и преклонялся передъ Клиніасомъ, какъ совершеннѣйшимъ ея воплощеніемъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ, и именно съ того времени, какъ познакомился съ Сократомъ, онъ потерялъ и веселье, и безопасность, а въ толпѣ Клиніасовыхъ друзей его замѣнили другіе, и онъ смотрѣлъ на это равнодушно. Стройность мысли и гармонія духа, которыя онъ встрѣтилъ у Сократа, казались ему теперь во сто кратъ болѣе привлекательными, чѣмъ стройность стана и гармонія въ чертахъ Клиніаса. Всѣми силами своей пылкой души онъ привязался къ тому, кто нарушилъ дѣвственное спокойствіе его собственной души, раскрывшейся на-встрѣчу первымъ сомнѣніямъ, какъ почки молодого дуба раскрываются на-встрѣчу свѣжему весеннему вѣтру.

Теперь, въ эти горькія минуты, онъ нигдѣ не могъ найти успокоенія, — ни у домашняго очага, ни на улицахъ притихшаго города, ни въ обществѣ единомышленныхъ друзей. Боги очага, домашніе и народныя боги стали ему противны: «Я не знаю, — говорилъ онъ, — лучшіе ли вы изъ тѣхъ, кому безчисленныя поколѣнія народовъ сожигаютъ благовонія и приносятъ жертвы. Но не сомнѣваюсь, что вамъ въ угоду слѣпая толпа погасила яркій свѣтильникъ истины, что вамъ въ жертву принесенъ лучшій изъ смертныхъ!»

Улицы и площади, казалось Ктезиппу, еще оглашаются криками неправеднаго суда. Здѣсь нѣкогда Сократъ одинъ воспротивился безчеловѣчному приговору судей и слѣпой

ярости черни, требовавшей смерти аргинузскимъ вождямъ *). Теперь не нашлось никого, кто бы съумѣлъ защитить его съ такою же силой. Въ этомъ Ктезиппъ винилъ и себя, и товарищей, и вотъ отчего ему хотѣлось въ этотъ вечеръ избавиться отъ присутствія всѣхъ людей и даже, если возможно, отъ себя самого.

Онъ пошелъ къ морю. Но здѣсь его тоска стала еще тяжелѣе. Казалось, подъ покровами изъ тумана, опечаленныя дочери Нерее метались и бились о берегъ, оплакивая лучшаго изъ аонянъ и самый городъ, ослѣпленный безуміемъ. Волны летѣли одна за другой, волны плескались о каменныя скалы съ непрерывнымъ жалобнымъ рокотомъ, который раздавался въ ухахъ Ктезиппа какъ траурное, намогильное пѣніе.

Тогда онъ отвернулся и пошелъ отъ берега все прямо, не глядя передъ собой и не заботясь даже о дорогѣ. Мрачная скорбь затемнила его сознаніе и нависла надъ нимъ, какъ темная туча. Онъ забылъ о времени, о пространствѣ, о собственномъ существованіи, и весь полонъ былъ одною гнетущею мыслью о Сократѣ... «Вчера онъ

---

*) Въ битвѣ при Аргинусахъ аоняне одержали блестящую побѣду. Послѣ битвы наступила буря, и, щадя живыхъ, вожди не достаточно позаботились о мертвыхъ, которые остались безъ погребенія. Тогда противъ счастливыхъ вождей поднялись въ Аониахъ страсти суевѣрной толпы. Родственники убитыхъ явились на собраніе въ траурныхъ платьяхъ, обвиняя вождей въ томъ, что теперь умершіе останутся вѣчными скитальцами: здѣсь выступило древнее вѣрованіе, гласившее, что душа не покидаетъ тѣла и вмѣстѣ съ нимъ сходитъ въ нѣдра земли. Сократъ одинъ воспротивился приговору, основанному на угожденіи грубому суевѣрію.

былъ, вчера еще раздавались его кроткія рѣчи. Какъ можетъ быть, что его *нѣтъ* сегодня?... О ночь, о вы, великаны-гѣры, окутанные туманными нимбами, ты, рокочущее море, обладающее собственнымъ движеніемъ, вы, беспокойные вѣтры, несущіе на крыльяхъ дыханіе необъятнаго міра, ты, звѣздный сводъ, покрытый летучими облаками, ты, тихо сверкающая зарница, раздвигающая ихъ молчаливыя гряды,—возьмите меня къ себѣ, откройте мнѣ тайну этой смерти, если вы ее знаете! А если не знаете, дайте моему невѣдѣнію ваше безстрастіе. Возьмите у меня эти мучительные вопросы,—я не въ силахъ болѣе носить ихъ въ груди безъ отвѣта и безъ надежды на отвѣтъ... А кто же отвѣтитъ, если уста Сократа смежило вѣчное молчаніе, а на его взоры налегла вѣчная тьма?»

Такъ говорилъ Ктезиппъ, обращаясь къ морю, къ горамъ и мракамъ ночи, которая, между тѣмъ, какъ всегда, совершала надъ спящимъ міромъ свой незримый, неудержимый полетъ. Прошло много часовъ, прежде чѣмъ Ктезиппъ вздумалъ оглянуться, куда привели его шаги, не управляемые сознаниемъ. Когда же онъ оглянулся, то темный ужасъ охватилъ его душу.

III.

Казалось, невѣдомыя божества вѣчной ночи услышали дерзкую молитву. Ктезиппъ глядѣлъ и не узнавалъ мѣста, гдѣ онъ находился. Огни города давно угасли въ тем-

потѣ, рокоть моря смолкъ въ отдаленіи, и теперь самое воспоминаіе о немъ стихало въ оробѣвшей душѣ. Ни одинъ звукъ: ни осторожный крикъ ночной птицы, ни свистъ ея крыла, ни шорохъ листьевъ, ни журчаніе никогда не засыпающихъ горныхъ ручьевъ,—ничто не нарушало глубокаго молчанія... И только синіе блуждающіе огни тихо снимались и переносились съ мѣста на мѣсто, по утесамъ, да молчаливыя зарницы вспыхивали и угасали въ туманахъ надъ вершинами, усиливая мракъ своими короткими вспышками и мертвымъ свѣтомъ открывая мертвыя очертанія пустыни, по которой черныя разсѣлины вились какъ змѣи и скалы громоздились въ дикомъ хаотическомъ безпорядкѣ.

Казалось, всѣ веселые боги, живущіе въ зеленыхъ дубравахъ, въ звенящихъ ручьяхъ и въ горныхъ лощинахъ, навсегда бѣжали изъ этой пустыни; только одинъ великій таинственный Панъ притаился гдѣ-то близко въ хаосѣ природы и зорко, насмѣшливымъ взглядомъ, слѣдитъ за нимъ, ничтожнымъ муравьемъ, еще такъ недавно дерзко зывавшимъ къ тайнѣ міра и смерти. И слѣпой, не разсуждающій ужасъ уже разливался въ душѣ Ктезиппа, какъ море заливаешь во время шумнаго прилива прибрежныя скалы.

Быль ли это сонъ, была ли это дѣйствительность, было ли это откровеніе невѣдомаго божества, но только Ктезиппъ чувствовалъ, что еще одна минута — и грань жизни будетъ перейдена, и душа его растворится въ этомъ океанѣ беспредѣльнаго, безформеннаго ужаса, какъ дождевая капля въ волнѣ сѣдого океана въ темную и бур-

ную почь. Но въ эту минуту онъ услышалъ вдругъ голоса, показавшіяся ему знакомыми, и глаза его различили при свѣтѣ зарницы человѣческія формы.

IV.

Человѣкъ сидѣлъ на одномъ изъ каменныхъ выступовъ въ позѣ глубокаго отчаянія и съ плащомъ, пакипутымъ на низко опущенную голову. Другой тихими шагами приближался къ нему, поднимаясь съ осторожностью и изслѣдуя каждую пядь дороги. Сидѣвшій открылъ лицо и воскликнулъ:

— Тебя ли я видѣлъ сейчасъ, добрый Сократъ? Ты ли идешь мимо меня въ этомъ безрадостномъ мѣстѣ, гдѣ я сижу уже много часовъ, не зная смѣны дня и ночи, напрасно дожидаясь разсвѣта?

— Да, это я, другъ! А въ тебѣ не узнаю ли я Елпидія, умершаго за три дня передо мной?

— Да, я—Елпидій, богатѣйшій изъ аѳинскихъ кожевниковъ, а нынѣ несчастнѣйшій изъ всѣхъ рабовъ. Теперь только понимаю я справедливость словъ, сказанныхъ поэтомъ: лучше быть послѣднимъ рабомъ на землѣ, чѣмъ властителемъ во мракѣ аида.

— Другъ! Но если такъ тяжело тебѣ въ этомъ мѣстѣ, почему не идешь ты въ другое?

— О Сократъ! я удивляюсь тебѣ: какъ можешь ты идти, не видя цѣли, я же... въ глубокой тоскѣ сижу я здѣсь и оплакиваю радости такъ скоро промелькнувшей жизни.

— Другъ Елпидій, я, какъ и ты, очутился въ этой тьмѣ, когда въ глазахъ моихъ угасъ свѣтъ земной жизни. Но голосъ сказалъ мнѣ: «Сократъ, иди въ новый путь, пе теряя времени»,—и я пошелъ.

— Но куда же пошелъ ты, Сократъ?—Здѣсь нѣтъ торпной дороги, ни одного герма, ни одной колеи, ни даже луча свѣта. Только хаосъ камней, мрака и тумановъ...

— Это правда. Но, другъ Елпидій, убѣдившись въ этой печальной истинѣ, не спросишь ли ты себя: что наиболѣе угнетаетъ твою душу?

— Безъ сомнѣнія, эта ужасная тьма.

— Итакъ, надо итти на-встрѣчу свѣту. Не замѣчалъ ли ты, что вершины всегда освѣщаются лучами первыя? И такъ, я сказалъ себѣ: «должно - быть, великій законъ состоитъ въ томъ, чтобы смертные сами искали во мракѣ пути къ источнику жизни. Не зная ничего болѣе опредѣленнаго, иди, Сократъ, все впередъ и все кверху...» Не думаешь ли ты, что это лучше, чѣмъ сидѣть на мѣстѣ? Я думаю, и потому иду. Прощай!

— О нѣтъ, добрый Сократъ, не покидай меня. Ты до-вольно твердо ступаешь по этому адскому бездорожью. Дай мнѣ полу твоего плаща...

— Если ты полагаешь, что и тебѣ это будетъ лучше, иди за мной, другъ Елпидій.

И двѣ тѣни пошли дальше, а душа Ктезиппа, исторгнутая сномъ изъ тлѣнной оболочки, понеслась имъ вслѣдъ, жадная къ яснымъ звукамъ знакомой Сократовой рѣчи, какъ будто освѣтившей для нея эти области безнадежной тьмы.

— Что же ты смолкъ, добрый Сократъ?—послышался опять голосъ аэинянина Елпидія.—Разговоръ сокращаетъ скуку путешествія, а клянусь Геракломъ, никогда еще не случилось мнѣ итти такою ужасною дорогой. Вотъ когда чувствуешь настоящую потребность въ добромъ товарищѣ, у котораго, какъ у тебя, языкъ привѣшенъ не напрасно!

— Спрашивай, другъ Елпидій. Вопросъ любознательнаго человѣка вызываетъ отвѣты и родитъ собесѣдованіе.

Елпидій помолчалъ и потомъ спросилъ, собравшись съ мыслями:

— Вотъ что. Расскажи ты мнѣ, мой бѣдный Сократъ, хорошо ли, по крайней мѣрѣ, тебя похоронили? Какъ странно, не правда ли, что мы теперь должны предлагать другъ другу такіе вопросы, вмѣсто прежнихъ: «какъ ты провелъ ночь и хорошо ли пообѣдалъ?»

— Признаюсь тебѣ, другъ Елпидій, я не могу удовлетворить твое любопытство.

— Понимаю тебя, бѣдный Сократъ,—тебѣ нечѣмъ похвастать. Вотъ я—другое дѣло! Ахъ, какъ меня хоронили, какъ превосходно хоронили меня, мой бѣдный товарищъ! Я и теперь съ великимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ лучшихъ минутахъ... послѣ моей смерти! Прежде всего, меня обмыли и умаслили дорогими благоуханіями. Потомъ вѣрная моя Ларисса надѣла на меня лучшія ткани. Искуснѣйшія плакальщицы въ городѣ рвали на себѣ волосы, такъ какъ имъ обѣщали очень хорошую плату. Въ семейную усыпальницу со мной поставили одну амфору, одну кратеру съ превосходно украшенными бронзовыми ручками, одинъ фіаль, затѣмъ...

— Постой, другъ. Елпидій. Я увѣренъ, что вѣрная Ларисса размѣняла свою любовь на нѣсколько минъ... Однако...

— Ровно десять минъ и четыре драхмы, не считая напитковъ, которые выпиты гостями. Такъ вотъ, видишь ли, какъ меня проводили до могилы. Рѣдкій, я думаю, даже изъ богатыхъ кожевниковъ можетъ похвалиться передъ своими предками, отошедшими раньше, такими похоронами и такимъ вниманіемъ со стороны живущихъ.

— Другъ Елпидій, не думаешь ли ты, что золото это принесло бы больше пользы оставшимся въ Аѳинахъ бѣднякамъ, чѣмъ тебѣ въ настоящую минуту?

— Это ты говоришь, признайся, изъ зависти,—возразилъ Елпидій съ горечью.—Мнѣ жаль тебя, несчастный Сократъ, хотя, между нами сказать, ты дѣйствительно заслужилъ свою участь, и не разъ, въ кругу своей семьи, я самъ говаривалъ, что давно бы пора прекратить разсѣваемое тобою нечестіе, ибо...

— Постой, другъ. Кажется, ты имѣлъ въ виду какое-то заключеніе, и я боюсь, что ты свернулъ съ прямого пути. Скажи же, добрый человѣкъ, куда клонится твоя нетвердая мысль?

— Я хотѣлъ только сказать, что, по добротѣ сердечной, я, все-таки, тебя жалѣю. Мѣсяць назадъ я и самъ не мало кричалъ въ собраніи, но, по-истинѣ, никто изъ насъ, кричавшихъ, не желалъ для тебя такой крупной неприятности. Теперь тѣмъ болѣе, повѣрь, мнѣ жаль тебя, несчастный философъ!...

— Благодарю тебя. Однако, товарищъ, скажи: въ глазахъ твоихъ свѣтло?

— О, нѣтъ, передо мной одна темная мгла, и я спрашиваю тебя даже: не это ли туманныя области Орба?

— Какъ, значить и для тебя путь этотъ такъ же темепь, какъ и для меня?

— Кажется, не менѣе.

— Если не ошибаюсь, ты даже держишься за полу моего плаща?

— Это правда.

— Но тогда не одинаково ли мы оба достойны сожалѣнія?... Ты видишь, предки не спѣшатъ насладиться разсказомъ о твоёмъ похоронномъ торжествѣ. Гдѣ же разница между нами, мой добрый товарищъ?

— Но, Сократъ, неужели боги помрачили твой разумъ настолько, что тебѣ не ясна эта разница?

— Другъ, если тебѣ твое положеніе ясна, тогда дай мнѣ руку и веди меня, ибо, клянусь собакой *), ты предоставляешь именно мнѣ идти впередъ въ этой тьмѣ...

— Оставь шутки, Сократъ! Оставь твои шутки и не равняй себя (потому что, вѣдь, ты безбожникъ) съ челоукомъ, умершимъ на своей собственной постелѣ...

— А, кажется, я начинаю понимать тебя... Скажи мнѣ, однако, Елпидій: надѣешься ли ты, что будешь пользоваться твоею постелью еще когда-либо?

— Увы! не думаю.

---

*) Обычная клятва Сократа.

— И было такое время, когда ты не спалъ на ней?

— Было... до того самаго дня, когда я купилъ ее у Агезилая за половинную цѣну. Вотъ видишь ли... Этотъ Агезилай, хоть и порядочный мошенникъ...

— Оставимъ Агезилая. Быть-можетъ, онъ торгуешь ее теперь у твоей вдовы за четверть цѣны. Не правъ ли я, однако, когда говорю, что, вѣдь, постель находилась лишь во временномъ твоёмъ владѣннѣ?

— Согласенъ.

— Но, вѣдь, и та постель, на которой я умеръ, тоже находилась въ моемъ временномъ владѣннѣ. Ее далъ мнѣ на время добрый Протисъ, тюремный сторожъ.

— А! еслибъ я зналъ, къ чему ты склопяешь рѣчь, я не сталъ бы отвѣчать на твои коварные вопросы. Ну, слыхано ли, о Гераклѣ, подобное нечестіе: онъ равняетъ себя со мною! Но, вѣдь, я могъ бы уничтожить тебя, если на то пошло, двумя словами...

— Произноси ихъ, Елпидій, произноси безъ страха. Едва ли можно уничтожить меня словами больше, чѣмъ это сдѣлала цикута...

— Ну, вотъ! Это-то я и хотѣлъ сказать. Несчастный, ты умеръ по приговору суда, отъ цикуты!

— Но, вѣдь, я это зналъ съ самаго дня смерти и даже значительно ранѣе. А ты, о счастливый Елпидій, скажи мнѣ, отъ чего ты умеръ?

— О, я совсѣмъ другое дѣло! У меня, видишь ли, сдѣлалась водянка въ животѣ. Былъ позванъ дорогой врачъ изъ Коринѣа, который взялся вылѣчить меня за двѣ мины и половину получилъ въ задатокъ... Боюсь, что, по не-

опытности въ этихъ дѣлахъ, Ларисса, пожалуй, отдасть ему и другую половину...

— Судя по тому, что я вижу, врачъ изъ Коринѳа не сдержалъ своего обѣщанія?

— Это правда.

— И ты умеръ именно отъ водянки?

— Ахъ, Сократъ, повѣришь ли, она принималась душить меня три раза, пока не залила, наконецъ, огонь моей жизни!...

— Скажи же мнѣ: смерть отъ водянки доставила тебѣ большое наслажденіе?

— О, злой Сократъ, не смѣйся надо мной! Говорю же тебѣ: она прижималась душить меня три раза... Я кричалъ, какъ быкъ подъ пожомъ мясника, и молилъ Парку поскорѣе перерѣзать нить, связывающую меня съ жизнью...

— Это меня не удивляетъ. Но тогда, добрый Елпидій, откуда ты заключаешь, что водянка сдѣлала свое дѣло лучше, чѣмъ цыкута, которая покончила со мной въ одинъ разъ?

— Вижу, что опять попался въ твою западню, лукавый нечестивецъ! Не стану больше гнѣвить боговъ, разговаривая съ тобою, нарушителемъ священныхъ обычаевъ.

И оба замолчали, и было тихо. Но спустя немного Елпидій заговорилъ первый:

— Что же ты смолкъ, добрый Сократъ?

— Другъ, не ты ли самъ пастойчиво просилъ объ этомъ?

— Я не гордъ и умѣю относиться спусходительно къ людямъ хуже меня. Оставимъ ссору!

— Я не ссорился съ тобою, другъ Елпидій, и, повѣрь, не хотѣлъ сказать тебѣ ничего непріятнаго. Я привыкъ только познавать вещи посредствомъ сравненія. Мнѣ неясно мое положеніе. Свое ты считаешь лучшимъ, и я былъ бы радъ узнать—почему. Въ свою очередь и тебѣ, быть-можетъ, не лишне было бы узнать истину, какова бы она ни была...

— Ну-ну, оставимъ это!... Скажи, ты не боишься?

— Не думаю, чтобы чувство, которое я теперь испытываю, слѣдовало назвать страхомъ.

— А я чувствую именно страхъ, хотя, сказать по правдѣ, у меня меньше поводовъ къ ссорѣ съ богами, чѣмъ у тебѣ. Не кажется ли тебѣ, однако, что, оставляя насъ здѣсь, на волю хаоса и собственныхъ усилій, боги обманули наши ожиданія?

— Это зависитъ отъ того, каковы были ожиданія... Чего же ты ждалъ отъ боговъ, другъ Елпидій?

— Чего ждалъ, чего ждалъ!... Странные вопросы предлагаешь ты, Сократъ! Я полагаю, что если человѣкъ приносить въ теченіе своей жизни жертвы и умираетъ въ благочестіи и со всѣми обрядами, то можно бы, кажется, послать если не Гермеса, то хоть какого-нибудь изъ незначительныхъ боговъ для указанія человѣку пути... Правда, совѣсть указываетъ мнѣ на одно обстоятельство... Видишь ли: много разъ общалъ я Гермесу тельцовъ, прося удачи въ торговлѣ кожами, и...

— Удачи тебѣ не было?

— Удача была, добрый Сократъ, но...

— Понимаю,—не оказалось теленка.

— Ахъ, Сократъ, ну, могло ли не быть какого-нибудь теленка у богатаго кожевника?

— Теперь я понимаю: была и удача, и теленокъ, но ты оставлялъ ихъ себѣ, Герму же не досталось ничего.

— Ты умный человекъ, я это говорилъ много разъ... Увы, свои обѣты я исполнялъ не болѣе трехъ разъ изъ десяти и съ другими богами поступалъ не лучше, чѣмъ съ Гермесомъ. Если и съ тобой, какъ я думаю, случилось что-либо подобное, то не въ этомъ ли причина, что мы теперь оставлены?... Правда, я приказалъ Лариссѣ принести послѣ моей смерти цѣлую гекатомбу...

— Но, вѣдь, это уже Ларисса, другъ Елпидій, а обѣщаніе дано тобою.

— Это правда, это правда... Ну, а ты, добрый Сократъ? Неужели ты, безбожникъ, поступалъ въ отношеніи боговъ лучше мепя, богобоязненнаго кожевника?

— Другъ! не знаю, лучше ли я поступалъ или хуже. Прежде я приносилъ жертвы, не давая обѣтовъ, а въ послѣдніе годы я не давалъ ни тельцовъ, ни обѣщаній...

— Какъ, несчастный, ни одного теленка?

— Да, другъ, еслибы Герму пришлось питаться одними моими приношеніями, боюсь, онъ бы сильно отощалъ...

— Понимаю! Ты не занимался торговлей скотомъ и приносилъ ему отъ предметовъ другого промысла. Можетъ-быть, мину, другую изъ платы твоихъ учениковъ?

— Другъ, ты знаешь, что я не бралъ платы съ уче-

никовъ, а промысла едва хватало на собственное прокормленіе. Еслибы боги разсчитывали на остатки отъ моей суровой трапезы, они сильно обманулись бы въ разсчетахъ.

— О, нечестивецъ! Передъ тобой и я могу похвалиться святостью. Посмотрите, боги, на этого человѣка! Правда, я иногда обманывалъ васъ, но порой, все-таки, дѣлился съ вами излишками удачной торговли. Даетъ много дающихъ что-нибудь въ сравненіи съ нечестивцемъ, который не даетъ ничего! Знаешь что: ступай себѣ одинъ. Боюсь, какъ бы общество подобнаго тебѣ безбожника не повредило мнѣ во мнѣніи боговъ.

— Какъ хочешь, добрый Елпидій. Клянусь собакой, никто не долженъ насильно навязывать свое сообщество другимъ. Отпусти полу моего плаща и прощай. Я пойду одинъ.

И Сократъ пошелъ впередъ, все такъ же твердо, хотя и изслѣдуя на каждомъ шагу почву. Но Елпидій тотчасъ же закричалъ ему вслѣдъ:

— Погоди, погоди, мой добрый согражданинъ, не оставляй аэнианипа одного въ такомъ ужасномъ мѣстѣ! Я только пошутилъ, прими мои слова въ шутку и перестань торопиться. Я удивляюсь, какъ можешь ты видѣть что-нибудь въ такой кромѣшной тьмѣ.

— Другъ, я приучилъ свои глаза.

— Это хорошо. Однако, я не могу похвалить тебя за то, что ты не приносилъ жертвы богамъ. Нѣтъ, не могу, бѣдный Сократъ, не могу! Навѣрное, почтенный Софронискъ не тому училъ тебя смолоду, и ты самъ, я видѣлъ это, прежде участвовалъ въ моленіяхъ.

— Да. Но я привыкъ изслѣдовать разныя основанія и принимать только тѣ, которыя, послѣ изслѣдованія, оказывались разумными... Итакъ, пришелъ день, въ который я сказалъ себѣ: Сократъ, вотъ ты поклоняешься олимпійцамъ. За что же именно ты имъ поклоняешься?

Елпидій засмѣялся.

— Вотъ это такъ! Право, вы, философы, не находите порой отвѣтовъ на самыя простыя вопросы. А вотъ я, простой кожевникъ, никогда въ жизни не занимавшійся софистикой... и, однако, я знаю, почему слѣдуетъ почитать олимпійцевъ.

— Скажи же, другъ, поскорѣе, пусть и я узнаю отъ тебя—почему?

— Почему? Ха, ха, ха! Но, вѣдь, это такъ просто, мудрый Сократъ.

— Чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Но только не скрывай отъ меня твоего знанія. Итакъ, почему слѣдуетъ чтить боговъ?

— Почему?... Да, вѣдь, всѣ дѣлаютъ это...

— Другъ! ты знаешь хорошо, что не всѣ. Не вѣрнѣ ли сказать: многіе?

— Ну, пусть многіе...

— Но скажи мнѣ, не большее ли количество людей дѣлаютъ зло, чѣмъ добро?

— Думаю, что это правда: зло встрѣчается чаще.

— Итакъ, надлежитъ дѣлать зло, а не добро, слѣдуя за большинствомъ?

— Что ты говоришь!

— Не я, ты самъ говоришь это, я же думаю, что множество преклоняющихся передъ олимпійцами не есть

еще основаніе, и намъ нужно поискать другого, болѣе разумнаго. Быть-можетъ, ты находишь ихъ заслуживающими уваженія?

— Это вотъ вѣрно.

— Хорошо. Но тогда новый вопросъ: за что же именно ты уважаешь ихъ?

— За ихъ величіе, это ясно.

— Пожалуй, и я, можетъ-быть, скоро соглашусь съ тобой. Мнѣ остается только узнать отъ тебя, въ чемъ состоитъ величіе... Ты затрудняешься? Поищемъ же отвѣта вмѣстѣ. Гомеръ говоритъ, что буйный Арей, ниспровергнутый камнемъ Паллады-Афины, покрылъ своимъ тѣломъ семь десятинъ.

— Вотъ видишь, какое огромнѣйшее пространство.

— Итакъ, въ этомъ величіе?... Но, другъ, вотъ опять недоумѣніе. Не помнишь ли атлета Діофанта? Онъ выдѣлялся цѣлою головой изъ толпы, а Периклъ былъ не выше тебя. Кого, однако, мы называемъ великимъ, Перикла или Діофанта?

— Я вижу, что величіе, дѣйствительно, не въ громадности.

— Да, величіе—не громадность, это правда. Я радъ, что мы кое въ чемъ уже съ тобой согласились. Быть-можетъ, оно въ добродѣтели?

— Конечно!

— Я опять думаю то же. Теперь скажи, кто же передъ кѣмъ долженъ преклониться: меньшій ли передъ большымъ или, наоборотъ, болѣе великій въ добродѣтели долженъ преклониться передъ порочнымъ?

— Отвѣтъ ясепись.

— Думаю. Теперь пойдѣмъ дальше: скажи мнѣ по совѣсти, убивалъ ли ты стрѣлами чужихъ дѣтей?

— Конечно, никогда! Неужели ты думаешь обо мнѣ такъ дурно?

— И не соблазнялъ, падѣюсь, чужихъ женъ?

— Я былъ честный кожевникъ и хорошій семьянинъ, не забывай этого, Сократъ, прошу тебя!

— Значить, ты не обращался въ скота и своею похотливостью не давалъ вѣрной Лариссѣ поводовъ мстить съблазненнымъ тобою женщинамъ и ни въ чемъ неповиннымъ дѣтямъ?

— Право, ты меня сердидишь, Сократъ.

— Но, быть-можетъ, ты отнялъ наслѣдство у родного отца и заключилъ его въ темницу?

— Никогда!... Но къ чему эти обидные вопросы?

— Погоди, другъ. Можетъ-быть, мы какъ-нибудь и придемъ вмѣстѣ къ какому-либо заключенію... Скажи, считалъ ли бы ты великимъ человѣка, который сдѣлалъ все, что я сейчасъ перечислилъ?

— Ну, пѣтъ, нѣтъ! Я назвалъ бы такого человѣка негодяемъ и обвинилъ бы его публично передъ судьями на площади.

— Ну, Елпидій, почему же ты не обвинялъ на площади Зевса и олимпійцевъ? Кронидъ воевалъ съ роднымъ отцомъ и распался скотскою похотью къ смертнымъ, а Гера мстила невиннымъ дѣвамъ, потерпѣвшимъ насилие... Не они ли вдвоемъ обратили несчастную дочь Инаха въ жалкую корову, не Аполлонъ ли убилъ стрѣлами

всѣхъ дѣтей Ниобеи, а Каллепій не вороваль ли быковъ?... Итакъ, Елпидій, если правда, что менѣе добродѣтельный долженъ оказывать почтеніе большему въ добродѣтели, то, вѣдь, не ты олимпійцамъ, а они тебѣ должны воздвигать алтари.

— Не богохульствуй, нечестивый Сократъ, перестань! Тебѣ ли судить боговъ?

— Другъ, ихъ осудило нѣчто высшее. Изслѣдуемъ вопросъ: какой признакъ божества?... Ты, кажется, сказалъ: величіе, состоящее въ добродѣтели. Не это ли же самое—единственная божественная искра въ человѣкѣ? Но если ничтожною человѣческою добродѣтелью мы измѣрили величіе боговъ и мѣрило оказалось больше измѣряемаго, то отсюда слѣдуетъ, что само божественное начало осудило олимпійцевъ. Но тогда...

— Что тогда?

— Тогда, добрый Елпидій, они—не боги, а обманчивые призраки. Не такъ ли?

— Вотъ къ чему приводитъ разговоръ съ вами, босногіе философы! Я вижу теперь, что о тебѣ говорили правду: ты и видомъ, и всѣмъ другимъ походишь на рыбу торпиль, которая своимъ взглядомъ околдовываетъ человѣка. Такъ же околдовалъ ты меня лишь затѣмъ, чтобы породить въ душѣ моей, твердой въ вѣрѣ, недоумѣніе и колебаніе. Вотъ уже въ моемъ умѣ пошатнулось уваженіе къ Зевесу... Ну, нѣтъ, говори же теперь одинъ,—я не стану отвѣчать!

— Не сердись, Елпидій, я не желаю тебѣ зла. Если же ты усталъ слѣдить за правильностью умозаключеній,

то позволю рассказать тебѣ притчу объ одномъ милетскомъ юношѣ. Умъ отдыхаетъ на притчахъ, а между тѣмъ и отдыхъ бываетъ не безплоденъ.

— Говори, если твой рассказъ не очень длиненъ и имѣетъ въ виду хорошее нравоученіе.

— Онъ имѣетъ въ виду истину, другъ Елпидій, и я постараюсь его сократить:

«Видишь ли. Когда-то, въ древнія времена, Милеть подвергся нападенію варваровъ. Въ числѣ юношей, введенныхъ въ плѣнъ, былъ одинъ отрокъ, сынъ мудрѣйшаго и лучшаго изъ всѣхъ гражданъ страны. Дорогой ребенокъ впалъ въ сильную болѣзнь и былъ брошенъ въ безпамятствѣ, какъ негодная добыча.

«Глубокою ночью пришелъ онъ опять въ себя. Высоко надъ нимъ мигали звѣзды, кругомъ разстилалась пустыня, а вдали раздавались хищные крики звѣрей. Онъ былъ одинъ...

«Онъ былъ совершенно одинъ и, кромѣ того, боги отняли у него память всѣхъ событій его предыдущей жизни. Тщетно онъ напрягалъ свой умъ,—въ немъ было такъ же темно и пусто, какъ въ этой непривѣтливой пустынѣ. И только гдѣ-то, за далью туманныхъ и неясныхъ образовъ, стояла мечта объ оставленной родинѣ. Въ этой свѣтлой странѣ чудился ему образъ лучшаго изъ всѣхъ людей, и тогда въ сердцѣ звучало слово: «Отецъ!».

«Ободренный, онъ поднялся на ноги и пошелъ не твердыми шагами, избѣгая опасностей. Послѣ долгаго пути, когда, казалось, послѣднія силы готовы были измѣнить ему, онъ увидѣлъ въ туманной дали огонь, который

освѣщаль тьму и разгоняль холодъ. Въ усталую душу вступила тогда кроткая надежда, воспоминанія объ отчемъ кровѣ ожили и юноша пошелъ на огонь, съ крикомъ: «это ты, это ты, отецъ мой!»

— Это и былъ домъ отца?

— Нѣтъ, это была куща кочевниковъ, остановившихся на роздыхъ. Они взяли его въ плѣнъ, но дали обогрѣться и научили добыванію огня.. Много лѣтъ послѣ того онъ вель жалкую жизнь плѣннаго раба, лелѣя мечту о далекой родинѣ, объ отдыхѣ на родной груди отца. Порой нетвердая рука его пыталась вызвать неясный образъ изъ мертвой глины, дерева или камня. Бывали даже минуты, когда, усталый, онъ обнималъ собственное произведеніе, поклонялся ему и орошалъ его слезами. Однако, камень оставался холоднымъ камнемъ, и, вырастая, юноша разбивалъ свои издѣлія, которыя казались ему уже жалкимъ оскорбленіемъ его завѣтной мечты.

«Наконецъ, судьба привела скитальца къ доброму варвару, который спросилъ у него о причинѣ его всегдашней грусти. Когда юноша довѣрилъ ему тоску и надежды своей души, варваръ, человекъ тоже мудрый, сказалъ:

«— Миръ былъ бы лучше, еслибы въ немъ была такая страна и тотъ, о которомъ ты говоришь. Ты вѣришь,—пусть исполнятся твои надежды.. Но по какому же признаку узнаешь ты отца своего?

«— Въ моей странѣ,—отвѣтилъ юноша,—чтили мудрость и добродѣтель, а отца моего всѣ признавали учителемъ.

«— Хорошо,—отвѣтилъ варваръ.—Надо думать, что

и въ тебѣ есть зерно его ученія. Итакъ, возьми же посохъ и иди рано въ путь. Страна, гдѣ чтятъ истинную мудрость, будетъ твоею страной, а мудрѣйшій изъ ея жителей—твой отецъ.

«И юноша рано на зарѣ пустился въ дорогу...»

— Онъ нашель, кого искаль?

— Онъ ищетъ его до сихъ поръ. Онъ узналъ много странъ, много городовъ, много людей. Онъ изучилъ земные пути, переплылъ бурные понты, изслѣдовалъ тропы свѣтилъ, указующихъ пути въ безбрежныхъ пустыняхъ. И всякій разъ, когда въ трудномъ пути, въ темнотѣ ночи, глазамъ его являлся привѣтный огонь, сердце его билось сильнѣе и въ душѣ вставала надежда: «Это пріютъ въ домѣ отца моего!» Когда же радушный хозяинъ предлагалъ истомленному страннику привѣтъ, благословеніе и отдыхъ у своего очага, то растроганный юноша припадалъ къ его ногамъ и говорилъ: «Благодарю тебя, отецъ мой! Не узнаешь ли ты своего пропавшаго сына?»

«И многіе готовы были усыновить его, потому что въ тѣ времена похищенія дѣтей были часты... Но послѣ первыхъ восторговъ юноша начиналъ замѣчать въ воображаемомъ отцѣ слѣды несовершенства, а иногда и пороковъ. Тогда онъ начиналъ изслѣдовать и искушать, приставая къ нему со своими вопросами о правдѣ и неправдѣ... И его скоро прогоняли изъ-подъ гостепріимнаго крова на трудъ и холодъ новаго пути. Не одинъ разъ говорилъ онъ себѣ: «Останусь у этого послѣдняго очага, сохраню эту послѣднюю вѣру. Пусть будутъ они мнѣ вмѣсто отеческаго крова...»

— Знаешь что, это, пожалуй, было бы всего благо-разумнѣе, Сократъ.

— Порой онъ думалъ, какъ и ты. Но привычка къ изслѣдованію и смутная мечта о родномъ отцѣ не давали ему покоя. И опять отряхаль онъ прахъ отъ своихъ погъ, и опять бралъ странническій посохъ, и не всегда бурная почъ заставляла его подъ кровлей... Не находишь ли ты, что судьба юноши напоминаетъ судьбу человѣческаго рода?

— О, лукавый мудрецъ, о рыба торпиль, я понимаю теперь, къ чему ведетъ твоя притча!... Ну, такъ я скажу тебѣ прямо: пусть только мелькнетъ свѣтъ въ этой тьмѣ и ты увидишь, стану ли я искушать хозяина ненужными вопросами...

— Другъ, свѣтъ уже мелькаетъ,—отвѣтилъ Сократъ.

V.

Казалось, слова философа должны были оправдаться. Гдѣ-то высоко, за дымною пеленой, скользнулъ далекій лучъ и исчезъ въ горнихъ предѣлахъ. За нимъ другой, третій... Казалось, тамъ, за предѣлами тьмы, рѣютъ какіе-то свѣтлые геніи, свершается великая тайна, чье-то чудится живое дыханіе, готовится какое-то великое торжество.

Но это было далеко. А надъ землей тѣни сгущались, клубились дымныя тучи, свиваясь и развиваясь, перегоняя другъ друга, безъ конца и перерыва...

Синій огонь упавъ съ отдаленной вершины въ глубокую пропасть и тучи поднялись выше, покрывая небо до самаго зенита.

А лучи уходили все дальше и дальше, какъ будто имъ не было дѣла до этой мрачной и затѣненной равнины.

Сократъ стоялъ, слѣдя за ними грустнымъ взглядомъ. Елпидій со страхомъ смотрѣлъ на вершину.

— Посмотри, Сократъ, что увидишь ты тамъ, на горѣ?

— Другъ, — отвѣтилъ философъ, — изслѣдуемъ положеніе. Такъ какъ мы идемъ, то, значить, идемъ къ нѣкоторой цѣли, и какъ земная жизнь должна имѣть предѣлы, то думаю, что предѣлъ этотъ на рубежѣ двухъ началъ: въ борьбѣ свѣта и тьмы вѣнецъ нашихъ усилій. А такъ какъ у насъ не отнята способность мышленія, то думаю, что божеству, давшему жизнь нашей мысли, угодно, чтобы мы изслѣдовали самые предѣлы нашихъ стремленій. Итакъ, Елпидій, приготовимся достойнымъ образомъ встрѣтить зарю позади этихъ тучъ...

— О, добрый товарищъ! Если такова заря, то я предпочелъ бы, чтобы вѣчно длилась прежняя безотрадная, долгая, но спокойная ночь... Не находишь ли ты, что время проходило у насъ сносно въ поучительной бесѣдѣ? А теперь душа содрогается передъ надвигающеюся грозой. Нѣтъ, что ни говори, а тамъ, впереди, не простыя тѣни безжизненной ночи... Вотъ еще одна Зевсова стрѣла метнулась въ бездонную пропасть...

Ктезиппъ посмотрѣлъ на вершину и ужасъ сковалъ его душу. Великіе, мрачные образы олимпійцевъ тѣснились, вѣнчая гору, загораживая дорогу. Послѣдній лучъ

скользнулъ еще разъ поверхъ туманныхъ нимбовъ и умеръ, какъ слабое воспоминаніе. И ночь съ надвигающеюся грозой воцарилась безраздѣльно, а темные образы заняли все небо... Въ серединѣ, съ головой увѣнчанною нимбомъ, увидѣлъ Ктезиппъ могучаго Кронида. Кругомъ толпились гнѣвныя фигуры старшихъ боговъ, смятенныя и въ мрачномъ движеніи. Какъ стаи птицъ, летяція въ вечернюю даль, какъ пыль, взметаемая ураганомъ, какъ осенніе листья, гонимые бореемъ, рѣяли длинною тучей безчисленныя меньшія божества народной вѣры, заполняя пространство...

Когда же тучи двинулись съ вершины и мрачный ужасъ ринулся передъ ними, обвѣивая землю, Ктезиппъ упалъ ницъ: онъ признавался въ послѣдствіи, что въ эту страшную минуту онъ забылъ всѣ выводы и всѣ заключенія, такъ какъ душа его умалилась и надъ ней властно пронесся страхъ...

Онъ только слушалъ.

Два голоса звучали тамъ, гдѣ молчала передъ бурей вся оцѣпенѣвшая природа. Одинъ — могучій и грозный голосъ божества, другой — былъ слабый голосъ человѣка, приносимый вѣтромъ со склона горы, гдѣ Ктезиппъ оставилъ Сократа.

— Ты ли, — говорилъ голосъ изъ тучи, — дерзкій Сократъ, надменный разумомъ, боровшійся съ богами земли и неба? Не было безсмертныхъ веселѣе и свѣтлѣе насъ, олимпійцевъ, — теперь давно уже проводимъ мы свои дни въ сумеркахъ отъ невѣрія и сомнѣній, воцарившихся на землѣ... Однако, никогда еще эти туманы не сгущались

такъ сильно, какъ съ тѣхъ поръ, когда среди любезныхъ нѣкогда Аэинъ послышалось ненавистное слово твое, сынъ Софрониска. Почему не слѣдовалъ ты завѣтамъ отца твоего? Добрый Софронискъ позволялъ себѣ, особенно въ молодые годы, небольшія кощунства, но все же не одинъ разъ запахъ его жертвъ радовалъ наше обоняніе...

— Остановись, Кронидъ, — сказалъ Сократъ, — и разрѣши мое недоумѣніе: итакъ, малодушное лицемѣріе предпочитаешь ты исканію истины?

Вслѣдъ за этимъ вопросомъ скалы дрогнули отъ громоваго удара. Первое дыханіе грозы промчалось и стихло въ дальнихъ ущельяхъ, но склоны горы все еще дрожали, потому что все еще дрожалъ отъ гнѣва возсѣдающій на ея вершинѣ... А въ пугливой тишинѣ сгустившейся почти слышались только дальніе стоны. Казалось, это въ самомъ сердцѣ земли стонали отъ удара Крониды скованные титаны...

— Гдѣ ты теперь, дерзкій вопрошатель? — раздался насмѣшливый голосъ олимпійца.

— Я здѣсь, Кронидъ, здѣсь, на томъ же самомъ мѣстѣ, и только твой отвѣтъ подвинетъ меня дальше. Я жду.

Громъ заворчалъ въ тучѣ какъ дикій звѣрь, удивленный безстрашіемъ ливійца-укротителя, когда онъ, безоружный, подходитъ къ нему съ яснымъ взглядомъ. И черезъ нѣсколько мгновеній голосъ прошумѣлъ вповѣ надъ равниной:

— О, сынъ Софрониска! не довольно ли тебѣ, что на

землѣ ты расплодилъ столько сомнѣній, что даже здѣсь, на Олимпѣ, они окружили насъ темными облаками? Поистинѣ, иные дни, когда ты бесѣдовалъ на площадяхъ, въ академіяхъ или въ публичныхъ раздѣвальныхъ,—намъ казалось, что ты разрушилъ уже на землѣ всѣ алтари и что эта пыль отъ развалинъ несется къ намъ въ горнія... Тебѣ мало: ты и здѣсь, передъ лицомъ моимъ, не признаешь власти безсмертныхъ...

— Зевсъ, ты сердишься. Скажи, кто далъ мнѣ то гениальное, что тревожило всю жизнь мою душу, побуждая меня неустанно стремиться къ истинѣ?

Въ тучѣ царствовало таинственное безмолвіе.

— Не ты ли? Ты молчишь. Итакъ, я изслѣдую дѣло. Или это божественное начало дано тобою, или другимъ. Если оно дано тобою, то тебѣ же я несу его въ даръ, какъ созрѣвшій плодъ моей жизни, какъ пламя отъ зароненной тобою искры. Смотри, Кронидъ, я сохранилъ твой даръ; въ лучшемъ углу моего сердца я взростилъ твое сѣмя. Вотъ онъ, огонь моей души, который горѣлъ въ горькую минуту, когда я собственною рукой обрѣзывать нить моей жизни. Отчего же ты не примешь его, зачѣмъ ты сердишься, какъ плохой наставникъ, которому старость мѣшаетъ разглядѣть, что отрокъ-ученикъ чертитъ на послушномъ воскѣ его собственныя повелѣнія?.. Кто же ты, повелѣвающій мнѣ погасить священный огонь, освѣщавшій мою жизнь съ тѣхъ поръ, какъ въ нее проникъ первый лучъ святой мысли? Солнце не говоритъ звѣздамъ: угасните, чтобы мнѣ взойти. Оно всходитъ и слабое сіяніе звѣзды утопаетъ въ свѣтѣ бесконечно силь-

нѣйшемъ. День не говоритъ факелу: погасни, — ты мнѣ мѣшаешь. Опъ разгорается и факель дымить, но не свѣтить. Божество, къ которому я иду, — не ты, боящійся сомнѣній. Онъ, какъ день, онъ, какъ солнце, свѣтитъ самъ, не угашая ничего свѣта. Тотъ, который скажетъ мнѣ: странникъ, дай мнѣ твой факель, онъ не нуженъ тебѣ больше, потому что я — источникъ всякаго свѣта... Тотъ, кто скажетъ: сложи на моемъ алтарѣ слабый даръ твоихъ сомнѣній, потому что во мнѣ разрѣшеніе, тотъ мой Богъ, котораго я ищу. Если это ты, то прими мои вопросы. Никто не убиваетъ своего дѣтища, а мои сомнѣнія — порожденіе вѣчнаго духа, которому имя — истина!

Темныя тучи разорвались отъ края и до края небесными огнями и въ крикахъ неистовой бури опять раздался могучій голосъ:

— Къ чему вели твои сомнѣнія, надменный мудрецъ, отринувшій смиреніе, лучшее украшеніе земныхъ добродѣтелей? Ты оставилъ пріютный кровъ простодушной вѣры, чтобы вступить въ пустыню сомнѣній. Ты видѣлъ его, — этотъ мертвый просторъ, оставленный живыми богами. Тебѣ ли одолѣть его, ничтожному червю, ползающему въ прахъ своего жалкаго отрицанія? Тебѣ ли оживить міръ, тебѣ ли постигнуть невѣдомое божество, которому ты не умѣешь молиться? Ничтожный мусорщикъ, запачканный пылью разрушенныхъ алтарей, не ты ли зодчій, которому суждено воздвигать новые храмы?... На что же падѣшься ты, отринувшій старыхъ боговъ и не знающій новаго? Вѣчная ночь несконченныхъ сомнѣній, мертвая пустыня, лишенная живого духа, — таковъ вашъ міръ, жалкіе

черви, истачивающіе живую вѣру, прибѣжище простыхъ сердцець, вселенную обратившіе въ мертвый хаосъ... Что же, гдѣ ты теперь, ничтожный и дерзкій мудрецъ?

Буря одна властно гремяла на просторѣ... Потомъ стихли громы, вѣтеръ смежилъ свои крылья и только потоки дождя лились во мглѣ, точно обильныя, неудержимыя слезы, готовыя поглотить землю, покрыть ее потокомъ неутолимой скорби... И Ктезиппу казалось, что они поглотили учителя, что навсегда уже смолкъ безстрашный голосъ, привыкшій къ неустаннымъ вопросамъ. Но черезъ минуту онъ раздался снова на томъ же мѣстѣ:

— Слова твои, Кронидъ, попадаютъ лучше твоихъ громовъ. Ты бросилъ въ смущенную душу то, что давно уже и не разъ звучало въ моемъ сердцѣ, и каждый разъ оно изнемогало подъ бременемъ невыносимой скорби. Да, я оставилъ пріютный кровъ, гдѣ царила простодушная вѣра; да, я видѣлъ ее, пустыню, лишенную живыхъ боговъ, окутанную ночью непроглядныхъ сомнѣній. Но я безстрашно вступилъ въ нее, потому что мнѣ свѣтилъ мой геній, божественное начало всякой жизни. Исследуемъ вопросъ: не во имя ли Того, Кто даетъ жизнь, курятся еиміамы на твоихъ алтаряхъ? Ты—похититель чужого: не тебѣ, а Ему поклоняется простодушная вѣра, но не Его ли также ищетъ неусыпающее сомнѣніе? Да, я не зодчій, я не создатель новаго храма, не мнѣ было суждено на старомъ мѣстѣ поднять отъ земли къ небу величавое зданіе грядущей вѣры. Я—мусорщикъ, запачканный пылью разрушенія. Но, Кронидъ, совѣсть говоритъ мнѣ, что и работа мусорщика нужна для будущаго храма. Когда на

расчищенномъ мѣстѣ стройно и величаво воздвигнется чудное зданіе и въ немъ воцарится живое божество новой вѣры, я, скромный мусорщикъ, приду къ Нему и скажу: вотъ я, безъ устали ползавшій въ прахѣ отрицанія. Окруженному туманомъ и пылью, мнѣ некогда было поднять глаза отъ земли, въ моемъ умѣ лишь слабо рисовалась мечта будущаго созиданія... Отринешь ли Ты меня, праведный, истинный и великій?..

Въ тучѣ царило удивленное молчаніе, а Сократъ возвысилъ свой голосъ и продолжалъ:

— Солнечный лучъ падаетъ на грязную лужу и легкій паръ, оставивъ на землѣ грязныя части, тяжелыя и бранныя, тянется къ свѣтлому гелиосу и таетъ, растворяясь въ эфирѣ. Ты тронулъ своимъ лучомъ мою грязную душу и она устремилась къ Тебѣ, Невѣдомый, чье имя—Тайна... Я искалъ Тебя, потому что Ты въ истинѣ, я стремился къ Тебѣ, потому что Ты въ справедливости, я любилъ Тебя, потому что Ты въ любви, для Тебя я умеръ, потому что Ты — источникъ жизни... Неужели Ты отринешь меня, Невѣдомый? Мои тяжкія сомнѣнія, мои жгучія исканія, мою трудную жизнь, мою вольную смерть—прими ихъ, какъ безкровную жертву, какъ одну молитву, какъ вздохъ о Тебѣ, какъ летучую струйку брэннаго пара принимаетъ безграничный океанъ чистаго ээира. Прими ихъ Ты, котораго я не знаю имени, не дай туманнымъ призракамъ пройденной ночи заградить мой путь къ Твоему вѣчному свѣту... Уступите же съ дороги, туманныя тѣни, заграждающія свѣтъ зари! Я говорю вамъ, боги моего народа: вы неправедны, олимпійцы, а

гдѣ нѣтъ правды, тамъ и истина—только призракъ. Къ такому заключенію пришелъ я, Сократъ, привыкшій изслѣдовать разныя основанія.

«Итакъ, разступись же, мертвый туманъ, я иду своею дорогой, къ Тому, Кого искалъ всю мою жизнь...

«Я иду . . . . .»

Громъ загремѣлъ, но короткій, отрывистый, какъ будто эгидъ выпалъ изъ ослабѣвшей руки громовержца. Голоса бури, колеблясь, ринулись по уступамъ горъ, прошумѣли въ тѣснинахъ и, удаляясь, замирали въ ущельяхъ. И на ихъ мѣстѣ слышались иные, невѣдомые, чудные звуки.

Когда Ктезиппъ открылъ изумленные глаза, передъ нимъ встало невиданное зрѣлище. Ночь уходила, тучи разсѣялись. Тѣни боговъ быстро неслись по лазури, точно золотой узоръ на краяхъ чьей-то ризы. Другія мелькали по дальнимъ уступамъ и ущельямъ, и Елпидій, маленькая фигура котораго виднѣлась надъ расщелиной, простиралъ къ нимъ руки, какъ бы умоляя исчезающихъ о рѣшеніи судьбы.

А вершина горы уже вся вышла изъ таинственныхъ облаковъ и сіяла, какъ факелъ, надъ синею мглой долины. И хотя не было на ней ни громовержца Кронида, ни другихъ олимпійцевъ, только горная вершина, свѣтъ солнца и высокое небо, но Ктезиппъ ясно чувствовалъ, что вся природа до послѣдней былинки проникнута біеніемъ единой таинственной жизни. Чье-то дыханіе слышалось въ ласкающемъ вѣяніи воздуха, чей-то голосъ звучалъ чудною гармоніей, чьи-то чуялись невидимые шаги въ торжественномъ шествіи сіяющаго дня. И

еще человекъ стоялъ на освѣщенной вершинѣ и прости-
ралъ руки въ молчаливомъ восторгѣ и могучемъ стрем-
леніи.

Мгновеніе—и все исчезло, и сіяніе обыкновеннаго дня
показалось проснувшейся душѣ Ктезиппа жалкими сумер-
ками въ сравненіи съ улетѣвшимъ ощущеніемъ природы,
проникнутой вѣяніемъ единой, невѣдомой жизни.

. . . . .
Въ глубокомъ молчаніи выслушали ученики погибшаго
философа странный рассказъ Ктезиппа. Платонъ первый
прервалъ молчаніе.

— Изслѣдуемъ,—сказалъ онъ,—сонъ и его значеніе.

— Изслѣдуемъ,—отвѣтили остальные.

1889—90.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

(„ИОМЪ-КИПУРЪ“ *).

(Малорусская сказка.)

Огонь погасъ, а мѣсяцъ всходитъ,
Въ лѣсу пасется волколакъ...

(Шевченко).

Вотъ что: выйди ты, человѣче, въ ясную ночь изъ своей хаты, а еще лучше за село, на пригорочекъ, и посмотри на небо и на землю. Посмотри, какъ по небу ходитъ ясный мѣсяцъ, какъ мигаютъ и искрятся звѣзды, какъ встаютъ отъ земли легкія тучи и бредутъ куда-то, одна за другой, будто запоздалые странники ночью до-

---

*) Черезъ десять дней послѣ еврейскаго новаго года, который празднуется раннею осенью, наступаетъ у евреевъ праздникъ Иомъ-Кипуръ (очищенія). Мѣстное христіанское населеніе называетъ этотъ день „суднымъ днемъ“. Существуетъ повѣрье, что въ этотъ день еврейскій чортъ, Хапуцъ, уноситъ изъ синагоги одного еврея. Къ этому повѣрью подали поводъ, вѣроятно, чрезвычайно трогательные и исполненные особенной драматической экспрессіи обряды, сопровождающіе празднованіе Иомъ-Кипура и совершающіеся въ маленькихъ городишкахъ Западнаго края на виду у христіанскаго населенія.

рогой... А лѣсъ стоять заколдованный и слушаетъ, какія чары встають въ немъ съ полуночи, а сонная рѣчка бѣжить, и журчитъ, и бормочетъ что-то надбережнымъ яврамъ... И скажи ты мнѣ, послѣ этого, человѣче божій: чего только, какихъ чудесъ не можетъ случиться вонъ въ этой божьей хаткѣ, что люди называютъ бѣлымъ свѣтомъ?

Все можетъ случиться. Вотъ съ знакомымъ моимъ, новокаменскимъ мельникомъ, тоже разъ приключилась исторія... Если вамъ еще никто не рассказывалъ, такъ я, пожалуй, расскажу, только ужъ вы не требуйте, чтобъ я побожился, что это все правда. Ни за что не побожусь, потому что хоть слыхалъ я ее отъ самого мельника, а, все-таки, и до сихъ поръ не знаю: было это на самомъ дѣлѣ или не было...

Ну, да ужъ было или не было, а рассказывать надо, какъ было.

Разъ вечеромъ, послѣ вечерней службы въ Новой Каменкѣ,—а мельница отъ села верстахъ этакъ въ полуторахъ, не болѣе,—мельникъ вернулся къ себѣ что-то не очень въ духѣ. А отчего бы ему быть не въ духѣ, этого онъ и самъ толкомъ не сказалъ бы. Въ церкви все шло какъ слѣдуетъ, и нашъ мельникъ, горланъ не изъ послѣднихъ, читалъ на клиросѣ такъ громко, да такъ быстро, что и привычные люди удивлялись. «Вотъ какъ чешетъ, вражій сынъ,—говорили добрые люди съ великимъ респектомъ,—хоть бы тебѣ одно слово понять можно было. Чистое колесо: вертится-катится и знаешь, что есть въ немъ спицы, а поди-ка угляди хоть одну.

Такъ вотъ и онъ читаетъ: рѣчь какъ кованое колесо по камню гремитъ, а слова никакъ не ухватишь».

А мельникъ слушалъ, что люди промежь себя говорить, и радовался. Умѣль-таки потрудиться для Господа Бога: языкомъ, какъ иной здоровенный парубокъ цѣпомъ на току, молотилъ, такъ что даже въ горлѣ къ концу пересохло и очи на лобъ полѣзли.

Послѣ службы батюшка къ себѣ мельника позвалъ, чаемъ напоилъ, да и графинчикъ съ травникомъ на столъ поставили полный, а со стола убрали пустой. Послѣ этого мѣсяцъ стоялъ уже высоко надъ полями и заглядывалъ въ маленькую, но быструю рѣчку Каменку, когда мельникъ вышелъ изъ поповскаго дома и пошелъ по селу, къ себѣ на мельницу.

Изъ сельскихъ людей кто уже спалъ, кто сидѣлъ при свѣтѣ каганцовъ въ хатахъ за вечерей, а были и такіе, которыхъ теплая да ясная осенняя ночь выманила на улицу. И сидѣли себѣ старые люди на призывахъ (заваленкахъ), а молодые подъ тынами, въ густой тѣни отъ хатъ да отъ вишневыхъ садовъ, такъ что и разглядѣть было невозможно, и только тихій говоръ людской слышался и тамъ, и сямъ, а то и сдержанный смѣхъ или иной разъ—неосторожный поцѣлуй какой-нибудь молодой пары... Эй, мало ли что дѣется порой въ густой тѣни подъ вишнями вотъ въ такую ясную да теплую ночь!

Но хотъ мельнику не было видно людей, а люди хорошо видѣли мельника, потому что онъ шелъ самую средину улицы по мѣсяцу. И потому кое-гдѣ ему говорили:

— Добрый вечеръ, господинъ мельникъ. А не отъ ба-

тюшки ли вы это идете? Не у него ли загостились такъ долго?

Всѣ знали, что больше не отъ кого ему и идти, но мельнику это было пріятно, и онъ отвѣчалъ не безъ гордости и не задерживая шагу.

— Ага, загостился-таки немного!—и шель себѣ дальше прегордою поступью...

А иные сидѣли тихенько подъ навѣсами и только ждали, чтобъ онъ прошелъ поскорѣе и не замѣтилъ бы, что они тутъ. Но не такой былъ человѣкъ мельникъ, чтобъ пройти мимо или позабыть тѣхъ людей, которые ему должны за муку или за помоль, или просто взяли у него денегъ за проценты. Ничего, что ихъ плохо было видно въ тѣни и что они молчали, будто воды набрали въ ротъ,—мельникъ, все-таки, останавливался и говорилъ самъ:

— А, здоровеньки были! Тутъ вы? Молчите или не молчите, это какъ себѣ хотите, а мнѣ должокъ припаяйте, потому что срокъ завтра, утромъ-раненько. А я ждать не стану, вотъ что!

И послѣ этого опять шель дальше по улицѣ и его тѣнь бѣжала съ нимъ рядомъ, да такая черная-пречерная, что мельникъ, человѣкъ книжный и всегда готовый при случаѣ пошевелить мозгами, думалъ про себя:

— Вотъ какая черная тѣнь, даже удивительно!... На человѣкѣ надѣта свитка бѣлѣе муки, а тѣнь отъ нея чернѣе сажи...

Тутъ поровнялся онъ съ шинкомъ жида Янкеля, что стоялъ на горкѣ, недалеко уже отъ выѣзда. Шабашъ уже кончился съ закатомъ солнца, но, все-таки, въ шин-

къ хозяина не было, а сидѣль жидовскій наймитъ Харько, который всегда замѣнялъ Янкеля и его бахорей по шабашамъ и въ праздники. Онъ зажигалъ имъ свѣчи и принималъ своими руками деньги отъ людей, потому что жида—это ужь всему свѣту извѣстно—строго наблюдаютъ свою вѣру: ни за что въ праздникъ ни свѣчей не зажгутъ, ни денегъ въ руки не возьмутъ,—грѣхъ! Все это за нихъ и дѣлалъ наймитъ Харько, изъ отставныхъ солдатъ, а Янкель, или Янкеліха, а то и бахори только слѣдили зоркими очами, чтобы какъ-нибудь пятакъ или тамъ двадцатка вмѣсто выручки не попала какимъ-нибудь способомъ въ карманъ къ Харьку. «Хитрый народъ, ой и хитрый же!—думалъ про себя мельникъ.— Умѣютъ и Богу своему угодить, и грѣшей не упустятъ. Да и разумный народъ, это тоже надо сказать,—гдѣ найдемъ!»

Онъ остановился у входа въ шинокъ, на площадкѣ, крѣпко утопанной множествомъ людскихъ ногъ, что толклись тутъ и въ базаръ, и въ простые дни, всю недѣлю,— и спросилъ:

— Янкель! Эй, Янкель! Дома ты, или, можетъ, тебя нѣту?

— Нѣту, не видишь, что ли?—отвѣчалъ наймитъ изъ за прилавка.

— А гдѣ?

— Гдѣ? — въ городѣ, вотъ гдѣ,—отвѣчалъ наймитъ.— Вы, господинъ мельникъ, развѣ не знаете, какой у нихъ день?

— Какой?

— Юмъ-кипуръ!

«Вотъ объяснилъ, такъ объяснилъ!» — подумалъ про себя мельникъ. А надо вамъ сказать, наймитъ этотъ хоть и былъ себѣ простой наймитъ — да не то, что простой, а еще и жидовскій,—все-таки человѣкъ былъ письменный, служилый и прегордый. Любилъ задирать носъ кверху и величаться, а особливо передъ мельникомъ. На клиросѣ тоже читалъ, пожалуй, не хуже самого мельника, только что голосъ имѣлъ съ трещиной и забиралъ въ носъ. Поэтому въ Часословѣ еще могъ съ Филиппомъ Гладкимъ тягаться, а ужъ въ Апостолѣ никакимъ способомъ. За то въ чемъ другомъ ни за что, бывало, не уступить. Мельникъ скажетъ одно слово, а онъ ему на-встрѣчу другое, да какъ разъ еще противное. Мельникъ скажетъ иной разъ: «не знаю», а наймитъ тотчасъ: «а я такъ знаю». Непріятный человѣкъ... Вотъ и теперь загнулъ такое слово, что мельникъ даже подъ шапкою ногтями заскребѣ, а самъ еще радуется.

— Да вы, можетъ, и теперь не догадались, какой это день?

— А что мнѣ и знать всякій жидовскій праздникъ! — отвѣтилъ мельникъ съ досадой. — Развѣ я у нихъ служу или что?

— Всякій? То-то вотъ и есть, что не всякій! Сегодня у нихъ такой праздникъ, что только разъ въ годъ и случается. Да это еще что! А вотъ я вамъ скажу: такого другого праздника на всемъ свѣтѣ ни у одного народа не бываетъ.

— Ну, вы скажете!

— Про Хапуна, я думаю, и вы слышали.

— А?

Мельникъ только свиснулъ,—какъ же это онъ въ самомъ дѣлѣ не догадался?—и заглянулъ въ окно жидовской хаты: тамъ, на полу, были разостланы сѣно и трава, въ двойныхъ и тройныхъ свѣтильникахъ горѣли тонкія салныя свѣчи-моканки и слышалось жужжаніе какъ будто отъ нѣсколькихъ здоровенныхъ, въ ростъ человѣка, пчелъ. То молодая, недавно взятая еще Янкелемъ, вторая жена и нѣсколько жиденятъ, закрывъ глаза и чмокая губами, жужжали какія-то молитвы, въ которыхъ слѣва схватить было невозможно. Однако же, было что-то такое въ этомъ моленіи удивительное: казалось, кто-то другой сидитъ внутри жидовъ, сидитъ и плачетъ, и причитаетъ, вспоминаетъ и проситъ. А кого и о чемъ?—кто ихъ знаетъ! Только какъ будто бы уже не о шинкѣ и не о деньгахъ...

У мельника стало отъ той жидовской молитвы что-то сѣбно на душѣ,—и жутко, и жалко. Онъ переглянулся съ наймитомъ, которому тоже слышно было жужжаніе изъ-за корчемной двери, и сказалъ:

— Молятся!... Такъ, говоришь, Янкель поѣхалъ въ городъ?

— Поѣхалъ.

— И что ему за охота? Ну, какъ его-то какъ разъ Хапунъ и цапнетъ?

— То-то и оно! — отвѣтилъ наймитъ.— Кабы такъ на меня, то даромъ, что я воевалъ со всякимъ бусурманскимъ народомъ и имѣю медаль,—а ни за какіе бы, кажется, карбованцы не поѣхалъ. Сидѣлъ бы себѣ въ хатѣ,—небось, изъ хаты не выхватить.

— А почему? Если ужь кого схватить, то схватить и въ хатѣ. Почему въ хатѣ нельзя?

— Почему?... Чудно и спрашивать, почему. Если вамъ нужно выбрать шапку или хоть рукавицы, вы куда за ними пойдете?

— Да никуда, какъ въ лавку.

— А почему въ лавку?

— Вотъ еще! Потому, что въ лавкѣ шапокъ видимо-невидимо.

— Вотъ то-то и оно. Посмотрѣли бы вы теперь въ синагогѣ: тамъ тоже жидовъ видимо-невидимо! Толкуются, плачутъ, кричатъ такъ, что по всему городу слышно, отъ заставы и до заставы. А гдѣ толкунъ мошкеры толчется, туда и птица летитъ. Дуракъ бы былъ и Хапунъ, если бы сталь, вмѣсто того, по лѣсамъ, да по селамъ рыскать и высматривать. Ему только одинъ день въ годъ и дается, а онъ бы его такъ весь и пролеталъ понапрасну. Еще въ которой деревнѣ есть жидъ, а въ которой, можетъ, и не найдется.

— Ну, такихъ мало.

— Хотъ мало, а все-таки.. Притомъ, изъ многолюдства и выбирать много лучше.

Оба замолчали. Мельникъ подумалъ, что опять его наймутъ зашибъ хитрыми словами, и ему стало опять неприятно. А изъ оконъ все неслись жужжаніе, и плачь, и причитаніе жидовъ.

— Можетъ, батька отмаливаютъ?—сказалъ мельникъ.

— А все можетъ быть.

— Да это еще правда ли?—заговорилъ мельникъ, бо-

тому захотѣлось и наймита подразнить, да и жиды, по чловѣчеству, стало-таки немного жалко. — Можетъ, такъ люди брешутъ! Одинъ дурень сбрехнетъ, а другой и повѣрить.

Наймиту эти слова не понравились.

— Это бываетъ,—сказалъ онъ,—иной чловѣкъ такъ языкомъ и ляпнетъ безъ всякаго толку... Вотъ хоть бы и вы на этотъ разъ: развѣ это я самъ выдумалъ, или мой отецъ, или свать, когда это извѣстно всему крещеному народу?

— А вы-жь сами видѣли?—задорно спросилъ мельникъ, котораго тоже ухватили за сердце презрительныя наймитовы слова.

А надо вамъ знать, что мельникъ, когда входилъ въ азартъ, то говаривалъ иногда, что не хочетъ знать самого чорта, пока его ему не покажутъ вотъ такъ, какъ на ладони. А теперь онъ какъ разъ былъ въ самомъ азартѣ.

— А вы-жь,—говорить,—сами видѣли? А когда не видали, то и не говорите, что оно есть, вотъ что!

Наймитъ, хоть и отставной солдатъ и чловѣкъ бойкій, а тутъ спустилъ маленько голосу и даже что-то закашлялся. Ну, да не такой—волкъ его зашь!—и онъ чловѣкъ былъ, чтобы совсѣмъ спасовать.

— Лгать не стану,—говорить,—самъ никогда не видалъ. А вы, господинъ мельникъ, когда-нибудь Кіевъ видѣли?

— Нѣтъ, не видѣлъ, тоже лгать не буду.

— А онъ-таки есть, хоть вы его и не видали!

Тутъ мельникъ на такое ясное слово совсѣмъ вылупилъ глаза.

— Вот что правда, то правда, — согласился онъ, — таки Кіевъ есть, хоть я его не видалъ... Видно, надо вѣрить, когда добрые люди говорятъ. Я, видите, того... я хотѣлъ спросить, отъ кого-жъ вы слышали?

— Ба! отъ кого? А вы отъ кого про Кіевъ слышали?

— Тю-тю! Вотъ же и языкъ у васъ, такъ языкъ! Чистая бритва, чтобъ ему отсохнуть!

— Нечего моему языку отсыхать, а вы лучше вѣрьте людямъ, если уже всѣ люди говорятъ. Если всѣ говорятъ, то значить это правда. А не была бы это правда, то всѣ не говорили бы, а говорили бы одни только брехуны, вотъ что!

— Тю-тю-тю!... Да остановись ты хоть на одну минуту! А то долбить словами по башкѣ, какъ макогономъ по ступѣ. Я-жъ уже и самъ вижу, что не въ тотъ переулокъ завернулъ... А только, видишь ты, я-бъ хотѣлъ знать, откуда она взялась, такая людская намолвка...

— А оттуда и взялась, что это каждый годъ бываетъ. Что бываетъ, о томъ и люди говорятъ, а чего не бываетъ, о томъ и говорить не стѣбить...

— А, вотъ человекъ какой! Да нѣтъ, погоди, я таки схвачу твою рѣчь за хвостъ, а то вертится, какъ дурная кобыла на топчакѣ. Скажи же ты мнѣ, наконецъ, что-жъ такое бываетъ, вотъ что!

— Эге-ге! такъ видно вы и этого не знаете, что бываетъ въ судный день?...

— Зналъ, то-бъ и не спрашивалъ. Слышу давно, — люди болтають, вотъ какъ и ты: Хапунъ, Хапунъ, а въ какой разумъ это говорится, и не знаю.

— Такъ бы сразу и говорили, что не знаете, я-бъ вамъ давно и рассказалъ, а то не люблю я такихъ гордыхъ людей; ему надо горѣлки, такъ онъ прежде о водѣ заговариваетъ: «вотъ бы и выпилъ воды, да не вкусно». Если хотите знать, такъ я и расскажу, потому что я побываль-таки на свѣтѣ, не то что вы, домосѣды. Я и въ городѣ живаль не по одному году, и у жидовъ не первый разъ служу.

— А не грѣхъ тебѣ?—усомнился мельникъ.

— Другому кому грѣхъ, а солдату все можно! Намъ такая и бумага выдается.

— Развѣ что бумага...

Послѣ этого уже солдатъ рассказалъ мельнику дружелюбно всю правду про Хапуна и про то, какъ онъ въ этотъ день ежегодно хватаетъ по одному жиду.

Хапунъ, надо и вамъ сказать, когда и вы, какъ мельникъ, этого не знаете, есть особенный такой жидовскій чортъ. Онъ, скажемъ, во всемъ остальномъ похожъ и на нашего чорта, такой же черный и съ такими же рогами, и крылья у него—какъ у здоровеннаго нетопыря; только носить пейсы, да ермолку и силу имѣетъ надъ одними жидами. Повстрѣчайся ему нашъ братъ, христіанинъ, хоть о самую полночь, гдѣ-нибудь въ пустырьѣ или хоть надъ самымъ омутомъ, онъ только убѣжить, какъ пугливая собака. А надъ жидами дается ему воля: каждый годъ выбираетъ себѣ по одному и уносить...

Для этого-то вотъ выбора и назначается *юмъ-кипуръ*, судный день. Жида задолго уже до того дня молятся, плачутъ, рвутъ на себѣ одежду и даже головы зачѣмъ-то

обсыпают золой изъ печки. Передъ вечеромъ всѣ моются въ рѣчкѣ или на ставахъ *), а какъ зайдетъ солнце,—идутъ бѣдняги въ свою школу **), и ужь какой оттуда крикъ слышится, такъ не приведи Богъ: всѣ орутъ въ голось, а глаза отъ страха закрываютъ... А уже въ это время, какъ только небо погаснетъ и станетъ на немъ вечерняя звѣзда, Хапунъ вылетаетъ изъ своего мѣста и вьется надъ «школой», и въ окна бьетъ крыломъ, и высматриваетъ себѣ добычу. Но вотъ когда уже настоящій страхъ нападаетъ на жидовъ, такъ это въ самую полночь. Они нарочно зажигаютъ всѣ свѣчи, чтобы не было такъ жутко, падаютъ всѣ на полъ и начинаютъ кричать, какъ будто ихъ кто рѣжетъ. И когда они такъ лежатъ и надрываются, Хапунъ, какъ большой воронъ, влетаетъ въ горницу; всѣ слышатъ, какъ отъ его крыльевъ холодъ идетъ по сердцамъ, а тотъ, котораго онъ высмотрѣлъ ранѣе, чувствуетъ, какъ въ его спину впиваются чортовы когти. А! рассказывать объ этомъ, и то даже морозъ по-за шкурой пройдетъ, а каково-то бѣдному жиду!... Само собою,—кричить во все горло. Ну, да кто тутъ услышитъ, когда и всѣ тоже галдятъ, какъ сумасшедшіе? А можетъ кто изъ сосѣдей и слышитъ, такъ что-жь тутъ дѣлать,—радъ, что не ему выпала злая доля!...

Наимить Харько самъ слышалъ не одинъ разъ какъ послѣ того въ мѣстечкѣ разносился звукъ трубы, да такой звонкій, жалобный и протяжный... Это служка изъ шко-

---

*) Ставъ—прудь.

**) Простой народъ въ Юго-западномъ краѣ называетъ синагоги школами.

лы на прощаніе трубить вдогонку своему бѣдному брату, между тѣмъ какъ другіе надѣваютъ въ передней «патынки» (потому что въ школу входятъ въ однихъ чулкахъ) и тихо расходятся по домамъ. Видѣлъ также Харько, какъ они останавливались кучками противъ мѣсяца и бормотали что-то, и подымались на цыпочки, глядя въ ночное небо... А въ это время, когда уже всё до одного разойдутся, на полу въ передней комнатѣ сиротливо стоитъ себѣ еще пара «патынковъ» и ждетъ своего хозяина... Э! сколько бы ни ждала, никогда не дождется, потому что въ этотъ часъ надъ полями и лѣсами, надъ горами, ярами и долинами Хапунъ тащитъ хозяина патынковъ по воздуху, взмахивая крыльями и хороняся отъ христіанскаго глаза... Радъ, проклятый, когда ночь выпадетъ облачная, да темная. А ежели тихая, да ясная, какъ вотъ сегодня, что мѣсяцъ свѣтитъ изо всѣхъ силъ, то, пожалуй, напрасно чертяка и труды принималъ...

— А почему?—спросилъ у наймита мельникъ и испугался самъ, какъ бы говорливый Харько не началъ его долбить за это укоризненными словами. Но тотъ на этотъ разъ отвѣтилъ спокойно:

— А потому, что вотъ видите вы: стѣитъ любому, даже и не хитрому, крещеному человѣку, хоть бы и вамъ, напримѣръ, крикнуть чертякѣ: «Кинь! Это мое!»—онъ тотчасъ же и выпуститъ жида. Загребыхаетъ крылами, закричитъ жалобно, какъ подстрѣленный шулякъ *), и полетитъ себѣ дальше, оставшись на весь годъ безъ поживы.

---

*) Коршунъ.

А жидъ упадетъ на землю. Хорошо, если не высоко падать, или угодить себѣ въ болото, на мягкое мѣсто. А то, все равно, пропадетъ безъ всякой пользы... Ни себѣ, ни чорту

— Вотъ такъ штука!—сказалъ мельникъ въ раздумьи и со страхомъ поглядѣлъ на небо, съ котораго мѣсяць, дѣйствительно, свѣтилъ изо всей мочи. Небо было чисто и только между луною и лѣсомъ, что чернѣлся вдали за рѣчкой, проворно летѣло небольшое облачко, какъ темная пушинка. Облако, какъ облако, но вотъ что показалось мельнику немного странно: кажись, и вѣтру нѣтъ, и листь на кустахъ стоять—не шелохнется, какъ заколдованный, а облако летить, какъ птица, и прямо къ городу.

— А поглядите-ка, что я вамъ покажу,—сказалъ мельникъ наймиту.

Тотъ вышелъ изъ шинка и, опершись спиной о косякъ, сказалъ хладнокровно:

— Ну, такъ что-жь? Нашли что показывать: облакъ, такъ и облакъ! А Богъ съ нимъ...

— Да вы поглядите-ка еще,—вѣтеръ есть?

— Та-та-та-а... Вотъ оно что!—догадался наймитъ:—прямо въ городъ мандруеть...

И оба почесали затылки, задравши головы кверху.

А изъ оконъ по-прежнему несло жидовское жужжаніе, виднѣлись желтыя, вытянутыя лица, шапки на затылкъ, закрытые глаза, неподвижныя губы... Жиденята плакали, надрывались, и опять мельнику показалось, что кто-то другой внутри ихъ плачетъ и молить о чемъ-то невѣдомомъ, давно-давно утраченномъ и на половину уже позабытомъ...

— А! пора и домой,—очнулся мельникъ.—А я-было хотѣлъ грѣши Янкелю отдать...

— Можно. Я принимаю за нихъ,—сказалъ на это нанять, глядя въ сторону.

Но мельникъ притворился, что не слыхалъ этихъ словъ. Деньги были не такія маленькія, чтобы вотъ такъ, просто, отдать какому-нибудь наймиту, да еще пройди-свѣту, оставшему солдату. Съ такими деньгами онъ, пожалуй, взялъ бы себѣ, какъ говорится, ноги за поясъ, да и убрался бы не только изъ села, а даже изъ губерніи. Ищи потомъ вѣтра въ чистомъ полѣ!

— Прощайте-ка,—сказалъ поэтому мельникъ.

— Прощайте и вы! А деньги я-таки принялъ бы.

— Не беспокойте себя: отдамъ и самому.

— Это какъ себѣ хотите. А взять и я взялъ бы, безпокойство не большое. Ну, пора ужъ и шинокъ запирать. Видно, кромѣ васъ, никакая собака уже не завернетъ сегодня.

Наймитъ опять почесалъ себѣ о косякъ спину, посвисталъ какъ-то несовсѣмъ пріятно вслѣдъ мельнику и сталъ запирать двери, на которыхъ были намалеваны бѣлою краской кварта, рюмка и жестяной крючокъ (шкаликъ). А мельникъ спустился съ пригорочка и пошелъ вдоль улицы, въ своей бѣлой свиткѣ, а за нимъ опять побѣжала по землѣ черная-пречерная тѣнь.

Но теперь мельникъ раздумывалъ уже не о своей тѣни, а совсѣмъ-таки о другомъ...

II.

Мельникъ прошелъ не болѣе десяти сажень, какъ въ садочкѣ по-за тыномъ что-то зашуршало и зашумѣло, будто вспорхнули двѣ большія птицы. Но это были не птицы, а какой-то парубокъ съ дѣвкой, испуганные тѣмъ, что мельникъ сразу вышелъ изъ тѣни. Впрочемъ, парубокъ, видно, былъ не изъ страшливыхъ: отойдя еще подальше въ тѣнь, такъ что едва бѣлѣли подъ вишнями двѣ фигуры, онъ крѣпкою рукой придержалъ всполохнувшуюся дѣвушку и опять повелъ тихія рѣчи. А пройдя еще немного, мельникъ услышалъ что-то такое, что даже остановился отъ большой досады...

— А ты,—не знаю какъ тебя,—подождалъ бы хоть цѣловаться,—сказалъ онъ.—А то чмокаешь такъ, какъ соловей въ кусточкахъ,—сказалъ онъ, подойдя къ самому тыну.

— А тебѣ, собачій сынъ, надо въ чужія двери свой носъ совать?—отвѣтилъ парубокъ изъ тѣни.—Такъ вотъ погоди, я и тебя поцѣлую дручкомъ по ногамъ. Будешь впередъ знать, какъ людямъ дѣлать помѣху...

— Ну-ну!—сказалъ мельникъ, отходя. — Подумаешь, какую важную работу дѣлаешь... Да и подлый же какой-то парубокъ, какъ чмокаетъ, даже человѣку стало какъ будто завидно.

Онъ постоялъ, подумалъ, почесалъ въ головѣ и потомъ, привернувши къ сторонкѣ, занесъ ногу черезъ тынъ и пошелъ огородомъ ко вдовиной избушкѣ, что стояла немного поодаль, край села, подъ высокою топлей... Хат-

ка была малюсенькая, да еще сгорбилась и похилилась къ землѣ. Оконце было такое крохотное, что его, пожалуй, трудно было и разглядѣть, будь ночь сколько-нибудь потемнѣе. Но теперь хатка вся такъ и горѣла отъ мѣсячнаго свѣта, солома на ней казалась золотая, а стѣна серебряная, и оконце чернѣло на стѣнѣ, какъ прищуренный глазъ. Огня въ окнѣ не было. Должно-быть, у старухи съ дочкой нечѣмъ было вечерять, не зачѣмъ было и свѣтить. Мельникъ постоялъ, потомъ тихонько стукнулъ два раза въ оконце и отошелъ къ сторонкѣ.

Недолго еще и постоялъ, какъ двѣ полныя дѣвичьи руки крѣпко обвилися вокругъ его шеи, а межъ усовъ такъ даже загорѣлось что-то, какъ приникли къ мельниковымъ устамъ горячія дѣвичьи губы. Э, что тутъ рассказывать! Если васъ кто такъ цѣловаль, то вы и сами знаете, а если никогда съ вами ничего такого не было, то не стѣйтъ вамъ и говорить.

— Филиппко мой, милый, желанный!—говорила, ласкаясь, дѣвушка,—пришелъ-таки... А я ужъ ждала-заждалась, думала изсохну безъ тебя, какъ та былинка безъ воды...

«Э, не изсохла-таки, слава тебѣ, Господи!—подумаль про себя мельникъ, прижимая рукой не очень-то худощавый станъ дѣвushки.—Слава Богу, еще ничего».

— Когда же рушники готовить будемъ? — заговорила дѣвушка, все еще держа руки на плечахъ Филиппа и обдавая его горячимъ взглядомъ, какъ осенняя ночь, черныхъ очей.—Вѣдь, ужъ скоро Филипповки.

Эта рѣчь прилась мельнику не такъ по вкусу, какъ

дѣвичьи поцѣлуи. «Видишь ты, куда гнетъ, — подумаль онъ про себя.— Эхъ, Филиппъ, Филиппъ, задасть она тебѣ теперь потасовку». Но, все-таки, набравшись храбрости и отведя свои глаза въ сторону, онъ промолвилъ:

— Э, какая ты, Галя, ласая. Сейчасъ тебѣ и рушники. Какъ же это можно, когда я теперь самъ мельникъ и скоро, можетъ, стану первый богатырь (богачъ) на селѣ, а ты—бѣдная вдовина дочка?

Дѣвку шатнуло отъ того слова, будто ее ужалила змѣя. Она отскочила отъ Филиппа и схватилась рукою за сердце.

— А я думала... охъ, бѣдная-жъ моя голова!... Такъ чего-жъ это ты, подлый человѣкъ, стучаль въ оконце?

— Эге!—отвѣтилъ мельникъ,—чего стучаль... А что же мнѣ и не стучать, если твоя мать должна мнѣ деньги? А тутъ ты выскочила, да прямо цѣловаться. Что-жъ мнѣ... Я тоже умѣю цѣловаться не хуже людей!

И онъ опять протянулъ къ ней руку, но только-что его рука коснулась дѣвичьяго стана, какъ станъ этотъ вздрогнулъ, будто дѣвку ужалила гадюка.

— Геть! — крикнула она такъ сердито, что мельникъ попятился назадъ.—Я тебѣ не бумажка рублевая, что ты меня хватаешь, будто свою. Вотъ подойди еще, я тебя такъ огрѣю, что ты послѣ того забудешь ласовать на три года...

Мельникъ растерялся.

— Вотъ какая горячка! А что я, прости Господи, жидъ, что ли, тебѣ дался, что ты вотъ такъ паскудно лаешься?

— А то не жидь, что ли? За полтину уже рубль на-
ростиль, да еще тебѣ мало: ко мнѣ полѣзь за процента-
ми. Геть!—говорю тебѣ,—постылый!

— Ну, дѣвка! сказалъ мельникъ, опасливо закрывая
лицо ладонью, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не засвѣтила ку-
лакомъ.—Я вижу, съ тобой умному человѣку и говорить
нельзя. Ступай, посылай сюда мать!

Но старуха уже и безъ того вышла изъ хаты и низко
кланялась мельнику. Тому это больше понравилось, чѣмъ
разговоръ съ дочкой. Онъ подбоченился и его черная тѣнь
на стѣнѣ такъ задрала голову, что мельникъ и самъ уже
подумаль, какъ это у нея не свалится шипка.

— А знаешь ты, старая, зачѣмъ я это пришелъ?—го-
ворить мельникъ старухѣ.

— Охъ, какъ мнѣ бѣдной не знать! Видно, ты пришелъ
за моими деньгами...

— Хе! не за твоими, старая,—засмѣялся мельникъ,—
а за своими собственными. Я-жь не разбойникъ какой,
чтобы по ночамъ за чужими деньгами въ чужой домъ
приходить.

— Вотъ же таки за чужими и пошелъ,—задорно ска-
зала Галя, взявшись въ боки и наступая на мельника,—
не за своими же!

— Фу, скаженная *) дѣвка!—сказалъ тутъ мельникъ,
отступивши еще шага на два.—Ей-Богу, такой скажен-
ной дѣвки во всемъ селѣ не сыщется. Да не то что въ
селѣ, а во всей губерніи. Ну, подумай ты, какое слово

---

*) Сумасшедшая.

сказала! Да не будь вотъ тутъ одна твоя мать, что, пожалуй, и не поидеть въ свидѣтели, такъ я бы тебя въ судъ потянулъ за безчестье! Эй, одумайся ты хоть немного, дѣвка!

— А что мнѣ одуматься, когда это чистая правда?

— Какая-жъ это правда, когда старая у меня брала, да и не выплатила?

— Брешешь, брешешь, какъ рудая собака! Когда былъ еще *подсыткой* *), да со мной женихался, хотѣлъ въ домъ итти, и не говорилъ, что назадъ потребуешь. А какъ дядько померъ, да самъ ты сталъ мельникомъ, такъ весь долгъ уже перебралъ и еще тебѣ мало?

— А мука?

— Ну, что мука?... За муку сколько слѣдовало?

— По копѣ **), вотъ сколько! Дешевле никто не отдасть, хоть куда хочешь поѣзжай, хоть себя отдай въ придачу.

— А съ насъ ты сколько уже перебралъ?

— Тю-тю, куда махнула! Языкъ у тебя тоже... не хуже Харька. Да и я-жъ тебѣ на то отвѣчу: а проценты? Ну, что взяла?

Но Галя уже ничего не отвѣчала. Съ дѣвками оно часто такъ бываетъ: говорить-говорить, лопочеть-лопочеть, какъ мельница на всѣхъ поставвахъ, да вдругъ и станеть... Подумаешь, воды не хватило... Такъ гдѣ! Какъ разъ полились рѣкой горькія слезы и отошла въ сторону, все утирая глаза широкимъ рукавомъ бѣлой сорочки.

---

*) Подсыпка—работникъ на мельницѣ, засыпающій зерно на жернова.

***) *Кона* въ малороссійскомъ счетѣ значитъ 60. *Кона* грошей—30 копѣекъ.

— Отъ такъ!— сказалъ мельникъ, чуть-чуть растерявшись, а все-таки довольный.— Чего-бъ это я кидался на людей. Не лаялась бы, такъ нечего бы и плакать.

— Молчи, молчи, молчи ты, постылая тварюка!

— Молчи же и ты, когда такъ!

— Молчи уже, молчи, моя доню, — прибавила старая мать, тяжело вздохнувши. Старуха боялась, видно, разсердить мельника. Видно, у старухи нечѣмъ было заплатить въ этотъ срокъ.

— Не стану молчать, мамо, не стану, не стану!— отвѣтила дѣвушка, точно въ мельницѣ опять пошли воротаться всѣ колеса. — Вотъ же не стану молчать, а коли хотите вы знать, то еще и очи ему выцарапаю, чтобы не смѣлъ на меня славу напрасно наводить, да въ окна стучать, да цѣловаться!... Зачѣмъ стучалъ, говори, а то какъ хвачу за чуприну, то не погляжу, что ты мельникъ и богатырь. Небось, прежде не гордился, самъ женихался, да ласковыми словами сыпалъ. А теперь ужь носъ задраль, что и шапка на макушкѣ не удержится!

— Ой, доню, молчи уже, моя смирная сиротинка! — сокрушенно вздохнувъ, опять промолвила старуха.— А вы, панъ мельникъ, не взыщите на глупой дѣвкѣ. Молодой разумъ съ молодымъ сердцемъ—что молодое пиво на хмѣлю: и мутно, и бурлить. А устоится, такъ станетъ людямъ на усладу.

— А мнѣ что?— сказалъ мельникъ.— Мнѣ отъ нея ни горечи, ни услады не нужно, потому что я вамъ не ровня. Мнѣ мои деньги подай, старая, то я на вашу хату и глядѣть не стану.

— Охъ, нѣтъ же у насъ! Подожди еще, заработаемъ съ дочкой вдвоемъ, то и отдамъ. Охъ, горе мое, Филиппушка, и съ тобою, и съ нею. Ты-жь самъ знаешь, я тебя какъ сына любила, не думала, не гадала, что ты съ меня, старой, тѣ долги поверстаешь, да еще съ процентами... Хоть бы дочку, что ли, замужъ отдать, и женихи есть добрые, — такъ вотъ не идетъ же ни за кого, хоть ты что хочешь. Съ тѣхъ поръ, какъ ты съ нею женихался, будто заворожилъ дѣвку. Лучше, говорить, меня въ сырую землю живую закопайте. Лурная и я была, что позволяла вамъ до зори вотъ тутъ простаивать... Ой, лихо мнѣ!...

— А какъ же мнѣ быть?—сказаль мельникъ.—Ты, старая, этихъ дѣлъ не понимаешь: у богатаго человѣка расходъ большой. Вотъ я жиду должень, такъ отдаю,—отдавайте и вы мнѣ.

— Подожди еще хоть съ мѣсяць.

Мельникъ поскребъ въ головѣ и подумаль. Маленькотаки разжалобила его старуха, да и Галина узорная сорочка недалеко бѣлѣла.

— А я, смотри, за это еще десять грошей накину,—сказаль онъ.—Лучше отдала бы.

— Что-жь дѣлать? Видно моя доля такая,—вздохнула старуха.

— Ну, значить, такъ оно и будетъ. Я не жидъ, я-таки добрый себѣ человѣга. Другой бы, ужъ я вѣрно знаю, накинулъ бы двадцатку, а я накину десять грошиковъ и подожду еще до Филипповокъ. Да смотри, тогда уже стану жаловаться въ правленіи.

И онъ, не поклонившись, повернулся и пошелъ себѣ за околицу, даже не оглядываясь на избушку, у которой долго еще бѣлѣла узорная сорочка, — бѣлѣла на черной тѣни подъ вишеньемъ, какъ бѣлесая звѣздочка, — и нельзя было мельнику видѣть, какъ плакали черныя очи, какъ тянулись къ нему бѣлыя руки, какъ вздыхала дѣвичья грудь.

— Не плачь, доню, не плачь, ясочко, — говорила старая Прися. — Не плачь, видно такая Божія воля.

— Охъ, мамо, мамо, хоть бы дала ты мнѣ очи ему выцарапать! Можетъ, мнѣ стало бы легче...

III.

Послѣ этого мысли мельника стали какъ-то еще скучнѣе.

— Вотъ, что-то все не такъ идетъ на этомъ свѣтѣ, — думалъ онъ про себя. — Какъ-то человѣку все бываетъ непріятно, а отчего — и не придумаешь... Вотъ, теперь дѣвка прогнала... Жидомъ назвала, эге-ге!... Кабы я былъ жидъ, да имѣлъ такія деньги, да торговлю... да развѣ такъ сталъ бы я жить, какъ теперь? Нѣтъ, не такъ! Теперь что и за жизнь моя: работай на мельницѣ самъ, ночь не доспи, днемъ не доѣшь; гляди за водой, чтобъ не утекла, гляди за камнемъ, гляди за валомъ, гляди на валу за шестернями, гляди на шестерняхъ за пальцами, чтобы не повыскачили, да чтобы забирали ровно... Э, гляди еще и за проклятымъ работникомъ-подсыпкой. Развѣ можно положиться на наймита? Только уйди на минуту,

сейчасъ и онъ, подлый человѣкъ, куда-нибудь къ дѣвкамъ утреплется... А, собачья жизнь мельника, просто-таки собачья! Правда, съ тѣхъ поръ, какъ дядько—царствіе ему небесное!—убухался съ пьяныхъ глазъ въ омутъ, сталь я самъ хозяинъ и деньжонки-таки стали заглядывать въ мои карманы... Такъ опять что въ нихъ? За рублемъ какимъ-нибудь ходишь-ходишь, ругаютъ тебя и за глаза, да и въ глаза не стыдятся, а много ли прибытку?—пустяки! Никогда крепцоному человѣку не перепадетъ столько, какъ жиду. Вотъ когда бы еще жиды унесла нелегкая изъ села, тогда, пожалуй, можно бы и развернуться. Ни къ кому не пошли бы, какъ ко мнѣ, и за копѣйкой, когда надо на подати, и за товаромъ. Ге! можно бы и шиночекъ, пожалуй, открыть... А на мельницѣ или бы кого посадилъ, или хоть продалъ бы. Ну ее! Какъ-то все человѣкъ еще не человѣкъ, пока работаетъ. То ли дѣло, когда отъ грошика грошикъ самъ родится. Этого только дуракъ не понимаетъ... Заведи себѣ пару свиней; глядишь — свинья звѣрь плодущій — черезъ годъ ужъ чуть не стадо! Такъ вотъ и деньги: пускаешь ихъ по глупымъ людямъ, будто на пастбище, только не зѣвай, да умѣй опять согнать по времени: отъ гроша родится десять грошей, отъ карбованца—десять карбованцевъ...

Тутъ мельникъ вышелъ уже на самый гребень дороги, откуда начинался пологій спускъ къ рѣкѣ. Впереди уже слышно было,—такъ, чуть-чуть, когда подыхивалъ ночью вѣтерокъ,—какъ сонная вода звенить въ лоткахъ. А сзади, оглянувшись еще разъ, мельникъ увидѣлъ спящее въ садахъ село и подъ высокими тополями малень-

кую вдовину хатку... Онъ остановился и подумалъ немного, почесываясь въ головѣ.

— Э, дуракъ я былъ бы!—сказалъ онъ, наконецъ, пускаясь въ дальнѣйшій путь.—Пожалуй, не выдумай дядько въ ту ночь, напившись наливочки, залѣзть въ омутъ, теперь меня бы ужь окрутили съ Галею, а она вотъ мнѣ и не ровня. Эхъ, и сладко же, правда, цѣлуется эта дѣвка,—у-у какъ сладко!... Вотъ и говорю, что какъ-то все не такъ дѣлается на этомъ свѣтѣ. Еслибъ къ такому личику да хорошее приданое... ну, хоть такое, какъ кодненскій Макогоненко даетъ за своею Мотрей... Э, что ужь тутъ и говорить!...

Онъ кинулъ изъ-подъ горы послѣдній взглядъ назадъ, когда на селѣ раздался вдругъ ударъ колокола. Что-то какъ будто упало съ колокольни, что виднѣлась среди села, на горочкѣ, и полетѣло, звеня и колыхаясь, надъ полями.

— Эге, это уже, видно, становится на свѣтѣ полночь,—подумалъ онъ про себя и, зѣвнувъ во всю глотку, сталъ быстро спускаться подъ гору, думая опять о своемъ стадѣ. Ему такъ и видѣлись его карбованцы, какъ они, точно живые, ходятъ по разнымъ рукамъ, въ разныхъ дѣлахъ, и все пасутся себѣ, и все плодятся. Онъ даже засмѣялся, представивши, какъ разные дурни думаютъ, что стараются для себя. А придетъ срокъ, и онъ, хозяинъ стада, опять сгонитъ его въ свой кованный сундукъ вмѣстѣ съ приплодомъ.

И все это были мысли пріятныя. Только воспоминаніе о жидѣ опять испортило эти пріятныя мысли. Мельнику

стало скучно, что жидъ захватилъ себѣ всѣ пастбища, и его бѣднымъ карбованцамъ нечѣмъ кормиться, негдѣ плодиться, точно стаду барановъ на выгонѣ, гдѣ уже побывали жидовскія козы... Тутъ ужъ, извѣстно, не раскормишься!...

— Э, чтобъ его чертяка забралъ, проклятаго! — подумалъ мельникъ, и ему показалось, что вотъ это самое и есть то, отчего ему такъ скучно... Вотъ это самое только и есть плохое на свѣтѣ. Проклятые жида мѣшаютъ крещеному человѣку собирать свой доходъ...

Тутъ, въ половинѣ горы, гдѣ тихій и будто сонный шумъ воды въ лоткахъ слышался уже безъ перерывовъ, — мельникъ вдругъ остановился, какъ вкопанный, и ударилъ себя ладонью по лбу.

— Ба, вотъ была бы штука!... Право, хорошая штука была бы, ей-Богу! Вѣдь нынче какъ разъ судный день. Что, еслибъ жидовскому чорту полюбился какъ разъ нашъ шинкаръ Янкель?... Да гдѣ! Не выйдетъ. Мало ли тамъ, въ городѣ, жидовъ? Къ тому же еще Янкель — жидище грузный, старый, да костистый, какъ ершь. Что въ немъ толку? Нѣтъ, не такой онъ, мельникъ, счастливый человѣкъ, чтобы Хапунъ выбралъ себѣ изъ тысячи какъ разъ ихняго Янкеля.

На минуту въ головѣ мельника, какъ безпокойные муравьи, закопошились другія мысли:

— Эхъ, Филиппъ, Филиппъ! Нехорошо и думать такое крещеному человѣку, что ты себѣ теперь думаешь. Опомнись! Вѣдь у Янкеля останутся дѣти, будетъ кому долгъ отдать... А второе-таки и грѣшно, — Янкель тебѣ худого

не дѣлалъ. Можетъ другимъ и есть за что поругать стараго шинкаря, такъ вѣдь съ другихъ-то и ты самъ не прочь взять лихву...

Но на эти непріятныя мысли, чѣмъ стали-было покусывать его совѣсть, какъ собачонки, мельникъ выпустилъ другія, еще посердитѣе:

— Все-таки, жидюга, такъ жидюга, не ровня же крещоному человѣку. Если я и беру лихву, — ну, и беру, этого нельзя сказать, что не беру, — такъ вѣдь лучше же, я думаю, отдать процентъ своему брату, крещоному, чѣмъ некрещоному жиду.

Въ эту минуту и ударило въ послѣдній разъ на колокольнѣ.

Должно - быть, звонарь, Иванъ Кадило, заснулъ себѣ подъ церковью и дергалъ веревку спросонокъ, — такъ долго вызванивалась полночь. За то въ послѣдній разъ, обрадовавшись концу, онъ бухнулъ такъ здорово, что мельникъ даже вздрогнулъ, когда звонъ загудѣлъ изъ-за горы, надъ его головой, и понесся черезъ рѣчку, надъ лѣсомъ, въ далекія поля, по которымъ вьется дорога къ городу...

«Вотъ теперь уже всѣ спать на свѣтѣ, — подумалъ про себя мельникъ, и что-то его ухватило за сердце. — Всѣ спать себѣ, кому гдѣ надо, только жида толкутся и плачутъ въ своей школѣ, да я стою вотъ тутъ, какъ не погребенная душа, надъ омутомъ и думаю нехорошее...»

И показалось ему въ тотъ часъ все какъ-то странно.. «Слышу, говорить, что это звонъ затихаетъ въ полѣ, а самому кажется, будто кто невидимка бѣжитъ по шляху

и стонетъ... Вижу, что лѣсъ за рѣчкой стоитъ весь въ росѣ и свѣтится роса отъ мѣсяца, а самъ думаю: какъ же это его въ лѣтнюю ночь задернуло морознымъ инеемъ? А какъ вспомнилъ еще, что въ омутѣ дядько утопъ, — а я не мало-таки радовался тому случаю, — такъ и совсѣмъ оробѣлъ. Не знаю — на мельницу итти, не знаю — тутъ ужь стоять...»

— Гаврило! Эй, Гаврило! — крикнулъ онъ тутъ подсыпкѣ-работнику. — Такъ и есть, на мельницѣ пусто, а онъ, лодырь, опять помандровалъ на село, къ дѣвкамъ.

Вышелъ Филиппъ на свѣтлое мѣсто, на средину плотины. Слышать: вода просасывается въ шлюзахъ, а ему кажется, что это кто-то крадется изъ омута и карабкается на колеса...

«Э, лучше пойду — таки спать, — подумалъ онъ про себя... Только прежде еще разъ оглянулся.

Мѣсяцъ давно перебрался уже черезъ самую верхушку неба и смотрѣлся въ воду... Мельнику показалось удивительно, какъ это хватаетъ въ его маленькой рѣчкѣ столько глубины — и для мѣсяца, и для синяго неба со всѣми звѣздами, и для того маленькаго темнаго облачка, которое, однако, несется, легко и быстро, какъ пушинка, по направленію изъ города.

Но такъ какъ глаза его уже слипались, то удивлялся онъ не долго и, отворивъ отмычкой наружную дверь и запершись опять изнутри задвижкой, чтобы слышать, когда вернется гуляка-подсыпка, — отправился къ себѣ на постель...

IV.

— Эге-ге, встань, Филиппъ!... Вотъ такъ штука! — вдругъ подумалъ онъ, подымаясь въ темнотѣ съ постели, точно его кто стукнулъ молоткомъ по темени. — Да я-жь и забылъ: вѣдь это возвращается изъ города то самое облачко, которое недавно покатилося туда, да еще мы съ жидовскимъ наймитомъ дивились, что оно летить себѣ безъ вѣтру. Да и теперь вѣтеръ, кажись, не великъ и не съ той стороны. Погоди! Исторія, кажется, тутъ не простая...

Онъ вышелъ босикомъ на плотину и сталъ на самой серединѣ, почесывая себѣ брюхо и спину (на мельницѣ-таки было не безъ блохъ!). Въ спину ему подувалъ съ запруженной рѣки вѣтерокъ, а спереди прямехонько на него катилось облачко. Только теперь оно было уже не такое легкое, летѣло не такъ ровно и свободно, а будто слегка колыхалось и припадало, какъ подстрѣленная птица. Когда же оно налетѣло на луну, то мельникъ уже ясно понялъ, что это за исторія, потому что на свѣтломъ мѣсяцѣ такъ и вырѣзались трепещущія черныя крылья, а подъ ними еще что-то и какая-то скрюченная людская фигура, съ длинною, трясущеюся бородой...

— Э-эй! Вотъ тебѣ и штука, — подумалъ мельникъ. — Несетъ одного. Что-жь теперь дѣлать? Если крикнуть: «Кинь, это мое!» — такъ вѣдь, пожалуй, бѣдный жидъ расшибется или тонетъ. Высоко!

Но тутъ онъ увидѣлъ, что дѣло мѣняется: чортъ со своею ношей закружился въ воздухѣ и сталъ опускаться

ся все ниже. «Видно, пожадничалъ, да захватилъ себѣ пошу не подѣ силу, — подумалъ мельникъ. — Ну, теперь, пожалуй, можно бы и выручить жида, — все-таки, живая душа, не сравняешь съ нечистымъ. Ну-ко, благословаясь, крикну поздоровѣ!»

Но, вмѣсто этого, самъ не знаетъ ужъ какъ, онъ изъ всѣхъ ногъ побѣжалъ съ плотины и спрятался подѣ густыми яворами, что мочили свои зеленныя вѣтви, какъ русалки, въ темной водѣ мельничнаго затора. Тутъ, подѣ деревьями, было темно, какъ въ бочкѣ, и мельникъ былъ увѣренъ, что никто его не увидить. А у него, надо сказать истинную правду, въ это время уже и зубъ не попадалъ на зубъ, а руки и ноги тряслись такъ, какъ мельничный рукавъ во время работы. Однако, брала-таки охота посмотрѣть, чтѣ будетъ дальше.

Чортъ со своею ношей то совсѣмъ припадалъ къ землѣ, то опять подымался выше лѣса, но было видно, что ему никакъ не справиться. Раза два онъ коснулся даже воды, и отъ жида пошли по рѣкѣ круги, но тотчасъ же чертяка взмахивалъ крыльями и взмывалъ со своею добычей какъ чайка, выдернувшая изъ воды крупную рыбу. Наконецъ, закатившись двумя или тремя широкими кругами въ воздухѣ, чортъ безсильно шлепнулся на самую середину плотины и растянулся, какъ не живой, а полу-замученный; обмершій жидъ упалъ тутъ же рядомъ.

А надо вамъ сказать, — я какъ-то и забылъ, — что нашъ мельникъ уже давно узналъ, кого это приволокъ изъ города жидовскій Хапупъ. А узнавши, — что мнѣ таить, когда и самъ онъ признавался въ этомъ! — обрадовался и

повеселѣлъ: «а слава-жь тебѣ, Господи,—сказалъ онъ про себя,—такъ это не кто иной, только нашъ ново-каменскій шинкаръ! Ну, что-то будетъ дальше, а только кажется мнѣ такъ, что въ это дѣло мнѣ мѣшаться не слѣдуетъ, потому что двѣ собаки грызутся, третьей приставать не зачѣмъ... Опять же моя хата съ краю, я ничего и не знаю... А еслибъ меня тутъ не было,—не обязанъ же я жиды караулить...»

И еще про себя подумалъ: «Ну, Филиппушка, теперь твое время пастаетъ въ Новой-Каменкѣ!...»

V.

Долгое время оба—и бѣдный жидъ, и чертяка—лежали на плотинѣ совсѣмъ безъ движенія. Луна уже стала краснѣть, закатываться и повисла надъ лѣсомъ, какъ будто ожидала только, что-то будетъ дальше... На селѣ крикнулъ-было хриплый пѣтухъ и тявкнула раза два какая-то собака, которой, вѣрно, приснился дурной сонъ. Но ни другіе пѣтухи, ни другія собаки не отозвались,—видно, до свѣту еще было порядочно далеко.

Мельникъ издрогъ и сталъ уже подумывать, что это все ему приснилось, тѣмъ болѣе, что на плотинѣ совсѣмъ потемнѣло и нельзя было разобрать, что тамъ такое чернѣетъ на серединѣ. Но когда долетѣлъ изъ села одинокій крикъ пѣтуха, въ кучкѣ что-то зашевелилось. Янкель поднялъ голову въ ермолкѣ, потомъ оглядѣлся,

привсталъ и тихонько, по-журавлиному, приподнимая худыя ноги въ однихъ чулкахъ, попытался улепетнуть.

— Эй, эй! придержи его, а то вѣдь уйдетъ,—чуть-было не крикнулъ испугавшійся мельникъ, но увидѣлъ, что чортъ уже прихватилъ шинкаря за длинную фалду.

— Погоди,—сказалъ онъ,—еще рано... Смотри ты, какой прыткій! Я не успѣлъ еще отдохнуть, а ты ужь собрался дальше. Тебѣ-то хорошо, а каково мнѣ тащить тебя такого здоровеннаго! Чуть не издохъ.

— Ну,—сказалъ жидъ, стараясь выдернуть фалду,—отдыхайте себѣ на свое здоровье, а я до своей корчмы и пѣшкомъ дойду.

Чортъ даже привсталъ.

— Что такое?... Что, я тебѣ въ балагулы *), что ли, напялся, возить тебя съ шабаша домой, собачій сынъ? Ты еще шутишь...

— Какъво могутъ быть шутки,—отвѣтилъ хитрый Янкель, прикидываясь, будто онъ совсѣмъ не понимаетъ, чего отъ него нужно чертякѣ.—Я вамъ очень благодаренъ за то, что вы меня доставили досюдова, а отсюдова я дойду самъ. Это даже вовсе недалекова разстояніе. Зачѣмъ вамъ себя беспокоить?

Чортъ ажъ подскочилъ отъ злости. Онъ какъ-то затрепыхался на одномъ мѣстѣ, какъ курица, когда ей отрѣ-

---

*) *Балагула*—извѣстный въ Западномъ краѣ специально-еврейскій экипажъ, нѣчто вродѣ еврейскаго дилижанса: длинная телѣга, забранная холщевымъ вѣрхомъ, запряженная парой лошадей, она бываетъ биткомъ набита евреями и ихъ рухлядью (*бѣбелами*). Балагулой же называется и возница.

жуть голову, и сразу подшибъ Янкеля крыломъ, а самъ опять принялся дышать какъ кузнечный мѣхъ.

— Вотъ такъ!--подумалъ про себя мельникъ.— Хоть оно, можетъ-быть, и грѣшно хвалить чорта, а этого я, все-таки, похваляю,—этотъ, видно, своего не упустилъ.

Янкель, присѣвъ, сталъ очень громко кричать. Тутъ уже и чортъ не могъ ничего подѣлать: извѣстно, что пока у жида душа держится, до тѣхъ поръ ему никакимъ способомъ не зажмешь глотку,—все будетъ голосить. «Да что толку?—подумалъ мельникъ, оглядываясь на пустую мельницу.—Подсышка теперь гуляетъ себѣ съ дѣвками, а то и лежитъ гдѣ-нибудь пьяный подъ тыномъ».

Въ отвѣтъ на жалобный плачъ бѣднаго Янкеля только сонная лягушка квакнула на болотѣ, да бугай, ночная проклятая птица, прокинулся въ очеретѣ и бухнулъ раза два, точно въ пустую бочку: бу-у, бу-у!... Мѣсяць, какъ будто убѣдившись, что дѣло съ жидомъ покончено, опустился окончательно за лѣсъ, и на мельницу, на плотину, на рѣку пала густая темнота, а надъ омутомъ закурился бѣлый туманъ.

Чортъ безпечно затрепыхалъ крыльями, потомъ опять легъ, заложилъ руки за голову и засмѣялся.

— Кричи сколько хочешь. На мельницѣ пусто.

— А вы почему знаете?—огрызнулся еврей и продолжалъ голосить, обращаясь уже прямо къ мельнику:

— Господинъ мельникъ, ой господинъ мельникъ! Серебряный, золотой, брилліантовый господинъ! Пожалуй-ста, выйдите сюда на одну, самую коротенькую, секундуну и скажите только три слова, три самыхъ малень-

кихъ слова. Я бы вамъ за это подарилъ половину долга.

— Вѣсь будетъ мой!—сказало что-то въ головѣ у мельника.

Жидъ пересталъ кричать, понутивъ голову, и горько-прегорько заплакалъ.

Прошло еще сколько-то времени. Мѣсяцъ совсѣмъ ушелъ уже съ неба и послѣдніе отблески угасли на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Все на землѣ и на небѣ, казалось, заснуло самымъ крѣпкимъ сномъ, нигдѣ не слышно было ни одного звука, только еврей тихо плакалъ, приговаривая:

— Ой, моя Сура, ой, мои дѣтки, мои бѣдныя дѣтки!...

Чортъ немного отдышался и сѣлъ, все еще сгорбившись, на плотинѣ. Надъ плотиною, хоть было темно, мельникъ ясно увидѣлъ пару роговъ, какъ у молодого телка, которые такъ и вырѣзались на бѣломъ туманѣ, что подымался изъ оута.

— Совсѣмъ какъ нашъ!—подумалъ мельникъ и почувствовалъ себя такъ, какъ будто проглотилъ что-то очень холодное.

Въ это время онъ замѣтилъ, что жидъ толкаетъ чорта локтемъ.

— Что ты толкаешься?—спросилъ тотъ.

— Псть! Я что вамъ хочу сказать...

— Что?

— Скажите вы мнѣ на милость, и что это у васъ за мода—хватать непременно бѣднаго жиды... Почему вы не возьмете себѣ лучше хорошаго гдѣ. Вотъ тутъ живетъ недалеко отличный мельникъ...

Чортъ глубоко вздохнулъ. Можетъ, и ему стало-таки скучно около пустой мельницы надъ омутомъ, только онъ пустился въ разговоръ съ жидомъ. Приподнявъ съ головы ермолку,—а надо вамъ сказать, что на немъ, дѣйствительно, какъ и говорилъ наймитъ, была надѣта ермолка, изъ-подъ которой висѣли длинные пейсы,—онъ заскребъ когтями въ головѣ такъ сильно, какъ самый злощій котъ скребетъ по доскѣ, когда отъ него уйдетъ мышь,—и потомъ сказалъ:

— Эхъ, Янкель, не знаешь ты нашего дѣла! Къ нимъ я не могу и приступить.

— А позвольте спроси-ить, что тутъ долго приступить, что тутъ за большою хитрость? Я самъ знаю, какъ вы меня сразу хапинули, что я не успѣлъ даже и крикнуть.

Чортъ весело засмѣялся, такъ что даже спугнулъ какую-то ночную птицу на болотѣ, и сказалъ:

— Что правда, то правда: васъ хватать легко... А знаешь ты, почему?

— Ну-у?

— Потому, что вы и сами хапаете здорово. Я тебѣ скажу, что такого грѣшнаго народа, какъ вы, жида, и нѣтъ другого на свѣтѣ.

— Ой-вай, удивительно! А какѡво же это на насъ грѣха?

— А вотъ послушай...

Тутъ чортъ повернулся къ жиду и сталъ считать по пальцамъ.

— Дерете съ людей проценты—разъ!

— Разъ,—повторилъ Янкель, тоже загибая палець.

— Людскимъ пѣтомъ-кровью кормитесь—два!

— Два.

— Спаиваете людей водкой—три!

— Три.

— Да еще горѣлку разбавляете водой—четыре!

— Ну, пускай себѣ четыре. А еще?

— Мало тебѣ, что ли? Ай, Янкель, Янкель!

— Ну, я не говорю, что этого мало, а только я говорю, что вы не знаете своего собственнаго дѣла. Вы думаете, мельникъ не беретъ проценты, вы думаете, мельникъ не кормится людскимъ пѣтомъ и кровью?..

— Ну, не брешы ты на мельника. Не такой онъ человѣкъ,—онъ человѣкъ крещонный! А крещонный человѣкъ долженъ пожалѣть не только своихъ, а еще и чужихъ, вотъ хотя бы и васъ, жидовъ. Поэтому-то и трудно мнѣ къ крещоному приступиться.

— Ой-вай, какѣво это ошибка! — крикнулъ жидъ весело.—Ну, такъ я вамъ вотъ что буду говорить...

Онъ вскочилъ, и чортъ также приподнялся, и оба стояли другъ противъ друга. Жидъ что-то прошепталъ, указавъ черезъ спину на яворы, и, загнувъ палець, показалъ его чорту:

— Разъ!

— Брешешь, не можетъ этого быть! — сказалъ чортъ, немного даже испугавшись, и самъ посмотрѣлъ на яворы, гдѣ притаился Филиппъ.

— Пхе, я лучше знаю! А вы погодите.

Онъ опять пошепталъ и сказалъ:

— Два! А это вотъ,—и онъ еще разъ зашепталъ черту на ухо,—будетъ три, какъ честный еврей!...

Чортъ покачалъ головой и повторилъ въ раздумьи:

— Не можетъ быть.

— Давайте объ закладъ побьемся. Если моя правда, то вы черезъ годъ меня отпустите дѣлаго и еще заплатите мнѣ убытки...

— Ха! я согласенъ. Вотъ это была бы штука, такъ штука! Тогда бы я попробовалъ свои силы...

— Ну, я вамъ говорю, вы сдѣлаете славный гешефтъ!...

Въ это время на селѣ крикнулъ тотъ же пѣтухъ, и хотя крикъ былъ такой же сонный и на него опять никто нигдѣ не откликнулся среди молчаливой ночи, но Хапунъ встрепенулся.

— Э! ты мнѣ тутъ все сказки рассказываешь, а я и уши развѣсилъ. Лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ. Собирайся!

Онъ взмахнулъ крыльями, взлетѣлъ сажени на двѣ падъ плотной и, опять, какъ коршунъ, кинулся на бѣднаго Янкеля, запустивши въ спину его лапсердака свои когти и прилаживаясь къ полету...

Охъ, и жалобно же кричалъ старый Янкель, протягивая руки туда, гдѣ за горой стояла на селѣ его корчма, и называя по имени жену и дѣтокъ:

— Ой, моя Сурке, ой, Шлѣмка, Ителе, Мовше! Ой, господинъ мельникъ, господинъ мельникъ, пожалуйста, заступитесь, скажите три слова! Я-жъ вижу васъ, вотъ вы стоите тутъ, подъ яворомъ. Пожалѣйте бѣднаго жидя, вѣдь и жидъ тоже имѣетъ живую душу.

Очень жалобно причиталъ бѣдный Янкель! У мельника будто кто схватилъ рукою сердце и сжалъ въ горсти. А чертяка точно ждалъ чего,—все трепыхался крыльями, какъ молодой стрепетъ, не умѣющій летать, и тихо-тихо размахивалъ Янкелемъ надъ плотипой...

«Вотъ подлый чертяка, — думалъ про себя мельникъ, прячась получше за яворомъ, — только мучаетъ бѣднаго жида! А тамъ, гляди, и пѣтухи еще запоютъ...»

И только онъ подумалъ это, какъ чортъ захохоталъ на всю рѣку и разомъ взвился кверху... Мельникъ задралъ голову, но черезъ минуту чортъ казался уже не больше вороны, потомъ воробья, потомъ мелькнулъ, какъ муха, какъ комарикъ, и исчезъ.

А на мельника тутъ-то и напалъ настоящей страхъ: затряслись колѣнки, застучали зубы, волосы поднялись дыбомъ, такъ что будь на немъ въ это время шапка, то непременно свалилась бы, и ужь самъ онъ не помнить хорошенько, какъ его ноги занесли на мельницу, въ каморку...

VI.

— Стукъ-стукъ!...

— Стукъ-стукъ-стукъ!... Стукъ-стукъ!...

Что-то стучало въ дверь мельницы, такъ что гулъ ходилъ по всему зданію, отдаваясь во всѣхъ углахъ. Мельникъ подумалъ, ужь не чертяка ли вернулся, — не да-

ромъ шептался о чемъ-то съ жидомъ,—и потому онъ закрылся съ головой въ подушку.

— Стукъ-стукъ!... Стукъ-стукъ!... Эй, хозяинъ, отчиняй!

— Не отчиню.

— А почему такъ не отчините?

Мельникъ приподнялъ голову.

— Э, кажись, голосъ подсыпки Гаврила... Гаврило, ты?

— А то кто?

— Побожись!

— Ну?

— Побожись!

— Да ну же, ей-Богу, я! Гдѣ-жь это видано, чтобъ я да не я былъ? Еще и божись. Вотъ чудасія!...

Мельникъ, все-таки, повѣрилъ не сразу. Онъ взомель наверхъ и тихонько посмотрѣлъ изъ оконца, что было надъ дверьми. Дѣйствительно, внизу у стѣнки спокойно стоялъ подсыпка и дѣлалъ такое дѣло, что, пожалуй, никто и не слыхалъ, чтобы черти когда-нибудь такое дѣлали. У мельника отлегло отъ сердца, онъ сошелъ внизъ и отперъ дверь.

Подсыпку даже отшатнуло, когда онъ увидѣлъ мельника въ дверяхъ.

— Э, хозяинъ, что такое съ вами?

— А что?

— Да побойся Бога, зачѣмъ это ты морду всю въ муку вымазалъ?—бѣлая, какъ стѣна!

— А ты, часомъ, не по-надъ рѣчкою ли шелъ?

— А по-надъ рѣчкою.

— А не глядѣль ли, часомъ, кверху?

— А можетъ глядѣль и кверху..

— А не видалъ ли, часомъ, того?...

— Кого?

— Кого!... Дурень! Того, что хапнулъ шинкаря Ян-беля.

— А какой его бѣсъ хапнулъ?

— Какой!... Извѣстно какой—жидовскій, Хапунъ! Не знаешь развѣ, какой у нихъ сегодня день?...

Подсыпка посмотрѣлъ на мельника мутнымъ взглядомъ и спросилъ:

— А вы на селѣ, часомъ, не были?

— Былъ.

— А въ шинокъ, часомъ, не заходили?

— Заходилъ.

— А горѣлки, часомъ, не выпили?

— Тьфу! Вотъ и говори съ дурнемъ. Я-жь своими глазами вотъ сейчасъ видѣль: чертяка на плотинѣ отдыхалъ вмѣстѣ съ жидомъ.

— Гдѣ?

— Вотъ тутъ, на самой серединѣ.

— Ну, и что?

— Ну, и...—мельникъ свиснулъ и махнулъ рукой по воздуху.

Подсыпка посмотрѣлъ на плотину, потомъ, задравши голову, на небо и почесалъ въ чупринѣ.

— Э, вотъ это такъ чудасія! Что-жь теперь будетъ? Какъ же теперь безъ жида?

— А па что тебѣ непременно жидъ, а?

— Да не то, что мнѣ!.. А все-таки.. Э, не говорите, хозяинъ: безъ жиды какъ-то оно не того... безъ жиды не можно и быть...

— Тю!.. Дурень, такъ дурень и есть!

— Э, что вы лаетесь? Я и самъ не скажу, что умный, а все-таки знаю, что просо, а что гречка; работать иду на мельницу, а водку пить—въ шинокъ. Вотъ вы и скажите мнѣ, когда вы такой умный: кто-жъ у насъ теперь будетъ шинковать?

— Кто?

— А таки кто?

— А можетъ и я!

— Вы?

Подсыпка посмотрѣлъ на мельника, выдупивши глаза, потомъ покачалъ головою, щелкнулъ языкомъ и сказалъ:

— А, развѣ что такъ!

Тутъ только мельникъ замѣтилъ, что подсыпку плохо держать ноги и что парубки опять подбили ему лѣвый глазъ. Да и харя же была у этого подсыпки, сказать правду, такая паскудная, что всякому человѣку, при взглядѣ на нее, хотѣлось непременно плюнуть. А поди ты, до дѣвчатъ былъ самый проворный человѣкъ и не разъ-таки парни дѣлали на него облаву, а когда удавалось изловить, то бивали до полусмерти... Что бивали, это, конечно, еще не большое диво, а то чудно, что было-таки за что бить!

«Вотъ вѣдь нѣтъ на свѣтѣ такой паскудной хари,—подумалъ, глядя на него, мельникъ,—которую бы ни одна дѣвка не полюбила. А то и двѣ, и три, и десять... Тьфу ты пропасть!...»

— Вотъ что, Гаврилушко,—сказаль, все-таки, мельникъ ласковымъ голосомъ,—поди лягъ со мною. Когда человекъ видѣль такое, что я видѣль, такъ что-то бываетъ страшно.

— А мнѣ что? То и лягу.

Черезъ минуту какую-нибудь подсыпка началъ уже посвистывать носомъ. А скажу вамъ,—я разъ тоже на мельницѣ почеваль,—такого свистуна носомъ, какъ тотъ подсыпка, другого и не слыхаль. Кто этого не любить, такъ ужъ съ нимъ въ одной хатѣ не ложись,—всю ночь, бывало, не уснешь...

— Гаврило,—сказаль мельникъ,—эй, Гаврило!

— А что еще, чего бы я это и самъ не спаль, и другому не даваль?

— Били тебя опять?

— Ну, такъ что?

— Гдѣ?

— Отъ, все надо вамъ знать. На Кодиѣ!

— Ужъ и на Кодиѣ?... Зачѣмъ тебя туда понесло?

— Зачѣмъ... Чего бы я спрашиваль, гы-гы-гы!...

— Мало тебѣ ново-каменскихъ дѣвокъ!

— Тьфу! Мнѣ на нихъ и смотрѣть уже на ново-каменскихъ обридло. Ни одной по мнѣ нѣтъ.

— А Галя вдовина?

— Галя... А что-жь такое Галя?

— А ты къ ней ходиль?

— Такъ неужели же нѣтъ?

Мельника даже подкинуло на постели.

— Брешешь, собачій сынъ, чтобы твоей матери лихорадка!

— Вотъ же и не брешу, я и никогда не брешу. Пускай за меня умные брешутъ.

Подсыпка зѣвнулъ и сказалъ засыпающимъ голосомъ:

— Помните, хозяинъ, какъ у меня правый глазъ на всю недѣлю запухъ, что и не было видно...

— Ну?

— Она это, собачья дочка, такъ угощаетъ... Тыфу на нее, вотъ что!... А то еще: Галя!

— «Развѣ что такъ»,—подумалъ мельникъ.—Гаврило, а Гаврило!... Отъ, собачій сынъ, опять засвистѣлъ... Гаврило!

— Что еще? Загорѣлось, что ли?

— Хочешь ты жениться?

— Сапоговъ еще не сшилъ. Вотъ сошью, тогда и подумаю.

— А я бы тебѣ справилъ чоботы на дегтю... И шапку, и поясъ.

— Развѣ что такъ. А вотъ я что вамъ скажу, такъ это будетъ еще умнѣе.

— А что?

— А то, что уже на селѣ пѣтухи поютъ. Слышите, какъ заводять?

А и правда: на селѣ, можетъ-быть въ Галипой хатѣ, кричалъ-надрывался горланъ-пѣтухъ: ку-ка-ре-ку-у...

— Кук-ка-ре-ку-у... ку-у... ку-у! — отвѣчали ему на разные голоса и ближніе, и дальніе, съ другого конца села, такъ что отъ пѣтушиныхъ криковъ точно въ котлѣ кипѣло, да и въ стѣнахъ каморки поблѣбли уже всѣ, даже самыя маленькія, щели.

Мельникъ сладко зѣвнулъ:

— Ну, теперь они далеко! Шутка сказать: пока пробило двѣнадцать, ужь онъ изъ города до моей мельницы долетѣлъ. Ге-ге, теперь поминай Янкеля какъ звали... Вотъ штука, такъ штука! Если эту штуку кому-нибудь рассказать, то еще, пожалуй, брехуномъ назовутъ. А мнѣ что брехать: сами завтра увидятъ. Мнѣ объ этомъ, пожалуй, и говорить не стоить. Еще скажутъ про меня, что я.. Э, да что тутъ толковать! Когда бы я самъ жидка убилъ, или что-нибудь такое, тогда былъ бы въ отвѣтъ, а тутъ я не причемъ. Что мнѣ было мѣшаться въ это дѣло? Моя хата съ краю, я ничего не знаю. Ъшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами; дурень кричить, а разумный молчить... Вотъ и я себя молчалъ!...

Такъ говорилъ самъ себя мельникъ Филиппъ, чтобы было легче на совѣсти, и только когда уже вовсе сталъ засыпать, то изъ какого-то уголка въ его сердце выползла, какъ жаба изъ норы, такая мысль:

— Ну, Филиппъ, настало твое время!

Эта мысль прогнала у него изъ головы всѣ другія и сѣла хозяйкою.

Съ тѣмъ и заснулъ.

VII.

Вотъ раненько утромъ, роса еще блеститъ на травѣ, а мельникъ уже одѣлся и идетъ по дорогѣ къ селу. При-

ходить на село, а тамъ ужъ люди снуютъ какъ въ муравейникѣ муравьи: «Эй! не слыхали вы новость? Въмѣсто шинкаря, привезли изъ городу одни патынки».

Вотъ было въ то утро въ Новой-Каменкѣ и разговоръ, и пересудовъ, да не мало-таки и грѣха!

Вдова Янкеля, получивъ, вмѣсто мужа, пару патынокъ, совсѣмъ растерялась и не знала что дѣлать. Вдобавокъ еще Янкель, съ большого ума, да не надѣявшись, что его забереть Хапунъ, захватилъ съ собою въ городъ всю выручку и всѣ долговья росписи съ бумажникомъ. Конечно, могъ ли бѣдный жидъ думать, что изъ цѣлаго кагала выхватить какъ разъ его?

— Вотъ такъ-то всегда человѣкъ: не чувствуетъ, не гадаеть, что надъ нимъ невзгода, какъ тотъ Хапунъ, летаетъ, — толковали про себя громадскіе люди, покачивая головами и расходясь отъ шинка, гдѣ молодая еврейка и ея бахори (дѣти) бились объ землю и рвали на себѣ волосы. А, между прочимъ, каждый думалъ про себя: «Вотъ, вѣрно, и моя записъ улетѣла теперь къ чорту на кулички!»

Э, сказать правду, такъ не очень много нашлось въ громадѣ такихъ людей, у которыхъ заговорила маленько совѣсть: «а таки не грѣхъ бы отдать жидовкѣ если не съ процентами, то хоть чистыя деньги...» А если ужъ говорить всю правду, цѣликомъ, то никто не отдалъ ни ломанаго шеляга...

Не отдалъ и мельникъ. Ну, да мельникъ себя въ счетъ не ставилъ.

Вотъ вдова Янкеля и просила, и молила, и въ ногахъ

валялась, и даже бахорей заставляла по землѣ ползать, чтобы добрые господа-громадины согласились отдать хоть по полтинѣ за рубль, хоть по двадцати грошей, чтобы имъ всѣмъ, сиротамъ, не подохнуть съ голоду, да какъ-нибудь до городу добраться. И не одинъ-таки хозяинъ съ добрымъ сердцемъ растрогался до такой степени, что слезы текли по усамъ, и кое-кто толкнулъ-таки локтемъ сосѣда:

— Побоялись бы вы Бога, сосѣдъ! Вы-жь, кажется, что-то такое должны были жиду. Отдали бы вотъ... Ей-Богу, надо бы вамъ хоть сколько-нибудь отдать.

Но сосѣдъ только скребъ чуприну подъ шапкой.

— А что мнѣ отдавать, когда я ему самому, какъ онъ въ городъ ѣхалъ, своими руками всѣ деньги принесъ, до послѣдняго грошика? Второй разъ стану платить, что ли? Вотъ вы, сосѣдъ, другое дѣло...

— А почему это другое дѣло, когда какъ разъ то же самое, какъ и у васъ? Незадолго до отъѣзда пришелъ ко мнѣ Янкель, да какъ сталъ просить: отдай, да отдай,—я и отдалъ.

Мельникъ слушалъ все это, и у мельника болѣло сердце: вотъ народъ! Эхъ, народъ какой! Нисколько не боятся Бога! Такъ же, видно, — только доведись, — и со мною разсчитаются... Ну, панове-громадо, видно, вамъ плохо не клади, — какъ разъ утянете; да и кто вамъ палецъ въ ротъ сунетъ, тотъ чистый дуракъ!... Нѣтъ, ужъ отъ меня не дождетесь: я-таки не буду дурнемъ. Вы мнѣ этакъ въ кашу не наплюете. Лучше ужъ я самъ вамъ наплюю...

Одна только старая При́ся принесла жидовкѣ два десятка яицъ, да половину новины, и отдала за сколько-то грошей, что осталась должна шинкарю.

— Бери, небо́го, не взыщи! Осталось тамъ за мною еще сколько-то, такъ отдамъ, какъ Богъ дастъ. Послѣднее и то принесла!

— Вотъ хитрая баба! — обовлился опять мельникъ. — Вчера мнѣ ничего не отдала, а для жидовки такъ вотъ же и нашлось. Ну, и народъ! Старымъ и то нельзя стало вѣрить. Крещоному человѣку не могла отдать, а поганой жидовкѣ все приволокла. Погоди, старая, сочтусь я съ тобой послѣ...

Вотъ собрала Янкелі́ха своихъ бахорей, продала за безцѣнокъ «бебехи» и водку, какая осталась, — а и осталось немного: Янкель хотѣлъ изъ городу бочку везти, да еще люди говорили, будто Харько нацѣдилъ себѣ изъ остатковъ ведерко-другое, — и побрела пѣшкомъ изъ Новой-Каменки. Бахори за нею... Двухъ несла на рукахъ, третій тащился, ухватясь за юбку, а двое старшихъ бѣжали въ припрыжку...

И опять міряне скребли свои потѣлицы (затылки). У кого была совѣсть, тотъ себѣ думалъ: «Хоть бы подводу дать за жидовскія деньги, все бы немного на душѣ полегчало». Да видите, побоялся каждый: пожалуй, люди догадаются, что, значить, онъ съ жидомъ не разсчитался. А мельникъ опять думалъ: «Ну, народъ! Вотъ такъ же и меня рады будутъ спровадить, если я когда-нибудь спотыкнусь или дамъ маху».

Такъ-то бѣдная вдова и поплелась себѣ въ городъ, и

ужь Богъ ее знаетъ, что тамъ съ нею подѣялось. Можетъ, присосалась гдѣ съ дѣтми къ какому-нибудь дѣлу, а можетъ и пропали всѣ до одного съ голоду. Всего бываетъ! А, впрочемъ, жида своего не покидаютъ. Худо-худо, а все-таки дадутъ какъ-нибудь прожить на свѣтѣ.

Стала послѣ этого громада толковать, кто-жъ теперь у нихъ, въ Новой-Каменкѣ, будетъ шинкаремъ. Потому что, видите ли, хоть Янкеля не стало, хоть и шинкарка и шинкарята побрели въ свѣтъ за-очи, а шинокъ все стоялъ себѣ на пригорочкѣ и на дверяхъ остались намазанные бѣлою краской кварта и жестяной крючокъ; ну, и все остальное было на мѣстѣ.

И даже Харько сидѣлъ себѣ на пригорочкѣ и покуривалъ люльку, выжидая, кого-то Богъ пошлетъ ему въ хозяева.

Правда, одинъ разъ, подъ вечеръ, когда громадскіе люди стояли у пустой корчмы и разговаривали о томъ, кто теперь у нихъ будетъ шинковать и корчмарить,— подошелъ къ нимъ батюшка и, низенько поклонясь всѣмъ (громада — великій человекъ, передъ громадою не грѣхъ поклониться хоть и батюшкѣ), началъ говорить о томъ, что вотъ хорошо бы составить приговоръ и шинокъ закрыть на вѣки вѣчныя. Онъ бы, батюшка, и бумагу своею рукой написалъ и отослалъ бы ее къ преосвященному. И было бы все это весьма радостно, и благолѣпно, и міру преблагополучно.

Старые люди, а за стариками и бабы, стали-было говорить, что это батюшкина чистая правда, а мельнику то слово показалось совсѣмъ неправильно и даже обидно.

... «Вотъ тебѣ и батько, — подумаль онъ съ сердцемъ, — вотъ тебѣ и пріятель! Да пѣтъ, погоди еще, панъ-отче, что будетъ...»

— Вотъ это-таки, батюшка, ваша правда, — льстиво заговорилъ онъ, — что отъ той бумаги будетъ благополучно... А только не знаю я кому: громадѣ или вамъ. Сами вы, — не взыщите на моемъ словѣ! — всегда водочку изъ города привозите, то вамъ и не надо шинка. А таки и то вамъ на руку, что владыка станетъ вашу бумагу читать да похваливать.

Громада вся такъ и зареготала въ голосъ, а батюшка только плюнулъ отъ великой досады, нахлобучилъ соломенную шляпу и пошелъ себѣ прочь отъ шинка по улицѣ, будто не за тѣмъ и приходилъ, а будто шелъ себѣ на вечернюю прогулку.

Ну, что ужъ тутъ рассказывать много, да долго! Ужь, я думаю, вы и безъ того догадались, что мельникъ задумалъ самъ корчмарить въ той жидовской корчмѣ. А задумавши, поговорилъ хорошенько съ громадою, угостилъ-таки кого надо, въ земскомъ судѣ съ исправникомъ умненько потолковалъ, въ уѣздномъ — съ подсудкомъ, потомъ съ казначеемъ, а наконецъ-таки со становымъ приставомъ и съ акцизнымъ надзирателемъ.

Вернувшись послѣ всего этого на село, пошелъ мельникъ къ шинку, а тамъ сидитъ Харько и покуриваетъ на пригорочкѣ люльку. Мельникъ только мотнулъ ему головой, какъ Харько, — хоть и гордый человѣкъ, — тотчасъ вскочилъ на ровныя ноги и побѣжалъ къ нему.

— Ну, что скажешь? — спросилъ у него мельникъ.

— А что мнѣ говорить? Подожду, не скажете ли вы мнѣ чего-нибудь..

— То-то!

Не сталъ уже теперь мельника словами гвоздить, а сгрѣбъ въ обѣ руки картузь и, выслушавши, что ему сказалъ Филиппъ, отвѣтилъ умненько:

— Радъ стараться для вашей хозяйской милости!..

И сталъ мельникъ шинковать и пановать въ Новой-Каменкѣ лучше Янкеля, и сталъ сдавать людямъ на выпасъ свои карбованцы, а какъ придетъ срокъ — сгонять ихъ опять въ свою скриню, вмѣстѣ съ приплодомъ. И никто ужь не мѣшалъ ему въ Новой-Каменкѣ.

А что люди не разъ отъ него плакали горькими слезами,—ну, и это тоже правда, а правду никуда не дѣнешь. Такъ плакали не мало: можетъ, не меньше, чѣмъ отъ Янкеля, а, можетъ, еще и побольше,—этого ужь я вамъ не скажу навѣрное. Кто тамъ мѣрилъ мѣрою людское горе, кто считалъ счетомъ людскія слезы?..

Э! никто не мѣрилъ, никто и не считалъ, а старые люди такъ говорятъ: идти или ходить, на одно выходить, что клюкой, что палкой—все спинѣ не сладко... Не знаю, какъ кто, а я думаю, что это правда...

VIII.

Вотъ, признаться вамъ, и не хотѣлось бы мнѣ про своего пріятеля такое рассказывать, а дѣлать нечего: началъ, такъ надо довести до конца,—изъ пѣсни, говорится, и сло-

ва одного не выкинешь... Притомъ, если ужъ и самъ мельникъ не скрываетъ, такъ зачѣмъ я стану скрывать?..

Вотъ, видите, какое дѣло... Старому Янкелю только и нужна была людская копѣйка. Бывало, гдѣ хоть краемъ уха слышитъ, что у человѣка болтается въ карманѣ рубль или хоть два, такъ у него сейчасъ и засверлитъ въ сердцѣ, сейчасъ и придумываетъ такую причину, чтобы того рубля, какъ караса изъ чужого пруда, выудить да перепустить къ себѣ для разводу. Удалось,—онъ и радуется себѣ со своею Суркой.

Ну, а ужъ мельнику этого мало. Янкель самъ передъ всякимъ человѣкомъ въ три погибели гнулъся, а мельникъ людей гнетъ, а самъ голову деретъ кверху, какъ индюкъ. Янкель, бывало, юркнетъ къ становому съ задняго хода и трусится у порога, а мельникъ валится на крыльцо, какъ въ свою хату. Янкеля если подъ пьяную руку кто и въ ухо заѣдетъ, такъ онъ сильно не обижался: повизжить да и перестанетъ, развѣ потомъ выторгуетъ лишній пятакъ. А мельникъ и самъ не одному христіанину такъ чуприну скупнетъ, что, пожалуй, и въ рукахъ останется, а изъ глазъ искры, какъ на кузницѣ изъ-подъ молота, посыплотся... Да, вотъ какое дѣло: мельнику и денежки отдай, и почетъ. И отдавали, нечего грѣха таить. Передъ иконою люди низко кланялись, а передъ моимъ пріятелемъ еще ниже.

А ему все что-то мало. Ходить сердитый, да невеселый, будто его щенокъ какой за сердце тербитъ. И все себѣ думаетъ:

«А не такъ что-то на свѣтѣ устроено,—нѣтъ, не такъ!

Что-то человѣку и съ деньгами не такъ весело, какъ бы хотѣлось».

Вотъ разъ Харько его и спрашиваетъ:

— А что вы это, хозяинъ, невеселый все ходите, будто кто васъ въ помой окунулъ? Чего еще ваша хозяйская душа хочетъ?

— Можетъ, еслибъ я женился, то стало бы мнѣ повеселѣе.

— Такъ оженитесь, на здоровье вамъ.

— То-то вотъ и оно. А какъ тутъ ожениться, когда дѣло не выходитъ, съ какой стороны за него ни ухватись? Я ужь скажу тебѣ правду: какъ былъ я еще не мельникъ, а только подсыпка, то любился тутъ на селѣ съ Галей вдовиной, можетъ знаешь... И еслибъ дядько не утопъ, то былъ бы я уже женатый. А теперь самъ ты разсуди: вѣдь я ей не ровня.

— Какая тутъ ровня! Вамъ теперь только и жениться, что на богача Макогона дочкѣ, на Мотрѣ.

— Вотъ! Я и самъ вижу, и люди говорятъ всѣ однимъ голосомъ, что по моимъ деньгамъ Макогоновы какъ разъ придутся... Такъ опять... очень она противная! Сидитъ цѣлый день, какъ здоровая копна сѣна, да вся только съ-мачки лущить. Какъ взгляну на нее окомъ, такъ будто кто меня за носъ возьметъ, да и отвертитъ отъ нея въ сторону... То ли дѣло Галя!... Вотъ и говорю: не такъ какъ-то на свѣтѣ устроено. Одну полюбилъ бы, — хватъ, а деньги-то у другой... Вотъ изсохну когда-нибудь, какъ былипка... Свѣтомъ гнушаюсь.

Солдатъ вынулъ изо рта свою посогрѣйку, сплюнулъ въ сторону и говорить:

— Плохо! Другой человекъ ни за что и не придумалъ бы, какъ этому дѣлу помочь, а я присовѣтую, такъ не пожалѣете, что послушались. А пожалуй еще и отдадите новые сапоги, что остались отъ Опанаса въ залогѣ, а?...

— Ну, за такое дѣло и сапоговъ не жаль, только вѣрно ли ты придумалъ?...

И дѣйствительно, придумалъ подлый солдатъ,—бѣсъ его не взялъ!—такое придумалъ, что еслибъ все вышло по его слову, да немного пораньше,—теперь ужь на мельникѣ черти, пожалуй, на томъ свѣтѣ воду бы давно возили, и я бы вамъ эту исторію не рассказывалъ...

— Вотъ, — говоритъ,—слушайте хорошенько. Стало-быть, есть васъ трое людей—одинъ мужикъ да двѣ дѣвки. И, стало-быть, нельзя никакъ одному на двухъ жениться, потому что вы не турецкой вѣры.

«Вотъ, подлый, какъ все вѣрно сказалъ!—подумалъ мельникъ.—Что-то будетъ дальше?»

— Хорошо! Какъ вы богатый человекъ и Мотря богатая невѣста, такъ тутъ ужь и малому ребенку ясно, кто на комъ долженъ жениться. Посылайте сватовъ къ старому Макогону.

— Правда! Да только я это зналъ и безъ тебя... А какъ же съ Галей?

— А вы дослушали до конца? Или, можетъ, сами знаете, что я хотѣлъ сказать?...

— Ну-ну, ужь и осердился!

— Вы всякаго человека разсердите. Не такой я человекъ, чтобы начать рѣчь, да и не кончить. Будетъ и о Галѣ рѣчь. Она васъ любила?

— А таки такъ!

— А вы-жь тогда кто были, какъ она васъ любила?

— Подсыпка.

— Такъ это опять малый ребенокъ пойметъ: когда дѣвка любила подсыпку, то и быть ей замужемъ за подсыпкой.

Мельникъ вылупилъ глаза и въ головѣ у него, точно на мельницѣ въ помолъ, все пошло кругомъ.

— Да я же теперъ не подсыпка!

— Вотъ бѣда какая. А развѣ у васъ на мельницѣ нѣтъ подсыпки?...

— Это Гаврило?... Э-э, вотъ ты что придумаль... Пускай же, когда такъ, онъ тебѣ и сапоги дарить за такую придумку. 'А я скажу на это, что не дождетъ ни онъ, ни его дядя съ тетками, чтобъ я такое дѣло потерпѣлъ. Вотъ лучше пойду, да ноги ему и переломаяю.

— А, какой горячій человекъ, хоть яйца въ немъ пеки!... Да я-жь совсѣмъ другое хотѣлъ вамъ сказать, а вы ужъ и скипѣли, и полились черезъ край.

— А что-жь ты еще послѣ такой штуки можешь сказать, когда мнѣ это не нравится?

— А вы послушайте.

Харько вынулъ люльку изо рта, посмотрѣлъ на мельника, прищуривши одинъ глазъ, и такъ прицелкнулъ языкомъ, что у того сразу стало веселѣе на сердцѣ...

— А вы, говорю, ее любили и бѣдную?...

— То-то что любилъ!...

— Ну, такъ и любите себѣ на здорье, когда она будетъ за подсыпкой. Вотъ теперъ и моей рѣчи конецъ: вотъ вы всѣ трое и будете жить на одной мельницѣ, а четвер-

тый дурень не въ счетъ... Ага! теперь поняли, чѣмъ я васъ угощаю, медомъ или дегтемъ? Нѣтъ, Харька били не по головѣ, а куда слѣдуетъ, оттого и умный вышелъ: знаетъ кому достанется орѣхъ, кому скорлупа, а кому новые сапоги...

— А, можетъ, еще и не выйдетъ это дѣло?

— Почему-жь ему не выйти?

— Мало ли почему. Вотъ старый Макогонъ не согласится.

— Вотъ! Когда-бъ я съ нимъ не говорилъ!...

— Ну?

— То-то. Ъхаль изъ городу съ водкой, а онъ—навстрѣчу. То, да сѣ, и говорю: «Вотъ вашей дочери женихъ—нашъ мельникъ».

— А онъ что?

«— Не дождетъ, говорить, ваша бабушка! Что, говорить, онъ стѣить?»

— А ты что?

— А я говорю: «Дѣйствительно, бабушка не ждетъ, потому что она—царство небесное!—у насъ давно померла. А вы, видно, не знаете, что нашего жида, вотъ уже около году, унесъ чертяка?»

«— А когда такъ,—говорить,— то дѣло другое: какъ жида на селѣ не стало, то и мельникъ—стоющій человѣкъ...»

— Ну, хорошо, Макогонъ согласится. Такъ еще Галя пойдетъ ли за подсыпку?...

— Э, какъ дѣвку съ матерью погонять изъ хаты, то рада будетъ жить и на мельницѣ.

— Такъ-то оно такъ...

IX.

Мельникъ почесался, а дѣлу этому, вотъ что я вамъ рассказываю, идетъ уже не день, а безъ малаго цѣлый годъ. Не успѣлъ какъ-то мельникъ и оглянуться, — куда дѣвались и Филипповки, и Великій постъ, и весна, и лѣто. И стоитъ мельникъ опять у порога шинка, а подлѣ, опершись спиной о косякъ, Харько. Глядь, а на небѣ такой самый мѣсяцъ, какъ годъ назадъ былъ, и такъ же рѣчка искрится, и улица такая же бѣлая, и такая же черная тѣнь лежитъ съ мельникомъ рядомъ на серебряной землѣ. И что-то такое мельнику вспомнилось.

— Э, послушай, Харько!

— А что?

— Какой сегодня день?

— Понедѣльникъ.

— А тогда, помнишь, какъ разъ суббота была.

— Мало ли ихъ было субботъ...

— Тогда, годъ назадъ, въ судный день.

— А, вотъ вы что вспомнили! Да, тогда была суббота.

— А теперь когда у нихъ судный день придется?

— Вотъ я и самъ не скажу, когда онъ придется. Жиды по близости пѣтъ, такъ и не знаю.

— А небо, гляди, какое чистое, какъ разъ такое, какъ и въ тотъ день...

И мельникъ со страхомъ посмотрѣлъ на окно жидовской хаты, не увидитъ ли опять, какъ жиденята мотаютъ головами, и жужжать, и молятся о своемъ батькѣ, котораго Хапушъ тащить надъ полями и долинами..

Э, нѣтъ! То все уже прошло. Отъ Янкеля не осталось, должно-быть, и косточекъ, сироты пошли по дальнему свѣту, а въ хатѣ темно, какъ въ могилѣ... И на душѣ у мельника такъ же темно, какъ въ этой пустынной жидовской хатѣ. «Вотъ, не выручилъ я жида, осиротилъ жиденягъ,—подумалъ онъ про себя.—А теперь что-то такое затѣваю со вдовиною дочкой...»

— Эй, хорошо ли оно у насъ будетъ?—спросилъ опъ Харька.

— А чѣмъ плохо? Оно, правда, есть и такіе люди, что меду не ѣдятъ. Можетъ, вы изъ такихъ...

— Не изъ такихъ я, а все-таки... Ну, прощай!

— Прощайте и вы.

Мельникъ пошелъ съ пригорка, а Харько опять посвисталъ ему вслѣдъ. Посвисталъ ему хоть и не такъ обидно, какъ тотъ разъ, а все-таки мельника задѣло за живое.

— А ты что свищешь, вражій сынъ?—сказалъ опъ, обернувшись.

— Вотъ ужъ и посвистать нельзя стало человѣку,—обидѣлся Харько.—Я у капитана въ денщикахъ жилъ, то свисталъ себѣ, а у васъ нельзя.

«Правда,—подумалъ мельникъ,—отчего бы ему и не свистать. А только зачѣмъ это все такъ дѣлается, какъ въ тотъ вечеръ?...»

Онъ пошелъ съ пригорка, а Харько, все-таки, посвисталъ еще, хоть и тише... Пошелъ мельникъ мимо вишневыхъ садовъ, глядь—опять будто двѣ большихъ птицы порхнули въ травѣ, и опять въ тѣни бѣлѣтъ высокая смушковая шапка, да дѣвичья шитая сорочка, и кто-то

чмокаетъ такъ, что въ кустахъ отдается... Тѣфу ты пропасть! Не сталъ ужъ тутъ мельникъ и усовѣщивать проклятаго парня,—боялся, что тотъ ему отвѣтитъ какъ разъ по-прошлогоднему... И подошелъ нашъ Филиппъ тихими шагами ко вдовину перелазу.

Вотъ и хатка горитъ подъ мѣсяцемъ, и оконце жмурится, и высокій тополь купается себѣ въ мѣсячномъ свѣтѣ... Мельникъ постоялъ у перелаза, почесался подъ шапкой и опять занесъ погу черезъ тыпъ.

Стукъ-стукъ!

«Охъ, и будетъ опять буча, какъ тотъ разъ, а то и похуже, — подумалъ про себя мельникъ. — Проклятый Харько своими проклятыми словами такъ мнѣ все хорошо расписаль... А теперь, какъ станешь вспоминать, оно и не того... и не выходитъ въ тѣхъ словахъ настоящаго толку. Э, что будетъ, то и будетъ!» — и онъ брякнулъ опять.

Вотъ въ оконцѣ промелькнуло бѣлое лицо и черныя очи.

— Мамо моя, мамонько, — зашептала Галя. — А это же опять проклятушій мельникъ подъ оконцемъ стоитъ, да по стеклу брякаетъ.

«Эхъ, не выскочить на этотъ разъ, не обойметъ, не поцѣлуешь хоть ошибкой, какъ тогда!...» — подумалъ про себя мельникъ, и таки угадалъ: вышла дѣвка тихонько изъ хаты и стала себѣ поодаль, сложивъ руки подъ бѣлою грудью.

— А чего это опять стучишь?

Эхъ, горько слушать такія холодныя слова отъ дѣвки,

съ которою прежде человекъ горячо любился... Хотѣлось мельнику охватить дѣвичій станъ, да показать ей сейчасъ, зачѣмъ стучаль, и даже, правду сказать, уже пододвинулся онъ бочкомъ-бочкомъ къ Галѣ, да вспомнилъ, что еще надо Харьковы слова высказать, и говорить:

— А что мнѣ и не стучать, когда вы мнѣ столько за-должали, что никогда и не выплатитесь?... Того и хата ваша не стоить.

— А когда знаешь, что никогда не выплатимъ, то не зачѣмъ и стучать по почамъ, безбожный человекъ! Старую мать у меня въ могилу гонишь.

— А какой ее бѣсъ, Галю, въ могилу гонить? Если-бы ты только захотѣла, я бы твоей матери старость успокоилъ.

— Бреешь все!

— Нѣтъ, не брешу! Ой, Галю, Галю, не могу я такъ жить, чтобы съ тобой не любиться!...

— Бреши, какъ собака на вѣтеръ... А кто задумалъ къ Макогону сватовъ засылать?

— Да ужь думалъ или нѣтъ, а я тебѣ щирую правду говорю, хоть прикажи побожиться, сохну безъ тебя и вяну... А какъ теперь будетъ у насъ, я тебѣ сейчасъ попоряду расскажу, а ты, если ты умная дѣвка, послушаешься меня. Да только, смотри, уговоръ: слушай ты меня ухомъ, да отвѣчай языкомъ, а руками чтобы ни-ни! А то я разсержусь.

— Чудно что-то ты принимаешься, — сказала Галя, сложивши руки. — Ну, я послушаю, а только смотри, если

ты опять дурницу (глупости) понесешь, тогда и не проси ты своего бога...

— Э, не дурницу... Вотъ видишь ты... какъ это Харько начиналь...

— Харько? А что тутъ между нами Харьку еще начинать?

— Э, помолчи, а то я не скажу ничего хорошаго... Отвѣчай: ты меня любила?

— Ну, стала бы я такую скверную харю цѣловать, когда-бъ не любила?...

— А я кто тогда былъ: подсыпка или нѣтъ?

— А подсыпка. Даль бы Богъ, чтобъ и никогда не былъ мельникомъ.

— Тю! не говори лишнихъ словъ, а то я собьюсь... Выходить такъ, что ты любила подсыпку, такъ, значить, и судьба тебѣ выйти замужъ за подсыпку и жить на мельницѣ. А какъ я тебя прежде любилъ, такъ и послѣ буду любить, хоть бы сватался къ десяти Мотрямъ.

Галя даже глаза себѣ протерла,—не снится ли ей сонъ.

— А что это ты такое несешь, человѣче? Или я вовсе дура, или у тебя въ головѣ одной клепки не хватаетъ. Какъ же это я пойду за подсыпку, когда ты теперь мельникъ? И какъ ты на мнѣ женишься, когда сватовъ пошлешь къ Мотрѣ, а?... Что ты это несешь, человѣче, перекрестись ты лѣвою рукой.

— Вотъ еще!—сказалъ мельникъ.—Развѣ же у меня на мельницѣ нѣтъ подсыпки? А Гаврило... чѣмъ тебѣ онъ не подсыпка? Что маленько дурень, это правда, такъ намъ это, Галечко, еще лучше, я тебѣ по правдѣ скажу.

Тутъ только дѣвка разобрала, куда мельникъ клонить хитрую рѣчь. Какъ всплеснетъ вдругъ руками, да какъ заголосить:

— Ой, мамо, мамонько, что онъ тутъ говорить! Да это-жь онъ, видно, въ турки хочетъ записаться, да двухъ женъ завести. Тащи ты, мамо, кочергу изъ хаты, а я покамѣсть своими руками съ нимъ расправлюсь...

Да на мельника, а мельникъ отъ нея... Отбѣжалъ до перелазы, сталъ на немъ ногой и говорить:

— А, такъ-то ты, гадюка! Такъ выбирайтесь обѣ съ матерью изъ хаты. Завтра отберу за долги. Геть!

А она ему:

— Выбирайся и ты, турка, сейчасъ изъ моего саду, пока онъ мой. А то какъ вцѣплюсь вотъ сейчасъ ногтями, то и Мотря твоя не узнаетъ, гдѣ у тебя что было, — не то что двухъ любить, и одна на тебя, безглазаго, глядѣть не станеть.

Вотъ и говори съ нею! Плюнулъ мельникъ, скорехонько соскочилъ съ тына и пошелъ изъ села сердитый. Вышелъ на гребень горы, откуда уже слышно было, какъ вода въ лоткахъ шумить, такъ еще обернулся и погровился кулакомъ. .

А въ это время какъ разъ: динь, дин-нь...

Опять зазвонили на селѣ, на звонницѣ, самую полночь...

Х.

Мельникъ подошелъ къ своей мельницѣ, а мельница вся въ росѣ, и мѣсяцъ свѣтитъ, и лѣсъ стоитъ и сверкаетъ,

и бугай, проклятая птица, бухаетъ въ очеретахъ, не спить, будто поджидаетъ кого, будто кого выкликаетъ изъ омота...

Жутко стало мельнику Филиппу.

— Эй, Гаврило!—крикнулъ онъ на мельницу.

— У-у, у-у,—отозвался съ болота бугай, а на мельницѣ никто ни чи-чиркъ.

«Э, проклятый парубокъ! Опять помандровалъ къ дѣвкамъ...»—подумалъ мельникъ, и не захотѣлось что-то ему итти въ пустую мельницу. Хотя и привыкъ, а все-таки вспоминалось иной разъ, что подъ мельничнымъ поломъ, промежду сваями, не одни рыбы да ужи плаваютъ въ темной водѣ...

Онъ оглянулся къ городу. Тихо, свѣтло, туманъ чуть-чуть закурился надъ рѣчкой, что уплываетъ собѣ за лѣсъ, и не видно ея въ свѣтлой мглѣ... А на небѣ ни облачка...

Назадъ посмотрѣлъ и опять удивился, откуда въ его запрудѣ столько глубины: и для мѣсяца, и для звѣздъ, и для всего синяго неба...

Глядь, а въ водѣ по-надъ звѣздами будто комарикъ летить... Приглядѣлся,—выросъ комарикъ какъ муха, потомъ сталъ какъ воробей, какъ ворона, а вотъ ужъ какъ здоровый шулякъ.

— Чуръ тебѣ, пекъ тебѣ *)!—сказалъ мельникъ и, поднавъ глаза, увидѣлъ, что это не въ водѣ, а по воздуху летить что-то прямо къ мельницѣ.

— А бей тебя сила Господня! Это видно опять Ха-

---

*) „Щуръ тобі, пекъ тобі“—заклинаніе.

лупъ въ городъ поспѣшаетъ за добычей. Видишь ты, собачья вѣра, какъ залѣнился на этотъ разъ: полночь пробило, а онъ еще только въ дорогу собрался...

Онъ стоялъ такъ, съ задранною головой, а по воздуху, уже какъ орелъ, летѣло, кружась, облако и опускалось книзу; а изъ того облака что-то жужжало... такъ, какъ въ хорошемъ пчелиномъ рою, когда рой вылетитъ изъ пасѣвки поверхъ саду...

— А, опять у меня на плотинѣ отдыхать задумалъ? Видишь ты, какую себѣ моду завелъ. Погоди, поставлю на тотъ годъ «фигуру» (крестъ), такъ, небойсь, не станешь по дорогѣ, какъ папъ въ заѣзжіе дома, на мою плотину заѣзжать... Э, а что-жь это онъ такъ шумитъ, какъ змѣёкъ съ трещоткой, что ребята запускаютъ въ городѣ? Надо, видно, опять за яворомъ притаиться, да посмотреть.

Не успѣлъ отбѣжать къ яворамъ, поглядѣлъ кверху и чуть не крикнулъ отъ страха... Видать — гость уже близко падъ мельничною крышей, да еще въ рукахъ держитъ... Вотъ ни за что и не угадаете, что такое принесъ чертяка въ когтяхъ...

Жида Янкеля! Да, того самаго Янкеля, котораго годъ назадъ утащилъ, теперь приволокъ обратно. Держитъ Янкеля крѣпко за спину, а Янкель держитъ въ рукахъ большущій узелъ, завязанный въ простынѣ, и оба ругаются въ воздухѣ, да такъ шибко, будто десять жидовъ заспорили на базарѣ изъ-за одного мужика...

Камнемъ упалъ чортъ въ плотину. Еслибъ не мягкій узелъ, то, пожалуй, Янкелю не собрать бы и костей. Потомъ оба сразу вскочили на ноги и давай опять галдѣть.

— Ой-ой!... И что это за свинство,—закричал Янкель, — не можете вы полегче на землю спуститься!... Я думаю, у васъ въ рукахъ живой человѣкъ.

— Человѣкъ, да еще узелъ, чтобъ вамъ обоимъ провалиться сквозь землю!...

— Пхе! Чѣмъ вамъ мѣшаетъ мой узелокъ? Я его самъ держу, васъ не заставляю...

— Узелокъ! Цѣлая гора всякихъ бѣбеховъ. Насилу дотащилъ, у-ухъ! На это и уговора не было...

— Ну, а гдѣ это видано, чтобы человѣкъ ѣхалъ въ дорогу безъ вещей?... Везете человѣка, везите и вещи, это ужъ и безъ всякаго уговора можно понимать... Развѣ можно хозяину свое добро бросить?... Вы, я давно вижу, хотите обмануть бѣднаго Янкеля, такъ и придираетесь...

— А!... Кто тебя, лисицу, обманетъ, тотъ и трехъ дней не проживетъ. Я ужъ не радъ, что и связался...

— Вы думаете, я очень радъ, что познакомился и съ вами? Ой-вай, важный пуриць!... А вы лучше скажите мнѣ, какой у насъ уговоръ былъ. Ну, вы, можетъ, забыли, такъ я вамъ припомню: мы бились объ закладъ. Можетъ вы скажете: мы не бились объ закладъ? Вотъ это будетъ хоршее дѣло!

— Кто тебѣ говорить, что не бились? Развѣ я тебѣ сказалъ, что не бились?

— Ну, какъ же вамъ и сказать, что не бились, когда мы бились вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ. Можетъ, вы не помните о чемъ, такъ я сейчасъ припомню. Вы говорите: жида берутъ процентъ, жида спавняютъ народъ, жида жалѣютъ своихъ, а чужихъ не жалѣютъ, оттого всѣ

говорять, чтобъ ихъ черти взяли. Ну, можетъ, вы этого не говорили, а я, можетъ, вамъ не отвѣтилъ на это: вотъ тутъ стоитъ мельникъ за яворомъ. Еслибъ онъ жалѣлъ жиды, то крикнулъ бы вамъ: «Господинъ чортъ, кидайто,— у него жена, дѣти». Но онъ не крикнетъ... Разъ.

«Вотъ какъ угадалъ, подлый!» — подумалъ про себя мельникъ, а чортъ сказалъ:

— Ну, разъ!

— А еще я говорю, помните мое слово: какъ меня здѣсь не станеть, мельникъ откроетъ шинокъ и станеть разбавлять водку, а проценты онъ и теперь дереть какъ слѣдуетъ... Два!

— Ну, два,— подтвердилъ чортъ, а мельникъ поскребъ въ головѣ: «Какъ это онъ все могъ угадать, проклятый?»

— А еще я говорю: намъ чужіе желаютъ, чтобъ насъ черти взяли, это правда... А какъ вы думаете, еслибъ здѣсь сейчасъ были наши жидки, да увидѣли, чтò вы со мной хотите дѣлать,—какой бы они тутъ гевальт подняли, а? А объ мельникѣ черезъ годъ, кого ни спросите, свои братья скажутъ: а пусть его чортъ унесетъ... Три!

— Ну, три!... Я и не отрекаюсь.

— Вотъ это хорошій интересъ былъ бы, еслибъ вы еще отрекались. Какой бы вы были послѣ этого честный еврейскій чортъ? А вы лучше скажите, какой уговоръ?

— Я все исполнилъ: оставилъ тебя на годъ живымъ— разъ. Припешь сюда—два...

— А три? Что же будетъ три?

— Чего еще? Выиграешь закладъ, — отпущу тебя на всѣ четыре стороны.

— А убытки?... Развѣ вы не должны вернуть мнѣ убытки?...

— Убытки? Какіе-жь у тебя могутъ быть убытки, когда мы тебѣ дали торговать у насъ безъ всякихъ патентовъ цѣлый годъ?... Ну, что? Такой барышъ на землѣ въ три года не возьмешь... Смотри самъ: я тебя захватилъ отсюда въ одномъ лапсердакѣ, даже безъ патынковъ, а сюда какой ты узелъ приволокъ, а? Откуда же онъ взялся, если у тебя все были убытки?

— Ой-вай! Опять узломъ попрекаете!... Что я себѣ тамъ торговалъ, это мое счастье... Развѣ вы считали мой барышъ? А я вамъ скажу по правдѣ, что я отъ вашей торговли и тамъ взялъ чистый убытокъ, и тутъ, на землѣ, годъ потерялъ...

— Ахъ ты, ширлатанъ!—крикнулъ чортъ.

— Я ширлатанъ? Нѣтъ, это вы самъ ширлатанъ, шей-гицъ, лайдакъ, паршивецъ!...

Тутъ они опять заспорили такъ шибко, что уже нельзя было разобрать ни слова. Оба махали руками, оба трясли ермолками и поднимались на цыпочки, какъ два пѣтуха, готовые кинуться въ бой. Наконецъ, чортъ спохватился первый:

— А еще не извѣстно, кто выигралъ! Что мельникъ тебя не пожалѣлъ, это правда, а остальное еще посмотримъ, еще надо у людей спросить, можетъ, онъ и не подумалъ открыть шинокъ.

«Два открылъ! — почесался опять мельникъ. — Э, надо было хоть годикъ обождать, — остался бы Янкель въ дуракахъ, а то тутъ что-то такое неладное выходитъ...»

И онъ оглянулся на свою мельницу: нельзя ли тихонько, по-за мельницей, махнуть на село? Но въ это время въ лѣсу, за плотиной, слышались чьи-то перовые шаги и бормотанье. Янкель схватилъ на плечи свой узелъ и бѣгомъ побѣжалъ къ тѣмъ же яворамъ. Мельникъ едва успѣлъ спрятаться за толстую ветлу, какъ оба—и чортъ, и Янкель—были уже тутъ, а въ это время на концѣ плотины показался подсыпка Гаврило. Святка на Гаврилѣ драная, съ одного плеча спущена, шапка на боку, а босыя ноги все одна съ другой спорять: одной хочется направо, а другая, на зло, налѣво паровить. Одна опять въ свою сторону потянетъ, а другая такъ бѣднаго подсыпку къ себѣ кипеть, что вотъ-вотъ голова въ одно мѣсто улетитъ, а спина съ ногами въ другое. Такъ вотъ и идетъ бѣдный парень, выписывая по всей плотинѣ узоры, отъ одного края до другого, а впередъ что-то мало подвигается.

Видитъ чертяка, что подсыпка совсѣмъ пьянъ, вышель себѣ да сталъ посредицѣ плотины въ своемъ собственномъ видѣ. Извѣстно, съ пьяными людьми какая чорту церемонія!

— Здравствуйте, говорить, добрый человекъ! А гдѣ это вы такъ намалѣвались?...

Тутъ только мельникъ въ первый разъ замѣтилъ, какой Гаврило сталъ за годъ оборванпый и несчастный. А все оттого, что у хозяина заработаетъ, у хозяина и пропьетъ; денегъ отъ мельника давно уже не видалъ, а все забиралъ водкой. Подошелъ подсыпка вплоть къ самому чорту, уперся сразу обѣими ногами въ гать и сказалъ:

— Тпру-у-у... Вотъ бѣсовы ноги съ поровомъ какимъ! Когда надо, не идутъ, а какъ увидѣли, что у человѣка передъ самымъ носомъ торчитъ что-то, тутъ онѣ и пруть себѣ впередъ. А ты это чтò такое, я что-то не разберу никакъ...

— Я себѣ, съ позволенія вашего, чертяка...

— Ну-у? Брешешь, я думаю. Э!... А пожалуй, твоя правда. Таки и рога, и хвостъ,—все какъ слѣдуетъ. А пейсы по бокамъ морды зачѣмъ?

— Да я себѣ, не въ обиду вамъ сказать, жидовскій чортъ.

— А!... Вотъ видишь ты, какая чудасія. Расскажи я людямъ, что видѣлъ твою милость, такъ никто и не повѣритъ... Такъ это не ты ли въ прошломъ годѣ стараго Янвеля уволокъ?

— Ну, ну! Я самый.

— А теперь же кого? Меня, что ли? То я и закричу, ей-Богу закричу... Ты еще не знаешь, какая у меня глотка.

— Э, не кричи напрасно, добрый человѣкъ. На что ты мнѣ дался?...

— Можетъ, мельника? Позвать тебѣ, такъ я и позову. Э, нѣтъ, постой! А кто-жь у насъ шинковать станеть?

— А у него развѣ есть шинокъ?

— У него?... Нѣтъ, у него два: одинъ на селѣ, а другой при дорогѣ...

— Ха-ха-ха! Не оттого ли тебѣ мельника и жалко?

— Ой! какъ ты смѣешься здорово... Ха! Не такой я человѣкъ, чтобъ его пожалѣть!... Нѣтъ, не такъ сказала!...

Это онъ не такой человѣкъ, чтобъ я его пожалѣлъ. Онъ думаетъ, Гаврилко — дурень... Ну, это-таки правда: я себѣ не очень умный человѣкъ, не взыщите вы съ меня. А все-таки, когда ѣмъ, то въ чужой ротъ каши не кладу, а только въ свой. И какъ оженюсь, то для себя, а какъ не оженюсь, то опять для себя же. Правду я говорю, или нѣтъ?

— Правда оно—правда, ну, а только я не знаю, къ чему она клонить.

— Хе, можетъ, тебѣ не надо знать, то ты и не знаешь, а какъ мнѣ надо знать, то я и знаю, зачѣмъ онъ меня женить хочетъ. Ой, знаю я хорошо, даромъ что я не очень догадливый человѣкъ. Вотъ и тотъ разъ, какъ вы Янкеля схапали, я объ немъ пожалѣлъ: «кто-жъ теперь,—говорю хозяину,—у насъ шинковать будетъ?» А онъ и говорить: «Тю, дурень! Развѣ не найдется кому? А хоть бы и я вотъ!» Такъ и теперь: возьмете вы себѣ мельника, — найдется у насъ кому жидовать и безъ него... Ну, а я тебѣ, добрый человѣкъ... тѣфу, тѣфу, не взыщите, вапа милость! Вотъ же человѣкомъ назвалъ поганого чорта... Теперь я тебѣ вотъ что скажу: что-то мнѣ того, что-то спать хочется. Ты себѣ какъ хочешь... бери его себѣ самъ, а я пойду лягу, вотъ что, потому что я маленько нездоровъ. Вотъ и будетъ хорошо... Ага!...

Тутъ подсыпка опять сталъ заплетать ногами и насилу отперъ двери, какъ уже повалился и захрапѣлъ.

Чортъ весело засмѣялся и, ставъ на краю плотины, моргнулъ Янкелю подъ яворы:

— А кажется твоя правда, Янкель. Что-то выходить

похоже... Дай, однако, мнѣ какую одежину, я заплачу...

Янкель сталъ смотрѣть на свѣтъ какія-то шаровары, чтобы ошибкой не дать чорту новыхъ, а въ это время за рѣкой, по дорогѣ изъ лѣсу, показалась пара воловъ. Волы сонно качали головами, телѣга чуть-чуть поскрипывала колесами, а на телѣгѣ лежалъ мужикъ, Опанась Нескорый, безъ свитки, безъ шапки и сапоговъ, и во все горло оралъ пѣсни.

Добрый былъ мужикъ Опанась, да только бѣдняга очень водку любилъ. Бывало, только снарядится куда выѣхать а ужъ Харько у шинка сторожить и кличетъ:

— Не выпить ли тебѣ чарочку, Нескорый? Куда торопиться?

Онъ и выпьетъ.

Выѣдетъ послѣ того за село, черезъ плотину, а тамъ ужъ, у другого шиночка, самъ мельникъ кличетъ:

— А не выпьешь ли чарочку, Нескорый? Куда тебѣ поспѣшать?

Онъ и тутъ выпьетъ. Глядишь—и вернется домой, никуда не ѣздивши.

Да, добрый былъ мужикъ, а, видно, судьба ему судила пропадать гдѣ-нибудь промежду двумя шинками... А все-таки человекъ былъ себѣ веселый, и все, бывало, пѣсни поетъ. Вѣдь, бываетъ же у человека такой нравъ: весь проплется, и баба сердитая дома дожидается, а онъ какъ пѣсню или прибаутку сложилъ, такъ думаетъ, что горе избылъ. Такъ и теперь: лежитъ себѣ въ телѣгѣ и поетъ во все горло, что даже лягушки съ берега кидаются въ воду:

Волю мои крутороги
Идутъ по дорогѣ...
А меня не носятъ ноги, —
Ой, не носятъ ноги!
Продилъ свитку и чоботья,
И шапку съ затылка...
А у мельника въ шиночкѣ
Хороша горѣлка...

— Эй, а какая тамъ бѣсова тварюка посередь гати
стоитъ, что и воламъ не пройти?... Вотъ, когда бы не
лѣнь было мнѣ сойти съ воза, я-бъ тебѣ показалъ, какъ
посередь дороги становиться... Цобъ, цобъ, цоб-бе!...

— Постой на одну минуту, добрый человекъ, — сказалъ
чортъ сладкимъ голосомъ. — Мнѣ бы съ тобой потолковать
немного...

— Немного? Ну, толкуй, а то некогда. Пожалуй, въ
Каменкѣ шинокъ заперли, такъ и не достучишься... А
что ты скажешь, не знаю, какъ тебя назвать... Ну?

— О комъ это ты такую хорошую пѣсню пѣлъ?

— Спасибо, что похвалилъ. Пѣлъ я объ мельникѣ, что
вотъ тутъ на мельницѣ живетъ, а что хороша ли пѣсня
или нѣтъ, то лучше мнѣ знать, потому что я себѣ самъ
пою. Можетъ, кто отъ той пѣсни скачетъ, а кто и пла-
четъ, вотъ что... Цобъ, цобъ, цоб-бе! Да ты все еще
стоишь?

— Стою.

— Чего-жъ ты еще стоишь?

— Въ пѣснѣ твоей говорятся, что горѣлка у мельника
хороша?

— Вот ты какой... хитрый! Человѣкъ и пѣсню еще до конца не допѣлъ, а онъ ужъ придрался къ слову. Гдѣ ужъ у бѣса хороша!... Ты, видно, не слыхалъ поговорки: впередъ батька не лѣзь въ пекло, а то опередишь батька и того... нехорошо будетъ. Когда такъ, то я лучше тебѣ до конца спою:

А у мельника въ шинчкѣ
Хороша горілка...
Ой, горілки двѣ бутылки
И... воды бутылка...

— Ну, чтѣ, все стоишь? Чего-жь тебѣ, когда такъ, еще надо? Вотъ я сейчасъ вылѣзу-таки съ воза, посмотрю, долго ли ты настоишься вотъ тутъ, а?... Чтѣ ты себѣ подумаешь, если я начну тебя угощать батѣгомъ?...

— Сейчасъ, сейчасъ уйду, добрый человѣкъ. Только скажи еще: а чтѣ ты себѣ подумалъ бы, когда бы здѣшняго мельника чортъ забралъ, какъ и Янкеля?...

— А чтѣ мнѣ думать?—ничего и не подумаю... Таки, сказать по правдѣ, и схапаетъ когда-нибудь, непременно-таки схапаетъ. Э, да ты, вижу, все стоишь... Ну, вылѣзаю съ воза. Гляди, ужъ и ногу одну поднйль...

— Ну, ну! Поѣзжай себѣ, когда ты такой сердитый.

— Ушелъ ты?

— Ушелъ.

— Цобъ, цобъ, цоб-бе!

Опять волю закачали рогами, заскрипѣли ярма и запызы, и возъ покотился на другой конецъ гати, а Опанась запѣлъ свою пѣсню:

Волы мои крутороги,
Прибавляйте бѣгу!
Прошил мельнику колеса,
Пропью и телѣгу.

Колеса стукнули, съѣзжая съ гати, и пѣсня Опанаса стала затихать на горѣ.

Не успѣла еще стихнуть, какъ послышалась другая, изъ-за рѣки. Такъ и звенѣли, такъ и заливались женскіе голоса, сначала далеко, а тамъ уже и въ лѣсу. Видно, гдѣ-нибудь дожинали дѣвчата съ молодницами, а можетъ и отаву на дальнемъ покосѣ сгребали, а теперь шли себѣ поздною дорогой и пѣли, чтобы не страшно было лѣсомъ идти.

Чертяка разомъ шмыгнулъ къ Янкелю подъ вербы.

— А ну, давай же чего-нибудь поскорѣе!

Янкель ткнулъ ему какую-то рвань. Чортъ кинулъ ее на землю и ухватился за узелъ.

— А! что ты мнѣ даешь, какъ нищему, что стыдно будетъ и показаться. Давай получше!

Чортъ выхватилъ, что ему было нужно, мигомъ свернулись у него крылья, мягкія, какъ у нетопыря, мигомъ вскочилъ въ широкіе, какъ море, синіе штаны, надѣлъ все остальное, подтянулся поясомъ, а рога покрылъ смушковой шапкой. Только хвостъ высунулся поверхъ голенища и бѣгалъ по песку, какъ змѣя...

Вотъ послѣ этого чмокнулъ, топнулъ, подбоченился, поспунулся на-встрѣчу молодницамъ, — ни взять, ни дать, какой-нибудь добрый мѣщанинъ или подпанокъ изъ экономовъ, — и сталъ на серединѣ плотины.

А пѣсня все ближе, да все звончѣе,—ужь такъ и вѣсть по-надъ землей, да подъ яснымъ мѣсяцемъ, что кажется, весь свѣтъ разбудить середь ночи. Да вдругъ и оборвалась сразу...

Сыпнули молодицы изъ лѣсу, будто кто маковъ цвѣтъ изъ передника на землю просыпалъ,—увидѣли на плотникѣ хвостатаго щеголя и сбились въ кучу у конца гати.

— А что оно такое вонъ тамъ стоитъ?—спросила одна.

— Да это мельникъ,—говорить другая.

— Какой мельникъ,—и не похожъ!

— Можеть, подсыпка.

— Гдѣ у подсыпки такая одѣжа?...

— А отзовись ты, когда ты чтó доброе, — крикнула вдова Бучилиха, что, видно, была побойчѣе другихъ.

Чортъ издали поклонился и потомъ подошелъ поближе, выкидывая ногами и фигурой выкрутасы, какъ настоящій подпанокъ, что хочетъ казаться паномъ, и сказалъ:

— А не бойтесь, ласточки вы мои! Я себѣ человекъ молодой, а зла вамъ не сдѣлаю. Идите себѣ спокойно...

Молодицы и дѣвки взошли на гать, поталкивая одна другую, и скоро окружили чертяку... Э, не всегда-таки пріятно, какъ окружать человекъ десятокъ-другой вотъ такиихъ вострухъ и начать пронизывать быстрыми очами, да поталкивать одна другую локтемъ, да посмѣиваться. Чертяку стало-таки немного коробить да крючить, какъ бересту на огнѣ,—ужь и не знаетъ, какъ ступить, какъ повернуться. А онѣ все пересмѣиваютъ.

«Вотъ такъ его, такъ его, мои ласточки,—подумалъ про

себя мельникъ, глядя изъ-за корявой ветлы.—Вспомните, гáлочка моя, какъ Филиппо съ вами, бывало, пѣсни пѣлъ, да хороводы водилъ. А теперь вотъ какая бѣда: выручайте-жь меня, какъ муху изъ паутины». Еще, кажется, еслибъ его такъ пощипать хоть съ минуту, — провалился бы чертяка сквозь землю...

Но старая Бучилиха остановила дѣвчатъ:

— Цуръ вамъ, сороки! Совсѣмъ и парубка засмѣяли, что у него и носъ опустился книзу, руки-ноги обвисли... А скажи ты намъ, неборáче, кого ты тутъ надъ омутомъ дожидаться?

— Мельника.

— Пріятель ему, видно?

«Чтобъ такимъ пріятелямъ моимъ всѣмъ провалиться сквозь землю!»—хотѣлъ крикнуть Филиппъ, да голосъ не пошелъ изъ горла, а чертяка отвѣчаетъ:

— Не то, чтобы большой пріятель, а такъ себѣ: со- считаться за старое надо.

— А давно ты его не видалъ?

— Давненько.

— Ну, такъ теперь я не узнаешь. Добрый былъ когда-то парубокъ, а теперь ужъ такъ голову задралъ, что и кочергой до носа не достанешь.

— Ну?

— То-то... Не правду я говорю, дѣвоньки?

— А правда, правда, правда!—застрекотала вся стая.

— Тю! тите пемножко, — закричалъ чортъ, затыкая уши,—отъ лучше скажите, что это съ нимъ подѣялось и съ какихъ поръ?

— А съ тѣхъ поръ, какъ богачомъ сталъ.

— Да деньги сталъ раздавать въ лихву.

— Да шинокъ открылъ.

— Да мужа моего, Опанаса, съ проклятымъ Харьковъ такъ окрутилъ, что ужь мужику и ходу никуда, кромѣ кабака, не стало.

— Да и нашихъ мужей да батьковъ спонлъ всѣхъ дочиста.

— Ой, ой лихо намъ съ нимъ, съ проклятымъ мельникомъ!—заголосила какая-то и, вмѣсто недавной пѣсни, пошли надъ рѣкой вопли, да бабы причитанья.

Поскребъ-таки Филиппъ свой затылокъ, слушая, какъ за него заступаются молодицы. А чортъ, видно, совсѣмъ оправился. Смотрить искоса, да потираетъ руки.

— Э, это еще что!—звонко перекричала всѣхъ вдова Бучилиха.—А слыжали вы, что онъ надъ Галей надъ вдовиной задумалъ?

«Тьфу!—плюнулъ мельникъ.—Вотъ сороки проклятыя! О чемъ ихъ не спрашиваютъ, и то имъ нужно разсказать... И какъ онъ только узнали? То дѣло было сегодня на селѣ, а онъ ужь на покосѣ все дочиста знаютъ... Ну и бабы, зачѣмъ только ихъ Богъ на свѣтъ Божій выпускаетъ?...»

— А чтò бы такое надъ вдовиной дочкой мой пріятель затѣялъ?—спросилъ чортъ, глядя по сторонамъ такъ, какъ будто это дѣло ему не очень даже и любопытно.

И пошли тутъ сороки выкладывать, и выложили, одна передъ другой, все до-чиста.

Чортъ помоталъ головой.

— Ай-ай-ай! Вотъ это такъ ужь нехорошо! Этого ужь, я думаю, никто и отъ прежняго шинкаря Янкеля не видалъ.

— О, да гдѣ же такое жиду придумать?

— Вотъ еще!

— Вотъ вижу я, мои кралечки, мои зазуленьки, не очень-то вы моего пріятеля любите...

— А пускай же его всѣ черти полюбятъ, а отъ насъ не дождется...

— Ой-ой-ой! Вотъ, видно, не много вы ему добра желаете...

— Пускай его потрясетъ трясця (лихорадка)!

— Пускай лѣзетъ въ омутъ за дядькомъ!

— Э, пусть и его чертяка схпааетъ, какъ того Янкея!...

Всѣ засмѣялись.

— А правда твоя, Олено, потому что онъ хуже жиди.

— Жидъ, по крайней мѣрѣ, не ласоваль, оставляя хоть дѣвчатъ въ покоѣ, зналъ свою Сурку.

Чортъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Ну, спасибо вамъ, ласточки мои, за ваше привѣтливое слово... А не пора ли вамъ ужъ итти дальше?

А самъ откинулъ голову, какъ пѣтухъ, что хочетъ закричать на зарѣ погромче, и захохоталъ, не выдержалъ. Да захохоталъ опять такъ, что даже вся нечистая сила прокинулась на днѣ рѣчки и пошли надъ омутомъ круги... А дѣвки отъ того смѣха шарахнулись такъ, какъ стая воробьевъ, когда въ нихъ кинуть камнемъ: будто вѣтромъ ихъ сдуло сразу съ плотины...

Пошли у. мельника по шкурѣ мурашки и взглянулъ онъ на дорогу къ селу; «а какъ бы это, — думаетъ себѣ, — приударить и мнѣ хорошенько за дѣвками. Когда-то бѣгалъ не хуже людей». Да вдругъ и отлегло у него отъ

сердца, потому что, видить, опять идетъ къ мельничной гати человѣкъ, да еще не кто-нибудь, а самый его най-мать— Харько.

«Вотъ, кусни-ка этого,—подумаль онъ про себя,—авось зубы обломаешь. Это мой человѣкъ».

ХІ.

Наймитъ шель босикомъ, въ красной кумачной рубахѣ, съ фуражкой, безъ козырька, на затылкѣ, и несъ на палкѣ новенькіе Опанасовы сапоги, отъ которыхъ такъ и разило дегтемъ по всей плотинѣ. «Вотъ какой скорый!—подумаль мельникъ,—ужь и взялъ себѣ чоботы... Ну, да ничего это. На этого человѣка я крѣпко теперь надѣюсь».

Увидѣвъ на серединѣ плотины незнакомаго человѣка, наймитъ подумаль, что это какой-нибудь волочуга-грабитель хочеть отнять у него сапоги. Поэтому онъ остано-вился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Хапуна и сказалъ:

— Вотъ что: лучше и не подходи,—не отдамъ!

— Что ты, спохватись, добрый человѣкъ! Развѣ я самъ безъ сапогъ? Погляди, еще лучше твоихъ.

— Такъ что же ты тутъ выросъ ночью, какъ корявая верба надъ омутомъ?

— А я, видишь ли, хочу тебѣ задать одинъ вопросъ.

— Чудно! Загадку, что ли? Кто же это тебѣ разска-залъ, что я всякую загадку лучше всѣхъ разгадаю?

— Га! слыхаль-таки отъ людей.

Солдатъ поставилъ сапоги на-земь и, вынувъ кисеть, сталъ набивать себѣ трубочку. Потомъ выкресаль изъ

кремня огоньку и, раскуривая подь носомъ густое ку-рево, сказалъ:

— Ну, теперь вываливай: какія тамъ у тебя загадки?

— Да не то чтобы загадки, а такъ... Кто здѣсь, по-твоему, самый лучший человекъ?

— Я!

— Э, почему такъ?... Нѣтъ ли кого получше?

— Да ты спрашиваешь: какъ по-моему?... Ну, такъ я самъ себя ни за кого не отдамъ.

— Правда твоя. А мельникъ... какой человекъ?

— Мельникъ?...

Солдатъ выпустилъ изо рта такой клубъ дыма, какъ бѣлый конскій хвостъ на мѣсячномъ свѣтѣ, и искоса по-глядѣлъ на чорта.

— А вы, часомъ, не изъ акцизу?

— Нѣтъ.

— Можетъ, не при полиціи ли гдѣ служите... по ка-кой тайности?

— Да нѣтъ же!... Такой умникъ, а не умѣетъ отличить простого человека отъ непростого.

— Кто это тебѣ сказалъ?... Да я у тебя въ костяхъ и то все вижу... А что спросилъ, такъ это такъ себѣ, на всякій случай. Такъ ты говоришь: какой человекъ мель-никъ?

— Эге!

— Такъ себѣ человекъ: не высокій, не низкій... изъ небольшихъ середній.

— Э, не то ты говоришь!...

— Не то? А что бы такое еще тебѣ сказать?... Можетъ, хочешь знать, гдѣ у него бородавка?

— Ты, я вижу, любишь мордчить, а мнѣ некогда. Скажи по-просту: хорошій мельникъ человекъ или плохой?

Солдатъ опять пустилъ изо рта дѣлмый хвостъ дыму и сказалъ:

— А ты-таки скорый человекъ, любяшь кушать не разжевавши.

Чортъ выдушилъ глаза, а у мельника отъ радости запрыгало сердце.

«Вотъ языкъ, такъ языкъ, — подумалъ онъ. — А я еще сколько разъ желалъ, чтобъ онъ у него отвалился. Эге, вотъ и пригодился, — смотрите, какъ чертяку отбреетъ!...

— Любишь кушать не разжевавши, я тебѣ говорю! — строго повторилъ солдатъ. — Такъ тебѣ и скажи: хорошій человекъ или нѣтъ? Для меня, вотъ, всякій человекъ хорошъ. Я, братъ, изъ всякой печи хлѣбъ ѣдалъ. Гдѣ бы тебѣ подавиться, а я и не понерхнусь!... Э, что ты себѣ думаешь: на дурака напалъ, что ли?

«Вотъ такъ, вотъ-таки такъ его, — сказалъ про себя мельникъ и даже подпрыгнулъ отъ радости. — Я не я буду, когда у него чортъ черезъ полчаса не стаметь глупѣе овцы! Я на крылосѣ читаю, что никто слова не поймаешь... такъ оттого, что скоро. А онъ вотъ и тихо говорить, а поди-ка пойми, что сказалъ...»

Дѣйствительно, бѣдный чертяка заскребъ въ головѣ такъ сильно, что мало не стянулъ шапки.

— Постою-ка, служба, — сказалъ онъ. — Что-то, видится, мы съ вами ѣдемъ-ѣдемъ, да не доѣдемъ. Не въ тотъ переулочекъ завернули...

— Не знаю, какъ ты, а я изъ всякаго переулка выйду.

— Да вѣдь я у васъ спрашиваю: хорошій мельникъ человекъ или нѣтъ, а вы куда меня завезли?

— А дай же я у тебя спрошу: вода хороша, али нѣтъ?

— Вода?... А чѣмъ же плоха?

— А когда есть квасъ, тогда отъ воды отвернешься,— нехороша.

— Пожалуй, нехороша.

— А когда стоитъ на столѣ пиво, такъ тебѣ и квасу не надо.

— Вотъ и это правда.

— А поднеси чарочку горѣлки, и на пиво не поглядишь?

— Такъ-то оно такъ...

— Вотъ то-то и оно-то!

Чорта ударило въ потъ и изъ-подъ свитки хвостъ у него такъ и забѣгалъ по землѣ,—даже пылъ поднялась на плотинѣ. А солдатъ уже вскинулъ палку съ сапогами на плечи, чтобъ итти далѣе, да въ это время чертяка догадался, чѣмъ его взять. Отошелъ себѣ шага на три и говорить:

— Ну, идите, когда такъ, своею дорогой. А я тутъ обожду: не пойдеть ли, случаемъ, солдатъ Харитонъ Трегубенко.

Солдатъ остановился.

— А тебѣ на что его?

— Да такъ!... Говорили, солдатъ Трегубенко — умный человекъ: можетъ ввести и вывести. Я и подумалъ, не вы ли это сами будете. А вижу, нѣтъ! Съ вами путаетесь кругомъ, а на дорогу никакъ не выѣдешь...

Солдатъ поставилъ сапоги на-земь.

— А ну, спроси у меня еще.

— Э, чтѣ тутъ и спрашивать!

— А ты попробуй.

— Ну, вот что. Скажи мнѣ: кто былъ лучше — Янкель шинкарь или мельникъ?

— Вотъ такъ бы и говорилъ сразу, а то не люблю такихъ людей, что подлѣ самага мосту ищутъ броду. Иному человѣку лучше десять верстъ исколесить проселками, чѣмъ одну версту прямою дорогой. Вотъ и я тебѣ сейчасъ все толкомъ, по пунктамъ, какъ говорится, скажу: у Янкеля былъ шинокъ, а у мельника—два.

«Э, что-то ужъ и не такъ заговорилъ, — подумалъ съ горестью мельникъ.—Пожалуй, объ этомъ лучше бы и не заговаривать...»

А солдатъ говорить дальше:

— У Янкеля я ходилъ въ лаптяхъ, а тутъ у меня и сапоги выросли...

— А откуда они выросли?

— Хе, откуда!... Въ нашемъ дѣлѣ все такъ, какъ въ колодцѣ съ двумя ведрами: одно полнѣетъ, другое пустѣетъ,—одно идетъ кверху, другое книзу. У меня были лапти,—стали сапоги. А погляди ты на Опанаса Нескораго: былъ въ сапогахъ, теперь сталъ босой, потому что дурень. А къ умному ведро приходитъ полное, уходитъ пустое... Понялъ?

Чортъ слушалъ внимательно и сказалъ:

— Постой! Кажется, подѣзжаемъ помаленьку, какъ разъ, куда надо.

— То-то! Я про то и сразу тебѣ говорилъ: назови ты мнѣ Янкеля хоть квасомъ, такъ мельникъ будетъ пиво, а еслибъ ты подаль мнѣ добраго вина, то я бы и отъ пива отступился...

У чорта кончикъ хвоста такъ рѣзко забѣгалъ по плотинѣ, что даже Харько замѣтилъ. Онъ выпустилъ клубъ дыму прямо чорту въ лицо и будто нечаянно прищемилъ хвостъ ногою. Чортъ подпрыгнулъ и завизжалъ, какъ здоровая собака; оба испугались, у обоихъ раскрылись глаза, и оба стояли съ полминуты, глядя другъ на друга и не говоря ни одного слова.

Наконецъ, Харько посвисталъ по-своему и сказалъ:

— Эге-ге-ге-е! Вотъ штука, такъ штука...

— А вы какъ думали?—отвѣтилъ чортъ.

— Вотъ вы какая птица!

— А вотъ, какъ меня видите...

— Такъ это вы значить того... въ прошломъ годѣ?...

— Ага!

— А теперь... за нимъ?

— Ну-ну... Чтò скажете?

Харько затынулся, пыхнулъ дымомъ и отвѣтилъ:

— Бери! Не заплачу... Я человекъ бѣдный, мое дѣло—сторона. Сяду себѣ съ люлькой у шинка, буду третьяго дожидаться.

Чертяка опять захохоталъ, а солдатъ закинулъ сапоги на спину и пошелъ скорымъ шагомъ. А какъ проходилъ мимо купы яворовъ, то мельникъ слышалъ, что онъ бормочетъ:

— Вотъ оно чтò: одного унесъ, за другимъ прилетѣлъ... Ну, моя хата съ краю!... Засваталъ чортъ жида,—мельнику досталось приданое; теперь сватаетъ мельника, а приданое—мнѣ. Солдатъ кому ни служить, ни о комъ не тужить. Выручка на рукахъ,—пожалуй, можно и самому за дѣло приняться. Не станетъ теперь Харька Тре-

губенка, а будетъ Харитонъ Ивановичъ Трегубовъ... Только ужъ я не дуракъ: ночью на плотину меня никакими коврижками не заманишь...

И сталъ подыматься на гору.

Оглянулся мельникъ кругомъ: а кто-жь ему теперь поможетъ?—нѣтъ никого. Дорога потемнѣла, на болотѣз квакала сонная лягушка, въ очеретахъ бухнулъ сердито бугай... А мѣсяцъ только краемъ ока выглядываетъ изъ-за лѣса: «а что-то теперь будетъ съ мельникомъ Филиппомъ?...»

Глянулъ, моргнулъ и ушелъ себѣ за лѣса...

А на плотинѣ чортъ стоитъ, за бока держится, хочеть. Дрожить отъ того хохота старая мельница, такъ что изъ щелей мучная пыль пылеть, въ лѣсу всякая лѣсная нежить, а въ водѣ водяная — проснулись, забѣгали, показывается кто тѣнью изъ лѣсу, кто неясною марой на водѣ; заходилъ и омутъ, закурился-задымился бѣлымъ туманомъ, и пошли по немъ круги. Глянулъ мельникъ — и обмеръ: изъ-подъ воды смотреть на него синее лицо съ тусклыми, неподвижными глазами и только длинные усы шевелятся, какъ у водяного таракана. Точь-въ-точь дядько Омелько выплываетъ изъ омута прямо къ яворамъ...

Жидъ Янкель давно уже пробрался тихонько на плотину, поднялъ одѣжу, которую скинулъ съ себя чортъ, и, шмыгнувъ подъ яворы, наскоро завязалъ узелъ. Не говорить уже ничего объ убыткахъ; да скажу вамъ, тутъ на всякаго человѣка напала бы робость. Какіе ужъ тутъ убытки!... Вскинулъ узелъ на плечи и тихонько зашлѣпалъ себѣ по тропинкѣ за мельницей, въ гору, за другими...

Пустился и мельникъ на свою мельницу,—хоть запелетъ, да разбудить подсыпку. Только вышелъ изъ-подъ

яворовъ, а чортъ — къ нему. Филиппъ отъ него, да за дверь, да въ каморку, да поскорѣе засвѣчать огни, чтобы не такъ было страшно, да упалъ на полъ и давай голоситъ во весь голосъ, — подумайте вотъ!— совсѣмъ такъ, какъ жида въ своей школѣ...

А тотъ ужъ летаетъ-вьется надъ крышей, да въ оконце свою любопытную харю суетъ, да крыломъ бьетъ въ стекло,—не знаетъ, куда пробраться, чтобы захватить себѣ лакомый кусокъ...

Вдругъ—шашть... Хлопнулось что-то объ полъ, будто здоровенная кошка упала. Это проклятый въ трубу влетѣлъ, ударился, подскочилъ... И слышитъ мельникъ: сидитъ уже на спинѣ и запускаетъ когти.

Ничего не подѣлаешь!...

Шашть опять... Потемнѣло въ глазахъ, поволокъ мельника по темному, да тѣсному мѣсту; посыпалась глина, сажа поднялась тучей и вдругъ... Вотъ уже труба внизу вмѣстѣ съ мельничною крышей, которая становится все меньше и меньше, будто и мельница, и плотина, и яворы, и омутъ падаютъ куда-то въ пропасть... А въ тихой мельничной запрудѣ, что лежитъ внизу гладкая, точно на тарелкѣ, виднѣется опрокинутое небо, и звѣзды мигаютъ себѣ тихонечко, вотъ какъ всегда... И еще видитъ мельникъ: въ той синей глубинѣ, перекрывая звѣзды, летитъ будто шулякъ, потомъ будто ворона, потомъ будто воробей, а вотъ ужъ какъ большая муха...

«А это-жъ онъ меня выволокъ такъ высоко,—подумалъ мельникъ.—Вотъ тебѣ, Филиппо, и доходъ, и богатство, и шинки, и роскошь. А нѣтъ ли тамъ гдѣ крещеной души, чтобы крикнула: «Кинь, это мое!»?»

Нѣтъ никого! Прямо подь нимъ спать себѣ мельница, и только изъ омота огромная усатая рожа утопшаго дядьки Омелька глядитъ стеклянными глазами и тихо смѣется, и моргаетъ усомъ...

Дальше, на гору подымается жидь, сгорбившись подь тяжелымъ бѣлымъ узломъ. Въ половинѣ горы Харько стоитъ и, покрывъ ладонью глаза, смотреть въ небо. Э, не подумаетъ опъ выручать хозяина, потому что вся выручка отъ шинка остается на его долю.

Вотъ разсѣянная стайка дѣвчатъ обогнала уже Опана-са Нескораго, съ его волами. Дѣвчата летятъ какъ сума-шедшія, а Нескорый хоть и глядитъ прямо въ небо, ле-жа на возу, и хоть душа у него добрая, но глаза его темны отъ водки, а языкъ какъ колода... Некому, некому крикнуть: «Кинь, это мое!»

А вотъ и село. Вотъ запертый шинокъ, спящія хаты, садочки; вотъ и высокія топдлі, и маленькая вдовина избушка. Сидитъ на завалепкѣ старая Прися съ дочкой и плачутъ, обнявшись... А что-жь опѣ плачутъ? Не оттого ли, что завтра ихъ мельникъ прогнать изъ родной хаты?

Сжалось у мельника сердце. Э, пусть хоть эти не помипають мепя лихомъ! Собрался съ духомъ и крикнуть:

— А не плачь, Галю, не плачь, небдго! Ужь прощаю вамъ всѣ долги и съ процентами... Ой, лихо мпѣ, хуже вашего: волочетъ меня нечистый, какъ паукъ маленькую мушку...

Видно, чутко дѣвичье сердце... Гдѣ бы, кажется, услы-хать на такомъ дальнемъ разстояніи, а Галя, все-таки, дрогнула и подняла кверху черныя, заплаканныя очи...

— Прощайте вы, карія оченята, — вздыхаетъ мельникъ, да вдругъ видитъ: схватилась дѣвушка руками за грудь, да какъ набереть воздуха, да какъ крикнетъ:

— Кинь, проклятая чертяка! Кинь, это мое!

Точно цѣпомъ, съ большого размаху, рѣзнуло чертяку по ушамъ: встрепенулся, распустились когти, и понесся Филиппъ книзу, какъ перышко, поворачиваясь съ боку на бокъ.

Летить, а чертяка, какъ камень, за нимъ. Только долетить и придержитъ мельника, а Галя опять:

— Кинь, проклятый, — мое!

Онъ и отпустить, а мельникъ опять полетитъ, да такъ до трехъ разъ, а уже внизу и багно (болото), что между селомъ и мельницей, разстилается все шире, да шире.

Тар-рахъ! Ударился мельникъ въ мягкое багно со всего размаха, такъ что мочага вся колыхнулась, будто на пружинахъ, да снова мельника сажени на двѣ кверху и подкинула. Упалъ опять, схватился на ровныя ноги, да бѣгомъ-лѣтомъ, да черезъ спящаго подсыпку, да чуть не вышибъ съ петлями дверей — и ну подъ гору во всѣ лопатки чесать босикомъ... Самъ бѣжить и только вскрикиваетъ, — все ему кажется, вотъ-вотъ чертяка на него полетитъ.

Добѣжалъ до крайней избы, да черезъ тынъ лѣтомъ, да въ двери, да сталъ середъ вдовиной избы и тутъ только опомнился:

— А вотъ я и у васъ, слава Богу!

XII.

Вотъ вы подумайте себѣ, добрые люди, какую штуку устроилъ: рано поутру, ещё и солнце только - что думаетъ всходить, и коровъ еще не выгоняли, а онъ безъ шапки, простоволосый, да безъ сапоговъ, босой, да весь росхристаный ввалился въ избу къ двумъ незамужнимъ бабамъ, ко вдовѣ съ молодою дочкой! Э, что тамъ еще безъ шапки: слава Богу, что хоть чего другого не потерялъ по дорогѣ, тогда бы ужъ навѣки бѣдныхъ бабъ осрамилъ!... Да еще и говорить: «А слава-жь Богу! Вотъ я и у васъ».

Старуха только руками всплеснула. А Галя соскочила въ одной сорочкѣ съ лавки, да поскорѣе запаску на себя, да плахту, да къ мельнику:

— Ты что это, злодѣй, дѣлаешь? Опился, что ли, своей хаты не нашель, въ нашу вотъ такой ввалился, а?

А мельникъ стоитъ противъ нея, глядитъ пріятно, хоть и выпучивши маленько глаза, и говорить: «ну, бей себѣ сколько хочешь».

Она его—разъ!

— Бей еще!

Она его и два.

— Вотъ такъ. Можетъ, еще дашь?

Она и три. Да тутъ видить, что ему ничѣмъ-ничего, стоитъ себѣ и глядитъ на нее пріятнымъ окомъ, всплеснула руками и заплакала.

— Ой, лихо мнѣ, бѣдной сиротинкѣ, кто за меня заступится!... Ой, и что-жь это за человекъ такой! Мало ему, что обманулъ меня, молодую, что въ туредку въру

хотѣлъ сманить, такъ еще и славу на меня, сироту, навелъ, на все село осрамилъ. А теперь вотъ поглядите на него добрые люди: я его уже три раза ударила, а онъ хоть бы повернулся. Ой, и что-жъ мнѣ еще съ такимъ человѣкомъ дѣлать, научите меня! Я-жъ и не знаю уже...

А мельникъ спрашиваетъ:

— Ну, будешь еще бить или нѣтъ, говори прямо? Не будешь, такъ я ужъ на лавку сяду,—усталь.

У Гали опять-было заходили руки, да старуха догадалась первая, что тутъ что-то дѣло не очень простое, и говорить дочери:

— Погоди ты, дочка! Что ты, ничего хорошенько не спросивши, такъ прямо ладонями и плещешь по чужой щекѣ. Не видишь развѣ, парубокъ что-то съ глузду съѣхаль (помѣшался). А скажи, небораче, откуда ты такой сюда ввалился, да еще говоришь: «Слава Богу, вотъ я и у васъ!»—когда тебѣ тутъ не надо бы и быть?...

Мельникъ протеръ глаза и говорить:

— Вотъ, скажите вы мнѣ, тетушка, по совѣсти: что, я сплю, или я по свѣту хожу? А со вчерашняго вечера прошла одна ночь, или цѣлый годъ, да я-жъ теперь къ вамъ со своей мельницы, или съ неба свалился?

— Тю! перекрестись ты, человѣче, лѣвою рукой! И что ты это такое несешь языкомъ, а? Видно, тебѣ приснилось!

— Не знаю, пани-матко, не знаю, самъ ужъ ничего не знаю...

Сѣлъ-было на лавку у окна, глядь—за окномъ, мимо хаты, по холодочку плетется шинкаръ Янкель съ огромнымъ узломъ на спицѣ. Мельникъ вскочилъ на ровныя ноги, показываетъ бабамъ въ окно и говорить:

— Это кто идетъ, а?

— Да это-жь нашъ Янкель.

— А что онъ несетъ?

— Узель изъ городу.

— Такъ какъ же вы говорите, что мнѣ приснилось? Да вѣдь вотъ и жидъ воротился. Я его сейчасъ видѣлъ у мельницы, съ этимъ самымъ узломъ.

— А почему-жь бы ему и не воротиться?

— Да вѣдь его въ томъ году чортъ уволокъ—Хапунъ.

Ну, однимъ словомъ сказать, было тутъ много дива, какъ сталъ мельникъ рассказывать все, что съ нимъ случилось. А, между тѣмъ, противъ хаты, на улицѣ, уже и народъ началъ набираться, да заглядывать въ окна, да судачить:

— Вотъ, говорятъ, это штука, такъ ужь штука: мельникъ простоволосый, да рохристанный, безъ сапоговъ и безъ шапки, черезъ поле прямо ко вдовѣ придралъ и сидитъ теперъ въ хатѣ.

— Эй! скажи ты намъ, добрый человѣкъ, а къ кому ты это такой нарядный бѣгаешь: къ старой Присѣ или, можетъ, къ молоденькой Галѣ?...

Ну, тутъ, я думаю, сами вы ужь догадались, что такую славу на бѣдную дѣвушку навести напрасно пельзя. Пришлось мельнику жениться. Да и самъ Филиппъ признавался мнѣ не одинъ разъ, что Галю вдовину всегда любилъ, а послѣ той ночи, какъ побывалъ въ когтяхъ у нечистой силы, да Галя его вызволила, — такая она ему стала приятная, что ужь его бы никто и палкой отъ нея не могъ отогнать.

Живутъ теперъ на мельницѣ и ужь дѣтвору навели. А

о пинкѣ мельникъ больше не думалъ и процентовъ не бралъ. И когда, бывало, при немъ станеть кто толковать, чтобы спровадить жида Янкеля къ чортовой матери изъ села, онъ только рукой махнетъ.

— А шинокъ,—спрашиваетъ у такого человѣка,—какъ вы думаете, останется?

— А шинокъ останется,—куда-жь его дѣвать!

— А кто-жь въ немъ сидѣть будетъ?... Можетъ, часомъ, вы не сядите ли?

— А что-жь, пожалуй, и я бы сѣлъ...

Такъ онъ, бывало, только свиснетъ...

XIII.

Да, такъ вотъ какая исторія случилась съ мельникомъ,—такая исторія, что и до сихъ поръ никакъ не разберешь: было это все, или этого вовсе-таки не было. Если сказать—брехня, такъ не такой мельникъ человѣкъ, чтобы брехать. Да и подсыпка Гаврило тожѣ еще живетъ на мельницѣ, и хотъ самъ признается, что здѣрово былъ пьянъ въ эту ночь, а все-таки помнитъ хорошо, какъ мельникъ ему самъ двери отворялъ, и еще Гаврило замѣтилъ, что у хозяина лицо бѣлѣе муки. И Янкель пришелъ на зарѣ, и Опанась прѣхалъ домой босой и пьяный... Значить, и присниться все это мельнику—не приспилось.

Ну, а опять же и то взять: какъ же оно могло быть, когда для этого всего пужно цѣлый годъ, а мельникъ на другое утро уже къ Галѣ прибѣжалъ босикомъ: еще люди видѣли и дивились, что такая за нужда мельнику во всѣ лопатки, босому, къ дѣвкѣ черезъ поле бѣжать.

Э, лучше ужь, я думаю, и не разбирать этого дѣла. Было оно тамъ, или не было, а только вотъ что я вамъ, отъ себя уже, скажу: можетъ, есть у васъ гдѣ-нибудь знакомый мельникъ, или хоть не мельникъ, да такой человекъ, у котораго два шинка... Да еще, можетъ, жидовъ ругаетъ, а самъ обдираетъ людей какъ липку, — такъ прочитайте вы тому своему знакомому вотъ этотъ рассказъ. Ужь я вамъ поручусь, дѣло пробованное, бросить опъ, можетъ, своего дѣла не бросить, — ну, а вамъ чарку водки поднесетъ и, хоть на этотъ разъ, водой ее не разбавить.

Ну, а есть и такіе люди (это тоже дѣло виданное), что какъ выслушаютъ эту исторію, такъ и начнутъ лаяться на тебя, какъ собаки. Такъ я такимъ скажу вотъ что: лаяйтесь себѣ, сколько охота, а только я вамъ посовѣтую по правдѣ: берегитесь, какъ бы не случилось чего съ вами, какъ съ мельникомъ.

Потому что, видите ли, пово-каменскіе люди не разъ послѣ того видѣли того самаго чертяку: съ тѣхъ поръ, какъ попробовалъ мельника, уже не хочетъ вернуться къ себѣ безъ хорошей добычи... Летаешь, какъ отставшая птица, и все высматриваетъ...

Такъ вотъ, добрые люди, берегитесь вы немного, какъ бы не случилось съ вами чего недобраго...

А пока что, прощайте! Если рассказалось что не такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, — не взыщите съ меня, простого человекъ...

1890 г.

FEB 2 - 1940

